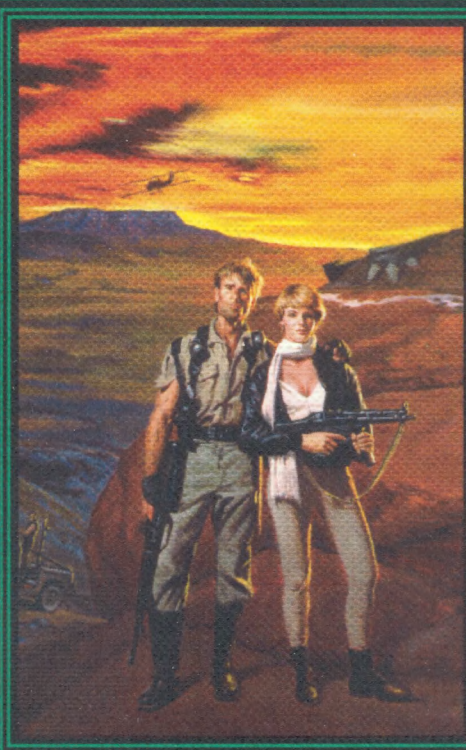

А. АБРАМОВ
С. АБРАМОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ
ВАРИАНТ

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АБРАМОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ
ВАРИАНТ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1997

АЛЕКСАНДР АБРАМОВ
СЕРГЕЙ АБРАМОВ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ

РОМАНЫ
ПОВЕСТЬ

ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 84.Р7
А16

Серия
«Классическая библиотека
приключений и научной фантастики»

*Иллюстрация на обложке
печатается с разрешения художника
и агентства Fort Ross Inc.*

Иллюстрации художника В.А. Долгова

© Торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997

Художественное оформление серии

© торгово-издательское объединение «Центрполиграф», 1997

ISBN 5-218-00360-3

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ

РОМАН

Глава 1

СИЛЬВЕРВИЛЛЬ

За несколько дней до нашего автомобильного путешествия я встретил приехавшего в гости Дональда Мартина и почти одновременно получил из Ленинграда письмо от Зернова, в котором он сожалел, что не может оставить работу в научно-исследовательском институте и принять участие в поездке к Черному морю.

Вдвоем с Доном мы выехали из Москвы, и уже через сутки спираль Симферопольского шоссе, пробежав среди бледно-зеленых виноградников, вынесла нас к морю. До самого горизонта оно было темно-синим, как в цветном телевизоре, — будто размытая чуть влажной кистью берлинская лазурь. Церковь, только что «висевшая» над нами, прилепившись к скале, вдруг оказалась сбоку, отороченная кустарником, растущим прямо на камнях.

— Остановимся? — предлагаю я сидящему рядом Мартину, заметив крохотную лужайку между парой приютивших ее разлапистых крымских сосен.

Мартин, все еще критически относящийся ко мне как водителю, охотно соглашается, и, оставив «Жигули», мы располагаемся тут же, на запыленной траве, у откоса дороги. Достая боржом, лимонный сок и термос со льдом, упакованные в целлофан бутерброды.

— Красота! — говорит Мартин, оглядываясь.

Я бросаю взгляд вниз — и застываю с открытым ртом. У Мартина выпучены глаза, словно он увидел чудо. Чудо и есть. Мы видим не зеленые террасы виноградников,

не асфальтовый серпантин дороги, а плоский песчаный берег, вздутые дюны, поросшие невысоким корявым кустарником.

— Альгарробо, — произносит наконец Мартин. — Как в Перу.

— Мы не в Перу.

— А это Крым, по-твоему?

Нет, это не Крым. Крымские пляжи — галька. А здесь песок. Крупнозернистый и красный. Евпатория? Не похоже. Справа горы, только низкие и волнистые, вроде севастопольских. Однако и Севастополем здесь не пахнет. Город виден слева у берега, издали напоминающий мазню абстракционистов: черно-белые мазки, рыжие плеши. Ни высокого здания, ни башенки.

— Я одного боюсь, Юри, — тихо говорит Мартин. — Очень, очень боюсь.

Я как будто догадываюсь, но все же спрашиваю:

— Чего?

— Мы опять там, Юри.

— Где?

— Зря притворяешься. Сам знаешь.

— Не тот город, — сопротивляюсь я. — И море неизвестно откуда.

— Город, может быть, и другой. Но ведь Река куда-то впадала? В это море, наверно. Вот у моря и построили. — Мартин повертел головой. — И машины твоей, кстати, нет.

Машины действительно нет. Ни близко, ни далеко. Мы сидим, поджав ноги, на голой песчаной пустоши.

— То, что машины нет, — к лучшему, — говорит Мартин. — Какие бы авто ни ходили по здешним дорогам, твои «Жигули» всех удивят.

— Пешком придется тащиться до города, — вздыхаю я.

— Миль десять, — уточняет Мартин.

Унылый пейзаж. Ни души вокруг.

— Тогда лучше было. Вчетвером веселее.

— На кой черт понадобилась опять эта метаморфоза?

Даже спокойный Мартин раздражается. В самом деле, зачем хозяевам этого мира понадобился новый эксперимент? Только потому, что мы с Мартином снова оказались вместе?..

Нехотя встали, стряхивая песок с джинсов.

— В таком виде и пойдем?

— Одежда у нас вневременная и вненациональная — штаны да рубаха. Сойдет.

Идти тяжело. Жара немилосердная. Сквозь серые облака палит невидимое солнце. Духота сильнее, чем в Крыму, и духота влажная, как в парной бане.

Первый же человек, которого мы встречаем на протопанной по песчаному побережью дорожке, одет не лучше нас: в рыжей рубахе и неопределенного цвета пыльных штанах, заправленных в грубые, зашнурованные до икр ботинки. Наши джинсы не привлекают его внимания. Он, лениво покуривая вполне земную сигарку, скрученную из табачного листа, сидит под желтым большим зонтом у столика с нехитрой снедью, прикрытой грязной прозрачной сеткой. Под ней пирожки с неведомой начинкой, что-то похожее на овечий сыр и колбаса подозрительного оттенка, над которой кружатся тоже вполне земные мухи. Сбоку на столе — открытая коробка, где видны мелкие медные монеты.

— Почему пирожки? — спрашивает Мартин.

— С ума сошел, — говорю я, — неужели будешь есть эту дрянь?

— Почему дрянь? — обижается продавец. — Пирожки свежие, со свиной тушенкой.

Разговор, как и ранее в «раю без памяти», ведется на английском языке, который я знаю лучше, чем Мартин русский.

— Я спрашиваю, почему? — повторяет Мартин.

— Пять сантимов, как и везде, — отвечает продавец.

Я с ужасом соображаю, что никаких сантимов у нас нет и взять их нам неоткуда, но Мартин небрежным жестом как ни в чем не бывало бросает на стол советский полтинник.

— Двадцать пять франков! — восклицает продавец и, не разглядывая монету, прячет ее в ящик стола. — Берите пирожки, джентльмены, а я сейчас дам вам сдачу.

Он достает из стола кулек с серебром и медяками, отсчитывает горсть монет, похожих на пятиалтынные, гривенники и пятаки, и кланяется чуть ли не в пояс.

Я с опаской поглядываю на него.

— Пошли скорее, пока он не разглядел твоих «франков».

— Мне почему-то кажется, что он удовлетворился размером и весом монеты.

— Откуда у тебя оказался полтинник?

— У меня их еще два. Получил в московских кассах. Почти семьдесят пять франков — считай, что мы богачи.

— А вдруг влипнем?

— Кое-какая мелочь у нас уже есть. Судя по сдаче, у них должно быть сто сантимов во франке.

— Что-то не похоже на прежнее время. И счет другой, и монеты другие.

Нас обогнали два велосипедиста в коротких штанах и чулках до колен и несколько верховых в широкополых фетровых шляпах, какие я видел у ковбоев в американских вестернах. На грубые башмаки были надеты шпоры с острым колесиком.

Облака уже рассеялись, и солнце палит все сильнее. Мы входим в город. Он чем-то похож на придорожные американские города. Одноэтажные, то каменные, то обшитые досками здания. На некоторых — деревянные или грубо намалеванные изображения булок и бубликов, шляп и ботинок, бутылок с винными этикетками. Никаких тротуаров и мостовых на окраинах, выложенные камнем тихие переулочки там, где дома побогаче, церкви с распятием на паперти и салуны с крытым широким крыльцом. По улице навстречу мчатся желтые пылевые вихри, из них вырастают верховые, запряженные парой или четверкой лошадей экипажи, напоминающие старинные ландо и фиакры, велосипедисты, рикши.

Пешеходов почти не видно. На крылечках под вывесками сидят старики, провожающие нас любопытными взглядами. Иногда оборачиваются и пассажиры открытых фиакров.

— Почему они так смотрят? — удивляется Мартин.

— Как смотрят?

— Как тот продавец, когда мы подошли.

— Не догадываюсь...

— Может, здесь не ходят без шляп?

— Что за вздор.

— Вздор не вздор, а купить будет нелишне. Да и с торговцем поговорим. Вон шляпа из бересты над дверью лавки.

Мы входим. Старик продавец с клочками седины в бороде встречает нас у прилавка. Над прилавком на крючках висят шляпы разных фасонов. Есть даже цилиндры — серые, черные и лиловые.

— Пару шляп, — говорит Мартин.

Продавец критически оглядывает наши пропыленные штаны и рубахи.

— Ношенных или новых? — спрашивает он и зеваает.

Пожалуй, при наших капиталах лучше приобрести ношенные.

— Полтора франка за пару, — лениво говорит продавец. — А вы, должно быть, не здешние, новички в Сильвервилле?

Итак, город называется Сильвервиллем. Что-то новенькое. Да и там ли мы, куда забросило нас прошлым летом? Я решаю «прощупать» аборигена.

— Путешествуем, — поясню я. — Пешком, на пари. — И тут же пугаюсь: вдруг он не знает, что такое пари. Но продавец не удивляется, и я продолжаю: — А у вас в городе мы действительно новички. Шумно здесь...

— Порт, — подтверждает продавец, — с тремя причалами. Один для речных пароходов из Вудвилля — откуда до Города по железной дороге рукой подать, два других для рыбацких баркасов и шхун — рыбу привозят. Ее здесь уйма. Тут же и засолка, и копчение, и погрузка. Конечно, это — не Город. Город один — столица. А Сильвервилль лучше назвать городком. Ну а Ойлер и Вудвилль — городишками.

— Ойлер — это на востоке? — интересуется Мартин.

— На побережье к северу. Жилье нефтяников и газовщиков. Оттуда — газопровод и железная дорога к Городу. А в самый Ойлер лучше и не заходить — нефтеперегонная фабрика, жирные черные лужи. Вонь как на помойке.

Мы платим полтора франка за грязные соломенные шляпы типа сомбреро и покидаем этот пока единственный источник информации о мире, в котором неизвестно как и долго ли будем жить.

Улица круто сбегает к морю. Видны рыбацкие парусники у причалов и высокая дамба, отделяющая от залива устье Реки. Пыли здесь немного, морской ветер гонит ее вверх по улице, где за спиной у нас все еще дымятся песчаные вихри. Почва влажнее, к тому же ука-

тана экипажами и прибита сотнями лошадиных подков. Лошадей больше, чем жмущихся к стенкам прохожих. Одеты встречные по-разному: парни в замасленных штанах и куртках, в стоптанных туфлях или босые, а кто в знакомых уже высоких, до икр, башмаках; девчонки с голыми коленками, с отрезанными или оборванными подолами; католические священники в длинных черных сутанах, кое у кого подвязанных грубой пеньковой веревкой. Попадаютя и другие — почище и побогаче, главным образом в экипажах, с достоинством выезжающие из тихих замощенных переулков: мужчины в цветных сюртуках и узких брюках со штрипками, дамы в длинных, до туфель, платьях, кружевных или шелковых, отделанных бледно окрашенными кремовыми, розовыми и голубыми лентами.

На улицах торгуют пирогами и подозрительно мутной — должно быть, от сушеных яблок — водой.

Ничего не понимаю. Где мы? В какой стране, в каком веке?

— А может быть, здесь время идет не вперед, а назад? — говорит Мартин.

— Остришь?

— Пытаюсь. Но объяснение все-таки есть. Мы вот с тобой коротко подстрижены, а ведь у нас уже многие стригутся как средневековые пажи. Ты уверен, что года через два не будут носить цветных париков? Женщины уже носят. Клеш возродился через полсотни лет, возрождаются и штрипки. Кстати, и на Земле цилиндр еще из моды не вышел, и не только черный. Англичане на скачки до сих пор приходят в серых цилиндрах. Здесьних, может быть, тоже на старину потянуло. А что касается ребят в грязных штанах и широкополых шляпах, то вспомни — у американских ковбоев и фермеров мода уже сто лет не меняется. Почему же у этих должно быть иначе, если они здесь с лошади, наверное, только пообедать слезают?

Мы медленно идем по набережной мимо рыбацких баркасов. Грузчики в мешковине, с деревянными крючьями на спине, перетаскивают на берег ящики с рыбой. На другом причале у парусного грузового суденышка такие же грузчики один за другим волокут мешки не то с зерном, не то с солью. За каменной оградой у речного причала прошлый век предстает перед нами в еще бо-

лее характерном обличье. К причалу, видимо, только что пришвартовался большой марктвеновский пароход с двумя огромными колесами по бокам. Надпись на круглой корме гласит:

«ГЕКЛЬБЕРРИ ФИНН».

Я уже совсем ничего не понимаю.

— Тут и понимать нечего, — приходит на помощь Мартин. — Смоделировали они Сэнд-Сити? Смоделировали. Была в Сэнд-Сити книжная лавка? Была. Была в ней марк-твеновская книжка? Тоже была. Наверняка. Вот тебе и название парохода. Скажешь: такие только в девятнадцатом веке по Миссисипи ходили? А какие здесь построишь? Для «Квин Мэри» индустриальная база нужна. Современные верфи.

Пытаюсь возражать:

— У них же Би-центр был. Тоже, наверное, помнишь. Там не только речной — космический корабль построить можно.

— Ты уверен, что Би-центр уцелел?

Я ни в чем не уверен. Может быть, здесь уже нет ни Би-центра, ни других чудес. Может быть, оставленный без опеки, этот мирок жил и развивался по-своему и еще не родил ни своих Эдисонов, ни своих Туполевых.

Но гадать не приходится. К нам подходит мужчина в синей замурзанной куртке и в соломенной шляпе. Он давно стоял поодаль, наблюдая за грузчиками и приглядываясь исподтишка к нам.

— Видно, не здешние? — повторяет он вопрос продавца шляп. — Откуда к нам — из Ойлера или Вудвилля?

— Из Города, — отвечает с достоинством Мартин.

— Работы в Городе не хватает?

— Скучно в одном месте.

— Могу на погрузку поставить. Крючья получите, — говорит человек в синей куртке.

— А платить сколько будете?

— Как всюду. По пятьдесят сантимов в час. За день работы пять франков.

— Что грузить? — интересуется Мартин.

— Может, рыбу, может, пшеницу. На серебро не поставлю. Слитки с рудников полицейские сами погрузят.

— Почему такой почет серебру? — смеется Мартин. Человек в синей куртке сердито хмурится.

— «Почет серебру»! — укоризненно повторяет он. — Самый драгоценный металл. Украдешь слиток — в цилиндре будешь ходить.

Ходить в цилиндрах мы не собираемся, красть слитки тоже. Потому соглашаемся на пять франков в день. Надо где-нибудь добывать деньги: полтинники, оставшиеся у Мартина, могут в конце концов навлечь на нас неприятности.

— А где здесь ночевку найти? — спрашивает Мартин.

— У старины Вильсона в ресторации «Веселый петух» есть номера для постояльцев. Два шага отсюда, — говорит человек в синей куртке, несомненно довольный. — Скажите, что Фляшон прислал. И ночевка и выпивка обеспечены даже в кредит, если я поручился. Не задерживайтесь, ребята: пока народу там кот наплакал. — Он пожимает нам руки большой, как лопата, мозолистой лапой бывшего грузчика и удаляется не оглядываясь.

Глава 2

«ВЕСЕЛЫЙ ПЕТУХ»

Ресторацию мы находим действительно в двух шагах на главной улице. Над широким крыльцом висит петух, вычеканенный из меди, тускло-золотистый в лучах солнца. На крыльце лежат два детины, лица у них прикрыты ковбойскими шляпами. Их можно принять за мертвецов, но они только мертвецки пьяны. Мы осторожно обходим лежащих и, толкнув дверь, попадаем в длинный полутемный зал. Здесь полтора десятка столиков и стойка, обитая жостью. Столы почти все пусты, за исключением двух-трех, за которыми сидят парни, обросшие колючей щетиной или уже отрастившие лохматые бороды, и пьют что-то темное — виски или пиво. На нас они не обращают никакого внимания. Мы на них тоже. Не спеша подходим к стойке, где протирает бокалы далеким от чистоты полотенцем лысый старик с недобрыми глазами.

— Два виски, — говорит Мартин, небрежно бросая на жестяную стойку монетку в двадцать сантимов.

— Два виски требуешь, так и плати вдвое, — отвечает старик.

Мартин добавляет еще одну монетку. Так мы учимся здешнему счету.

— А как насчет ночлега, папаша? — спрашиваю я.

Старик долго глядит на нас, как бы оценивая нашу кредитоспособность.

— Есть комната с кроватью, — шепелявит он. — Больше трех человек лежать в кровати не разрешается.

— Нас только двое.

— Все одно — три франка, и деньги вперед.

— Мы от Фляшона, папаша.

Старик добреет, даже улыбается, открывая беззубые десны.

— Значит, завтра с утра на погрузку? Пароход пришел из Вудвилля, знаю. Что ж, можно подождать до расчета с Фляшоном. Ужинать будете?

Ужинаем молча, хотя поговорить есть о чем. Что мы знаем о мире, куда забросила нас судьба? Что пирожок стоит пять сантимов, а полбокала виски с теплым лимонадом — двадцать? Что за десять часов работы мы получим по пять франков, из которых три нужно отдать за квартиру? Да и вообще, что можно узнать об окружающем тебя мире, если целый день таскать на спине мешки с зерном или углем, а ночью спать без просыпа на гнилой соломе?

— Хорошо бы уехать отсюда на этом марктвеновском пароходике, — рассуждает вслух Мартин. — Интересно, сколько стоит билет до Вудвилля?

— Посчитай еще железную дорогу от Вудвилля до Города.

— Ты думаешь все-таки добраться до Города?

— Не век же торчать в Сильвервилле.

— А кого мы будем искать в Городе? — вздыхает Мартин. — Может, кто жив остался?

Утром мы находим Фляшона там, где видели его вчера. Он по-приятельски подмигивает нам, и минут через пять мы получаем всю экипировку грузчика — мешок из дерюги с дырками для головы и рук и пару деревянных крючьев на спину.

— Ну а теперь на речной причал. Сейчас начнется погрузка, — командует Фляшон. Ни имен наших, ни фамилий он не записывает: должно быть, при расчете это не имеет значения.

Мы становимся в цепь грузчиков к длинным штабелям мешков с пшеницей. В каждом мешке не меньше сорока килограммов. С трудом взваливаем его на спину, помогая друг другу. Так же делают и соседи. Потом движемся, согнувшись, по деревянным сходням к трюму на нижней палубе парохода. Трюм неглубок. Мешки складываем внизу под наблюдением кого-то из команды. Не слышно ни шуток, ни смеха, ни ругани — все работают молча, только кряхтят и тяжело дышат. Мартину, идущему впереди, легче, чем мне, — он сильнее, а я через час начинаю задыхаться, нет сил взвалить мешок на крючья, вот-вот упаду. Сзади советуют дружески: «Обожди чуток, пропусти цепь, отдохни. С непривычки всегда трудно, потом втянешься». Но я понимаю, что лучше не будет, десять часов не вытяну.

Через два часа, когда объявляют перекур, валюсь на мешки полутрупом. Наши соседи, Пит и Луи, угощают нас самодельными, скрученными из табачного листа сигарами. Оба они студенты из Города, приехали сюда на каникулы подработать. Живут в порту у сторожа, где платят вдвое меньше, чем мы у Вильсона. Ухитряемся откладывать по три франка в день, сейчас уже накопили по шесть -десять на брата. Они рассказывают, что в первые два дня чуть не загнулись, даже пяти часов не вынесли, только по два франка и получили. Не надо слишком сгибаться, — советует Луи, — пусть груз ложится на плечи и крючья. Я следую его совету, и мне чуть легче. До второго перекура еле держусь, но мешок уже с ног не валит. Утираем пот и обмениваемся улыбками с Луи и Питом.

— Выдержали?

— Как видите.

— Я говорил: не сгибайтесь. Мешок не так прижимает.

— Зато память отшибло.

Луи не понимает.

— А что забыл?

— Всё. И год, и месяц, и день. Помогите вспомнить.

— Серьезно?

— Вполне серьезно. Подскажи.

— Год шестьдесят первый. Четырнадцатое июля. Пятница. Неужели забыл?

— Смешно, правда? Даже имя забыл. Только сейчас и вспомнил. Я Жорж Ано, а он, — я указываю на Мартина, — Дональд Мартин или просто Дон.

— А мы — Луи Ренье и Пит Селби. Кончаем политехничку.

Все время молчавший Пит кивком подтверждает слова товарища.

— Ты немой? — шучу я.

— Все здесь так думают. Просто болтовни не люблю. А вы неплохие ребята. Даже расставаться жаль.

— Почему расставаться?

— В воскресенье уезжаем, — поясняет Луи. — На «Гекльберри Финне». В Городе к выборам работа найдется.

Я не успел спросить, что за выборы, как Луи продолжил:

— Разыщите нас — поможем. Найти легче легкого. Американский сектор, Сэнд-стрит, общежитие политехнички. А сейчас к мешкам: Фляшон уже машет руками.

Передышка окончена. Снова мешки тяжело пригибают к земле, ломит плечи, трудно дышать. Часа два, может, еще выдержим, но больше не вытянем. Фляшон сам отправляет нас восвояси: «На сегодня хватит, иначе завтра не встанете». И платит каждому по три франка. Мартин угрюмо молчит, а мне даже весело: на целый франк в первый же день Пита и Луи переплюнули.

Вечером расплачиваемся с Вильсоном, мгновенно подбравшим и расплывшимся в улыбке. Даже лысина его, кажется, сияет ярче. Нас заботливо приглашают к столу и вместо холодных котлет подают жаркое из свиной тушенки с бобами. «По заказчикам и заказ», — повторяет хозяин. Но мне и такого изобилия мало: надо восстанавливать силы, и я тут же заказываю еще одну порцию жаркого и пива.

— Жаль только, что Луи и Пит уезжают, — говорю я. — Теряем надежный источник информации.

— И надежных друзей, — добавляет Мартин.

Ресторация постепенно заполняется, вскоре все столы уже заняты. Портовики и матросы в тельняшках, усатые парни в соломенных, как и у нас, сомбреро, фермеры в грязных широкополых шляпах, женщины с белыми от густой пудры лицами. Из соседней комнаты доносится стук бильярдных шаров, чей-то смех и воз-

гласы: «Пять», «Десять», «Плюс десять», «Отвечаю». Похоже, там идет игра.

Мартин лениво встает.

— Подожди минутку. Пойду взгляну.

Третий стул за нашим столом пуст, к нему подходит худощавый человек лет сорока в синем сюртуке и цилиндре, с вьющейся бородкой, как у голландских матросов.

— Место свободно? — спрашивает он.

Я равнодушно киваю, не замечая, что все кругом за столиками сняли шляпы.

— Вы, наверно, новичок в Сильвервилле? — Незнакомец садится напротив.

— Допустим, — отвечаю я.

— И меня, конечно, не знаете?

— Нет.

— Тогда прошу вас не удивляться тому, что сейчас последует.

Хозяин не успевает подать ему бутылку пива, как раздается выстрел и мое простреленное сомбреро слетает на пол. Стрелял верзила с нависшей на лоб челкой, сидящий метрах в пяти от меня. Я подымаю с пола шляпу и говорю соседу:

— Ну и нравы у вас в Сильвервилле!

— Просто люди привыкли, что в моем присутствии снимают шляпу. Я бывший шериф на серебряных рудниках.

— То, что вы шериф и тем более бывший, мне безразлично. Я не нарушаю законов. Жаль только, оружия у меня нет.

— А зачем? — улыбается он. — Что бы вы сделали?

— Наказал бы этого громилу.

— Каким образом? Он же сидит без шляпы.

— Но с бутылкой.

Бывший шериф любезно протягивает мне пистолет, очень похожий на земной «вальтер».

— Стреляйте. Он заряжен. Только если вы убьете или раните кого-нибудь, вас тут же повесят, прямо на улице.

Я беру пистолет. Позади верзилы с челкой виден пустой угол зала и косяк входной двери: пуля наверняка никого не заденет, если стрелять метко, а стрелять я умею, золотые медали имел. Не долго думая нажимаю

на спусковой крючок. Бутылка со звоном разлетается на куски, обливая верзилу остатками пива.

— Молодец! — одобряет сосед. — Отлично стреляете. Профессионал?

— Скорее, любитель. Охотник. Жорж Ано. Сейчас работаю на причале у Фляшона.

— Тебе придется самому платить за разбитую бутылку, Пасква, — оборачивается бывший шериф к подскочившему верзиле с челкой, — научись не проявлять самодеятельности до моего приказа.

Верзила, не взглянув на меня, почтительно отступает.

— А вы стоите больше, мсье Ано. Это я вам говорю, Тур Мердок, глава партии «реставраторов». Правда, пока еще не легализованной.

— Крайне сожалею, но ни я, ни мой друг, который сейчас находится в соседнем зале, не интересуемся политикой и совсем не разбираемся в борьбе политических партий. Возьмите ваш пистолет, мсье или мистер Мердок. — И я отдаю оружие собеседнику.

Он приподымает цилиндр, чуть склонив голову.

— А мне это даже нравится, мсье Ано. Разыщите меня в Городе. Я придумаю для вас что-нибудь получше Фляшона.

Мой сосед встает и, бросив на стол горсть мелочи, идет к выходу. Мартин возвращается тут же, глядя ему вслед.

— Кто это?

— Некий Тур Мердок. Кажется, очень полезное знакомство. Глава политической партии.

— Здесь, в Сильвервилле?

— Нет, в Городе.

— Порядок! — смеется Мартин. — Значит, пора ехать в Город.

— На твою сдачу от пирожков? А дальше? Будем откладывать даяния Фляшона?

— Мы не вернемся к Фляшону. У нас с тобой уже пятьсот франков плюс остаток после покупки пирожков и двух шляп.

— Играл?

— Да как!

И Мартин живописует историю еще более неожиданную, чем мое знакомство с Мердоком.

В игорном зальчике, куда он зашел, было дымно и шумно. Мартин посмотрел карамболь на бильярде, постоял возле покеристов, посчитал, сколько раз выпадает пятерка в игре в кости, и пошел к разменной кассе вслед за каким-то фермером в кожаной куртке, от которой пахло коровником или конюшной. Фермер бросил в окошечко на стол серебряную монету в двадцать пять франков, достаточно уже истертую. Кассир, не вглядываясь в монету, смахнул ее лопаточкой в кассу. «Пять по пяти», — сказал фермер. Мартин тотчас вспомнил ошибку пирожника: тот тоже не разглядывал знакомую ему по размеру и весу монету. И Дональд решил рискнуть: заметит или не заметит? Если заметит, можно выкрутиться, сославшись на то, что сам получил ее где-нибудь, извиниться и заменить серебряной мелочью. Так он и сделал. Небрежно бросил на стол два полтинника, побывавшие до этого на Земле в сотнях рук, так что на них при беглом взгляде трудно было разглядеть какое-либо изображение, и сказал: «Мне столько же плюс еще пять». Кассир не глядя смахнул деньги в кассу и отсчитал Мартину десять зеленых фишек. Облегченно вздохнув, Мартин уже смело подошел к покеристам, игравшим не крупно, а скорее прижимисто. Один из них уступил ему свое место. Мартин играл, все увеличивая ставки, выиграл пятьсот с лишним франков и встал. «С меня хватит, ребята», — сказал он.

— А если б ты на шулеров налетел? — спрашиваю я.

— Бросил бы после второго или третьего проигрыша. Ведь начали-то по маленькой. Не пошла бы карта, значит, не пошла. Да и ребята на шулеров не похожи. Либо старатели с рудников, либо здешние скотоводы.

— Что будем делать?

Мартин загадочно усмехнулся.

Глава 3

«ГЕКЛЬБЕРРИ ФИНН»

В воскресенье в десять утра по местному времени мы с Доном, стоя на самой высокопоставленной в буквальном и переносном смысле пассажирской палубе парохода, молча наблюдали церемонию отплытия. Она та-

кая же, как и в любом порту. Чьи-то проворные руки снимают канаты, которыми подтянут к причалу пароход, плеск воды у ватерлинии — здесь он еще громче от взбивающих воду лопастей двух огромных бортовых колес, пассажирская толчея на палубе, провожающие на причале, возгласы на английском и французском — и вот уже пароход поворачивается боком к берегу...

Мы с Мартином приоделись специально для «высокопоставленной» палубы: Дон — в новенькой клетчатой куртке, с красным платком на шее, я — в скромном синем сюртуке и светло-сером цилиндре с твердыми, как железо, полями. Ничего, кроме каюты первого класса, мы достать не смогли: второй и третий были проданы, оказывается, еще накануне.

Ключи нам выдал стюард, не очень уважительно нас встретивший: должно быть, наше новое платье все же недостаточно соответствовало «высокопоставленной» палубе парохода. Да и багажа у нас не было, так что не знаю, за кого он нас принял: за гастролирующих шулеров или охотников до серебряных слитков, только вчера погруженных в трюм парохода. Мы видели эту погрузку. Полицейские с автоматами выстроились на причале вплоть до бортовых дверей трюма. Другие полицейские, без оружия, тащили один за другим небольшие, но, надо полагать, не легкие ящики со слитками. Полицейских было много. Своими зелеными мундирами, строгой выправкой они скорее походили на солдат, а четкости их движений могли позавидовать даже профессиональные грузчики.

Сейчас полиции на пароходе не видно, но поскольку на кормовую палубу, где находится верхний люк «серебряного» трюма, никого не пускают, значит, все они там.

Я иду к корме. Рыжий матрос в тельняшке преграждает мне путь: «Дальше нельзя. Запрещено». Покорно бреду назад вдоль борта, рассматривая гуляющих пассажиров. Женщины — в длинных шелковых платьях и соломенных капорах с цветными бантами у подбородка, мужчины — в аккуратных, как у Мартина, курточках или цветных камзолах, как у меня, только из лучшей материи и лучше сшитых. На ногах или узкие шевровые ботинки, или длинные шнурованные башмаки, какие до сих пор носят в Канаде и северных шта-

тах Америки. Старый джентльмен, прогуливающийся с красивой девушкой в голубом платье, посмотрел на меня слишком внимательно. Я даже оглянулся, заинтересованный. Оглянулся и он, взгляды наши встретились. «Вероятно, сбит с толку моим сходством с каким-то своим знакомым», — подумал я.

Мартина нахожу в каюте. Он лежит на койке и дымит сигаретой явно местного производства. Я осматриваю каюту. Древняя обивка — вот-вот рассыплется шелк, древние, хотя и начищенные до блеска медные ручки, истертый коврик под ногами.

— Давненько существует старина «Гек», — сочувственно говорю я.

— У них есть и винтовые суда, — откликается Мартин. — Ходят до Ойлера и каких-то островов в океане. Кое-кто рисковал уплыть и дальше, но не вернулся. Другие вернулись, не обнаружив других континентов. Здешние карты изображают Город как единственное государство одного материка, окруженного океаном. Кстати, Городом называют и столицу и все государство.

Может быть, это действительно так, но откуда Мартин знает об этом?

— От корабельного механика, — охотно поясняет он. — Познакомился с ним в баре. Я прикинулся человеком, не постигшим основ науки и техники. В Городе таких много — школ не хватает. Оказывается, здесь и двигатель внутреннего сгорания открыли, только автомобили делают кустарно, в маленьких мастерских, как у нас некоторые гоночные машины. Чертовски они дороги — я о здешних говорю, — только миллионеры и покупают.

— Значит, и миллионеры есть?

— Говорит, есть.

— Все-таки шагнули вперед за полсотни лет.

— Даже бипланы строят, как братья Райт. Тут, пожалуй, и мне работенка найдется — как-никак бывший летчик.

Стук в дверь — стюард вежливо приглашает нас к обеду.

В кают-компании так же шумно и пестро, как и на палубе. Официанты в белых сюртуках, похожие на санитаров в больничных халатах, принимают у нас и у соседей заказы. Кормят отлично. Румяный бифштекс с под-

жаренным, мелко настриженным луком, рыба под белым соусом, розовое терпкое сухое вино «Эдем».

Два места за нашим столом свободны. Рядом останавливается уже приметившийся мне седой джентльмен с белокурой девушкой. Случайно или нарочно?

— Не разрешите ли присоединиться к вам старику с дамой?

Мартин, даже не взглянув на меня, вскакивает, предлагая девушке стул.

— Будем только рады, мадемуазель.

— Мисс, — поправляет она. — Мисс Стил или просто Минни. А это мой дядя, сенатор Стил. — Последние слова она произносит подчеркнуто, вероятно полагая, что они не могут не произвести впечатления.

Но ни фамилия, ни положение сенатора в первый момент не вызывают у меня интереса. Я встаю и любезно кланяюсь элегантному старцу.

— К вашим услугам, сенатор. Жорж Ано.

— Дональд Мартин, — вслед за мной представляется Дон.

Разительная перемена происходит вдруг со спокойным сенатором. Он весь как бы освещается изнутри.

— Я так и думал, джентльмены! Вы оба дети или внуки моих старых друзей. Совсем как они в молодости — так похожи! И даже имена те же. А ведь с Ано и Мартином мы были в подполье и вместе освобождали Город от тирании Корсона Бойла. Только потом они куда-то исчезли. Куда? — И он задумчиво добавляет после минутной паузы: — Так же странно и непонятно исчезли, как и появились у нас.

Вот эта пауза и помогла мне сымпровизировать ответ. Признаться, сперва я растерялся. Ведь то был Джемс Стил, первый человек, которого мы встретили пятьдесят лет назад в этом мире, тогда еще двадцатилетний юноша, добрый и верный товарищ. Но не мог же я сразу сказать ему правду. Требовалось время, уединение, взаимное доверие, взаимное понимание и, главное, воображение для того, чтобы поверить, чтобы попытаться осмыслить непостижимое. И я нашелся.

— Вы не ошиблись, сенатор, но боюсь, что объяснить все сейчас мы не сможем. Это не застольная беседа. Лучше мы с вами встретимся после обеда, скажем, вдвоем. И я расскажу вам, что знаю. Устраивает?

Сенатор немного рассеянно заказывает обед. Мартин тактично предлагает тост «за прекрасную амазонку», девушка краснеет, сенатор улыбается, и опасный момент объяснения счастливо откладывается.

— В Город? — спрашивает сенатор, поглаживая вьющуюся седую бородку.

— В Город, сенатор.

— Дела?

— Пожалуй. В связи с ними у меня к вам вопрос, — пользуюсь новой возможностью отвлечь старика от воспоминаний. — Мы с Доном далеки от политики. Так уж случилось — не знаем ни партий, ни их вождей. А вы нам кое-что наверняка сможете объяснить.

— Например?

— Кто такой Тур Мердок?

— Тур Мердок? — удивленно повторяет Стил. — Вас он интересует как личность или как политическая фигура?

— И то и другое. Я познакомился с ним в кабачке Вильсона в Сильвервилле.

Рассказываю историю своего знакомства с Мердоком.

— Значит, одним выстрелом разбили бутылку? — смеется сенатор. — А что же сказал Тур Мердок?

— Он предложил бродяге прекратить самодеятельность, и, представьте себе, этот громила отступил, как побитая собачонка.

— Подобных собачонок у Мердока — десятки тысяч. И это не просто разбойничьи шайки, хотя и таких у него немало, — это костяк будущей партии. К счастью, еще не легализованной.

— Какой партии? — спрашиваю я.

— Реставраторов свергнутого нами полицейского государства.

Мне смешно.

— Он и не родился еще в то время... Что он знает о нем?

— Есть свидетельства очевидцев. Мердок умный и образованный человек. Бывший шериф на серебряных рудниках. Шериф жесткий и требовательный. Его заметили, пригрели и даже предложили какой-то пост в руководстве рудниками. Но он вышел в отставку и занялся политикой. Сначала был «популистом», как и мы, потом откололся: наш демократизм его не устраивал.

Для партии «джентльменов» у него не было ни состояния, ни положения, вот он и попробовал основать третью партию, еще правее. Крупным собственникам обещал снижение налогов, мелким — расширение торговли и земельных угодий, бродягам и неимущим — свободное освоение новых земель. Наша страна, как вы знаете, огромна и необжита, но все новое, что вы откроете и захватите, будь то земля или участки рыбачьих и охотничьих промыслов, вы обязаны оплатить государству — это доход и прибыль казны. Мердок требует отмены закона. Никаких доходов казне! На открываемых новых землях каждый волен захватить столько, сколько сумеет обработать и обжить. По идее, неплохо. Но аграрный миллионщик может захватить и обработать в тысячи раз больше, чем фермер-сотенник. А ликвидация сената и единоличная диктатура освободят Мердока от любых обещаний.

— На что же он рассчитывает?

— На сенатские выборы. Но по нашим законам кандидатов в сенат имеет право выставить только легализованная партия. Юридически такой партии у него нет. Билль о ее легализации мы провалили большинством голосов. А для военного путча у Мердока еще мало силенок.

— Господи, как скучно! — восклицает белокурая соседка Мартина. — Вы все о политике... Мистер Мартин слушает, а я скучаю.

Мартин мгновенно находится:

— Может быть, мы с вами пока посидим на палубе?

— Конечно, погуляйте, — поддерживает его сенатор, — а мы с Ано продолжим наш разговор.

— Он обещает быть долгим, — говорю я.

— Тем лучше.

Мартин с племянницей Стила уходят. Мы в столовой почти одни. Только кое-где официанты убирают посуду.

— Не удивляйтесь, сенатор, — перехожу я к решительному объяснению. — Я мог бы даже сказать: не удивляйтесь, Джемс. Перед вами не сын Жоржа Ано, а тот самый Ано, который боролся бок о бок с вами против Корсона Бойла. Я могу напомнить все подробности наших встреч, начиная с первой на Реке, когда вы подстрелили из арбалета черную птицу. И последнюю, ког-

да из того же арбалета вы пустили зажженную стрелу в ложу Корсона Бойла. Вы знаете, откуда мы тогда пришли. И сейчас мы оттуда — с Земли.

Сказать, что сенатор удивлен, значит, ничего не сказать — он потрясен до немоты.

— Но ведь прошло уже пятьдесят лет, а вы... вы все тот же, — шепчет он.

— На Земле другое время, Стил. Другое его течение. У вас проходит год, у нас — месяц. Да и этот подсчет приблизителен. Не знаем мы и того, какая сила перебрасывает нас на вашу планету. Несколько дней назад мы с Мартином были еще на Земле, а сейчас плывем с вами на «Гекльберри Финне». Трудно поверить.

— У нас не изучают латынь, — тихо говорит сенатор, — не знают этого языка. Но отец знал. И я запомнил слова, которые он сказал мне, когда вы появились у нас впервые: «Кредо квиа абсурдум», и перевел: «Верю, потому что это бессмыслица».

Я смотрю на постаревшее лицо Джемса, на незнакомую вьющуюся бородку, на седые, зачесанные назад волосы и только по каким-то неуловимым признакам узнаю старого друга.

— Надолго к нам? — спрашивает он.

— Все зависит от того, с какой целью мы опять переброшены. В любом случае я хочу выяснить, как изменился ваш мир. Уже то, что мы видели в Сильвервилле, говорит о многом. О другой жизни, другой экономике, других традициях, других нравах.

— Сильвервилль — это окраина, Ано.

— Тогда и его не было.

— Многого не было. И нефти, и серебряных рудников. И не ловили тунца в океане. Не разводили скот. Не было ни боен, ни холодильников. — Стил задумчиво перебирает пальцами и вдруг сжимает их в кулак. — Мы уже старики, третье поколение переживает зрелость, а четвертое начинает растить детей. Кого интересует сейчас легенда о прародительнице Земле, от которой мы якобы оторвались? Только авторов школьных учебников.

Я вспоминаю наш первый разговор пятьдесят лет назад по здешнему счету. «Вы говорите по-английски и по-французски. А слышали о таких государствах, как Англия и Франция?» — «Нет». — «А о частях света, о

материках и океанах?» Джемс и Люк, его брат, непонимающе смотрели на нас. «Вы в школе учились?» — «Конечно», — хором ответили оба. «Есть такой предмет — география», — сказал я. «Нет такого предмета», — перебил Люк. «Что-то было, — остановил его брат, — что-то рассказывали нам о мире, где мы живем. Кажется, это называлось географией, потом ее запретили».

— Значит, воскресили все-таки географию? — спрашиваю я не без ехидства.

— Давно, — говорит Стил. — На стапелях Ойлера строятся морские суда. Уже удалось обойти вдоль берегов весь наш континент. А вот по суше к границам его еще не добрались. На севере и северо-востоке непроходимые леса. Природа не меняется. Меняются люди.

— Странно у вас теперь одеваются, — замечаю я.

— Каприз моды. Разве у вас она не изменчива? Лет двадцать назад какой-то художник изобразил людей в цветных камзолах и шляпах с высоким верхом. С тех пор и пошло. Хотя молодежь у нас предпочитает незамысловатые штаны и куртки. Ну а мастеровым и фермерам просто нельзя иначе.

— Фермерам? — переспрашиваю я. — Когда-то их называли «дикими»?

— «Диких» давно нет. Они прародители нашего сельского хозяйства. Кто сейчас кормит Город? Фермеры и ранчмены.

И Стил подтвердил то, что мы с Мартином уже сами поняли. «Облака» уничтожили искусственное снабжение Города. Технологический управляющий центр исчез неизвестно куда, от продовольственного континуума остались лишь скотоводческая ферма и склад семенного зерна. Пришлось сразу же ввести продовольственные карточки, а «дикие» стали первыми поставщиками хлеба, рыбы и мяса. Но и они не смогли предотвратить беды. Начался голод. Был обнародован закон, поощрявший охоту и рыболовство, а также обработку земельных участков в новооткрытых районах. Тысячи людей устремились из Города на реку и в прилегающие леса. Одно за другим возникали фермерские хозяйства и скотоводческие ранчо, конные заводы и рыбные промыслы. Необычайно вырос меновой рынок, где обменивали на продукты все, что угодно. Многие не перенесли

голода, многие погибли, не сумев преодолеть трудностей на новых землях. Но Город оживал, он уже мог сам прокормить себя.

Вечером в каюте я повторяю Мартину рассказ Стила.

— А мы при чем? Зачем мы здесь? — спрашивает Мартин.

Дверь открывается без стука — может, и был стук, да мы не слышали, — и в каюту входит... Тур Мердок. Он в том же костюме, только без цилиндра. Волосы у него черные с серебряной проседью.

— На последний вопрос могу ответить я, — говорит он. — Вы кричали так громко, что было слышно сквозь полуоткрытую дверь. Вы здесь, джентльмены, для того, чтобы помочь мне, ну а я для того, чтобы помочь вам.

Мы с Мартином не находим слов для ответа. Мы просто ждем, глупо моргая глазами. А Мердок, садясь на край нижней койки, спокойно продолжает:

— Кто вы, я знаю. Прочел ваши имена в регистрационной книге для пассажиров, кроме того, с мсье Ано я познакомился лично, а мистер Мартин видел меня в ресторане Вильсона, когда выходил из игорного зала. Вы записались как путешественники, но я бы чуть-чуть поправил: скажем, искатели приключений. Вас это не обижает, надеюсь. Ведь путь от грузового причала к верхней палубе «Гекльберри Финна» не так уж короток, чтобы рядовой путешественник проделал его за два дня. Так вот, у меня к вам, джентльмены, два предложения. Первое — на будущее, второе — только на эту ночь.

— Что же вы предлагаете? — спрашиваю я.

— На будущее? Участие в моих делах за достойное вас вознаграждение.

— В каких делах? — перебиваю я. — Может быть, в тех, для которых используется мистер Пасква?

Мердок улыбается, ничуть не смущенный.

— У Пасквы свои обязанности и свой круг знакомых. А вас я видел в обществе сенатора Стила. И разговор, судя по всему, был деловым и добрым. Вот это меня и привлекает.

— Могу ли узнать почему, мистер Мердок?

— Вполне, мсье Ано. Чем ближе вы или мистер Мартин — его я, кстати, видел на палубе вместе с племянницей сенатора, и беседа, как мне кажется, также была достаточно дружеской...

В глазах у Мартина злость — вот-вот прорвется, я незаметно наступаю ему на ногу, но Тур Мердок опережает:

— Дайте закончить, мистер Мартин, я не хотел вас обидеть. Я просто предполагаю, что знакомство мсье Ано и ваше с сенатором может быть еще ближе... И чем ближе — тем нужнее вы будете для меня. О деталях договоримся в Городе — я сумею вас разыскать. Итак, ваш ответ?

— Подумаем, — говорю я.

— Надеюсь, что без участия сенатора Стила?

— Допустим.

— Теперь о предложении на эту ночь. Если услышите шум на палубе или даже выстрелы, не выходите из каюты. Учтите, что ни сенатору Стилу, ни его племяннице ничто не грозит.

— А кому грозит? — хмурится Мартин. Он явно недоволен и не хочет скрывать этого.

Но Мердок по-прежнему улыбается.

— Не будьте так любопытны, мистер Мартин. Я лично никому и ничем не угрожаю. Я просто кое-что знаю, о чем вам и сообщу, когда все стихнет. Если вы не возражаете, считайте, что с сегодняшнего вечера вы у меня на службе. — Он встает и, открывая дверь в коридор, заканчивает: — До встречи ночью.

Глава 4 НАПАДЕНИЕ

Минуту или две мы не произносим ни слова. Наконец Мартин спрашивает, тупо глядя в одну точку:

— Ты понял что-нибудь?

— Как не понять. Все ясно. Мердок предлагает нам непыльную работенку. Вероятно, связанную с элементарным шпионажем.

— Ты же слышал, где?

— Ну и что?

— И сказал: подумаем.

— А почему бы и не подумать? Ведь мы собираемся работать со Стилом.

— И предавать его? Я не узнаю тебя, Юри.

— Не торопись. Общение с Мердоком еще не предательство. Может, и Стилу будет небезвыгодно это.

— Не понимаю.

— Мы должны быть в эпицентре этой игры. Нельзя познать нынешний «рай без памяти», работая загонщиком скота или грузчиком.

— Так завтра же расскажем все Стилу?

— Опять торопишься. Спектакль Мердока еще не окончен.

Мартин крупными шагами меряет длину каюты по диагонали. Нервничает.

— Ты имеешь в виду эту ночь?

— Хотя бы.

— И мы должны отсиживаться в каюте, когда на палубе начнется стрельба?

— А у тебя есть оружие?

— Иногда можно защищаться и без оружия. Ты думаешь, ей действительно ничто не угрожает?

Мне вдруг становится ясным намек Мердока.

— Ни ей, ни тем более сенатору, — говорю я. — И вообще никому из пассажиров. Кроме тех, конечно, кому тоже вздумается пострелять. Перестрелка будет с охранниками у кормового люка.

Мартин все-таки не понимает: вижу по его глазам. Ему очень хочется узнать, почему именно у кормового люка.

— Да потому, что в этот люк загружали серебряные слитки. Помнишь? Какой же ты, к черту, репортер? — Заметил, так сделай вывод. Самый ценный металл в Городе — серебро. Вероятно, основа его денежной системы. Золото на планете пока не обнаружено. Если так, то как раз серебряные слитки и могут быть целью потенциальных грабителей. Не пароходную же публику потрошить: много риска и добыча невелика. А серебра в трюме две тонны, не меньше. Могу допустить, что банда уже на пароходе, учитывая сказанное Мердоком. Сам он, разумеется, в стороне: нельзя пачкать репутацию главы будущей партии, но для роли закулисного организатора ограбления наш джентльмен, несомненно, подходит. Его партии нужны деньги, а когда легальных средств не хватает, прибегают к нелегальным. Впрочем, это только мое предположение. Поживем — увидим.

— Гангстер, — говорит Мартин.

- Возможно.
- Что же делать?
- Ждать.

Мартин взбирается на верхнюю койку и ни о чем уже больше не спрашивает. Ему, как и мне, есть над чем подумать. Я мысленно перебираю в памяти все случившееся за день. Самое существенное — появление Мердока и то, что последует. Встреча со Стилом. Его рассказ заполнял белые пятна в картине неузнаваемо изменившегося Города-государства. Свои традиции, свое житье-бытье, свои моды, свой путь к знаниям. Пятьдесят лет назад ни истории, ни географии не было — сейчас к истории обращаются не только школьники, но и политики, и географию дописывают местные Магелланы. Конечно, кое-что и не дотянули. Алгебру в школах изучают, а до квантовой механики, наверно, не доросли. И в экономике, должно быть, то же самое. Как в конце девятнадцатого. Соображай, Анохин, раздумывай. Промышленности здешней ты еще не знаешь, но она есть, если газопровод построили. И миллионеры уже есть; значит, кончился период первоначального накопления. Вышли на сцену, как у нас говорят в учебниках, помещики и капиталисты. Ну а рабочий класс? Коммунистов, судя по рассказу Стила, в стране пока нет, но не может же его партия, столь разношерстная, сохранять во всем трогательное единомыслие. Должны же быть у популистов свои «левые», способные правильно оценить производственные отношения в стране. Вот их-то и надо найти...

Тут я снова возвращаюсь к визиту Мердока. Зачем ему наша близость к сенатору — понятно: агентурная информация о сенатской возне. Вероятно, кое-какая информация у него уже имеется. Но вдруг нам удастся копнуть поглубже? С тигриной хваткой человек, что и говорить. Знает, что, если на выборах опять победят популисты, никаких надежд на легализацию партии у него не останется. А вдруг будут? Неоднородна ведь партия Стила, есть в ней многие, которым, наверно, симпатичен Мердок. Не на них ли он рассчитывает? Да и на Стила с нашей помощью поднажать можно. Вот этой тактике мы должны противопоставить свою. Если уж помогать, то не Мердоку и не Стилу, быть может, а кому — мы это еще увидим.

Ждем, когда стрелять начнут. А выстрелов так и не слышно. Только шаги по коридору, частые тяжелые шаги. Потом тишина. Пароход почему-то замедляет ход, и я вижу в предрассветной полутьме за окном каюты, как приближается черная стена леса на берегу. Значит, подходим к причалу. Но где?

— Что происходит? — спрашивает, спустив ноги с верхней койки, Мартин.

— Кажется, останавливаемся.

Пароход действительно причаливает к пристани — летит мимо окна черная змея швартового каната, и «Гекльберри Финн» замирает, покачиваясь у самого берега.

Вот тут-то и раздаются первые выстрелы. Несколько сразу, потом один за другим, как будто кто-то рядом открывает десятки бутылок шампанского. Перестрелка, как я и думал, доносится с кормовой палубы.

Кто-то осторожно стучит в дверь каюты.

— Войдите.

Входит Мердок в сером пальто-крылатке.

— Ну вот и все, джентльмены, — говорит он.

— А что случилось?

— Какие-то пьяницы затеяли перестрелку на палубе.

Их усмирили.

— Вы же знали об этом.

— Предполагал, — пожимает плечами Мердок.

— А где мы сейчас?

— На полпути от Вудвилля. На лесной пристани.

— Но ее нет в маршруте парохода.

— Должно быть, недавно построили.

— Специально, чтобы выгрузить серебро? — Я не могу скрыть, пожалуй, опасной иронии.

Мердок по-прежнему невозмутим.

— Вы догадливы, мсье Ано. Только не всегда следует показывать это другим. — Он приоткрывает дверь, чтобы уйти, и добавляет: — К сожалению, должен вас огорчить, джентльмены. Пароход не пойдет в Вудвилль.

— А куда?

— Вероятно, обратно.

— Но у парохода свой маршрут.

— Он изменен.

— И капитан согласился?

— Его убедили.

— Понятно, — говорю я. — Некто заинтересованный старается выиграть время. Вы, конечно, сходите здесь?

— Увы, я вынужден, как и все пассажиры, отплыть обратно. Приходится подчиниться необходимости.

— У сенатора другие намерения, — дерзко вмешивается Мартин.

— Это учтено. Поместье сенатора поблизости, вверх по Реке. Ему предоставят лодку и гребцов, чтобы он смог добраться туда.

— Зачем гребцов? — протестует Мартин. — Мы с Ано охотно сядем на весла.

Я, видимо, недооценивал Мартина: он сообразительнее. И Мердока его предложение явно устраивает.

— Превосходно, — соглашается он, — я поговорю с капитаном.

Так мы оказываемся на борту лодки, достаточно вместительной и ходкой, чтобы преодолеть неторопливое течение реки, которую здесь по-прежнему называют Рекой, без имени. Она памятна нам еще с прошлого посещения.

Сенатор Стил с племянницей Минни, укутанные в одеяла, сидят на корме, не понимая, что случилось. Я не рискнул рассказать им о визите Мердока и о государственном серебре, выгруженном на этой пристани. Очевидно, операция была давно задумана и подготовлена, капитана купили, а пароход вернули в Сильвервилль, чтобы выиграть время, как я и сказал Мердоку. Любопытно, что лодку спускали на воду не матросы, а молчаливые парни в темных коротких куртках и широкополых шляпах.

— Погляди внимательно, — шепнул мне Мартин.

— На что?

— На повязки.

— Какие повязки?

— На руках.

Действительно, у каждого из этих людей на рукаве блестяла повязка из позументной тесьмы не то золотого, не то серебряного цвета. «Знак принадлежности к партии реставраторов», — сообразил я. В причастности Мердока к экспроприации можно было не сомневаться. Охранников подавили, матросов загнали в кубрик, выскочивших пассажиров — в каюты, а серебро, вероятно, уже начали грузить в обоз, поджидающий на лесной до-

роге у пристани. Хорошо, что Стил так ни о чем и не догадался, иначе не избежать бы ему стычки с Мердоком. Не вызвал у него подозрений и растерянный шепоток капитана, уверявшего в необходимости вернуть пароход в Сельвервилль, поэтому он сравнительно легко принял наше с Мартином предложение добраться до его поместья на лодке.

— Скоро? — спрашиваю я у него.

Сенатор вглядывается в неясные очертания берега.

— Думаю, через полчаса доберемся до устья... А что все-таки произошло с пароходом? — возвращается он к мучившему его вопросу. — Капитан твердил какую-то несуразицу, пассажиры, выбежавшие со мной, тоже ничего не поняли. Какие-то выстрелы, какая-то суета. Кто это стрелял?

— Мало ли у вас в Сильвервилле стреляют? — говорю я. Открывать сенатору суть происшедшего пока не следует.

— В Сильвервилле — да, — соглашается он. — В Городе же право на огнестрельное оружие имеет только полиция.

— Когда-то вы стреляли в полицию, — не без иронии замечает Мартин.

— То была совсем другая полиция. А эта служит народу.

— Вы хотите сказать — государству, — поправляю я. Мне очень хочется полнее раскрыть Стила.

— Государство — это народ и его хозяйство, — заявляет он, как с сенатской трибуны.

— Но ведь народ — неоднородная масса. — Я ишу слова, подходящие для понимания Стила. — Это богатые и бедные, аграрии и мелкие фермеры, заводладельцы и рабочие, хозяева и слуги. И народным хозяйством управляют, увы, не слуги, а хозяева.

— А как же иначе? — искренне удивляется Стил. — Правда, хозяева бывают разные. Одни больше заботятся о благе народа, другие меньше. У нас в сенате больше двух третей популисты — защитники народа.

— Но не все же популисты единомышленники? — снова подбираюсь я к главному.

Сенатор не принимает вызов.

— Есть, конечно, горячие головы, их приходится остужать... — нехотя цедит он. — Кстати, за этим мыском

и находится устье канала, а там и поместье недалеко, — меняет он тему. И только после нескольких наших гребков добавляет: — По своему состоянию и положению я мог бы вступить в партию «джентльменов». У меня несколько тысяч акров земли, скотоводческое ранчо, молочная ферма и прочные связи с оптовиками. Но я, как и отец, предпочитаю быть популистом. Народником.

Нет, это был не Стил-отец, занимавшийся сельским хозяйством вопреки полицейским законам, не Стил-революционер и подпольщик, а Стил-землевладелец, Стил-сенатор, хорошо усвоивший разницу между хозяевами и слугами.

Так мы еще ближе подошли к пониманию современного «рая без памяти».

Глава 5

ПРОГРЕСС ИЛИ РЕГРЕСС?

Итак, я в том же доме, куда мы приехали пятьдесят лет назад по здешнему времени. Тогда шел десятый год первого века, ныне — шестидесятый. Дом причудливой деревянной архитектуры с разновеликими окнами и дверьми стоит на холме над бывшим ериком. Он словно совсем не постарел. Та же кораллового цвета жимолость на стенах, та же обегающая дом деревянная галерея, только крыша подновлена толстым слоем недавно срезанной и спрессованной соломы, выдвинутой длинным козырьком над этой обвитой цветущим выюнком галереей, да вместо ступеней из плоских, вдавленных в землю валунов к дому ведет широкая лестница из тесаного камня. И забора из высоких нетесаных бревен с узкими бойницами уже нет, его заменил чугунный рисунок насквозь просматривающейся ограды.

Одно из окон нашей комнаты выходит в густой фруктовый сад, другое — в ясеневую рощицу, полукольцом охватывающую дом, — единственный лесной оазис среди выкорчеванного на километры леса, вместо которого гектар за гектаром тянутся пшеничные и кукурузные поля. Стил уже показал нам их, прокатив по проселку в открытой двухколесной «американке», запряженной парой породистых рысаков. Видели мы и

птицеферму, и скотный двор, которому в свое время позавидовал бы любой российский помещик, вместительные амбары для зерна, огороды и молочное хозяйство с маслобойками и сыроварней.

Что изменило Стила, превратило из двадцатилетнего романтического парня, почти дикого, как индеец времен колонизации Американского континента, в крупного хозяина, знающего цену каждому истраченному и заработанному франку? Я застал его после поездки по имению над бухгалтерскими книгами, которые он проверял в присутствии своего ровесника-управляющего. Но как различно выглядели они в этой беседе: один — жесткий и властный, другой — покорный и робкий...

Когда Стил закончил дела с управляющим, у нас наконец произошел разговор, которого я ожидал.

— А все-таки потянуло к политике? — спросил я его.

— Потянуло, — согласился Стил. — Сказалась, должно быть, отцовская кровь. Да и здешние фермеры, когда на кантоны новые земли разбили, меня сначала кантональным судьей выбрали, а потом все, как один, — кандидатом в сенат. Так и прошел без соперников. И каждые выборы выдвигали заново, даже если большинство в сенате переходило к «джентльменам».

— Точнее, к правым?

— Пожалуй.

— Значит, вы — левые?

— Мы — центр. Левые не сформировали собственной партии. Пока это — наше левое крыло, обязанное подчиняться решению большинства, хотя по многим вопросам оно и не согласно с нашей политикой.

— По каким же вопросам?

Стил замялся.

— Трудно сказать, не заглядывая в протоколы заседаний сената. Назову главные. Они, например, за снижение пенсионного возраста и за увеличение пенсий, а мы на это не идем — не позволяет бюджет. Они — за национализацию железных дорог, нефтяных и газовых разработок, ну а мы, естественно, не хотим ограничивать инициативу хозяев. Интересам государства она не угрожает.

— А интересам народа?

— Я уже говорил, что государство — это народ и его хозяйство, — упрямо повторил Стил.

Я решил не затевать спор. Еще не время. Спросил примирительно:

— Ваши консерваторы-«джентльмены», вероятно, не возражали бы против Мердока?

— Возможно. Но мы сдержим и Мердока, и Donovan.

— Кто это — Donovan?

— Глава левых. Они еще называют себя марксистами. До сих пор не могу понять это слово. У них даже язык какой-то чудной. Классовая борьба, производительные силы, производственные отношения, прибавочная стоимость...

Я не возражал сенатору, только спрашивал:

— А кто может быть президентом?

— Глава победившей на выборах партии становится одновременно и главой государства. За истекшие полстолетия на этом посту побывали и Фляш и мой отец...

Невольно мне вспомнился Фляш, подпольщик. Именно ему, возможно, и досталась та пачка книг, которую я положил на грань двух миров — галактического, откуда мы вернулись на Землю, и нашего, земного. Среди этих книг были и философский словарь, и однотомная энциклопедия, и учебник политической экономии для советских вузов. В них хватало материала для того, чтобы уяснить сущность капитализма и социализма, их экономики и политики. Однако подробно расспрашивать Стила о левом крыле популистов я не стал. Его могло насторожить такое любопытство.

— Почему популисты почти всегда побеждают на выборах? Мелких хозяев больше, чем крупных? — так прозвучал мой новый вопрос к сенатору.

Он ответил не сразу, чуть-чуть подумал и отрицательно покачал головой.

— Не потому. Конечно, за нас голосуют батраки и мастеровые, их много. Но хотя заводчики в своем районе вкупе с цеховыми старостами умеют проташить своего депутата, любой фермер-хозяин, независимо от того, сколько у него земли и скота, всегда за нас. Мы страна аграрная, аграрии и у власти.

— Значит, законы, выгодные промышленникам, проваливаете?

— Но невыгодные для нас — да!

— Например?

— Ну, скажем, требуют государственные кредиты на постройку нового завода или железной дороги. А если они не так уж нужны фермерам и промысловикам? Вот и проваливаем — у нас даже без левых две трети в сенате.

— Вы же тормозите прогресс. Я видел ваши сельскохозяйственные машины. На Земле это древность. На лошадях у нас сто лет назад пахали и боронили.

— Самоходные машины есть и у нас. Только производить их невыгодно. Чего-чего, а лошадей здесь хватает. И так они дешевле свиней. Да и прерия еще не освоена, а там диких табунов — тысячи.

— И на улицах газовые фонари, как и пятьдесят лет назад.

— В центре Города провели электричество, а на окраинах — да, газ. Кому нужен такой прогресс, если он втрое дороже. Может, и впятеро. Построили, что необходимо, а на ветер фермер денег бросать не будет. Понадобился телеграф — провели, а телефон, хотя и придумали, не прошел. Дорого! Кто может поставить себе телефон? Завсегдатай клуба состоятельных — да. А счетовод и лавочник обойдутся посыльными. Фермеру же о телефоне даже не заикнешься. Шерифы и судьи посылают верховых, когда нужно, а простой ранчмен и слова такого — «телефон» — не знает.

Спорить с сенатором о прогрессе явно не стоило. Стил выражал взгляды большинства населения в этом аграрном Городе-государстве. Серебро и медь он использует, будет лить чугун и сталь плавить, пошлет в угольные шахты забойщиков и железную дорогу построит, если нужна она ему для доставки его товаров на рынок, а вот денег на сомнительные, по его мнению, научные эксперименты не даст. Да и не только научные. Зачем, скажет он, строить автозавод, если автомобиль и в мастерских соорудить можно, благо жаждущих автомобильной роскоши не десятки тысяч, а просто десятки, у кого деньги бешеные. Надо строить сначала дороги, а не автозаводы; лошадь и по проселку пройдет, а машина завязнет, особенно зимой или осенью, в дождевую хлябь. Если и не сказал этого Стил, то, весьма вероятно, подумал. А я больше и не спрашивал.

Вижу, как тихо-тихо приоткрывается дверь, и уже знаю, что это входит Мартин. Сто кило на весах, а ходит легко и бесшумно, как вождь из племени сиу — был, наверно, такой индейский предок в безупречной американской родословной Мартина.

Он держит в каждой руке по груше, золотистой и крупной, как наши сухумские «дюшес». Одну из них тут же швыряет мне. Я еле-еле успеваю схватить ее, иначе она шмякнулась бы в стену и растеклась по синему шелку обивки.

— Ошибись ты чуток, и пришлось бы сенатору стенку перебивать.

— У Минни точь-в-точь такое же платье, — смеется Мартин, — вот и дала бы его на заплату.

Я опускаю ноги с дивана и сурово смотрю на Мартина.

— Не переходи границ, Дон. Не крути голову девочке.

— А я и не кручу, — искусно разыгрывает удивление Мартин, — мы просто болтаем. Я мелю всякий вздор, а ей весело. Славная девушка.

По-мужски я понимаю Мартина. Мимо такой девушки трудно пройти равнодушно. Понимаю и то, что Мартин интереснее и содержательнее любого из ее здешних поклонников. Но нельзя допускать, чтобы пусть пока еще невинный флирт перешел в более сильное и глубокое чувство. Нельзя, если рассчитываешь вернуться на Землю.

— Ну а если мы навсегда здесь останемся? — пристально глядя на меня, спрашивает Мартин.

Я молча пожимаю плечами. В каждом из нас живет тревога, но вместе с ней и надежда, что все кончится, как в прошлый раз: вернулись, да еще так, что на Земле и отсутствия нашего не заметили. Задавать себе снова и снова этот мартиновский вопрос бессмысленно, а потому и не нужно.

— Не думаю. А вот красotka Минни останется здесь, — говорю я. — Чуда не будет.

— Чуда не будет, — вздохнув, повторяет Мартин.

— Конечно. Что невозможно, то невозможно. За кого бы ты выдал ее на Земле? За француженку или американку? Без визы, без паспорта, без свидетельства о рождении.

Нам обоим смешно.

— Ладно, — кивает Мартин, — принял к сведению. Кое-что я уже принял к сведению десять минут назад.

— Что именно?

— Твое назначение.

— Ты о чем?

— Все о том же. Только что сенатор Стил, встретив нас с Минни, отослал ее домой, взял меня под руку и таким беспокойным шепотком осведомился: «Как вы думаете, мистер Мартин, не согласится ли мсье Ано, если я предложу ему пост советника моей канцелярии? Сейчас у меня нет никого, кто бы лучше его подходил для этого места».

— Почему же он не спросил об этом меня?

— Он боится, что ты откажешься. Говорит, что ты задал ему много дельных и разносторонних вопросов, показывающих твой интерес к политике, но он не почувствовал в них симпатии к популистам.

— Сообразительный старик, — усмехаюсь я. — Пусть предложит — не откажусь.

— Я так ему и ответил. А вот мне он ничего не предложил.

Мгновенно родилась идея. Сегодня во время нашего политического диалога с сенатором я увидел на столе одну из здешних газет со странным названием «Брэд энд баттер», по-русски — «Хлеб с маслом». Обыкновенный восьмистраничный бульварный листок с крикливыми заголовками. «Газета неогалунщиков, — хмыкнул сенатор, — а владелец и вдохновитель ее — ваш друг Тур Мердок». — «Почему такое странное название?» — спросил я, проглотив «друга». «Хлеб с маслом для каждого» — девиз газеты, — пояснил Стил, — только я бы добавил: «для каждого подонка и выродка». Я просмотрел уголовную хронику с первой полосы до последней и понял, что сенатор прав.

Выкладываю свою идею Мартину.

— Ты будешь работать у Мердока.

Мартин, не отвечая; недоуменно таращит глаза.

— Достань из мусорной корзины газету, которую я взял у Стила, и посмотри ее повнимательнее. Тогда поговорим.

Мартин так и делает. Не прерывая чтения, спрашивает:

— Газета Мердока?

— Она.

— Смердная газетенка.

— Тем лучше.

— Ничего не понимаю. Почему я должен нырнуть в эту политическую нору? Что скажет Стил?

— Сенатора убедим в полезности акции.

— Но я же не стану писать политических пасквилей.

— И не пиши. Ты будешь работать в отделе уголовной хроники. В эту нору ты и нырнешь. На дно Города. Необъятный источник нужной нам информации. Все подпольные связи Мердока. Все замыслы его банды. Думаешь, он ограничивается открытой политической борьбой? У него есть и другие средства: от закулисной парламентской игры до откровенно бандитских налетов. Все это готовится понемногу и именно на дне Города, ведь пока Стил — сенатор, уголовные низы не подымутся наверх, а банда Мердока не станет партией. Вот там и будет своим человеком репортер уголовной хроники Дональд Мартин.

Кажется, я убедил Мартина. Он больше не удивляется и не кипит. Он затих. Только, перелистав еще раз все восемь газетных страниц, говорит с грустью:

— Помойка и есть помойка.

— А разве я не работал у Корсона Бойла? Да и ты, кажется, там подрабатывал. Скажешь, нет? И таких газетных помоек в вашей Америке тоже нет?

— Ладно уж, давай ближе к делу.

— О твоём устройстве я сам позабочусь. Оно окупится для Мердока моей близостью к Стилу. Советник сенатора — не так плохо звучит. Мердок это сразу раскусит. Меня лично беспокоит другое. Как мы будем поддерживать связь, находясь в разных политических лагерях?

— Придумаем что-нибудь.

— Явки найдутся, Мердоку, несомненно, потребуется где-то и что-то передать мне. Пусть и думает. А вот нам с тобой, кроме явок, нужны и связные. Хорошо бы найти двух верных парней, которые не обманут и не продадут.

И тут я вспоминаю двух студентов из Сильвервилля. Пит и Луи! Пожалуй, единственные, на кого мы могли бы рассчитывать.

Глава 6

В «БЕРЛОГЕ» МЕРДОКА

Мы ехали верхом в Вудвилль — речной порт в центре рыбных промыслов «Веррье и сыновья». Нам предлагали сенаторскую карету, но мы отказались: верхом удобнее и легче, не нужно трястись по ухабам на лесной дороге. Из Вудвилля в Город мы уже поедем по железной дороге.

Сенатор выехал на несколько дней раньше. Документы он нам выдал, скрепив их своей подписью и личной сенаторской печатью. Я именовался советником канцелярии Стила, а Мартин — прикомандированным ко мне сотрудником для поручений. Перебросить Мартина в газету Мердока я еще сумею, пока же полученные документы дают нам право на существование в Городе.

Днем мы ехали без приключений, никого не встретив, ни пешего, ни конного, ни кареты, а к вечеру, когда стемнело — темнеет здесь после шести даже летом, — развели костер на придорожной полянке. Сухие сучья трещат, разгораясь, головешки алеют, как раскаленное железо в кузнице, дым столбом подымается за кроны деревьев к черному небу — ветра нет, и сквозь тучи не видно звезд.

— Ни на Стила, ни на Мердока я работать не буду, — говорю я. — Один — либерал, другой — авантюрист. Мне нужны настоящие люди вроде Стила-отца или Фляша.

— А они есть?

— Наверняка.

— Я не коммунист, Юри, и помогать им не собираюсь.

— Мы призваны сюда не помогать — так я по крайней мере думаю, — а посмотреть, как развивается здешнее общество. А что думает об этом народ, лучше узнать у Донована. Полагаю, он судит вернее других.

— Кто это — Донован? — спрашивает Мартин, как я недавно спросил у Стила.

Я объясняю.

— Надеюсь, мы не будем здесь устраивать вторую революцию? — усмехается Мартин.

— Не будем. Но мы будем работать на тех и для тех, кто нам ближе по духу.

— А Стил тебя не устраивает?

— Стил — крупный землевладелец, помещик — по-русски, он так же далек от бедняка, как твои рокфеллеры и морганы.

— Допустим.

— Так подбрось сучьев в костер, а то он уже гаснет.

Из темноты леса совсем близко доносится насмешливый голос:

— Как ни приятно погреться у костра, джентльмены, вам все же придется его погасить.

К костру из-за деревьев выходят пятеро или шестеро мужчин — от неожиданности я не сосчитал сколько — в широкополых соломенных и фетровых шляпах, с черными платками на лицах, до глаз, и с автоматами, нацеленными прямо на нас. Один из них, длиннорукий верзила, приблизившись, командует:

— Руки!

— Мы без оружия, мистер, можете обыскать, — говорит Мартин.

Верзила оглядывается на стоящего чуть позади крепыша-коротышку:

— Обыщи!

Мы встаем, и крепыш профессионально ощупывает наши карманы.

— Ничего у них нет, Чек.

— Мсье Ано и мистер Мартин, не так ли? — спрашивает верзила, по-прежнему держа палец на спусковом крючке.

Я успеваю разглядеть только высокие фермерские штiblеты, голубую застиранную рубашу и широкую, расшитую золотыми блестками повязку на рукаве. «Галун!»

— Поедете с нами.

— Куда? — рискует спросить Мартин.

— Куда надо.

Мы едем по тому же проселку, теперь уже в сопровождении вооруженных всадников. По бокам у меня — верзила в сомбреро и обыскивавший нас крепыш-коротышка. Мартин едет сзади с таким же «эскортом». Верзила вдруг останавливается, снимает платок с лица и закуривает.

— Узнал меня, стрелок?

— По голосу.

— Метко стреляешь. Если бы не хозяин, мы бы еще пощелкали. А то мне даже пришлось за разбитую бутылку платить.

— Могу отдать, друг Пасква.

— Запомнил, значит? И я запомнил.

— Тем лучше, — говорю я, — пригодится на будущее.

Куда и зачем нас везут? Ограбить? У нас ничего ценного с собой нет, кроме нескольких сот франков наличными. Отнять их они могли бы и на полянке у костра. Убить? Но и убить можно было там же, ведь лесная дорога темна и пустынна. После того, как я узнал верзилу из «Веселого петуха» в Сильвервилле, все больше убеждаюсь, что мы нужны не ему. Похоже, его хозяин Тур Мердок где-то поблизости...

На развилке поворачиваем влево. Еще полчаса — и мы останавливаемся у ворот забора, уходящего в глубину леса. В сутках здесь восемнадцать часов, и ночь, недавно начавшаяся, уже тает в предрассветном тумане. Забор отлично виден: высокий, из толстых, почти четырехметровых, бревен, совсем как у Стила пятьдесят лет назад. Тяжелые ворота нудно скрипят. По мощенной камнем дороге мы подъезжаем к небольшой бревенчатой даче, покрытой толстым слоем спрессованного и высушенного тростника. Нас никто не встречает. Пасква, толкнув незапертую дверь, пропускает меня и Мартина вперед в сени, а затем в комнату с огромным камином, в котором горят целые бревна. Этот огонь и является единственным освещением комнаты, где несколько человек за непокрытым деревянным столом играют в карты.

Пасква проходит в дверь, едва заметную в глубине комнаты, и тотчас же возвращается.

— Ано может войти, а Мартин пока останется здесь.

— Мсье Ано, — говорю я ему, — и твердо запомните это на будущее.

Пасква не отвечает, а Мартин садится на скамью подалее от камина — ему и так жарко от верховой езды. Я вхожу в другую комнату, бревенчатую, без обоев, но хорошо меблированную, с большим мягким ковром на полу. В комнате светло, хотя и освещает ее только десяток толстых свечей в грубых деревянных подсвечниках. Встречает меня сам Тур Мердок.

— Садитесь, мсье Ано. — Приветливая улыбка играет на его темных губах, и тонкие, почти женские руки указывают на одно из двух обитых красным бархатом кресел. — Рад видеть вас в моей летней берлоге.

Я начинаю злиться.

— Приглашение с вооруженным эскортом?

— А вы бы приехали иначе?

— Возможно.

— Мне нужно было наверняка. Я знал, что вы поедете верхом, знал и когда вы поедете.

— Откуда?

— Это мой маленький секрет, мсье Ано, но, чтобы вы не мучились над его разгадкой, скажу вам, что у меня есть кое-кто в сенаторском окружении. Я даже знаю о вашем назначении. И самое главное — вы мне нужны. Тем более, что мы договорились обо всем еще в Сильвервилле.

Решаю, как говорится, брать быка за рога.

— Так что же вы предлагаете, мистер Мердок, и что требуется от меня?

— Предлагаю вам десять тысяч франков. Первую половину вы получите по приезде в Город от моего банковского агента. Остаток — по окончании дела.

Я не спрашиваю — какого дела, пусть сам расскажет.

— Крупно играете, Мердок, — намеренно опускаю «мистер».

Мердок принимает вызов.

— Чем крупнее игра, Ано, тем интереснее игрокам.

Моя ставка в этой игре — десять тысяч. Ваша — голос сенатора Стила, поданный за легализацию моей партии.

— Какую цену может иметь один голос Стила?

— Огромную. Вслед за ним проголосуют все аграрии и цеховые старосты. «Джентльмены» воздержатся, а трудовики останутся в меньшинстве.

— Цеховые старосты — это лидеры профессиональных союзов? — спрашиваю я, не замечая, что прибегаю уже к чисто земной терминологии.

Но Мердок замечает.

— Станный жаргон у вас, — кривится он, — мы так не говорим. Сразу ясно, что вы далеки от политики.

— Даже не знаю, кто такие трудовики.

— Donovanовское крыло популистов. Несколько старых мечтателей и мальчишки, вообразившие себя взрослыми.

— Вот видите, — говорю я, — с моим ничтожным опытом в политике трудно согласиться на вашу игру. Предлагаю другие условия.

— Какие?

— Никаких авансов. Выйдет — хорошо, не выйдет — не взыщите.

— Значит, все-таки допускаете, что можно убедить Стила?

— Можно попытаться его убедить.

— Так почему же отказываться от пяти тысяч? Не понимаю ваших мотивов.

— Элементарная честность, Мердок. Я никогда не беру денег взаймы, если не уверен, что смогу их отдать.

— Но в игру входите?

— Рискну.

— Может быть, подключить и Дональда Мартина?

— У меня есть другое предложение о Мартине. Устройте его репортером в вашу газету.

— Но газета не моя, а Тинкрасса.

— Не будем начинать с обмана, Мердок. Я знаю, кто истинный хозяин и вдохновитель этой газеты. А Мартину она нравится, и он просто мечтает стать журналистом.

Мердок молчит. Смущен или недоволен? Бесцеремонно открываю дверь и кричу:

— Мартин, войди!

Мартин входит с искательной улыбкой — готовый к своей новой роли.

— Вы никогда не работали в газете, Мартин?

— Нет, мистер Мердок.

— А что вы делали раньше?

— Путешествовал вместе с Ано, мистер Мердок. Скинулись в прерии, в северо-восточных лесах, у истоков Реки.

— Вот и попробуйте написать об этом в газете. Читателям будет интересно узнать об еще не освоенных землях.

— Я хотел бы работать в отделе хроники, мистер Мердок. Городской хроники.

— Хорошо. Но о путешествиях тоже напишите. Я дам вам записку к редактору «Брэд энд баттер». Знаете эту газету?

— Я восхищен ею, мистер Мердок.

— Там сильный политический отдел. Последовательная критика махинаций в сенате. Что же касается городской хроники...

— Мне нравится ее подход к событиям, мистер Мердок, — осмеливается перебить Мартин, — опередить полицию, проникнуть в тайну случившегося раньше нее, раскрыть скандал в благородном семействе или сомнительную репутацию какого-нибудь безгрешного деятеля...

Мердок явно польщен.

— Пожалуй, вы для этого подходите, Мартин. Может быть, и я когда-нибудь дам вам кое-какие поручения. А теперь оставьте нас на минуту.

Удачно сыгравший свою роль Мартин, склонив почтительно голову, удаляется. Мердок излучает великодушие и благожелательность.

— Довольны, Ано?

— Мне кажется, что и я могу задать вам тот же вопрос. Я знал, что Мартин годится для многого, во всяком случае, связь можно поддерживать через него. Ему ведь понадобится по ходу работы сенатская хроника?

— А вы умница, Ано, — смеется Мердок. — Только учтите срочность. Голосование в сенате мне нужно выиграть до начала избирательной кампании. Хорошо бы еще до конвенции популистов в Вудвилле.

— Почему в Вудвилле, а не в Городе? — спрашиваю я.

— Потому что Вудвилль — центр крупнейшего промыслового и фермерского кантона. По берегу Реки — промыслы, ближе к лесу — поместья. А в ста километрах за Вудвиллем уже прерия — вотчина ранчменов. В Городе у популистов, пожалуй, сильнее трудовики.

На этом, собственно, кончается наша беседа. Мы ужинаем, дружески прощаемся с Мердоком, пожелавшим подчеркнуть напоследок, что Пасква и остальные отнюдь не слуги, а его избиратели, получаем своих отдохнувших, накормленных лошадей и уже без всякого «эскорта» покидаем «берлогу». Мы здесь гости, а следовательно — союзники.

И вот мы снова на лесной дороге с ухабами, болотцами. То съезжаем, то опережаем друг друга. Разгова-

ривать трудно. Размышляю о соглашении с Мердоком. Легализация реставраторов мне ненавистна: когда-то я и мои друзья боролись против полицейской диктатуры. Не собирался я убеждать Стила и явно рисковал, обманывая Мердока. Зачем? Нет, Мердок мне нужен, как и Стил, чтобы понять политическую структуру этого выросшего уже без постороннего вмешательства мира. Даже беседуя с Мердоком, я мысленно искал ему аналог на Земле. Может быть, это здешний фон Тадден, фигура у нас давно провалившаяся, обреченная на провал и здесь, потому что цель у обоих одна и та же — реставрация прошлого. С фон Тадденом роднит Мердока и политическая одержимость, почти фанатизм, желание действительно вернуть «золотой век», несомненный опыт искусного оратора и политического авантюриста. Есть в нем и черты главарей мафии: сметливый, подлый ум, дерзость и расчетливость игрока, жажда власти.

Все это я высказываю Мартину.

— Философствуешь, — говорит он, сдерживая лошадь. — А пожалуй, похоже. Только одного не понимаю: ты же все равно обманешь Мердока.

— Обману, чтобы помешать.

— Для чего? Ему и Стил помешает.

— Мы еще не знаем соотношения сил в сенате. Может быть, Стил ошибается. Мы вообще не знаем Города. Что здесь осталось, что родилось и что выросло. Вот и начнем изучать. Я — сверху, ты — снизу.

— Ну, изучим, а дальше?

— Дальше посмотрим, с кем мы.

— Ты уже говорил.

— Я и повторяю. Мы еще не знаем экономики государства, не знаем ни промышленности, ни пролетариата. Рассказ Стила неполон. Пролетариат есть, но достаточно ли он вырос? Есть ли у него настоящие вожди?

— Сразу видно коммуниста, — замечает Мартин. — Пролетариат, Маркс, капитализм, социализм.

Я не сержусь на Мартина. Отлично все понимает, но притворяется. Просто не хочет рисковать. Проводить время с Минни куда интереснее. Но сделать — все делает. Поэтому я умолкаю.

— Послушай, а где они будут искать серебро и кого обвинят в ограблении? — вдруг спрашивает Мартин, круто переменяв тему разговора.

- Кто это «они»?
- Кто, кто! Правительство, полиция, розыск.
- Полиция, — говорю я, — здесь, вероятно, наполовину подкуплена. Ничего и никого не найдет. Мердока же вообще даже упоминать не будут.
- А серебро-то у него в кармане, — ухмыляется Мартин.
- Ты так уверен?
- Зря, что ли, я сидел в комнате с камином. У стены люк в подвал. Его открыли и вносили туда ящики. Я и спросил: что это?
- Как же тебе ответили?
- Сказали: помалкивай, пока цел. Найдем, если проболтаешься.
- Может быть, ящики с оружием или продовольствием?
- Я узнал их. Те самые, которые грузили с причала в кормовой люк «Гека Финна».

Глава 7

ГОРОД ШЕСТИДЕСЯТОГО ГОДА

В Вудвилль мы прибыли вечером и уехали оттуда утром на другой день. С городком как следует и не познакомились. То, что увидели, проезжая по улицам, казалось чуточку посolidнее и побогаче, чем в Сильвервилле, — меньше дощатых и бревенчатых хижин, дома каменные, из розового туфа, как у нас в Армении, некоторые отделаны гранитом и кремовым песчаником. Вывески ярче и крупнее. Добротно выглядела и гостиница «Веррье-отель» с колоннадой у входа. Ее владелец Гастон Веррье, к которому мы направлялись по указанию Стила, любезно предоставил нам комнаты в своей огромной квартире, занимавшей весь первый этаж гостиницы. Веррье, толстенький, разбитной француз с чисто выбритым лицом и аккуратно подстриженными седоватыми бачками, владел рыболовными промыслами по берегу Реки. Мы видели их, проезжая, — бараки и хижины, опрокинутые лодки на берегу и сети, натянутые на кольях. Ему принадлежали и виноградники на склонах холмов, примыкавших к городку с севера. При-

нял он нас гостеприимно и радушно, познакомил со своим типично французским семейством, приказал отвести наших измученных лошадей на конюшню, угостил обильным и сытным ужином. За ужином мы узнали, что «все порядочное население города голосует за популистов». «Кого же вы считаете непорядочными?» — спросил я как можно серьезнее, чтобы хозяин не почувствовал скрытой иронии. «Рыбаков-поденщиков, — охотно пояснил он, — тех, кого нанимаешь на ловлю. Ненадежные люди». — «А они за кого голосуют?» — поинтересовался я. «Ни за кого, — пожал плечами Веррье, — индифферентны. Их мог бы купить Мердок, да у него, к счастью, и партии нет». — «А трудовики?» — «Заводов здесь нет — нет у трудовиков здесь и базы, а приезжих агитаторов мы не любим, — сказал хозяин. — Мы, настоящие популисты, не очень-то жалуем своих левых».

Утром, простившись с Веррье, Мартин и я уже сидели в купе первого класса железной дороги Вудвилль — Город. Как не похоже было это путешествие на первую нашу поездку в Город пятьдесят лет назад. Тогда — запряженный шестеркой битюгов автобус, облупленный и запыленный, не дилижанс, воспетый Андерсеном и Диккенсом, а именно земной автобус, без мотора, который выбросили из-за отсутствия бензина, с рваными, обтрепанными сиденьями, торчащими пружинами; пассажиры — несколько запоздавших с загородной прогулки туристов, одетых совсем как земные парни и девушки. Сейчас — роскошное купе железнодорожного вагона, пассажиры в цветных сюртуках и длинных бархатных и кружевных платьях, толстые свечи в медных подсвечниках, старомодные саквояжи и кофры, обед, принесенный вышколенным официантом из вагона-ресторана, и медленно плывущие пейзажи за окном — то лиственный лес, то газон на фермах, то коровы на лугах, то редкие трубы заводов, поближе к Городу. Так, должно быть, ездили в Южной Германии или Швейцарии в восьмидесятых годах прошлого века.

До самого вокзального перрона меня не оставляла тревожная мысль о встрече с Городом. Что живо, что умерло, что изменилось? Не изменилась каменная брусчатка у заставы и утрамбованная сухая глина в примыкающих переулочках. Сохранилась центральная, непо-

шенная, с рыхлой землей дорожка посреди улицы — по ней, как и раньше, скакали верховые: курьеры, порученцы государственных и частных контор, конные полицейские и просто любители верховой езды. Остались и велорикши. Появились легкие ландо и фиакры, а проще говоря, двухместные и четырехместные кареты и коляски на литых и дутых шинах, как у московских лихачей в дореволюционные годы. Я увидел и конку — легкий, открытый со всех сторон вагон, запряженный четверкой лошадей, тащивших его довольно быстро по врезанному в камень рельсам. Начинался Город тогда — полстолетия назад — с ободранных автобусов, поставленных на сваи ушедшими на пенсию полицейскими, и «бидонвиллей» — самодельных хижин из пустых бидонов, канистр и ящиков, а сейчас началом его стал вокзал. Выстроенный, вероятно, лет двадцать назад, ныне он постарел, облупился, но для меня он был неким новым явлением, преобразовавшим въезд в Город. Отсюда расходились длинные серые заборы, почерневшие от дыма и гари приземистые заводские корпуса и высокие каменные трубы, извергавшие в ясное прежде небо облака черной копоти.

Ехали мы в открытой коляске. Кучер в желтой крылатке время от времени взмахивал плетеным бичом, странно напоминающим удочку. Чем глубже проникали мы на территорию Города, едва уловимые изменения становились для меня всё ярче и разительнее. На улицах стало как бы просторнее и тише: мне объяснили потом, что почти половина или по меньшей мере треть городского населения — в большинстве одинокие мужчины и жаждущая романтики молодежь — покинула Город в поисках счастья на необжитых землях. Любопытные последствия этой миграции я узнал позже, пока же удивляло отсутствие привычной уличной толкотни, памятной мне по совместным нашим хождениям по здешним улицам пятьдесят лет назад. Удивляло обилие магазинов и всевозможных частных контор. Вовсю шла частная торговля и торговлишка, как в любом земном городе, куда еще не доехали чудеса супермаркетов и универсамов. Большие магазины и крохотные лавчонки, ларьки и киоски попадались буквально на каждом шагу. Деятнадцатый век, как и в Сильвервилле, соседствовал с двадцатым. В центре высились

электрические фонари, и гирлянды лампочек украшали входы кинотеатров и кафешантанов — я употребляю именно это слово, потому что увидел его над застекленным входом в дом, по фасаду которого даже днем бежали электрические буквы. Судя по всему, и кинотеатры, и этот, видимо, самый модный в Городе кафешантан с мопассановским названием «Фоли-Бержер» имели достаточно средств для того, чтобы позволить себе электрическую рекламу. Что показывали в кинотеатрах — немые или звуковые фильмы, — я еще не знал, только позже мне стало известно, что до звукового кино здешний прогресс еще не добрался и маленькие городские киношки обходились Глупышкиным и Верой Холодной на местный лад. По когда-то лесистым, а теперь наголо «обритым» горным склонам, продолжавшим Город, рассыпались в беспорядке улиц и переулков уже не самодельные бревенчатые хижины, а каменные хоромы богачей, окруженные садами. Город, несомненно, разбогател, подравнялся, и удивлявшая прежде в нем «склеенность» американского и французского провинциальных пейзажей стала как-то менее заметной, не бросающейся в глаза.

Отель «Омон» нас встретил бальзаковской старомодностью, характерной для него и пятьдесят лет назад. Те же тяжелые плюшевые портьеры, старинные канделябры, пузатая мебель, которую на Земле увидишь лишь на аукционах или в музеях. Только вместо фотографий Города и афиш, украшавших когда-то стены холла, теперь висели картины. Свечи в канделябрах были прежние — восковые, но люстра уже светила электрическими лампами. Отель, видимо, был настолько преуспевающий, что мог тоже позволить себе и электрическое освещение, и телефон, правда, не в комнатах, а только у стойки похожего на директора банка портье.

Сейчас, после недельного бездействия, на которое я был обречен отсутствием Стила, неожиданно уехавшего в Ойлер для встречи с будущими своими избирателями и не успевшего даже познакомить меня с обязанностями советника канцелярии, я уже вжился в тихий отельный быт, привык к некрикливым темным краскам, бесшумной поступи слуг, к угрюмой неразговорчивости коридорных и чинной клубной обстановке бара. Отель наполовину пуст — говорят, из-за летних сенатских ка-

никул, и я часами просиживаю за стойкой бара с единственным собеседником, шестидесятипятилетним барменом, помнившим и отель, и Город такими, какими видел их я пятьдесят лет назад по здешнему времени.

— Да, Город тогда был другим, — приходится кое-что присочинять мне, — еще отец рассказывал. Впрочем, и с моих мальчишеских лет здесь многое изменилось.

— Вы долго здесь не были? — спрашивает бармен.

— Лет десять. Теперь мне уже тридцать. После колледжа ушел в леса. Далеко по северо-востоку бродил.

— Я читал о ваших приключениях в газете. Мистер Мартин писал, тот, что живет в тридцатом номере. Ваш спутник.

— Теперь мы разделились, — говорю я, так как мы условились с Марином не поддерживать открыто дружеских отношений. — Ведь это не наша газета, Эд.

— Знаю. Но в ней есть что почитать. Вот вы за эти годы многое увидели и узнали.

— А Город увидел и не узнал.

— Народу поменьше. Пятьдесят лет назад до миллиона доходило, а сейчас тысяч семьсот, не больше. Я не считаю пригородов. Там новых заводов понастроили.

— Уходит, значит, народ?

— Молодежь. Вроде вас, когда вы в леса сбежали. И теперь бегут. С луком и стрелами, как и раньше. Не всякий может охотничью двухстволку купить. Да и просто так уходят. С ножом, с лопатой. Земли много — только ищи да налог плати. А уйдешь подальше, так и бесплатно просуществуешь. И существуют. Дичью торгуют, шкурками. А меха нынче в моде.

— Значит, нуждается Город в рабочих руках?

— Держится мастеровщина. И в мастерских и на фабриках. Высокая оплата труда. Приходится раскошеливаться, если хочешь рабочих держать.

— А сколько платят? — спрашиваю я, вспоминая о своих пяти франках в день у Флясона.

— В шахтах больше пятидесяти франков за смену. Только там человека, как лимон, выжимают. По десять часов в день при двухсменной работе. И на прокатном, и на чугунолитейном, и на машиностроительном — все то же. Только в мастерских малость полегче, зато и плата поменьше. Цеховые старосты регулируют.

— Так ведь и оттуда можно уйти.

— Пожилые и семейные не уходят. Где ни работай — проживешь, не жалуясь.

— А ты оптимист, Эд. Платят хорошо — еще не знает, что жить хорошо.

— Так трудовики говорят, — пожимает плечами Эд.

— Слышал их?

— Я на митинги не хожу.

Информацию бармена я корректирую информацией Мартина. Он уже несколько дней работает в редакции «Брэд энд баттер».

Стил, узнав об этом, сначала рассвирепел:

— Прохвост ваш Мартин! Не ожидал...

— Не сердитесь, сенатор. Это в наших же интересах.

— Не понимаю.

— Сейчас поймете. Мердок серьезный противник.

Надо проникнуть в его замыслы, в его игру. А игру он ведет крупную, я уже кое-что знаю о ней. Так вот, сенатор, пришлось пожертвовать Мартином, послав его в эту газету. Он многое может услышать и о многом узнать. Теперь у нас свой человек во вражеском лагере.

— Грязное это дело, Ано.

— Не очень чистое, согласен. Но для нас полезное. Даже больше — необходимое...

— А вы не преувеличиваете значение Мердока как политической личности?

— Боюсь, что нет, сенатор. Личность незаурядная. И думаю, очень опасная.

— Возможно, вы правы, Ано. Мартин не протестовал?

— Я убедил его, сенатор. Все в порядке. Можете спокойно ехать в Ойлер.

...Мы встретились с Мартином еще до приезда сенатора. Мартин не один, с ним Луи и Пит, разысканные в общежитии политехнички. Внешне — неброско одетые: не то студенты, не то клерки, встретишь на улице — не оглянешься. И оба сияют — пожалуй, это самое точное определение их душевного состояния.

— Ребята согласны, Юри. Я обещал им по пятнадцать франков в день, в три раза больше, чем у Фляшона. Только работать будут неполный день — они еще учатся.

— Одному из вас придется помогать мне в канцелярии, — говорю я. — Просматривать документы, сенатские протоколы, отчеты, подбирать нужную мне ин-

формацию. Какую именно, поясню, когда приступим к делу. Другой будет связан с Мартином. Работа на ногах, с людьми, информаторская, агентурная. Кому что — выбирайте сами.

— Человек я неразговорчивый — предпочту писанину, — высказывается первым Пит.

— А я — «на ногах и с людьми», — тут же вставляет Луи.

Наконец Луи и Пит уходят, получив за неделю вперед, а мы с Мартином остаемся вдвоем.

— Выкладывай, — тороплю я его. — Что узнал?

— Многое. Нет ни кризисов, ни экономических спадов, ни биржевой паники. Даже безработицы нет. Без работы только инвалиды и нищие-профессионалы, которых, кстати, ловят и ссылают на рудники.

— Знаю.

— Зато пособия инвалидам труда ничтожны, а семьям погибших на работе ни хозяева, ни государство вообще не платят. Пенсии начисляются с семидесяти лет, и только мужчинам. Женский труд оплачивается дешевле, и пенсией женщины не обеспечиваются. Таков популистский прогресс на практике. За полсотни лет построено не больше двух десятков заводов, значительная часть мастерских реорганизована в мелкие фабрички, тяжелая промышленность только разворачивается, да и то лишь в пределах нужд сельского хозяйства, в легкой преобладает система надомников, а фабричных рабочих всего тысяч двести. Их здесь именуют по-старому: мастеровые. Никакой техники безопасности на предприятиях нет и в помине. Детский труд узаконен и не преследуется.

— А как с наукой?

— Кого из ученых встретишь на «дне»? Говорил я, правда, с одним бывшим университетским профессором — математиком. Математика, Юри, здесь на уровне девятисотых годов. Лучше других работают заводские научные лаборатории, в частности лаборатория некоего Уэнделла, заводчика, отпускающего на нее большие средства. Но все это редкие исключения, лишь подтверждающие промышленную отсталость Города.

Мартин рассказывает подробно и дельно. Но мне этого мало, мне нужно связать экономическую информацию с политической.

— А на «дне» вообще не говорят о политике, — усмехается Мартин. — Здесь голосуют за тех, кто платит. Покупателей и перекупщиков голосов и у «джентльменов», и у популистов в одном только рыночном районе десятки. Даже лидер «джентльменской» партии Рондель не брезгует покупкой голосов на меновом рынке. А привокзальные бильярдные и бары закуплены на корню популистами. За партийного соратника Стила, сенатора Клайна, — он же оптовый торговец рыбой в американском секторе, — голосовали на прошлых выборах сотни хозяев мелких лавчонок и рыбных ларьков. Думаешь, из солидарности? Нет, это стоило ему, как мне рассказали в редакции, больше ста тысяч франков. Мердок единственный не покупает пока голоса избирателей, но когда ему это понадобится, у него будет все «дно», от уличных забегаловок до клубных игорных домов. Тот же Пасква приведет ему тысячи и в Сильвервилле, и в самом Городе, где я уже встретил нескольких его друзей из памятной нам «берлоги». Кстати, о Мердоке, — тут Мартин понижает голос, словно боится, что кто-нибудь может подслушать, — я почти уверен: он замышляет что-то новенькое.

— А конкретно?

— Некто по имени Фревилл контролирует все притоны в американском секторе. Похоже, это — ставленник Мердока. Тут и питейные заведения, и салуны с потайными игорными залами, и бильярдные с барами. А во французском секторе правит некий Бидо, предпочитающий не делить доходы с Фревиллом. Так вот, с Бидо решили покончить. Как и когда, не знаю, но один тип проболтался, что скоро из Бидо сделают мясной пундинг. Только, я думаю, не наше это дело, Юри.

— Правильно думаешь. Мы не в старом Чикаго.

Я даже не предполагал, как мы ошибались.

Глава 8

ПЕРВЫЙ УДАР МЕРДОКА

Сегодня приехал Стил. Я еще не видел его, но получил от него записку, приглашающую меня к ужину в сенатском клубе на шесть часов вечера. Сейчас без четвер-

ти шесть, лошади поданы к подъезду гостиницы, и я отправляюсь в клуб.

Стил опоздал на четыре дня, а за это время произошли события, о которых необходимо рассказать. Началось все как раз четыре дня назад с воскресной утренней почты. Среди газет было письмо сенатора, сообщавшего, что он вынужден задержаться, и если я захочу, то могу ознакомиться и без него с деятельностью сената. Одновременно он прислал чек на тысячу франков и чистый гербовый лист со своей подписью и сургучной печатью, куда я мог вписать все, что мне заблагорассудится. Этот знак безграничного доверия полностью раскрывал отношение Стила ко мне.

Сначала я прочитал утренние газеты. Интересовали меня, понятно, не объявления и не уголовная хроника, а передовицы и комментарии — их политическое кредо. В частности, внимание привлекли две статьи, обе редакционные, без подписи. Консервативный «Джентльмен» задавал, на первый взгляд, чисто риторический вопрос: почему бы не разрешить создание политических ассоциаций, которые могли бы участвовать в выборах наряду с уже действующими партиями? Такие ассоциации, не ограниченные ни численностью, ни направлением, способны были бы объединить евангелистско-католические круги, студенчество, кое-какие прослойки в обеих сенатских партиях, которым уже становится тесно в официальных партийных рамках. Подтекст здесь был ясен. Билль о политических ассоциациях расколол бы не «джентльменов», а популистов. Церковные круги, получив самостоятельность, блокировались бы в сенате с правыми. Студенчество — разномасштабное политически — вообще не смогло бы образовать единой организации, а выделение трудовиков «джентльменам» ничем не угрожало бы из-за малочисленности левого крыла. Но самое интересное было не в этом. Газета не упоминала о Мердоке и его «реставраторах», а ведь билль о политических ассоциациях именно ему и открывал путь в сенат.

Другая наводящая на размышление статья была опубликована в мердоковской «Брэнд энд баттер». Говорилось в ней тоже о выборах, только в ином аспекте: о шантаже и подкупе избирателей, о покупке голосов оптом и в розницу в городских пивных, салунах и барах.

Упрекнуть автора можно было бы лишь в чересчур развязной и крикливой манере. Но писал он правду, подтверждая то, о чем рассказывал Мартин, только не называя имен. Газета обещала назвать имена и представить документальные доказательства подкупа, если потребуют обстоятельства. Она выражала надежду, что обе сенатские партии учтут все это в предстоящей избирательной кампании и сумеют обойтись без мошенничества.

Настораживало само обещание «назвать имена и представить документальные доказательства». Какие цели преследовал такой выпад? Скомпрометировать популистов и «джентльменов»? Зачем? Ведь у Мердока еще не было партии. Только популистов? Это имело бы смысл, если бы он рассчитывал на победу правых: судя по осторожному выступлению «джентльменской» газеты, у него были связи и в их лагере. Но почему обещание скомпрометировать адресовалось деятелям обеих партий? Может быть, это — угроза возможным соперникам, чтобы побудить их к принятию билля о создании политических ассоциаций? Или Мердок заранее знал о «джентльменской» статье, и билль этот уже кем-то придуман, отредактирован, и кто-то предложит его на одном из заседаний сената?..

Кое-что я узнал чуточку позже.

В комнату ко мне постучался лифт-бой и пригласил спуститься к телефону у стойки портье.

— Говорит Мердок, — услышал я знакомый любезный голос. — У подъезда гостиницы ждет фиакр. Через четверть часа вы будете в моей городской «берлоге». Я угощу вас нежнейшим вудвилльским полусухим и отпущу с тем же кучером. Потеряете час, не больше. Уд ружите, мсье Ано. Не огорчайте отказом.

Я не отказал и поехал.

«Берлога» оказалась уютным каменным особняком в глубине розового цветника, окруженного декоративной жимолостью. Мердок, в элегантном домашнем халате, встретил меня на крыльце и провел в кабинет.

— Садитесь, Ано, — сказал он, поставив передо мной бокал вина. — Есть дело.

— Догадываюсь.

— Едва ли. Сегодня вы вместе с письмом от сенатора получили чистый гербовый лист с его подписью и печатью. Туда можно вписать что угодно.

— Вы отлично информированы, Мердок.

Я вспомнил тихого старичка-управляющего с вкрадчивыми манерами. Только он один знал о нашем с Мартином отъезде и знал все: и по какой дороге мы должны были ехать, и то, что мы поедem верхом. И только через него Стил мог отправить свое письмо с бланком.

— Мы можем лишить вас этого источника информации, Мердок, — добавил я.

— Охотно им пожертвую, — отмахнулся Мердок. — Слишком стар и не всегда расторопен. Но у меня есть свои люди и в отеле «Омон». Скрывать от вас это я не собираюсь — лишний раз убедитесь в моих возможностях. И, как вы сами понимаете, я распорядился после вашего отъезда заглянуть к вам в комнату и достать для меня этот чистый лист. Он мне понадобится скорее, чем вам. Но не пугайтесь — другие документы я приказал не трогать. Все останется на месте.

— Чистого листа больше нет, — сказал я.

Это было правдой. Прочитав статью «Брэд энд баттер», я вписал в него от имени Стила просьбу к директору избирательных кампаний партии популистов допустить молодого научного работника Питера Селби к партийной документации по прошлым выборам: Селби, мол, пишет книги о популистской партии и нуждается в изучении ее архивов. Ни один из документов не будет вынесен из канцелярии директора, молодой ученый все просмотрит у него на глазах.

— Та-ак, — протянул Мердок. — Вы переиграли меня, Ано. Что-нибудь вроде доверенности на ведение дел во время отъезда сенатора?

— Допустим, — ответил я уклончиво.

— Зря вы не взяли пять тысяч, Ано, — как бы мимоходом заметил он.

— Почему зря?

— Вы могли бы информировать меня о покупке голосов популистами.

Я вспомнил статьи, опубликованные в «Джентльмене» и «Брэд энд баттер», и понял, куда он клонит: скомпрометировать популистов и получить необходимые кресла в сенате — вот что нужно Мердоку.

— Не будем хитрить, Мердок. Не вами ли инспирирована статья в «джентльменской» газете?

— Я не столь влиятелен, Ано, — усмехнулся он, — но соглашусь: статья работает на меня. Да и вам будет легче убедить Стила в поддержке билля о политических ассоциациях, чем о легализации моей партии. Пусть-ка потягается с церковниками из своего лагеря!

Я встал.

— А ответ? — спросил Мердок.

— Убедить сенатора в поддержке билля попытаюсь. Учтите: не обещаю, а попытаюсь. Но об агентурной информации забудьте. Я привык работать честно.

— Учтите и вы, Ано: я человек опасный, — сказал он.

— Я тоже, Мердок. И если повторите что-нибудь вроде обыска в моей комнате, я приму свои меры.

— Предложение принимаю.

Мердок улыбнулся скорее сочувственно, чем враждебно.

Простившись с хозяином, я вернулся в отель в экипаже, который ждал у подъезда.

В номере сразу же обнаружил следы обыска. Газеты были небрежно отодвинуты в сторону, одна из них валялась на полу. Заполненный мной гербовый лист с подписью Стила лежал поверх других бумаг, прочитанных и брошенных за ненадобностью.

Я спустился к портье.

— Кто-то был в моей комнате и копался в моих бумагах.

— Это невозможно, мсье, — ледяным тоном ответил тот. — Ключ все время находился у меня.

— Поэтому я и обвиняю вас и вынужден обратиться к полиции.

— Дежурный полицейский здесь, мсье. — Портье был по-прежнему холоден и невозмутим.

Как и следовало ожидать, ничего из этой затеи не вышло. Портье сумел доказать, что в течение часа, пока меня не было в отеле, он не покидал своего места за стойкой. Да и я сам не очень-то рассчитывал на успех следствия. Серебро Мердока действовало и в отеле, и в полиции.

Потом ко мне пришел Питер Селби, я передал ему рекомендательное письмо сенатора и объяснил, что с ним делать.

— Помните, Пит, — сказал я, — вы — молодой ученый. Работаете над историей партии популистов с мо-

мента ее основания — после победы Сопrotивления в десятом году. Большая часть книги уже написана. Сейчас вы подходите к истории избирательных кампаний партии, но изучать документы будете не с начала, а с конца, с последней предвыборной кампании — пять лет назад. Просматривайте все, что вам покажут, но отбирайте только то, что говорит о мошенничестве, шантаже или подкупе избирателей.

Через день Селби принес мне первые сведения. Оказывается, с текущего счета партии дважды снимались крупные суммы. И каждый раз — без вразумительных объяснений. Только в одном случае в ведомости сделана краткая пометка: «для использования в привокзальном районе». Подозрения Мартина подтверждались.

Но что знал Стил? Об этом я и собирался спросить его во время ужина в сенатском клубе...

Клуб старомоден, как и «Омон», только все здесь роскошнее и дороже. Если в «Омоне» бронза и медь, то в клубе серебро, если в «Омоне» плюш — в клубе ковры редкой ручной работы, если в «Омоне» свиная кожа на диванах и креслах — в клубе шелк, сукно и цветной сатин. Камин топят не дровами, а углем.

В ресторанном зале почти храмовая, величавая тишина. Метрдотель, похожий на памятник, вынужденный сойти с пьедестала, подводит меня к столику Стила. Стил в табачного цвета сюртуке, сидит не один, с ним элегантный господин лет сорока пяти, в начинающей входить в моду черной тройке с высоким, почти до горла, жилетом.

— Знакомьтесь, Ано, — говорит Стил, — это мистер Уэнделл, мой партийный и сенатский коллега, от него у меня нет секретов.

Мы вежливо раскланиваемся.

— Много слышал о вас, — говорит Уэнделл. — Сенатор считает, что лучшего советника ему не найти.

— Готов дать первый совет по службе. — Я решительно вступаю в игру. — Увольте вашего управляющего именем, сенатор Стил.

— Шуаля? — удивляется Стил. — За что?

— Слишком многое, что он видит и знает, становится сейчас же известно Мердоку.

Стил поражен.

— Не понимаю, Ано.

— Кто знал о чистом гербовом листе с вашей подписью?

— Только Шуаль.

— Так вот, в воскресенье утром, когда я получил от вас гербовый лист, меня пригласил к себе Мердок. По некоторым причинам я согласился на встречу. За час отсутствия в моей комнате произвели обыск — искали именно этот лист. Мердок мне сам откровенно признался.

— Лист украли? — вскакивает Стил.

— К счастью, нет. Чистого листа уже не было. Я вписал в него то, что никак не интересовало Мердока.

— Какая удача, — облегченно вздыхает сенатор. — Вы спасли меня буквально от катастрофы. Такая бумага в руках Мердока! А что вы вписали туда?

— Пустяк, сенатор. Рекомендацию одному молодому ученому, пишущему историю популистской партии.

— А что вам предложил Мердок?

— Работать на него вторым Шуалем.

— Не сомневаюсь в вашем ответе. А Шуаля уволю.

— Может быть, и не только Шуаля, Ано? — прищуривается Уэнделл.

— Я только приглядываюсь к людям, мистер Уэнделл.

— Тогда приглядывайтесь поскорее, — говорит Стил. — До вудвилльской конференции остается менее месяца. А там мы будем выдвигать нового главу партии. Вист стар и ждет не дождется смены.

— Кем вы его замените? — спрашиваю я.

— С кандидатом вы уже знакомы, Ано. — Стил кивает на Уэнделла. — Молодой и дельный. Единственное препятствие — не аграрий, а заводчик. Фермеры могут не поддержать.

— Препятствие почти устранено, Стил. Я купил половину виноградников у Веррье и молочную ферму Скрентона, — смеется Уэнделл. — А хозяин везде хозяин.

Мимо нас проходит затянутый в черный сюртук старик. Проходит не сгибаясь, высокий и тонкий, как трость.

— Вист, — шепчет Стил. — Пойду порадовать старика, а вы уж без меня поужинайте.

Мы остаемся вдвоем с Уэнделлом.

— Почему вы заинтересовались предвыборными кампаниями, советник? — вдруг спрашивает он.

— Хотелось лично проверить намеки Мердока.

— Вы им верите?

У Стила от Уэнделла нет секретов — сенатор сам сказал. Так почему бы мне не открыть Уэнделлу то, что я узнал от Селби и Мартина? Рассказываю.

— Стилу вы еще не говорили об этом? — задумчиво произносит Уэнделл.

— Пока нет.

— Так воздержитесь. Не стоит огорчать старика. А о снятии с текущего счета партии крупных сумм Мердок знать не может. Но несомненно, что у него свои люди и в директорской канцелярии. Мердок — человек опасный.

— Он сам этим хвастает, — говорю я. — И станет куда опаснее, если пройдет билль о политических ассоциациях.

— Вы еще новичок, советник. Но у вас хороший политический нюх. Билль пройдет, не пройдет Мердок.

— У него есть шансы.

— Он погрязнет в том, в чем сейчас обвиняет популистов. Начнет скупать голоса. И неизбежно будет скомпрометирован.

— А до этого скомпрометирует нашу партию.

— Сомневаюсь. Он только пугает нас в преддверии билля. Билль ему нужнее.

— Но у него есть и непродажные голоса.

— Сколько? Десяток тысяч «профессионалов» с большой дороги? Сколько-то лавочников. Сколько-то моих друзей, фабрикантов. Ну, проведет он в сенат горсточку реставраторов. А у нас одних фермеров более полу-миллиона. А ремесленники? А батраки? А издольщики? А часть рабочих, которая всегда идет с нами? Правда, уйдут от нас католики и евангелисты. Но почему они будут блокироваться не с нами, а с «джентльменами»? Не убежден. И трудовики охотно отдадут нам свои голоса, если мы станем чуточку прогрессивнее наших соперников. Придется в чем-то уступить левым. Расширяя промышленность, нельзя забывать и о рабочих руках.

— Значит, вы думаете о расширении промышленности?

— И я не одинок в этом намерении... — Уэнделл встает. — Жаль, что мне надо идти. Хотелось бы поговорить.

И не раз. Не возражаете? Тогда инициативу беру на себя. А сейчас взгляните вон на того невзрачного блондина в черном свитере у стойки бара. Единственный человек, которого пускают в клуб в рабочей куртке и без галстука. Видите? Если вы даже только поверхностно заинтересовались политикой, я вас с ним познакомлю.

Так состоялось мое знакомство с Донованом, бывшим литейщиком, позднее — старостой цеха металлургов, а теперь — сенатором, депутатом от восьмого кантона Города.

Глава 9

БИЛЛЬ

Прошел месяц со дня нашего последнего разговора с Мартином: он был в длительной командировке от редакции, разъезжал по городам и поселкам периферии. Сейчас он, задрав ноги, лежит у меня на диване. Ночь. Электричества ночью в отеле нет, светят лишь пылающие дрова в камине и свечи в канделябрах. Мартин встает, берет один из них в руки, и свет падает на его похуdevшее, небритое лицо.

— Древняя штучка, — говорит он, ставя канделябр на камин. — Чур, рассказывать тебе первому.

Мне действительно рассказывать первому — так мы условились еще до отъезда Мартина. А рассказать есть о чем. Например, о популистской конференции в Вудвилле, сменившей главу партии. Прошел Уэнделл — как и предполагалось, не очень охотно поддержанный фермерами. Но все-таки прошел: сказалоcь влияние Стила в партийных верхах и тактика «Сити ньюс», купленной Уэнделлом у ее владельцев. Предвыборная кампания уже началась, и хотя в сенате все пока еще оставалось по-прежнему, но повсюду говорили о билле, который вот-вот будет принят сенатом.

— А как относится к биллю Стил? — спрашивает Мартин. — И кстати, что ты у него делаешь?

— Ничего. Должность фиктивная. Знакомлюсь с окружающими его людьми. Именно то, что мне и нужно. А к биллю он относится отрицательно — вероятно, будет голосовать против. Я передал ему слова Уэндел-

ла, но он промолчал. В правительстве, думаю, единого мнения нет.

— Скажи мне, наконец, где сенат и где правительство? И что есть что?

— «Что есть что» просто и схематично. В сенате шестьдесят два места. Победившая партия образует кабинет министров, по-здешнему — секретарей. Глава партии — он же премьер-министр, одновременно ведающий государственной собственностью — казной, железными дорогами, рудниками. Четверо остальных секретарей представляют кто — администрацию Города, кто — промышленность и торговлю, кто — сельское хозяйство, а кто — цеховые организации, по-нашему профсоюзы. В сенате они голосуют, в правительстве действуют. Сущность капиталистической системы везде одинакова.

— А что изменит билль?

— Только внесет разлад в систему управления.

— Значит, комми отколются?

— Оставь свой жаргон, Мартин. Противно слушать. И повторяю: не ищи земных аналогий. Коммунистической партии здесь нет. Рабочее движение только еще приобретает организованный характер — мешают цеховая раздробленность и промышленная отсталость. Но уже нарождается что-то вроде социал-демократии марксистского типа.

— Донован? — улыбается Мартин. — Нашел-таки?

Я раздумываю, говорить или не говорить Мартину о моих встречах с Донованом. Первая была, пожалуй, наиболее примечательной...

Мы стояли у стойки бара, уже без Уэнделла, критически рассматривая друг друга.

— Интересно, чем это я мог заинтересовать вас? — спросил Донован. Он был серьезен и холоден.

— Мне нравятся ваши выступления в сенате, — ответил я.

— И мой билль против цеховой раздробленности за всецеховое объединение с единой экономической программой?

— Иначе, за единый профессиональный союз?

— Несколько непривычно звучит, но можно назвать и так. За него голосовали шесть депутатов из шестидесяти.

— Будь я в сенате — я был бы седьмым.

— Интересно, — сказал Донован. — Вы и газету нашу читаете?

— Конечно.

— И точку зрения ее разделяете?

— Вполне.

— Тогда почему вы работаете у Стила?

— Потому что отцы наши были друзьями и участниками Сопротивления в десятом году. Со Стилом мы случайно встретились. Его поразило мое сходство с отцом. Предложил работу. Я согласился, предупредив, что я новичок в политике и только пытаюсь ее осмыслить.

— Ну и как — осмыслили?

— Кое-что. Уэнделл, например, прогрессивнее Стила, так как стимулирует развитие производительных сил, а Стил тормозит его.

Если я и хотел удивить Донована, как удивил Мердока, земными политическими формулировками, то мне это явно не удалось. Донован не удивился, только заметил:

— Вы обманули Стила, Ано, сказав ему, что вы новичок в политике. Я думаю, вы знаете даже больше меня.

На другой день за завтраком в том же сенатском клубе он мне сказал:

— Не экзаменуйте меня, Ано. Все, что вы говорите о классовой борьбе, мне уже давно ясно. Но второй революции может и не быть. Не исключено, что мы придем к власти парламентским путем, когда большинство народа поймет наконец необходимость социалистических преобразований.

Так рассказывать обо всем этом Мартину или нет? Решаю не рассказывать. Наверняка скажет: пропаганда. А интересуется его только билль, открывающий Мердоку двери в сенат.

— Пройдет или не пройдет? — гадает он. — Мердок не только будет покупать голоса — он немало получит даром. Подсчитай избирательные ресурсы Мердока. Я объездил по крайней мере два десятка поместий, не считая мелких ферм. Это уже не десятки голосов, а тысячи — вместе с хозяевами за Мердока будут голосовать и все от них зависящие. А ведь раньше они голосовали за популистов. Откуда же перемены? От страха. Все чем-то напуганы, подавлены, взвинчены. И все

молчат. «За кого голосуете? — спрашиваю. — За популистов?» Мнутся. «Есть еще время подумать», — мямлит один. «А может, попробую хлеба с маслом», — намекает другой, да не дерзко намекает, а явно с испугом. Только одна вдова, владелица нескольких тысяч акров земли, была достаточно откровенной. «Я всегда голосовала за Стила, но сейчас это мне будет стоить не меньше миллиона франков». Оказывается, к ней заявился бородатый верзила с пистолетом за поясом и объявил в присутствии слуг, что на этот раз не только ей и ее семье, но и всем арендаторам и слугам придется проголосовать не за Стила, а за реставраторов. Нет такой партии? Нет — так будет. А если она не послушается, так ей запросто спалят на полях всю пшеницу. «Вы, конечно, не напечатаете это в своей газете, — сказала мне мадам помещица, — я-то знаю, кому она принадлежит. И верзилу знаю, и то, что он спалит мне урожай — тоже знаю. Вы, вероятно, встретите его по дороге и поймете, что с таким джентльменом обычно не спорят». Я действительно его встретил. Догадываешься, кто это? Наш друг Чек Пасква.

— Паскву придется взять под наблюдение. Найди кого-нибудь.

— Уже нашел.

— Кого?

— Луи Ренье.

Находка Мартина меня отнюдь не радует. Рисуем мы жизнью мальчишки. Луи даже стрелять не умеет.

— Что я мог сделать? — оправдывается Мартин. — Отыскал он Паскву где-то в кабаке и нанялся в банду, со мной не посоветовался. А Пасква почему-то согласился, хотя и видел, что это жеребенок. Оставил его при себе — якобы для поручений. Луи считает, что он нужен Чеку для наблюдений за нами.

— Маневр Мердока. Значит, он нам не верит.

— А мы — ему. Обоюдно. Кстати, серебро до сих пор в его лесной «берлоге».

— Ты уверен?

— Почти. Слитки в больших количествах не появлялись ни на рынке, ни в ювелирных лавках. Может, пустить по следу полицию?

Я рассуждаю. Бойль, начальник полиции Города, — популист. Честный. В какой-то мере принципиаль-

ный. Но в подчинении у него слишком много подонков, купленных Мердоком. Да и не только Мердоком. Мартин прав: в Городе нарождается что-то вроде мафии. Появляются капиталы, неизвестно на чем возвращенные. Возникают капиталисты, неизвестно что производящие. А это на руку Мердоку. Можно, конечно, изъять серебро из его «берлоги», Бойль это охотно и даже умело сделает. Но не рано ли? Не лучше ли выбрать более подходящий момент для удара? Тут-то и может помочь Ренье. Но оставлять его у Пасквы рискованно.

— Убери его из шайки, Мартин, — говорю я. — Мы не имеем права рисковать его жизнью.

— Если найду, — соглашается Мартин.

Спать некогда. В шесть уже оживают сенатские кулуары, и бар гудит от шумной и пустопорожней болтовни, из которой я всегда что-то выуживаю.

На лестнице толкотня, как на бирже. Пробираясь наверх, встречаю Бойля. Начальник полиции стоит в стороне и созерцает происходящее. Во время заседания он будет сидеть со мной, в ложе сенатских чиновников: амфитеатр только для сенаторов.

— Все еще не нашли серебро, Бойль? — Мы с ним на дружеской ноге и обходимся без «мсье» и без «мистера».

— Кто сейчас интересуется серебром? — отмахивается он. — Билль, и только билль!

— А вдруг провалят?

— Чудак, — смеется Бойль и ныряет в какую-то болтающую группку.

У Бойля своя информация — думаю, верная. Послушаем других.

В коридоре меня останавливает Уэнделл.

— Сейчас вы спросите о Стиле, — улыбаюсь я.

— Не буду. Знаю, что он проголосует против.

— Многие боятся его выступления. Оно может быть очень резким.

— А разве вы не знаете точно?

— Стил со мной не советовался. Но он очень не любит Мердока.

— Мердок в сенате менее опасен, чем за его стенами. А билля ждут и другие. Жизнь, как время, — идет вперед, а не стоит на месте. Общество не могут представлять одни аграрии и банкиры.

Кто-то отвлекает Уэнделла, и я отправляюсь в ресторан. Стила нахожу одного в дальней кабине за синей портьерой. Перед ним два бокала и бутылка вудвилльского красного. Но он не приглашает меня присесть.

— Не знал, что вы здесь, Ано, — говорит Стил.

— Я пришел как советник, пока вы меня еще не увидели.

— С каким советом?

— Не выступать вообще.

— Почему?

— Вы не поведете за собой даже трети сената.

— И пропустить Мердока?

Я повторяю слова Уэнделла:

— За стенами сената Мердок более опасен для общества. Сенатский мандат неизбежно умерит его агрессивность. Хуже будет, если хунта Мердока силой захватит власть.

Что такое «хунта», Стил не понимает, я вижу это по выражению его глаз, поэтому тут же меняю «хунту» на «шайку» и добавляю:

— А в сенате реставраторов всегда сумеет сдержать разумное большинство.

Стил долго не отвечает, и я все жду, не присаживаясь.

— Вы знаете, кто выдвинет билль? — наконец спрашивает он.

— Слышал: Рондель.

— Глава партии «джентльменов». Человек, проживший на свете столько же, сколько и я. Что заставило его изменить продуманному и пережитому?

— Я только что слышал от главы вашей партии, Стил, — говорю я, делая ударение на «вашей». — Жизнь, как время, — идет вперед, а не стоит на месте. Должно быть, Рондель это понял.

— Они хотят расколоть нас, — тихо, но твердо произносит Стил. — Отойдут трудовики, уже зашевелились каноники, а главное, конечно, Мердок. Перемены? Я против перемен, Ано. Люблю все стабильное, прочное, неизменное. Видно, мне пора в отставку, сынок. Могу назвать тебя так, кто бы ты ни был. Ведь мне уже, как и Висту, давно за семьдесят. Только уйду после выборов. По конституции все мои голоса получают те, кому я их отдам. А у меня сто тысяч избирателей, и ни один из них не будет голосовать за Мердока.

Я вспоминаю рассказ Мартина, но молчу. Стоит ли огорчать старика, да еще в такой день? А на Мердока можно найти управу: есть и Уэнделл, есть и Бойль. Да и «Сити ньюс» вмешается, если понадобится. Словом, отпор Мердоку мы дадим и без Стила.

Звонит колокол, призывающий членов сената в зал заседаний. Стил уходит из ресторана. Мне его искренне жаль — священник, основы веры которого поколеблены. Медленно иду за ним.

У входа в ложу мне встречается Мердок, старомодный и чинный. Улыбка его лучезарна, словно у игрока, крупно выигравшего на скачках.

— Радуетесь? — замечаю я. — Не рано ли?

— А вы сомневаетесь, мсье Ано?

— Потому я и отказался от ваших пяти тысяч.

— Боюсь, что вы мне уже не нужны. Как советник Стила, разумеется. Охотно предлагаю вам тот же пост.

— Не рано ли? — повторяю я.

— Я уже присмотрел себе кресло в сенате. Подумайте, Ано, может быть, это окажется выгоднее, чем предложение Уэнделла?

— Вы, как всегда, информированы, Мердок. Но я ни к кому не уйду от Стила. Тем более сейчас.

— Поддержать падающего? — смеется Мердок.

— Нет. Просто большей свободы действий нигде у меня не будет.

— То-то вы так часто встречаетесь с Мартином. Пусть имеет в виду, что разглашение редакционных секретов чревато далеко не радужными последствиями. — Еще одна улыбка, и он скрывается в ложе.

Значит, Мердок знает о моих встречах с Мартином. Откуда?

Игра продолжается.

Глава 10

УКРАДЕННОЕ ПИСЬМО

Билль прошел.

Утро. Я лежу у себя в комнате на диване. Делать ничего не хочется, да и дел нет. Сейчас в Городе праздник — шестьдесят первая годовщина Начала, того само-

го Начала, откуда повел свою жизнь этот смоделированный неведомыми галактистами человеческий город и которое с тех пор так и пишется, как Город, — тоже с прописной буквы. За окнами непривычная тишина, лишь экипаж изредка проскрипит или прозвенит конка. И в отеле тихо, в коридорах не хлопают двери, еще спят после бурной предпраздничной ночи заезжие купчики и агенты — коммивояжеры, как у нас говорили когда-то, спят профессиональные шулера. Не слышно и жильцов, любящих покурить и поболтать на ходу, возвращаясь к себе из бильярдной или бара. Но большинство номеров пусты: сенаторы-фермеры и промысловики разъехались по своим промыслам и поместьям.

Вот и лежи, Анохин, потому что читать тебе нечего, все газеты уже прочитаны, а книги здешние старомодны, как и этот отель, — что-то вроде бульварных романов конца прошлого века. Лежи, Анохин, и жди, не забежит ли Мартин, вечно где-то что-то вынюхивающий. Какой детектив получился здесь из Мартина: вездесущий и все замечающий, свой повсюду — на бирже и в дешевых забегаловках, в семье простого промысловика и на приеме у директора страховой компании! Без Мартина я не знал бы и половины того, что знаю сейчас о Городе и его секретах. Мне бы и в голову не взбрело обедать в баре «Аполло», куда не ходят уважаемые горожане, вроде Уэнделла или Стила, и куда меня поведет сегодня Мартин. А пока лежи, Анохин, и думай, зачем ты затеял всю эту игру с Мердоком, Стилом, Донованом. И с биллем, который в конце концов прошел, несмотря на двадцать три голоса против. Стил все-таки выступил и повел за собой, опровергнув мои предсказания, чуть-чуть больше трети сената, но этих «чуть-чуть» оказалось слишком мало, чтобы билль провалить.

Предвыборная кампания уже в разгаре, портреты кандидатов в сенат на каждом шагу: и на рекламных стендах, и в магазинных витринах Города; в избирательных участках уже готовят списки выборщиков и бюллетени... А я чувствую себя здесь чужаком: предвыборная карусель кружится помимо меня, мне полностью безразлично, кто займет сенатские кресла, за какие проекты и поправки будут голосовать. Конечно, я сочувствую Доновану, но что ему от моего сочувствия? В сущности, мы с Мартином узнали все. И если только для этого нас

переместили сюда, то пора бы возвращаться домой, благо желание неведомых «небожителей» уже выполнено. Большого сделать нельзя: общество здесь развивается по законам, давно на Земле открытым, а ускорить или изменить ход исторического развития — не в наших силах.

Кто-то тихонько стучит в дверь. Это не Мартин: Мартин обычно появляется без стука. Нехотя поднимаюсь, поправляю домашнюю куртку и говорю:

— Войдите.

Входит Пит Селби, с такой удрученной миной, что сразу становится ясно: дурные вести.

— В чем дело, Пит?

— Неприятность, советник. Меня выставили из архива.

— Совсем?

— Нет, пока перевели в общую канцелярию.

— Почему?

— Директор мсье Жанвье заметил, что я интересуюсь больше партийными доходами и расходами, чем восторженными восхвалениями кандидатов в сенат. Такие документы я, дескать, отбрасываю, а изучаю счета и доносы. Теперь мне все будет выдаваться лишь по его выбору. Мсье Жанвье хочет, чтобы я работал на глазах у его чиновников. Мне он не верит.

— Ну, это не так плохо, Пит, — решаю я. — За вами будут следить, а вы наблюдайте, кто особенно в этом старается. Немедленно сообщите мне их имена.

— Все ясно, советник.

— Вот и действуйте, Пит. А директору скажите, что вам даже полезнее работать по его указаниям.

Едва я успеваю закончить фразу, как врывается — и конечно, без стука — Мартин. Увидев Пита, спрашивает:

— Где Луи, Пит?

— Не знаю. Он уже несколько дней не ночует дома.

— И я его не встречал, Юри. — Тревожная нотка слышится в голосе Мартина.

— Он только сказал, что должен кого-то разоблачить, — говорит Пит, — но кого именно, промолчал. Расскажет, мол, когда все выяснит.

— Меня беспокоит твой промах, Мартин. — Я уже начинаю понимать, что Ренье в опасности.

— Меня это самого беспокоит, — вздыхает Мартин. — Может быть, сегодня еще узнаем что-то в «Аполло».

— В «Аполло»?! — удивленно восклицает Селби. — Вспомнил! Именно сегодня вечером он и будет в «Аполло».

— Зачем? — изумляется Мартин.

— Я сказал... он мне сказал... — лепечет совсем смущенный Пит, — что именно в баре «Аполло» он разоблачит кого-то... кто будто бы всем мешает.

Мы недоуменно переглядываемся с Мартином. Для чего Ренье понадобился этот притон? С кем он туда придет? Что-то выведет в банде Пасквы? Но удалось ли ему это скрыть? Ведь у него нет опыта конспиратора.

— Луи кому-нибудь давал ваш адрес? — спрашиваю я Пита.

— Зачем? Всем и так известно, что студенты из провинции живут в общежитии политехнички.

— Там бандиты рисковать не станут, — говорит Мартин.

— Кто их знает, — возражаю я. — Ты бы лучше переехал, Пит. На время к кому-нибудь, а? Сумеешь?

— Если требуется, сумею, — кивает Пит и продолжает: — Вы просили посмотреть повнимательнее, не наблюдают ли сослуживцы за моей работой. Наблюдают, советник. Сначала я ничего не заметил или, вернее, не обратил внимания. В частности, на любопытство старшего клерка Освальда Ринки. Он представился крайне заинтересованным моей работой, заглядывал в документы, которые я просматривал, и в мои записи, причем что-то записывал сам. Интересовался он именно тем, что хотел скрыть от меня мсье Жанвье. Его не волновали происки оппозиции, он хотел точно знать, на сколько голосов могут рассчитывать популисты в том или ином кантоне.

— Значит, Ринки работает не на Жанвье, — замечает Мартин.

— Но, видимо, через него и просачивается партийная информация... — размышляю я. — Только для кого?

Кажется, я начинаю понимать, в чем дело. О том, что Мердок имеет своих агентов в избирательной канцелярии популистов, я догадывался давно. Теперь отпали последние сомнения: если Ринки — человек Мердока, то глава реставраторов знает все, что ему нужно.

Пит не уходит — мнется, словно что-то собирается добавить.

— Я еще не все сказал, советник, — бормочет он.

— Ну говори, не смущайся, — поощряю его я.

— У меня украли рекомендательное письмо сенатора Стила.

Одна новость лучше другой!

— Почему оно оказалось у тебя?

— Я предъявил его мсье Жанвье, он прочел и вернул мне. А я спрятал письмо в стол, но не запер ящик — не подумал о возможности пропажи. В письме рекомендовали меня — ну кому еще нужна была эта рекомендация?

— Может, оно и сейчас в столе? Поищи получше.

— Уже искал. Письма нет. И я даже догадываюсь, кто его взял. Кроме Освальда Ринки, в комнате никого не было.

— Скверная история, — говорю я. — Любой документ за подписью сенатора может быть использован нам во вред.

— Для чего же он понадобился этой канцелярской крысе? — пожимает плечами Мартин.

Пит робко его поправляет:

— Это совсем не канцелярская крыса, мистер Мартин. Я даже не понимаю, зачем он у нас работает. Платят здесь немного, а деньги у него водятся. И если письмо сенатора что-нибудь стоит, он продаст его без зазрения совести. Ринки игрок, мистер Мартин, и чуть ли не каждый день прямо со службы едет в «Гэмблинг-Хаус». Знаете это казино на Больших бульварах? Мне думается, что и сейчас он там.

— Почему ты так считаешь? — спрашиваю я.

— Вчера я попросил у него взаймы, мсье Ано. Немного попросил, до полочки. А он сказал: «Сегодня ни сентима, Пит. Но завтра будут. Приходи в казино: если не продуюсь — выручу». Играет он крупно. До выигрыша или проигрыша.

— Значит, долго не задержится, — замечает Мартин.

Мы понимаем друг друга с полуслова. За сколько Ринки продал письмо, не существенно. Важно, когда и кому.

— Вот что, Мартин, — решаю я. — Приедешь в «Аполло» после девяти, в самый разгар сутолоки. Столик закажешь заранее. Я постараюсь приехать вовремя.

Пока же мы с Питом займемся Ринки. Надо узнать точно, кому он продал письмо сенатора.

«Гэмблинг-Хаус» — было начертано электрическими лампочками по фронтому богатого особняка на самом фешенебельном отрезке Больших бульваров. Надпись освещала не только вход и колоннаду у входа, но и примыкающую к ним ресторанный площадку под парусиновым тентом. От нее к воротам тянулась липовая аллея.

Швейцара не было. Мы вошли в открытые настежь двери. В глубине большого пустынного холла скучал молодой человек в синем сюртуке и кружевном жабо, украшенном булавкой с лиловым, похожим на аметист, камнем. Мы предъявили свои визитные карточки и уплатили по двадцать пять франков за вход. Пока нам выдавали входные билеты, я успел осмотреть соседний бар за тяжелыми плюшевыми портьерами. Он был почти пуст — только несколько хорошо одетых молодых людей у стойки.

— Ринки среди них нет, — подсказал мне Пит.

Наверху нас встретила привычная тишина игорного зала. Лишь изредка шепот советующих, негромкие реплики игроков, возгласы банкометов и крупье перекрывают легкое шуршание фишек по сукну столов. Лакеи в красных фраках и белых чулках до колен ухитряются лавировать между столами с подносами в руках, даже не зазвенев бокалами.

Освальд Ринки, сидящий напротив крупье, играет осторожно, ставит стопки фишек не на номера, а на цвет, рассчитывая только на удвоенную сумму в случае выигрыша. Перед ним на столе лежит большая груда фишек. Очевидно, Ринки уже выиграл немало и — что соответствовало бы его репутации крупного, но осторожного, не любящего рисковать игрока — должен скоро игру закончить.

— Не подходите к столу, Пит, — говорю я, — вас он сразу узнает и поймет, что вы пришли не для игры в рулетку. Лучше подождите незаметно в сторонке и перехватите его, когда он пойдет от разменной кассы к выходу. Попросите у него, скажем, двадцать пять франков. А я неожиданно подойду к вам...

Мы так и делаем. Пит отходит к разменной кассе, я становлюсь у стола позади крупье. Из-за его спины мне

видно, как играет Ринки. Методично, невозмутимо, то уменьшая, то увеличивая ставки, он играет на «руж» и «нуар» или на «чет» и «нечет», как мальчишки в орлянку: орел или решка. Ринки везет: стопка фишек у него под руками становится все больше и больше.

И вдруг Ринки невольно, инстинктивно, даже со страхом, накрывает эту разноцветную стопку. Он увидел и узнал меня.

Почему советник сенатора пришел в казино? Ведь имя Жоржа Ано отнюдь не популярно среди его завсегдатаев. Значит, он заглянул сюда случайно, вероятно из любопытства. Но успел заметить за рулеточным столом партийного функционера. Надо бросать игру и немедленно уходить, объяснив пребывание в казино той же случайностью. Так я прикидываю возможные умозаключения Ринки и не ошибаюсь. Всем своим видом показывая, что игра для него окончена и что играл-то он, в общем, равнодушно, без интереса и выигрыш чисто случаен, Ринки бочком-бочком пробирается сквозь толпу к разменной кассе. Я осторожно слеую за ним, стараясь не опоздать к его встрече с Питом.

Пит успевает догнать Ринки, когда тот уже спустился вниз по широкой мраморной лестнице и взял свой цилиндр в гардеробе. Они оба стоят в скучной тишине холла, не привлекая внимания ни краснофрачных лакеев, ни застегнутого на все пуговицы администратора. Я их, конечно, не слышу, но вопрос Селби мне известен. А теперь вижу и ответ: Ринки разводит руками, виновато улыбается, явно разыгрывая этюд о проигрыше неудачника.

Именно в эту минуту я и подхожу к ним.

— Каким образом вы здесь? — строго спрашиваю я Пита. — Посещение подобных заведений не украшает работников нашей партийной канцелярии.

Пит, якобы заикаясь от испуга, косноязычно лепечет:

— Я случайно... У меня и денег для этого нет. А пришел... попросить займы у приятеля. Это Освальд Ринки, старший клерк у мсье Жанвье...

Я смотрю в упор на Ринки, и мне кажется, что я где-то его уже видел. Где? Вспомнить не могу. А Освальд Ринки, обрадованный тем, что Селби неожиданно дал ему возможность уйти из-под удара, угодливо раскланивается.

Я надменно оглядываю Ринки (у меня это хорошо получается) и внезапно вспоминаю, где его видел: он был среди замаскированных бандитов Пасквы, перехвативших нас на лесной дороге в Вудвилль. Несколько секунд молчу, соображая, как использовать свое открытие, и, не подавая виду, что разгадал Ринки, говорю назидательно, как советник сенатора старшему клерку его канцелярии:

— Ваш выигрыш или проигрыш меня не касается, но репутация игрока не подходит для партийного функционера, Освальд Ринки. Мне, возможно, придется сделать соответствующие выводы.

Ринки испуган, но, видимо, не осложнения с Жанвье беспокоят его, а мое близкое знакомство с Мердоком, на которого он работает.

— Прошу извинить меня, советник, — не без достоинства просит Ринки. — Уверю вас, что ничто подобное больше не повторится.

Я морщусь, будто раздумывая.

— Ладно. Выйдем в сад к бассейну. Здесь слишком душно. Там и объяснимся.

Ринки, заметив мои колебания, почти счастлив и тут же устремляется к открытым дверям. Несколько минут мы, все трое, молча и не спеша идем по узкой тропе вдоль бассейна.

Я резко останавливаюсь.

— А ведь мы с вами знакомы, Освальд Ринки. Даже как-то сидели рядом.

Ринки удивлен или изображает недоумение.

— Не имел такой чести, советник.

— Имели. Вспомните лесную хижину близ Вудвилля. Вы были тогда среди «пистолетников» Пасквы.

Актерски сыгранное удивление Ринки сменяется совсем не театральным испугом. Он пятится от меня, не сообразив, что стоит в нескольких сантиметрах от края бассейна.

— Стой! — кричит Пит.

Но Ринки уже потерял равновесие и ушел под воду, окатив нас фонтаном брызг. Секунду спустя он вынырнул и застучал по воде руками.

— Помогите! Тону!

Пит хватает его за руки и вытаскивает по грудь из воды.

— Подержите так, Селби, — прошу я. — Не спешите.
— Я не умею плавать! — вопит, отплевываясь, Ринки.

— Это тебе и не понадобится. Сразу пойдешь ко дну, если не скажешь, кому ты продал украденное письмо сенатора. Только поторопись, а то Пит устанет тебя дергать. Итак — кому?

— Паскве. За пятьсот франков... Вытащите меня ради Бога!

— Интересно, за что вам платит Мердок? Профессионал — и попадает на мелкой краже, да еще сбывает украденное своему же сообщнику. А плавать надо учиться с детства, — наставительно говорю я и помогаю Селби вытянуть Ринки из воды. Он отряхивается, как мокрый пес, обдавая нас брызгами.

— Я, пожалуй, пощажу вас, — замечаю я, протирая носовым платком промокшие полы и рукава куртки. — Ни Жанвье, ни Мердоку ничего не скажу. Выигрыш можете оставить себе, двадцать пять франков дайте взаймы Питу, если он в них нуждается, а пятьсот франков, полученных вами от Пасквы, внесите в фонд избирательной кампании сенатора Стила. Вы, Селби, доставите сейчас эту мокрую курицу домой, а то еще простудится. Не беспокойтесь, жаловаться он не будет.

Глава 11 УБИЙСТВО

Через полчаса я нахожу в «Аполло» Мартина, ухитрившегося благодаря своим уже достаточно обширным «придонным» связям получить свободный столик в самом центре бара, близ грязной ковровой дорожки, разделяющей большой закопченный и пыльный зал надвое.

«Аполло» — это действительно третьеразрядный кабак, с длинной, обитой жостью стойкой и десятком деревянных, ничем не покрытых столов. Из кухни несет прогорклым маслом. В нескольких шагах ничего не различишь из-за густого табачного дыма.

— Были в «Гэмблинг-Хаус»? Ринки нашли? — встречает нас вопросами Мартин.

Я рассказываю.

— Зачем Мердоку платить пятьсот франков за документ, который он мог получить даром? — спрашиваю я под конец. — Ведь Ринки его человек в избирательной канцелярии популистов.

— Агентам тоже надо платить.

— Но почему между Мердоком и Ринки вдруг возникает Пасква?

— Как связной, наверное?

— Роль не для Пасквы.

— А в качестве прикрытия? Ринки прикрывают как лжепопулиста. Все очень просто, Юри, подумай сам. Ринки находит в столе у Пита рекомендацию, подписанную сенатором. Сообщает Мердоку. Получает распоряжение выкрасть документ и передать его Паскве. А Пасква лишь одно из звеньев цепочки.

Мартин рассуждает разумно. Но какую роль и в какой игре сыграет рекомендация? Может быть, этот замысел и разгадал Луи Ренье?

— Пасквы и Ренье здесь нет, — говорит Мартин. — Зато я вижу Бидо.

— Кто это — Бидо?

— Я тебе рассказывал. Второй гангстерский ферзь. Покупает голоса для «джентльменов».

— Где он сидит?

— За третьим столом слева от нас.

Я разглядываю толстяка с отвисшими розовыми щеками, в пиджаке из зеленого, «бильярдного» сукна. Жилет у него оранжевый, мятый, как иссохшийся апельсин. Он энергично играет в покер с какими-то столь же ярко расцветченными типами.

— Это тот, из которого собираются сделать пудинг?

— Тот самый, — подтверждает Мартин.

— Не жалко. Меня тревожит исчезновение Луи.

— Меня тоже. Тем более, что Пасква поручил ему слежку за мной, а я как раз его и не вижу.

— Штучки Мердока.

— А может быть, инициатива Пасквы?

— Кто ты для Пасквы? В прошлом — человек, которого приказал задержать Мердок, а потом отпустил с миром. Сейчас — хроникер газеты «его величества». Не миллионер, не игрок и не сыщик. В общем, человек неопасный.

— Я видел, где и куда сгружались слитки.

— Никто не заметил, что ты видел. Иначе тебя давно убрали бы.

— Серебро скоро понадобится Мердоку. Для тех, кто шантажа не боится, или тех, кого шантажировать незачем. Вот тогда бы и пустить по следу полицию.

Мы продолжаем разговаривать, дожевывая знаменитые «аполловские» бифштексы. Что-что, а их здесь делать умеют. Жарят без масла на раскаленной плите, отлично сохраняя весь сок и нежность мяса, схваченного хрустящей корочкой.

В дыму и гомоне никто и не заметил, как в бар вошли двое с полицейскими автоматами. Мы увидели их, когда они были уже в центре зала. Идущий впереди — почти двухметрового роста, в застиранной клетчатой рубашке, с черным платком, закрывающим лицо до глаз. Второй — с открытым лицом, лишь старенькая студенческая каскетка надвинута на лоб.

— Луи Ренье, — тихо говорит Мартин.

— Где?

— Тот, что сзади.

Высокий вскидывает автомат и кричит на весь зал:

— Получай, Бидо!

Грохочет автоматная очередь. Но одним мгновением раньше шедший сзади Луи Ренье, перехватив свой автомат за дуло, ударил прикладом по рукам стрелявшего, и очередь проходит под столом. Стрелявший поворачивается, ударом тяжелого башмака сбивает спутника на пол и тут же выпускает по столику вторую очередь. Третью — в грудь пытающемуся подняться Луи. Это происходит буквально в считанные секунды.

— Сидеть смирно! — кричит стрелявший. — Мои люди у входа с оружием. Вы под прицелом. Кто двинется — срежут.

Затем он нагибается и шарит в кармане у Луи. Кладет что-то или берет?

Автоматы, направленные в зал от двери, видны всем.

— Десять минут не выходить из зала. Пристрелим на месте, — говорит убийца с черным платком на лице.

Никто не двигается. Мартин замечает вполголоса:

— Я узнал его.

— Кто?

— Наш друг, Чек Пасква. Под платком у него борода, и рост — два метра. Не ошибешься.

Стрелявший вместе с охранниками скрывается за дверью. Все сидят, как приклеенные к стульям. Бросаюсь к Луи, лежащему на полу в трех шагах от меня. Грудь его пробита тремя или четырьмя пулями. Крови немного, но смерть очевидна — сомневаться не приходится. Я успеваю сунуть руку в карман, заинтересовавший убийцу, и вынуть оттуда сложенный вчетверо лист бумаги. Не рассматривая, тут же прячу его за бортом сюртука.

— Убит? — спрашивает меня подбежавший юноша-официант, почти мальчишка, и пытается поднять опрокинутого на спину Луи.

— Не трогай. Мертв. Зови полицию, да поскорее. Я советник сенатора Стила, понял?

Юноша, торопливо вытерев запачканные кровью руки о фартук, срывается с места. Столик с убитыми окружают всегдагдаи кабака. Слышатся голоса:

— Это Бидо со своей тройкой.

— «Джентльменские» сборщики?

— Говорят. А кто им платит?

— Рондельцы или церковники, не знаю.

— У Бидо еще маклерское место на бирже.

— И две бильярдные у рынка.

— Не сторговались, наверно. Вот и хлопнули.

Я стою над телом Луи, чувствую щемящую боль в сердце.словно кто-то проткнул его длинной булавкой. Меня охватывает чувство жалости и раскаяния. Ведь это мы послали парня на верную смерть. Позади меня стоит Мартин и наверняка чувствует то же самое. Подымаю автомат убитого и вынимаю обойму. Она пуста. Луи шел бок о бок с убийцей, не зарядив автомат. Почему? Его послали, приказали ему идти, а с какой целью, он, вероятно, даже не знал. Просто надеялся все выяснить, возможно — предотвратить преступление. Бедняга не подумал, что за первой очередью убийцы может последовать вторая. И третья. Она и досталась ему. А вдруг его сознательно хотели любым способом задержать на месте преступления — расплачиваться за содеянное: ведь полиции безразлично, стрелял он или не стрелял, все равно — пришел вместе с убийцами...

Мне ни терпится взглянуть на листок, взятый из кармана убитого, но я понимаю, что сейчас этого делать нельзя. Уже входят в зал в сопровождении мальчишки-

официанта рослый полисмен с нашивками сержанта на темно-зеленом мундире и рядовой полицейский.

— Все видели убийство? — спрашивает сержант у собравшихся вокруг столика.

— Я, как начали стрельбу, ничего не видел, — нехотя говорит один.

— Дымно здесь, — говорит другой. — Я поодаль сидел.

— Не разглядел как следует. Стрелял мужчина с черным платком на лице.

— А этого кто убил? — Палец сержанта обращен к телу Луи.

— Он же и убил, — заявляет мальчишка-официант. — Третьей очередью. Первой помешал этот парень — стукнул автоматом его по рукам; второй он сбил этих за столиком, а третью всадил в парня. Я все видел, в двух шагах от стойки был.

Сержант записывает имя и адрес официанта и, оглянувшись, спрашивает:

— Кто подтвердит слова свидетеля?

Все молчат, мнутя, никому не хочется тащиться в полицейский участок.

— Дымно было, — повторяет кто-то уже сказанное. — Мутно. Разве увидишь?

Я показываю сержанту служебную карточку.

— Полностью подтверждаю слова свидетеля.

— И я, — добавляет Мартин.

Сержант козыряет и записывает наши имена и должности. А Мартину говорит, уверенный в своем полицейском всесилиии:

— Не давать ничего в газету без разрешения инспектора. Иначе — штраф.

Вероятно, он заботится о репутации заведения или даже состоит на жалованье у хозяев. Мне это, в общем, безразлично, но самоуверенность его я быстро сбиваю:

— Передайте инспектору, сержант, чтобы о случившемся было немедленно доложено главному комиссару Бойлю. Я буду у него и повторю мои показания. Имена убитых вы знаете или узнаете. И мотив вам ясен: обычная бандитская перепалка.

Сержант снова, на этот раз почтительно, козыряет и уходит за стойку к бармену.

Киваю все еще суетсяшемуся поблизости мальчишке-официанту:

— Получи. — И оставляю ему пять франков. — Сдачи не надо.

— Спасибо, мсье Ано, — говорит он.

— Откуда ты меня знаешь?

— Раньше я служил в отеле «Омон», много раз приносил вам в номер вино и кофе. Только две недели назад сюда перешел.

Мальчишка наклоняется ко мне, словно хочет что-то прибавить.

— Ты еще не все сказал мне, приятель? — спрашиваю я.

— Да, мсье Ано, — шепчет он. — Я видел, как убийца положил что-то в карман этому парню и как вы потом что-то оттуда вынули. Должен я об этом молчать или нет? Я сделаю так, как вы скажете.

— Пока молчи, — говорю я. — Это хорошо, что ты все видел. Вдруг мне понадобится свидетель? Понял, дружище?

— Понял, мсье Ано. Мой отец всегда голосует за сенатора Стила, и я готов выполнить любое ваше требование.

Бар быстро пустеет. Тела убитых сейчас увезут в морг.

Глава 12 НАЧИНАЕМ ПОИСК

Мы снова в отеле.

Вынимаю из бокового кармана сложенный вчетверо, помятый листок, дрожащими от скверного предчувствия пальцами разворачиваю его и, не прочтя, вскрикиваю.

У меня в руках написанное мною письмо директору избирательных популистских кампаний, рекомендующее историка Питера Селби для работы в партийном архиве.

— Что это? — спрашивает Мартин.

Я протягиваю ему письмо.

— То самое?

— Да!

— Почему оно у тебя?

— Потому что я взял его из кармана Луи Ренье. Помнишь, Пасква нагнул к нему, уже мертвому? Он сунул это письмо в карман его куртки.

— Ничего не понимаю. Бессмыслица какая-то, — говорит Мартин.

— Попробуем понять, — размышляю я вслух. — Пит отдал рекомендацию Жанвье. Тот прочитал и вернул ее Питу. Что за сим последовало, известно. Письмо купили и подбросили убитому.

Мартин недоуменно разводит руками.

— Зачем?! Луи Ренье не Пит Селби. Личность убитого была бы тотчас установлена.

— А планы Мердока ты не учиываешь?

— При чем здесь Мердок? — горячится Мартин. — Ему был нужен чистый лист с подписью Стила, а не рекомендация какому-то Питеру Селби. Он мог бы ее получить без особых хлопот во время обыска в твоём номере.

— Тогда она была ему не нужна.

— А теперь понадобилась? Для чего?

— В то время Мердок еще не был кандидатом в сенат. А сейчас, после билля, он ищет любые средства для борьбы с популистами, потому что у них — большинство. Тут все годится — и шантаж, и убийства. О шантаже ты знаешь. А убийство мы только что видели. Документ за подписью Стила, который могли найти полицейские в кармане Луи Ренье, скомпрометировал бы популистов.

— Все-таки не понимаю, почему?

— Газетчик-мыслитель! Думать надо. Кого убили? Бидо и его компанию. Скупщики голосов за «джентльменскую» партию. Кто убил? Неизвестно. Но один из преступников тоже убит, и в кармане у него рекомендация кому-то за подписью Стила. Какой вывод могут сделать газетчики из «Джентльмена»? Да и «Брэд энд баттер» не постесняется раздуть скандалчик.

— Но ведь, кроме меня, никого из газеты не было.

— А ты уверен? Может быть, кого-то и специально послали, а может быть, кто-то дежурил в ближайшем полицейском участке. Как расписал бы он войну популистов с «джентльменами»? «Убийство в «Аполло»! Как добываются голоса для предстоящих выборов! Популисты расстреливают своих противников! А подписывает-

ся под сей операцией не кто иной, как честнейший, почтенный и уважаемый всеми сенатор Стил!»

Мартин, конечно, уже все понял, но продолжает играть в «непонимайку». Подобно многим своим собратьям-газетчикам, он любит эту игру, когда задают не прямые, а окольные, наводящие вопросы, выуживая нужную и ненужную информацию: с умелой подкраской и ненужная пригодится.

— Помнишь, я тебе рассказывал, — как бы вспоминая, говорит он, — что из Бидо собираются сделать пундинг? Я ведь думал, речь идет о гангстерских междоусобицах.

— Не ври, Дон. Не думал ты так. Прекрасно знаешь, что здесь не Сицилия и не Манхэттен. И на земной аршин ничего мерить нельзя. Есть что-то родственное, но не то. И не Пасква замыслил всю эту акцию — он вообще не умеет мыслить, этот тупой бандюга. Задумал ее изворотливый и хитрый ум.

Мартин, уже привыкший к тому, что в сложных положениях именно я принимаю решения, вопросительно смотрит на меня. И, не дожидаясь вопроса, я отвечаю:

— Возвращайся в редакцию и разузнай, что готовят твои коллеги в утренний номер. Доказательств у них нет. Значит, все, что они напишут о причастности популистов к преступлению в «Аполло», — вранье. Впрочем, на это они не пойдут: повод для обвинения в клевете очевиден. Если тебя вызовет редактор или Мердок — может и такое случиться, — говори правду. Не скрывай, что был вместе со мной. Ничего не видел, кроме стрельбы, убитых и гангстеров. Что делал я? То же, что и ты. Подошел к убитому, послал официанта за полицией, дал показания сержанту. Мердок, если ему доложат о нашем присутствии в баре, конечно, догадается, кто сорвал операцию. Но ты «ничего не знаешь», а я выкручусь.

— Я действительно ничего не знал о взятом тобой письме. Ты сделал все чертовски быстро.

— Думаю, тебя об этом и не спросят.

Мы оба понимаем, что преступление в «Аполло» заставляет торопиться. Выглядываю в окно — улица пуста, тусклый газовый фонарь кладет желтый круг света на мокрую от дождя брусчатку. Снимаю с вешалки сюртук и меняю шлепанцы на штиблеты.

— Ты куда? — спрашивает Мартин.

— К Бойлю.
— Во-первых, уже поздно.
— Он еще работает. Он долго задерживается.
— А во-вторых, зачем?
— Рассчитаться с Пасквой. Полагаю, Бойль это сможет.

— На каком основании?

— С предвыборным шантажом подождем. Надо еще собрать все необходимые материалы. Но с убийством ясно. Есть два достаточно авторитетных свидетеля, узнавших убийцу.

Мартин очень серьезен, даже встревожен, пожалуй. Его, видимо, беспокоит история со злополучным письмом Стила. Не верит мальчишке-официанту? Пусть так. Проболтается мальчишка — узнает Бойль. Ну я и скажу ему всю правду, прежде всего он популист, а потом уже начальник полиции. А Мердок все равно догадается.

— Не боишься? — интересуется Мартин.

— Кого?

— Мердока, конечно.

— Пистолеты нам пока не понадобятся, Дон. Подсылать убийц к советнику сенатора он, как будущий коллега Стила, не станет. Ограничимся словесной дуэлью. А результат ее предсказать трудно. Кто будет повержен, проживем — увидим. — С этими словами я открываю дверь в коридор — он безлюден — и добавляю: — Выходим поодиночке. Ты — в редакцию, я — к Бойлю.

На улице нанимаю ползущий мимо фиакр с полусонным кучером, который сразу просыпается от моего окрика и чуть не роняет бич, похожий на цирковой шамберьер.

Полицейское управление находится там же, где и пятьдесят лет назад, — на углу Больших бульваров, в двадцати минутах езды. Сейчас здесь тихо и пусто. Охранник придирчиво проверяет пропуск, выписанный мне еще месяц назад.

Бойль сам встречает меня у дверей своего кабинета — уже поздно, и секретарша давно ушла, а дежурный адъютант что-то записывает у телефона.

— Признаюсь, я не удивлен вашим появлением, советник, — улыбаясь, говорит Бойль. — Мне уже доложили о происшедшем в «Аполло».

— Я просил это сделать немедленно.

— Убийство произошло на ваших глазах?

— Да. И я был не один, а с моим знакомым, мистром Мартином.

— Кто этот Мартин?

— Журналист. Сотрудник одной из наших газет.

— «Брэд энд баттер» не наша газета, советник.

Значит, Бойль уже разузнал, с кем я находился в «Аполло». Но, не придавая этому значения, отвечаю:

— Я сказал в широком смысле. А частные мои связи довольно обширны. Иногда полезно получать сведения и в чужом лагере.

— Понимаю и не осуждаю. Но почему вы просили тотчас же информировать об этом меня? Достаточно было бы и кантональной полиции.

— Прочитайте завтра утренний выпуск «Джентльмена» и вы поймете. Какой вой там поднимется по этому поводу! Ведь убитый Бидо и его партнеры — «джентльменская» избирательная агентура.

— Но это не политическое убийство, Ано. «Джентльмен» нам его не припишет.

— А кому припишет его «Брэд энд баттер»? Мартин писать не будет, уверен. А вдруг выскажется кто-то другой?

— Спасибо вам за подсказку, советник. Что же требуется от меня?

— То, что потребуют от вас «Джентльмен» и другие газеты. Остановить бандитизм и задержать убийцу.

— Если б мы его знали!

— Мы знаем. Я и Мартин. Это Чек Пасква — личность, известная полиции всех кантонов. Наверняка у вас в картотеке есть его фото.

Бойль задумывается. Он все понял, но почему-то молчит. Я жду.

— Чек Пасква? — полувопросительно повторяет он. — Личность действительно хорошо нам известная. Вы с ним знакомы?

Я рассказываю о наших встречах, о том, как Пасква шантажировал избирателей. Бойль заинтересован. Еще бы! К уголовщине примешивается политика. И враждебная ему, Бойлю, политика.

— Паскву мы, конечно, задержим, — говорит он. — Пока только по делу в «Аполло». Об остальном подумаем. Тут сложнее.

— Мердок? — задаю вопрос в упор.

Вместо ответа Бойль спрашивает:

— А мистер Мартин знает жертв шантажа?

— У него есть предположения.

— А факты?

— Есть признания землевладелицы — мистер Мартин назовет вам ее имя и адрес, — что некий приезжий субъект требовал от нее со всем ее штатом голосовать за реставраторов, угрожая в противном случае спалить урожай. Предъявите ей фотокарточку Пасквы, и она его узнает.

— А если она не подтвердит полиции своего признания мистеру Мартину?

Я пожимаю плечами — оснований для спора нет.

— Кислое дело, — замечает Бойль. — Задержим его за убийство в «Аполло» — с хорошим адвокатом сумеет выкрутиться. А хорошие адвокаты у него будут. Так?

Мы понимаем друг друга. Король может защитить пешку. И, даже выиграв пешку, мы еще не окажемся в той позиции, чтобы сказать ему: «Шах!» Мердок сам отдаст эту пешку, если она ему уже не нужна. Но политический шантаж реставраторов так и останется нераскрытым. Здесь уязвимых позиций у Мердока нет. В конце концов, это — только один из способов добывать на выборах голоса. С такой же беззастенчивостью добывают их и «джентльмены» с помощью Бидо и его сообщников. Не безгрешны и популисты — недаром Жанвье так упорно скрывает от Селби компрометирующие партию документы. Чем же хуже Мердок, прибегающий к подобным способам, только с большей откровенностью, не брезгуя и уголовщиной?

С этими мыслями я возвращаюсь в отель. Надо все-таки поспать хотя бы половину здешней короткой ночи.

Глава 13

СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ

Поспать не удастся. Правда, я пытаюсь заснуть в автомашине Бойля, на которой он любезно отвозит меня в отель. Машина черного цвета, с отделкой из полирован-

ного ореха и обитыми красным сафьяном сиденьями, с натянутым брезентовым верхом — она очень напоминает модели девятисотых годов. Трясет в ней отчаянно, так что попытки мои тщетны.

Странно встречает меня портье. Услышав или подсмотрев, что я приехал на автомобиле, он сгибается чуть ли не пополам, но, подавая ключ от номера, старается не смотреть мне в глаза. На вопрос, закрыт ли ресторан, он отвечает, что закрыт, и тут же предлагает мне бутылку вудвилльского из своих собственных запасов. С этой бутылкой я поднимаюсь в номер, открываю дверь и замираю в передней: в комнате горят все свечи, которые я потушил, — очень хорошо помню, что потушил, выходя на улицу вместе с Мартином. Значит, в комнате кто-то был или кто-то ждет. Мартин?

Оказывается, не Мартин.

У камина, развалясь в кресле и вытянув к огню длинные ноги, сидит Мердок. Он в одном жилете, сюртук болтается на спинке кресла, узкое холеное лицо повернуто ко мне, а на губах — знакомая хитренькая улыбка.

— Удивлены?

— Как вы попали сюда? — спрашиваю я, хотя вопрос этот явно лишний.

— У хозяина гостиницы всегда имеются запасные ключи, — смеется Мердок. — Давайте-ка сюда вашу бутылку, а то я выпил весь грог.

С видом любезного хозяина водружаю на камин бутылку вудвилльского. Мердок морщится.

— Предпочел бы коньяк. Но ресторан закрыт — знаю. У Бойля были?

Скрывать бесполезно. Никто не поверит в ночную прогулку по бульварам.

— Был.

— Я так и подумал.

Нельзя допускать, чтобы он чувствовал себя хозяином положения, и я говорю:

— Не вышло, Мердок?

— Увы. Меня снова переиграли. Я сразу догадался об этом, когда узнал о вашем присутствии в «Аполло» и что вы первым нагнулись к убитому. А с какой целью?

— Цель понятна. Хотелось убедиться, жив ли он.

— Это после того, как его прострочили из автомата в упор? И сразу же полезли к нему в карман?

— Почему я должен отвечать на ваши вопросы?
— Хотя бы из любезности к гостю.
— Кстати, незваному. Ну, допустим такую любезность.
Меня заинтересовало то, что ему подложили в карман.
— И никто не заметил ваших манипуляций?
— Никто не видел, даже Мартин.
— Но вы ему рассказали?
— Зачем? — Я сыграл неподдельное удивление.
— Может быть, действительно незачем. Просто так вы ничего не делаете. Но Мартин меня не беспокоит, даже если вы и сболтнули. Его переведут на светскую хронику и увеличат вдвое оклад. Меня интересуют вы. Точнее, ваши действия. Знает ли об украденном вами документе Бойль?

Оказывается, у меня есть козырь. Мне становится легче. Будет угрожать Мердок или предпримет иной маневр?

— Бойлю я сказал другое, — умышленно лгу я. — А о подложенном убийцей документе — кстати, украл его не я, и вам это тоже отлично известно, — так вот, об этом документе я пока еще никому...

— Пока? — перебивает Мердок.

— Естественно, — говорю я. — Каждый игрок всегда придерживает нужную ему карту.

— Логично. И что же вы сказали Бойлю?

— Назвал убийцу.

— Вы узнали его?

— А вы думаете, черный платок, кое-как подвязанный под глазами, скроет верзилу по имени Пасква? У меня с ним было достаточно встреч, чтобы узнать его даже под маской. Да и маска была липовая.

— Значит, Паскву возьмут, — задумывается Мердок.

— Боюсь, что вы ему уже не поможете.

— Я и не собираюсь, — презрительно улыбается Мердок. — Паскву я вам отдам. Он действовал на свой страх и риск, без какой-либо связи со мной.

— Ну, связь-то была, — говорю я. — Может, просто не было согласованности.

— В чем?

— Ну, скажем, убийство Ренье. Может быть, оно и не замышлялось.

— Вы знаете имя убитого?

— Знаю, Мердок. И предполагал, что ему подложат что-то вроде того документика.

Мердок уже хохочет, искренне и непринужденно, даже глаза смеются.

— Не глядите судьей, милый юноша. И Паскву вы не будете судить — надо еще, чтобы судьи поверили. Ведь я с вами играю, Ано. Неужели вы думаете, я здесь, потому что напуган и хочу вас уничтожить? Разве я стал бы делать это сам? Фи! Как грязно и некрасиво. Ведь ночи темные, улицы пустые, всякое может случиться во время ночной прогулки?

— Значит, я вам все-таки мешаю, Мердок?

— Конечно, мешаете. Со Стиллом у нас с вами не вышло — со своей дурацкой речью он выступил. Надеюсь, писали ее не вы? Только она ничего, как вы знаете, не изменила. В «Аполло» вы зря сунулись. Пасква — лицо для меня полезное. Но я широкой души человек. Вы мне по-прежнему нравитесь. Ведь Стил собирается подать в отставку сразу же после выборов. А куда вы пойдете? К Уэнделлу? Он вас, безусловно, возьмет, только скучно с ним будет. Нарращивать промышленные мощности и бороться с аграриями в недрах собственной партии? Уэнделл борется не за власть, а за капиталовложения — скучная борьба, не для вас. Вы — странный человек, Ано. Ведь даже на Стила работая, вы ему ножку подставляли, несколько раз подставляли, хитро. Но зачем? Вот это мне и хочется узнать. А от кого узнать, как не от вас?

Я напряженно молчу, стараясь ничем не выдать свои мысли. Для чего, в сущности, пришел Мердок? Пришел ночью, тайно, воспользовавшись запасным ключом к моему номеру. Наказать меня за содеянное в «Аполло»? За то, что я проник в его замыслы? Но не затем же, чтобы сделать это по-гангстерски, в духе Пасквы? Мердок прав: для того существуют другие руки и другие способы. Тогда с какой целью? Снова попытаться меня купить — зачем? Для чего все эти полупризнания, полукровенности? Вероятно, просто игра, страсть к игре — ведь играет же он в политику, швыряясь людьми и деньгами, кем-то пожертвованными или у кого-то украденными. Может, в моем поведении есть что-то привлекающее политических подонков: ни я, ни Мартин не принадлежим ни к «джентльменам», ни к популистам. Donovan Мартина не интересуется, а мои симпатии к Donovanу пока еще открыто не выражены. Так почему бы не привлечь нас к движению реставраторов? Привлечь

покрепче, посолиднее, поосновательнее. Мердоку нужны не только избиратели, но и помощники, на которых он мог бы опереться. Все это возможно, конечно, — но возможно ведь и другое. Что, если Мердока волнует не исчезновение документа из «Аполло», а самый факт его появления на свет? Для чего я взял чистый гербовый бланк у сенатора Стила и написал рекомендацию Питеру Селби? С какой целью? В историка, изучающего победы популистов на выборах, Мердок, естественно, не поверил. Он знает о характере информации, интересовавшей Пита. И не понимает, почему я, человек Стила, искал материал, компрометирующий его партию. А я искал лишь подтверждения политических махинаций всех буржуазных партий на так называемых свободных, демократических выборах. Но это навело Мердока на мысль о подножке.

Я оказался прав.

— Что же вы молчите, Ано? — спрашивает Мердок. — С какой целью вы отправили в канцелярию Жанвье некоего Питера Селби?

— Почему бы мне не доставить удовольствие сенатору созданием истории партии, основанной еще его покойным отцом?

— А для чего тогда подбирались документы, эту партию компрометирующие? Даже Жанвье обратил внимание.

— Селби несколько переусердствовал в стремлении быть правдивым и точным. Негативный материал впоследствии мы все равно бы отбросили. В конце концов он сам это понял и согласился полностью следовать советам Жанвье.

— По вашему предложению.

— Фантазируете, Мердок. Зачем?

— Затем, что опять же не политик вы, а игрок. Это я могу спросить вас, зачем вам понадобился материал, порочащий партию популистов? Но я не спрашиваю — я знаю. Вы, как игрок, подбирающий подходящие карты, подбираете и эту — на всякий случай, для будущего. Отставку Стила вы не могли не предвидеть: он стар. Политических симпатий у вас нет: вы сами в этом признались. Вы игрок, я еще раз повторяю это, Ано. И как таковой мне подходите. И собранная вами информация — тоже. Собирайте ее и дальше. Настаивать на вашем уходе от Стила сейчас я не стану. Продолжайте

вашу многогранную деятельность до отставки сенатора. Ведь не пойдете же вы к нему в управляющие? А там подумаем. Идет?

— Ради этого вы пришли ночью сюда?

— Во-первых, я узнал немало полезного. А во-вторых, где бы мы с вами встретились? Вызвать вас к себе — вы могли бы и не прийти. Пообедать в сенатском клубе? Вы могли бы и отказаться: советнику сенатора Стила интимничать с главой конкурирующей ассоциации не положено.

— В клубе я встречаюсь со многими.

— Знаю. Но Уэнделл — ваш глава, Бойль — начальник полиции, а Донован не играет серьезной политической роли. Вас он просто интересуется как личность. Нечто любопытное в нашем политическом обезьяннике. Фанатик, мечтающий о переустройстве мира. Организатор движения, которого фактически еще нет. Ни ремесленники, ни арендаторы за ним не пойдут. Может, в будущем такие, как Донован, станут опасны. А сейчас это — кучка мечтателей, несколько кресел в сенате. Позавтракать с Донованом занято, но работать с ним вы не будете. Кто остается? Церковники? Вы не религиозны, я сомневаюсь, что вы ходите в какую-нибудь церковь или на молитвенные собрания. «Джентльмены»? Но у вас нет ни состояния, ни положения, и в этом лагере к вам всегда будут относиться несколько свысока. Советник Стила... Куда же ему идти после отставки сенатора? Об Уэнделле мы уже говорили — советником он вас возьмет, может даже предложить пост в банке или какой-нибудь страховой компании. Но вам будет скучно, Ано. А я могу заплатить вам вдвое больше. Да и работать со мной интереснее. Вот вам и предложение. На будущее, Ано, на будущее.

— Можно подумать, — говорю я осторожно. Открыто конфликтовать с Мердоком еще не время.

— Тогда закончим ваше вудвилльское.

— Закончим. А Паскву не жаль?

— Вы сначала возьмите Паскву. И судите. Я далеко не уверен в исходе процесса.

Вспоминаю разговор с Бойлем. Конечно, Пасква станет все отрицать, а защитники у него найдутся. Но наши с Мартином свидетельства будут давить на любых присяжных плюс репутация Пасквы — об этом позаботится

Бойль. Нет, мистер Мердок, мы не союзники, и смерть Луи Ренье я вам не прощу.

Однако вслух произношу нечто неопределенное:

— К чему гадать об исходе процесса? Убийцу мы опознаем, а дальше — поглядим.

Мердок улыбается.

— Тогда все впереди, Ано. Покидаю вас с надеждой, что встреча наша была дружеской и перспективной. Ложитесь, у вас еще есть время поспать.

Но поспать опять не удается. Как только уходит Мердок, слышатся шаги, потом тихий скрип двери, и входит Мартин. Он в домашнем халате, подвязанном шнурком с кисточками: похоже, собирался ко сну и что-то ему помешало.

— От тебя только что вышел Мердок, — говорит он. — Сейчас видел его на лестнице. И долго он просидел?

— Час, пожалуй. Я его застал, когда вернулся от Бойля.

— Я почему-то предчувствовал, что он появится. Значит, дуэль уже состоялась?

Я рассказываю.

— Но зачем он к тебе в номер пришел, ночью?

— Понравился ему, наверно, — говорю я специально для того, чтобы позлить Мартина. — Я и Корсону Бойлю нравился.

— Не об этом речь, — сердится Мартин. — Ты не думаешь, что хитрит он, еще одну пакость готовит?

— Не думаю. Кажется, он был искренним и достаточно откровенным.

— Меня удивляет, почему так легко он отдал нам Паскву?

— Во-первых, Пасква еще не пойман. И не уличен. Об этом Мердок, между прочим, напомнил. А во-вторых, он не боится наших показаний. Нам придется выдержать напор таких адвокатов... Да ты и сам знаешь.

— Неужели мы проторчим здесь до суда?

Я понимаю Мартина, возвращение домой опять откладывается. Но что же делать? В прошлый раз мы тоже не знали, когда нас вернут. Сейчас мы хотя бы можем утешаться спиралью времени. Пока здесь тянутся месяцы — на Земле проходят часы. Вероятно, и «жигуленок» мой все еще стоит на обочине дороги от Фороса к Ялте, не рассердив инспектора ГАИ. И дома спокойны: телеграмму из Севастополя я послал. А Мартину и писать

некому: никто его в Нью-Йорке не ждет. Пожалуй, это единственное, что нас поддерживает тут.

— Примешь предложение Мердока? — настороженно интересуется Мартин. — Ведь Стил действительно может подать в отставку.

— Мердоку я сказал: подумаем. Еще не время для открытой борьбы. Надо рассчитаться с Пасквой. Есть у меня одна идея.

Мартин не спрашивает, какая. Просто ждет.

— Серебряный вариант, — говорю я. Тугодум этот Мартин: приходится все разжевывать до конца. — Кто-то должен подбросить Бойлю сведения о том, где находится серебро с «Гека Финна». Две тонны серебра — это, мой милый, не кот заплакал.

— А если они уже проданы или перевезены в другое место?

— На бирже до сих пор не зарегистрированы крупные сделки по купле-продаже серебра в слитках. А лучшего места для хранения, чем та лесная хижина, нет.

— Ты сказал «кто-то должен подбросить» Бойлю адреса хранилища. Кого ты имеешь в виду? — спрашивает Мартин.

— Тебя. Анонимно, конечно.

— Интересно. А каким способом?

— Можно по телефону, можно письмом. По телефону опаснее: здесь автоматов нет. Письмо лучше составить из печатных букв, вырезанных из газет. Выберем разные.

— А когда? Сегодня, завтра, через неделю?

— Только после того, как задержат Паскву.

— Какая связь...

— Вернемся к этому разговору после ареста.

Спать уже не придется. День начался.

Глава 14

БИРЖА

— Почему у вас красные глаза, Ано? Кутили всю ночь? — спрашивает Стил, аккуратно снимая цилиндр и перчатки.

Я уже успел побриться и позавтракать, в комнате прибрано и проветрено, но ни бритве, ни три чашки кофе

за завтраком не могут скрыть следов ночного бдения. К счастью, в этот момент в комнату с радостным криком врывается Минни и бросается мне на шею. Тема разговора меняется.

— Я так рада, так рада, мсье Ано, что дядя взял меня в Город. И вас видеть рада, и мистера Мартина. Кстати, где же он?

Ощущаю нежную холодноватость шелка и тончайших розовых кружев.

— Мартин сейчас в редакции, — поясняю я, поправляя сбившуюся малиновую накидку Минни.

— Вечером вы у нас. Никаких отказов. Расскажите обо всем интересном, что видели в Городе, а то дядя ни о чем не мог вспомнить, кроме политики.

— Скучали за городом, Минни?

— Что вы?! Скучать некогда — на мне хозяйство. Даже на охоту не ездила...

— Тебе пора, Минни, — строго говорит Стил, — экипаж ждет, у тебя масса дел. Не забудь после ателье мод заехать к Принстону и заказать железо для крыши коворника. В моей записке есть еще стекла для веранды и десятков мотков колючей проволоки. Все это пусть они доставят на ферму сами. Ты только закажешь.

Минни, повторив приглашение на вечер, уходит — маленькая хозяйка большого дома, и мы со Стилом остаемся одни. Я достаю из шкафчика бутылку «Эдема». Сенатор предпочитает его всем другим виноградным винам Веррье.

— Что новенького, Ано? — спрашивает Стил.

Я пожимаю плечами. Что может заинтересовать Стилла? Моя игра с Мердоком? Стилла пока рано вмешивать в нее. Беседы с Уэнделлом? Их еще слишком мало, чтобы извлечь что-то для сенатора. Убийство в «Аполло»? Стил знает о нем из газет и не задает вопросов: гангстерские войны его не интересуют — уголовщина, грязь, макулатура для Бойля. Дружба с Донованом? Слухи о ней все равно до него дойдут, и он сам когда-нибудь спросит об этом...

— Какие же у нас новости? — мямлю я. — Кое о чем я вам писал. Сенат распушен. Правительственный секретариат пока работает. Конечно, весьма условно. Вист дремлет. Секретарь по делам суда и полиции ловит убийц и готовит процессы. Селби пишет историю партии. А Уэн-

делл, по всей видимости, уже сформировал «теневого кабинета». Состав его мне пока неизвестен.

— Как разворачивается кампания?

— Вероятно, как и прежде. Висят плакаты с вашими портретами. Время от времени в зале Дженни-Холла проводятся собрания. У «джентльменов» реже, у популистов чаще. Кормят гостей бесплатно, у популистов — с бокалом яблочной водки, у «джентльменов» — с абрикосовой. Церковники раскололись. Католики объединились в собственную ассоциацию, евангелисты создали свою. По-моему, глупо — только распыляют голоса. Студенты до сих пор не могут объединиться: кого тянет к «джентльменам», кого — к трудовикам. Думаю, их голоса так и распределятся на выборах.

— А Мердок? — осторожно спрашивает Стил.

— Мердок неуязвим и незапятнан. Если гремят выстрелы, так не из его пистолетов; если покупаются голоса, так не на его деньги.

Стил вздыхает — даже глаза сужаются: так он ненавидит Мердока. Я разделяю его чувство, но раскрываться повременю.

— Рондель еще пожалеет о своем билле, — зло говорит сенатор. — Пропустив Мердока в сенат, он сам свалится от его пинка.

— А может, обойдется и без пинка? — Мне очень хочется, чтобы Стил наконец понял соотношение сил в сенате. — Рондель — финансист и шахтовладелец. Чего же ему бояться? Мердок, придя к власти, будет делать то, что Рондель потребует. Уверяю вас, сенатор, «джентльмены» больше боятся трудовиков, чем реставраторов.

— Мне уже все равно, — устало произносит Стил. — После выборов сразу подам в отставку.

— Твердо решили?

— Твердо. Тянет к земле. К прерии. Конный завод куплю.

— Зачем же вы приехали, раз предвыборные дела вас не волнуют?

— У меня дела на бирже, Ано. Готовлю срочную сделку. Если хотите, поедem вместе...

Помещаются обе биржи — и фондовая, и товарная — в одном здании на кольце Больших бульваров: минутах в десяти ходьбы от полицейского управления. Почти двухсотметровой длины здание песочного цвета, с

лепными фигурами атлантов, поддерживающих карниз крыши, было построено уже во время нашего отсутствия, лет тридцать назад, и выглядит сооруженным на века. Во всю длину его тянется широкая и пологая лестница, окаймленная с боков и тротуара резной чугунной решеткой. На ней суетятся и шумят, словно на рынке, сотни людей, толкая друг друга и выкрикивая какие-то названия и цифры. Объяснять это мне не нужно: как и на земных биржах, здесь покупаются акции по мелочам — поштучно и подесяточно. Тут орудуют даже не маклеры, а мелкие спекулянты, узнающие новости по реву биржевых мегафонов, доносящих на улицу капризы биржевых цен.

Все здание биржи занимает огромный, трехэтажной высоты, зал со стеклянной крышей и высокими узкими готическими окнами. Вернее, это два зала, разделенные холлом, в котором ничего не продается и не покупается и который похож на театральное фойе или большую курительную, где постоянно толпится народ.

Мы, конечно, сразу же отправляемся на товарную биржу — фондовая Стила не интересует, — и первое, что мы видим, — это отчаянно жестикулирующий человек на шестигранном возвышении. Рядом на столике телефонный аппарат, за спиной — грифельная доска. Проворные молодые люди мокрыми тряпками стирают написанные на ней мелом цифры и тут же пишут новые. «Здесь продают за наличные, цены повышаются или падают в зависимости от числа предложений, — рассказывает Стил. — Продают зерно фермеры, покупает маклер, узнающий по телефону о ценах». — «А там?» — спрашиваю я, указывая на другое возвышение, где тоже кто-то стоит, окруженный человеческой суетой, выкрикивает цифры. «Там торгуют бобовыми, — терпеливо разъясняет Стил, — сахарным тростником, фруктами и виноградом — оптом. Вся оптовая — крупная торговля идет через маклеров и перекупщиков, для мелкой остается рынок... — Он отвлекается, потом говорит виновато: — Я покину вас ненадолго. Хотите, посмотрите пока фондовую биржу — там не менее интересно».

Я послушно прохожу через холл в зал фондовой биржи. В нем такие же возвышения и такая же суета, как и на товарной. Только и слышится: «Покупайте Кон-

тинентальные!», «Мортон понижаются на пять франков за час!», «Сбывайте Мортон!».

— А что такое «Мортон»? — спрашиваю я у соседа.

Тот даже не глядит на меня и только вздергивает руку с загнутым пальцем.

— Четыре, — говорит маклер и кивает.

Мой сосед проталкивается вперед и подает ему какой-то кусок картона — вероятно, визитную карточку с подписью, подтверждающей сделку, сущность которой для меня остается совершенно неясной. Тут я оглядываюсь и узнаю Жанвье из избирательной канцелярии популистов. Он жадно смотрит на грифельную доску с цифрами.

— Жанвье, — останавливаю я его, вспотевшего, пухлого и розового под рыжими бакенбардами, — вы что здесь делаете?

— А я еще и биржевик, — нисколько не удивляется он, узнав меня, только жирные губы растягиваются в доброжелательной улыбке. — Если у вас есть Мортон, продавайте сейчас же.

— А что такое «Мортон»? — опять спрашиваю я.

— Господи! — ужасается он. — Да вы совсем зелененький! Впервые на бирже?

— Впервые.

— «Мортон» — это «сталепрокатные». Акции фирмы «Мортон и компания». Их кто-то стремительно выбрасывает на рынок.

— Зачем?

— Следом начнут выбрасывать и другие. Цена еще упадет. А когда спустится до нужного кому-то достаточно низкого уровня, этот «кто-то» начнет их скупать, и цена вновь повысится.

— Так проще их придержать.

— Не угадаешь. А вдруг кто-то хочет слопать «Мортон и компанию»? Цена-то повысится, но когда? Тут и разориться недолго, если акций у тебя на несколько сот тысяч франков. Я свои уже продал. Теперь жду.

— Боюсь, что такая игра не для меня, — говорю я. — А кто, в сущности, может быть этим «кем-то», кому вдруг захотелось слопать «Мортон и компанию»?

— Таких много. Хотя бы Уэнделл.

— Любопытно. Ведь мы его знаем. Могли бы спросить.

— А вы думаете, он с нами поделится?

— Нет, этого я не думаю. Но поговорить бы хотелось.

— Ничего нет проще. Он сейчас у себя, вернее, в конторе своего маклера. Зайдите в дверь под шестым номером. Маклер Кингстон. Туда несколько минут назад зашел и Уэнделл. Вероятно, для личных распоряжений, иначе бы воспользовался телефоном. Но ведь любой телефонный разговор здесь можно подслушать. Подкупите телефонистку — и все данные у вас.

— Мне это ни к чему.

Жанвье пожимает плечами: каждому свое.

— Если хотите купить акции, поинтересуйтесь «нефтяными Мюррэ». Идут на повышение. И продавайте перед закрытием, минут за десять до колокола. А мне пять процентов за подсказку, если прибыль будет стоящая, — смеется он и скрывается в толпе.

Я вхожу в шестой кабинет. Крохотная комнатка, отделанная полированным орехом, письменный стол, заваленный пучками телеграфных лент, и три кресла. В одном из них в строгом темно-коричневом сюртуке сидит Уэнделл, а за столом, поднявшись с маклерского кресла, стоит старый джентльмен, весь в черном, кроме белой крахмальной сорочки, с маленьким блокнотом в руках.

— Итак, выбрасывайте еще две тысячи акций, — говорит Уэнделл, не видя меня. — Покупать начнете, когда они упадут на пятнадцать пунктов. Всю операцию закончите до удара колокола. — Он оборачивается на скрип двери: — Мсье Ано? Ну и удивили! Что же заинтересовало вас в нашем доме умалишенных?

— Никогда не был на бирже, мистер Уэнделл. Жанвье сказал, что вы здесь. И я счел нужным поприветствовать вас, я бы сказал, не в доме умалишенных, а в храме ценностей.

— Я искренне рад вам, мсье Ано. Сейчас Кингстон обойдет всех своих брокеров и передаст им мои указания. А мы пока побеседуем. Сидеть одному в этом стойле не просто скучно — невыносимо! Минутку, Кингстон, — останавливает он уходящего. — Если у вас, мсье Ано, есть «сталепрокатные Мортон», продавайте немедленно. И опять покупайте, как только они пойдут на повышение. Не опоздайте. К закрытию биржи прибавите триста на каждую тысячу франков.

Жанвье прав: судя по всему, к удару колокола «Мортон и компания» будет проглочена целиком.

Я вежливо улыбаюсь Кингстону и развожу руками: мол, ничего ни продавать, ни покупать не собираюсь.

— У меня нет акций, мистер Уэнделл. Я не играю на бирже.

— Так сыграйте. Нет наличных — кредитую.

— Спасибо. Предпочитаю другую игру, мистер Уэнделл.

— В политику? — понимающе кивает глава партии.

— Как вам сказать... — неопределенно говорю я.

— Я все знаю от Бойля. — Уэнделл серьезен и проныцателен. — Все, кроме того, что вы ему не рассказали. А ведь вы кое-что оставили про запас. На всякий случай. Не правда ли?

— Это он так думает?

— Это я так думаю. Потому что давно к вам приглядываюсь. Вы клад для Стила, если б только он был помоложе и меньше времени тратил на своих коров и пшеницу. Вы лучше меня оценили опасность одного из наших противников на будущих выборах. Догадываюсь и о его роли в «Аполло», и о том, что вы в чем-то ему помешали. Ведь Бидо застрелили не просто конкуренты. Предполагалась какая-то провокация, которая должна была задеть и нас. Мне известно, что тогдашний утренний номер газеты «Брэд энд баттер» переверстывался, сменили целую полосу. Почему? Не оказалось ожидаемых доказательств? Каких? Не ведаю. Но знаю, что вы были свидетелем случившегося, подсказали Бойлю имя убийцы. Невольно сопоставляю с этим вашу предвыборную тактику и стратегию. В чьих интересах вы действуете — не пойму. Зато догадываюсь, что Мердок вас боится. Или опасается, скажем мягче.

— Едва ли, мистер Уэнделл. Мердок просто расчетлив и осторожен.

— Однако он пришел к вам, а не вы к нему. И Стилу вы ничего не сказали.

— Есть причины, мистер Уэнделл. Не хочется пока тревожить сенатора.

— А почему вы не интересуетесь, откуда я знаю об этом?

— Любая информация здесь продается и покупается, — говорю я, не смущаясь тем, что передо мной глава партии.

- Ну а если я предложу вам продать мне вашу информацию? Ту, которой нет у Бойля?
- Я работаю на Стила, мистер Уэнделл.
- Мы со Стилом в одной партии, мсье Ано.
- Если нужно, о моем участии в партийных делах вас информирует сенатор. Но есть дела частные, не затрагивающие ни ваших, ни его интересов.
- Все, что касается Мердока, я хочу знать немедленно.
- Пожалуй, частью моих сведений я могу поделиться с вами.
- Уэнделл заинтересован — он даже привстал с кресла.
- Что вы знаете о судьбе двух тонн серебра, похищенного из трюма «Гекльберри Финна»? — спрашиваю я. — Ничего? Так я и думал. Но как биржевику вам, конечно, известно, что слитки до сих пор не появились на рынке. Не перелиты они и в монеты: для этого потребовалась бы фабрика — специальный монетный двор, а построить и скрыть его, даже на необжитых землях, было бы слишком трудно. Значит, оно где-то спрятано.
- Вы знаете где? — вскакивает Уэнделл.
- Нет. Но кое-кто об этом догадывается.
- Когда же догадка станет открытием?
- Вероятно, скоро. Но мне известно и другое. Вы помните по описаниям газет, как произошло похищение?
- Команда и пассажиры были удалены с палубы, а вам с сенатором предоставили лодку, на которой вы и добрались до его поместья.
- Так вот, в эту лодку нас спускали не матросы из экипажа, а те же бандиты, «пистолетники», как их называют в полиции, которые выносили из трюма ящики с серебром. И на рукаве у каждого была повязка из галуна, знакомого вам по экспонатам исторического музея.
- Реставраторы?
- Да.
- Почему вы не сообщили об этом полиции?
- Потому что меня не спросили. И потому что я не желаю, чтобы меня застрелили на улице из окна проезжающего мимо фиакра. Ведь ни Стил, ни другие в лодке ничего не заметили. Мелкая деталь, не больше.

— Но существенная. Хотя Бойль, пожалуй, и не приобщит ее к делу. Это уже политика. — Уэнделл вновь опускается в кресло и, прищурившись, о чем-то задумывается. — Что же вы хотите от меня, мсье Ано?

— Если Бойль арестует убийцу и найдет серебро, — говорю я, — пусть не дает сразу материал в газеты. А главное — я подчеркиваю: главное — уговорите его немедленно, после того как будет найдено серебро, отпустить убийцу без всяких мотивировок. На все четыре стороны. Только пусть проследят за его судьбой.

Уэнделл непонимающе моргает.

— Зачем?

— Еще пятьдесят лет назад в Городе отменили смертную казнь. При помощи хороших адвокатов он сумеет избежать даже пожизненного тюремного заключения. А ведь кроме этих подонков из «Аполло» он убил и моего друга, пытавшегося предотвратить преступление.

— Но ваш друг был в его шайке.

— Он был заброшен в нее как разведчик. Я хотел нащупать связи Пасквы с Мердоком.

— Пасквы?

— Так зовут убийцу, который может уйти от возмездия.

— Всегда найдется случай просто пристрелить его при попытке к бегству.

— А кто отдаст приказ? Вы, я, Бойль? Зачем марать руки? Это сделают его же хозяева. Они решат, что за обещанную свободу Пасква передал серебро полиции. Купил, мол, сукин сын себе освобождение. Именно освобождение, а не бегство. Конец очевиден.

— Вы жестоки, мсье Ано.

— Только справедлив, мистер Уэнделл. Вот тогда я и сообщу вам все, что знаю и что потребуется для политической дискредитации наших противников.

— Еще один вопрос, мсье Ано, — торопится Уэнделл. — Почему вы до сих пор не информировали сенатора Стила? Ведь вы его советник.

— Охотно отвечу, мистер Уэнделл. Во-первых, не хочу тревожить сенатора, он стар и не очень здоров. Во-вторых, у меня на руках еще не все карты, необходимые для выигрыша партии, которую здесь называют политическим покером. И в-третьих, мистер Стил слишком экспансивен — может проиграть, если поспешит.

Уэнделл долго молчит, плотно сжав губы.

— Я знаю о намерениях Стила уйти в отставку. Так вот, когда это случится, рассчитывайте на меня, Ано, — говорит он, вставая.

И то, что он явно умышленно опускает «мсье», очень и очень важно.

Глава 15

ОЧНАЯ СТАВКА

Мы завтракаем с Донованом в сенатском клубе. Здесь опять, как обычно в эти предвыборные дни, тихо и пусто. Сенаторы выступают в своих кантонах. Завсегда-таи биржи закусывают в биржевом ресторане. Семейные предпочитают домашний очаг. Донован же холост. Он в темной кожаной куртке, в черной шелковой рубашке без галстука — чопорная администрация клуба терпит это нарушение традиций только из уважения к его сенатскому креслу.

— Что-то ты не слишком разговорчив сегодня, Биль, — говорю я: наши отношения уже позволяют нам называть друг друга по имени. — Предвыборные дела?

— Предвыборные дела? — задумчиво повторяет Донован. — Да нет, тут все нормально. Мы, кажется, имеем шансы получить еще три места в сенате. Два от Ойлера и одно от Майн-Сити. Восемь вместо пяти — не идеал, конечно, но не так уж плохо для начала.

— Результат вашего откола от популистов?

— Не думаю. Нам этот откол дал нечто большее — свободу рук.

— Разве вас сковывал блок с популистами?

— Конечно, сковывал. Из чисто партийной этики мы не могли голосовать с оппозицией, в то время как наши интересы вполне допускали такое голосование. Возьмем пример. Медные рудники Симпсона закрыты из-за отсутствия железнодорожной ветки от ойлерской магистрали. Для постройки ветки необходимы государственные кредиты — частные банки требуют обеспечения. А какой популистский сенатор будет голосовать за кредиты на дорогу, которая его фермам не нужна? Сейчас, отдав голоса сторонникам билля, мы в совокупности

выиграли бы. Начнется стройка, потребуются рабочие руки. Потребуются руки — повысятся заработки. Или так: Уэнделл собирается строить три новых завода. Кто будет голосовать против кредитов? Конкуренты. Популисты не будут — его партия. Вот мы и отдадим тогда голоса популистам. Тактика Уэнделла работает и на нас. Он расширяет ограниченные рамки промышленности, а мы усиливаем в ней свою роль.

— Иначе говоря, он развивает производительные силы, а вы получаете возможность как-то влиять на взаимоотношения с хозяевами?

— Можно сказать и так. Будет даже точнее. Вообще, Юри, ты мог бы хорошо послужить нашему делу. Правда, советников у меня нет — по штату не положено, а функционерам мы не платим — они на заводах и в шахтах работают. Кстати, ты что-нибудь умеешь, кроме канцелярской зауми?

— Умею кое-что. Например, конструировать фотоаппараты и киносъемочные камеры, — улыбаюсь я и улыбаюсь потому, что здесь я наверняка сошел бы за новатора, если бы помог, скажем, ускорить переход от немного кино к звуковому, добившись хорошего качества звукозаписи и съемочной оптики. Только говорить об этом не стоит — покажешься хвастуном.

Но Donovanу достаточно и моего фотоконструкторского умения.

— Пристроил бы я тебя куда-нибудь, нужны ведь такие люди. И партии нужны — хоть нет ее пока, одна лишь политическая ассоциация, — вздыхает он, но вздыхает весело. — А партия будет, обязательно будет. Сначала надо объединить цеха. Слишком их много, слишком распылены, раздроблены силы рабочего класса. Надо сплотить их. Вот наша первая и наиважнейшая задача.

К столу подсаживается Бойль:

— Не прогоните?

— Наоборот, мистер Бойль, — подымается Donovan. — Вы составите компанию мсье Ано. А у меня дела — спешу.

— Вы словно избегаете меня, мистер Donovan. Бойтесь или не любите?

— Не очень умно, извините. Бояться вас у меня нет оснований: не нарушаю законов, а любить или не лю-

бить — вы же не девушка. Делаете вы нужное дело, но меня оно не касается. Хотя... ваши шерифы иногда задерживают ни в чем не повинных людей якобы за бродяжничество, в то время как они ищут другую работу или другого хозяина.

— Иногда мои шерифы слишком усердствуют, — морщится Бойль, но Донован, раскланявшись, уже идет к выходу.

— Трудный господин, — говорит Бойль.

— Вы тоже не легкий, — парирую я.

— А вы?

Мы оба смеемся.

— Кстати, ваш Пасква арестован, — сообщает Бойль. — Завтра утром будет доставлен сюда из Вудвилля в арестантском вагоне. Приглашаю вас на очную ставку и прошу известить об этом мистера Мартина.

— Быстро работаете, Бойль.

— Профессия.

Оживленное утро в Городе начинается в шесть часов, когда в Москве еще только просыпаются. К этому времени мы и прибываем с Мартином в Главное полицейское управление. В сопровождении представленного нам следователя Маиса мы спускаемся в довольно чистые подвальные коридоры, перегороженные у лестниц железными решетками. По требованию Маиса нам открывают камеру, предназначенную для допросов. Садимся на привинченные к полу табуреты. Один табурет, у двери, остается свободным: он для арестованного.

Паскву вводят в ножных кандалах и наручниках. Он в полосатой арестантской рубаше и разузоренных заплатами из мешковины штанах. Борода его всклокочена, глаза злые. Держится независимо — явно на что-то надеется.

— Вы узнаете этих людей, Чек Пасква? — спрашивает следователь Маис.

Пасква не отвечает.

— Вы слышали мой вопрос, Пасква? — снова говорит следователь.

— Я не Пасква.

— Вы называете себя Бремсом, но вы лжете. По фотографиям и отпечаткам пальцев мы опознали вас как ранее судимого за разбой, приговоренного к каторжным

работам и три раза бежавшего Чека Паскву. Мы можем предъявить вам фотоснимки.

— Предъявите.

Маис вынимает из папки полицейскую учетную карточку с фотоснимком.

— Вы?

Пасква и тут не смущен. Наверно, его не тревожит ни продолжение каторжных работ за прежние разбойные дела, ни новое обвинение, вероятно уже предъявленное. Он нагло ухмыляется.

— Ну, я, Пасква так Пасква. У меня имен много. Какое-нибудь мог и забыть.

Я смотрю на бородатого верзилу, еле сдерживая ярость. На Земле мне не приходилось никого убивать — родился после окончания войны. Но такого человека я убил бы, не переживая. Ведь это даже не волк, а крыса. Скосив глаза на Мартина, вижу, что на его сжатых кулаках побелели костяшки пальцев.

— Вы узнаете этих людей, Чек Пасква? — повторяет свой вопрос следователь.

Пасква окидывает нас равнодушным взглядом.

— Нет. Чужаки.

— А вы, джентльмены? — спрашивает нас следователь.

— Узнаем, — отвечаем мы одновременно, а я добавляю: — Это убийца из бара «Аполло». Он был в маске, но мы сразу же узнали его, потому что черный платок, повязанный у него под глазами, сполз набок.

— Вы видели его раньше?

— Да, — говорю я. — Мы познакомились два месяца назад в ресторации «Веселый петух» в Сильвервилле. Обменялись парой выстрелов. Мне не понравилось, что он прострелил мою шляпу, в ответ я разбил пулей его бутылку с пивом. С тех пор я его и запомнил. А в «Аполло», повторяю, узнал, когда он повернулся к нам боком и плохо повязанный платок приоткрыл лицо.

— Я видел его и в «Веселом петухе», и позже, на проселке близ Вудвилля, — присоединяется Мартин. — Он ехал из поместья вдовы Ланфиер. Она рассказывала мне, что именно этот человек за полчаса до нашей встречи обещал спалить ее урожай, если она со всем своим штатом не проголосует за реставраторов.

— Вздор, — возражает Пасква, — не знаю я такой вдовы и не интересуюсь ее урожаем. Ни в одной из партий не состою и люблю играть в покер, а не в политику.

— Вопросом о шантаже, если это потребуется, займется другое следствие, — останавливает пытающегося возразить Мартина следователь, — мы же разбираем дело об убийстве в «Аполло».

Пасква, должно быть ожидавший, что мы напомним ему о встречах и на пароходе, и в лесной хижине, явно доволен. Очевидно, он понял: мы не собираемся уточнять его связи с Мердоком. И то, что, рассказывая о перестрелке в Сильвервилле, я не упомянул о Мердоке, он, конечно, тоже заметил.

— Вот этого парня, — говорит он, поглядывая на меня, — я вспоминаю как будто. Был такой пистолетный шумок в Сильвервилле. Но то, что он узнал меня в баре «Аполло», — брехня. Не был я в этом трактирчике. Играл в тот вечер в карты с приятелями.

— С кем? — спрашивает следователь.

— Я уже сказал на допросе в Вудвилле.

— Повторите.

— С Эдом Химом и Лансье по кличке Меченый. В покер играли до утра. Допросите обоих — подтвердят.

— Допросим. Но оба ваших свидетеля — бывшие уголовники. У каждого не меньше трех лет заключения. Не надежное алиби, Пасква.

— А это уж суд решит.

— Пока еще идет следствие.

— Вот я и отвечаю. В «Аполло» не был. Никого не убивал. Все.

Следователь вынимает из папки мятый черный платок и передает его одному из присутствующих в камере полицейских.

— Завяжите ему платок. Не туго, а так, чтобы платок мог съехать в ту или иную сторону.

Полицейский завязывает платок под глазами Пасквы.

— Сдвинуть направо или налево? — спрашивает он.

Я делаю это сам.

— Вот так, — оборачиваюсь я к Маису. — Можно узнать?

— Можно, — соглашается Маис.

— Мы и узнали.

— И все-таки в «Аполло» я не был! — нагло смеется Пасква. — И никого не убивал. Не докажете.

— Уведите, — приказывает полицейским следователь.

Позже мы все трое встречаемся у Бойля.

— Опознали? — интересуется он.

— Опознали, — подтверждает Маис.

— А почему такие кислые? Отрицает?

— Все. Твердит, что не был в тот вечер в «Аполло».

Есть свидетели.

— Знаю. Липовые свидетели. И алиби липовое.

— Надо это еще доказать. Присяжные могут и не учесть прошлого свидетелей Пасквы, — со вздохом говорит следователь. — А в настоящем против них у нас ничего нет. Игра в карты и выпивка не повлияют на алиби.

— Я предполагал нечто подобное, — рассуждает Бойль. — Но для присяжных эти свидетели надежнее. — Он делает кивок в нашу с Мартином сторону. — У них больше авторитета. Один — советник всеми уважаемого сенатора, другой — корреспондент распространенной газеты. И у адвокатов Пасквы ничего не найдется, чтобы их как-то и в чем-то скомпрометировать. Так что будем надеяться, джентльмены.

— Паскву собирается защищать адвокатская контора «Бернс и Тардье», — как бы вскользь замечает следователь, — крупная фирма.

Бойль хитро подмигивает мне, и я сразу понимаю, на кого работает эта фирма. Значит, впереди еще одна схватка с Мердоком. Но состоится ли она? Не знаю. Если удастся мой «серебряный вариант» и Уэнделл нажмет на Бойля, никакого суда не будет. Паскву ликвидируют свои же по приказу Мердока. Только отдаст он такой приказ или нет?

Именно этот вопрос и задает мне Мартин, когда мы с ним встретились на другой день в ресторане «Эдем» на Больших бульварах.

— Нужно вовремя сообщить ему, что Пасква освобожден без всяких на то оснований. Мердок непременно свяжет это с полицейским налетом на его лесную «берлогу».

— Но если «берлога» действительно принадлежит ему, то опасность угрожает не только Паскве.

— Мердок не стал бы хранить серебро в своей хижине, — говорю я. — Вероятно, она куплена на чужое имя — может быть, того же Пасквы.

— Ну а вдруг Мердок раскусит твою игру?

— Трудно. Слишком хорошо она закодирована.

— А все-таки? Ведь мы гостили в этой «берлоге».

— Риск есть, — соглашаюсь я. — Тогда ликвидировать будут нас, а не Паскву.

— Тебя не посмеют.

— Почему? Ночная выходка какого-нибудь «пистолетника». Бойль даже следов не найдет.

— Найдет Уэнделл. Цену Мердоку он теперь знает. И у него тоже своя газета. Только влиятельнее.

— Нас с тобой, Дон, к этому времени уже похоронят. Кстати, где здесь хоронят?

— Католиков на кладбище аббатства Святого Петра, евангелистов где-то на севере за Городом. У католиков я был. Хоронят торжественно, с аббатами в парадном облачении и с вереницей черных фиакров. Где нас похоронят, неизвестно. Мы не числимся ни в одном приходе.

— Глупо, конечно, сдохнуть в другом пространстве и времени, — вздыхаю я.

— А если обратиться к нашим галактическим невидимкам? Попроситься домой, а?

— Как?

По дороге в «Омон» мы оба молчим. Снова тот же проклятый вопрос: все ли мы узнали, чтобы уже готовиться к возвращению на Землю? Я почти убежден в том, что неведомые галактисты хотят через наши умозаключения и умонастроения — словом, через наше восприятие всего здесь происходящего — постичь законы развития человеческого общества. Почему они выбрали именно нас — понятно: ведь мы были первыми, кто прикоснулся к модели этого общества, первыми увидели ее недостатки. Сейчас модели, созданной галактистами, уже нет, возникло предоставленное самому себе человеческое общество, сменились поколения, установился определенный общественный строй. Это мы увидели и осознали. Но поняли ли позвавшие нас, что характер исторического процесса и не мог быть другим, — не знаю. Может, что-то ими недопонято и недооценено, и нам придется еще многое увидеть и оценить? Если надо, так подождем...

Я не делюсь с Мартином своими мыслями, он со мной тоже. Но молчание явно затянулось — мы уже пришли в гостиницу.

— Сменим тему, — говорю я. — Мы пока здесь и будем делать то, что задумали.

— «Серебряный вариант»?

— Да.

— Письмо Бойлю?

— Да.

— Предлагаю решение, — говорит Мартин, — не вырезать никаких слов из газет. Просто я напишу левой рукой. Умею писать обеими.

— А почерки схожи?

— В том-то и дело, что нет. Даже специалисты-графологи удивлялись.

— Тогда пиши: «Уважаемый сенатор Стил...»

— Почему Стил?

— Вопросы потом. Пиши: «...из заслуживающих доверия источников мне стало известно, что украденное с парохода «Гекльберри Финн» серебро в слитках до сих пор находится в целостности и сохранности. Спрятано оно в лесной хижине километрах в пятидесяти по дороге, ведущей от Вудвилля на юго-запад, к Реке. Свернуть надо на проселок на сорок втором километре, у полусожженного молнией старого дуба. Хижина оттуда километрах в десяти или около того. Окружена высоким бревенчатым забором и с виду необитаема. Все окрестные поселения далеко, и о хижине этой почти никто не знает. Неизвестно, и кому она принадлежит, для чего построена и кто в ней живет. Но похищенное серебро находится именно там, в подвале. Люк в подвал в первой комнате, с большим железным кольцом. Если кольцо вывернуто, то, наверное, остались следы, и люк все равно можно будет открыть. Слитки сложены в тех же ящиках, в которых их перевозили на пароходе. Обращаюсь к вам, сенатор, как старый и преданный избиратель ваш. Надеюсь, что вы немедленно известите полицию. Почему не делаю этого сам, вы легко поймете. В полиции много разных людей, и я не уверен, что мое письмо, даже адресованное уважаемому комиссару Бойлю, обязательно дойдет до него, а не будет вскрыто или украдено. Вы же можете передать его из рук в руки. Друг».

Мартин протягивает мне написанное.

— Отнесешь Стилу?

— Зачем беспокоить отрешившегося от политических интриг старика? Отдам письмо Бойлю.

— Когда?

— Сегодня. Вернее, теперь же.

Так начинается наш «серебряный вариант».

Глава 16

МАТ В ДВА ХОДА

В приемной у Бойля меня встречает референт, почему-то именуемый здесь адъютантом. Седоватый, вылощенный и угодливый, как постаревший Молчалин, дослужившийся до правителя канцелярии у Фамусова, ставшего министром или по крайней мере губернатором, он ловко регулирует прием тайных и явных агентов, полицейских инспекторов и таких визитеров, как я. Бойль уже знает о моем приходе и просит чуть-чуть подождать. Это «чуть-чуть» продолжается больше сорока минут, но я не обижаюсь. У меня есть время мысленно отредактировать мой рассказ о вручаемом письме. Почему я не отдал его по адресу и действую без ведома Стила? Об одном варианте я уже говорил Мартину. Другой: потому что Стил болен — он действительно прихворнул после визита на биржу — и все равно поручил бы мне передать Бойлю письмо. Но при этом он возликовал бы — дивитесь, мол, как любят меня избиратели, — немедленно позвонил бы Уэнделлу, потребовал бы срочного опубликования письма в «Сити ньюс». Я знаю Стила — именно так он и сделал бы. Но необходимо ли это? Зачем сталкивать его с Уэнделлом, который, конечно, сразу поймет ненужность скоропалительной шумихи: а вдруг письмо — мистификация, розыгрыш или оно уже запоздало и никакого серебра в лесной хижине нет. Возможен и третий, более откровенный вариант. Почему я не показал письмо Стилу? А для чего? Все равно оно должно попасть к Бойлю, а тот сумеет найти серебро и не говоря никому о письме. Мне такой вариант выгоден: Бойль еще больше упрочивает свою репутацию политика и криминалиста, а я приобретаю полезного союзника — ведь в «теневом кабинете» Уэнделла Бойлю уготована та же роль начальника полиции.

И вот я перед ним. Он встает из-за стола навстречу.
— Понимаю, что ваш визит не случаен, мсье Ано. Итак, что произошло?

Вместо ответа я передаю ему письмо. С каменным лицом он пробегает его, потом, не подымая головы, прочитывает еще раз и спрашивает:

— Это не фальшивка, мсье Ано?

— Не знаю. Я вскрываю все письма к сенатору. Но именно это счел нужным сразу показать вам.

Бойль задумывается, потом нажимает кнопку звонка. Входит адъютант.

— Инспекторов Жиро, Марси, Чира и Генделя ко мне немедленно. Если Генделя нет на месте, пусть зайдет Крош.

— Слушаюсь, мой комиссар. — Адъютант бесшумно скрывается за дверью.

— Наш с вами разговор, мсье Ано, мы на несколько минут отложим, — говорит Бойль. — Необходимы срочные распоряжения.

Я молча жду. Минуты две-три спустя в кабинете появляются четыре полицейских инспектора в форме и выстраиваются шеренгой в двух метрах от стола.

— Генделя нет, — докладывает крайний справа. — Я вместо него.

— Хорошо, Крош, — кивает Бойль. — Вы справитесь. Но ответственным за операцию будет Жиро. Он и отвечает на мои вопросы. Если у других возникнут замечания, разрешаю вмешаться. Итак, слушайте. Шоссе из Вудвилля на юго-запад к Реке вам известно?

— Да, мой комиссар, — отвечает инспектор.

— На сорок втором километре по шоссе есть поворот на лесной проселок. Где-то у сожженного молнией дуба. Кто-нибудь видел его?

— Да, мой комиссар, — на этот раз отвечает Крош.

— Тогда все четверо возьмите по десять полицейских каждый и три грузовые машины. Найдите километрах в десяти от поворота лесную хижину, окруженную высоким бревенчатым забором. Разделитесь на четыре отряда и окружите ее. Если встретите сопротивление — подавите. В первой же комнате есть, вероятно, замаскированный люк в подвал. Отыщите его, откройте и спуститесь вниз. Там должны быть ящики со слитками серебра, похищенные с «Гекльберри Финна». Должны

быть. Но это еще не значит, что вы их сразу обнаружите. Они могут быть замаскированы, а могут быть и вывезены. Тогда ищите следы: перевозку двух тонн серебра скрыть не так просто. Найдете слитки — грузите их на машины и везите под охраной сюда, в казначейство. Все, кроме Жиро, после доставки серебра возвращаются в Управление. Жиро со своим десятком остается в казначействе до тех пор, пока ящики со слитками не будут проверены, подсчитаны и зарегистрированы специально выделенными для этого банковскими работниками. Об исходе операции немедленно сообщите мне по телеграфу из Вудвилля. Задание понятно?

— Да, — хором отвечают инспекторы.

— Тогда действуйте, — приказывает Бойль, а когда они покинули кабинет, спрашивает у меня, как выстреливает: — Стил знает?

— Нет, — говорю я, — только мы с вами. И незачем кому-либо знать о письме. Если серебра в хижине нет, то вся история станет смешным анекдотом, в который не стоит впутывать ни вас, ни меня, ни сенатора. Если же серебро будет найдено, вы можете информировать об этом общественность, не упоминая о письме.

— А Уэнделл? Глава партии имеет право знать о подробностях.

— Вы о них и расскажете. Как искали и как нашли. Уэнделл оценит ваши усилия.

— Но не ваши. На что же рассчитываете вы?

— На вашу любезность. Она мне понадобится. Может быть, после того, как вы поговорите с Уэнделлом.

Мне почудилось, что в глазах Бойля промелькнула тревога.

— А если вы проболтаетесь? Мне это, пожалуй, обойдется дороже.

— Во-первых, я не болтлив, господин комиссар, во-вторых, нас связывают хорошие отношения и, в-третьих, я не захочу ссориться с сенатором.

— Но он, кажется, уходит в отставку?

— Не тревожьтесь, Бойль, я не попрошу у вас места полицейского инспектора.

— Скромничаете, мсье Ано, — усмехается Бойль и добавляет как бы вскользь, между прочим: — Вы могли бы работать и моим помощником.

Еще одно предложение. Вы мне льстите, господин Бойль! Будет достаточно и вашей ответной любезности. Лишь бы найти серебро.

— Спасибо, Бойль, но у меня другие перспективы. А пока подождем результатов розыска.

С этими словами я откланиваюсь.

Серебро нашли в тот же день к ночи, нашли именно там, где предполагал Мартин. Ни один из ящиков не был выброшен на рынок, и охранявшие их четверо «пистолетников» сдались полицейским без выстрела. Мало того, они назвали своего главаря и номинального хозяина хижины. Чек Пасква!

Скупую информацию об этом я получил от инспектора Кроша, встретившего меня рано утром по дороге в сенатский клуб. Инспектор передал также извинения Главного комиссара, которому срочные дела не позволяют увидеться со мной лично, и просьбу не говорить пока никому о найденном серебре, дабы не спугнуть еще оставшихся на свободе преступников.

Придя в сенатский клуб, я сразу же попросил газеты. Но о находке серебра в них не было ни слова.

Пресса молчала и на следующий день. Я сидел у себя в номере и рассеянно листал «Сити ньюс», когда меня позвали к телефону. Звонил Уэнделл.

— Приезжайте ко мне, Ано. Вы здесь нужны. Немедленно, и никаких отговорок. Экипаж за вами выслан. Жду.

Я выехал. Уэнделл жил в ампирной вилле. К дверям надо было идти через сад, мимо окон хозяйского кабинета. Сквозь тюлевые прозрачные занавески я разглядел лысый затылок Бойля, сидевшего в кресле спиной к окну. Зачем я понадобился? Или Бойль струсил и рассказал о письме, или Уэнделл решил сдержать свое обещание относительно Пасквы.

— Садитесь, Ано. Как вам уже, наверное, известно, серебро найдено, и не без ваших усилий, — сказал Уэнделл. Я взглянул на Бойля, но он отвел глаза, а Уэнделл усмехнулся и продолжил: — Я одобряю и понимаю ваше самоисключение из дела. Это вполне согласуется с вашими планами. Я сообщил о них Бойлю от своего имени, как вы и просили, но дело несколько осложняется: хи-

жина, оказывается, принадлежит... — Он не закончил и повернулся к полицейскому комиссару: — Расскажите сами, Бойль.

— Хижину, ранее принадлежавшую Вудвилльскому охотничьему обществу, купил через комиссионную контору «Гопкинс и сын» Чек Пасква за тридцать тысяч франков, — монотонно начал Бойль. — Купил незадолго до похищения серебра с парохода и, видимо, с расчетом на это похищение. Более надежного места для хранения слитков трудно найти. Но откуда у бродяги с большой дороги такие деньги? Сначала он вообще отрицал эту покупку, но справкой из конторы «Гопкинс и сын» мы приперли его к стенке. Сознался. А деньги, мол, выиграл в карты в каком-то игорном доме, точно не помнит. Но дома, где играют крупно, мы уже проверили — Паскву там не знают. Мелкие заведения, вроде «Аполло», в счет не идут. Значит, Пасква только расписался в договоре, а деньги внес кто-то другой.

— Кто, мы догадываемся, — вставил Уэнделл.

— Но у нас нет доказательств. Кассира комиссионной конторы мы еще не допрашивали, а Пасква не назвал ни одного имени. Мало того, он даже не помнит, вносил ли деньги лично или кто-то сделал это по его поручению. Выиграл, хвалился, пьян был, кто-то предложил от чье-то имени купить охотничий домик, ну и согласился, благо денег много на руках — девать некуда — и купил. Как купил — не помнит. Через кого купил — тоже не помнит.

— А как он объясняет спрятанные в подвале хижины две тонны серебра в ящиках? — спросил я.

— Никак. Говорит, что купил домик, а переехать туда не успел. Дела. О серебре понятия не имеет. Знал бы, что оно в подвале, давно бы вывез. А гангстеры на очной ставке, увидев Паскву, сразу же отказались признать в нем своего главаря, хотя на предварительном допросе в Вудвилле назвали его имя. Был, мол, главарь, представился как Пасква, нанял их для охраны лесного домика, только человек, которого они видят в комнате, совсем не тот, кто нанимал и платил. Никаких других признаний из них пока выжать не удалось, но есть все основания думать, что они были наняты не только для охраны спрятанных в подвале слитков, но и непосредственно участвовали в налете на пароход. Старые уголовники,

полиции давно известные. Расколоть их, я полагаю, будет нетрудно. Нетрудно и отпустить Паскву, как хочет этого мсье Ано, и, вероятно, того «пришьют» свои как предателя. Но кого мы будем судить?

— Четырех «пистолетников», — сказал я, сказал не для Бойля, а для Уэнделла, которого, видимо, еще больше волновал этот вопрос, я-то знал, в кого он целил. — Надеюсь, Бойль справится с ними, и они выдадут остальных.

— Кроме хозяина, — уточнил Бойль, — а Пасква и так у нас.

Бойль и Уэнделл колебались. «Пистолетники» могут и не знать Мердока, Пасква его не выдаст, а суд над Пасквой превратится в спектакль, который разыграют нанятые Мердоком адвокаты.

Мне нужно было выиграть мой «серебряный вариант», и я попробовал это сделать.

— Если Паскву, как выразился Бойль, не «пришьют» сразу же после устроенного ему побега, разве полиция не сумеет вернуть его в камеру? Шерифы всех кантонов знают его и очно и заочно. Где он спрячется? На необжитых землях? Выдадут фермеры или охотники. В какой-нибудь лесной «берлоге»? Долго не просидит. Ему нужны выпивка, карты и партнеры. А «хозяина» найти тоже можно. Ведь кто-то вел переговоры с конторой «Гопкинс и сын», кто-то вносил тридцать тысяч франков в ее депозит вместе с комиссионными. Явно не Пасква. Он даже писать не умеет.

— А если подставная фигура?

— Тогда и ее просветят насквозь. Кого-то назовет, что-то скажет. Потянется ниточка. Мердок не всемогущ.

Впервые было названо имя Мердока, но это уже никого не удивило. Все знали или догадывались, кто стоял позади авантюры с серебром.

— Нам нужно скомпрометировать Мердока до выборов, — сказал Уэнделл.

— Успеем, — подтвердил я уверенно. — У меня достаточно материала. А кое-что знает Бойль. Например, то, что у гангстеров, орудовавших на пароходе, были повязки из галуна. Пасква нам теперь не нужен. Ни до суда, ни на суде вы от него ничего не добьетесь.

В конце концов можно пойти и на открытую схватку с Мердоком. Однако Уэнделлу я этого не сказал.

— Вы что-то не договариваете, Ано. — Уэнделл пристально посмотрел мне в глаза.

— Возможно. Но у меня есть шансы. Пусть Бойль ведет следствие, я подожду. Вам же невыгодно, чтобы меня пристрелили на улице. А если такое случится до выборов, вы получите конверт с материалами, достаточными, чтобы сбросить Мердока с избирательного плацдарма, как пешку с доски.

— Хорошо, — согласился Уэнделл. — Я вам верю. А Паскву отпустите, — обратился он к Бойлю, — как-нибудь потише, чтобы не пронюхали газетчики.

Как все произошло, позже рассказал мне Бойль. Паскву вывезли без наручников в тюремном фургоне под охраной двух полицейских. Оба были проинструктированы и знали, что делать.

— Куда вы меня везете? — осведомился Пасква, садясь в фургон.

— Не разговаривать! — крикнул младший из полицейских.

— Скажи ему, Бой, — вмешался старший, с нашивками сержанта, — с нас же не брали обязательств скрывать от него цель поездки.

— В Вудвилль, — нехотя пробурчал младший.

— Зачем? — удивился Пасква.

— Судить тебя будут в Вудвилле.

— Почему не здесь?

— А там присяжные из окрестных фермеров. Их не купишь. Да и вашего брата они не любят.

Разговор этот был обдуман Бойлем и отрепетирован заранее. И он вполне удовлетворил Паскву. Тот хихикнул и полез в фургон. Почему с него сняли наручники, не спросил.

Отъехав от Города, на лесном шоссе тюремная карета остановилась. Сержант открыл заднюю дверцу и сказал Паскве:

— Можешь оправиться.

— Где?

— Пойди вон туда, к кустам.

— Со мной пойдете?

— Нет, — зевнул сержант. — Все одно бежать тебе некуда — везде поймаем.

Но Пасква знал, как и когда бежать. Такого случая упустить он не мог, а размышлять о причинах беззаботности охранников времени не было. Он просто укрылся за кустами и замер. Потом тихо-тихо начал удаляться в лесную темноту.

— Скоро ты? — окликнул младший из полицейских. Никто не ответил.

— Должно, сбежал, — сказал старший громко, чтобы скрывшийся Пасква его услышал, — снимут теперь у меня сержантские нашивки.

— Не искать же его в лесу, — ответил младший.

Потом они сели на свои места в карете-фургоне и отбыли для подробного доклада в Город. Все в точности соответствовало приказу начальства. А приказы не обсуждаются.

В моей задаче «мат в два хода» первый ход был сделан. Оставался второй.

Глава 17

ВТОРОЙ ХОД

Куда бежал Пасква? В Вудвилль? Нет, конечно. Слишком далеко. В лесную глушь? Едва ли. Там можно встретить и голодного волка, и дикого кабана, да и ночевка где-нибудь в земляной норе без еды и водки — не перспектива для Пасквы. К Реке? Тоже не резон. Нарвешься на рыбаков, охраняющих сети и лодки, рыбацких или пастушьих собак. Ближе всего Город, а на «дне» его всегда найдется местечко, где встретят, накормят, напоят и спрячут. Значит, к утру Пасква должен быть уже в Городе, и, следовательно, мой разговор с Мердоком можно отложить до утра.

Вернувшись ночью от Бойля — похоже, эти ночные встречи становятся для меня нормой, — я уже не ложусь спать — жду открытия бара, чтобы заказать завтрак. Но заказывать его не приходится. Появляется, как обычно без стука, Мартин с пачкой газет под мышкой и в сопровождении официанта, несущего традиционный завтрак на двоих — бекон, яичницу и яблочный сок.

Пока я просматриваю газеты, Мартин молчит, ожидая моей реакции. Все газеты полны сообщениями о

сенсационной находке двух тонн серебра. Почти дословно повторялось интервью Бойля. Корреспонденты спрашивали, Бойль отвечал.

« — Вы уверены, что это то самое серебро?

— Конечно. В банке города проверили число слитков и общий их вес. Все сходится. Вызванный нами представитель сильвервилльского казначейства тоже опознал слитки и ящики. Именно их и погрузили тогда в трюм «Гекльберри Финна».

— И вывезли с построенной специально пристани в лесную хижину?

— Несомненно.

— Где находится хижина?

— В нескольких десятках километров от Вудвилля, в глуши прибрежных лесов. Взгляните на карту. Хижина помечена крестиком. Вот она».

Здесь газеты дали фотографию — сплошное черное пятно, белая нитка Реки, кружочек с надписью «Вудвилль» и в трех сантиметрах от него белый крестик.

« — Кому принадлежит хижина?

— Выясняем. Она необитаема.

— А что говорят окрестные фермеры?

— Ничего. Они и не забирались в эти дебри.

— Но кто-нибудь знал о ней?

— Охотники. Один из них даже стучался в ворота, хотел переночевать, но никто ему не ответил. А перелезть через высокий бревенчатый забор он не решился.

— Кто он? Назовите имя и адрес.

— Пока не могу. Следствие не закончено.

— Но каким образом вы догадались, что серебро находится именно там?

— Мы искали долго — в Ойлере, Сильвервилле, Вудвилле и в прибрежных фермерских и рыбацких поселках, перерыли все городское «дно». Допросили сотни людей и в конце концов пришли к такому выводу.

— Значит, предстоит еще найти виновников кражи?

— Сейчас этим занимаемся. А главное уже сделано. Серебро найдено — все целиком.

— Общественность это оценит, мистер Бойль.

— Благодарю вас, джентльмены».

Нигде не называлось имя Пасквы: о преступлении в «Аполло» уже забыли, а с серебром, найденным в лесной хижине, Бойль умышленно его не связал. Не со-

общил он и о ночном побеге Пасквы, и об арестованных четырех «пистолетниках». Газеты только вскользь замечали, что следствие по делу о похищении слитков еще продолжается и вскоре все преступники будут разоблачены и взяты под стражу. В сущности, газетные комментарии сводились к панегирикам Бойлю — ему одному приписывались честь и слава победителя, вернувшего Городу украденное у него богатство. Ни о нашем письме к Стиллу, ни обо мне, передавшем это письмо комиссару, даже не упоминалось: Бойль и Уэнделл сдержали слово.

— Паскву выпустили. Сегодня ночью, — говорю я.

— Просто выпустили?

— Без объяснений. Сейчас он, наверное, уже в Городе.

Я рассказываю Мартину о своих беседах с Бойлем и Уэнделлом.

— Большим человеком становишься, — иронически замечает он. — Что будешь делать?

— Для начала условлюсь о срочной встрече с Мердоком. Поведу ему о Паскве все, как задумали.

— А потом?

— Будем ждать сообщения о судьбе Пасквы. Приконтчат его или простят. Угадал я или не угадал.

— Думаешь зацепить Мердока? Ну а если он вспомнит, что мы тоже были в его лесной «берлоге» в то время, когда загружали в подвал серебро?

— Может, и вспомнит. Но возникнет вопрос: почему мы молчали два месяца? Из страха? Он знает, что я его не боюсь. Из выгоды промолчать, а потом напомнить, когда придет время? Вот оно и пришло, а мы в стороне — по-прежнему молчим. И никакой прибыли не получаем. Ни тайной, ни явной. Мердок наверняка узнал бы о нашем вмешательстве, если б оно было вознаграждено. Но наградили-то Паскву! Это — во-первых, а во-вторых, мы ничего не требуем от Мердока. Ни денег, ни постов. Тебе не нужна должность редактора «Брэд энд баттер», да и я не прошусь в советники к будущему сенатору. Так кого же ему винить в полицейском налете на хижину? Паскву, и только Паскву. Особенно после моего сообщения. А продиктовано оно стремлением укрепить наши дружеские связи. Чеков у него не беру, но дружбу закрепляю. Он, зная мою апо-

литичность, подумает, что я не прочь сблизиться с ассоциацией, которая может получить несколько мест в сенате. Предполагает он это? Предполагает. А вот получит ли? Этого, Дон, я пока тебе не скажу.

— Из того, что я от тебя услышал, — задумчиво рассуждает Мартин, — делаю нехитрый вывод: Уэнделл и Бойль что-то замышляют против Мердока. И до выборов.

— Вероятно, скоро нам с тобой придется официально вспомнить о повязках из галуна на рукавах «пистолетников», спускавших нам лодку с палубы «Гека Финна».

— Вспомним, если понадобится. Только не поторопились ли мы с Пасквой? Может, целесообразнее было бы оставить его в тюрьме до суда?

— В Городе нет смертной казни, а на суде он все равно не выдал бы Мердока. Да и у других «пистолетников» на «Геке Финне» были повязки из галуна. Стил тоже вспомнит, если ему подскажут.

Вопрос решен, и я звоню от портье Мердоку.

— Говорит Ано, — произношу я шепотком, чтобы за стойкой не слышали. — Укажите место, где мы с вами могли бы встретиться. — Имени Мердока я при этом не называю.

— Когда? — спрашивает он.

— Немедленно.

— Так важно?

— Да.

— Приезжайте в кафе «Жюн» на улице Старых вязов. Это недалеко от театра.

Я надеваю парадный сюртук, лиловый цилиндр.

Мердок уже ждет в полутемном зале за столиком.

— Что случилось, Ано?

— Вы же читали газеты.

— При чем здесь я? — Тон его холодеет.

— Во-первых, серебро было спрятано в вашей хижине.

— Хижина не моя, я в тот раз воспользовался ею случайно.

— Известно, что хижина принадлежит Паскве, хотя он и отрицал это на допросе.

— Пасква назвал меня?

— Нет, не назвал.

— Тогда пусть в полиции проверяют, кем и у кого она куплена.

— Я полагаю, уже проверили. Но не в этом главное.

— В чем?

— В том, что рассказал мне за завтраком в сенатском клубе комиссар Бойль, — сочиняю я. — В том, что он не поведал газетчикам.

— А именно? — Тон Мердока совсем ледяной.

— Что Пасква купил себе свободу за две тонны серебряных слитков. — Я внутренне торжествую, видя, как мертвенно бледнеет Мердок.

— Бойль так и сказал?

— Не совсем. Но я так понял. Пасква, мол, бежал прошлой ночью, когда его отправляли в вудвилльскую тюрьму в обычной тюремной карете под охраной всего двух полицейских, причем без кандалов и наручников. Бежал где-то за Городом на лесной дороге, воспользовавшись случайной остановкой. Удивленный, я спросил Бойля, почему была проявлена такая беззаботность по отношению к опасному преступнику. Бойль как-то странно усмехнулся и ответил: «Теперь он никому не опасен. Главное, что благодаря ему мы нашли серебро». Ну, я сделал свой вывод и, вернувшись в отель, тут же позвонил вам.

— Бегство Пасквы и дальнейшая судьба его меня не интересуют, но за любопытную информацию спасибо, — медленно, очень медленно, как бы нехотя замечает Мердок, и мне кажется, думает он примерно о том, о чем предупреждал меня Мартин: взвешивает все «про» и «контра» вероятности нашего участия в удаче полиции. Но говорит Мердок о другом: — Мне очень жаль, что вы не взяли моего чека, Ано.

— Я работаю на Стила, дружище, — напоминаю я.

— Меня не интересует личность Стила, — сердито перебивает Мердок, — меня интересует личность Уэнделла. Сейчас, во время предвыборной кампании, возможны всякие маневры конкурирующих партий. Любопытно, например, собираются ли ущемить меня популисты в связи с делом таинственно бежавшего Пасквы?

— Я не выдаю партийных секретов, Мердок.

— Вы же не популист.

— Тем более. Меня к секретам и не подпускают.

— Но с вами достаточно откровенны.

— Поверхностно, Мердок. По касательной. Но то, что мог рассказать, рассказал. Из чистой заинтересованности. Пока, конечно.

— Пока?

— Разве можно заглянуть в будущее? Мало ли куда и когда разбросает нас жизнь. обойдемся без чеков.

Мердок встает. Мы прощаемся. Похоже, он мне поверил. Тогда все идет как надо. Мат в два хода, и оба сделаны. Остается ждать конца Пасквы.

Я узнаю о нем от Мартина в баре «Омона» через два дня.

— Отойдем от стойки, — шепчет он, — есть новости. Мы отходим с пивными кружками к столику.

— Сейчас встретил инспектора привокзального района. Сегодня утром Паскву нашли мертвым у бильярдной, с тремя пулевыми ранениями, в грудь и живот. Инспектор предполагает конкурентные счета. Месть за Бидо. Но мы-то знаем.

— Угадали, — говорю я.

— Ты угадал и отомстил за Луи.

— Это не месть, а возмездие.

— Может, и так, — соглашается Мартин и почему-то спрашивает: — А что делает Пит?

— Собирает материалы, теперь уже против Мердока.

— У Жанвье?

— Не только. В бильярдных и барах.

— Рисуем и его жизнь, Юри.

— Пит сам вызвался. А он человек осторожный. Ни во что не вмешивается. Лишь угощает и слушает.

— Кажется, скоро Мердоку будет жарко.

Я соглашаюсь с Мартином, не вдаваясь в подробности, — тороплюсь. Нужно повидаться с Бойлем, Уэнделлом и Стиллом. Первых двух рассчитываю найти на бирже. О том, что Уэнделл поехал туда, сообщила мне его секретарша в управлении заводов. Бойль, надо думать, воспользовался тем же источником информации. Доложить Уэнделлу о Паскве он должен до выпуска вечерних газет.

В шестом кабинете фондовой биржи я вижу сразу троих — Уэнделла, его маклера Кингстона и Бойля, не-

сколько смущенного моим появлением. Но Уэнделл как будто даже обрадован.

— Привет человеку, который всегда появляется вовремя. Мы только что о вас вспоминали, — улыбается он и обращается к маклеру: — Проверьте ваших брокеров, Кингстон, а мы тут обсудим одно дело.

Кингстон, почтительно поклонившись, уходит в биржевой зал, а Уэнделл продолжает:

— Конечно, вы уже знаете, мсье Ано.

«Мсье» он добавляет для Бойля.

— Знаю, мистер Уэнделл.

— От кого, не секрет?

— Не секрет. От репортера «Брэд энд баттер».

— И в каком же духе будет сообщение в газете?

— Полиция предполагает конкурентные счета, — повторяю я слова Мартина. — Привокзальный район — я имею в виду ночные бары, закулочные и бильярдные — это район «пистолетников», услугами которых пользуются и наши конкуренты на выборах, в частности «джентльмены». Убийство Пасквы рассматривается как месть за Бидо. В том же духе будет подана заметка в газете.

— А что вы скажете, Бойль? — спрашивает Уэнделл.

— Не возражу, когда ко мне обратятся.

— Правильно, Бойль. Пока эта версия устраивает нас. Мы так и сообщим в «Сити ньюс», только не на первой полосе и как можно сдержаннее. В свое время мы к этому вернемся — в прямой связи с серебром. Вы меня понимаете, Ано?

Он забывает о «мсье», Бойль тотчас это замечает.

— У меня есть предложение, мистер Уэнделл. — Я продолжаю держаться официально. — Хорошо, если бы статья о похитителях серебра была написана не рядовым сотрудником газеты и даже не ее редактором. Автором, мне кажется, должен быть человек более влиятельный и, главное, более авторитетный для всех избирателей.

— Кто же, по-вашему?

— Скажем, сенатор Стилл.

Уэнделл долго молчит, он очень серьезен.

— Ценное предложение, — откликается наконец он, — весьма ценное. Статья сенатора Стилла — это бомба. Она сметет и самого Мердока, и его кандидатов. Но достаточно ли обвинительных материалов будет у Стилла? И достаточно ли они будут убедительны?

— А мы ему поможем.

— Вы — первый, — говорит Бойль. — Вспомните, что вы рассказывали мне о галунщиках.

— Многие вспомнят, когда это потребуется, — отвечаю я. — Бойль же соберет все сведения о лице, внесшем тридцать тысяч франков на текущий счет комиссионной конторы, подытожит показания мердоковских «пистолетников», потревожит жертв их предвыборного шантажа — Стилу никто не откажет, — вот вам и тезисы для обвиняющего удара сенатора. Подготовит его профессиональный журналист, сохранив речевую манеру Стила. А сенатора уговаривать не придется. Он делает это с полной убежденностью в собственной правоте.

Не знаю, почему я с такой категоричностью предложил кандидатуру Стила. Лучшей, правда, не найти для задуманного Уэнделлом выступления. Но Стил упрям и по-своему капризен. Нелегко убедить его, если упрется. Сколько раз спорили с ним о Donovanе — все бесплодно. Однако о Мердоке он спорить не будет. Нужно только вовремя и решительно подсказать.

Стил еще хворает и, несмотря на теплый вечер, сидит у камина, вытянув ноги к огню. Он внимательно и не без удовольствия выслушивает сплетни и новости, но мне кажется, что на уме у него другое.

— Вас что-то беспокоит, Стил? — спрашиваю я.

— Минни задерживается. Уехала кататься с Мартином и до сих пор не вернулась.

— И вас это тревожит?

— Откровенно говоря, да. Боюсь, как бы дружба не перешла в увлечение.

— Забудьте об этом, Джемс. — Я впервые после давнего обещания называю его по имени. — Мартин не соблазнитель и на роль жениха тоже не претендует. Он человек из иного мира и скоро, вероятно, исчезнет отсюда, как и я. А пока поговорим лучше о делах...

Я рассказываю ему о встречах с Мердоком и о его попытках сделать меня своим агентом в лагере Стила, о шантаже избирателей, о преступлении в «Аполло» с целью скомпрометировать партию популистов и о моих ответных действиях, закончившихся казнью Пас-

квы. Последнее почему-то больше всего заинтересовывает сенатора.

— А вы, оказывается, умный и хитрый политик, Ано, — говорит он. — Перехитрили Мердока. Хотите, я отдам вам все свои голоса, которые получу на выборах? Это разрешается по конституции, если я тут же подам в отставку.

— Не надо, Стил. Отдайте их кому-нибудь. Я только гость здесь. А если судьба забросила меня к вам надолго, то я просто перейду в другой лагерь.

— К Доновану?

— Конечно. Он наиболее прогрессивен.

— Жаль, — вздыхает Стил, — спорить не буду. Я давно знаю ваши политические симпатии. Но пока вы работаете у меня и предлагаете покончить с Мердоком. Как? У нас нет главного — доказательства его вины в ограблении казначейства.

— Может быть, и не личной вины, ее приходится только предполагать, но вина его ассистентов бесспорна. Вы помните повязки на руках у парней, спускавших нам лодку с остановленного на Реке парохода?

Стил морщится.

— Кажется, помню. У одного, во всяком случае. Но это еще не доказательство.

— А кто задержал пароход? Кто перестрелял охрану? Кто знал о нападении? Я вам скажу: Мердок. Он сам предупредил меня и Мартина, чтобы мы не покидали ночью каюту, когда начнется перестрелка на палубе. Далее, на чьи средства и кем была построена пристань на лесистом берегу, куда выгрузили серебро из пароходного люка, и кому принадлежала лесная хижина, где нашли ящики со слитками? Бойль уже выяснил — Паскве.

Стил молчит, о чем-то сосредоточенно думая.

— Все эти доказательства — косвенные. Иначе Бойль давно бы арестовал Мердока, — наконец произносит он.

— Мердока и не требуется арестовывать. Прямых улик нет. Но скомпрометировать его шайку можно и должно. Так считают и Бойль, и Уэнделл. А сделаете это вы, выступив против реставраторов с обвинением их в грабеже, шантаже и мошенничестве. Именно вы, сенатор, как самый решительный противник закона об ассоциациях. Все дополнительные сведения предоставит

вам Бойль. Статью подготовит Мартин. Вам останется только подписать ее. Как сказал Уэнделл, она станет бомбой, которая сметет на выборах и Мердока, и его шайку.

— Хорошо, — говорит Стил, — я это сделаю.

Глава 18

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ

Сегодня в девять — полдень по-здешнему — в Главном полицейском управлении состоится пресс-конференция по делу о похищении серебра с «Гекльберри Финна». Бойль уже объявил, что следствие закончено и он может назвать ожидающих суда виновников преступления.

Сейчас семь утра — у меня еще два часа свободного времени. На улице дождь и слякоть; можно, конечно, побродить по бесконечным коридорам Леймонт-пассажа, но почему-то не хочется, и я — от нечего делать — отсиживаюсь у себя в гостиничном номере.

Что я узнал о Городе в его нынешнем состоянии? Пожалуй, все, чтобы возвратиться на Землю, домой.

Я бродил по его улицам, бывал в общественных местах, учреждениях, сенатских залах и на «дне» Города, в его ночных клубах, барах, бильярдных и простых забегаловках, где можно перекусить и выпить за несколько медных монет, в смраде требухи, поджариваемой на горячей плите, в копоти и вони от газовых ламп и дешевых сигар. Я видел, как изменился внешне Город за пятьдесят лет, как постарел. Я слышал обрывки разговоров в ресторанах, магазинах и за стойками баров вроде «Аполло», вопли на бирже, шепоток в кулуарах сената. Но, находясь рядом с людьми, я никогда не чувствовал себя одним из них, не знал ни их дум, ни тревог, ни радостей.

У меня почти не было здесь друзей, приятелей, даже просто знакомых, за исключением лиц, с которыми общался по службе. Я ни у кого не бывал запросто, ограничивался чисто деловыми встречами, как с Мердоком и Уэнделлом. О многом я только догадывался, читая газеты, раздумывая об увиденном и услышанном. Мин-

ни, например, рассказывала о монастырском пансионе, вероятно типичном женском учебном заведении в Городе, где пуританское воспитание вполне соответствовало представлениям Стила и Уэнделла о нравственном облике порядочной девушки. Минни говорила мне и о том, что девушке или даже замужней даме неприлично показываться в общественных местах без спутника — отца, брата, мужа, предполагаемого жениха. Действительно, ни в ресторанах, ни в кафе я не встречал одиноких женщин, женских студенческих стоек, кроме девиц городского «дна».

Однажды я увидел в руках Уэнделла книжку с яркой обложкой. Уэнделл, заметив мое внимание, спросил: «Не читали? Ну и не читайте. Чтиво для клерков и продавцов, но развлекать — развлекает». Я перелистал книжку: старомодный цветистый язык, смесь сантиментов и жаргона.

Была в городе опера, давались концерты, но к музыке я не проявлял интереса и на Земле. Театральные афиши пестрели незнакомыми мне именами авторов — должно быть, современных и популярных. Попав как-то на представление одной из таких пьес в драматическом театре, я так и не досидел до конца. Сентиментальная мелодрама о девушке, пренебрегшей богатым женихом и влюбившейся в клерка своего отца-банкира. Но зрителям нравилось — они аплодировали и утирали слезы. В кинотеатры я вообще не ходил. Трудно смотреть сейчас старинные немые фильмы с Полонским и Холодной или Глупышкиным и Монти Бенксом. А фильмы такого типа, с молча бегущими фигурками и огромными, заменяющими диалог титрами, наводняли городские экраны.

Я втянулся в политику. Именно она давала мне возможность верно понять законы исторического развития Города. Ведь для того, мне казалось, и позвали нас хозяева этого мира. Я уже понимал, что экономика Города мало чем отличалась от экономики наиболее отсталых капиталистических стран Европы лет восемьдесят назад. Правда, безработицы тут не было из-за острой нужды в рабочих руках. Это же являлось и одним из факторов, противодействующих повышению эксплуатации трудящихся на фабриках и в мастерских, но полное отсутствие техники безопасности и длинный рабочий день не могли не вызывать протеста у нарождающегося рабоче-

го класса. Не сладко жилось мелким фермерам и батракам или арендаторам у крупных фермеров вроде Веррье и Стила. Здесь тоже возникало движение, свидетельствующее о росте политической сознательности масс, что отмечалось и поддерживалось ассоциацией Донована. Трудовиков нельзя еще было назвать коммунистами, но я понимал: создавалась и крепла марксистски мыслящая партия. Пока слабая, численно небольшая, она со временем, в случае победы на выборах, могла бы повести страну к социализму.

Я мысленно как бы видел дальнейший путь исторического развития Города, умеющего сдерживать наскоки реакционеров и реваншистов типа Мердока, — Города, который не скоро, может быть, но обязательно признает ведущую политическую роль Донована или его преемников. Теперь, казалось мне, галактисты «прочли» мои соображения и выводы, они могут объяснить себе все происходящее здесь и отпустить нас с Мартином домой, не задерживая больше в чужом пространстве и времени.

А пока мы остаемся в нем, надо делать то, что и делали, или, вернее, доделывать то, что начали. Надо ехать на пресс-конференцию в Главное полицейское управление.

Проводится она в большом зале с чисто вымытыми окнами и натертым до блеска дубовым паркетом — Бойль во всем любит порядок. Присутствуют корреспонденты «Брэд энд баттер», «Джентльмена», популистской «Сити ньюс», французской католической «Суар» и биржевого «Бюллетеня», фоторепортеры, кинооператоры и просто любопытные, получившие пропуска в канцелярии полицейского управления.

Б о й л ь. Леди и джентльмены, мадам и месье! Итак, следствие закончено. Как было похищено серебро и как оно было найдено, вам уже известно. Сейчас я расскажу о том, чего не знала общественность, пока велось следствие. Нам удалось установить, что похищение готовилось заранее — была построена новая пристань на лесистом берегу, организована шайка головорезов, которых у нас зовут «пистолетниками», куплена у Вудвилльского охотничьего общества лесная хижина, куда затем преступники и доставили серебро с парохода. Приобрел эту хижину некий Чек Пасква за тридцать тысяч франков

через комиссионную контору «Гопкинс и сын». Пасква, хорошо известный полиции уголовник, был арестован нами за убийство в ресторане «Аполло». Он находился в тюрьме, когда мы нашли серебро и узнали имя владельца хижины. В покупке хижины Пасква сознался, но свое участие в похищении серебра отрицал, уверяя нас, что и понятия не имел о таком богатстве. Тридцать тысяч франков он якобы выиграл в карты и совершил сделку с представителем комиссионной конторы в состоянии полного опьянения. Прекрасно понимая, что он лжет, и выяснив, что покупка хижины производилась подставным лицом лишь от имени Пасквы, мы решили проследить его связи. Был инсценирован побег, который Пасква совершил, не подозревая о слежке. К сожалению, наши люди допустили оплошность: у привокзальной бильярдной, в момент смены наблюдавших за ним агентов, Паскву застрелили из проезжавшего мимо фиакра. Ни фиакр, ни убийцу обнаружить не удалось. Хозяин бильярдной признал, что за Пасквой уже охотились подозрительные личности, угрожавшие отомстить ему за Бидо. Итак, главаря банды мы потеряли, но сумели задержать его ближайших сообщников. В своем прошлом интервью о найденном серебре я не сказал вам — не имел права сказать, пока не закончится следствие, — что в лесной хижине, где было спрятано серебро, мы арестовали четырех уголовников. Их клички — «Жаба», «Хлыщ», «Теленок» и «Одноглазый». Подлинные имена устанавливаются. В похищении серебра они сознались и назвали других членов банды, которые в настоящее время разыскиваются. Трех мы уже взяли: бывший ранчмен из Сильвервилля Биг Дро и два его конюха, Уилки и Формасьон. Нашли и рабочих, строивших пристань (список их можете получить у меня после пресс-конференции). В упомянутом интервью я не рассказал вам и о том, кто навел нас на мысль искать серебро в лесной хижине. Теперь, по окончании следствия, могу это сделать. Охотник и землепроходец Фернан Марти. Он сейчас находится где-то в приречных лесах на юго-западе, но обещал вернуться к первому же судебному заседанию и подтвердить свои показания, если потребуется.

«С и т и н ь ю с». Как вы нашли охотника, и почему он предположил, что серебро спрятано именно в этой хижине?

Б о й л ь. Вы меня не поняли. Охотник только заявил вудвилльской полиции, что обнаружил в лесу необитаемую хижину. В полицию он пришел, когда до него дошли слухи о наших поисках. Мы вели розыск открыто, обыскали все побережье до Сильвервилля, расспрашивали повсюду — в городках и поселках, в кабачках и на рынках — об укромных местах, где можно спрятать две тонны серебра в слитках. И мысль поискать их в лесной хижине возникла не у охотника, а у нас.

«С у а р». Много ли французов-«пистолетников» в шайке?

Б о й л ь. Вывод об этом можете сделать, прочитав список привлекающихся к суду.

«П и п л с в о й с». У бандитов вроде Пасквы нет текущих счетов в банках. Откуда у него оказались тридцать тысяч франков для покупки хижины? Выиграл в карты? Но вы могли бы проверить, был ли такой крупный выигрыш в каком-либо из игорных домов незадолго до покупки дома. Или, может быть, крупное ограбление?

Б о й л ь. Мы и проверили. Ни ограбления, ни крупного выигрыша нигде не отмечено. И столь крупных сумм у Пасквы никогда не было.

«П и п л с в о й с». Что вам сказали в комиссионной конторе? Они же должны помнить покупателя.

Б о й л ь. Увы — не помнят. По-видимому, там действовало подставное лицо.

«С и т и н ь ю с». А что предпринято для поисков этого подставного лица?

Б о й л ь. О нем мог знать только Пасква. Но он уже не сможет дать показаний.

«Д ж е н т л ь м е н». Кто финансировал строительство лесной пристани?

Б о й л ь. По словам рабочих-строителей, нанял их тот же Пасква. Обошлось это строительство, по приблизительным подсчетам, в три-четыре тысячи франков.

«П и п л с в о й с». Опять выигрыш?

Б о й л ь. К сожалению, мы нашли рабочих лишь после смерти Пасквы.

«П и п л с в о й с». Вам не кажется, что за спиной Пасквы стоял кто-то с весьма солидным банковским счетом?

Б о й л ь. Предположение — еще не доказательство. «П и п л с в о й с». Месть за Бидо тоже только предположение. Убийство Пасквы загадочно. Он явно кому-то мешал.

Б о й л ь. Таких сведений мы не имеем. Следствие закончено, и дело передается в суд. Все дополнительные соображения могут быть проверены уже в процессе судебного разбирательства.

«С и т и н ь ю с». Кто будет защищать обвиняемых?

Б о й л ь. Та же адвокатская контора, которая взяла на себя защиту Пасквы после его ареста за убийство в «Аполло».

«С и т и н ь ю с». Берне и Тардые?

Б о й л ь. Вы не ошиблись.

«П и п л с в о й с». Но это одна из самых дорогих адвокатских фирм. Кто будет оплачивать ее услуги?

Б о й л ь. Адвокатские конторы могут не оглашать имена своих клиентов.

«П и п л с в о й с». А что предполагает полиция?

Б о й л ь. Полиция ничего не предполагает. Полиция расследует. Клиентура адвокатских контор не является в данном случае предметом расследования.

На этом и закончилась пресс-конференция. Ничего нового она мне не дала, но прессу, по-видимому, удовлетворила. Некоторые корреспонденты вообще не задавали вопросов. Только доновановский газетчик пытался добраться до истины. Бойль выдержал натиск. Он ждал своего часа.

Что ж, тактически он действовал верно. Теперь все зависело от Стила и его статьи.

Глава 19

БОМБА

Статью для Стила мы писали вместе с Мартином, вернее, я уточнял тезисы и корректировал язык — все-таки я лучше Мартина знаю речевую манеру сенатора. Спорить приходилось чуть ли не по каждому абзацу. Как журналист-профессионал, Мартин, конечно, опытнее меня в таких делах, но я тщательно очищал статью

от присущих ему выпренности и цветистости: Стил у они совершенно чужды.

— Опять «Мердок»! Убери.

— Можно ведь, не обвиняя Мердока, называть его главой партии.

— Во-первых, это не партия. И кроме того, ты знаешь, что имя Мердока в статье упоминать нельзя.

— Но здесь же нет повода для обвинения в клевете!

— Стил не должен давать ему даже лазейки. А это что?

— «Гангстеры». Нормальный термин.

— Стил не знает этого слова. Скажи еще: хунта. Не дури. Пиши просто: «убийцы», «грабители» — все, что здесь подойдет.

— А мошенники? Скажем, для усиления к «убийцам».

— Тут речь не о мошенничестве. О нем дальше. В случае с документом, подсунутым в карман убитого Ренье.

— Кромсаешь статью. Фразы как рубленые. Ни одного периода.

— Стил так говорит, а не я.

— Ну, оставь хоть метафору.

— Ни к чему. Во-первых, Стил не любит метафор, он лаконичен и прост. А во-вторых, слово «нео» ему не свойственно. Пиши прямо: «галунщиков».

— Так и писал бы сам.

— Ты лучше напишешь, если вообразишь себя Стилом. Не Мартином из «Брэд энд баттер», а именно Стилом, сенатором, разоблачающим шайку грабителей, претендующих на кресла в сенате.

Сенатор ничего не слышал о Золя и тем более о его выступлении по делу Дрейфуса, и потому я, не боясь плагиата, предложил назвать статью «Я обвиняю». Но он предпочел свой заголовок.

— А ведь точно: Стил! — сказал Уэнделл, прочитав рукопись статьи. — Неужели это он писал?

— Какая разница, — пожал я плечами, — если есть его подпись?

Уэнделл хитровато подмигнул мне, еще раз пробежав глазами последние строчки.

— Вы правы, Ано. Техника изготовления бомбы меня не интересует. Важен взрыв.

Наконец передо мной лежит номер «Сити ньюс» со статьей Стила.

КТО БУДЕТ ГОЛОСОВАТЬ ЗА ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ?

«Я выступал против закона о политических ассоциациях, однако закон этот принят сенатором, и потому возвращаться к нему не буду. Но когда под флагом политической ассоциации рвутся к власти грабители и убийцы, я молчать не могу.

Кто такие «реставраторы»?

Те, кто зовет назад к зачеркнутому революцией прошлому.

Те, кто хочет вернуть полицейскую диктатуру галунщиков, запрещавшую все, что поддерживает ныне жизнь человека.

Старики помнят: запрещалось есть взращенные на собственной земле хлеб и фрукты, разводить скот, пить вино со своих виноградников, охотиться и ловить рыбу. Даже прогулки за Город требовали специального полицейского разрешения. Впрочем, ныне это известно каждому по школьным учебникам.

И вот теперь реставраторы открыто носят повязки или значки из галуна, который украшал когда-то мундиры полицейских рабовладельцев. Вы можете увидеть такие повязки у встречных на улицах, у посетителей трактиров и постоянных дворов, у бандитов, вооруженных полицейскими автоматами.

Того, кто убил сразу четырех человек в баре «Аполло» — его звали Чек Пасква, — тоже не раз встречали с повязкой из галуна на рукаве. Когда молодой человек, вошедший в бар вслед за убийцей, попытался остановить преступление, Пасква застрелил и его. А уходя, сунул ему в карман документ, украденный у меня в канцелярии. И документ, и показания свидетелей находятся сейчас в распоряжении Главного комиссара полиции. Вы спрашиваете, зачем это понадобилось убийце? Я вам отвечаю. Чтобы скомпрометировать партию ненавистных им популистов. Чтобы скомпрометировать меня, известного как непримиримого противника реставраторов.

Убийства и мошенничество — вот характерные методы их борьбы. Прибавим еще и шантаж. Чек Пасква угрожал вудвилльской землевладелице Евгении Ланфиер, что сожжет весь ее урожай, если она со своими слугами и арендаторами не будет голосовать за реставраторов на ближайших выборах. Вдова Ланфиер готова подтвердить это под

присягой. Но она не единственная жертва реставраторской шайки. Фермеров Монса, Люнэ, Шобера и Стиннеса также шантажировали нынешние галунщики: «Не проголосуете за нас — спалим урожай, сожжем фермы».

А кто оказался виновником самого крупного преступления века — похищения казначейского серебра? Я был с племянницей в каюте «Гекльберри Финна», когда началась перестрелка на палубе. Кто нас предупредил не выходить из каюты? Матрос из команды? Нет, человек с пистолетом и галунной повязкой на рукаве. Кто нам позволил не возвращаться в Сильвервилль, а добраться на лодке до моего поместья близ Реки? Владелец парохода? Капитан? Нет, опять же люди с повязками из галуна на рукавах. Не я один видел эти повязки, у меня есть свидетели.

И наконец, кто был владельцем лесной хижины, где обнаружили украденное с парохода серебро? Тот же Пасква, убийца из «Аполло». Кто были люди, арестованные во время полицейского налета на хижину? Его сообщники, участники бандитского нападения на пароход. Все они принадлежат к реставраторам. Ленты из галуна нашли и у них.

Итак, я спрашиваю у тех, кто прочтет эту статью, и у тех, кому расскажут о ней: если они еще носят повязку реставраторов, не стыдно ли им будет показаться на людях со знаком, поощряющим мошенничество, шантаж, грабеж и убийство?

И самое главное, я спрашиваю у них: кто же теперь будет голосовать на выборах за грабителей и убийц?»

Чтобы узнать результаты «взрыва», я поехал завтракать в сенатский клуб. В первую очередь меня интересовала реакция Донована.

— Прицельный удар, — сказал он. — Верный и неожиданный. Группа Мердока сразу теряет шансы. И мы рады, конечно: она ведь страшнее самых правых на правом крыле. Думаю перепечатать статью целиком. Разумеется, с согласия Уэнделла.

— Он не откажет, — заверил я. — Чем больше кругов по воде, тем лучше.

Во время завтрака официант передал мне конверт с запиской Мартина.

«Завтра ответа в газете не будет. В редакции не знают, что делать. Вся головка уехала к Мердоку. Собираются. Вероятно, решат подождать, пока стихнет шумиха».

В дверях появился Уэнделл. Он оглядел зал и направился прямо ко мне.

— Что слышно, Ано?

— Потрясены. Сколько Мердок потеряет голосов — сказать трудно, но потеряет много. Донован хочет перепечатать статью. Позволите?

— Конечно. Я уже разрешил и французской «Суар». Взрывная волна растет.

— Удар столь силен, что «Брэд энд баттер» не дает завтра никакого ответа. Собираются ждать, пока утихнет шумиха, — повторил я Мартина.

— Она не утихнет, Ано. Мы будем продолжать кампанию. А кто рискнет возражать? Банкиры из «Джентльмена»? Едва ли. Слишком грязно для них, привыкших работать в перчатках. Да и на Мердока ставить уже невыгодно. Акции падают — я говорю о бирже... Акции всех компаний, на поддержку которых он мог рассчитывать.

Два дня подряд все газеты, даже биржевой «Бюллетень», гигантскими заголовками били по реставраторам, вспоминали преступления последних лет, приписывая их неогалунщикам. На улицах и в общественных местах повязки из галуна открыто уже никто не носил. Газете Мердока неудобно было молчать, и она заговорила.

«Мы не думали отвечать потерявшему разум сенатору Стиллу, но явно провокационная кампания, развернувшаяся в печати под влиянием его статьи, заставляет нас высказаться.

Повязка из галуна — не членский билет политической ассоциации реставраторов. Ее может нацепить каждый, если это почему-либо ему выгодно. Полиция, арестовав похитителей серебра и убийцу, не обнаружила никаких серьезных доказательств их принадлежности к реставраторам, не говоря уже о членских билетах. Свидетельские показания, на которые ссылается в статье Стилл и в кото-

рых упоминаются повязки из галуна у преступников, никого и ничего не разоблачают. Нами установлено, что главарь арестованной полицией шайки Чек Пасква не был реставратором. В списках членов ассоциации такого имени нет. Не признались в своих политических симпатиях и сообщники убитого главаря, ныне ожидающие суда.

Все это позволяет предположить, что повязки из галуна были надеты специально: либо для того, чтобы придать явной уголовщине политический оттенок, либо с целью скомпрометировать реставраторов перед выборами. Разве не могли надеть эти повязки единомышленники сенатора Стила? С таким же пафосом, с каким он обвиняет нас, мы можем переадресовать его обвинения по любому другому адресу.

Сомневаемся мы и в криминалистическом даровании Главного комиссара полиции. Два с половиной месяца он искал серебро и не нашел, пока не попался Пасква. Кстати, арестован тот был не за вооруженный налет на пароход, а за убийство таких же уголовников, как и он. И вдруг нам говорят: Пасква бежал по разработанному полицией плану, полиции якобы понадобилось проследить его связи. А не купил ли Пасква себе свободу, вернув казначейству украденное им серебро? Правда, он вскоре после этого был убит. Но кем убит и почему убит, комиссар Бойль со всем его криминалистическим талантом установить так и не сумел. А может быть, кто-то хотел спрятать концы в воду? Была ведь инсценировка побега. Не исключено, что и убийство произошло по замыслу того же режиссера.

Что же получается, уважаемые читатели? Старый сенатор витийствует, мстя за провал на голосовании билля о политических ассоциациях, его приятель — Главный комиссар полиции — зарабатывает политический капитал на подтасованном следствии, а популистская газета бесстыдно и мошеннически компрометирует своих политических конкурентов за несколько дней до выборов».

Уэнделл ответил коротко и резко:

«Мы не будем полемизировать с газетой галунщиков. Суд подтвердит все данные следствия, с которыми был ознакомлен сенатор Стил. Общественность Города уз-

нает правду. А пока мы еще раз спросим читателей: кто же теперь будет голосовать на выборах за грабителей и убийц?»

Глава 20

НОВЫЙ ПРОТИВНИК

Прошло несколько дней. Сколько событий, тревожных и настораживающих!

Все началось с утра, когда «Сити ньюс» объявила о своем отказе полемизировать с реставраторами. Я вышел из отеля и позвал стоявший поблизости фиакр. Он медленно подъехал, но почему-то не остановился, а рванул вперед по улице. В ту же секунду из окна кареты раздался выстрел, и я услышал в двух сантиметрах от уха свист пули, скользнувшей по гранитному пило-ну у входа в отель. Выскочил швейцар, подбежал дежуривший полицейский.

— Кто стрелял?

Я пожал плечами:

— Лица не видел, а номера экипажа не запомнил.

— Стреляли в вас?

— Не знаю. Вот след пули, — и я указал на щербинку в граните.

— По-моему, возница совсем не походил на кучера?

— Не обратил внимания, — сказал я.

Швейцар посмотрел на меня с любопытством и ушел. Полицейский бросился докладывать о происшедшем начальству. Я оглянулся. Улица была пуста — ни прохожих, ни экипажей.

«Совсем как с Пасковой, — подумал я, — та же направляющая рука». Почему стреляли не в Стила? Во-первых, потому, что убийство сенатора после его выступления сразу разоблачило бы виновников, а во-вторых, роль моя в последних событиях была разгадана — холодная война подходила к точке кипения. Ликвидировать меня было проще и безопаснее — невелика птица, советник сенатора. И хотя стреляли не из полицейского автомата, но стреляли метко — только рывок экипажа чуточку изменил направление пули.

Я вернулся в отель и позвонил в редакцию Мартину. Тот немедленно приехал, и, присев подальше от стойки бара, мы подробно обсудили случившееся.

— Думаешь, Мердок? — спросил Мартин.

— Не сам, конечно, но кто-нибудь вроде покойного Пасквы.

— Ну вот что, — решительно сказал Мартин после минутной паузы, — я уйду из газеты и буду сопровождать тебя, куда бы ты ни поехал. И номер в отеле возьмем двухместный.

— Две мишени вместо одной, — усмехнулся я. — У тебя есть оружие? У меня нет.

— Оружие надо добыть.

Я задумался, потом сообразил, что оружие можно достать у Главного комиссара полиции. Времени терять не будем. Нельзя.

— Скажи портье, чтобы послал за фиакром, — попросил я Мартина.

— Куда собираемся?

— К Бойлю.

Мартин замялся:

— Бойль не очень меня любит, Юри.

— Полюбит, когда узнает, почему ты работаешь у Мердока. Когда война объявлена, твоя маскировка уже не требуется.

Бойль принял нас любезно, хотя и не без удивления: увидел входящего со мной Мартина.

— Что-нибудь срочное, мсье Ано?

— Первое: Дональд Мартин — наш человек. Он работал, — я подчеркнул это слово в прошедшем времени, — у Мердока по нашему заданию. Был связным, а сейчас срочно переквалифицируется в моего телохранителя. Отсюда и второе: нам необходимо оружие. Не полицейские автоматы — они слишком громоздки, их не спрячешь, — а обычные многозарядные пистолеты, такие, как у вас, например.

— Значит, что-то случилось? — подумав, спросил Бойль.

— Случилось.

Я кратко рассказал ему о нападении у входа в отель.

— Но почему стреляли именно в вас?

Пришлось объяснить, почему, по моему мнению, они решили не трогать сенатора.

— Мердок человек сообразительный и умеет делать правильные выводы. В кого бы вы стреляли, если бы хотели ответить по-мердоковски на выступление Стилла? И меня, конечно, не устраивает участь Пасквы, сами понимаете.

Не задавая больше вопросов, Бойль вызвал дежурного адъютанта.

— Принесите два пистолета карманного образца и соответствующего калибра, — распорядился он. — Разрешение выпишите на этих двух джентльменов. Имена свои они вам сообщат. Кроме того, пошлите полицейского для дежурства у отеля «Омон». Пусть осматривает все фиакры и ландо, останавливающиеся поблизости.

— Привлечет внимание ваш полицейский, — сказал я Бойлю, когда адъютант вышел из кабинета.

— Лишний глаз не помешает.

— Убийце-профессионалу он не страшен. Меня могут обстрелять и на перекрестке, где скапливаются экипажи. Может это сделать и верховой с конной дорожки. Годится и автомобиль — грохот только заглушит звук выстрела. Главное, суметь вовремя ответить тем же.

Пистолеты нам выдали, но относительно полицейского я оказался прав. Его застрелили на другой день, к вечеру, когда редкие газовые фонари в переулке позволяли стрелять из любого темного уголка — или из соседнего с отелем подъезда, или из окон жилого дома напротив.

Об этом мне сообщил по телефону Бойль, когда убитого уже увезли.

— Кто убил — неизвестно. Зачем — непонятно. Ведь нападения на вас не последовало.

— Нам просто хотят напомнить, что они сильны и располагают для достижения цели любыми средствами. И все-таки я почему-то не подозреваю Мердока, Бойль. Может быть, Фревилл или какая-нибудь другая шушера. Может быть даже, на свой риск и страх, без приказа шефа. Мне до сих пор казалось, что я ему нужен живой, а не мертвый. Во всяком случае, не посылайте больше людей к отелю, Бойль. Сами справимся...

Обычно поутру после душа я завтракаю у себя в номере или в баре внизу. Но на этот раз до завтрака

мне захотелось поразмяться, побродить по тихой улочке со странным названием «Только для пешеходов». В утренние часы пешеходов здесь почти не бывало: кафе, конторы и мастерские предпочитали более людные улицы.

Слежку за собой я заметил не сразу. Правда, еще в вестибюле отеля, у газетного киоска, мне попался на глаза парень небольшого роста, в сером укороченном сюртуке и модных узких клетчатых брюках. С какой-то непонятной рассеянностью листал он на прилавке одну из газет, словно ему было нечего делать.

Я не спеша прошел мимо него, лишь скользнув взглядом по его нестерпимо клетчатым панталонам, и, выйдя из отеля, свернул на пешеходную улочку. Оглянулся. Так и есть: мой клетчатый молодчик следует за мной, как будто у него тот же путь и те же намерения. Я остановился, якобы для того, чтобы поправить брючную штрипку. Он тоже остановился: достает из портсигара свернутую из табачного листа сигарку. Пока он ее раскурил, я быстро двинулся вперед и, срезав путь, очутился в другом переулке. Все ясно: «клетчатый» не отпускает меня, строго соблюдая дистанцию. Следовало вернуться в отель и поразмыслить о том, что предпринимать дальше.

Позавтракав сыром и копченой свиной, выпив две чашки кофе, я успел просмотреть газеты. Я твердо знал, что преследователя своего здесь не увижу. У зала один выход, и «клетчатый» ждал либо в вестибюле отеля, либо на прилегающей к нему улице.

Все правильно. Он действительно дежурил на посту у фонарного столба. Я нанял кеб. К счастью для «клетчатого», свободных экипажей возле отеля было много, и я смог легко убедиться, что «ищейка» взяла след.

Добравшись до биржи, я нырнул в толпу гомонящих брокеров. Но «клетчатый» оказался рядом, с биржевым бюллетенем в руках.

Проверять больше незачем. Я возвратился в отель, зашел к Мартину.

Он был дома, лежал, постанывал.

— Что стряслось? — спросил я у него.

— зуб заболел. Нестерпимо. Пришлось по рекомендации портъе пойти к их зубному врачу.

— Ну и как?

— Знаешь, как лечили зубы в девятнадцатом веке? Ни бормашины, ни анестезии. Зубы рвут без наркоза клещами, будто гвозди из доски. От страха у меня даже боль прошла. Теперь долечиваюсь старым «Эдемом», без разбавки. А ты почему такой взмыленный?

Я рассказал Мартину о своей вынужденной прогулке по Городу. Дон сразу же отставил недопитый «Эдем» в сторону.

— Сначала пытались подстрелить тебя у входа в отель, потом убили полицейского. Теперь почему-то слезка. Кто следит и зачем?

— Если б я знал!

— Может быть, полицейское наблюдение?

— За какие проступки?

— Для охраны.

— Ее же сняли по договоренности с Бойлем.

— Мердок?

— Вряд ли. Ему не обязательно знать, куда я хожу, где ночую или в каком баре ем мороженое и пью пиво. Его интересуют мои замыслы. Но никакая, тем более столь примитивная, слезка ему этих замыслов не откроет.

— А если ты Мердоку очень мешаешь?

— Безусловно. Он мне сам сказал. Но зачем посылать филеров? Есть другие способы устранять помехи.

— Эти способы уже применялись.

— Не Мердоком.

— Тогда тобой заинтересовался еще кто-то.

— Вот и я думаю. Не надо уходить от тени, лучше идти за ней. Куда-нибудь да придем.

— Значит, подключаешь меня? Спасибо, — обрадовался Мартин.

Мы пообедали с завидным аппетитом. Из-за чего паника? Нас двое, оружие есть. Страшно, конечно. — Столкнуться с неведомой опасностью всегда страшно. Но выхода у нас не было. С Бойлем советоваться излишне: я сам предложил ему снять полицейское прикрытие. С Мердоком тоже: ему плевать, что за мной кто-то следит. Да и слезка эта настолько непрофессиональна, что смешно обращаться за советами к специалистам. Тут надо решать самостоятельно.

Для предстоящего маневра мы переоделись. Я надел сапоги с короткими и мягкими голенищами, куда мож-

но было засунуть пистолет без риска, что его найдут при наружном, поверхностном осмотре, а Мартин облачился в свой сильвервилльский, выдавший виды костюм, позволяющий пистолет не прятать, а держать под рукой — ведь следили-то не за ним и непосредственно ему ничего не угрожало.

— Поедем раздельно. Куда, не важно. Хотя бы по кругу Больших бульваров. Я сяду в первый попавшийся экипаж, ты — в следующий, и постараемся обнаружить, кто именно за мной следит, с кем связывается в пути и кому передает наблюдение. Может быть, что-то и выясним.

Нам повезло. Кеб стоял в двух шагах от подъезда. Возница в нахлобученном на глаза цилиндре словно дремал и не обернулся, когда я, открывая дверцу кареты, сказал ему: «От поворота с улицы Дормуа по кругу Больших бульваров». Не все ли равно, смотрел он на меня или не смотрел, — я плюхнулся на сиденье, поначалу не заметив, что рядом кто-то есть. И тут же мгновенно сообразил, что попал в капкан, который ставили мои преследователи. Он щелкнул наконец, я даже пошевелиться не успел.

Сидевший рядом ткнул меня пистолетом в бок.

— Не двигаться. Пуля не подарок, советник.

Голос этот я где-то уже слышал. Значит, знали, кто я такой. Я скосил глаза, сколько мог, и узнал в соседе парня в клетчатых брюках. Но что-то подсказывало мне, что я его еще раньше видел.

— Запоматова, советник? А жаль. Тогда бы не мучился над тем, что тебя ожидает. Даже сам главный не спасет, как спас когда-то на дороге в Вудвилль. Зачем это понадобилось ему, не пойму. Но сейчас мы докладывать ему не будем. Наше свиданьице запланировано без его благословения.

Теперь я, конечно, вспомнил его. Он вышел к нашему костру в лесу, когда мы с Мартином остановились передохнуть по дороге из поместья Стила в Вудвилль. Маленький юркий крепыш с толстым, как у мясника, лицом. Тогда я мысленно назвал его коротышкой. Вышел он вместе с Пасквой. Итак, ясно, что и слежка и «капкан» придуманы не Мердоком. Это месть за Паскву, инициатива его дружков, явно не знавших, кто приказал застрелить Паскву и кто этот приказ выполнил. Ви-

димо, Мердок не счел нужным посвящать их в свои планы. Но у захвативших меня молодчиков была своя логика: они знали, кто выдал Паскву на очной ставке в полиции.

Дуло пистолета вдавливалось в меня, и беседовать спокойно было трудно. Но я пытался.

— Мердок вам не простит.

— Откуда он узнает? Свидетелей нет.

— Так ты же не один, вас по меньшей мере двое? Кстати, где вы собираетесь рассчитывать за Паскву?

— За Паскву? — захохотал коротышка. — Нет, советник, у тебя еще должники есть.

— Кто?

— Увидишь.

— Когда?

— Любопытен ты, советник. Тебе бы не спрашивать, а пощады просить. Только хозяин не помилует.

— А где твой хозяин?

— На козлах. Ему лишние свидетели не нужны.

Интересно, следует ли за нами Мартин? Собственно, сомнений на этот счет у меня нет. Но сообразил ли он, что я попал в капкан? Мы, как мне кажется, петляем по улицам. Наверное, для расправы со мной выбран какой-нибудь притон на окраине. Если до этого Мартин не выпустит нас из виду, то, увидев меня выходящим из кеба в сопровождении коротышки, тотчас примет надлежащие меры. Только бы не оторваться от Мартина! У нас хороший рысак, а частые и резкие повороты экипажа помогают замести след.

Мы поехали медленнее, кузов затрясся: значит, свернули с дороги. С трудом, но все же мне удалось выглянуть в запыленное стекло дверцы. Кругом был туман, в тумане — смутные очертания кустарника. Похоже, начался лес. Так и есть: ни одного дома не видно, ни одного забора. Должно быть, мы уже за городом.

Наконец кеб остановился. Коротышка, ткнув меня пистолетом, прошипел:

— Сползай! Приехали.

Я вылез, готовый прыгнуть в сумеречную муть. В тумане коротышка мог и промахнуться. Но прыгнуть я не успел. Толчком в грудь меня остановил сошедший с козел человек в темной крылатке и совсем не кучерском цилиндре. Как я не обратил внимания на это, когда на-

нимал экипаж? Я взгляделся и узнал «кучера», несмотря на туман.

— Освальд Ринки! — вскрикнул я, даже не пытаюсь скрыть удивления.

— А вы думали, советник, — ухмыльнулся он, — я прощу вам издевательства в «Гэмблинг-Хаус»?

— Придется простить, Ринки. — Я старался говорить твердо, без дрожи в голосе. — Я ничего не предпринимаю без предварительного контакта с вашим хозяином.

— На этот раз контактов не будет. Ни у меня, ни у вас. Медвежонок, скрути-ка ему руки проволокой.

Только полметра отделяло меня от пистолета в сапоге, но достать его я уже не мог. Медвежонок-коротышка почти мгновенно скрутил мне за спиной руки, обмотав кисти проволокой настолько тонкой, что она врезалась в кожу.

— Я давно задумал покончить с вами, советник, — сказал Ринки. — Это я стрелял тогда у входа в отель.

— Очень метко стреляли.

— Полицейского тоже я убил: рассчитывал, что снимут охрану, и не просчитался. Но потом мне захотелось посмотреть вам в глаза с той же усмешкой, с какой вы смотрели тогда на меня у бассейна.

— Вам бы в театре работать, Ринки. Такой талант пропадает.

Я сказал это, чтобы выиграть время. Мартин должен был бы уже догнать нас и догадаться, что происходит. Но лес молчал. Ни шороха кустов, ни треска попавшей под ногу сухой ветки — никаких надежд на появление Мартина. Где он мог потерять нас? Вероятно, еще в Городе, где-то на уличном перекрестке. Если бы туман стал плотнее, я бы отважился на побег. Но передо мной стоял Освальд Ринки, а позади — коротышка, оба с пистолетами. Чья-то пуля обязательно достала бы меня даже в тумане. В общем, влип — не уйти.

— Молчите, советник? — засмеялся Ринки. — Кисло, не правда ли? А для меня большая радость видеть вас связанным и беспомощным. Это интересней, чем угаданный номер в рулетке. После вас отправим к Господу Богу и вашего тихоню Пита. Возиться с ним не будем — достаточно пули в затылок.

Если Мартин не появится вовремя, то и Пита не спаси: его пристрелят, как полицейского у отеля. И убе-

режется ли сам Мартин? Ведь наших противников не обременяет жалость или сочувствие к людям, вдруг ставшим помехой в их грязной игре. А почему, собственно, мы должны друг друга оберегать? Почему вызвавшие нас сюда создатели этого мира не могут позаботиться о том, чтобы мы с Мартином благополучно вернулись домой? Ведь и в первое наше посещение этой маленькой дубль-Земли нам угрожало немало напастей. Выстояли. И наверняка не без помощи неведомых «облаков» и «двойников». Может быть, и сейчас они подумают, как избавить меня от Освальда Ринки. Держись, Анохин! Тяни время, растягивай его, пока этот подонок радуется твоей беде.

— А вы трус, Ринки. Пасква хоть стрелял в открытую, не связывая предварительно рук своим жертвам. Вы боитесь даже безоружного. Стрельба по такой мишени, конечно, безопаснее.

Ринки не обиделся.

— А я и не собираюсь тратить на вас патрон. У меня другие планы. Возьми-ка ведро, Медвежонок, и поставь его вверх дном под этим вязом.

Я задрал голову и сквозь туман увидел в трех метрах над собой огромный обломанный сук. Коротышка в это время принес обыкновенное жестяное ведро, из которого поят лошадей, и поставил его, как сказал Ринки. Затем с неожиданной ловкостью влез на дерево и спустил над опрокинутым ведром петлю из такой же медной проволоки, какой были связаны мои руки.

Ринки, несомненно, доволен.

— Не беспокойтесь, советник, долго мучиться не придется. Под тяжестью вашего тела петля эта еще до того, как вы задохнетесь, перережет вам горло. Но спешить мы не будем. Постоим, потолкуем. Жизнь, советник, самая драгоценная штука, ее жальче всего потерять.

Коротышка уже спрыгнул вниз и показал мне, куда надо встать.

— А если не встану? — спросил я.

— Не ждите пули. Вдвоем мы вас все равно повесим. Сначала поставим на ведро, накинем петлю, а потом выбьем ведро из-под ног.

Я услышал в кустах какой-то шорох. Где именно, уточнить не смог. Но шорох был. И самое неприятное, что коротышка его тоже услышал.

— Посмотреть бы кругом, Оси, — сказал он настороженно, — вдруг кто-нибудь...

— Кто? — отмахнулся Ринки. — От «хвоста» еще в Городе оторвались. Да и «хвост» ли это был?

— Тогда начинаем. — Коротышка расшаркался перед ведром. — Приглашаем к трону, советник.

В глубине души все же на что-то надеясь (а вдруг шорох — предвестник появления Мартина, вдруг Мартин догнал нас и вот-вот вмешается в этот фатальный для меня спектакль), я медленно-медленно встал на опрокинутое ведро.

— Ай да советник, ай да умница, — юродствовал Ринки. — Сейчас схлопочем вам и петельку.

Пока коротышка держал меня за ноги, Ринки надел петлю. Она свободно легла мне на шею, но из нее не выскочишь.

Я замер, прислушался: может, шелохнется что-то вблизи. Если это Мартин, то почему он медлит?

— Когда узнает Мердок, не ждите награды, — сказал я.

— От кого он узнает? — засмеялся Ринки.

— Один свидетель у вас уже есть. И вы так в нем уверены?

— А его уже нет, — проговорил Ринки и выстрелил коротышке в спину. — Ну, теперь ваша очередь, советник. Умирать надо с достоинством.

Он неторопливо подошел ко мне, не опасаясь, что я ударю его ногой, — любое мое резкое движение тотчас затянуло бы петлю, — и примерился, чтобы выбить у меня из-под ног ведро.

Неожиданный выстрел из тумана свалил его на землю. Пистолет, прикончивший коротышку, отлетел в сторону. А из-за кустов появился Мартин.

— Посмотри, убит или нет? — попросил я.

— Жив, — нагнувшись к Ринки, ответил Мартин. — Я по ногам стрелял. Давай я тебя развяжу.

Освобожденный от пут, я растер себе шею и кисти рук.

— Еще бы немного — и снимал бы труп с виселицы. Я слышал шорох в кустах минуты три назад. Это ты был? Так почему не стрелял?

— Туман. Боялся промахнуться. Пока они тут все налаживали, подполз вплотную. А ты уже в петле...

— Сообразил, что в экипаже был капкан?

— Не сразу. Но старался не упустить ваш кеб. А они, должно быть, заметили. Начали петлять.

— Не думал, что ты нас потеряешь. Кстати, где?

— Уже за Городом, вероятно, на развилке, у колодца с распятием. Ехали минут двадцать по дороге — никого. Спрашиваем встречного: не проезжал ли кто? Не проезжал, говорит. Пришлось возвращаться и сворачивать на проселок к лесу. Тут и нащупали ваш след. Фиакр я оставил на дороге, а сам пешком прямо сюда: голоса слышались. Подошел ближе — все ясно. Из банды Мердока.

— Ошиблись мы с тобой, Дон. Ринки от себя работал. Мстил мне за «Гэмблинг-Хаус». Это он стрелял в меня тогда у отеля, он и полицейского убил. Сам признался и подтвердил, что Мердок об этом ничего не знает и не узнает. Потому и с напарником расправился, чтоб свидетелей не было.

Мартин наклонился над убитым коротышкой.

— Кажется, в лесной «берлоге» встречались?

— Там и Ринки был.

— Ну, всю шваль не запомнишь. А почему он от Мердока таился?

— Из страха, наверно... Поехали в город. Мертвеца здесь оставим, а Ринки сдадим в полицейский госпиталь вместе с моим рапортом Бойлю.

Глава 21

ШАНТАЖ

Неожиданное вмешательство Ринки не внесло никаких изменений в нашу игру с Мердоком. Бойль лишь потребовал обстоятельного рассказа о случившемся в «Гэмблинг-Хаус» и на лесной дороге за Городом.

— Везет вам, Ано, — сказал он, — умеете вы убирать противников, и, главное, не своими, а чужими руками.

— Гибнут не только противники, Бойль, — ответил я, — гибнут и друзья. Вспомните хотя бы Луи Ренье. А кто убил его? И долго ли осталось бы жить Питу Селби, если б Ринки ушел от пули Мартина?

Но история с Ринки уже позади. А сейчас я сижу у дверей больничной палаты, куда час назад привезли Стила. К сенатору меня не пустили: у постели больного идет консилиум.

Я был у него дома. Перепуганная горничная сообщила, что сенатор очень беспокоился о Минни: барышня уехала за покупками, но так и не вернулась до вечера, а потом вдруг принесли письмо. Кто принес, она не знает. Вроде обыкновенный посыльный, с бородой и шрамом под глазом. Только это она и заметила. Сенатор вскрыл письмо, прочитал — и упал. Горничная бросилась за врачом — он живет напротив, и тот сразу же привез Стила в больницу святой Магдалины.

— А где письмо? — спросил я.

— Сенатор спрятал его в карман.

Я уже успел поговорить с личным врачом сенатора, когда он на минуту покинул палату, чтобы дать указания дежурившей сестре милосердия.

— Не волнуйтесь, — успокоил он меня, — ничего страшного. Сердечный приступ. Как только закончится консилиум, вас к нему пустят. Ему уже легче. Он в полном сознании, но чем-то крайне расстроен. Я думаю, вы будете ему полезнее нас.

Наконец в дверях появляются участники консилиума. Личный врач Стила шепчет мне на ухо:

— Все в порядке, сердце выдержало. Постарайтесь не тревожить сенатора.

И я вхожу в палату.

Сенатор лежит под белым одеялом, обросший седой щетиной, — видимо, с утра не побрился. Он выглядит постаревшим лет на десять. Но не это меня встревожило, а растерянность, почти страх в его мутных, слезящихся глазах — вот-вот не выдержит и закричит не от физической, а от скрытой душевной боли.

— Хорошо, что вы пришли, Ано, — говорит он и дрожащей рукой вынимает из кармана больничной пижамы письмо в зеленом конверте с краткой надписью: «Джемсу Стилу, сенатору».

«Уважаемый мистер Стил, — читаю я, — ваша племянница жива, здорова и пока находится у нас, в надежном и недоступном для полиции месте. Кормят и обслуживают ее отлично, но увидеться с вами — иначе

говоря, вернуться домой — она сможет лишь послезавтра, по окончании выборов, когда будут подсчитаны все голоса, в том числе и поданные за вас лично. Согласно конституции вы можете подать в отставку и отдать свои голоса любому избранному вами политическому деятелю. Вот мы и предлагаем вам сделку: мы отдаем вам Минни, вы нам — свои голоса, точнее, избранному не вами, а нами политическому деятелю. Имя его Тур Мердок, имя вам известное и отнюдь не ласкающее ваше ухо, но таковы уж условия сделки. И мы требуем этого не по его инициативе, а потому, что ему сочувствуем и за него голосуем. Сделать придется так: вы тотчас же вызываете вашего личного адвоката и диктуете ему надлежащее заявление в двух экземплярах. Один из них адвокат предъявит избирательной комиссии, другой экземпляр ваш представитель передаст нашему в кафе «Жюн» завтра в полдень, как раз накануне выборов. Поэтому советуем поторопиться. Сообщаем, что у нашего в петлице черного сюртука будет расшита галуном ленточка. Ваш спросит: «За кого вы голосуете?» Наш ответит: «Только не за популистов». Тогда и должен быть передан ему из рук в руки требуемый документ. На другой день ваша племянница будет доставлена домой.

Обращаться к полиции или к прессе не рекомендуем. Девушка исчезнет навсегда где-нибудь на дне Реки, мистер Мердок не понесет никакой ответственности, как ничего не знающий об этом деле, полиция никого не найдет, и в лучшем случае наш человек в кафе «Жюн» будет арестован и обвинен в соучастии в похищении и убийстве племянницы. Но этот «лучший случай» едва ли вас устроит.

Оглашение письма постфактум может, конечно, изменить положение. Ваши голоса и ваш пост останутся при вас, но и мистер Мердок не потеряет своего кресла в сенате. А уж за жизнь племянницы никто не поручится. Мы найдем ее всюду, где бы вы ее ни спрятали, и достойно отплатим за предательство. Даже ваша смерть ее не спасет: мы отправим ее в рай вслед за вами».

Письмо не было подписано. Пока я читал его, Стил лежал с закрытыми глазами, как мертвец.

— Когда ее похитили? — спрашиваю я.

— Думаю, после полудня.

— Значит, она еще в Городе. Шантажистам нет смысла увозить Минни далеко, если придется возвращать ее сразу после выборов.

— Я уже все решил, — не открывая глаз, произносит Стил.

— Что именно?

— Сделать все, что они требуют.

Я склоняюсь над его постелью.

— Откройте глаза, Джемс! Вы еще не умираете, и Минни пока жива. Вы имеете право жертвовать многим ради ее спасения, но не имеете права предавать партию. Не имеете права предавать Город. Если вы так поступите, Мердок станет его хозяином.

— Я не могу пожертвовать девочкой, — шепчет Стил. — Даже моя смерть не спасет ее.

— Кто говорит о вашей смерти?! У нас ночь и день впереди. Мы с Мартином сделаем все, что сможем. Утрите слезы, сенатор. Мердок не Корсон Бойл. И не вызывайте никаких адвокатов, пока не получите от меня вестей.

С этими словами я покидаю палату.

На улице меня поджидает встревоженный Мартин. Из дома сенатора я позвонил в «Омон» и, не вдаваясь в подробности, попросил его срочно приехать к больнице.

— Что? Плохо со Стилом?

— Минни украли, — говорю я. — Чистый киднэп-пинг, как у вас в Штатах.

— А выкуп?

— Голоса Стила, полученные на выборах.

Мартин не понимает. Я объясняю ему, как можно распорядиться полученными голосами, если подаешь в отставку тотчас после выборов. Короче — пересказываю суть письма.

— Подлец, — возмущается Мартин.

— Хуже.

— А если все-таки рискнуть?

— Как?

— Без полиции.

— Об этом я и думаю. Надо только найти его.

— Ты же знаешь адрес.

— А если Мердока нет дома?

- Скоро ночь. Подождем.
- Наверняка дом охраняется.
- Сколько их? Двое, трое... не больше.
- Значит, поехали.

Мы с Мартином понимаем друг друга. Чтобы спасти Минни, нужно испугать Мердока. А это не просто. В деле, видимо, участвуют трое или четверо дружков Пасквы, да и сам Мердок — бывший шериф. Стрелять они умеют.

Оставляем экипаж недалеко от коттеджа Мердока, просим кучера подождать нашего возвращения, обещая работу на всю ночь. До коттеджа идем пешком, не скрываясь, благо это квартал богачей и ночью на улице здесь никого не встретишь. За решетчатой оградой смутно вырисовываются темные бугры подстриженных кустов и погруженный в ночную тьму дом. Тускло светятся два окна на втором этаже (должно быть, горит керосиновая лампа: ночью электроэнергия не подается даже в этом квартале) и небольшое окошко внизу, рядом с подъездом. Присмотревшись, замечаю сидящего на крыльце человека.

Я подхожу к калитке так, чтобы с крыльца был виден мой силуэт. Мартин, мгновенно поняв меня, осторожно взбирается на ограду. Я издаю тихий свист. Человек на крыльце встает и шагает по утрамбованной дорожке к калитке.

— За кого голосуешь, парень? — спрашиваю я, когда он приблизился.

— Только не за популистов, — отвечает он и, опустив пистолет, подходит вплотную к калитке.

Так и есть. Это их пароль. «Пистолетник» из одной шайки с Пасквой.

— Кто? — хрипит он из темноты.

— Свой, — говорю я.

Парень плотно приникает к чугунной решетке, сясь разглядеть, свой ли. В ту же секунду Мартин кошкой прыгает на него сверху. Не успев даже вскрикнуть, тот валится на траву.

— Готов, теперь не скоро очнется, — еле слышно общает Мартин, открывая засов калитки.

— Видишь слабый свет в окнах наверху? — шепчу я. — Там кабинет и спальня Мердока. Наверное, он дома. Внизу охранники. Сколько их, неизвестно. Рискнем?

— Рискнем.

Мы поднимаемся по ступенькам к двери. Она чуть приоткрыта: похоже, охранники не боятся вторжения. Пол крепкий, не скрипит, дверь тоже — петли заботливо смазаны. Сразу из темной передней идет наверх неосвещенная лестница. В комнате справа за столом — два небритых охранника играют в карты. На табуретке рядом лежит полицейский автомат. Нас картежники не замечают и не слышат.

— Может, обезоружим сначала? — шепчу я на ухо Мартину. — Свяжем. Быстро, бесшумно...

— Нашел кого жалеть! — яростно шипит Мартин. — Да бесшумно и не выйдет. У них автоматы. Лучше шумно, но наверняка. И не обязательно убивать, можно только ранить.

Несколько часов спустя, когда все уже кончилось, я спрашивал себя: а имел ли я право, без всяких ссылок на чужое пространство и время, — имел ли я моральное право стрелять? Что ответил бы я судьбе? Да, имел. Я стрелял в убийц, спасая жизнь похищенной ими девушки, я защищал свободу Города — ведь голоса Стилла, отданные Мердоку, сделали бы того подобием чилийского диктатора Пиночета. Здесь не знают, что такое Чили и кто такой генерал Пиночет. Но здесь хорошо помнят прошлое.

А в ту минуту, когда мы с Мартином стояли с пистолетами в передней Мердока, ни он, ни я не раздумывали о моральном праве.

...Два выстрела взрывают тишину дома. Оба охранника оседают на пол. Мартин, не нагибаясь к раненым, подхватывает лежащий на табуретке автомат. Оружие в полном порядке и готово к бою.

— Подходящая штука для встречи с теми, кто сейчас спустится с лестницы.

— А если это Мердок?

— Вступим в переговоры.

На лестнице наверху показывается человек с фонарем. В руке у него пистолет. Это не Мердок. Нас в темноте холла он не видит.

— погоди. Может, теперь обойдемся без выстрелов, — шепчет Мартин.

Человек с фонарем приближается, не опуская пистолета.

— Стоп, — говорю я из темноты. — Поставьте фонарь и бросьте пистолет. Руки вверх!

В ответ гремит выстрел. Я успеваю брякнуться на пол — пуля надо мной разбивает стекло входной двери.

Мартин не остается в долгу. Подкравшись к лестнице сбоку, он хватает стрелявшего за ноги. Тот падает навзничь. Фонарь гаснет, но загорается струйка вытекшего керосина. Мы наспех связываем руки лежащему — он молчит, видимо понимая, что кричать бессмысленно: Мартин уже направил на него свой автомат. Из предосторожности мы все-таки затыкаем бандиту рот носовым платком. Струйки горящего керосина затапываем, чтобы не загорелась деревянная лестница. Остается визит к хозяину.

Кабинет заперт. Я стреляю чуть правее замочной скважины. Удар ноги — и дверь открывается настежь. Тут же из освещенного кабинета слышится выстрел, но Мердок не видит цели: Мартин и я притаились за косяком двери.

— Не двигаться, Мердок! Нас двое, а ваших телохранителей уже нет. Бросьте пистолет и поднимите руки. Мы сможем спокойно поговорить с вами, если нам никто не помешает.

— Верю, — говорит Мердок и кидает пистолет на пол. — Входите, Ано, не стесняйтесь.

Мы входим, Мердок встречает нас с улыбкой.

— Обыщи его, Мартин, — командуя я.

Мартин ощупывает карманы Мердока, подбирает пистолет и передает его мне.

— Ничего нет, Юри.

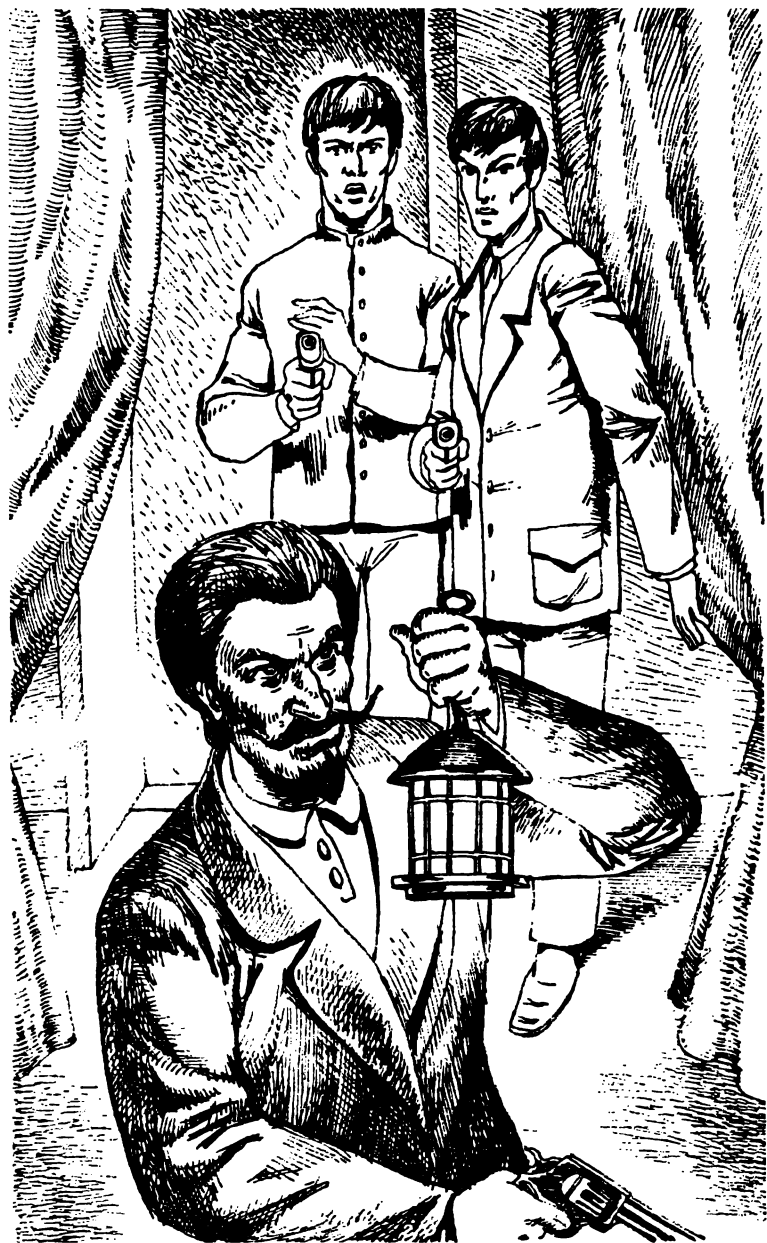
— Тогда садитесь, Мердок. — Я указываю пистолетом на диван. — Руки можете опустить.

В кабинет вбегает горничная с перекошенным от страха лицом, без халата, только в ночной рубашке.

— Что случилось, мистер Мердок? Меня разбудили выстрелы.

— Идите к себе, Джесси, — спокойно произносит Мердок, — закройте дверь, запиритесь и не выходите до утра, пока не придет полиция. Никто вас не тронет.

Горничная исчезает, и мы остаемся втроем. Мердок сидит на диване, а мы — напротив, у письменного стола.

- Вы опять переиграли меня, Ано, — кривится в улыбке Мердок.
- Переиграл, — соглашаюсь я, — хотя, скажем мягко, вы и пытались мне помешать.
- Возможно. Вы, кстати, отвечали тем же. Судя по тому, что вы угробили моих парней, вам что-то от меня нужно?
- Многое.
- А именно?
- Во-первых, вы немедленно освободите Минни Стил.
- Ее здесь нет.
- А где она? Глупо скрывать...
- Согласен. В кафе «Жюн». Под надежной охраной.
- Жива?
- Пока.
- Вот мы с вами и отправимся сейчас в кафе «Жюн», и вы сами позаботитесь о ее благополучном возвращении домой.
- А если я этого не сделаю?
- Мы тут же вас убьем, Мердок, не пощадив, как не пощадили ваших охранников. У нас нет выбора.
- Так ведь и девчонку убьют...
- ...а сенатор Стил умрет от второго сердечного приступа. Допускаю и это. Но зато вас не будет, Мердок, и Город вздохнет свободно.
- Неужели я так опасен для Города?! — Усмешка напоминает мне прежнего, уверенного в себе Мердока.
- Не кривляйтесь, — обрываю я его. — Я смотрю дальше Стила и предвижу ваши замыслы. Итак, согласны?
- У меня тоже нет выбора, — пожимает плечами Мердок, — разрешите переодеться.
- Последи за ним, Мартин.
- Пока Мартин ощупывает сюртук Мердока, я подымаю телефонную трубку.
- Соедините меня с больницей святой Магдалины, не знаю ее номера, — прошу я телефонистку.
- Дежурный врач у телефона, — отвечает больница.
- Говорит советник сенатора Стила. Он спит, наверно?
- К сожалению, нет, советник. Не спит даже со сновторным. А мы не рискуем увеличить дозу.

— И не надо. Сообщите ему немедленно, что звонил я, и скажите, что племянница его через час, а может быть, и раньше, благополучно вернется домой. Это будет для него лучшим лекарством.

Мердок в сюртуке и цилиндре ждет у двери.

— Я готов, джентльмены.

— Идем к экипажу, — говорю я. — Мы по бокам. Пистолеты у нас в карманах, пальцы на спуске. Никакие парни из кафе «Жюн» вам не помогут. Девушку вы отправите самолично в нашем же экипаже, парней отпустите, а мы втроем поговорим о дальнейшем. Ясно?

— Ясней быть не может.

На связанного охранника он даже не обращает внимания и уверенно шагает в ночную темь, разбавленную тусклыми бликами газовых фонарей.

Глава 22

РЕШАЮЩИЙ ШАГ

Кафе «Жюн» было закрыто. Пришлось стучать. Дверь приоткрылась, закрепленная изнутри на цепочке, и кто-то хриплым голосом сказал сквозь щель:

— Навынос не продаем.

Мы ждем ответа Мердока. Он говорит тихо и властно:

— Открой, Слим. Свои.

В распахнутую настежь дверь мы все входим в том же порядке: чуть впереди Мердок, за ним вплотную я и Мартин.

В зале пусто. Столы поставлены один на другой, стулья отодвинуты в сторону, на стойке горит единственная свеча, освещающая не больше пяти квадратных метров погруженного в темноту зала.

— Где девочка, Слим? — спрашивает Мердок.

— Наверху, в угловой комнате. Наверное, уже спит. От ужина отказалась.

— Разбуди ее повежливее. Пусть спускается вниз. Здесь ждут ее друзья. Кто рядом?

— Крук и Тони. Играют в кости. Проглотили целый бидон абрикосовой.

— Будет оплачено, Слим. Кстати, скажи им по пути, чтобы убирались отсюда немедленно.

Слим мгновенно исчезает за дверью у стойки, смутно различимой в темноте. Мердок садится, мы устраиваемся возле него, контролируя каждое его движение.

— Не напрягайтесь, ребята, — ухмыляется он. — Я работаю честно.

Из двери у стойки появляются двое. Тусклый свет свечи не позволяет рассмотреть их лица.

— Вызывали, хозяин? — спрашивает один, не подходя близко.

— Вы оба свободны, Тони. Девчонкой займется Слим. А вы по домам. Живо!

Парни почтительно ретируются, не обращая на нас никакого внимания, — приказа хозяина не было, а самостоятельность, должно быть, не поощряется.

Минуты две-три спустя в зал входит Минни в светлом платье с жирными пятнами на рукавах: вероятно, ее тащили за руки. Я делаю знак Мартину, чтобы он держал под прицелом Мердока, поднимаюсь ей навстречу.

— Мсье Ано! — радостно восклицает она и бросается мне на шею, не замечая ни Мердока, ни Мартина.

— Вы сейчас поедете домой, Минни, — говорю я. — Вас отвезут. И не пугайтесь, если не застанете там дядю. Он в больнице святой Магдалины. Легкий сердечный приступ после вашего исчезновения. Сразу позвоните ему.

— Слим, — подает голос Мердок, — доставишь девушку домой. Головой ответишь за любую задержку.

— А кто же здесь останется, хозяин? — медлит Слим. Ехать ему явно не хочется.

— Мы подождем твоего возвращения.

— Идите, Минни. — Я подталкиваю ее к выходу. — Экипаж у подъезда.

Минни и Слим уходят. Я закрываю дверь на цепочку.

— Первое ваше требование выполнено, Ано. — Мердок разговаривает спокойно, но с какой-то внутренней настороженностью. Вероятно, он понимает, что его ожидает еще более неприятное испытание.

Я сажусь напротив Мердока. Мартин по-прежнему не спускает с него глаз.

— Здесь есть телефон? — спрашиваю я.

— Вон там, за стойкой, — кивает Мердок.

— Через полчаса я позвоню Минни домой, и тогда будет видно, как выполнили вы наше первое требование. Надеюсь, телефон работает?

— Проверьте.

— Проверим. А пока проверим другое.

— Что?

— Ваш здравый смысл.

— Не понимаю.

— Сейчас объясню. Вы проиграли, Мердок.

— А что я проиграл, кроме голосов Стила?

— Вашу ассоциацию, Мердок, в перспективе — партию и все ожидающие вас кресла в сенате.

Мердок долго молчит. Выражения его лица я не вижу, но знаю, что он меня понял и подсчитывает свои возможности.

— А если подробнее? — наконец спрашивает он. Голос его чуть-чуть дрожит.

— Сейчас вы напишете под мою диктовку заявление в избирательную комиссию. Вы «признаетесь», что лично проверили обвинения сенатора Стила и убедились в их справедливости. Как честного политического деятеля вас глубоко возмутило сотрудничество ассоциации реставраторов с шайкой грабителей и убийц. Ассоциация скомпрометирована, и вы ее распускаете, одновременно требуя изъятия из всех избирательных списков ее кандидатов, в том числе и своей кандидатуры. А избирательные бюллетени с именами кандидатов вашей, теперь уже бывшей ассоциации предлагаете считать недействительными.

— Что же вы оставляете мне? — произносит Мердок.

— Не так уж мало. Во-первых, достоинство и незапятнанную репутацию, во-вторых, возможность играть дальше, причем не только проигрывать. У вас еще остаются все игорные дома и ночные клубы, организация букмекеров на городском ипподроме и контрольный пакет акций страховой компании «Эврика». А самое главное, у вас в руках газета, которая может поддерживать и другие движения: если не «джентльменов» — они, пожалуй, слишком аристократичны для вас, — то, скажем, церковников-католиков или евангелистов. Ведь и с их помощью можно добиться сенатского кресла.

Мердок молча встает и проходит за стойку бара. Мартин с пистолетом следует за ним.

— Я не оружие ищу, а перо и бумагу, — огрызается Мердок.

Отыскав их под прилавком, он, стоя, записывает: «В сенатскую избирательную комиссию...»

— Диктуйте, — обращается он ко мне.

Со своего места я диктую ему примерно то, что уже высказал.

— А теперь позвоните в редакцию «Брэд энд баттер» и продиктуйте написанное, — продолжаю я. — Там знают ваш голос и не заподозрят мистификацию. Лучше всего, если вы доберетесь до редактора. Утром это заявление должно быть в газете. И на первой полосе. А затем отдадите бумагу мне. Об избирательной комиссии и о «Сити ньюс» я сам позабочусь.

Мердок довольно быстро находит по телефону ночного редактора.

— Стенографистки не надо. Записывайте сами.

Торопливо, но отчетливо диктует. Слышатся перебивающие текст реплики:

— Что? Я же сказал. Пишите слово в слово. Да, так. Не вы мне, а я вам плачу за работу. Понятно? Пишите дальше...

Потом опять текст, и снова раздраженная реплика:

— Если хотите сохранить редакторское место, все это должно быть в завтрашнем номере. Заеду лично. Да, подпишу номер.

И с элегантностью банкомета, подвигающего партнелу его выигрыш, Мердок протягивает мне листок со своим заявлением. Я аккуратно складываю документ вчетверо и опускаю в карман.

— Еще две минуты, Мердок, и мы с вами расстанемся, — говорю я, — только позвоню Минни.

Она уже дома и радостно сообщает, что созвонилась с больницей, дядя все знает и уговорил врачей отправить его домой.

— Запритесь, Минни, и никого не впускайте до приезда дяди, я попрошу Мартина подежурить у вас.

— Зачем? — вмешивается Мердок. — Наемных убийц посылать не стану. Проиграл — плачу.

— Крупно играете и классно проигрываете, — замечает до сих пор молчавший Мартин. — А ваши «пистолетники» не играют, а постреливают.

— Выстрелов больше не будет, — смеется Мердок. — Вы, может быть, все-таки вернете мой пистолет, Ано?

— Я верну его вам завтра в сенатском клубе. У вас ведь есть гостевая карточка?

Мердок не успевает ответить. Свеча гаснет, заливая оплывшим воском медный подсвечник. Мы оказываемся в темноте. Самая подходящая обстановка для житейских раздумий. Я почти уверен, что он сказал правду: выстрелов больше не будет. Мердок размышляет уже не над тем, что проиграл, а над тем, что выиграл. А выиграл он возможность играть дальше. Ведь мертвецы не играют. Через час-два он заедет в типографию и подпишет к печати очередной номер газеты. Мой же экземпляр заявления Мердока, прежде чем попасть в «Сити ньюс» и сенатскую избирательную комиссию, должен побывать у Уэнделла. Придется будить магната, не дожидаясь утра. Надо спешить.

Несмотря на все протесты дворецкого, мне удастся поднять Уэнделла. Он выходит в халате, протирая заspanные глаза.

— Что-нибудь сверхсрочное, Ано, иначе бы вы не явились в такое время?

Я вручаю ему сложенный вчетверо лист бумаги и плюхаюсь на кушетку. Ноги меня не держат — так хочется спать. Мне даже кажется, что я уже сплю и лишь сквозь сон вижу, как судорожно глотает слюну Уэнделл и как круглеют его глаза, пробегающие по строчкам заявления Мердока.

— Это не подделка? — спрашивает он, спотыкаясь на гласных.

— Вы странный человек, Уэнделл. Столько месяцев меня знаете, а говорите такие вещи. Заявление подлинное и должно появиться сегодня в «Брэд энд баттер». Одновременно надо опубликовать его и нам. Свяжитесь срочно с редакцией «Сити ньюс» и продиктуйте текст стенографистке. Номер, наверно, уже печатается, но вы сумеете втиснуть Мердока в оставшуюся часть тиража. Не стойте с открытым ртом, Уэнделл, не теряйте времени.

Уэнделл покорно, словно младший клерк, бежит к телефону, а я мгновенно засыпаю в сидячем положении и просыпаюсь, когда он появляется снова.

— Как вы добились этого, Ано? — с умилением восклицает он и всплескивает руками. — Боже мой, вы больны?

— Нет, просто чертовски устал.

— Выпейте коньяка.

— Давайте.

Глоток коньяка приводит меня в чувство. Но разве можно в нескольких словах передать события этой ночи? Начинаю с похищения Минни и письма, отправившего Стила в больницу. Уэнделл вдруг перебивает:

— И он решил отдать Мердоку голоса?

— Да. Но вмешались мы с Мартином.

Что произошло дальше, я рассказываю коротко, как могу.

— И вы стреляли? — ужасается Уэнделл.

— Не раздумывая. Мы имели дело с профессиональными «пистолетниками».

— Но они могли вас убить!

— Не сумели. Сумели мы. Вывели их из строя.

— Всех?

— Кроме Мердока. Он умен и соображает быстро: девушку освободил, партию свою распустил и сам продиктовал это заявление в свою газету. Сразу понял, что проиграл.

— А если он все же сообщит в полицию?

— О чем? О том, что заявление сделано под угрозой расправы? Тогда придется признаться и в письме к Стилу, и в похищении девушки с целью шантажа сенатора — есть свидетели. А это — политическая смерть Мердока. Нет, заявление он опровергать не станет. Оно даже создает ему ореол политической честности и принципиальности. Входной билет в сенат на будущих выборах. Полицию он вызовет только для того, чтобы опознать раненых. Скажет, что во время его отсутствия на дом было произведено нападение. Сотрудники Бойля, конечно, узнают в задержанных патентованных уголовников и церемониться с ними не будут. А Мердок начнет снова тасовать карты. Не вышло с реставраторами — выйдет с церковниками. Я, кстати, это и посоветовал. Денег ему не занимать. У него их немногим меньше, чем у вас, мистер Уэнделл, и во всяком случае больше, чем у Стила.

Уэнделл более чем доволен — почти счастлив.

— Какой вы молодец, Ано!..

Мне не хочется говорить о себе, да и не поймут меня, пожалуй, если рассказать правду. Просто я человек другого века, привыкший к другому ритму. Мой мир имеет опыт разгрома Гитлера и Муссолини, пережил крах диктатуры «черных полковников» в Греции, победу социалистической демократии в Португалии и — надеюсь, недолговечный — взлет фашистской контрреволюции в Чили. Я знаю больше и вижу дальше, чем политики здешнего общества, и лучше их понимаю законы его исторического развития. Но сказать об этом Уэнделлу я не могу.

— Может быть, постелить вам у меня в кабинете? — предлагает Уэнделл.

— Выплюсь у себя в отеле. Только бы добраться до него...

Глава 23

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Мы с Мартином вновь на верхней палубе «Гекльберри Финна». Мы едем в Сильвервилль. Плывут мимо сосновые рощи, глинистые обрывы, рыбацкие хижины над ними и лодки, вытасенные на песчаные отмели. В голубой чаще неба за поворотом Реки уже виднеется пыльная дымка.

О ночной встрече с Мердоком ни я, ни Мартин, словно по уговору, не упоминаем. Пожалуй, она нам обоим казалась чем-то неправдоподобным, далеким от действительности — как виденное где-то в кино или на телеэкране. Теперь же Мартин, выплюнув докуренную сигарку за борт, неожиданно спрашивает:

— А если б он отказался?

— Кто?

— Мердок.

— Я бы убил его. Не я — так ты. Мы ведь знали, на что шли. Но в кафе «Жюн» я понял: Мердок не будет сопротивляться. Потому-то он и отправил по домам Тони и Крука, а Слима послал сопровождать девушку.

— Свести с нами счета он может и в Сильвервилле. Тут у него дружков не меньше, чем в Городе.

— Он не знает, где мы сейчас. Даже в клуб обедать не пришел, и пистолет его я оставил в гостинице. Вообще никому, кроме Стила, неизвестно о нашем отъезде.

Почему мы решили ехать в Сильвервилль, да еще в самый день выборов?

Произошло это так. После той бурной ночи мы встали поздно, проспав завтрак. В баре нам соорудили яичницу и подогрели кофе.

— Ты долго собираешься молчать? — вдруг взорвался Мартин.

— У меня странное ощущение, Дон. И возникло оно перед тем, как проснулся.

— И у меня. Словно сон под утро увидел, который начисто забылся... И шепнул кто-то на ухо.

— О том, что мы должны ехать в Сильвервилль?

— Да. Но совсем не из страха перед Мердоком. Хотя мысль о его мести была.

— Нет, ни при чем здесь Мердок. И страх ни при чем. Нас отпускают, Дон. Домой.

— Рад?

— От радости кричат или молчат. Потому и молчу. Думаю. Надо будет найти то место, где мы с тобой «приземлились» у океана, близ песчаных дюн. Помнишь?

— Отлично помню. Ты еще спрашивал меня, что за кустарник. А когда поедем?

— Сегодня после обеда. Нужно выяснить расписание.

— Поезд отходит в три десять, в половине девятого мы будем уже в Вудвилле, а «Гек Финн» отплывает в полночь.

— Откуда ты все это узнал?

— Какой же я был бы репортер, если бы не знал расписания. Мы и билеты можем заказать в отеле.

— Лучше на вокзале. Чтоб никто не заинтересовался нашим отъездом. За номер уплачено, ничего с собой не возьмем.

— Думаешь, в Крыму очутимся?

— Убежден.

— У твоей машины?

— Надеюсь.

— Ты даже запереть ее не догадался.

— Полагаю, не увели. Мы тут почти три месяца, ну а там несколько часов прошло, не больше.

— Что-нибудь захватим на память?

— Зачем? Не поверят — ни у вас в Штатах, ни у нас. Наука, мой милый, не любит чудес. Фотоснимки сочтут инсценировкой, газеты — подделкой, а всю нашу историю — мистификацией. Еще к психам угодишь, если будешь настаивать.

— В Штатах могут поверить.

— Кто? Мистики? Кретины? Не для серьезного разговора эта история.

Мартин явно расстроился и затих. А я задумался. Все-таки чужие мы здесь, хотя мне порой и кажется, что я уже привык и к скрипучим фиакрам, и к бальзаковскому «Омону», и к имбирному пиву в сенатском баре. Но жить в прошлом не хочется: обогнали мы этот мир на столетие.

Чтобы повидать напоследок Донована, я отправился в клуб.

К обеду я опоздал. В ресторане было немногочисленно — депутаты и журналисты мотались по избирательным участкам, пресс-конференциям и митингам в парках. Уэнделл, как мне сказали, уехал на биржу, а Стила я нашел в курительной. Он сидел в кресле, один в пустой комнате, курил сигару и пил содовую воду мелкими глотками: его мучила послеобеденная изжога. Сенатор выглядел бодрее, чем в больнице, и глаза смотрели не отчужденно.

— Хочу обнять вас, Ано, — поднялся он с кресла, — вы сделали для меня больше, чем кто-либо и когда-либо в жизни. Мне стыдно смотреть вам в глаза, но я бы отдал ему все мои голоса, чтобы спасти Минни. Я — трусливый старик, ничтожество. Если бы не вы... — Стил отпустил мои плечи и сел, прикрыв лицо сморщенной рукой. — Как вы победили его, Ано?

— Не победил, а убедил, что так будет лучше.

— Таких нельзя убедить.

— Я разговаривал с ним на его языке.

Стил больше не спрашивал.

— Я все-таки подаю в отставку, — печально сказал он.

— А голоса?

— Отдам Уэнделлу, а часть вам.

— Не понимаю. Я же не кандидат.

- Ну, Доновану. Мне известны ваши политические симпатии.
- Только пусть он не знает, почему вы это делаете.
- Обещаю.
- Спасибо, Джемс. А теперь простимся. Поклон Минни. Я ухожу.
- Совсем?
- Совсем. Не огорчайтесь, Джемс. Это должно было случиться. Я ведь случайно здесь и не по своей воле.
- И Мартин с вами?
- И Мартин. Он не зашел к вам, чтобы не тревожить Минни.
- Может быть, так и лучше.
- В кафе «Жюн» она его не разглядела. А спасал он ее вместе со мной. Это я вам говорю, не ей. Ее убедите в том, что Мартин тоже только случайность.
- Что ж, не судьба, — горестно вздохнул Стил.
- Он уже глядел в сторону, куда-то мимо меня, так что я незаметно, не прощаясь, смог выйти из комнаты.
- Донована я увидел в баре, куда он забежал на минутку: выпить кружку любимого имбирного пива — промочить горло, охрипшее от речей и приветствий.
- Как успехи, Биль?
- Порядок! — Он сиял. — Правда, в Майн-Сити пока не был, но в привокзальном районе — хорошо. Наши идут впереди. Думаем увеличить число мест в сенате с пяти до восьми.
- «Больше, Донован, больше! Ведь ты еще не знаешь о судьбе голосов, поданных за Стила».
- Есть уже планы на будущее? — спросил я.
- Много. Будем бороться за признание ассоциации партией. Численность позволит нам это. А к первому же заседанию готовим билль о едином профессиональном союзе.
- Я бы предложил разработать и билль о рабочих школах. Нужно собрать по крохам все — изданное когда-то или переписанное, — что познакомит рабочего с основами социализма.
- Это запрещено лет сорок назад.
- А вы добейтесь отмены запрета.
- Ты говоришь со мной так, как будто мы видимся в последний раз.

— Возможно. Я ведь землепроходец в отпуску, романтик новых земель. И отпуск уже кончается.

— Не разыгрывай. Кстати, что случилось с Мердоком? Об этом столько разговоров в Городе. Ход в какой-то новой игре или просто неуверенность в своих силах?

— Может быть, и то и другое, Биль.

Выходя из подъезда клуба, я заставил себя внимательно оглядеться, нет ли поблизости терпеливо ждущих «стреляющих» фиакров или праздношатающихся парней, похожих на «пистолетников». Ничего подозрительного не было.

Все это закончилось еще вчера, до вудвилльского поезда. А сейчас мы подходим к пристани Сильвервилля и, протискиваясь сквозь толпу пассажиров, бежим к газетному киоску, чтобы узнать результаты выборов.

Все бюллетени, поданные за реставраторов, признаны недействительными. Неизвестно, сколько голосов собрал бы Мердок, если бы не распустил ассоциацию и не снял с выборов ее кандидатов. Поданные же бюллетени не обеспечивали ему и одного места в сенате.

Стил объявил о своей отставке и отдал из полумиллиона полученных им голосов две трети Уэнделлу и треть Доновану. Таким образом, популисты и трудовики добились еще по несколько мест.

В результате шестьдесят два места в сенате распределились так: абсолютное большинство — тридцать два голоса — оказалось у популистов. Из оставшихся тридцати мест шестнадцать досталось трудовикам, десять — «джентльменам» и только четыре — церковникам.

— С кем же будет блокироваться Донован? — интересуется Мартин.

— Его охотно поддержат все популисты, прошедшие в сенат с помощью голосов беднейших слоев населения. Раскол среди популистов — необратимый процесс, он продолжится и на скамьях сената. Будет еще немало вариантов, типичных для многопартийной парламентской демократии, но левые в конце концов образуют свое правительство. Мердок тоже будет ждать своего часа. Диктатором ему не бывать, зато у него есть газета и деньги. Вероятнее всего, такой и понадобится потерявшим голоса «джентльменам». Пусть нувориш, но кому-то надо играть и нечистыми картами. Здешние аристократы, мой милый, далеко не безгрешны.

На этом и заканчивается наше обсуждение послевыборных городских перспектив.

Я вынимаю и пересчитываю оставшиеся у нас деньги. Не брать же их с собой: все равно ни один музей не возьмет, а Зернов и так поверит.

— Может, закатим банкет в «Веселом петухе» на прощание? — предлагает Мартин.

Вспоминаю лысого старика Вильсона, его котлеты на вонючем сале.

— Мне еще за рулем сидеть, если машина цела, — говорю я, шагая мимо знакомого медного петуха над деревянным крыльцом.

Я выбрасываю пачку здешних банкнотов по ветру, они летят и катятся, их никто не подбирает, потому что мы уже за Городом и никого, даже пирожника, поблизости нет.

У нас осталось всего по «полтиннику», по одной стертой монетке в двадцать пять франков. Пусть они будут памятью о шестидесятих годах первого века чужой, но так похожей на земную, цивилизации. Не искусственной, а живой и по-настоящему человеческой.

Вот и дюны впереди, у океанского берега, и знакомые колючие заросли «альгарробо». Где-то должно быть место нашего «приземления», куда нас перебросили с крымской автомобильной дороги.

— Кажется, тут, — говорит Мартин, — и песок примят, как будто кто-то сидел.

— Думаешь, сохранятся следы при таком ветре, да еще на прибрежном песке?

— Все-таки присядем.

Присели. Огляделись. Серо-зеленый океан блеснул вдруг васильковой голубизной и провалился куда-то вниз.

...Мы сидим на краю обрыва у крымской дороги, вьющейся серпантинном среди виноградников от серых скал Яйлы к синему-синему Черному морю. Мой «жигуленок» стоит с полуоткрытой дверцей чуть в стороне от нас, и пиджаки наши с деньгами и документами лежат на сиденьях. Только вокруг машины с озабоченным видом ходит инспектор ГАИ — старший лейтенант лет тридцати. Рядом — милицейская «Волга» с равнодушным старшиной у руля.

Я кашлянул, старший лейтенант обернулся и застыл, будто увидел что-то явно противозаконное.

— Вы откуда? — спрашивает он.

Мы молчим. Мы улыбаемся. Мы — дома.

— Как вы здесь очутились? Минуту назад тут никого не было, — наступает на нас инспектор ГАИ.

— А мы поднялись вон оттуда. — Я указываю на обрыв.

— Чья это машина?

— Моя. Разрешите? — Я подхожу к машине, вынимаю из лежащего там пиджака права и паспорт.

Инспектор внимательно изучает документы.

— Так почему же вы ее бросили?

— А мы не бросили, мы отлучились.

— Куда? — выдохнул инспектор.

— Мы погулять пошли, — мямлю я, не в силах придумать ничего более умного.

— Где же здесь гулять? — удивляется инспектор. — По этим кручам?

— Вот-вот! — подхватываю я. — Замучил меня приятель. Любит горы.

— А кто этот ваш приятель? — строго спрашивает инспектор, оглядывая Мартина.

Я отвечаю почти шепотом:

— Американский турист, товарищ инспектор. Корреспондент из Нью-Йорка. Очень интересуется советским автотуризмом. Мартин, покажи ему твое удостоверение, — прибавляю я по-английски.

Мартин вынимает из своего пиджака документ, свидетельствующий о его законном пребывании в СССР, и корреспондентскую карточку.

— Спасибо. Карашо, — говорит он с дурацкой улыбкой. Сразу понял, как надо сыграть.

Инспектор, мельком взглянув на документы, возвращает их Мартину.

— Как же так, граждане? — произносит он уже менее грозно. — Нам сообщили, что машина ваша с утра здесь стоит. Дверцы не заперты, и ни водителя, ни пассажиров. А мы из Севастополя сюда ехали, чтобы машину вывезти и владельца искать. Ведь ее и угнать могли.

— Что вы, товарищ инспектор, какие здесь жулики?

Инспектор почему-то усмехается и смотрит на мои высокие башмаки.

— Где сапоги покупали? — спрашивает он.

— В Калифорнии, товарищ инспектор, — радуюсь я перемене темы. — Дональд Мартин покупал. Себе и мне.

— Можете следовать дальше, — сухо козыряет инспектор, садится в машину рядом с водителем и уезжает вверх по шоссе к Байдарским воротам.

А мы хохочем и не можем остановиться. И не над инспектором, и не над собой, а просто потому, что мы стоим на Земле, на Земле с большой буквы, с какой пишется имя нашей родной планеты.

Я подбросил на ладони серебряную монету в двадцать пять «райских» франков, действительно похожую на наш полтинник, — тусклую монетку, стертую, — единственное доказательство нашего пребывания в «раю без памяти».

Сотрет время и «серебряный вариант», который мы пережили на горной крымской дороге.

СЕЛЕСТА-7000

РОМАН

Часть первая

РОЖДЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

— Что это ты несешь? — строго спросила Гусеница. — Ты в своем уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом.

Л. Кэрролл. Алиса в Стране чудес

Глава 1

ВСТРЕЧА В ОТЕЛЕ

Многое удивительное в жизни начинается с пустяков. В данном случае — со встречи в отеле. То был ветхий, старомодный отель, вернее, гостиница-пансионат, облюбованная главным образом нью-йоркскими старожилками. Жили в ней посезонно преимущественно актеры не из крупных и годами — холостяки и старые девы, сумевшие сберечь кое-что, как говорится, на черный день. Жили в пропыленных, прокуренных и захламленных номерах, не ропща и не жалуясь, потому что роптать бесполезно, а жаловаться некому. Да и само расположение гостиницы в городе служило как бы предостережением для строптивых и недовольных: в десяти минутах ходьбы благопристойная Третья авеню незаметно переходила в печально известную Бауэри — улицу ночлежек, притонов и забегаловок, иначе говоря, последний круг нью-йоркского ада. «Выкинут из номера — покатишься на Бауэри», — говорили старожилы в баре гостиницы, с нескрываемым удивлением и даже сочувствием поглядывая на чудаков приезжих, рискнувших по неведению поискать приюта в этом отеле.

Среди таких чудаков однажды в июньскую жару оказались здесь двое русских — Рослов и Шпагин, прибывшие в Нью-Йорк на симпозиум математиков и биологов, кровно заинтересованных в проблемах биологической радиосвязи, а точнее говоря, в поисках физико-химических пружин, приводящих в действие механизмы информации и мышления. Приехали они с запозданием, забро-

нированные для них гостиничные номера были захвачены другими участниками симпозиума, а в отель на Третьей авеню их привез нью-йоркский таксист, хорошо знавший все места в городе, где может приклонить голову странник. Странники наши устали, да и выбора у них не было, вот и пришлось им на все время симпозиума прочно обосноваться в угловой комнате на восьмом этаже для сна, отдыха и традиционной яичницы с ветчиной на завтрак и ужин. Особенно все это не удручало: отель был тихий, никто не навязывался в знакомые, и даже в темном баре можно было посидеть полчаса, не привлекая любопытства завсегдатаев. Оно лениво проснулось с первым появлением русских и тут же угасло. Тем более неожиданным оказался их последний вечер в гостинице.

Симпозиум уже закончился, а теперь предстояла захватывающе интересная командировка в Лондон: их пригласил «поработать немножко» в его лаборатории профессор Сайрус Мак-Кэрри, глава новой английской математической школы и, как говорили в кулуарах симпозиума, звезда первой величины на небосклоне мировой кибернетики. Это любезное приглашение, во-первых, совпадало с задачами, поставленными перед ними советскими научными организациями, а во-вторых, просто льстило самолюбию двух советских парней, ни один из которых, несмотря на докторскую степень, еще не дотянул до тридцати лет. «Счастливы возраст, возраст Эйнштейна и Дирака, когда только и рождаются подлинныe ученые. Я завидую вам, дети мои», — сказал Мак-Кэрри. Рослов и Шпагин смущенно и благоговейно молчали. Внимание английского ученого избавило их даже от всех необходимых, но крайне утомительных бюрократических сложностей: предоставленная им в этой командировке свобода действий еще не обеспечивала ни виз, ни гостиниц. Визы и гостиницу в Лондоне Мак-Кэрри оформил буквально за один день. Только просил подождать его недельку, отдохнуть и познакомиться с городом — ему предстояло прочитать еще несколько лекций в Колумбийском университете.

Осмотрев за день весь туристский Нью-Йорк, счастливы в предвкушении дальнего плавания стали на якорь в баре, впервые за все время пребывания в отеле заказав не пепси-колу, а соду-виски. Напиток был омер-

зителен, нечто вроде скверного коньяка, разбавленного шипучкой. Оба морщились и пили: ведь им улыбалось счастье.

— А красиво оно улыбается, — сладко вздохнул Рослов.

Шпагин, хотя и занимающийся проблемами биологической радиосвязи, лично не обладал необходимыми для нее качествами: он не понял своего собеседника.

— Кто? — спросил он.

Рослов не ответил. Шпагин недоуменно оглядел пустоватый зал бара и снова спросил:

— Ты думаешь, она нам улыбается?

Теперь не понял Рослов:

— Кто?

— Девушка в красной кофточке.

В дверях между побуревшими от времени и пыли портьерами действительно стояла девушка — красный мак на песчаных дюнах; светло-соломенные волосы и такого же цвета юбка закрепляли впечатление. Зрительная ассоциация тотчас же подсказала Рослову, что оно верно: он вспомнил шепот на скамьях симпозиума, когда эта же девушка подымалась на кафедру.

— Она нам улыбается, — сказал Рослов.

Шпагин опять не понял:

— А почему?

— Ты не можешь водить машину и изучать мышление. У тебя слишком медленные реакции. Попробуй ассоциативные связи. Кто делал сообщение о поисках мышления на основе виртуальных и реальных мезонов?

— Янина Желенска. — Шпагин хлопнул себя по лбу. — Я только сейчас ее разглядел. А докладик так себе: шаг вперед — два назад.

— По-моему, она идет к нам, — сказал Рослов.

— Зачем?

— Есть два объяснения — математическое и логическое. Первое — это естественное стремление для кибернетика к кодированию десятизначных чисел. Двоичная форма тройки — одиннадцать. А сегодня одиннадцатый день нашего пребывания в Нью-Йорке.

— Это уже мистика, а не математика.

— Предпочитаешь логику? Пожалуйста. Тогда не менее естественно стремление к общению с коллегами по ремеслу.

А девушка не спеша приближалась к их дальнему столику, необычная и чужая в здешнем дыму и сумеречности. У Шпагина перехватило дыхание.

— А как ты будешь с ней разговаривать? — совсем уже испуганно прошептал он.

— По-польски, человек, по-польски. Проще пана. Вшистко едно. Дзенькую. Еще не вем. В общем, не пепши, Петше, вепша пепшем...

Возражать Рослову было поздно: девушка уже подошла к ним.

— Если я присяду к вашему столику, панове не будут сердиться? — спросила она на чисто московском диалекте с еле заметным польским акцентом.

Рослов мгновенно нашелся:

— Будем счастливы, пани Желенска. Янина, если не ошибаюсь? А может, просто Яна?

— Давайте просто.

Девушка присела к столу непринужденно и уверенно. Тут уж любопытство двух докторов наук приняло, как говорят математики, экстремальный характер. На красный цветок налетел ураган.

Откуда она знает русский язык? Да еще так хорошо. Специально училась? Что делает в Варшаве? Почему оказалась в этой гостинице? Когда собирается уезжать?

— Вероятно, завтра. Русский язык знаю потому, что училась в Москве. Сперва на мехмате, потом в НИИ. Немножко работала у Каммингса в Рокленде — уже варшавяне командировали. Интересовалась теорией регулирования в применении к патологическим отклонениям человеческой психики. Видите, куда уже забираются кибернетики. А в гостинице живу все время, только в бар не заглядывала — потому и не встретились. Ну, что еще спросите?

Она смеялась, а Рослов пристально-пристально всматривался, прищурясь, в стрелки смешинок-морщинок у глаз, потом громко и обрадованно вздохнул:

— Вспомнил.

— Давно пора. Кажется, я вас называла Анджей, да?

— Да-да. На курсовой вечеринке после КВН.

— У маленькой Ляльки с хохолком. Тогда еще только входил в моду твист.

— А смеялись вы точно так же.

— Боже мой, десять лет назад! Я уже стала старухой.

— Чаще смотрите в зеркало. Вот я, например, даже не помню, была ли у меня тогда борода.

— Была! Такая же черная и колючая. Помните, как я отклонялась, когда вы читали стихи у моего уха. Ужасно щекотно.

— А стихов не помните?

— Забыла, пан Анджей.

— Бросьте пана. На просто Анджея согласен — даже приятно. А читал я вам Тихонова. «Как пленительные полячки посылали письма ему, как вагоны и водокачки умирали в красном дыму». Вагоны и водокачки уже и тогда умирали только в военных фильмах, а вот пленительная полячка не послала мне ни одного письма.

— А почему ваш друг молчит? — мгновенно переменяла тему пленительная полячка.

— Потому что он не с мехмата. А биологи молчат, потому что боятся разучиться думать. Знаете сказку о сороконожке?

— Я тоже почти биолог.

— Вроде меня. Я математик, пришедший к биологии, а Семен биолог, потянувшийся к математике. Братья ученые, в нашей судьбе лежит что-то роковое.

Наконец-то Шпагин получил возможность протиснуться в наступившую паузу. До сих пор он молчал не из-за застенчивости и не из присущей ему диковатости, просто замкнутый круг разговора оставлял его за пределами недоступной ему интимности. А сейчас реплика Рослова открывала дверь в мир близких ему интересов.

— Я не совсем согласен с вашим предположением о роли виртуальных мезонов, — робко начал он, смотря в глаза с лучиками-смешинками.

— Все несогласны, — вздохнула девушка. — Я же сама его и опровергла. Но поиски мышления должны продолжаться только на ядерном уровне.

Шпагин почувствовал твердую почву под ногами. Круг милой интимности был прорван.

— Вот так и до нейтрино докатимся, — сказал он. — Недавно кто-то предположил, уж не знаю, в шутку или не в шутку, что нейтрино может быть единственным материалом, из которого построена человеческая душа. Остроумно, конечно, но...

Рослов постучал стаканом по пластмассовой доске столика.

— Симпозиум окончен, друзья-математики. Спорщиков на мыло. — Он обернулся к бармену: — Еще три соды-виски.

— Без меня, — сказала Янина.

— И вы не выпьете за нашу удачу? Мы с Семеном едем в Лондон к старику Сайрусу.

— Подумаешь, удивили. Я тоже еду.

— К Мак-Кэрри?

— Конечно. Я третья. Потому и зашла сюда, чтобы договориться с попутчиками.

Друзья переглянулись, тайно обрадовавшись. Шпагин залпом выпил свой хайболл и подумал о том, что сейчас впервые понял, почему ему так нравились польские фильмы. Из-за их героинь. «Вы похожи на Беату Тышкевич, — хотелось сказать ему этой девушке, неприлично красивой для математика, — наша поездка именно с вами — это праздник». Но вместо этого, откашлявшись, произнес тоном экзаменатора, принимающего зачет:

— Тогда у вас есть за что выпить. Общение с таким ученым, как Сайрус Мак-Кэрри, — это праздник для нас, неофитов.

Рослов хотел сострить, но не успел. От стойки бара к ним шел немолодой, лет пятидесяти, мужчина с проседью, почти незаметной на запыленных или выгоревших волосах, и с медно-красным загаром.

Он был в потертой кожаной куртке на «молниях» и походил не то на летчика в отставке, не то на гонщика, вышедшего в тираж. «Пьян, — подумал Рослов, — но держится. Опыт». Он шел твердо, не шатаясь, даже слишком твердо, как человек, научившийся преодолевать опьянение, а подойдя, спросил:

— А по-английски вы говорите?

— Допустим, — сказал Рослов. — А что вас интересует? Наша национальность?

— То, что вы русские, я догадался сразу. По знакомым словам: «выпьем», «братья», «праздник». — Он повторил их по-русски. — Я слышал их еще в дни встречи на Эльбе. Не пугайтесь, я не намерен отвлекать вас воспоминаниями о столь древних для вас временах. Вы люди ученые, бармен сказал мне об этом, да я и сам читаю газеты. Может быть, поэтому вы сумеете ответить

мне на один мучительный для меня вопрос. — Он пошатнулся и оперся на спинку стоявшего рядом стула.

Янина заметила:

— Может быть, мы отложим вопрос и ответ на завтра?

— Я не настолько пьян, мисс, — усмехнулся незнакомец, — да и напоить меня трудно. Вы разрешите, я все-таки сяду — это будет удобнее и для меня и для вас. Мне надо знать: может ли мощное магнитное поле как-то воздействовать на психику человека?

Наступила пауза — настолько странным и неожиданным показался нашим друзьям этот вопрос. Элементарный по сути, он был задан в явно неподходящей обстановке и явно неподходящим для этого человеком.

— А почему вас это интересует? — любопытствовала Янина.

— Охотно расскажу. Но сперва мне бы хотелось услышать ответ.

— Вопрос о воздействии магнитного поля на все живое уже давно не вызывает сомнений, — сказал Шпагин. — Есть даже специальная область науки, разрабатывающая эти проблемы, — магнитобиология.

— На все живое? — задумчиво повторил незнакомец. — Значит, и на психику человека?

— Все зависит от природы магнитного поля, от его мощности и напряженности, от магнитной индукции, наконец, — ну как бы вам сказать популярнее? — от силы, с которой магнитное поле действует на движущийся в нем электрический заряд.

— Я когда-то учился в колледже, — откликнулся незнакомец, — кое-что помню. К сожалению, природа поля мне самому не ясна. Но мощность колоссальна. При всем том это не электромагнит и не какая-нибудь машина. Тут что-то другое в самом воздухе. Большие стальные или железные массы оно отшвыривает, как теннисный мячик, а то, что попадает в его пределы в багаже или в карманах людей, мгновенно намагничивается и притягивается друг к другу. Консервные банки, например, выскакивают из ящиков, как живые, и слипаются в нечто огромное и бесформенное.

— Любопытно, — сказал равнодушно Рослов, — для физиков.

Незнакомец предупредительно поднял руку: не торопись, погоди.

— Меня не то занимает, — продолжал он. — Это удивительное магнитное поле преобразует людей. Они или видят сны наяву — странные, тревожные и очень реальные сны, — или сходят с ума, переживая припадки подавляющей сознание ярости или страха, или теряют ощущение личности, представляют себя кем-то другим, говорят на языках, им не знакомых и даже не слышанных ранее. Выйдя из пределов поля, люди становятся самими собой, припадки проходят, сознание и память проясняются, даже голова не болит.

Рослов заинтересованно подмигнул Янине.

— Занятно, правда? Как раз для старого Сайруса. По его департаменту, — сказал он по-русски.

— В чем-то перекликается и с опытами Каммингса в Роклендской больнице, когда мы изучали степень психической восприимчивости на расстоянии. Только здесь все непонятно. Где индуктор? Почему различны реакции? Диамагнитность ферромагнитных металлов может найти свое объяснение хотя бы в характере магнитного поля. Но оно не является источником гипнопередачи? А если эта связь не биологическая? Вы нас простите, — обратилась она к равнодушно прислушивавшемуся незнакомцу, — нас крайне заинтересовал ваш рассказ, и мы по привычке заговорили на своем языке. Без магнитного поля, — засмеялась она, — или в данном случае магнитное поле — вы. Нам нужны подробности, детали, все, что вы о нем знаете, иначе трудно все это себе представить и научно обосновать. Где это магнитное поле, как вы с ним столкнулись, какие наблюдения сделали, над кем, какие результаты получили, если пробовали экспериментировать, в какой стране, в каких климатических и природных условиях?

— У вас есть время? — спросил незнакомец. — Тогда слушайте.

Глава 2

ПРИВИДЕНИЯ «БЕЛОГО ОСТРОВА»

— Я — Роберт Смайли, короче — Боб Смайли, еще короче — просто Боб, коренной янки из Бруклина. Миллионеры там не рождаются, в колледжах недоучиваются, а когда война на носу, идут и не вздыхают. Так и я

пошел и до Эльбы дошел, а вернулся в Штаты, сразу понял, что технику-недоучке в американский рай дорога заказана. Занялся мелким сервисом, стоял у прилавка, суетился в рекламных агентствах, а в суете и жениться не успел, благо Золушек у нас много, а принцев нет. За последние годы осел в Гамильтоне на Бермудах курортным агентом и преуспел. Не в курортных делах, конечно: туристов там и без рекламы до черта. Правда, только на больших островах, где отели и пляжи, как в Лонг-Бич или в Майами. Но ведь Бермуды — это и сотни крохотных островков, в большинстве необитаемых, а Робинзоны там не селятся: почва — белый коралл, который не возьмешь ни лопатой, ни плугом, а потребуются бур или отбойный молоток. Только птиц тьма, а помёта еще больше. Вот я и пристроил в аренду один такой островок португальским торговцам удобрениями, потом — другой, а потом открыл бюро и стал бизнесменом... Вы уже скучаете, леди и джентльмены? Погодите, скуку сразу смоет, как штормом.

Одно из моих предприятий — это поиски кладов. Собственно, я искал не клады, а дураков, которые их ищут. Один остроумный потомок Эразма Роттердамского даже карту выпустил: Карибский бассейн плюс Багамы с Бермудами, с точным указанием, на каком острове где и что зарыто. Из школьной истории даже вы знаете, что весь шестнадцатый век морские пираты очищали здесь испанские галеоны с перуанским золотом и закапывали его где-нибудь поблизости в тайных бухточках и робинзоновских уголках. Лично я в эти клады не верю — их давно выкопали и растратили, но дух Стивенса, должно быть, все еще витает в колледжах Старого и Нового Света, и каждый сезон в гостиницах Гамильтона появляются кладоискатели. Я уже приобрел к этому времени репутацию старожилы и знатока, и в моем деловом списке было до двух десятков таких «островов сокровищ», куда можно было добраться на катере или яхте, каботажным пароходиком или вертолетом, в зависимости от средств кладоискательской экспедиции. Там можно было хорошо закусить в тени тамаринда, вскопать лопатой десятидюймовый слой почвы где-нибудь в бамбуковых зарослях, пошарить во мху меж корнями капустной пальмы или позондировать ломом заросли ризофор и, добравшись до белого, как сахар,

коралла, мужественно вздохнуть, как Скотт, узревший над полюсом флаг Амундсена. Иногда мы долбили коралл буром, рвали взрывчаткой, но железные ящики с испанским золотом так и оставались мечтой одержимых и дураков.

Но был один остров, который в моем списке не значился, — «белый остров», как он именовался на картах английской колониальной администрации, и «чертов остров», как его называли туземцы. Доплыть до него можно было за несколько часов при попутном ветре на парусной лодке, и все же я не прельстился им. Во-первых, это даже не остров, а риф, кусок мертвого отшлифованного океаном коралла без клочка земли и единой травинки, плоский утес, еле подымавшийся над водой, захлестывающей его даже во время не очень высокой волны. Спрятать там что-либо или зарыть было бы неосторожно и трудно, если только флибустьеры шестнадцатого века не знали кумулятивных взрывов и бетонных шахт. Но я избегал его и по другой причине. Каюсь, я суеверен с детства. Не люблю трех свечей на столе, нечаянно разбитого зеркала и цифры «тринадцать», не начинаю дел в пятницу и не открываю окон в грозу. А об этом острове ходили, можно сказать, самые зловещие слухи. Прежде всего то, что уже достоверно установлено и научно объяснено. Ни один самолет не мог пройти непосредственно над островом на небольшой высоте — его отводили в сторону или сильное воздушное течение, или грозовой фронт, или непреодолимое магнитное поле. Ни один вертолет не мог опуститься на этом природном аэродроме, ни один катер или какое-нибудь другое судно с мотором или металлическим покрытием даже на несколько ярдов не могли приблизиться к этому белому рифу — их отбрасывало, как футбольный мяч от пушечного удара форварда, бьющего по воротам. Приезжавшие в Гамильтон ученые объясняли это сильными магнитными бурями, мощностью возникающего над островом магнитного поля, но почему оно возникало и почему именно в этом районе, никто так и не понял. Да и научные наблюдения проводить было трудно: ни один металлический прибор вблизи острова не работал, даже часы останавливались, а на самом острове все металлическое, от консервной банки до микроскопа, сбивалось в комок, как склеенное. Я сам это видел: зажигалку из

рук вырвало, а жестянки с пивом вылетали из ящиков, как птицы, слипаясь в один массивный ком.

Меня не это отпугивало, сами понимаете, — наука наукой, а колдовство колдовством. Я много рассказней слышал, прежде чем рискнул повезти на остров одну компанию кладоискателей. Чаще всего — легенду, превратившую ангельски белый риф в черное царство Аида. Легенда утверждала, что клад все-таки там есть, что зарыли его чуть ли не люди самого Флинта, а зарыв, подрались и перебили друг друга, пока последнего не смыла разгулявшаяся по острову морская волна. Рассердился Бог и не пустил души погибших ни в рай, ни в ад. С той поры они и торчат на острове, охраняя свой бесполезный клад, и никому не позволено встретиться с ними: ни человеку, ни зверю, ни птице — даже рыба не заплывает в бухту и не ловится в ближайших водах. А если все же попадет сюда человек — скажем, буря приземлит, в лодке течь или парус сорван, — были такие случаи, только плохо они кончались. Сходили люди с ума от ярости, глотки друг другу резали или в океан ныряли, чтобы не вынырнуть, а если и доживали до спасательной шлюпки, то попадали прямиком в психиатрическую лечебницу, благо их в Гамильтоне несколько — я городскую знаю и две частных. До сих пор у доктора Керна стрижет газон в саду псих не псих, а вроде чокнутый. В разговор не вступает до выпивки, а угостишь — расскажет такое, что уши завянут: белые сны наяву, пьянка с покойниками, разговор с богом в духе Эдгара По — а дальше уже сам запьешь. Есть еще полицейский в отставке — не то Смитс, не то Смэтс, — двое суток на острове прожил, но молчит как рыба, хоть золотые дублоны ему выкладывай из вырытых сундуков, если б только их вырыли.

В конце концов и я рискнул — соблазнило предложение четырех гарвардских студентов-выпускников. Все люди со средствами, сынки богатых папенок, денег на приключения не жалели. Ну, взяли рыбачью лодку, лопаты и кирки из меди, а из опасных металлов только ножи да жестянки с колбасой и пивом; а что с ними стало, я уже рассказывал. Даже палатку на медных колышках ставили. Золотых дублонов, конечно, не нашли, а острову подивились. Представьте себе ровный срез, белый как сахар, но не зернистый, а гляцевитый, как гла-

зурь на торте, — ни трещинки, ни щелочки. Пробьешь ломом — коралл, а сверху мрамор не мрамор, а словно расплавленное стекло с мелом. Торчит из воды такой белый пенъ, и гуляют по нему волны; только над бухточкой сухо: срез косой и волна не доходит до подветренного края, обращенного к далекому американскому берегу. Там, должно **быть**, и рыбаки в бурю отсиживались, и полицейский ночевал, там и мы палатку поставили. Только день и выдержали, да и то потому, что я сообразил кое-что, пока они с ума посходили, все четверо. Но расскажу по порядку, а то вижу: хочется вам спросить, а что спросить, я и без вас знаю, сам триста раз себя спрашивал.

Пришвартовались мы в бухточке неглубокой и крохотной — не то лужица, не то заливчик в белой скале, словно она рот для рыбы разинула. Но рыба не заплывает и волны гаснут у входа — ставь лодку куда хочешь, так и будет стоять. Меня об этом чуде тоже предупреждали; командуют, говорили, мертвецы и в бухточке — там, мол, и клад зарыт: ни волну, ни ветер не подпускают. Ну, мертвецов мы, понятно, не испугались, а клада не нашли. Ребята с аквалангами все стенки и дно бухты обшарили — ничего! Только белый мертвый коралл — и ни раковины, ни водоросли. И вода, чистая, как слеза, или аптечная, дистиллированная; быть может, и не вода вовсе. А когда позавтракали и прилегли в палатке, тут-то все и началось. Я даже глаз не закрывал — так что присниться мне все это явно не могло. Просто и палатка, и четверо парней из Гарварда, и наше имущество, свезенное на остров, — все это исчезло, как унесенное ветром. Остров остался, тот же белый налив глазури на торчащем из моря пне. И я не лежал, а сидел на корточках в рыжей широкополой шляпе и длинных красных чулках, заправленных под рваные коричневые штаны. Рубахи на мне не было, а волосатую, не мою грудь пересекал свежий, недавно зарубцевавшийся шрам. Я скосил глаза и увидел кусок наполовину черной, наполовину седой бороды, провел рукой по лицу: волосы курчавились по щекам до краев надвинутой на лоб шляпы с нелепой оборкой из ветхих, выцветших кружев. Вместо добротных бруклинских штиблет на дюймовом каучуке на ногах болтались стоптанные шлепанцы с пряжками, но без каблучков. Передо мной на белой эмали рифа сто-

ял темный, окованный медью сундук с огромным висячим замком, каких уже не делают лет сто или двести. Я, Боб Смайли, был уже кем-то другим, завладевшим чужим телом, чужим шрамом и чужим лицом, на котором к тому же не было одного глаза. Вместо него пальцы нащупали повязку, сползавшую из-под шляпы и завязанную под волосатым подбородком. Я растерянно посмотрел по сторонам и услышал позади хохот, похожий на ржание.

Пять или шесть бородачей в живописном рванье, пропеченные солнцем, в пестрых повязках на головах, а двое в таких же, как у меня, шляпах, похожие на ряженых пьяниц с деревенского маскарада, подымались на берег по скользкому обрыву из бухточки, отряхивая с бород белую, как пудра, пыль.

— Билли Кривые Ноги опять забыл, что у него остался всего один глаз, — прошамкал ближайший ко мне бородач — у него были выбиты зубы. — Смотри, одноглазый, а то и второй потеряешь!

Я взвизгнул — не взвизгнул, прохрипел — не прохрипел, только голос мой не был голосом Боба Смайли, и швырнул нож в говорившего. Но попал почему-то в сундучный замок. Нож звякнул и прилип к нему, как приклеенный.

— То же, что и с лопатами, — вздохнул не принимавший участия в ссоре детина с медно-красной голландской бородачкой. — Мы не вскопаем здесь и двух футов. Остров проклят, пора уходить.

Я повернулся к нему и на что-то наткнулся. На что именно, я не увидел, только нога нащупала нечто невидимое. Я молча нагнулся и тронул это нечто рукой. Пальцы обнаружили лопату, широкую медную лопату, которую мы, а не эти опереточные бородачи, привезли сюда для противодействия магнитным бурям. Я не удивился чуду невидимости — просто Боб Смайли во мне вспомнил о диамагнитных свойствах лопаты и, не видя, на ощупь, поднял ее, а потом, не задумываясь и не анализируя своих действий, взял да и приложил ее к голове, даже забыв при этом снять шляпу. Но медная плоскость лопаты прошла сквозь нее, как ложка в желе, и прохладно коснулась лба. В ту же секунду я увидел и лопату и рукав своей белой рубашки — рубашки Боба Смайли, а бородачи и сундук исчезли.

Я снова сидел в палатке возле прибывших со мной парней и не узнавал их. Никто не видел меня, да и друг друга, пожалуй, — их мутные, словно стеклянные глаза настораживали и даже пугали. Один раскачивался и подпрыгивал, что-то бормоча и вскрикивая. «Держи... Лови! Наперехват! Под ноги... Справа...» — различил я. Казалось, что кричали в толпе, а это выкрикивал он один и почему-то разными голосами. Другой считал, не двигаясь, едва шевеля губами, выплевывал цифры, знаки, буквы, символы — словом, все, из чего составляются формулы. Последние двое валялись на спине и сучили голыми ногами, как шестимесячные младенцы, мурлыкали и повизгивали, пуская слюни. Я приложил свою лопату к голове первого и тут же закрыл глаза. «Это ты, Боб? — услышал я. — А я, должно быть, сон видел. Будто я мяч, и меня хватают, швыряют, рвут, и чьи-то ноги меня бьют, и чьи-то руки подбрасывают, а кругом — схватка, обычная, как всегда на поле». Я все еще не открывал глаз, уже чувствуя, как во мне умирает Боб Смайли и снова ворочается кривой черт. Я уже опять слышал крики: «Оставь его, Луис! Под ложечку. Кривые Ноги, под ложечку!.. Выбей нож, вот так — под дых, чтобы сдох!» И стоны, ор, хохот, свист... Потом чей-то удар сбил меня с ног, уже не меня, а кого-то другого, потому что я опять прикрыл невидимой лопатой лицо, и вновь ожили и палатка, и спятившие мои юнцы.

«Снеси их в лодку, — снова услышал я. — Разные люди реагируют по-разному в одинаковых обстоятельствах. Лопата оказалась забавным испытанием на сообразительность, как палка в обезьяньей клетке, без которой не дотянешься до бананов. Брось лопату — она уже не нужна». Кто это сказал, я так и не понял, словно кто-то во мне, потому что, кроме ребят, никого кругом не было. Ряженые бородачи вместе со своим сундуком бесследно растаяли на солнце как мираж. «Наведенный», — добавил кто-то во мне. «Кем?» — спросил я мысленно. «Не поймешь». — «А они кто?» — «Привидения, которых вы так боитесь». — «А сундук?» — «Клад, который вы ищите». — «Значит, он все-таки зарыт?» — «Нет, его смыла волна вместе с твоим скелетом». — «Когда, где?» — безмолвно вскрикивал я, и кто-то в моем мозгу хладнокровно, равнодушно парировал: «Должно быть, алчность всеобща. Горсть золотых монет — и человек зве-

реет. Я ощущаю это опять. Успокойся, сундук разбило, а монеты на дне занесло песком. Слишком давно и слишком глубоко для ваших водолазов».

Весь этот разговор промелькнул в моем сознании, как диалог из прочитанной книги. Может быть, я тоже сошел с ума? Но мысленную подсказку вспомнил: «Снеси их в лодку». Лодка все еще стояла в центре прозрачной бухточки, а стащить в нее несопротивлявшихся юношей было не столь уж трудно, тем более что они сразу пришли в себя, как только погрузились в лодку. Внезапное сумасшествие, если только это было сумасшествием, прошло, как летучая головная боль. Ребята рассказали о своих снах наяву: один был футбольным мячом в матче двух американских колледжей, другой — счетной машиной, вслух решавшей, как он выразился, оптимальный вариант перцептрона на языке математических формул. Парень был филологом, о том, что такое перцептрон, и понятия не имел, да и с математическими формулами еще в школе не ладил. Тем не менее он точно повторил, как сомнамбула: «Оптимальный вариант перцептрона». Вы переглядываетесь, вы знаете, что это такое, а я нет, я просто запомнил пересказ парня и, уверяю вас, передаю точно. Что случилось с последними двумя, можно было только предположить: оба ничего не помнили, кроме блаженного состояния нирваны, что свойственно, как известно, младенцам и наркоманам.

Мой сон заинтересовал всех, но объяснения не нашел, как и другие. Я видел пиратов, пропавший клад, но почему так ясно и так реально все это привиделось мне, спросить было некого. Несомненной для всех была только связь физических и психических феноменов во время нашего пребывания на острове. О моем индивидуальном феномене — странной мысленной беседе кого-то с кем-то в сознании — я и не заикнулся. Честно говоря, побаивался психиатрической экспертизы. Да и вообще о происшедшем все решили молчать: не можем объяснить научно, так нечего подогревать суеверия.

Боб Смайли допил виски и замолчал. Молчали и его слушатели. Только Рослов, подумав, сказал по-русски:

— Меня, пожалуй, больше всего заинтересовал «оптимальный вариант перцептрона».

— И то, что его высчитывал филолог.

Янина посмотрела в сторону отвернувшегося Смайли.

— Любопытно, как он это запомнил?
— Подчитал, наверно. А может, придумал.
— С какой целью? Заманить? Спровоцировать?
— Зачем? Спровоцировать можно и здесь. Во всяком случае, попытаться. К тому же Бермуды не американская, а британская колония.

— Там есть и американские базы.

— Тем более неразумно с точки зрения любой разведки заманивать туда красных. К некоторым островам нас и на полмили не подпустят.

— Не похоже на провокацию, — согласился Шпагин. — Меня больше смущают сны и магнитные бури. Их взаимосвязь.

Но Рослов не подхватил подсказки.

— А зачем их связывать? Даже один источник, если это один источник, может действовать в разных сферах по-разному.

— Ты считаешь возможным такой источник?

— Есть у меня одна безумная идеяка... — задумался Рослов. — Но достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной? Как бы Нильс Бор не пожалел в гробу о сказанном.

— Не пожалеет, — усмехнулась Янина. — У меня есть тоже такая идеяка. Но она требует проверки на месте.

— Чепуха, — отрезал Шпагин. — Я биолог, и магнитные бури меня не касаются. Пусть ими занимаются физики. Но психические явления, если только это не плод фантазии нашего собеседника, предполагают наличие мощной индукции. Что это за супериндуктор, какова его природа, организация, сфера действия? Где он находится? В атмосфере? В воде? В коралловой толще острова? Биологический или механический?

— А если внеземной?

Смайли надоело ждать.

— Заинтересовались, — сказал он утвердительно, словно и не предполагал иной реакции. — Вы именно те, кто мне нужен: я уже давно навел справки. Сайрус Мак-Кэрри не будет приглашать невежд и авантюристов. У вас есть время, средства и английские визы. Почему бы вам по дороге в Лондон не заглянуть в Гамильтон? Несколько часов на самолете — есть специальные рейсы. Я обещаю вам интересный вояж, всяческое содей-

вие местных властей и встречу с привидениями «белого острова».

— А почему вы на этом настаиваете, именно вы? — спросил Рослов. — Вы же не владелец острова, не психиатр и не физик.

— Добавьте еще: не лгун и не сумасшедший, — сказал Смайли. — У меня есть предчувствие большого открытия, господи.

Глава 3

ОБЕД У ГУБЕРНАТОРА

В шестиместном седане, как называют американцы этот тип закрытого кузова, Рослов сел рядом с водителем — он любил встречную скорость пейзажа в ветровом стекле автомобиля. Город как бы трансформировался в движении геометрически и архитектурно: вертикальные плоскости срезали горизонтальные, параллельные где-то пересекались вдали, летящие к небу параллелепипеды из стекла и бетона вдруг расплющивались одноэтажностью вилл и особняков, и причудливо закрученные цилиндры колонн открывались или затягивались узорчатой чугунной сеткой ограды. К тому же город был незнакомым и экзотическим — лоскуток полуевропейской, полуамериканской цивилизации на белом коралловом острове в субтропической зоне Атлантики. Даже с самолета Гамильтон привлекал своей подсиненной белизной, прихотливо расшитой вечной зеленью тропиков, а сейчас, когда машина рассекала его поперек от старинной французской гостиницы близ порта к загородному бунгалу губернатора, он показался Рослову еще более белым, словно присыпанным блестящей сахарной пудрой.

Еще Марк Твен, как-то захвативший на Бермуды, восхищался этой белой коралловой сущностью острова и города. Шестидюймовая корочка почвы позволила им украсить зеленью кедров и тамариндов, неистощимым буйством цветов и трав, ухоженностью банановых и пальмовых насаждений. Но зелень только расцветивала белую канву коралла. Дома из коралла, белые коралловые дороги в белом коралловом грунте, крыши и дворики из белых коралловых плит — все это сохранилось

и поныне, лишь кое-где уступив назойливому соседству геометрических гигантов из стекла и бетона. К старомодным коралловым виллам присоединились модернизированные отели и рестораны, универмаги и казино, какие Рослов видел и в Довилле, и в Ницце, но здесь они не подавляли провинциального и все же ослепительного белого великолепия города.

— Что, нравится? — спросил заметивший настроение своих спутников Смайли и тут же прибавил: — Мне лично эта белая шелуха осточертела. Мечтаю о доброй гранитной брусчатке.

Рослов промолчал. Он не любил шумно выражать свое восхищение да и к Смайли все еще только присматривался. Не то чтобы он не понимал американца — никакой загадочности ни в облике, ни в поступках Роберта Смайли и в помине, как говорится, не было, но Рослов не забывал замечания Смайли о «великом открытии», вскользь брошенного им при первом знакомстве, и упорного нежелания его расшифровать эти слова. «Приедем — увидите», — отвечал он на все наводящие и прямые вопросы.

Пока они видели только город, да и то из окна автомашины, которую им подали тотчас же по прибытии в отель. Даже выкупаться в океане не удалось: поговорив с кем-то по телефону, Смайли объявил им о приглашении на обед к губернатору. Сэр Грегори Келленхем ожидал их всех у себя в загородной резиденции. Он не баловал своим вниманием даже очень богатых европейских и американских туристов, но советских ученых, да еще с такой высокой международной репутацией, собирался принять с викторианским гостеприимством. Этого требовала не только дипломатия, в которой сэр Грегори был искушен еще со времени своей службы в министерстве иностранных дел, но и простой человеческий интерес к новому для него типу людей. Поэтому, кроме двух русских и одной польки, к обеду ожидалось близкие друзья губернатора: директор местного географического музея, настоятель собора английской епископальной церкви и начальник полиции острова, не менее лорда Келленхема заинтересованные в знакомстве с гостями из Москвы и Варшавы. Что успел рассказать о них Смайли губернатору, Рослов не знал, но прием, по-видимому, ожидался не официальный, а част-

ный, то есть наиболее для них желательный. «Сразу возьмем быка за рога», — пообещал Смайли.

Он имел в виду поездку на «чертов остров», но ошибся в расчетах: разговор за столом долго не позволял перейти к заветной теме. С легкой руки гостеприимного хозяина, немолодого, но молодежавшего англичанина с заметной военной выправкой и чем-то напомнившего Рослову доктора Ватсона с иллюстраций к рассказам о Шерлоке Холмсе, даже тень чопорности и присущей британцам сдержанности не омрачила застольной беседы. Кроме Янины за столом присутствовала только одна женщина — леди Келленхем, жена сэра Грегори, не выпадавшая или старавшаяся не выпадать из «костра радушия», общими усилиями зажженного за обедом. Ни епископ, подчеркнуто представившийся как «мистер Джонсон», чтобы избавить советских гостей от непривычного им титулования, ни директор музея профессор Барнс, ни начальник полиции Корнхилл не сделали даже малейшего «фо па», как говорят французы, подразумевая неумышленную неловкость. Угощались обильными и приготовленными по-европейски кушаньями, пили превосходные испанские и французские вина и говорили обо всем, о чем обычно говорится в таких случаях и на таких встречах. Перед обедом заранее условились не упоминать о политике, и даже когда Рослов заметил, что Гамильтон с птичьего полета чем-то похож на Ялту и сэр Грегори тотчас же вспомнил о Ялтинской конференции, леди Келленхем вежливо вернула его к предварительному условию. Все засмеялись, и разговор снова весело и уже привычно зажурчал по удобному светскому руслу.

Смайли, который терпеть не мог званых обедов, все время, как он сам признался потом, «держал палец на курке «чертова острова» и только ждал случая выстрелить вовремя. Случай представился, когда заговорили вдруг о контрабандной торговле наркотиками, доставлявшей столько хлопот начальнику островной полиции.

— Скажите лучше — тревог и огорчений, — вздохнул тот. — Приходится иметь дело не только с профессионалами, но и с богатыми туристами, не брезгующими выгодной контрабандой. И где только не прячут эту пакость! В пустых часах и электробритвах, сигаретных пачках и сигарных коробках, в специально обработанных

пустотах внутри шоколадных плиток и в замаскированной парфюмерии. Не перечтешь.

— Вы пробовали наркотики?

«Фо па» Янины, принимая во внимание профессию и служебное положение Корнхилла, было неуместной наивностью. Но Корнхилл не обиделся, он ответил вполне серьезно:

— Мне уже сорок девять, мисс, и у меня трое детей. А как они действуют, сейчас скажу. — Он вынул из бумажника газетную вырезку. — Это признание жертвы, пойманной с поличным в отеле «Хилтон». Репортер воспроизвел его по нашему протоколу. В общем, не наврал и не приукрасил. «Это не сон и не галлюцинация, — прочел Корнхилл. — Это распад психики. Я растворяюсь в черной жижице. Сердца нет. Кости остались где-то в отеле. Черный страх поглотил все: мысли, чувства, личность. Один страх. Это хуже, чем смерть».

— И это пьют? Зачем?

Корнхилл, не ответив, молча положил вырезку в бумажник. А Смайли воспользовался паузой. Тигр прыгнул.

— И где сейчас эта жертва?

— В клинике у доктора Керна.

— У того, где стрижет газон человек, говоривший с Богом? — лукаво спросил Смайли и толкнул под столом Шпагина.

— Кто это здесь говорил с Богом? — тотчас же вмешался тот.

Епископ поморщился:

— Сумасшедшие есть везде. Бермуды не исключение.

В ответ последовала неожиданная и не без ехидства реплика директора географического музея:

— Я не перестаю удивляться, почему его преосвященство не использует этот случай во славу христианской религии. Чудеса на Бермудах! Даже в Риме позеленеют от зависти. Ведь Корнхилл может предьявить миру и второе чудо. Живой полицейский инспектор, присутствовавший при казни Христа.

Епископ, кашлянув, возвратил удар: он был опытным полемистом.

— Наши русские гости и леди из Варшавы, вероятно, недоумевают, — сказал он. — Предмет спора, не совсем вовремя затеянного профессором Барнсом, им непоня-

тен. Речь идет о случаях психического расстройства у людей, побывавших на так называемом «белом острове», точнее, о галлюцинациях, вызванных у них какой-то магнитной аномалией в этом районе. Я не психиатр и не физик — причины явления мне не ясны. Но упомянутые случаи не настолько значительны, чтобы создавать вокруг них дурно пахнущую шумиху.

— Почему? — не унимался Барнс. — Чудо есть чудо. По-моему, его преосвященство явно недооценивает значения чуда для возвеличивания церкви Христовой. Тем более что отставной полицейский инспектор Смэтс, побывавший, по его словам, на Голгофе, — человек явно не сумасшедший. Не так ли, Корнхилл?

Начальник полиции не совсем, впрочем, уверенно, но все же подтвердил нормальность своего отставного инспектора, совершившего столь редкостную прогулку во времени.

— Я должен, однако, заметить, — добавил Барнс все с тем же шутливым полемическим вызовом, — что это чудо льет воду совсем не на мельницу нашего почитаемого епископа. Смэтс утверждает, что казнили не Христа, а Варавву.

Епископ, по-прежнему невозмутимый, небрежно вернул брошенный ему мяч.

— Во-первых, Смэтс — богохульник и еретик, и я не очень-то верю в его галлюцинацию о Голгофе. Во-вторых, пытаюсь острить, надо обладать чувством юмора. У нас с профессором Барнсом, — пояснил он, — старый спор о существовании Христа. Барнс считает Христа мифом, сочинения евангелистов — апокрифами, а донесение Пилата о казни Христа императору Тиберию — легендой, сочиненной столетие спустя. Он даже не верит свидетельству таких историков, как Тацит и Светоний.

— Не верю! — загремел Барнс, явно не замечая неудовольствия губернатора, несколько не заинтересованного в проблеме существования Христа. — Тацит опирался на легенды, до него сочиненные, а Светоний только единожды, да и то вскользь, упомянул о каком-то Хресте, не то участнике, не то зачинщике одного из мелких мятежей в Иудее. Такие мятежи чуть не ежегодно вспыхивали по всем римским колониям, а имя Хрест — весьма распространенное в то время в Палес-

тине и Сирии. Ссылаться на подобные свидетельства по меньшей мере наивно.

— Вы любите цветы? — обратилась вдруг леди Келленхем к сидевшей рядом Янине. — Пока наши мужчины закончат религиозный диспут, я покажу вам свои ризофоры.

Смайли, которого вопрос о существовании Христа интересовал едва ли более деликатного губернатора, деликатным не был. Вторично воспользовавшись паузой, он бесцеремонно перебил спорящих:

— Кстати: не о Христовом, а о «чертовом острове». Не кажется ли вам, Корнхилл, что там могли обосноваться торговцы наркотиками? Используя рассказы о привидениях и страхи местных жителей, можно легко устроить в коралловом грунте рифа нечто вроде склада или оптовой базы. Может быть, и галлюцинации вызывали ваши наркотики, испаряясь или как-то иначе отравляя воздух.

— После вашей экскурсии мы два раза буквально облазили остров, — сказал Корнхилл. — Кроме ваших медных колышков для палатки, нигде ни одной неровности, углубления или хотя бы трещинки! Сплошное белое отполированное стекло. Даже спуски в океан и в бухточку также отшлифованы неизвестно кем, чем и зачем. Мои ребята ощупали с аквалангами дно и стенки бухты — повсюду гладкий коралл и ни единой горсточки земли или песка, ни раковины, ни водоросли. Пустой аквариум — даже лодку привязать не к чему.

— Почему вы не обращались к специалистам для выяснения всех этих странностей? — спросил у губернатора Рослов. — У вас же международный курорт. Приезжают, вероятно, ученые не только из Англии.

Сэр Грегори ответил не сразу.

— Я понимаю это ваше «не только». Британцам больше, чем кому-либо, свойственны осторожность и сдержанность. Это относится и к ученым. Мы пробовали рассказать кое-кому о некоторых странностях, обнаруженных на острове, но или выбор адресатов был неудачен, или рассказчики не сумели передать главное: достоверность рассказанного — особого интереса к нему отдыхавшая на Бермудах наука не проявила. Да мы и сами не делаем попыток искусственно возбудить такой интерес. Это уже типично английская черта — страх по-

казаться смешными, — улыбнулся он виновато. — Раздуюм кадило, соберем ученых, слетятся газетчики — и вдруг пшик! Что-нибудь вроде солнечной активности или напряжения земного магнитного поля. Надеюсь, вы простите мне мою наивную и, может быть, нелепую терминологию — я ведь не специалист. Но очень боюсь, что и специалисты отступятся: исследования на месте невозможны, аппаратура бездействует. Начнутся гадания, поползут слухи, отпугивающие туристов, создастся угроза паники среди местного населения.

— Эпидемической паники, — подчеркнул епископ. — Я бы на месте губернатора вообще запретил поездки на остров.

— Это только увеличит нездоровое любопытство. Любой запрет можно нарушить.

— Введите охрану и патрулирование. Есть же у нас полицейские катера!

— Боюсь, что в метрополии это сочтут превышением власти, — сказал лорд Келленхем. — Я не могу ограничивать свободу туризма. Остров — не военная база и не засекреченный объект. Там, где они есть, об охране заботится военная администрация, и не мое дело регулировать процедуру каботажного плавания или туристских экскурсий. Лучше всего поменьше болтать о странностях этого проклятого острова и не мешать рыбакам и лодочникам избегать его в своих профессиональных поездках.

Смайли подмигнул Рослову: пора, мол! И Рослов сделал первый дипломатический ход.

— Надеюсь, что сэр Грегори и никто из присутствующих, — сказал он, — не будут возражать против поездки нашей научной группы на этот загадочный и, может быть, совсем не проклятый остров. Вреда мы не принесем, а возможно, и объяснить кое-что сумеем, и странности перестанут быть странностями.

— К тому же мы ничего не возьмем с собой, кроме диамагнитных шлемов, заказанных мистером Смайли в Нью-Йорке, — прибавил Шпагин. — Даже фотоаппараты оставим в гостинице.

— Они бесполезны, — усмехнулся Корнхилл. — Все равно ни одного снимка не сделаете.

— Какая жалость, что воскресшего Христа не удастся заснять на пленку, — хохотнул Барнс. — Но может

быть, он превратит для вас в вино воду из бухточки. Тогда выпьете за здоровье его преосвященства. Может быть, он и поверит.

— Хватит, Барнс, — поморщился губернатор.

Директор музея мгновенно стал серьезным.

— Лично я думаю, — прибавил он, — что вы ничего не увидите. Никаких галлюцинаций и магнитных загадок.

— Вы так уверены? — спросил Смайли.

— Вполне. Я провел на острове целую ночь и не увидел ни богов, ни пиратов. Консервы превосходно открывались, и жестяные банки не сплющивались в шедевр поп-арта. Так что у меня есть все основания сомневаться в странностях «белого острова». Его привидения не доверяют скептикам.

Но трезвый голос Барнса уже не мог повлиять на предпринятую операцию. Содействие губернатора и начальника полиции открывало «зеленую улицу» кораблям аргонавтов. И когда вернулись из сада Янина и леди Келленхем, за столом шел веселый и мирный спор о преимуществах английской и русской кухни.

Глава 4

СИНАЙ И ГОЛГОФА

— Вначале бе слово и слово бе к Богу и Бог бе слово, — сказал с пафосом Пэррот.

— Ты что имеешь в виду? — спросил Смайли.

— Библию, капитан.

— Типично религиозное помешательство, — шепнул доктор Керн Рослову.

Но Пэррот даже не взглянул на них.

— Где это было, Пэррот?

— В Синайской пустыне, капитан. Был вечер и было утро: день шестый.

— Он знает наизусть все Пятикнижие, но цитирует его только тогда, когда упоминают о его приключении. В остальном он совершенно нормален, — снова шепнул Керн, и опять Пэррот не услышал или не захотел услышать.

Рослов и видел перед собой на первый взгляд совершенно нормального человека. Смотрел он ясно и вдум-

чиво, говорил буднично и разумно. Только тогда, когда он цитировал Библию, его хрипловатый, глухой голос вдруг подымался до проповеднического пафоса. На Рослова и Керна он по-прежнему не обращал никакого внимания.

Встреча эта состоялась в саду частной клиники доктора Керна, в кедровой рощице на холмистых нагорьях за городом. Рослов поехал туда вместе со Смайли, а Шпагин с Яниной отправились в сопровождении Корнхилла навестить отставного полицейского инспектора Сметса.

Керна нашли в саду отдохавшим после очередного утреннего обхода больных. Прочитав записку губернатора, суховатый пожилой англичанин с любопытством оглядел Рослова.

— В первый раз вижу человека из Москвы, — улыбнулся он. — Не из штата Айдахо, а из России. В Штатах есть две или три Москвы, а в России только одна, но какая! Впрочем, по вашей бороде вас можно принять за американца, скажем, с юго-запада, из Техаса или Калифорнии. Хотя бороды сейчас в моде не только в Америке.

— Даже в Москве, — сказал Рослов.

— Только борода у вас ухоженная, как у английских королей. Ручаюсь, что вы носите ее только из желания нравиться.

— Вы угадали — из щегольства, — засмеялся Рослов.

Керн помахал перед ним губернаторской запиской. Подчеркнуто и многозначительно.

— А знаете, о чем я подумал, прочитав это письмо? Вы хотите видеть Пэррота. А у него была точно такая же борода. Он чем-то напоминал... ну, вашего старшего брата, что ли...

— В самом деле... — вмешался Смайли, — я тоже припоминаю. Было сходство. Ей-богу, было.

— Почему вы все говорите в прошедшем времени: было, напоминал, — удивился Рослов. — А сейчас?

— Сейчас вы увидите своего дедушку, — сказал Керн. — Сколько вам? Тридцать? Он старше вас всего на пять лет, но вы дадите ему все шестьдесят... Пэррот! — позвал он склонившегося над грядкой поблизости человека в вылинявшем синем комбинезоне.

Подошел седой, лохматый старик, ничем, кроме бороды, да и то не черной, а белой, не похожий на Росло-

ва. Только загорелое лицо его без морщин и отеков свидетельствовало о том, что седина обманывает.

— Что вам угодно, док? — спросил он.

— Поговорите с моими гостями, Пэррот. Один из Европы — знаток Библии...

Реплика Керна не произвела впечатления на Пэррота. Глаза его смотрели равнодушно и холодно.

— ...другой из Штатов, — продолжал доктор. — Помоему, вы знакомы, Пэррот. Мистер Смайли когда-то навещал вас здесь. Припомните.

Пэррот взглянул на Смайли и кивнул без улыбки.

— Я помню, капитан. Вы уже раз говорили со мной, капитан.

— Почему «капитан»? — шепнул Рослов доктору.

— Для местного жителя любой искатель кладов всегда капитан.

А Смайли и не думал отрицать своего «капитанства».

— Вот и отлично, Пэррот, — сказал он. — Память у тебя золотая. Вспомни-ка еще раз свой разговор с Богом.

Тут Рослов и увидел, как седой рабочий-садовник вдруг превратился в библейского проповедника. Но Смайли решительно и настойчиво приостановил извержение цитат:

— Библию я тоже читал, Пэррот. Все ясно. Синай, пустыня, гора. Ты стоишь и внемлешь гласу Бога, как Моисей. Откуда?

— С неба.

— Громко?

— Нет. Глас Божий отзывался во мне самом. В душе.

— С чего началось?

— С приказа. Я вдруг услышал: «Стой на месте! Все вы одинаковы — ищите клада, которого нет. И какой одинаково ничтожный у каждого запас накопленной им информации».

— Стой! — закричал Рослов. — Он не может так говорить, Смайли. Это не язык садовника. Он не понимает, что говорит. Спросите его: то ли он говорит, что услышал?

Пэррот стоял строгий и каменный, не слушая Рослова.

— Ты повторяешь в точности то, что слышал? — повторил Смайли вопрос Рослова.

— От слова до слова, капитан. Мало понял, но ничего не забыл. Разбудите ночью — повторю, не сбиваясь. Как Библию.

— Откуда ты знаешь, что с тобой говорил именно Бог? Может быть, тебе это только послышалось?

— Я спросил его: «Ты ли это, Господи? Отзовись». Он ответил: «Все вы задаете один и тот же вопрос. И никто даже не поймет правды. Я был тобой и знаю твою мысль, и твой страх, и гнев, и все, что кажется тебе счастьем. Смотри». И я увидел стол, как в харчевне старика Токинса, большой стол и много еды. «Попробуй, ешь, пей, радуйся, — сказал Бог, — ведь это и есть твое счастье». И я ел, отвеживая от каждого блюда, и запивал вином, и плясал вокруг стола, хмельной и сытый, пока не отрезвел и не услышал глас Божий: «Вот так вы все. Ничего нового. Скучность интересов, животная возбудимость, шаблонность мышления, ничтожная продуктивность информации. Я просмотрел ее и ничего не выбрал. Ты из тех, о ком у вас говорят: ему не нужен головной мозг, ему достаточно спинного».

— Что! — закричал Рослов, вскакивая, но тут же сел, потому что Пэррот даже не взглянул на него.

Он продолжал говорить с Богом.

— «Я не пойму тебя, Господи», — промолвил я и услышал в ответ: «Тех, кто мог бы понять, я еще здесь не видел. Ты говоришь: Бог! В известном смысле я — тоже оптимальное координирующее устройство. Но параметры ведь не те: я не вездесущ и не всеведущ, не всеблаг и не всемогущ. Я читаю в твоём сознании: ты уже мнишь себя Моисеем, вернувшимся к людям с новым законом Божьим. А вернешься ты с необратимыми изменениями в сознании и мышлении. И в тканях организма: посмотри в зеркало бухты, только не упади». Я посмотрел и упал: на меня взглянул оттуда незнакомый седой старик. Я не захлебнулся только потому, что внизу была лодка, капитан. Вот и всё.

Пэррот умолк и замер, облокотившись на лопату, которая под его тяжестью почти наполовину ушла в жирную корочку почвы. В ясных, но странно пустых глазах безмятежно голубело небо.

— Разрешите, доктор, задать ему несколько вопросов? — Рослов буквально дрожал от нетерпения.

— Задавайте через Смайли, — сказал Керн, — он, как мы говорим, вас «не принял» и отвечать не будет.

— Смайли, спросите у него, что значит «параметр» и «оптимальный»?

Смайли повторил вопрос.

— Не знаю, — ответил Пэррот.

Рослов снова спросил через Смайли:

— Вы что-нибудь читаете, кроме Библии?

— Нет.

— А до разговора с Богом?

— Ничего не читал. Даже газет.

— Какое у вас образование?

— Никакого. Научили немножко грамоте в детстве.

— Все ли вам понятно в Библии?

— Две строки понятны, третья — нет. И наоборот. Но Библию читаю не умом, а сердцем.

— У меня нет больше вопросов, — сказал Рослов. — Пусть идет.

Молчание проводило уход Пэррота. Долгое, встревоженное молчание. Первым нарушил его Керн.

— Я впервые слышу полностью этот рассказ и понимаю цель ваших вопросов, — сказал он Рослову. — Вы обратили внимание на то, что он воспроизводил бессмысленный для него текст с механической точностью магнитофонной записи. Не сбился ни на одном слове, словно цитировал по журналу или учебнику.

— Он процитировал даже Эйнштейна, — вспомнил Рослов.

— Вы что-нибудь понимаете? Ведь он нигде не учился. И читает-то по складам.

— Нет ли среди ваших пациентов математиков или биологов? — спросил Рослов.

— Вы думаете, что он мог услышать от кого-нибудь эти «параметры»? Галлюцинация могла, конечно, обострить память, — задумчиво согласился Керн, — но от кого он мог слышать, с кем общался? Практически — ни с кем. Нелюдим и замкнут. Да и нет у нас таких, чьи разговоры могли бы породить эту биомагнитофонную запись. Несколько спившихся курортников, два студента-наркомана и бывший врач — параноик. О «параметрах» они знают не больше Пэррота. Нет, это категорически отпадает.

— Тогда это дьявольски интересно, — сказал Рослов.

— И необъяснимо.

— Почему? Никто даже и не пытался найти объяснение.

— Странная галлюцинация, — заметил Керн. — Странная и сложная. Предположить, что он придумал все это уже в период болезни, трудно — не тот интеллект. Болезнь, конечно, могла обострить фантазию, но не у него. Да и патологические нарушения психики — несомненно следствие, а не причина галлюцинации.

— А вы помните, как он процитировал Бога о необратимых изменениях в сознании и мышлении? — спросил Рослов. — Кто-то или что-то очень точно прогнозировали последствия происшедшего.

— Кто-то или что-то? У вас есть объяснение?

— Пока нет. За объяснениями мы поедем на «белый остров».

Керн улыбнулся сочувственно и не без сожаления.

— С удовольствием встречусь с вами вторично, только не в качестве лечащего врача, — заключил он. — На вашем месте я бы не рисковал.

А Шпагин с Яниной в это время выслушали почти аналогичное пожелание от вышедшего в отставку инспектора уголовной полиции города Гамильтона. Корнхилл, привезший их в белый коралловый домик с такими же плитами открытой веранды, тотчас же уехал, сославшись на неотложные дела. Смэтс, располневший и обрюзгший, больше похожий на трактирщика, чем на полицейского, понимающе усмехнулся:

— Никогда не верил мне, не верит и сейчас и только из профессиональной солидарности не хочет признаться в этом в вашем присутствии.

— Что значит «не верит»? — удивился Шпагин. — Вы же не уверяете его, что привидевшееся вам на острове происходило в действительности!

— Он не верит в то, что я был трезв.

— Почему?

— Потому что я всегда любил выпить, люблю и сейчас. — И Смэтс, не вставая, вынул из шкафчика под рукой и водрузил на стол открытую бутылку виски. — Начнем? Или вы предпочитаете модный джин с тоником?

— Слишком жарко, — сказал Шпагин.

— Тогда одной фляжки хватит на весь рассказ, — флегматично заметил Смэтс и отхлебнул из бутылки. — Только виски я не взял с собой, когда поехал на остров. Поехал трезвый с утра.

— С какой целью?

— Захотелось проверить, не используют ли остров торговцы наркотиками. Корнхилл сказал, что об этом подумал и Смайли. Что ж, голова у старого Боба варит. Только все это вздор. Остров чист и нетронут, как девушка перед первым причастием. Такой же белый и гладенький. Не совсем обычной формы коралловый риф, на девять десятых захлестываемый океанской волной. Я облезил его вдоль и поперек, куда только мог заползти человек, и ничего не нашел. Хотел уехать, но не успел.

— Что-то случилось?

— Гроза. Тривиальная забава ветра и туч. Однако на земле вы уходите в дом и закрываете ставни, а в море, если у вас нет прикрытия, вы беспризорны и беззащитны под огнем небесной артиллерии и ракет и под водой миллионов брандспойтов и водометов. Я покорился судьбе и вытянулся плашмя на белой коралловой горке. Но ни капли воды не упало на ее спинку, ни одна молния не опалила ее мраморной белизны. Остров как бы оказался в эпицентре урагана, окруженный сомкнутым кольцом грозы.

Смэтс сделал еще глоток и помолчал, наслаждаясь эффектом рассказа. Должно быть, он очень любил этот рассказ, как любит актер свой лучший концертный номер.

— Гроза вдруг отгремела, — продолжал он, — только низкая черная туча надвигалась с горизонта. Время как бы сместилось. Из бушующей грозовой бури я попал в тревожную тишь предгрозя. А кругом вместо кипящего океана расстилалась плоская глиняная пустыня, и вдали в облаке желтой пыли темнел смутно обрисованный, почти неразличимый в пыльном тумане город. А я стоял, как и здесь, близ вершины, только не белой коралловой горки, а большой отлогой горы без единой травинки, каменно-рыжей, в клубах гонимой западным ветром пыли, зловещей глыбы нелепо вспучившейся земли. У ее подножия шумели крохотные, как в телевизоре, человечки, различимые только по одежде — кто в белом, кто в черном.

— Голгофа, — догадалась Янина.

— Я понял это по возвращении, а там мы называли ее *Calvus*.

— Вы знаете латынь?

— Конечно нет. Но там мы все говорили по-латыни, как сейчас по-английски.

— Calvus — «темя», «лысый», — перевел Шпагин. — Вероятно, «лысая гора». По-арамейски — Голгофа. А кто это «мы»?

— Солдаты из преторианской когорты, — пояснил Смэтс. — Сначала я не сообразил, кто я и где, обалдело смотрел на свои почему-то голые ноги в зарубцевавшихся шрамах, жилистые ноги бегуна или велосипедного гонщика. С моими, инспекторскими, у них не было ничего общего, но, вероятно, что-то от инспектора Смэтса осталось во мне и откликнулось удивленно и встревоженно на это внезапное перемещение во времени и в пространстве. Потом это «что-то» погасло. Я уже был римским солдатом, старым поседевшим волком, отшагавшим тысячи миль по колониальным дорогам империи. Таких, как я, было много — с двадцатипятилетним армейским стажем, собранные в легионах подальше от Рима. Что я помнил тогда, сейчас забылось — должно быть, разные страны и дороги, голые трупы, содранные одежды и кровь повсюду одного цвета. Помню только, как стояли там под дьявольским солнцем в одних набедренных повязках, как дикари, с дротиками, сбросив все железное, нестерпимо раскалившееся на солнце, — панцирь, шлем, поножи, даже мечи. Рубахами, смоченными в теплой тухлой воде из поднятой на гору бочки, повязали головы и проклинали всё и всех — императора и богов, прокуратора и повешенных, которых почему-то было велено охранять от толпы внизу, чтоб не отбили. А кому нужны три полутрупа, распятые на столбах на вершине горы?

— На крестах? — полувопросительно уточнила Янина, выросшая в католической семье и с детства помнившая все евангельские подробности.

Смэтс расхохотался громко, сытно, самодовольно.

— Наша юная гостья из красной Варшавы, по-видимому, неплохой знаток христианской догматики. Но все это вранье, мисс. Накануне поездки, в гостях у Корнхилла, епископ Джонсон назвал меня богохульником потому, что я усомнился в истинности четырех евангелий. Сказал, что это комиксы первого века с героем-суперменом Христом. Так и оказалось, когда Бог сподобил меня увидеть все это воочию. Ну, Бог там или

не Бог, только я был трезв и не накурился какой-нибудь дряни, а видел все это, как вас, даже отчетливее: свету по крайней мере больше было. Но не было ни крестов, ни Христа. Стояли обыкновенные столбы с перекладинами в виде буквы «Т», врытые за ночь нашими же солдатами; никто столбов на себе не тащил — их привезли на длинных низких повозках те же солдаты из претории и за весь труд не получили ничего, кроме одежды казненных. А это тряпье не купили бы даже нищие у городских синагог: вешали ведь простолюдинов, мятежников, партизан по-нашему, убивших несколько дней назад императорского курьера из Рима. Прокуратор так разгневался, что судил их сам без синедриона, осудил и — бац! — на виселицу с перебитыми суставами. Никого не помиловал, никого не обменивал, рук не мыл. Это я все уже после скорректировал, а тогда даже не интересовался — висят трое голых с дощечками на груди и смерти не просят, потому что уже кончились на таком солнцепеке.

— Вы говорите: дощечки на груди, — заинтересовалась Янина, — а у среднего дощечка с надписью «Царь иудейский»?

— Одинаковые у всех троих. А что написано, не уразумел по неграмотности. Тем более по-гречески и по-арамейски, а по-латыни центурион прочел: *tumultuosi* — по-нашему «мятежники».

— Ну а Христос?

— Я же сказал, что Христа не было. Он на картинках тощий, с черной бородкой, а посреди висел рыжий верзила с желтым пухом на лице и заячьей губой. Голого его можно было в зоопарке показывать вместо гориллы. Звали его Вар для краткости, а уже дома, заглянув в Библию, я догадался, что это Варавва. Не освободил его, значит, Пилат, а повесил для острастки. А как орали внизу, даже на горе было слышно. Выскочил один в черной хламиде до колен, прорвался сквозь заслон конников и побежал вверх, вопя: «Горе вам, горе! Еще придет час вашей гибели». Я толкнул его легонько дротиком в грудь, он и затих. Жарко было, да и копье хорошо наточено. А туча шла и шла. Как мы ее ждали, как провиант в походе или глоток вина в таверне, когда отпускают в город. И грянул гром, совсем как в Библии, и хлынул ливень. Только я опять не промок, потому что он снова

хлестал вокруг острова, а на белую пленку из коралла не попадало ни капли. Тут я сам себе или кто-то во мне говорит: «Прав был — вранье. Теперь убедился? История всегда писалась в чьих-нибудь интересах». Кто это сказал во мне, не знаю, только, пожалуй, все же не я и не тот римский солдат, что стоял под виселицами на вершине горы.

Смэтс опрокинул бутылку в рот и облизал горлышко.

— Поедете проверять? — спросил он.

— Обязательно, — сказал Шпагин.

Глава 5

НИЧТО ИЛИ НЕЧТО?

А что проверять? Магнитную аномалию острова? Его плоскую, едва возвышающуюся над океаном поверхность? Его мертвую мраморную белизну без единой горсточки песка или ила, где могло бы вырасти что-то зеленое и живое? Гладкое зеркало его крохотной бухты, куда почему-то не забегала волна и не долетал ветер? Здесь без присмотра и без привязи можно было оставить любое суденышко — в данном случае арендованную Смайли белокрылую четырехместную яхточку без мотора. Ее поставили у крутого среза стекловидного берега метра в полтора высотой, куда можно было легко взобраться, подтянувшись на руках. Так они и сделали, забрав с собой рюкзаки и палатку, — четверо аргонавтов, отправившихся на поиски чего-то неведомого, что не имело даже названия. Ничто или нечто, как сказал Шпагин.

После встречи со Смэтсом и Пэрротом все четверо, обменявшись рассказами, до глубокой ночи просидели в саду отеля, пытаясь как-то суммировать и прояснить впечатления. Шел разговор, в котором столкнулись логика и растерянность, смятение перед необъяснимым и упрямство людей, для которых необъяснимое — пока еще только непознанное. Чья-то мысль перебивала встречную, новое предположение исключало только что высказанное, что-то отбрасывалось, что-то оставалось, формируя пока еще неопределенную, еще не прояснившуюся гипотезу.

— О магнитной аномалии говорить рано. Ее надо проверить.

— А почему обязательно аномалия? Может быть, просто магнитные бури? Я не специалист, но даже из популярной литературы известны случаи разбушевавшейся магнитной стихии — авиакатастрофы, обрыв телеграфной связи, паразитные токи в электропередачах.

— Не верю я в магнитные бури. Они здесь постоянны или цикличны.

— Теоретически допустимо изолированное магнитное поле...

— Но оно не может быть источником подобных галлюцинаций.

— Почему? Как действует постоянное магнитное поле на психику человека — вопрос изученный. Действует.

— Тогда надо предположить разумный индуктор. Не понимаете? Да просто потому, что галлюцинации возникают как образный или словесный отклик на мысль, возникшую в сознании объекта галлюцинации. Иногда такой отклик подтверждает эту мысль, иногда ее корректирует или опровергает. Возникает как бы раздвоение личности, в котором одна часть воспринимает чье-то разумное вмешательство. Может быть, это спор сознания и подсознания?

— У Смэтса — да. Допускаю. Накануне поездки он поспорил с епископом об истинности евангелий. Галлюцинация — образ где-то прочитанного или услышанного, подкрепляющего его тезис об их неистинности. Голос внутри — второе «я». То же и у Смайли, когда он вспомнил о медной лопате. Сознание и подсознание. Может быть. Не исключено.

— О лопате я действительно вспомнил, но кто-то сказал мне, что это разумно, хотя и бесполезно. И предложил мне снести парней в лодку. Не думаю, что это был я.

— Бывает. Раздвоение личности. Такое же, как у Смэтса.

— А у Пэррота?

— И у Пэррота. Сознание и подсознание. Божий слуга и Бог. Распад психики уже начался на острове, а может быть, и раньше. Слуховая галлюцинация только симптом уже начавшейся душевной болезни.

Тезис душевной раздвоенности яростно защищал Шпагин. Сомневающаяся Янина тотчас же уловила противоречие.

— А при чем здесь разумный индуктор?

— Он и угадал симптом будущего религиозного помешательства. Помните предупреждение «Бога» о необратимых изменениях в сознании и мышлении? Отклик в подсознании только для Пэррота был Богом. Фактически это была разумная мысль извне, выраженная к тому же языком, совершенно не свойственным Пэрроту.

— Параметры... — усмехнулся Смайли. — Даже я бы так не сказал.

Мало говоривший Рослов задумчиво прибавил:

— А вы помните слова: «оптимальное координирующее устройство со многими параметрами»? Это очень точное математическое выражение идеи Бога, кстати у кого-то заимствованное... Отсюда вывод: «разумный индуктор» Шпагина — математик.

— Может быть, Пэррот все-таки это слышал где-нибудь раньше? — предположила Янина. — Возникла же такая мысль? Возникла. Зря ее опровергли. А если еще раз придирчиво разобраться: мог он это слышать или нет?

— Где?

— В холле отеля, в баре, в харчевне. Мало ли где! Может быть, в роли лодочника ездил с кем-нибудь на экскурсию. Может быть, наняла его какая-то компания. Трудно предусмотреть все человеческие пути и перепутья даже у такого человека, как Пэррот. В конце концов, подслушал чей-нибудь разговор в лечебнице.

— И запомнил, не переувра?

— Причуды памяти.

— Вероятность не большая, чем у «разумного индуктора», — сказал Рослов.

— А вероятность Голгофы у Смэтса? — вставил Смайли. — Откуда такие подробности, которых даже в Библии нет? Мог он это придумать, прочесть об этом, в кино увидеть, услышать от кого-то? Не думаю. Я его давно знаю. Умен, но необразован, выбился из постовых. Откуда он знает латинские слова и названия, о чем говорили римские солдаты в Иерусалиме, как одевались, что думали? Из книг? Боюсь, что в здешней городской библиотеке вы ничего похожего не найдете. Да он ничего и не читает, кроме детективов и комиксов. А в евангелиях написано не так и не то. Где-нибудь слышал? От кого? От барменов и рестораторов, у ко-

торых брал взятки? Или у скупщиков краденого? Нет, мисс, не верю я в его «причуды памяти». Не та память!

Так они и не договорились, условившись продолжить разговор тотчас же по прибытии на остров, а до тех пор молчать, благо уже поутру возникла новая тема. Новость выложил Смайли в открытом море, когда яхта пошла с попутным ветром и капитанские его обязанности не требовали сложных маневров с парусом. Оказалось, что накануне, после разговора в саду отеля, у него в номере ожидали гости: «знакомые парни из Штатов, которым не нужен полицейский, чтобы открыть дверь без ключа или произвести обыск без ордера».

— Кто же именно? — поинтересовался Рослов.

— Не будем уточнять, — поморщился Смайли. — Считайте, что визит их не обязателен, но удивить не может. Не удивился и я, хотя они сидели за моим столом и пили мое виски. «Присаживайся, — говорят, — будь хозяином». Я присел: «Чем могу?» — «Выкладывай, — говорят, — все, что знаешь: с кем едешь, их намерения, цель, кто разрешил и тому подобное». В ответ я посоветовал им прочитать нью-йоркские газеты за месяц, где они найдут о вас потрохов на целую книгу, а едете вы изучать магнитную аномалию в районе «белого острова», на что имеется соответствующее разрешение губернатора и полиции. «Все это мы знаем, — говорят, — а что везете, какую технику?» — «Никакую, — удивляюсь я, — а что они в Лондон везут, в чемоданах у них посмотрите. Вы это умеете». Ухмыльнулись: «Уже посмотрели».

— А я ничего не заметила, — удивилась Янина. — И в шкафу, и в чемодане — все в порядке.

— Я не проверял, но, в общем, следов обыска не заметил, — подтвердил Шпагин.

— Люди опытные, — сказал Смайли, — заметных следов не оставляют. А чтоб незаметные обнаружить, особая проверка нужна. Спичку где-нибудь в вещах положить или ниточку, а потом как следует посмотреть, не сдвинута ли.

Рослов промолчал. Он все заметил и не удивился. Кто-то должен был проявить интерес к их поездке, и от ее результатов зависело, будет ли он повышен или понижен в дальнейшем. В том секторе мира, где они находились, наука неотделима от интересов монополий,

и любое мало-мальски значительное открытие не будет обойдено вниманием «парней», подобных ночным визитерам Смайли. Рослов просто не думал об этом, он даже рассказ Смайли слушал не очень внимательно, заинтересованный только в одном — в ожидающей их загадке, ключа к которой, казалось, не было. А вдруг был? Самые невероятные предположения сталкивались в сознании, высекая искры такой смелости и безумия, что он даже не решался поведать их спутникам. А остров уже виднелся и манил издали — белая тарелка на густой синьке моря, вместилище тайн и опасностей. Казалось, только ступи на эту белую гладь, и тайны начнут свое грозное шествие.

Взобравшись на мокрую коралловую горку и укрепив палатку на оставшихся от прежней экскурсии Смайли больших медных крючках, наши путешественники разочарованно убедились, что чудеса передумали и не желают себя обнаруживать. Помолчали, подождали минут десять в спасительной тени и недоуменно переглянулись. Жестянки с пивом, без труда извлеченные из рюкзаков, не прыгали и не приклеивались друг к другу, нож Смайли лихо кромсал сыр и не стремился вырваться, и даже часы ходили по-прежнему. Не только магнитных бурь, но даже крохотной магнитной тяги не замечалось. И видений не было — ни снов, ни миражей. Отлично просматривался лазурный купол неба без единого облачка, синее зеркало океана, рыжие гребни волн, бегущих по скошенной поверхности рифа, и белая стекловидная горка с робинзоновской палаткой над бухтой.

— Н-да, — сказал Шпагин по-русски, — кина не будет.

Рослов и Смайли молчали, каждый по-своему: Рослов — задумчиво, Смайли — смущенно, как устроитель концерта, на который не прибыли обещанные знаменитости.

— Одно странно, — заметила вскользь Янина, — чаек нет. Ни одной.

Никто не ответил. Шпагин вздохнул, поморщился и снял шлем.

— На кой ляд эта штука... — продолжал он по-русски и тотчас же перевел для Смайли: — Вы понимаете, Боб, вещица, мягко говоря, едва ли нужная, да и неудобная.

— Согласна, — подхватила Янина и сбросила шлем. — Я в нем как в кастрюле.

Но Смайли шлема не снял. Сидел вытянувшись, похожий на мотогонщика. Неожиданная обычность острова, словно исподтишка насмехающегося над ними, его растревожила. Неужели русские ничего не увидят, а он останется в дураках? А может быть, чудеса происходят не постоянно, а циклично? Может быть, сейчас некий антракт, пауза, когда хитряга остров по-человечески отдыхает от всяких чудес?

— Я бы не рисковал, друзья, — сказал он. — Кто знает, что может случиться через четверть часа? Пиратов я тоже не сразу увидел.

В шлеме сидел и Рослов — он попросту забыл об этом тяжелом и неудобном изобретении «капитана». Он ждал чего-то бессознательно, безотчетно, напрягаясь всем существом своим.

«Ты думаешь, шлем предохранит тебя от контакта?» — спросил его кто-то неслышно, безмолвно, откликнувшись где-то в сознании, как эхо. «Для нас не имеет значения диамагнитность покрытия. Есть прямая связь с твоей психикой. В конце концов, человеческий мозг — это только информационная машина, подчиняющаяся всеобщим законам управления и связи». — «А как же с обратной связью?» — мысленно спросил Рослов, не зная, кого и зачем, но спросил первое, о чем мог подумать в этой ситуации кибернетик. «Обратная связь — это наш сигнал, непосредственно воспринятый твоими рецепторами». — «Где же эти рецепторы?» — «В твоём сознании. Неужели математику не ясно, что любая информация может быть принята и передана без дистанционных датчиков?» — «Вы имеете в виду зрение и слух?» — осмелился спросить Рослов. И получил ответ: «Нам они не нужны». — «А кто это «мы»?» — «Мы» или «я» — по существу одно и то же. Если для общения тебе удобнее единственное число — пусть буду «я». Но у меня нет личности. Вернее, нет компонентов, формирующих это понятие».

Весь этот мысленный спор Рослов провел сидя, скрестив ноги, как йог в трансе, неподвижно, сосредоточенно, полускрыв глаза. И вдруг услышал крик Шпагина и тревожный вопрос Янины:

— Что с тобой?!

— Где вы, Анджей?

— Началось, — сказал он, — я уже разговариваю.

— С кем?

— С Богом, — сказал Рослов, — с той самой загадочной системой, которая объявляет себя экстремальной.

«Пэррот — ничтожество, — снова услышал он беззвучный Голос. — Я прекрасно знаю, что Богом никто из вас меня не считает. Ничто или нечто?» — Вопрос прозвучал в сознании Рослова как лукавая реплика собеседника.

— И я слышу! — воскликнул Шпагин.

— И я, — повторила Янина.

— Значит, разговор будет общий, — сказал почему-то по-русски Рослов. — Вы согласны, многоуважаемый невидимка?

Ответа не было. Рослов тоже неизвестно почему перевел вопрос по-английски. Беззвучный Голос молчал. И Рослов совсем уже растерянно добавил:

— Странно. Я мысленно говорил с кем-то. Не сам с собой, а с кем-то извне. Я абсолютно в этом уверен. Вы же слышали.

— Телепатически, хотя я и не верю в телепатию, — сказал Шпагин. — Самый конец. О том, что он не Бог и мы Богом его не считаем.

— Ничто или нечто, — повторила Янина, — ведь это слова Шпагина. Кто знал о них, кроме нас? Может быть, это вы бредили, Анджей?

— Нет, — ответил предположительно Рослов. — Это не бред и не слуховая галлюцинация. Это совсем как у Пэррота. Голос извне.

— Я ничего не слышал, — сказал Смайли, — может быть, потому, что не снял шлема. Но ведь и Энди не снял. Не понимаю.

— Он сказал, что диамагнитные покрытия для него не помеха.

— А как же моя лопата?

— Видимо, ваш поступок просто заинтересовал его, как работа мысли, способность соображать, с которой он прежде не сталкивался.

— Кто это «он»? — спросила Янина.

— Голос.

— Чей?! Кто это вещает с невидимого Синая? Бог? Дьявол? Пришелец? Человек-невидимка? Может быть, вы снизойдете до моей способности соображать? И кстати: что значит «извне»?

Мужчины смущенно переглянулись. Кругом синел океан, отражая чистое высокое небо. Так же чист и прозрачен был воздух, нигде не затуманенный и не мутненный.

— Хорошо Пэрроту, — вздохнул Рослов, — ему все ясно. А нам? Кстати, «извне», пани Желенска, так и означает — извне, вон оттуда, из этой зеркальной голубизны.

— Может быть, это космический корабль пришельцев? — предположила Янина.

— Призрачный?

— Допустим. Или находящийся за пределами видимости.

— Так почему же он торчит над этим коралловым рифом и не летит в Европу или Америку, которая еще ближе?

— Мог испортиться механизм. А возможно, скорость движения и орбита его совпадают с земной.

— Наивно. Летающая тарелка с гостями с Альдебарана. Способ общения телепатический. Контакт в пределах космической аварии, совпадающих с сотней квадратных метров воды и коралла. Бред!

Когда спорили ученые, Смайли молчал. Наука — вещь малосъедобная. А вдруг и в самом деле бред все это — и летающие тарелки, и «Божий глас». Не космический корабль, а какой-нибудь спутник, который запустили втихую в Америке или в России. Для телевидения или чего другого, что не требует передвижения по небу. Стой и наблюдай, если приказано. А парням в кабине, наверное, скучно и муторно — вот они и разыгрывают дураков, попавших в их поле зрения с помощью каких-нибудь аппаратов для подслушивания и переговоров.

— Глупости, — оборвал его Рослов, — астрономы давно разглядели бы ваш спутник, а разыгрывать из космоса не научились даже в Америке. Тем более с магнитными фокусами, о которых вы знаете больше нас. Для таких фокусов потребно магнитное поле напряженностью во много тысяч эрстедов. В физических лабораториях получают и более мощные поля, но где здесь, по-вашему, такая лаборатория? В толще острова? В океане? В бухточке?

Молчание еще раз повисло над «белым островом». Кому придет в голову хотя бы намек на разгадку? Мо-

жет быть, Янине? У нее что-то подозрительно заблестели глаза.

— Когда-то в детстве, под Краковом, — задумчиво сказала она, — мне удалось очень близко наблюдать шаровую молнию. Она включила у нас электрический звонок, испортила радиоприемник и расплавил у мамы на руке кольцо и браслет. Потом мне объяснили, что они в магнитном поле стали как бы вторичной обмоткой трансформатора, мгновенно замкнутой молнией. Может быть, здешнее магнитное поле того же порядка и не меньшей, если не большей, мощности?

— А где источник возбуждения? Откуда он действует? Извне. Опять, Яна, извне. Никуда вы от этого не уйдете. Только почему он как бы включается и выключается? С каким-то постоянством, может быть даже цикличностью?

— Вы угадали.

Беззвучный Голос снова прозвучал в сознании у каждого, как беспрепятственно вторгшаяся чужая мысль. Даже Смайли, так и не снявший шлема, услышал ее.

— Я и раньше догадался. Когда мы на остров забрались и ничего не произошло, — пробормотал он.

— Я знаю. Вы подумали о цикличности контакта, — откликнулся Голос. — Мне, если воспользоваться понятным для вас сравнением, требуется некоторое время, как бы для зарядки аккумуляторов. Тем более когда я, как у вас говорят, собираюсь поставить опыт.

— Какой опыт? — вскрикнула Янина, ей очень хотелось, чтобы ее услышали все. — Почему вы не объясните нам, кто вы, где находитесь и с какой целью вступаете с нами в общение?

— А почему я должен отвечать на ваши вопросы? Где граница между свободой и необходимостью? — спросил Голос.

Янина дерзко приняла бой:

— Если существо неземного происхождения вступает в контакт с землянами, свобода воли его подчинена необходимости такого контакта.

— Ты первая женщина, с которой я непосредственно сталкиваюсь, — отметил Голос, — и твое мышление находится на том же сравнительно высоком для человека уровне, какой я наблюдаю у твоих товарищей из Москвы. Попробуй подняться чуть выше. Противопоставле-

ние твое наивно. Я связан с Землей неизмеримо полнее, прочнее и дольше, чем вы.

— Не понимаю, — сказала Янина. — А понимание — основа общения. Иначе оно односторонне.

Голос отвечал быстро, но монотонно, без всякой эмоциональной окраски, как чистая, не выраженная в звучащем слове мысль.

— Односторонне для вас, но не для меня. Я беру у вас то, что мне нужно. Сейчас мне нужны ваши органы чувств, проще — дистанционные датчики. Не удивляйтесь и не пугайтесь. Ваше сознание останется не подавленным и не совмещенным с другим, новоприобретенным... Я как бы разъединяю нервные пути, соединяющие оба полушария вашего мозга. Это приведет к раздвоению сознания и мышления, к раздвоению памяти. Одна личность, приобретая информацию, накопленную другой, будет передавать ее мне. Повторяю, не пугайтесь. Несложное перемещение во времени и пространстве.

Глава 6

РАССКАЗ ОБ ИСТИНЕ

Не было ни шока, ни тумана, ни тьмы. Просто сразу, как в кино, наплывом на палатку, рябую морскую синь и белый скат острова надвинулись другие пространственные формы. Небо не изменилось — та же безоблачная лазурь над головой, то же высокое изнуряющее солнце. Но вместо стекловидного коралла под ногами шуршала мелкая морская галька, а видимость ограничивалась четырьмя глухими стенами внутреннего двора, похожего на испанские патио, с причудливым фонтаном в центре в виде головы Горгоны, опутанной змеями. Вместо жал змеиные пасти выбрасывали тоненькие струи воды, лениво и почти неслышно падавшие в белое мраморное ложе фонтана. Тоже мраморные, дорические колонны выстроились вдоль стен, образуя крытую, тенистую галерею. Мрамор наполнял мир. Он розовел в колоннах, отливал желтизной в широких скамейках, чернел в дверных проемах, закрытых вместо дверей медными восточными решетками, за которыми просвечивали пурпурные занавески. Рослов и

Шпагин сидели на плоских подушках из конского волоса, заботливо брошенных на мраморные скамейки атриума, — они уже знали, что именно так называется дворик с затененной розовой колоннадой. Сидели друг против друга чинно, но не стесненно, не спеша начать разговор, как требовал этикет официальных приемов.

Их уже звали иначе — Вителлием и Марцеллом, и они тоже знали об этом, как и о том, что находились в Антиохии первого века, говорили на чистейшей латыни, еще не испорченной средневековьем, и не играли роль Вителлия и Марцелла, а были ими, гражданами великого Рима и легатами империи, возвышенной Августом и Тиберием. Даже сандалии и тоги, сшитые искуснейшими мастерами Антиохии, они носили естественно и привычно, как все, получившие это право в далекой юности. В далекой — описка? Нет. Вителлий был старше Рослова на добрую четверть века, а Шпагин моложе Марцелла по меньшей мере на десятилетие.

Что же случилось? Как и подсказал Голос, два сознания, две памяти, две личности. Рослов, как и Шпагин, жил сейчас отвлеченно, пассивно, наблюдая и размышляя, но не действуя. Вителлий, как и Марцелл, жил смачно, активно — и размышляя и действуя. Он мог вздыхать, шептать, говорить, жестикулировать: тело принадлежало ему. Рослов только слышал и видел все это со стороны, читал мысли Вителлия и обдумывал все его дела и проекты. Но вмешаться не мог, даже мысленно. Он помнил все о Рослове — докторе математических наук, москвиче по рождению и марксисту по убежденности, и знал все о Вителлии — императорском проконсуле в Сирии, обласканном при дворе Тиберия в Риме, представителе древнего патрицианского рода, предназначенном с юности к государственной деятельности. Прадед его, участник великих походов Помпея, вновь вернувшего империи ее малоазийские земли, тем самым напомнил Тиберию о Вителлии, когда освободилось место проконсула в Сирии. Рослов знал и о том, что его герой в этом спектакле был эпикурейцем по духу, избегал тревог и волнений и строго следил за тем, чтобы пореже доходили до Цезаря дурные вести из его многонаселенного и беспокойного губернаторства. Его собственный бюст, многократно повторенный в мраморных нишах атриума — нахмуренное чело в лавро-

вом венке, тяжелые надбровные дуги над глубоко запавшими глазами, — казалось, выдавал эти скрытые думы. Какие новости привез Марцелл из Иудеи, куда он часто наезжал для тайной ревизии прокуратора, не настала ли пора окончательно избавиться от ненавистного ему Понтия и передать этот самый тревожный в Сирии дост верному и осторожному Марцеллу? Но Вителлий молчал, следуя привычному этикету, и лишь время от времени освежал глотком фалернского пересохшее горло. В атриуме было жарко, тучный Вителлий то и дело вытирал потные руки о полы светло-коричневой, почти золотистой, тоги и мысленно ругал своих предшественников за то, что они не позаботились расширить розовую колоннаду атриума, увеличив тем самым затененность его мраморной площади. Впрочем, не о том следовало думать сейчас: Марцелл уже почтительно склонил голову, ожидая вопроса.

И вопрос последовал, как и подобает по этикету, сначала несущественный, мимоходный:

— Ты уже побывал дома, мой Марцелл? Что же ты молчишь, как клиент у патрона, любящего понежиться до полудня? Или недоволен своим управителем? А я уже хотел послать именно из твоих мастерских кожу для сидел в конюшни Цезаря. Говорят, в преторианской гвардии они идут на вес золота? А мне помнится, что ты купил здесь несколько кожевен и гноильных чанов близ мясного рынка.

— Они пусты, мой Вителлий, — ответил Марцелл. На правах друга и претора по званию он не титуловал гурбернатора.

— Почему?

— Рабы-христиане ушли в пустыню.

— Опять христиане, — поморщился Вителлий. — Что-то слишком уж часто они напоминают о себе за последние годы. Десять лет назад никто даже не слышал этого слова. Христиане... — задумчиво повторил он. — Откуда взялось оно? Что означает?

— Ничего, мой Вителлий. Это поборники некоего Хрестуса из Назарета, пророка, который якобы называл себя сыном Божиим.

— Хрестус? — переспросил Вителлий. — Не слышал. Рабское имя. Пятеро из любой сотни рабов — Хрестусы. Позволь, позволь, — вдруг оживился он, — ты, ка-

жется, сказал: из Назарета? Так нет же такого города в Палестине. Еще один миф. — Он пожевал губами и спросил: — Почему же ушли рабы?

— Они верят, что тяготы жизни в пустыне приведут их души в Элизиум, созданный Богом.

— Богами, Марцелл.

— У них единый Бог, проконсул.

— Старо, — вздохнул Вителлий. — Еще Платон в Греции проводил идею единобожия. С тех пор она создает только распри жрецов и священников. Дай им принцип, они возведут его в догму. И побьют камнями всякого, кто попытается изменить ее. Кто их пророк, Марцелл?

— Безумный Савл, здешний ткач, между прочим. Из Антиохии. Почему-то — мне неясно, кто просил за него, — ему дали римское гражданство. Теперь он именуется Павлом.

— Слыхал о нем, — снова поморщился Вителлий, — мутит народ исподтишка. Опасен. Я уже два раза приказывал арестовать его, но он успевал скрыться в Египте. Сколько я их видел на своем веку, таких лжепророков и горе-фанатиков, из легенды творящих догму, а из догмы — власть.

— Они проповедуют смирение, мой Вителлий.

— Проповедуя смирение, порождают насилие.

Проконсул замолчал, подбрасывая большим пальцем ноги мелкую гальку атриума. «Кажется, я понимаю, почему нас ввели в этот спектакль, — подумал Рослов. — Разговор за обедом у Келленхема, визит к Смэтсу — и вот из наших складов памяти извлекается догма о Христе, до которой нам, в сущности, нет никакого дела. Но Невидимка, должно быть, заинтересован. Интересно, чем? Мифом о Христе или источником христианства? Любопытно, что Семка думает?»

Рослов знал, что Шпагин подключен к Марцеллу точно так же, как он сам к Вителлию. Не догадывался, не подозревал, а именно знал, хотя почему — неизвестно. И тут же «услышал» ответ, беззвучный отклик в сознании, подобно вторжению столь же беззвучного Голоса:

— Ты, оказывается, меня только мысленно Семкой зовешь, а так все Шпагин да Шпагин. Как в школе. Не подобает иначе докторам наук. Угадал? Нужно было в Древней Сирии очутиться, чтобы научиться чужие мысли читать.

Рослов пропустил мимо реплику о Семке.

— А ты сообразил, что мы в Древней Сирии?

— За меня Марцелл сообразил. С пяти лет, когда его, как патрицианского отпрыска, отдали в обучение к греку Аполлидору.

— Вжился? Я тоже. В одно мгновение, между прочим. Вся жизнь этого римского полубога у меня закодирована. К сожалению, не могу ткнуть пальцем в лоб, чтобы показать, где именно закодирована. А мы, представь себе, не отключены.

— Так он же предупреждал, этот Некто невидимый. Отключил мозолистое тело — и привет.

— Что-что?

— Также мне математик, приобщившийся к биологии! Так это же нервная связь между полушариями мозга.

— Я не расслышал. Отключение, кстати, одностороннее. Я слышу Вителлия, вижу его отражение в ложе фонтана, а он меня — нет. Зато я не в состоянии проверить реальность этого мира. Он может, а я — нет. Вдруг все это только мираж?

— Смотри. Марцелл оперся рукой о мрамор скамейки. Холодный, между прочим. И гладкий. Оба чувствуем. А теперь — опустил. Рука дрожит.

— Возвращаю комплимент, биолог. Эта дрожь называется тремором.

— Давай по-человечески. Просто волнуется. Интересно, зачем твоему Некто эта экскурсия в Древнюю Сирию?

— Опыт дистанционной передачи информации, заключенной, по-видимому, в этой квазиисторической ситуации.

— Ошибаешься, — вмешался Голос. — Не квази, а действительно исторической. Прислушайтесь и внимайте.

«Кажется, мой Марцелл действительно прерывает молчание», — принял Рослов мысль Шпагина и тотчас же услышал железную латынь соратника и друга проконсула. Тот был тоньше, суше и подвижнее Вителлия, и Рослов даже позавидовал, что Шпагину достался более совершенный образец древнеримской породы.

— Позволь мне перебить твои думы, мой Вителлий. Ты, кажется, сказал: Хрестус — миф. Еще один миф. А ведь этот миф рожден не без участия Понтия.

— Не понимаю.

— Молва говорит, что он казнил сына Божьего.

— Когда?

— Семь лет назад. Незадолго до восстания в Тивериаде и Кане.

— Вздор, — отмахнулся Вителлий. — Тогда был повешен Варавва, убийца императорского курьера. Я хорошо помню это, потому что Понтий сам отправил донесение Тиберию. Но я перехватил его и оставил только сообщение о галилейской смуте.

— Жаль, что умер Тит Ливий, — вздохнул Марцелл. — Какую чудесную главу написал бы он о превращении разбойника в сына Божьего. Но у меня в Риме есть Цестий, который тоже записывает все достойные памяти события в империи. Пусть реабилитирует неповинного прокуратора. Все-таки он не казнил пророка, которого не было.

— А зачем? — вдруг спросил Вителлий.

Марцелл подождал, пока проконсул ответит сам.

— Он уже не прокуратор, Марцелл. С этой минуты. Ты собрал все сведения о восстании самаритян?

— Всё, мой Вителлий. Оно уже подавлено.

— Это не облегчает положения пятого прокуратора Иудеи. Не смуты и раздоры укрепляют величие Рима, а мир и благоденствие в границах империи. Пусть сам едет объясняться с Тиберием.

— А его место?

— Займешь ты. А главу о казни пророка, приписываемой Пилату, потомки не прочтут ни у Ливия, ни у Цестия. О последнем уже ты позаботишься. Зачем исправлять молву, если она обижает негодного. Пусть обижает.

Марцелл встал и молча поклонился Вителлию.

«А историю оба все-таки обманули, — тотчас же сигнализировала Рослову мысль Шпагина. — Пустили непровергнутый миф на свободу, как бактерию из разбитой колбы. Только непонятно, зачем нам демонстрируют эту историческую гравюрку? Мы и так знаем, что миф — это миф».

— Вы об этом думали, а я вмешался, — сказал Голос. — Кстати, гравюрка, о которой вы говорите, могла бы стереть начисто миф о Христе. Это глава из «Меморабилий» Клавдия Цестия, изданных Марцеллом в конце первого века по вашему летосчислению. Марцелл не согласился с Вителлием и обнародовал разговор, ко-

торый уже тогда разбивал постамент христианской доктрины. К сожалению, записки Цестия не дошли до нашего времени: все экземпляры погибли во время пожара Рима.

— Откуда же тогда известно вам их содержание?

— Сначала согласуем личные местоимения в обращении друг к другу. Я не приемлю людской путаницы единственного и множественного числа. Теперь о воспоминаниях Клавдия Цестия. Я знаю любой вклад человеческой мысли в историю письменности и книгопечатания. Моя память хранит не только собрание Британского музея, но и погибшей для потомства Александрийской библиотеки. Я знаю все папирусы фараонов и все рукописи средневековья. Я был Гомером и Ксенофонтом, Тацитом и Светонием, Свифтом и Байроном. Любая мысль, двигавшая их творчество, хранится в моих запасниках. Так что не задавайте мне глупых вопросов о моем контакте с человечеством. Он пока односторонний, но с вашим появлением я рассчитываю и на обратную связь.

— На какую?

Но ответа не было. Голос умолк, и атриум Вителлия сразу же сменила палатка «белого острова». Смайли и Янина сидели неподвижно, с каменными лицами и стеклянными глазами. Рослов и Шпагин переглянулись.

— Для них все еще продолжается. Может, разбудить? — спросил не очень уверенно Шпагин.

— Погоди.

В этот момент Смайли вздрогнул. Мысль вернула жизнь лицу и глазам. Почти тотчас же очнулась и Янина, вернее, возвратилась из путешествия в Неведомое на их родной коралловый риф.

— Страшно было? — ласково спросил Шпагин, но даже это дружеское участие не вернуло кровь к побелевшим губам Янины.

— Страшно — не то слово, — прошептала она и умолкла.

— А знаете что, ребятки? — сказал Смайли. — Знаете, что я сделаю по возвращении в Гамильтон? Возьму свою «беретту», зарегистрированную в нью-йоркской полиции, и застрелю обоих своих ночных визитеров. Сон не сон, бред не бред, но они, кажется, меня доконали.

— Уедем отсюда, — выдавила сквозь стиснутые зубы Янина. — Рассказывать можно и дома.

Ей казалось, что у нее просто не хватит сил для рассказа.

Но как можно было возразить Рослову? В черной ассиро-вавилонской бороде его было что-то деспотическое и непреклонное. Должно быть, не зря Невидимка подключил его к римскому правителю Сирии. Он и отрезал, как Вителлий:

— Опыт окончен, как я понимаю. Нас предупредили о нем и просили побережь нервы. Рассказывать надо здесь. Если мы ошибемся, нас поправят. Начинать, биолог.

— Почему я? — удивился Шпагин. Он не привык к тому, чтобы Рослов когда-нибудь уступал свое первенство.

— Потому что будущий прокуратор Иудеи все же подчинен проконсулу Сирии.

Так был обнаружен рассказ об истине, не замеченной историками первого века.

Глава 7

РАССКАЗ О ЛЖИ

— Вы только, ребята, не перебивайте, а то собьюсь и забуду о главном. Кто знает, что здесь главное и где главный черт в этом аду.

Смайли действительно боялся запутаться. То, что произошло с ним, породило не только смятение, но и смешение чувств, мыслей, порывов и состояний. Где-то проходила неосязаемая, непознаваемая граница между своим и чужим, и, может, чужим был Смайли, а не чужак, завладевший его душой и телом и все же не отключивший мысль Смайли, ее способность оценивать, одобрять или осуждать мысли и действия совмещенной с ним личности. Рослов объяснил ему потом, что такое отчуждение — как психическое состояние, когда сознание уже не отличает причин от следствий, реальность от наваждения, смысл от бессмыслицы. Он был на грани такого отчуждения, когда окружавшая его реальность стала чужой реальностью, отторгнув его блуждающую где-то мысль. И в то же время не было границы между чувствами, они сливались воедино: чужая усталость

была его усталостью, чужая сила — его силой и чужая боль — его болью. Тело принадлежало обоим, вмещая раздвоенное сознание, в котором Смайли был отчужден, как актер, наблюдающий свою жизнь на экране из зрительного зала, все видящий, все сознающий, но бессильный вмешаться и что-либо изменить. На экране был он и не он, а похожий на него, как зеркальное отражение, назывался иначе, и думал иначе, и поступал совсем не так, как поступил бы он сам в таком положении. Раздвоение. Путаница. Отчужденность.

Началось это еще в палатке, когда внезапно умолкли товарищи. «Ты знаешь, что такое ложь, Смайли?» — спросил Голос. «Конечно», — ответил Смайли, ответил вслух, но никто его не услышал: и он и его спутники уже отключились от реальности. «Вопрос чисто риторический, — сказал Голос, — но вы, люди, привыкли к риторике. Я тоже знаю, что такое ложь. Знаю все, что думали о ней лучшие умы человечества с тех пор, как оно научилось думать. Я знаю ложь на троне и ложь на парламентской трибуне, ложь с крестом и ложь с пистолетом. Но я не могу настроиться на каждого лгущего, не знаю его эмоций — ни его равнодушия, когда ложь уже стала привычкой, ни его смущения, когда ложь вступает в конфликт с совестью, ни его оправданий, когда ложь во спасение, ни его наслаждения, когда ложь мстительна, а месть сладка. Потому для опыта я и выбрал тебя». — «Почему меня?» — закричал Смайли и смутился: вдруг услышат. «Никто не услышит, — откликнулся Голос, — они уже в другом измерении. А твой опыт — это и мой опыт». — «Но я никогда не лгу». — «Редко — не значит никогда. Я даже знаю, что о тебе говорят: слово Смайли прочней акций Шелла. Ты не обманываешь и не лжешь потому, что тебе это выгодно. Мотив честного дельца. Но мне безразличны мотивы, меня интересуют эмоции. Не пугайся: может быть, станет стыдно, будет больно — потерпи. Это не долго и не оставляет следов». И Голос умолк.

...А Фернандо Кордона, натурализовавшийся мексиканец из Штатов, сойдя с рефрижератора «Юнайтед фронт компани», на котором он без лишних хлопот и возможных «хвостов» прибыл в Гамильтон на Бермудах,

не спеша шел к портовой таможене. Чемоданы его несли полицейские, что вызывало не тревогу, а скорей удивление: островная полиция, сопровождая заподозренных в контрабанде, никогда не оказывала услуг, приходилось нанимать носильщиков. Но если он не заподозрен, почему полицейские подхватили его чемоданы? Он уже корил себя за то, что согласился на предложение концерна. Только ради Алонсо, в конце концов убедившего его, что пронести какую-нибудь сотню ампул сквозь таможенные преграды — сущий пустяк, тем более что наркотики у него в багаже были замаскированы лучше, чем хамелеон на капустной пальме. Более полусотни ампул покоилось между створками двойного дна коробки с сигарами из Манилы с нетронутыми фирменными этикетками и наклейками — внутрь сигар ампулы не закладывались: таможенники обязательно надрежут штуки две-три по выбору, — остальные разместились в патронном магазине «беретты», на которую у Кордона было специальное разрешение, в полых дужках очков-консервов и в больших зажигалках, которые нужно было сломать, чтобы освободить спрятанное. В таких случаях таможенники и агенты Интерпола действовали только наверняка.

Подгоняемый растущей тревогой, Кордона пошел быстрее. О наблюдательности британских таможенников он слышал не раз, но его предупредили, что опасны не столько таможенники, сколько старший инспектор Интерпола Гривс, специально нацеленный на торговлю наркотиками. Но Кордону встретили хохотом. Он даже опешил, настолько непонятной и неожиданной была эта встреча. Чиновники приветствовали его как старого знакомого, с которым давно не виделись:

— Алло, Смайли!

— Привет, старик!

— Зачем пожаловал? Опять повезешь лопоухих несуществующие клады искать?

— Обнаружил новый остров сокровищ?

«Меня принимают за кого-то другого. Вероятно, похож — бывает. Надо воспользоваться», — мгновенно сориентировался Кордона. Он был не глуп и находчив.

— Просто соскучился, — сказал он. — К вашим услугам, джентльмены.

Опять хохот.

— Разыгрываешь, капитан!

— Показывай, чем богат.

Полицейские уже выставили принесенные чемоданы на длинный прилавок досмотра и неуклюже переминались с ноги на ногу, не уходя. Кордона догадался сунуть им горсть мелочи. Но они и тут не ушли.

— Досматривайте, — небрежно сказал Кордона.

— Тебе и так верят, — отмахнулись чиновники. — Это не мы. Это Гривс.

Розовый, пухлый, с растущим брюшком полицейский в форме Интерпола — точь-в-точь мистер Пиквик в дни своих бурных странствий — не торопясь подошел к прилавку, сделал строгое лицо и сказал заученно:

— Порядок есть порядок. Не обижайся, Боб.

Кордона молча раскрыл чемоданы. Пиквик быстрыми, опытными руками прощупал рубашки и пижамы, карманы сложенного костюма, чиркнул сначала одной, потом другой зажигалкой, подержал на ладони «беретту».

— Есть разрешение, — сказал Кордона. — Могу предьявить.

— Не надо.

Гривс положил пистолет на место, постучал по дну чемоданов, заглянул в футляр электрической бритвы и вынул коробку с сигарами:

— Где покупал?

— Прислали из Манилы.

Кордона врал не моргнув глазом. Он верил в свою звезду.

— Можешь открыть, — предложил он.

Гривс осторожно отделил заклейки, открыл ящичек и полюбовался строем плотных табачных торпедок.

— Хочешь разрезать? — спросил Кордона.

— Зачем? Я проколю парочку.

Он ловко проткнул тонкой иглой пару выбранных наудачу сигар, захлопнул ящичек и закрыл чемодан.

— Возьми на память. — Кордона небрежно бросил на прилавок проколотые сигары и мигнул таможенникам: — Спектакль окончен, ребята. Да?

— Ныне отпускаеши, — сказал Гривс. — Слово Смайли прочней акций Шелла, но порядок есть порядок, — повторил он.

«Пронесло», — подумал Кордона и кивком указал на чемоданы все еще стоявшим у дверей полицейским:

— В отель «Хилтон».

Разбуженная мысль Смайли мгновенно оценила положение. Тело мое, но я не могу пошевелить даже пальцами. Телом владеет чужой. Кто он, Фернандо Кордона, мексиканец из Штатов? Никогда не слышал. Ничего не знаю о нем, кроме его нелегального бизнеса. Не моргнув протащил сквозь таможенные рогатки сто ампул наркотиков. Предложил кто-то, по имени Алонсо, от некоего безымянного концерна — должно быть, подпольной шайки гангстеров, специализировавшихся на контрабандной торговле наркотиками. Может быть, даже европейско-американской шайки, есть и такие. Ампулы у Кордоны заложены в «беретту» и зажигалки. Мою «беретту». А может, и нет. У него разрешение на имя Кордоны. Должно быть, такой же выродок, как и пославшие его, только мелкий. Порученец. Подонок и лгун. Как он солгал, когда его приняли за меня, даже не пошевелил бровью: «К вашим услугам, джентльмены». Я никогда не говорю так, а эти лопухи не заметили. «Алло, Смайли», «Привет, старик». Надо будет предупредить Гривса, чтобы не хлопал ушами: зажигалки не только чиркают, а пистолеты не только стреляют.

Тело не мое, а мне жарко. Кордона то и дело вытирает шею. Потеет. Я чувствую пот — значит, все-таки связан с украденным телом. А вор выдает себя на каждом шагу. С Беном, таксистом, даже не поздоровался, а Бен еще издали крикнул, высунувшись: «Алло, мистер Смайли!» Вероятно, сейчас удивляется, что со мной: должно быть, потрепали в таможне. Но Бен тренированный парень. Выдержанный, лишнего не спросит. Молчит. Вот и отель «Хилтон». Сейчас Бен спросит, дожидаться или подать попозже. А мошенник потребует подать в полдень, в самую жару, когда кафетерии и бары пусты — сиеста. Именно тогда он и постарается избавиться от товара. Где? Наверно, в «Альгамбре» или в «Майами-Бич» — Гривс давно на них целится. И все мимо. Пусть только сто ампул, а прошли мимо.

Подъезжаем. Бен останавливает машину и спрашивает:

— Дождаться или подать попозже, мистер Смайли?

— Через час, — говорит, вылезая из машины, Кордона.

На его часах — на моих часах — ровно одиннадцать.

В номере Кордона принял душ, сменил ампулы на патроны в «беретте», прикрепил ее, как всегда, под мышкой, надел белый тропический смокинг. Сигарную коробку с двойным дном опустил в специально предназначенный для этого бортовой карман, а оставшиеся ампулы разместил в двух пачках сигарет «Кэмел», аккуратно восстановив упаковку. Одну из зажигалок с ампулами захватил с собой, не производя перемещений. Теперь «товар» был «на выходе», требовалось только обменять его на доллары. Кордона взглянул на часы и спустился вниз. Черно-желтое такси уже поджидало у входа. По привычке оглянулся, нет ли «хвоста», и, не взглянув на Бена, сел рядом.

Как и предполагал Смайли, Кордона ехал в «Майами-Бич», самый отпетый из всех островных баров. Расчет был точен. В полдень бар был пуст, только двое скучали в полутемном и даже прохладном зале — небритый бурбон, типичный курортный бездельник и пьяница, дремавший над кружкой имбирного пива, и долговязый в белой фланели, читавший газету. Лицо его было закрыто развернутой над столом страницей. Кордона точно отметил: долговязый читал не отрываясь, когда он вошел, и продолжал читать, не обращая на него никакого внимания. Присев у стойки, Кордона еще раз обернулся: газета была на месте, бурбон дремал. Лицо бармена Чарли, перебравшегося в Гамильтон из Ки-Уэста во Флориде, расплылось в улыбке.

— Рад видеть вас у себя, мистер Смайли.

«Опять Смайли!» — раздраженно подумал Кордона. Один раз вывезло, в другой провалит. Он оглянулся опять. И не ошибся. Газета над столом шуршала по-прежнему, а бурбон вскочил.

— Никак, Боб? — сказал он и прыгнул к стойке.

Кордона поморщился.

— Ну? — спросил он неопределенно.

— А Элис ждет, — сказал бурбон неожиданно трезвым голосом.

— Ну и пусть ждет, — вывернулся Кордона.

— В «Альгамбре», — сказал бурбон. — Сам поедешь или позвать?

— Подумаю, — сказал Кордона. Он понятия не имел, кто такая Элис, но по-волчьи учуял опасность. — Не мешай, у меня дела к Чарли. — Он еле сдерживался.

— Какие у тебя дела? — упрямо тянул пьяница. — Глотни и поворачивайся. Элис ждет.

Кордона уже сердился.

— Я сказал: не мешай. Уйди.

— Элис ждет. — В голосе небритого зазвучали угрожающие нотки. — Если ты ее бросил, плохо. Для тебя тоже.

В другое время Кордона бы одним щелчком сбил с ног пьяного пристава. Этот неведомый Смайли с его неведомой жизнью мог провалить все дело. Ссориться было не с руки. Кордона скривился и сказал:

— Иди к ней и скажи, чтоб не уходила. Приду через полчаса. Времени мало. Пусть остается на месте.

— На третьем этаже, — подсказал пристава.

«Почему на третьем?» — подумал Кордона, но не спросил. Пусть убирается. Чем скорее, тем лучше. А пьяный, не шатаясь, уже шел к выходу.

Кордона обернулся к все еще улыбающемуся бармену и тихо сказал:

— Привет от старого Питера, Чарли.

Улыбка погасла. Смуглое лицо элегантного бармена посерело.

«Креол, — подумал Кордона. — Что это с ним? Есть причины?»

Но бармен уже произнес укоризненно:

— Зачем вы полезли в эту вонючую жижу, капитан?

— А ты? — совсем уже разозлился Кордона. — Тебе можно?

— Я уже давно в ней по уши. А вы джентльмен.

— Не твое дело. Кажется, слышал? Привет от старого Питера, Чарли, — повторил он и прошипел: — Отзв!»

— А разве он не уехал? — механическим голосом откликнулся бармен.

— Нет. Прислал подарочек и ждет должок.

С последним словом Кордона незаметно швырнул пачку сигарет с ампулами подхватившему ее Чарли. Другую пачку вместе с зажигалкой он положил на стойку, чтобы «забыть» при уходе.

— Все? — шепотом спросил Чарли.

— Нет, — отрезал Кордона. — Есть еще коробка с сигарами. Уйдет тот долговязый с газетой — передам.

— Он не уйдет, — сказал Чарли.

Кордона снова почувствовал опасность. Но поздно. Долговязый в белой фланели, оказавшийся бритым, плечистым парнем лет тридцати, уже подходил к стойке.

— Угости сигаретой, друг, — сказал он.

Кордона потянулся к карману, но долговязый кивком указал на запечатанную пачку «Кэмел», вместе с зажигалкой небрежно брошенную на стойку.

— Зачем искать? Курево под носом.

— У меня для друзей есть особые, — нашелся Кордона.

— А мне нравятся эти. — Долговязый отогнул борт пиджака и показал медный значок Интерпола. — И дай мне ту пачку, которую ты поймал, — обернулся он к бармену.

Этим и воспользовался Кордона с почти одновременной реакцией. Прямым справа в челюсть, вложив в удар всю тяжесть своих ста килограммов, он опрокинул долговязого на пол.

— Верни товар. Передам после, — торопливо бросил он бармену.

И, пока тот с сифоном приводил в чувство упавшего, Кордона уже ехал с Беном в «Альгамбру». «Не догадается и не успеет, — думал он, — а Элис, видимо достаточно преданная Смайли, пригодится для связи с Чарли».

...Профессиональный удар! Школа. Я бы так не мог. И как болят костяшки. А я даже не могу поднести руку к лицу, чтобы посмотреть, не сбита ли кожа на суставах. Сколько раз солгал этот гангстер! И по привычке, и по расчету. Теперь он солжет Элис, и не только для того, чтобы использовать ее как посыльного. Солжет с наслаждением, чтобы отомстить мне, потому что я уже мешаю. Слишком много знакомств — уже не выгода, а помеха. Количество переходит в качество, как говорит Рослов. А Элис ждет. Пуар уже предупредил ее о моем приезде. Старый пьяница не обратил внимания на слова подонка: «Пусть ждет, никуда не уходит». Я бы никогда так не сказал. Куда ей уйти, когда дежурство не кончилось. Старшая по этажу отеля «Альгамбра» всегда на месте. Может быть, мы с ней пошли бы в бар после дежурства — она верит мне, как чековой книжке. И знает при этом, что я никогда не женюсь и ее не сделаю миссис Смайли. А все же не променяет меня

даже на Грегори Пека¹. Интересно, что скажет этот лгун. Времени у него действительно мало. Он то и дело поглядывает на часы и скалится, как собака, готовая укусить. Остановились. Выходим из машины. Обиженному Бену кивок и мелочь, ни полслова приветя. Да смотри же в оба, Бен! Ведь это не я. Не я. Разве я так расплачиваюсь? Разве я так прощаюсь? А Бен не уезжает, ждет. Знает, что Смайли снова понадобится машина, хотя эта тварь и не подумала предупредить. Невежливость и просчет. Или он будет дожидаться в «Альгамбре»?

«Сошло», — облегченно вздохнул Кордона после пятиминутного разговора с Элис. Ни одного промаха. Ни разу не дал он почувствовать в нем чужого. Сразу поддел ее на крючок.

— Скучно, детка? — спросил он, ухарски подмигнув, как герой вестерна кельнерше в ковбойском салуне. — Ну а теперь — всё. Конец. Впереди одна радость, без тревог и сомнений.

— Шутишь? — не поверила Элис.

— И не думаю, — продолжал Кордона, не давая ей опомниться и поразмыслить. — Мне уже осточертело мое привольное одиночество. Мне нужна миссис Смайли.

Она покраснела.

— А почему? — давил Кордона. — Вон собор на горе. Видишь? Только одно условие.

Глаза ее потемнели. «Какое угодно», — сказали глаза.

— Положишь в сумку эти вещички. — Он выгрузил на стол замаскированные ампулы. — Поедешь в «Майами-Бич». Бармена Чарли знаешь? Тем лучше. С подъезда не входи. Войдешь со служебного, и только в том случае, если поблизости нет полицейских и посторонних. Вызовешь Чарли и передашь ему все, если никого возле не будет. В противном случае жди или возвращайся. Чарли передаст тебе деньги. Это на свадьбу. Вручишь мне их в отеле «Хилтон», шестой этаж, номер триста одиннадцать. Если дверь заперта, не стучи. Вот ключ. Открой и дождайся. Есть джин, кюрасо и виски. Можешь сделать коктейль.

— Когда ехать?

¹ Известный американский киноактер.

— Сейчас.
— Не могу. Я на дежурстве.
— Посади кого-нибудь на свое место.
— Нельзя. Если узнает управляющий, могу потерять место.

— Плюнь. Миссис Смайли не надо служить в отеле.
«Операция Элис» отняла не более двадцати минут. «А девчонка — прелесть, — подумал Кордона. — Жаль, времени нет». Пусть подает в суд на Смайли за нарушение обещания жениться или идет с ним в мэрию или в собор на горе. А он, Кордона, уедет с пачкой долларов в кармане сегодня же вечером. Его фруктовый рефрижератор все еще стоит у причала. К ночи погрузится.

С этими мыслями Кордона поднялся к себе на шестой этаж и открыл взятым у портье ключом отведенные ему апартаменты. И тут же охнул. Кто-то вывернул назад его левую руку, а на правой щелкнул наручник. Другой наручник замкнулся на руке нападавшего.

— Пошли, Смайли, — сказал парень с наручником.

— Поторапливайся, — прибавил его напарник, ткнувший Кордону чем-то металлическим в бок.

Тот сразу догадался чем.

«Попалась Элис и раскололась», — подумал он, вздохнул и покорился судьбе. Он даже не потребовал у задержавших его показать значки. Зачем? Все и так ясно.

...Ему ясно. Думает, что арестован Интерполом. Идиот. Ну а мне ясно? Что я знаю, кроме того, что это мои ночные визитеры из Штатов? Что им понадобился именно Смайли, а не Кордона. Что их тревожит бизнес Смайли, а не контрабанда наркотиков. Но зачем понадобился? Почему тревожит? Этот подонок теперь будет лгать им, губить мою репутацию, как погубил ее в глазах таможенников, Гривса, Чарли и Элис. Нет больше честного Смайли, есть обманщик Смайли, лгун, лгун, лгун. Неужели так и не наступит расплата? И кто будет расплачиваться — я или он?

Сейчас мы подъезжаем к белому двухэтажному особняку за чугунной плетенкой оградой. Гаревая дорожка ведет к подъезду. Никакой вывески. Понятно почему — здесь не рекламируют свой бизнес. Мы оба это знаем. Он молчит, а у меня нет права голоса. Две жизни в одном теле, как пара рельсов, которые не разойдутся до первой стрелки. Когда же будет наконец эта стрелка?

С Кордоны сняли наручники и закрепили зажимы для датчиков. Кресло на колесиках подвезли к аппарату, похожему на спрута с разноцветными проводами щупалец. Вместо глаз у него рычаги управления, а вместо рта прорез с валиком для бумажной ленты и с упором для перьев автоматических самописцев. «Детектор лжи», — подумал Кордона и спросил, сорвавшись на хрип:

— Проверять будете?

Парни, неизвестные Кордоне, переглянулись. Один — лысый, обрюзгший, видимо любитель выпить; другой — подтянутый, кривоносый, хищный.

— Сиди смирно, — предупредил он, — объяснять ничего не буду: некогда и незачем. Датчики реагируют на движение, давление, дыхание и пот. Соврешь — что-нибудь да просигнализирует.

— А потом? — спросил Кордона.

Оба парня — теперь уже в белых халатах — переглянулись.

— Узнаешь. Лучше не ври. Тебе же лучше, — сказал лысый.

— Включаю, — перебил его напарник.

Что-то загудело, как бормашина. Кордона ничего не почувствовал, кроме стесненности в движениях.

— Теперь отвечай кратенько на любой вопрос.

— Только «да» или «нет»? — прохрипел Кордона.

— У нас более совершенная аппаратура. Реагирует на любую реплику, если она лжива. Но не распространяйся. Лучше короче.

— Где русские? — спросил кривоносый.

— Какие?

— Отвечай без вопросительных знаков. Где твои русские? В Гамильтоне?

— Я не знаю, о ком вы говорите.

Удар тока пронизал все тело Кордоны. Смайли это ощутил, но даже не дернулся. Дернулся Кордона.

— Что они ищут на острове?

— Не знаю.

Аппарат не среагировал. Парни в белых халатах переглянулись. Но так и должно было случиться: не зная русских, Кордона не знал, что они могут искать, а Смайли тоже не знал, что могут искать русские, находящиеся, как и он, в состоянии прострации.

— Они не откровенничают с тобой, Смайли?

— Я не Смайли, — признался Кордона.

И солгал. Новый удар тока потряс его тело. Он взвизгнул.

— Не визжи. Не поможет. Лучше не ври. Имя?

— Кордона. Фернандо Кордона.

Опять удар тока. Кордона подпрыгнул вместе с креслом, опутанный проводами.

— Говорили: не ври, — сказал кривоносый. — Мы тебя пятый год знаем.

Кордона заплакал.

— Я не вру. Я контрабандист. Я подпольный торговец наркотиками. Я провез из Штатов сто ампул... Матьер Божия! Спросите у Чарли из «Майами-Бич».

Аппарат не ответил. Кордона облегченно вздохнул. И опять переглянулись парни в халатах. Неужели Смайли связался с наркотиками?

— Сменил бизнес, Смайли?

— Да.

Еще раз подпрыгнуло под током тело Кордоны.

— Зачем же врешь?

— Я не вру. Я ничего не менял. Я всегда провозил наркотики. На Багамы, на Ямайку, на Гаити. И сейчас провез. Ампулы у Элис из «Альгамбры» или у Чарли. Я не Смайли, я только похож на Смайли.

— Не Смайли? — переспросил лысый.

— Нет.

Тело Кордоны снова подпрыгнуло, но уже без сознания.

— Может, свяжемся с Интерполом, Мак? — спросил кривоносый, выключив аппарат.

— Слабак, — сказал лысый.

— Если заставить себя верить в то, что говоришь, аппарат не подействует. Сила воли нужна. Я знал многих, которые обманывали эту штуковину. Значит, в Интерпол?

Лысый кивнул.

А Смайли все-таки обманул их. Его, именно его, тело, уже потерявшее сознание Кордоны, хотя и скорченное током, источало блаженство. Откуда мог знать Кордона, что он отчужденный? Не Кордона и не Смайли. Все ложь. И да — ложь, и нет — ложь. Не знает русских —

ложь, потому что он Смайли. Не торгует наркотиками — ложь, потому что он Кордона.

«Лысый прав — слабак! Будь я в этом черепе, обманул бы эту штуковину. С удовольствием бы обманул. Редкий случай, когда ложь доставила бы мне удовольствие. Зато я теперь все знаю о лжи: как чувствуешь, когда лжешь по привычке, когда во спасение, когда из страха и когда из мести».

— Я тоже, — сказал Голос.

Глава 8

РАССКАЗ О СОВЕСТИ

Розовый сумрак качался вокруг Янины, как на лодке в мертвую зыбь в предрассветном тумане, чуть-чуть подсвеченном солнцем. Она уже ничего не чувствовала — ни сердца, еще минуту назад тревожно стучавшего в груди, ни крови, приливавшей к щекам, ни жары. Казалось, она умерла и душа ее, по христианскому вероучению, еще витает над телом. «Какая чушь, — усмехнулась мысль, — просто отключилось сознание. Как во сне или под гипнозом».

— Это не гипноз, — сказал Голос, — гипноз еще будет. Это как в театре — увертюра к драме. Играет оркестр, в зале тихо, вот-вот взвывается занавес.

— Раздвинется, — машинально поправила Янина.

— Все равно. Когда-то он подымался, когда-то его вовсе не было. Впрочем, я никогда не сидел в зрительном зале и не слышал оркестра. Как мало я еще знаю и как много надо узнать.

— От меня?

— И от тебя. Я сделаю с тобой то, что сделал сейчас с твоими друзьями. Или не совсем то. Почти, как у вас говорят о приближенных вариантах. Я не раздваиваю твоей личности — только психику, освободив некое надсознание, которое и даст мне то, что ты в силах дать.

— Что же именно? — Мысль рождалась нормально, как рождается она в процессе ничем не осложненного мышления.

— Что есть совесть? — спросил в ответ Голос.

В живой беседе Янина бы засмеялась. Потом задумалась. Потом ответила, может быть, даже не очень уверенно. Сейчас чистая ее мысль откликнулась не задумываясь.

— Реакция нервной системы на противоречия между поступками человека и его нравственными принципами.

— Это философски, а математически?

— Затрудняюсь ответить. Впрочем... кто-то пустил крылатое словечко: совесть — это обратная связь. А можно и так: оптимальный вариант столкновения двух взаимно исключаящих величин. В данном случае — функций сознания и мышления. Исключение такого столкновения исключает и совесть. Можно найти и другую формулу. Ответов много.

— Я знаю всё, — сказал Голос, — и всё о реакции организма на такое, как ты говоришь, столкновение. Все изменения, какие вызывает оно в сердечно-сосудистой системе, дыхании, функциях эпителия и потовых желез и даже в химическом составе крови. Но я не знаю твоих эмоциональных состояний. Эту информацию и даст мне опыт. Он не долгов и физически безболезнен. Внимай.

Розовый сумрак, качавшийся в отчужденных глазах Янины, растаял, будто развеянный ветром. Но ветра не было: «кондиционерки» создавали приятную прохладу при закупоренных окнах и закрытых дверях. Янина сидела в уголке шикарного нью-йоркского бара вместе с Рословым. Почему нью-йоркского? Этот вопрос могло задать только надсознание Янины, хорошо знавшей, что находится она в палатке «белого острова»-рифа, в сознании же Янины из бара такой вопрос даже не возникал, она воспринимала и свое пребывание в Нью-Йорке и в этом баре в компании с Рословым как нечто должное, заранее обусловленное. Рослов рассказывал ей содержание какого-то ковбойского фильма, просмотренного им по телевизору в гостинице, рассказывал смачно, по-актерски подыгрывая, но Янину это не развлекало. Рослов сейчас напомнил ей трактирщика из Забже в ее трудном послевоенном детстве, когда она мыла посуду в трактире, помогая перебивавшейся без мужа матери. У трактирщика была такая же иссиня-черная борода, и он так же прятал глаза, когда говорил сальности забегавшим девчонкам. Рослов сегодня не развлекал, даже отталкивал какой-то своей необычностью. Янина с кораллового

острова, наблюдавшая как бы со стороны эту встречу, тоже заметила, что Рослов — не Рослов. И голос наиграннее, и поведение развязнее, и не свойственная ему манера отводить взгляд, отворачиваясь или опуская веки. Янина из бара не анализировала этих различий, она инстинктивно замкнулась в себе и помалкивала, прихлебывая остывший кофе. Мысль ее блуждала по цепочкам ассоциаций от детства к юности в Московском университете, к знакомству с Рословым, уже и тогда шеголявшим своей траурной бородой и резкостями, подчас обидными, по адресу своих однокурсниц. Доставалось порой и Янине, но Рослов ей нравился. Нравится и теперь, пожалуй, даже больше, чем прежде, потому что юношеская угловатость исчезла, а резкость смягчилась необидной, веселой иронией.

Надсознание Янины с безотчетной тревогой регистрировало их тихий диалог.

— То есть глупство, пани Желенска, то есть глупство.

— Не надо, Анджей.

— Я не понимаю твоего упрямства.

— Мы еще не перешли на «ты».

— Перейдем. Я предупреждаю события. Когда люди друг другу нравятся, незачем туманить мозги условностью.

— Не расписывайтесь за меня.

— Так я ж не любви прошу, а простого одолжения. Как друг и коллега. Мы люди одной специальности. Если знаешь ты о работе Мак-Кэрри, могу знать и я.

— Спроси его самого.

— Он же упрям, как ишак. Открылся тебе — и баста. А наука стоит.

— Чем же ты хочешь двинуть ее? Чужой подсказкой? Плагиатом? Украденной идеей?

— Я не собираюсь ничего красть. Может быть, только воспользоваться ею, как трамплином. Могу прыгнуть дальше Мак-Кэрри. Почему бы нет?

— Нет, Анджей. Два раза нет. И на «ты» не могу, и смените пластинку. Иначе я потеряю к вам уважение.

— Плевать я хотел на уважение! Мне страсть нужна и преданность.

— К сожалению, я не могу дать вам ни того, ни другого.

— Даже в таком пустяке? Заглянуть в доклад старика, который он почему-то не обнаружил. Подумаешь, преступление!

— Без ведома автора? Преступление.

— Количество переходит в качество, Яна. С уменьшением состава преступления уменьшается и вина. Это уже не преступление, а его элементарная частица. Мезон.

— Не играйте словами. Не могу.

Отчужденная мысль Янины тотчас же воспроизвела всю цепочку предшествовавших этому разговору событий. Доклад Мак-Кэрри действительно значился в программе симпозиума — кратенький доклад, скорее сообщение на шестнадцать страниц типографского текста стандартного формата английских научных изданий. О докладе задолго до его оглашения говорили как о возможной сенсации. Тема его перекликалась с проблемой моделирования процессов информации и мышления, уже разработанной в Советском Союзе, но Мак-Кэрри шел своим путем, может быть даже ошибочным, но и в его ошибках участники симпозиума склонны были видеть эмбрионы интересных находок. Особенно любопытствовали кибернетики, связанные с наиболее сложной областью промышленной электроники, с производством так называемых самоорганизующихся систем. И это любопытство, не всегда только научное, часто с душком уличной сенсации, создало вокруг скромного и равнодушно-го к рекламе ученого атмосферу нездорового ажиотажа. Его на каждом шагу атаковали репортеры, толпившиеся в кулуарах симпозиума, агенты фирм, конструирующих системы автоматического программирования, лица неведомых профессий и специальностей, у которых на губах только один вопрос: «Сколько?» Когда же измученный профессор раздраженно спрашивал: «За что?», ответ был один: «За возможность скопировать доклад до его обнаружения». Еще большей сенсацией оказалось внезапное решение Мак-Кэрри снять доклад с программы симпозиума. Мотивы? «Рановато. Поторопился. Кое-что надо домыслить и подработать». Но все понимали: профессор хитрит и недоговаривает. Янина, к которой он благоволил, получила более точную информацию. Профессор признался, что в его запертый особым ключом номер отеля проникли неизвестные лица, дважды перерыли замкнутые особым замком чемоданы, но доклада не нашли. Яни-

на не рискнула спросить, где спрятал его профессор, но тот сам открыл ей секрет. «Хотите проглядеть эти шестнадцать страничек?» — спросил он. «Очень». Тогда Мак-Кэрри извлек из кармана плоскую отвертку («С собой ношу, чтоб не догадались»), тщательно отделил верхний фанерный лист от внутренней стенки шкафа и осторожно вытащил оттуда злополучный доклад. «Прочтите и помалкивайте, — сказал он, — а я скажу кое-кому, что доклад у вас». — «Зачем?» — удивилась Янина. «Проверочка». Через день Янина убедилась, что «проверочка» сработала: ее багаж был перерыт до чулок и перчаток. Даже сумочку с дамскими пустяками вывернули наизнанку. А теперь к Янине подослали псевдо-Рослова.

То, что он «псевдо», отчужденная мысль ее определила безошибочно с первых минут этой странной встречи. Не те манеры, не тот разговор, не те интонации. Можно спрятать глаза, но нельзя спрятать выделяющейся, как пот, вульгарности. Можно сыграть искренность, но нельзя сыграть врожденного обаяния. Об этом наконец догадалась и Янина из бара. Когда псевдо-Рослов устал и раскрылся вдруг, как раскрывается подчас на ринге слишком расслабившийся боксер, она увидела чужие глаза. Хищные, злые, бесцеремонные.

— Вы не Рослов, — сказала она.

— А кто?

— Не знаю. Вы чужой. Только похожий. Не Анджей. Не обманете.

— Догадались? — усмехнулся ее собеседник и, как показалось отчужденной Янине, даже облегченно вздохнул. — Значит, представление окончилось. Гамлет и Офелия снимают грим и подсчитывают заработок.

— Во-первых, вы не Гамлет, а Шейлок, а во-вторых, мне подсчитывать нечего.

— Хотите тысячу зеленых?

— Не знаю блатного жаргона.

— Две тысячи.

— За что?

— Сообщите, где спрятан доклад старика. Он нужен нам, и мы не отступим.

— Кому это «вам»?

— Мы не разведка и не полиция. Мы солидное коммерческое предприятие, специализирующееся на электронике особого рода. Оплата немедленно.

Не ответив, Янина встала, но тут же сильная рука сидевшего рядом грубо толкнула ее на место.

— Не делайте глупостей. В двух шагах от бара на вас случайно наедет машина.

— Я позову полицию.

— Не поможет. Я предъявлю полицейскому удостоверение врача-психиатра, а вас представлю как пациентку, сбежавшую из моей частной клиники. Документов у вас нет, опровергнуть не сможете.

— Подлец!

— Об этом я слышал еще со школьной скамьи. Но сейчас речь идет не о моих личных качествах, а о сумме вашего гонорара. Три тысячи.

— Нет.

— Пять.

— Считайте хоть до миллиона.

— Мы испробовали два варианта. Степень вашей влюбленности и степень алчности к деньгам, присущей большей части прекрасного пола. К сожалению, для вас оба они не сработали. Остается третий.

Янина из бара выплеснула остатки кофе ему в лицо. «Молодец, — отметила ее отчужденная мысль, — я бы сделала точно так же». Но псевдо-Рослов даже не стер кофе с лица, он просто повернул ее за плечи и взглянул ей прямо в глаза. Взгляды их встретились: один — как удар электротока, другой — отброшенный и погасший.

— Спи, — сказал он, не повышая голоса.

Янина вытянулась, безмолвная, с открытыми остекленевшими глазами, с отхлынувшей от лица кровью, в каталептической напряженности. Выдающий себя за Рослова, все еще не отводя глаз, продолжал так же тихо:

— Отвечай на вопросы кратко и точно. Где спрятан доклад?

— В шкафу за фанерной стенкой.

— С какой стороны?

— Справа. Нужно слегка отделить верхний лист фанеры ножом или отверткой.

— Гус! — негромко позвал псевдо-Рослов.

К столу подошел человек неопределенных лет, с неопределенным лицом, в костюме такого же неопределенного цвета. Ни один даже самый наблюдательный поли-

цейский не смог бы дать его исчерпывающий словесный портрет.

Пояснив требуемое, псевдо-Рослов спросил:

— Сколько времени потребует операция?

— Десять минут езды. Две-три минуты на изъятие объекта, четверть часа пересъемка. Те же две-три минуты на возвращение объекта на место.

— Стоп! Ты привезешь мне доклад сюда.

— Рискованно, шеф. Проще вернуть.

— Я сказал.

Незагипнотизированная мысль Янины-первой тотчас же отметила самое любопытное в создавшейся ситуации. Теоретически любому ученому, занимающемуся исследованиями активности мозга, связанной с формами поведения, известно, что есть гипносон. Никаких признаков естественного сна в нем не обнаруживается. Все ассоциативные связи и все хранилища информации остаются нетронутыми, а контакт этих структур с внешним миром ограничивается только одним путем, который и выбирает гипнотизер. Все это можно наблюдать на любом сеансе гипноза, и трезвая мысль Янины ничего нового для себя не вынесла. Но она проникла в непознанное — в гипносон с точки зрения гипнотизируемого. Она ясно воспринимала приказы гипнотизера, вызывавшие в сознании спящей Янины импульсы подчиненности, покорности, рабства, ясно оценивала эти патологические искажения сознания, все знала, все помнила и ничего не могла изменить. Глазами спящей Янины она видела и псевдо-Рослова, и себя, сидевшую перед ним в гипнотической неподвижности. Сейчас он ее разбудит. Как скоро бы ни окончилась затеянная им операция, даже недолго держать человека под гипнозом в общественном месте рискованно и опасно.

— Проснись, — сказал он, — и забудь все до тех пор, пока тебе не вручат искомый доклад. Тогда вспоминай и казись. Вот так.

Рослов-оборотень мстил. За отвергнутые домогательства, за разоблачение, за неподкупность. Полчаса он провел за болтовней о пустяках, вновь выдавая себя за Рослова. И подавленная психика Янины-второй не могла различить обмана, отвергнуть его и вернуть свободу мысли и воли. Нетопырь знал, что делал. Он ждал. И когда его агент молча вручил ему шестнадцать

типографских страничек, он улыбнулся и вручил их Янине.

— Это доклад Мак-Кэрри, пани Желенска. Можете положить его на место сами или вернуть профессору любым другим способом. Конечно, мы смогли бы сделать это за вас, а вы — прочно забыть о случившемся, но мы не хотим лишать вас памяти о бескорыстном участии в нашей маленькой операции.

Говорят, глаза — зеркало души. Если бы это было верно, то восстановление утраченной памяти отразилось бы в глазах Янины трагедией шекспировского накала. А так — просто расширились зрачки и что-то мелькнуло в них и погасло. «Надсознание» Янины сразу же подсказало психиатрический термин: «адреналиновая тоска» — избыток адреналина в синапсах мозга. А душевное состояние Янины, которой внезапное возвращение памяти открыло всю глубину совершенного ею предательства, можно было назвать, не прибегая к научной терминологии, истошным криком души. «Моя подлость. Мое предательство. Нет ни оправдания, ни снисхождения. Нет даже смягчающих обстоятельств. Гипноз бессилен, если ему сопротивляются. А я сопротивлялась? Нет. Могла бы крикнуть, привлечь внимание, плюнуть в его бесстыжие бельмы... Тварь. Я тварь. Я хуже его. Это его работа. Пусть грязная, но работа. А я глупая курица, которую ошипали, не зарезав. Мне плюнет в глаза Мак-Кэрри. Большого я не стою. А как жить с плевком в душе? Может быть, из окна гостиницы вниз?»

Эти переживания Янины-второй не отразились в сознании Янины-первой. Отчужденная мысль ее холодно прочла их, оценила и запомнила. Мало того, она знала, что происходившее в баре не происходит в действительности, не происходило и никогда, вероятно, не произойдет. Знала, что все это лишь дурной сон необыкновенной реальности, возможно, гипногаллюцинация с неизвестным источником внушения. Но крик души этой глупышки из бара, истошный крик ее обманутой совести не пролетел мимо. У них было одно сердце, одно дыхание, одни руки, судорожно ломавшие пальцы. И вся эта боль, и стыд, и страх дошли до Янины с «белого острова» такой же невыносимой мукой.

— Трудно? — спросил Голос.

— Очень, — откликнулось сознание Янины, ее вновь обретенное, неразвоенное, единственное «я».

— Мне достаточно, — сказал Голос. — Очнись.

Янина обвела глазами уважительно молчавших друзей и с трудом проглотила слюну. Даже рассказывать о пережитом было непереносимо...

— Неужели так похож на меня? — вдруг спросил Рослов.

— Почти. Только вульгарнее и грубее. И потом, глаза... — Янину перевернуло.

— Не понимаю, зачем ему этот маскарад?

— Кому? — не понял Шпагин.

— Этому Некто из космоса. Мог бы создать не подражателя, а дубль. Что ему стоило?

— Ты же был в Древнем Риме.

— А я? — огрызнулся Смайли. — Где я был? Помогал провозить контрабанду подонку из Аризоны. Я никогда не видел его раньше. Даже не слышал о нем.

— И не услышишь.

— Так кто же объяснит мне всю эту дьявольщину? Молчите, ученые?

— Я могу сразу выдать вам тридцать три гипотезы, — сказал Рослов, — но это будут тридцать три сказки для первокурсников. При соприкосновении с наукой — аннигиляция. Потому что, сэр Роберт, ни в одну земную науку это «варево» не влезает.

Он вскочил и, обратив к небу свою ассирийскую бороду, завопил:

— Эй ты, из космоса или из-под воды! Только подопытным кроликам не сообщают о цели опытов. А мы люди. Хочешь контакта — веди себя прилично! Спрашивают — отвечай! Ну?

Тирада Рослова безответно прозвучала в голубой тиши. Легкий бриз с океана прогибал стенки палатки. Нестерпимо белел разогретый солнцем коралл.

— Надо уезжать отсюда, — прошептала Янина, пожившись, хотя ветер был тихий и теплый.

Трое мужчин молча собрали имущество, сложили палатку и спустились к яхте, неподвижно дремавшей в неправдоподобной бухточке. Янина оглянулась. Так же торчала ребром вбитая в океанскую синь белая тарелка острова. Так же сбегала по ней зеленая морская волна.

И никаких следов тайны!

Глава 9

ГАДАНИЯ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

Профессор Мак-Кэрри вошел в их номер, когда кофе уже остыл.

— Последняя чашка, — извинилась Янина, — еле теплая. Да и кофе уже густой.

Профессор отхлебнул и поморщился.

— Моя вина, — сказал он, подымая ложечкой кофейную гущу. — Но это, пожалуй, и к лучшему. Надеюсь, вы меня поняли?

Этот кратенький обмен репликами предшествовал самой продолжительной их беседе на островах, с тех пор как невидимый джинн из невидимой бутылки приобщил их ко всяческим чудесам и тайнам.

Но этой беседе, в свою очередь, предшествовали бурно развившиеся события.

Начало положила отчаянная телеграмма профессору Мак-Кэрри в Соединенные Штаты:

«Задержались в Гамильтоне на Бермудах. На пороге открытия буквально мирового значения. Ваше присутствие срочно необходимо. Ждем».

В тот же день пришел недоуменный телеграфный ответ:

«Не понимаю, почему и зачем вы очутились на Бермудах. Какое открытие? Телеграфируйте подробности».

В ответ полетела в Нью-Йорк еще более отчаянная телеграмма:

«Подробности по телеграфу рискованны и нецелесообразны. Открытие ошеломляющее и требует скорых и безошибочных решений. Вылетайте немедленно».

Эта телеграфная дуэль привела к событиям не столько неожиданным, сколько назойливым и чреватым похемами. В мире бизнеса нет секретов и тайн, если чье-нибудь ухо услышит за ними шуршание денежных купюр любого достоинства. Телеграмму профессору отправили

в одиннадцать вечера, а уже к полуночи к Смайли заявили знакомые парни из Штатов. Их удалось выставить с помощью агентов полиции, посланных в распоряжение Смайли на случай непредвиденных неожиданностей. Бойкие парни из Штатов ретировались, пообещав крепко пощупать его в Нью-Йорке. Не успел он выспаться, как ему пришлось бежать из гостиницы по служебному ходу. С первым утренним самолетом в Гамильтон из Нью-Йорка прибыли пять газетных корреспондентов и два журнальных. Янину атаковали в лифте, откуда она едва вырвалась, закрывая лицо от фотовспышек. Рослова и Шпагина осадили в холле, сразу же включив магнитофоны и открыв прицельный словесно-пулеметный обстрел:

— Какое открытие сделано вами на Бермудах?

— Где именно?

— В какой области?

— Может быть, это золото?

— Или уран?

— Почему вы настаиваете на прибытии Мак-Кэрри?

— Как будет проводиться эксплуатация? Частной фирмой или международным концерном?

— Будет ли претендовать Англия на преимущественное право эксплуатации, поскольку открытие сделано на ее территории?

— В группе открывателей есть представители Америки и Польши. Можно ли предполагать участие этих государств в эксплуатации?

— Не связано ли открытие с летающими тарелками?

— Или с марсианами?

— Не грозит ли оно войной?

— Или само по себе угрожает человечеству?

Дождавшись паузы, Рослов переглянулся со Шпагиным, и оба сразу поняли и согласились друг с другом. С газетчиками лучше не ссориться — пригодятся, а проводимые наблюдения все равно не удастся сохранить в тайне. Нужно вывернуться, оттянуть, сыграть в покер, не открывая карт. И Рослов мгновенно сымпровизировал самую краткую в истории мировой журналистики пресс-конференцию.

— Стоп! — крикнул он, заметив уже открытый рот ближайшего репортера. — Отвечаю.

Рты замкнулись, магнитофоны жужжали, камеры щелкали. Рослов, запомнивший смысл и порядок во-

просов, отвечал быстро и лаконично, с паузами: вдох — выдох.

— Открытие, если это можно назвать открытием, сделано на одном из множества коралловых рифов в радиусе от пятидесяти до ста километров.

О характере его и научной ценности сообщим позже, после дополнительной консультации и проверки с участием профессора Мак-Кэрри. Его присутствие необходимо потому, что заинтересовавшая нас проблема относится к его научному профилю.

А вот ни к геологии, ни к химии, ни к редким металлам она никакого отношения не имеет. К марсианам и летающим тарелкам — тоже.

Поскольку речь идет не о природных богатствах, которые можно разрабатывать, или явлениях, с которыми можно экспериментировать, не может быть разговора и об эксплуатации, а следовательно, и о фирмах, концернах, обществах и государствах, в такой эксплуатации заинтересованных. Интересант здесь один — наука. А наука интернациональна и границ не имеет.

О вредности и полезности сделанных нами наблюдений и выводов может судить лишь авторитетная комиссия ученых, каковая, думаем, и будет создана в самом ближайшем будущем.

Разговор о войне и опасности, якобы угрожающей человечеству, оставим для невежд и кретинов, каковых среди нас, разумеется, нет. Все. А засим до свидания на следующей пресс-конференции, которая не заставит себя долго ждать.

Не слишком удовлетворенные репортеры отправились на поиски следов экспедиции. Но Смайли уже успел предупредить всех участников губернаторского обеда о возможном нашествии гуннов. Губернатор лично позвонил редактору местной курортной газеты с просьбой не печатать вздорных слухов и гасить их, если они проникнут на полосы на кончике чьего-либо пера. Пэррот был неопасен, а Смэтсу послали дюжину шотландского виски и полицейского с заданием охранять пьяный покой отставного инспектора. Предупредительные меры принесли свои плоды: в прибывших с вечерним самолетом газетах не было никаких бермудских сенсаций, кроме пресс-конференции Рослова и его телеграфной переписки с Мак-Кэрри. Да и эту «дырку от бублика», по мет-

кому выражению Шпагина, оттеснили с первых полос на четвертые: «сенсация» пока еще не работала.

Мак-Кэрри прибыл вместе с газетами. Внимательно, но без видимого воодушевления он выслушал обстоятельный доклад Шпагина (Рослов, слишком ленивый для этого, свалил все суммирование информации на работягу-друга), задал несколько вопросов, уточнявших детали пережитого каждым на острове, помолчал, пощелкал пальцами по привычке, когда сказать было нечего или говорить не хотелось, потом произнес тоном судьи, зачитывающего не радующий его приговор:

— Пожалуй, сейчас я ничего не скажу. Не хотелось бы доставлять удовольствие Папе Римскому: есть во всем этом какой-то запах соборных свечей, теплящихся во славу непознаваемого. Но, может быть, завтра за утренним кофе мы сумеем приблизить непознаваемое к еще не познанному.

А утром, когда, глотнув остывший кофе, профессор столь выразительно поморщился, Янина смутилась. Реплика его о том, что «все это к лучшему» и «надеюсь, вы меня поняли», до нее не дошла. Она засуетилась: «Сварю свежий, погодите минуточку». Но Мак-Кэрри поймал ее за руку.

— Не надо. Я уже солидно позавтракал. А кофейная гуща — это как раз то, что нам сейчас нужно. Будем гадать. — Он задержался взглядом на Смайли. — Начнем с вас, господин американец. Вы — человек, от науки далекий, но с крепкой жизненной хваткой и умением разбираться в любых обстоятельствах. Вот и расскажите нам, что, по-вашему, происходит на острове?

Смайли поморгал, хмыкнул и развел руками.

— Рассказать? Так вам уже всё рассказали. А вот объяснить — это дело науки.

— Допустим, что науки подле вас нет. Вы один. И вам надо держать ответ.

Смайли не капризничал. Ответ так ответ. Пожалуйста.

— Сначала я на спутник подумал. Этакая летающая лаборатория. Ее нам не видно, а у них приборы. Но ребята меня разуверили. Говорят, что невидимых для астрономов спутников не бывает и что появление такого спутника, да еще на одном месте, зарегистрировали бы все обсерватории мира. Ну а если не спутник, тогда что?

В Бога я не верю, а этот тип сам подтверждает, что он не Бог, не всемогущий и не всезнающий. Самому, мол, что-то неясно и понять хочется. Вот я и допускаю: не всемогущ, но могуч: магнитные фокусы его сам видел. Говорят, поле такой мощности можно создать только в лабораторных условиях. Тогда где же его лаборатория? Остров я сам облазил: ни одной трещинки, ни одного секретного входа, а бухточка насквозь просматривается, как банка с дистиллированной водой из аптеки. Где-нибудь под водой по соседству? Не знаю. Там глубины большие.

— Значит, в глубинах?

— Не думаю. Как можно разговаривать сквозь толщу воды в два и в три километра? И магнитные аттракционы показывать или картины из древней истории. Нет, проф, скорей в летающие тарелки поверю и в каких-нибудь зеленых человечков из космоса.

— А откуда, по-вашему, знают эти зеленые человечки о Христе, Гомере, египетских богах и александрийских папирусах?

— Так у них же аппаратура. Мнемовизоры какие-нибудь или видеоскопы. Тут, проф, и ваша наука не разберется.

Мак-Кэрри без улыбки загнул один палец.

— Значит, летающие тарелки и зеленые человечки. Раз. Кто следующий?

— Оставьте меня напоследок, — сказал Рослов, — у меня бомба.

— Хорошо, — согласился Мак-Кэрри, — дорогу женщине. Тем более, что гадать на кофейной гуще — специальность скорее женская, чем мужская. Итак, продолжайте вы, Яна.

Янина приняла эстафету не очень уверенно. Но у нее был длинный этап и хорошее дыхание. Впрочем, и она начала с фальстарта.

— Вероятно, я плохая гадалка, — сказала она, розовея. — Для гадалок и для фантастов нужно воображение. А я всегда мечтала написать фантастический рассказ, и никогда у меня это не получалось. Впрочем, попробую. Речь, как я понимаю, идет прежде всего о каком-то источнике магнитных и психических возбуждений, а может быть, только магнитных, потому что они могут порождать и психические. Где находится этот

источник? Пространственно — в зоне «белого острова». Где точно — в его толще, под водой или в воздухе, может быть, даже за пределами земной атмосферы, — не знаю. Даже больше — сомневаюсь, что именно там. И задаю в свою очередь еретический вопрос: а почему именно в нашем пространственном измерении, а не в другой его пространственной фазе? И на острове, и в то же время вне его. С чисто математической точки зрения это вполне допустимо, а в научной фантастике уже давно стало штампом. Продолжаем допущение. Чтобы войти в контакт с нашим трехмерным миром, геометрический парадокс должен соединиться с физическим. А физическое проникновение в наш мир материального тела — твердого, жидкого или газообразного — невозможно и, следовательно, недостижимо. Но возможно и достижимо, предположим, лучевое проникновение, какое-то управляемое извне излучение, своего рода лазер, который может стать дистанционным датчиком информации — проникнуть в любую библиотеку, фильмотеку, фонотеку, прочесть любую книгу, любую нотную запись, свести воедино чередование любых кинокадров, переписать любую песню с магнитофонной ленты, любую передачу из телестудии.

— А египетскую клинопись? — спросил Рослов.

— Ее можно прочесть по-английски и по-французски. Она давно расшифрована.

— А папирусы Александрийской библиотеки?

— Мне кажется, — задумалась Янина, не реагируя на лукавые выпады Рослова, — что это только гипотеза на основе вероятностных допущений. Или мы не поняли Голос, или он не сумел точно выразить свою мысль. Я лично думаю, что он имел в виду какие-то крохи информации, где-то сохранившиеся и не принятые во внимание земными учеными, но умно собранные воедино с лучевых датчиков.

— Уничтожьте все издания Шекспира и все о нем написанное, и через тысячелетие никакая суперэлектроника не восстановит истории Гамлета или Отелло.

— С Шекспиром даже проще. Останется театральная традиция, память поколений, какие-то цитаты, намеки, ассоциации. Восстановить не восстановят, но составят представление, приближенный вариант темы, идеи, конфликта.

— Умно, — согласился Мак-Кэрри. — Но как вы объясните эти миражи, и обязательно в пределах острова? Если ваш луч — датчик информации с неограниченным диапазоном действия, почему он не ставит никаких психоопытов на любом индивидууме в любой точке земного шара?

Янина и тут не растерялась:

— Вероятно, мой, как вы говорите, луч и не рассчитан на эти опыты. Здесь действует или поле, или излучение другого вида, создающее гипноэффект, но уже с ограниченным пространственно диапазоном. Помните, что Голос сказал Смайли: «Я не могу настроиться на каждого лгущего». Но Смайли был в зоне его психовоздействия, и тема лжи была тут же разработана во всех ее чувственных вариантах. Такой же гипноэффект был создан и с моим участием — только разрабатывалась другая эмоциональная тема. Возможно, в мире, представляемом Голосом, эмоциональные состояния другие или их нет вообще и понять человеческие можно только с помощью человека. Сознание глупца расскажет больше, чем трактат Эразма Роттердамского или очерки Писемского.

Янина закончила под аплодисменты. Похлопал даже Мак-Кэрри, ни разу не улыбнувшийся во время рассказа.

— А говорите, что у вас нет воображения, — сказал он. — Придумали очаровательную фантастическую новеллу со всеми признаками жанра. Тут и необходимое допущение, и квазинаучная его обработка, и живые, даже в буквальном смысле слова живые характеры, и готовая сюжетная ситуация. Но для гипотезы, увы, нет экспериментальных данных. Есть логические несообразности, допустимые в рассказе, но не в научной догадке. Ваше предположение об эмоциональных состояниях, например, никак не объясняет псевдоисторические ситуации в миражах Рослова и Смэтса.

— Почему «псевдо»? — поинтересовался Рослов.

— А почему я должен верить вашим видениям, а не евангелистам и Тациту? Нет никаких научных доказательств ни историчности, ни антиисторичности Христа, есть только гипотезы. А какую информацию можно почерпнуть из ваших видений, если они плод внушения пока еще неизвестного индуктора? Какие цели ста-

вит перед собой этот индуктор? Какие выводы можно сделать из перевода теоретических представлений на чувственный опыт? Кто скажет?

— Боюсь, что не я, — откликнулся Шпагин, помешивая ложечкой кофейную гущу. — Я черпаю ее из чужих чашек. Пока Яна импровизировала, я сочинил такую же сказку для любителей этого жанра, которую никто не рискнет посчитать гипотезой. При этом ее можно так же логически обосновать и столь же детально разработать. Из чашки Смайли я беру летающую тарелку и зеленых человечков, а из чашки Яны — способность невидимо и неслышимо получать информацию из всех библиотек и архивов. Только мои человечки не зеленые, а прозрачные, а тарелка их газообразна, как и они сами. Газообразная жизнь — чем не сюжет для фантастического рассказа? Ей тоже потребуется чувственный опыт человека для своих изысканий, а цель и характер их можно так же занятно придумать и объяснить. Но экспериментальных данных ни у кого нет, и непознанное, к нашему великому сожалению, так и останется непознанным.

— А если чья-нибудь догадка верна? — спросил Рослов.

— Подразумеваешь свою?

— А почему бы нет? Догадка Смайли — это, по сути дела, отказ от догадки, ленивый пас подвернувшимся на поле партнерам. Гипотеза Яны, по той же футбольной терминологии, — это смелое продвижение к воротам противника и феерический каскад финтов на вратарской площадке. А гола нет! Фантастическая сказка для школьников до шестнадцати лет, которые не станут придиричиво сводить концы с концами. Почему Голос из смежного пространства так скрупулезно исследует миф о Христе? Почему вода в бухточке прозрачна, неподвижна и не смешивается с океанской? Почему одним гостям на острове показывают магнитные фокусы, а другим нет? Почему его коралловая поверхность чиста до стерильности и отшлифована до зеркальности? Почему ни одна птица не вьет здесь гнезда и ни одна рыба не подходит ближе трех километров от берега? Так-то, Яночка. Гипотеза хороша, когда она базируется на том, что уже познано и допустимо на основе уже познанного. Нельзя допустить скорость, превышающую световую, нельзя извлечь корень квадратный из минус единицы и нельзя никаким лучом связать математически

допустимые, но физически непостижимые параллельные трехмерные миры в четырехмерном пространстве. О догадке Шпагина я не говорю потому, что это вообще не догадка, а пародия на уровне цирковой репризы, да и то наполовину заимствованная.

— Катон требует разрушения Карфагена, — усмехнулся Шпагин, — но не предлагает взамен другого.

— Почему не предлагает? Просто он еще не успел изложить проект своего Карфагена. Он не детализирован, я тоже не отвечу на вопросы, обрушенные мной же на Яну и, пожалуй, еще на многих, которые захотят или смогут задать. У меня, так сказать, не цветной, а черно-белый вариант, даже только чертеж, схематический набросок гипотезы. Но она твердо стоит на китах эксперимента. Четыре не повторяющих друг друга свидетельства плюс наш совместный опыт со Шпагиным да и мой личный контакт. Наконец, магнитная защита острова от судов и самолетов и магнитные аномалии на самом острове. Достаточно экспериментов для одного вывода. О чем? О присутствии чужого разума в данном географическом пункте, не в четвертом измерении, не в космических или заоблачных высотах, а в пределах самого острова, каких-нибудь сотен или даже десятков кубических метров его атмосферы. Добавлю: о присутствии длительном, рассказы о привидениях «белого острова», по словам епископа, передаются здесь из поколения в поколение. За полстолетия можно ручаться, а Смайли еще добавит: сундук с пиратским золотом побывал на острове не в двадцатом и даже не в девятнадцатом веке. Как ни лжива история, в датах она обычно не врет. Золото конкистадоров переправлялось из Нового Света в Испанию с 1550 по 1750 год. А что вы скажете об известных Голосу рукописях погибшей библиотеки в Александрии? По рассеянным крохам информации библиотеку не восстановишь — это не «Отелло» или «Король Лир». И еще одно бесспорное допущение: этот искомый Разум ищет контакта с человеком — подчеркиваю, с человеком, с гомо сапиенс, а не с человечеством, причем интересуется его разум этого гомо сапиенс и создания этого разума в замыслах, а не в их материализации. И это понятно: в техническом проекте вертолета столько же битов информации, сколько их в самом вертолете. Оттого, может быть, вертолеты и не

подпускаются к острову, оттого и кривятся над ним прямые авиалинии, а пистолеты и ножи на его поверхности превращаются в куски намагниченного металла. Человека же Голос приемлет — я не могу найти более подходящего слова: радушие или гостеприимство звучали бы явно пародийно, — мысленная связь безупречна, но, заметьте, односторонняя: телепатический эффект возникает не по инициативе человека. Вы что-то хотите сказать, профессор?

Мак-Кэрри недоуменно пожал плечами: лекторов, мол, не перебивают. Шпагин засмеялся:

— Телепатический эффект не сработал.

Но профессор не любил словесных подсечек, для этого он был слишком прямолинеен.

— Я не спрашиваю потому, что бесспорные выводы — это бесспорные выводы. А спорные, вероятно, еще последуют.

— Конечно, — подхватил Рослов, — и самый главный из них ваш, английский: кто есть кто? Я отвергаю четвертое измерение Яны и ученого, ведущего телепатическую передачу из потустороннего мира, и отвергаю не потому, что могу научно ее опровергнуть, доказательств «против» столько же, сколько и «за» — нуль, отвергаю просто по традиции: четырехмерного пространства пока еще никто не открыл и математический парадокс не стал соответствующим разделом физики. Зеленые человечки Смайли — это для почитателей Адамского¹, а газообразная жизнь Шпагина не догадка, а пародия. Да, может быть, это и не жизнь вообще, не жидкая и не газообразная. Может быть, это разведчик другой галактической цивилизации, заброшенный еще до того, как человечество научилось мыслить. Не разум, а продукт разума — сгусток энергии, способный накапливать информацию, не ограниченную объемом или мощностью восприятия. Не что вроде электронной памяти, не мозга, а именно памяти, хранилища информации, записанной и отсортированной и размещенной в каких-то энергетических ячейках. Как все это делается, я не знаю — средства не земные и в наше познание не укладываются, — но предположить смогу: или Янин суперлазер, или волны, еще

¹ Американский авантюрист, шарлатански уверявший, что совершил космическое путешествие на «летающей тарелке».

не открытые человеком, служат дистанционным передатчиком информации, накопленной в земных информариях. Обратите внимание: Голос всегда ссылается на книги, на рукописи, на мысли, обязательно где-нибудь и как-нибудь записанные. Чувственную окраску информации он узнаёт, превращая органы чувств человека в свои информационные датчики. А гипномиражи — это тоже информация, точнее, сгустки энергобиотической информации, только эмоционально окрашенной и соответственно приближенной к действительности вероятностной ситуации.

— Зачем? — вдруг спросил Мак-Кэрри. — С какой целью накапливается эта информация в течение столетий? Или, кажется, вы даже предположили — тысячелетий?

— Может быть, этот энергоинформарий передает ее иному Разуму, действительно Разуму, продуктом которого он является.

— И никаких результатов такой передачи со времен Ксенофонта? Зачем, — повторил Мак-Кэрри, — кому-то в глубинах Вселенной тысячелетиями собирать информацию о жизни на заурядной планетке в одной из окраинных звездных систем?

— Наблюдают же энтомологи часами за жизнью какого-то крохотного муравейника. А может быть, наши тысячелетия — это часы для Долгоживущих где-нибудь на другой звездной окраине?

— Фикция, — сказал Смайли.

Он сказал это по-английски, подразумевая обычную уличную беллетристику, но Шпагин по аналогии звучания перевел для себя именно так и вступился:

— Почему фикция? Уже поступают какие-то, еще не расшифрованные сигналы из космоса. И энергетический разведчик едва ли фикция. Что помешало бы ему продержаться тысячелетия? Проблема надежности? Но в мире высшего Разума ее, вероятно, не существует. Предел накопления? Для такой самоорганизующейся системы он, наверное, неограничен. А может быть, он и не передает никому накопленной информации, а просто ждет, чтобы о нем вспомнили.

— А вдруг некому вспомнить? — вмешалась Янина. — Гибнут планеты, гибнут цивилизации, гибнут Долгоживущие. А их разведчик ждет и работает.

— Тогда заставим его работать на нас, — серьезно, без тени улыбки заключил Мак-Кэрри.

Глава 10

«ЧЕРНЫЙ ЯЩИК»

На этот раз к белому коралловому рифу в Атлантике гостей доставила вместительная губернаторская яхта, что позволило более чем удвоить состав участников экспедиции. Кроме четырех друзей, на остров прибыли профессор Мак-Кэрри и все участники губернаторского обеда, кроме леди Келленхем и неожиданно заболевшего епископа. Вместо него отправился доктор Керн, буквально умоливший губернатора и Мак-Кэрри разрешить ему сопровождать экспедицию, которая для него, как для психиатра, представляла и чисто профессиональный интерес: как-никак несколько его пациентов утратили психическое равновесие, побывав на «острове привидений».

Яхта с металлической обшивкой и обилием металла на борту — наши аргонавты, избегая диамагнитных блангоглупостей Смайли, нагрузили ее всем металлическим, что попало под руку, начиная с консервных банок и кончая молотками для забивания держателей более обширной палатки, — без приключений вошла в хрустальную бухточку острова. Магнитная защита его не сработала или не пожелала сработать. Никаких магнитных аномалий не наблюдалось и во время выгрузки экспедиционного багажа. Здесь было не только все необходимое для пикника среди седых волн на белом коралловом гребне, но и приборы, о которых почему-то забыли во время первой поездки. Взяли пробы воздуха и воды из бухты и океана, сделали, более для очистки совести, все метеорологические наблюдения, запустили воздушный зонд, зафиксировали показания водяных и атмосферных термометров, измерили скорость и направление ветра. Смайли и Корнхилл готовили завтрак, обнаружив несомненный кулинарный талант. А сэр Грегори, шлепая босыми ногами по набегавшей океанской волне, тщетно искал ракушки и камешки и только ахал, уверяя, что такой идеальной полировки коралла он еще в природе не видывал.

Но уже за импровизированным завтраком набежали первые тучки тревоги и разочарования. Голос упрямо не подавал никаких признаков жизни, и наши первооткры-

ватели уже испытывали чувство неловкости, как ярмарочный фокусник, с ужасом обнаруживший, что двойного дна в его ящике нет. «Почему он молчит?», «Странно...», «Ничего не понимаю», «Боюсь, что вы сочтете нас шарлатанами, джентльмены...» — так началась за столом тревожная переключка. Мак-Кэрри загадочно молчал, а Корнхилл и Барнс деликатно отводили глаза. Только сэр Грегори в силу своих губернаторских полномочий пытался рассеять дух сомнения и недоверия, уже витавший над белой скатертью с напитками и закусками.

— Не огорчайтесь, — повторял он, — прекрасный пикник. Уже одно это скрасит нашу морскую экскурсию. Попробуйте икры и водки. Достоянные дары вашей великой страны, — адресовался он к особенно хмурому Рослову.

Тот вспыхнул:

— Не понимаю, почему повсюду в Европе или Америке, желая сказать приятное русскому, начинают хвалить русскую водку или русский балет. А лайнеры «Аэрофлота», на которых ежегодно курсируют десятки тысяч европейцев и американцев! А русские часы, потеснившие могущество часовой Швейцарии! А русские моды, покоряющие римлянок и парижанок!

«Ты прав, — сказал Голос, — интересная информация».

«Почему ты молчал?» — мысленно спросил Рослов.

«Я изучал новоприбывших. Один уже был здесь. Он неинтересен. Другие — тоже. Только один заслуживает внимания».

«Высокий, седой, с орлиным носом, как у Пилата».

«Я не вижу. Вот ты представил его, и я записал его образ, отраженный в твоём сознании».

«Как — записал?»

«Ты представляешь себе свою авторучку. А затем — цепочка ассоциаций: пишущая машинка, телетайп, лента магнитофона. Нет, ваши земные способы несовершенны и хрупки. Я снимаю записи с мозговых рецепторов».

«Ты прочел их мысли?»

«Я прочел их жизнь. Всю накопленную ими информацию. И ничего не взял. Интересен один. Я вспомнил его работы. Они значительнее твоих, но и традиционнее.»

Ты более смел, и угол зрения твой шире — я говорю о научной смелости и научном зрении. Я знаю его новый замысел в математической разработке теории управления. Вы оба идете к одной цели, но кружными путями. Напрасная трата энергии мысли».

«Почему энергии?»

«Ты сам писал, что мысль рождается как результат сознательного отбора информации, как следствие каких-то энергетических процессов в материальной структуре мозга».

«Каких процессов?»

«Не знаю. Как и ты».

«А Мак-Кэрри?»

«И он. Вы ищете, а я жду».

«И не хочешь подсказать решение или не можешь?»

«Иногда могу. Если решение не вспышка гения, не что-то принципиально новое, а оптимальный результат отбора уже накопленной информации».

«Значит, и ты не гений?»

«Я не человек».

«Но вступаешь в контакт с человеком. А такой контакт не может быть односторонним. Отдавая часть своей информации, человек должен получить что-то взамен».

«Что?»

«Часть твоей».

«Не возражаю. Это тренировка памяти».

«Тогда ответь на вопросы прибывших со мной».

«Слишком много рецепторов. Трудно часто и произвольно менять настройку. Кто-нибудь из вас четырех всегда будет транслятором».

«Всегда?!»

«В период контакта. Я переключу настройку на другого, когда напряжение станет критическим».

«Тогда скажи всем, что ты существуешь — одной мыслью, — и переключись на меня».

«Не сразу. Мне потребуется короткий отдых. По аналогии с вашим. Но только по аналогии, иначе, к сожалению, объяснить не могу».

Весь этот мысленный диалог Рослов провел в состоянии прострации. Лицо — гипсовая маска, снятая с мертвого. Мысль не отливалась в звуки — губы даже не дрогнули. Сначала никто не заметил этого — пикник затмил все. Белая скатерть на белом коралле под ней-

лоновым гребнем палатки. Тихий шорох волны. Небрежный обмен репликами, как стук шарика на столе для пинг-понга. Тук-тук: «Передайте подливку», «А тишина какая — даже океана не слышно», «Попробуйте устриц в шампанском — прелесть!», «А если гроза?..».

Первым заметил состояние Рослова губернатор.

— Вам нездоровится? — спросил он тревожно и недоуменно оглядел соседей. — Что это с ним?

Барнс, сидевший рядом, толкнул легонько Рослова — тот даже не пошевелился.

— Кажется, без сознания, — сказал доктор Керн, подымаясь. — Похоже на каталепсию.

— Сядьте, док, — остановил его Смайли. — Не трогайте — он разговаривает.

— С кем?

— С кем здесь разговаривают? С хозяином острова.

— Не шутите.

— Какие уж тут шутки. Шутим не мы, шутят с нами.

— Анджей... — тихо позвала Янина. — Вы меня слышите?.. Мать Божия, какой он бледный!

Смайли заметил, не скрывая раздражения:

— Вы были не розовее, когда очнулись. Кажется, мы все-таки дождались спектакля. Берегите нервы, джен-тльмены.

Маска Рослова вдруг ожила. В глазах блеснул огонек сознания, возвращенного из путешествия в никуда.

— Борода шевелится! — воскликнул Корнхилл. — Дайте ему виски.

Но Рослов уже без посторонней помощи проглотил свой стакан. Губернатор хотел сказать что-то, но так и замер с открытым ртом. Чужая мысль откликнулась в нем.

— Я здесь, господа. И я буду говорить с вами. Подумайте над тем, что вы хотите услышать.

— Кто это? — воскликнул губернатор. — Кто сказал?

— Я тоже слышал, — прибавил Керн.

— И я.

— Все слышали, — поморщился Смайли. — Послушаем лучше Энди.

Рослов, уже успевший проглотить солидный кусок омара, ответил сквозь зубы:

— Порядок, Боб. Он будет говорить с каждым и со всеми. Но через нас.

— Не понимаю.

— Он только что сказал мне, что слишком много рецепторов и ему трудно менять настройку. Каждый из нас четырех будет транслятором.

— Как на радио? — спросил Корнхилл.

— Почти. Готовьте ваши вопросы, господа. Он сейчас включится.

— Но вы успели его спросить, кто он и откуда?

— Не успел. Спросите сами. А мне надо заправиться перед сеансом. — Рослов уже глодал жареного цыпленка.

— Предлагаю регламент, — вмешался до сих пор молчавший Шпагин. — Четыре настройки — четыре транслятора — это максимальная продолжительность сеанса. Первую настройку — вопросам профессора Мак-Кэрри, вторую — Рослову, третью — мне с Яной, четвертую — вам, господа. Не обижайтесь: все предшествующие вопросы учтут и чисто научный, и общечеловеческий интерес. Вы дополните то, что мы упустим или забудем. Просьба задавать вопросы вслух, а не мысленно, мысленного контакта с нами не будет — передача, как выразился Корнхилл, пойдет через одного. И воздержитесь от личных, я бы сказал, неинтересных вопросов.

— Что значит «личных»? — спросил лорд Келленхем.

Ответить Шпагин не успел. Он вытянулся, побледнел, кровь отхлынула от лица, отдавая весь свой поток мозгу, и заговорил странно глухим голосом без интонаций и пауз, — Шпагин не Шпагин, а электронная машина с ее обезличенной акустикой.

— Я жду, профессор Мак-Кэрри.

Мак-Кэрри от волнения даже не мог начать, два раза стеснительно кашлянул и только потом спросил:

— Кто вы?

— Не знаю.

На мгновение Мак-Кэрри потерял дар речи, затем сказал:

— Не понимаю вас.

— А я — вас.

Мак-Кэрри уже вновь обрел присущее ему хладнокровие и, не повышая голоса, медленно и отдельно пояснил:

— Вы не Бог и не человек. Вы невидимы и тем не менее существуете. Ваши познания несомненны и зна-

чительны, и тем не менее ваш мысленный контакт с человеком возможен для вас только в пределах этого рифа. Когда я спросил: кто вы, я имел в виду — живое существо или машина?

— Ни то, ни другое. Я саморегулирующаяся система с ограниченным кругом задач.

— Каких именно?

— Все они сводятся к одной — полноте системы. Синтез информации о Земле, об эволюции живого вещества вашей планеты, о человеческом разуме, о знании, накопленном человечеством с тех пор, как оно научилось мыслить. Применяя земную терминологию, я — нечто вроде электронной памяти вашего мира.

— Значит, все-таки машина с ограниченной задачей накопления информации. Суперколлектор.

— Память — это не только накопление информации. Это и отбор, и кодирование, и оценка, и управление, когда из хранилища извлекается нужная информация, и забвение, когда информация уже не нужна, и тактическое ее использование, и стратегические ресурсы. Акт суждения — основа мышления — немыслим без самоорганизующейся системы памяти.

— Практически — всей работы мозга.

— Нет. Мозг отвечает за все. Память — только за накопленный жизненный опыт. Я не супермозг, и мои биотоки — только датчики информации.

— Ваша природа, устройство, организация?

— Не знаю.

— Вы же не можете не знать элементов, образующих вашу систему.

— Я знаю только то, что накоплено человечеством. У него нет информации, определившей мое появление, мою организацию, мои возможности, мое прошлое и мое будущее. Нет такой информации и у меня. Все, что я знаю о себе, я узнал от человека и через человека. И то, что я невидим, что привязан к этому острову, что могу защищаться, создавая поля неизвестной мне природы и мощности, и вызывать у любого человека в пределах острова гипносон и гипномираж любой глубины и реальности. Я ничего не знаю о Разуме, создавшем меня и забросившем на эту планету. Иначе говоря, и для вас и для себя я — «черный ящик», как вы называете систему неизвестной конструкции, о которой

можно судить только по ее реакции на то или иное воздействие.

— Как я вас понял, ваши знания — это наши знания, и то, что мы будем думать о вас, как исследовать и оценивать эту неизвестную нам систему, станет и вашим знанием?

— Безусловно. Только выводы из ваших противоречивых суждений я сделаю быстрее, точнее и приближеннее к истине. Вот почему и такая информация не выйдет из круга моих задач.

Шпагин вздохнул и потянулся. Гипсовая маска снова стала лицом. Он даже улыбнулся, хотя и с усилием.

— Устал? — спросил Рослов, и в неожиданной тревожности его интонации сразу сказалось то, что обычно не слышалось в иронической полемике или в яростных спорах — суровая нежность дружбы, давней и верной мужской привязанности.

— Пожалуй, нет, — сказал Шпагин, — только голова чуточку кружится.

— Резкая перемена кровообращения. Мозг отдает излишний приток, капиллярные сосуды кожи получают сверхнорму, и вы уже розовеете, как девушка, — пояснил Керн. — Интересно, чья очередь? — спросил он.

Вопрос был излишним. Отключился Смайли, сразу ставший похожим на бронзового бирманского божка с отлитым оскалом улыбки.

— Спрашивайте, Рослов, — сказал Мак-Кэрри, — он ждет.

— Ты повторил мою легенду, — тут же включился Рослов, — почти слово в слово. Случайно или сознательно?

Смайли — уже не Смайли — ответил однотонным деревянным голосом:

— Конечно, сознательно. Я не знаю случайных умозаключений. Твоя гипотеза оказалась наиболее близкой к вероятному допущению. Я сопоставил ее запись со своей информацией и повторил твои построения.

— Ты не подключался к нашему разговору — не мог подключиться: мы разговаривали в гостинице. Значит, ты извлек легенду из моей памяти. Извлек, сопоставил и повторил. Последовательный акт суждения. Сколько он продолжался?

— Доли секунды. Я не отсчитывал.

— Для этого тебе понадобилась встреча со мной. И только в пределах этого острова. Как же проходили встречи с Плутархом, Свифтом, Ньютоном и Коперником?

— С их мыслью. Ведь книга — это не только свиток пергамента или стопка бумажных страниц, испещренных рукописными или типографскими знаками, но и гигантское скопление мыслей, чувств, образов и ассоциаций. Мысли какого-нибудь горшечника в древних Фивах или замыслы солдата в двенадцатом легионе Цезаря не задевают меня, но годы раздумий Свифта над «Гулливвером» или Дарвина над «Происхождением видов» нашли место в моей памяти со всеми сомнениями, вариантами и поправками. Я учился вместе с человечеством. От песочных часов к теории относительности, от опытов Архимеда к синхрофазотронам и циклотронам. Раньше было легче: античные библиотеки дохристианской эры и монастырские книгохранилища средних веков не сберегли столько следов прогресса человеческого разума, сколько их собрано только в одном Британском музее. Но потоки мыслей растут и умножаются, и моя космическая память запечатлевает и хранит любой след, достойный истории человеческой информации.

Рослов никого не видел, кроме похожего на бирманского Будду Смайли, и ничего не слышал, кроме его обезличенного однотонного голоса. Он торопился. Сотни вопросов он мог бы задать этому все еще неведомому Нечто из космоса, но спрашивал первое, что подвертывалось на язык. Мысль зацепило словечко «космическая» память.

— Как это понимать? Не ограниченное пределами земной биосферы?

— Не знаю. Может быть, пространственно ее объем ограничен пределами острова.

— Но почему космическая?

— Я не дитя земного разума.

— Ты же связан с ним.

— Нет.

— И не было связи со времени твоего прибытия на Землю?

— Я не знаю времени моего прибытия на Землю. Может быть, прошли тысячелетия, прежде чем я стал принимать информацию.

— Тысячелетия до, тысячелетия после. Разве не напрашивается вывод, что создавшая тебя цивилизация не знает о твоём существовании? Или даже о твоём прибытии на Землю. Или ее вообще уже нет, этой цивилизации? Гаснут звезды, умирают планеты, гибнут народы, — повторил Рослов подкананное Яной. — Ты знаешь, конечно, античную легенду о Сизифе? Кому же нужен твой труд?

— Рослов, рано! — крикнул Мак-Кэрри, но Смайли-не-Смайли тотчас же деревянно откликнулся:

— Все, что предвосхищаете вы оба, возможно. Любой контакт умножает информацию.

— Даже такой? — не утерпел Рослов: его уже увлекала полемика.

— Даже такой, — повторил Смайли-не-Смайли. — Вы спрашиваете — я отвечаю. Потом вы обсуждаете услышанное. Высказываетесь, спорите. Что-то предлагаете, что-то предполагаете. А наиболее стабильное я отбираю для себя.

— Почему стабильное?

— То, что остается, не рассеивается, приумножает знание. След мысли в движении Разума... — Что-то всхлипнуло в горле Смайли-не-Смайли и вырвалось криком: — Пить! Один глоток, или я сдохну!

И оживший бронзовый божок потянулся к жестянке с пивом.

— Что вы чувствовали, Смайли? — спросил доктор Керн.

— Что может чувствовать телефонная трубка? — орызнулся Смайли. — В нее говорят — и она говорит.

— Все-таки интересно, как проходят передачи. Телепатия или гипноз? — Керн вопросительно взглянул на Мак-Кэрри.

— Черный ящик, — усмехнулся тот, — классический черный ящик.

Барнс не выдержал. Он тоже был профессором и не хотел уступать догадки другим. Но догадок не было.

— Я представляю науку, в которой уже давно нет чудес, — сказал он. — Все открыто — все моря, проливы, горы и острова. Даже в недра действующих вулканов уже спускаются с кинокамерой. А здесь, в каких-нибудь ста милях от модного курорта, его отелей, баров, клубов и казино, поистине библейское чудо. Я не могу понять этого, моя логика его не приемлет.

— Логика! — пренебрежительно отмахнулся Рослов. — Ваша евклидовская логика. Приемлет ли она пересечение параллельных? Или четырехмерный куб? А модель его, между прочим, показывают на лекциях по высшей математике. Моя логика давно уже спасовала перед Невидимкой, а я не на Евклиде воспитан.

— Кстати, где же он? — спросил Барнс.

— Отдыхает.

— Каким образом?

— Как мы с вами перед лекциями. Мы заправляемся ветчиной, а он, допустим, электроэнергией. Как транзисторные приемники на аккумуляторах. Подзаряжается, — засмеялся Рослов.

И провалился в Ничто.

Глава 11

РОЖДЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

Не было ни острова, ни моря, ни солнца. Слепой с детства не знает темноты, для него это естественное состояние мира, в каком он живет и умирает. В таком состоянии пребывал и Рослов — в незримости, беззвучности, неподвижности и нечувствительности ко всему окружающему. Вовне был большой, но не безграничный мир, неосязаемый, но не пустой. Так, если б звезда могла мыслить, она представляла бы Вселенную — мириады звезд, больших и малых, скоплений и одиночек где-нибудь на окраинах разбегающихся и сближающихся галактик, звезд вспыхивающих и угасающих, сверхновых и мертвых, уже не излучающих ни искорки света. И если б мыслящая звезда могла собрать весь этот свет, процедить, отсеять, закодировать в каких-нибудь гиперонных формах и сложить в своих невидимых бездонных хранилищах, такой звездой мог бы считать себя Рослов. Вовне его жила земная вселенная, скопления человеческих галактик, в которых каждый человек-звезда излучал свет мысли, и этот свет Рослов собирал и хранил в неведомых даже для него глубинах своей необъятной памяти. Знание многих тысячелетий, закодированное в сверхплотном состоянии, таилось в ней, но Рослов не ощущал ни его объема, ни тяжести, ни бо-

гатства. Он только знал, что может в любую минуту извлечь частицу этого богатства, будь то знание халдейской жреческой касты, античных философов или современной университетской профессуры. Он ничего не желал, не ждал и не предвидел. Но что-то владело им, как программа электронной машины, которую он сам же изменял в зависимости от новых условий. Сейчас новым было присутствие на острове новых людей. Нужно было отвечать на их вопросы и, отвечая, воспринимать реакции, связуя и преобразовывая их в кирпичики своего гигантского информационного здания.

— Я жду, — сказал Рослов.

Он уже давно знал, что значит видеть, слышать и говорить. Не раз видел и солнце в синьке неба, и такую же синь океана, и набегавшую на белый скат рифа волну, и пену на волнах, и хрустальную бухточку над обрывом. Сейчас он видел все это из голубой палатки глазами бородача в кремовых шортах и говорил его голосом, не мысленно, а в правильном чередовании звуков, только глухо и однотонно, потому что не мог расцветить речь присущими ей интонациями. И его слушали затаив дыхание разные люди с разными объемом и качеством информации. Но двусторонний контакт открывал ее новую фазу: отбор накопленного разумом переходил в прямое общение с разумом.

Оно и сейчас началось с очередного вопроса.

— Почему тебя заинтересовал миф о Христе? — спросил Шпагин.

— По ассоциации. Я прочел твои мысли об антиисторичности Христа, о вашем разговоре у губернатора и о встрече с полицейским, которому я показал миф о Голгофе. Я тоже прочел его сомнения в истинности четырех евангелий и дал возможность убедиться ему в своей правоте.

— Зачем? Зачем тебе и нам разговор об антиисторичности мифа, созданного жреческой олигархией христианства?

— Я связал цепочку ассоциаций с ложностью самой христианской идеи. Вся информация о христианстве — это хаос споров, противоречий, мифов и ересей. Если бы люди могли коснуться хоть краешка исторической правды, христианство не дожило бы даже до Ренессанса.

— Значит, историческая правда, как фактор антирелигиозной пропаганды? Она нужна людям, а не тебе.

— Историческая правда нашла оптимальный вариант в правде зрительных образов. Для этого мне понадобились человеческие глаза.

— А если зрительный образ — ложь? — вмешалась Янина. — Если он творчески фальсифицирован? В действительности не было ни псевдо-Рослова, ни нашего разговора в баре, ни моего вымышленного предательства, ни ложных терзаний совести.

— Я не создал модель предательства и модель терзаний. Вероятностный вариант предательства мне подсказал Мак-Кэрри, его рассказ об охоте за неопубликованной рукописью. Кстати, рассказывал он это в том же нью-йоркском баре, который я извлек из твоей памяти. А псевдо-Рослов мне понадобился лишь для убедительности модели.

— Гипномодель, — сказал Мак-Кэрри. — Я помню этот бар, Яна.

— А я не помню никакого Кордоны! — закричал Смайли. — В жизни этого подонка не видел. Может, он действительно под меня сработал и меня уже ищут по обвинению в контрабанде наркотиками?

— Человеческая память слаба, — сказал некто голосом Рослова. — Твоя вспышка только подтверждает несовершенство механизма запоминания. С Кордоной ты встретился в баре аэропорта в Нассо на Багамах. Долговязый мексиканец с длинными синими бачками, как у тореро. Это он в твоём присутствии бросил на стойку бара сигаретную пачку с ампулами, и, когда они звякнули, бармен предостерегающе кивнул на тебя, а Кордона, усмехнувшись, выразительно сунул руку под мышку — жест убедительный для всех, знакомых с героями гангстерских фильмов: кто рискнет проститься с жизнью?

— Припоминаю, — растерялся Смайли. — Что-то вроде было. Только он совсем не похож на меня.

— Я придал ему твою внешность, а тебе — часть его памяти. Двойная связка создала двойное переплетение лжи.

— Мне ясна цель, — сказал Мак-Кэрри, — но вовсе не ясны средства внушения. Может быть, для этого требуется особая восприимчивость? Меня, например, никому еще не удавалось загипнотизировать.

Профессор поиграл вилкой и увидел вместо голубой палатки дубовую панель нью-йоркского бара, того самого, о котором только что напомнила Яна. Она сидела вместе с ним за столиком у цветных витражей окна. Третьим был псевдо-Рослов, а может быть, и не «псевдо», в твидовом пиджаке, в каком Мак-Кэрри привык видеть его на симпозиуме.

— Это тот же бар, Яна? — спросил он растерянно, почему-то не выразив удивления столь чудесным перемещением в пространстве и времени.

— Тот самый, профессор! — засмеялся Рослов. — Отличная модель. Без скидок на скудость деталей.

— Почему модель? — продолжал упрямо спрашивать Мак-Кэрри, хотя уже прекрасно понимал смысл происшедшего.

— Потому что я — «псевдо», и Яна — «псевдо», и оба не существуем, существуете только вы, причем сразу в двух пространственно-временных фазах.

Профессор молча поиграл вилкой и положил ее на тарелку. Она оказалась на скатерти, расстеленной под голубым шатром палатки. В прямоугольнике выхода синело небо над белым, как сахар, рифом.

— Убедился? — спросил голос бледного Рослова, хотя и не «псевдо», но чужого и далекого, как альфа Центавра.

— Да-а... — пролепетал профессор и оглядел соседей. — Вы что-нибудь видели?

— А что именно могли мы увидеть? — поинтересовался Керн.

— Я никуда не исчезал?

Доктор подозрительно заглянул ему в глаза и сухо сказал:

— По-моему, вы поиграли вилкой и осторожно положили ее на место.

Мак-Кэрри кашлянул и решил больше не вмешиваться. Сколько секунд, а может быть, и долей секунды отнял у земного течения времени его неземной мираж? Не знал этого и сам космический гость, саморегулирующаяся система памяти, гигантской губкой впитывающая все, что давали ей люди. Она не подсчитывала тех микродолей секунды, какие ей требовались, чтобы извлечь стабильную информацию из того смятения в умах, которое вызывали следующие один за другим вопросы и ответы.

Рослов-не-Рослов, охвативший своим сознанием все богатство мысли всех сменивших друг друга земных цивилизаций, внешнеэмоционально, бесчувственно отмечал несовершенства памяти своих собеседников, бедность их мысленных ассоциаций, неумение объединить фонды информации для исковых решений. И все же в живом общении он больше узнал о человеке, чем за тысячелетия одностороннего контакта. Пусть спрашивают о личном — он проникнет в тайны эмоций, пусть спрашивают о социальном — ему откроются сложности общественных связей. Пусть спрашивают. Каждый вопрос и ответ — это путь к постижению непознанного, накоплению неиссякаемого и пределам, которых нет.

Запомнит ли это Рослов, когда вновь станет человеком, мы не знаем. И не узнаем. Он никому не расскажет. Съест ломтик лимона и сплюнет корочку, а когда его спросят, что он чувствовал, скажет, как Смайли:

— Слыхали о телефонной трубке? Старик Боб знал, что она может чувствовать.

А телефонной трубкой уже стала Янина, повторившая и бескровность маски-лица, и бескрасочность обезличенной речи, и каталептическую неподвижность позы — не смешной, не уродливой, а скорее печальной, словно ей самой было жаль себя, утратившую прелесть живого.

— Спрашивайте, — стыдливо поморщился губернатор. — Пора.

— Как-то неловко, — пробурчал Барнс. — Мы ее знали как очаровательную женщину — и вдруг бездушная самоорганизующаяся система.

— Я что-то не верю в эту систему, — сказал Корнхилл.

Мак-Кэрри ответил столь же серьезно, сколь и загадочно:

— Не выражайте вслух своего недоверия. Это может плохо закончиться. Для вас.

А Янина молчала, не торопя и не смущаясь ожиданием, пока лорд Келленхем, как старший, не взял на себя инициативу беседы.

— Почему вы избрали своим местопребыванием наш остров?

— Не знаю.

— Честь для Англии.

— Тогда не было Англии.
— Но был Вавилон?
— Не знаю. Вероятно, Вавилон был значительно позже.

— А Троя?

— О Трое я узнал от Гомера, а потом от Шлимана.

— Что вы знаете об Атлантиде? — спросил Барнс.

— Не больше, чем вы. Я подразумеваю ученых.

— Каких именно?

— Историков и океанографов. Данные бельгийской экспедиции, исследовавшей недавно дно Эгейского моря, показывают, что в этом районе три с половиной тысячелетия назад было землетрясение, уничтожившее группу островов — предполагаемое государство атлантов. Примерно в то же время погибла другая выдающаяся цивилизация древности — критское царство Миноса. Возможно, это следствие того же землетрясения.

— Вы говорите: примерно, предположительно, возможно. А точно?

— Карты античного мира не согласуются с современным понятием о точности. У Атлантиды пока еще нет своего Шлимана. А я знаю о ней не больше Платона и его последователей.

Смайли, которого не волновали судьбы исчезнувших античных цивилизаций, перешагнул через три тысячелетия.

— На этом острове я видел карибских пиратов и сундук с золотом. Кто это был и где сейчас этот клад?

— Клад на дне океана, я уже говорил — не представляйся забывчивым. Где точно, не знаю — стабильной информации нет. А люди, окружавшие тебя на острове, — это остатки экипажа флибустьерской шхуны «Королева Мэри». Сундук с золотом принадлежал капитану испанского фрегата «Тристан», потерпевшего бедствие в трехстах милях от американского берега. Пираты с «Королевы Мэри» перебили его экипаж, захватили золото, но сами наскочили на коралловый риф. Они пытались спрятать клад здесь, но ты знаешь, что это невозможно. Возникла ссора. Алчность глушила здравый смысл, ярость опаляла разум. В конце концов золото досталось единственному оставшемуся в живых пирату по кличке Билли Кривые Ноги.

— Это, должно быть, я? — ухмыльнулся Смайли.

— Я совместил его сознание с твоим. Мне нужны были человеческие глаза и уши, человеческая жестокость и страсть, страх и отчаяние. Ты досказал мне то, что я узнал из его дневника. Он писал здесь на сундуке заостренным кусочком свинца, срезанным с пули. Последние строки дописывала уже рука умирающего.

— А золото?

— Во время бурь волны легко перекатываются через остров.

— Ты мог остановить их?

— Мог. Но зачем? Я включаю поле, лишь когда люди мешают.

— Чем?

— Непосредственный контакт — это повышение энергетических мощностей. Ненужный контакт — это бесполезно убывающая энергия.

— О каком поле идет речь? — снова вмешался Барнс. — Я тоже побывал в свое время на острове, но никаких аномалий не видел. Может быть, это тоже некая иллюзия?

Мгновенно точно шквал ворвался в палатку. Все металлическое с лязгом и звоном сорвалось с места, устремляясь к эпицентру циклона, — ножи, вилки, жестянки с пивом, наполовину еще полные консервные банки с ветчиной и лососем, термометры в металлической оправе, бинокли и пепельницы. У губернатора сорвался с авторучки ее никелированный колпачок, у Барнса слетели очки с дужками из нержавеющей стали, у Смайли его знаменитая «беретта» вырвала задний карман брюк и, чуть не разmozжив голову Керну, ударила в сплюснутый, спрессованный короб металла, возвышавшийся в центре сервированной скатерти. Он походил на скульптурное изделие поп-арта, которое никого не удивило бы на модерн-выставке, но буквально потрясло участников пикника. Только Рослов и Шпагин с интересом наблюдали оргию взбунтовавшегося металла, для Смайли же в ней не было ничего нового, а Янина пребывала в каталептической неподвижности.

Первым опомнился Корнхилл, потерявший все пуговицы на своем полицейском мундире.

— В каких границах действует ваше поле?

— Не знаю.

— Но катера и вертолеты не могут подойти к острову ближе двух миль.

— Значит, ответ вам известен.

— Но почему даже самолеты, пролетая над островом, вынуждены отклоняться от курса?

— Я теоретически знаком с уровнем и эффективностью вашей техники разрушения. Мое поле — это рефлекс самозащиты.

— Но даже отдаленный взрыв достаточной мощности может уничтожить остров.

— Всегда можно изменить направление взрыва, траекторию полета или угол падения бомбы.

— Но что вас привязывает к вашему рифу? — спросил Мак-Кэрри. — Случайность посадки, географическая изолированность или физическая совместимость?

— Вероятнее всего, остров нужен как масса, обеспечивающая стабильность сгустку энергии.

Рослов, давно уже беспокойно поглядывавший на Янину, осторожно заметил:

— Может быть, сократим вопросник?

Но Корнхилл все же задал последний вопрос. Свой вопрос, сугубо профессиональный. «Полицейский всегда останется полицейским», — сказал потом Мак-Кэрри, подводя итоги поездки.

— А можете ли вы раскрыть преступление?

— Если имеется стабильная информация. Мысль человека всегда оставляет след, если ложится на бумагу и кинопленку, нотную тетрадь и магнитофонную ленту, частное письмо или телеграмму.

Рослову не пришлось больше тревожиться за Янину. Она вернулась в мир живых, знакомо вздохнув и попросив сигарету. Ее уже не спрашивали, что она чувствовала и пережила. Вопросов больше не было. Чувство подавленности и смутной тревоги связывало язык. Молча собрали палатку и уничтожили следы пикника, в глубоком молчании вывели яхту из бухточки. Встреча с Необычным не укладывалась в рамки разговора, и каждый думал о том, как, в сущности, трудно найти человечески доступное объяснение всему только что услышанному и пережитому. Только губернатор уже вблизи порта заметил, что журналисты, наверняка пронюхавшие об экспедиции, вероятно, уже дожидаются у причала и придется им что-то сказать. А что? Посоветовались, решили: никаких переговоров сегодня, все слишком устали, и едва ли разумно высказывать что-либо, не под-

готовившись. Пресс-конференцию отложить до утра. В тот же день губернатору и Мак-Кэрри вылететь в Лондон: первому для доклада правительству, а второму для сообщения в Королевском научном обществе. Одновременно профессор, связавшись с европейскими научными центрами, сформирует инспекционную комиссию в составе наиболее крупных и авторитетных ученых и вернется в Гамильтон. Рослов со Шпагиным и Яна, в свою очередь, информируют научные круги Москвы и Варшавы, получают результаты проведенных на острове исследований и подготовят свои выводы для прибывающей с Мак-Кэрри международной комиссии. На том и порешили, даже не подозревая, что их уже разделило нечто: не глубина восприятия происшедшего, и не степень его понимания, и не склонность к раздумьям или отсутствие такой склонности, а нечто другое, давно уже разделившее духовно человека социалистического и капиталистического миров. Смайли примкнул к первым: духовный водораздел его не устоял против чувства товарищества.

Нельзя сказать, чтобы это чувство было чуждо другим участникам экспедиции, собравшимся в тот же вечер на веранде губернаторской виллы. Но оно не сближало духовно и не связывало социально. Разве мог инспектор полиции, в прошлом бывший полицейский сержант, назвать своим другом губернатора островов? И разве надменный профессор Барнс посчитал бы своим товарищем рядового практикующего врача? Пообедать в клубе или сыграть партию в бридж — на что большее могло рассчитывать такое приятельство? Но все эти люди были людьми одного круга и поклонялись в глубине души одному богу, в служении которому и отдал свою жизнь два века назад неудачливый пират по кличке Билли Кривые Ноги. Этот бог и сейчас скреплял их духовные узы, связывал и тревожил, рождал надежды и согревал мечты. Может быть, потому они и молчали так долго, что боялись облечь в слова потаенные думы о том, что принесет им — не науке и человечеству, а именно им, им эта близость к чуду «белого острова». Первым не выдержал Керн, поняв, что ему, как новичку в этой компании, молчать далее просто неудобно. Страхнув пепел сигары, он как бы невзначай спросил у хозяина дома:

— Что вас тревожит, сэр Грегори? Может быть, вам нездоровится?

— Заболеешь, — скривился губернатор. — Какого черта они радировали Мак-Кэрри? Да еще открытым текстом. Разве так обеспечишь секретность предприятия?

— А зачем секретность? Чем скорее узнает об этом человечество, тем лучше.

— Кто думает о человечестве, док? — сказал Корнхилл и подмигнул Барнсу.

Тот кивнул.

— Наука и человечество, дорогой коллега, отнюдь не самые важные категории в нашей проблеме. Есть еще один фактор, — подчеркнул он многозначительно, надеясь, что его поняли.

Но Керн не понял.

— Золотишко, док. Не то, конечно, которое смыла волна в пиратском сундучке. Другое. Крупнее и современнее. Те денежные купюры, которыми будут платить за наши вопросы и ответы, — поддержал Барнса инспектор полиции.

Не сильный в экономике Керн все еще не улавливал смысла.

— Кому платить? Ведь это почти явление природы. Мы же не платим за дождь или ветер.

— Если научимся управлять ими, кому-нибудь платить придется. Владельцы найдутся.

— Владельцы? — переспросил Керн. — Вы имеете в виду США или Англию? Или международный консорциум?

— Я имею в виду тех, кто вложит капиталы в эксплуатацию этого чуда. И тех, кто сумеет вовремя подключиться к извлечению прибыли. Даже Смайли, наверно, уже мечтает открыть поблизости шикарный отель или ресторан.

Барнс вздохнул:

— Дирижировать будут русские — вот посмотрите.

— Оставим политику политикам, — поморщился лорд Келленхем и привстал. — Пресс-конференция в девять утра, господа. Прошу не опаздывать.

Керн уехал на машине инспектора.

— Помяните мое слово, док, — сказал тот, — все это пахнет большими деньгами. Вы даже представить себе не

можете, какой циклон фондов, вкладов, акций и процентных бумаг зашумит вокруг «белого острова». И мы не останемся в стороне, док. Будьте покойны.

О будущем говорили в тот же день и час на другом конце города, в отеле «Хилтон».

— На меня не рассчитывайте, — горячился Рослов, — я математик, а не синхронный переводчик при электронной машине.

— Это не машина, Анджей.

— Все одно. Энергочудовище. А я не энергетик. У меня свои заботы в науке.

— «Забота у нас простая, забота у нас такая... Жила бы страна родная, и нету других забот», — пропел по-русски Шпагин.

— Что вы спели? — поинтересовался Мак-Кэрри.

— Напоминание о том, что есть другие заботы, кроме профессиональных.

Рослов молчал.

— А почему вы думаете, что при этом энергочудовище или энергоблагодетеле — может быть, это вернее, а? — не будут работать десятки выдающихся математиков и биологов? Даже больше — сотни ученых различных специальностей. Ведь эта суперпамять способна не только накапливать информацию, но и подсказывать оптимальные варианты решений на основе накопленного. В конце концов, много нерешенных проблем в науке можно решить на основе уже найденного и открытого. Нужны только объединение знаний, координация усилий, умножение памяти — своего рода мемориальный взрыв. Этот взрыв и обеспечит нам суперпамять. Вы думаете, что наше знакомство с ней ограничится комиссиями и конференциями? Я мыслю шире. Я вижу суперинститут с тысячами научных специалистов, проекционными бюро и опытными лабораториями. Где? Может быть, даже не здесь, а на другом острове, где менее пахнет курортными барами и пляжной галькой.

— Кто же будет руководить институтом?

— Вы имеете в виду людей?

— Нет, страны.

— ООН, ЮНЕСКО, может быть, какая-то иная международная организация. Во всяком случае, не тресты, не банки и прочие денежные мешки. Эта суперпамять,

как сказочный джинн, возникший прямо из небесной лазури, слишком чудесна, чтобы говорить о ней на языке маклерских контор. Кстати, у нее еще нет своего имени.

— Наклеывается, — сказал Шпагин. — Кое-что из русской фантастики. Почти классическое.

Рослов, который всегда понимал его с полуслова, покачал головой.

— Ты предполагаешь коллектор рассеянной информации? Отлично придумано, хотя и не нами. Но не для нашей проблемы. Во-первых, не коллектор, а селектор, так как в основе его — избирательность. Во-вторых, не рассеянной, а стабильной. Он сам об этом напомнил.

— Селестан или Селестин... — задумался Шпагин.

— Зачем? Просто Селеста. Элегантно и международно. По-английски и по-русски, профессор, «селектор» звучит одинаково, а «стабильный» начинается с тех же букв. Русское же звучание — привилегия первооткрывателей.

— Женское имя, — замялся Мак-Кэрри.

— Один из первооткрывателей — женщина, — отрезал Рослов. — А кроме того, профессор, «память» по-русски тоже существительное женского рода.

Но Яна запротестовала:

— Не могу воспринимать его в женском роде. Это женщина. Мыслитель, не память. И потом, мужские имена с окончанием на «а» вы найдете у многих народов. Даже у нас в Польше.

Чудо родилось. Чудо уже входило в жизнь. Завтра оно овладеет умами миллионов, пройдет великим землетрясением по миру и что-то оставит людям. Что? Что в имени твоём, Селеста? Голос друга или скрытая угроза врага?

Часть вторая

ОБУЧЕНИЕ СЕЛЕСТЫ

А теперь без грамоты
Пропадешь,
Далеко без грамоты
Не уйдешь.

*С. Маршак.
Кот и лодыри*

Глава 12

СЕЛЕСТУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ПРЕССЕ

В малом холле отеля, резервированном для пресс-конференции, в этот утренний час было прохладно и пусто. Туристы завтракали и уезжали на пляж. Корреспонденты и ученые явились почти одновременно: первые для того, чтобы глотнуть бренди или виски за губернаторский счет, вторые — чтобы обсудить регламент предстоящего собеседования. Журналисты расположились в креслах непринужденно и дружно — великолепной семеркой, представлявшей пять известных американских газет и два не менее популярных и многотиражных журнала. «Лэдис хоум джорнал», рассчитанный на сердца и вкусы американских домашних хозяек, олицетворяла, как и положено, женщина, сразу же воззрившаяся на Яну и бесцеремонно обстрелявшая ее из своего миниатюрного фотоавтомата. Ученых и журналистов не разделял даже символический барьер — ничего, кроме пустого прохода между обращенными друг к другу двумя рядами кресел.

— Может, начнем? — спросил корреспондент понахальнее, открывая одну из батарей расставленных на ближайшем столе бутылок.

— Без хозяина в доме не пьют, — резонно заметила Яна.

— Хозяин может опоздать на полтора часа, а у нас на телеграфе даже минуты расписаны.

Но хозяин не опоздал. Величественный и холеный лорд Келленхем — само радушие и гостеприимство, по-

английски застегнутое на все пуговицы смокинга, — явился точно в девять ноль-ноль в сопровождении инспектора, Барнса и Керна. Не было только все еще бывшего епископа.

— Вы будете вести конференцию, — шепнул сэр Грегори Рослову. — Я не могу делать официальных заявлений до поездки в Лондон. Мак-Кэрри — я уже говорил с ним по телефону — заявляет, что не дает интервью журналистам. Смайли, хотя и первооткрыватель, не годится. Вы наиболее подходящая кандидатура. Принято?

Сказано это было шепотом, тактично, но по-хозяйски. Рослов пожал плечами и только заметил:

— У меня даже нет колокольчика.

— Сейчас устроим.

— Не надо. Две уже начатые бутылки сойдут. Коэффициент трения ничтожен, и акустика дай Бог... Начали. — Он стукнул мелодично зазвеневшими бутылками и продолжал: — Вопросы задавать по очереди, не шуметь и не перебивать говорящего. Начинает, как я полагаю, леди.

Но леди смущенно пролепетала:

— Наш журнал женский, его интересуют специальные проблемы. Я бы охотно уступила свои привилегии.

— Тогда вы будете последняя, — отрезал Рослов. — Начинаем по алфавиту. Кто на «А»?

На «А» никого не оказалось.

— Есть на «Б», — раздался голос сидевшего с краю. — Блумкинс, корреспондент «Чикаго дейли»...

— Стоп! — оборвал его Рослов. — Без визитных карточек они нам ни к чему. Задавайте вопросы.

— Беру быка за рога. Что вы открыли?

— Черный ящик.

— С золотом?

— Не знаю. Я его не вскрывал.

— А кто вскрывал?

— Никто.

— Почему?

— Потому что он невидим.

— Тогда почему же он черный?

— По логике пять. По физике единица. Кто-нибудь из вас знаком с научной терминологией? — повысил голос Рослов. — Кто-нибудь знает, что называется в кибернетике «черным ящиком»?

— Я знаю, — ответил кто-то.

— Вот и объясните постфактум коллегам, а сейчас продолжим работу. Вопросов, я полагаю, будет много. Жду.

— Что именно открыто? Я имею в виду непонятное вам явление.

— Энергетическая память человечества.

Ни одного вопроса. Только недоуменные взгляды и жужжание магнитофонов. Наконец чей-то недовольный голос:

— А конкретнее?

— Космический разведчик с неизвестной звезды или планеты.

— Летающая тарелка?

Рослов даже не улыбнулся. Его скривило от необходимости отвечать. Сосчитав до пяти, он сказал:

— Я не говорил, что это тарелка, тем более летающая. А сейчас вы спросите: с какой звезды?

— Спросим. Спрашиваем.

— А какая, собственно, разница, с Альдебарана или Сириуса? Может быть, с Капеллы. Может быть, из другой галактики. При этом он невидим и неосязаем. Заброшен на Землю несколько тысячелетий назад и в течение этого, мягко говоря, довольно продолжительного срока собирает стабильную информацию.

Заскрипели кресла. Кто-то опрокинул бутылку. О регламенте забыли: вопросы грохнули, как автоматная очередь. Даже сами спрашивающие едва могли расслышать, о чем они спрашивают.

— Тише! — крикнул Рослов, звякнув бутылками вместо колокольчика. — Три вопроса по порядку. Ну?

Последовали три вопроса по порядку.

— Что значит: стабильную?

— Как собирает?

— Зачем?

Рослов хладнокровно выстоял под дулами объективов, не реагируя на фотовспышки. На первые два вопроса ответил с подчеркнутой сложностью для понимания и, услышав в ответ только жужжание магнитофонов, сказал с усмешкой:

— Темно? Мне тоже.

— Вы не ответили на третий вопрос. Зачем и для кого это делается? — вырвался чей-то голос.

— Не знаю.

— Но можете предположить?

— Вы тоже можете. Ценность предположения будет наверняка одинаковой.

«Раздражается, выходит из формы. Зря», — подумал Шпагин и сказал вслух, предупреждая выкрик из зала:

— Дело в том, что это запоминающее устройство, нечто вроде суперэлектронной машины, только невидимой и потому недоступной для визуального наблюдения, само не знает, зачем и для кого оно это делает.

— Но как вы об этом узнали?

— Из разговора.

Шпагин сделал эффектную паузу, чтобы полюбоваться, как выглядит коллективное недоумение, и подождал очередного вопроса.

То был заикающийся, робкий вопросик:

— Вы сказали: из разговора. Как же это понять?

— Буквально. Чудо наше весьма благовоспитанное и вежливо отвечает на все заданные ему вопросы.

— На каком языке?

Шпагин оглядел сидящих против них репортеров. Обыкновенные парни, кто постарше, кто помоложе. Есть рыжий, есть лысеющий. Напористы и бесцеремонны — такова профессия, допускающая невежество в любой области знания. Любят выпить, судя по тому, что обходятся без стаканов, поставив возле себя бутылки по вкусу. С такими надо попроще, без олимпийства.

— Чудо наше знает все языки мира. Не улыбайтесь, я не шучу. На строительстве Вавилонской башни оно с успехом предотвратило бы смешение языков. А с нами обращается вообще безлично — телепатически.

— Где же оно находится, ваше чудо?

— На одном из коралловых рифов в пределах солидной морской экскурсии. К сожалению, до прибытия международной инспекционной комиссии не могу сообщить вам более точный адрес.

— Может быть, его сообщит губернатор? Лорд Келленхем, откликнитесь!

— Я не уполномочен, господа, делать какие-либо заявления до решения моего правительства в Лондоне, — солидно произнес сэръ Грегори и сжал губы.

— А если мы сами отправимся на поиски?

— Вы рискуете нарваться на полицейский патруль, — сказал инспектор. — С сегодняшнего утра остров круглосуточно патрулируется нашими катерами.

Журналисты переглянулись. Вероятно, им очень хотелось поговорить сейчас без свидетелей.

— Боюсь, что гора родила мышь, — прервал молчание рыжий, — если ваше чудо знает столько же, сколько мы с вами.

— Плюс еще три миллиарда живущих на нашей планете, — без улыбки добавил Шпагин.

— Все равно любую справку вы получите в любой университетской библиотеке. Не забывайте о межбиблиотечных связях. А ваш информарий — разведчик. Он создан не нами и не для нас.

— Допустим.

— Не слышу выводов.

— Мы их прочтем в вашей газете, — сказал Рослов. — Не сомневаюсь, что они будут сверхубедительными и сверхоригинальными.

— Почему мы слушаем сейчас только голоса из России? — не унимался рыжий. — Пусть выскажется профессор Мак-Кэрри. Не зря же его вызвали сюда из Нью-Йорка.

— Не зря, — согласился Мак-Кэрри. — Я всегда с удовольствием прислушиваюсь к голосам из России. Они никогда не лгали и не обманывали.

«Грозовеет», — подумал Шпагин и шепнул Смайли:

— Рассказывай о пиратах.

Смайли поднялся, встреченный репликой:

— А это чей голос?

— Голос Америки, — сказал Шпагин с чуточкой иронии в интонации и, как говорят за кулисами эстрадных концертов, сразу обеспечил Смайли «прием».

А тот словно знал, как держать аудиторию: рассказывал с юмором комиксов и лексикой нью-йоркского клерка на отдыхе. Превращение его в пирата Билли Кривые Ноги прошло, что называется, на «ура», а оргия взбунтовавшегося металла на пикнике аргонавтов и в особенности «беретта», чуть не проломившая череп доктору Керну, заинтересовали более, чем само открытие космического разведчика. Посыпались вопросы:

— А как близко, док, пролетел пистолет?

— У самого уха.

— А как вы себя чувствовали при этом?

— Как во Вьетнаме.

Смех, фотовспышки, стрекот кинокамер. Доктор Керн с белозубой улыбкой, как на рекламе зубной пасты «Одоль», Смайли с поднятым над головой пистолетом, скучающий Корнхилл и завистливый Барнс: «А почему все достается Смайли и Керну?», недовольный Рослов и обрадованная мирным оборотом Янина, а позади закованный в смокинг, как бы несуществующий лорд Келленхем. Шпагин оглядел их всех и понял, что поезд пресс-конференции пора переводить на другой путь.

— Я понимаю, — сказал он, воспользовавшись первой же паузой, — что значимость открытия не под силу определить нашей дружеской, но не полностью компетентной конференции. Подождем дополнительной научной инспекции. Я понимаю также, что беседы с неведомым и невидимым чудом на необитаемом коралловом острове, как бы они ни проводились — через трансляцию или телепатически, — можно посчитать слуховой иллюзией. Но пиратский спектакль Смайли — это уже зрительная иллюзия, причем необычайной чистоты и реальности. Так не слишком ли много иллюзий, господа?

— Что вы хотите этим сказать? — спросили из зала.

— То, что сказал. Раз иллюзия, два иллюзия, а три — простите, не верю. Даже в рулетке номер не выходит три раза подряд. Речь идет о реальности виденного и слышанного, о наведенной галлюцинации, гипнотическом мираже с очень точно моделированной ситуацией.

— Значит, были и другие миражи? Какие?

Шпагин мигнул Смайли, тот отрицательно покачал головой: вспоминать о Кордоне ему не хотелось. Рослов демонстративно отвернулся. Пришлось самому Шпагину рассказать о встрече с римским наместником Сирии.

Долгая пауза завершила рассказ. Каждый раздумывал, может быть, даже не рисковал с вопросом, понимая, что газетная дешевка тут не пройдет. Наконец кто-то спросил:

— Вы оба видели одно и то же?

— Одновременно оба.

— Всё как в жизни?

— Абсолютно.

— И вы верите, что историческая ситуация была подлинной?

— А почему бы нет? — вмешался Рослов. — Для нас, безбожников, антиисторичность Христа бесспорна.

— И для Невидимки? — Рыжеволосый репортер отхлебнул из бутылки и засмеялся.

— Не смейтесь, — сказал Шпагин. — Думаю, что для Невидимки она еще бесспорнее, чем для нас. Он только хотел проверить, как создавался и воспринимался современниками миф, доживающий второе тысячелетие.

— Пропаганда, — бросил рыжий.

— Неужели вы думаете, — еле сдержался Шпагин, — что с чужой звезды или планеты был послан гость на Землю для антирелигиозной пропаганды? Предположение более чем смелое, даже для журналиста.

Смех не смутил рыжего.

— Я не верю ни в пришельцев, ни в телепатию, ни в летающие тарелки, — сказал он. — Но я верю, что можно сочинить сказку, чтобы скрыть правду, если ее хотят скрыть.

Неожиданно поднялся надменный сэр Грегори. Он пожевал губами, уверенный, что его не перебьют. И не ошибся.

— Мне очень жаль, господа, — сказал он, — что среди вас нет корреспондентов английских газет. Мои соотечественники не допустили бы подобной выходки. Я мог бы и сейчас прервать конференцию, но думается, что выходка эта все же случайна и у допустившего ее хватит мужества, чтобы извиниться за грубость.

Но рыжий и тут нашелся:

— Не знаю, можно ли считать грубостью сомнение в том, что тебе выдают за истину. Я не знаю, кто ваш Невидимка, может быть, его и вовсе нет, может, все жертвы галлюцинаций, для которых не находите объяснения. С таким же успехом можно уверять, что ваш таинственный собеседник — антихрист, сошедший на Землю, чтобы отторгнуть верующих от сына Божьего. Такое допущение не в моем вкусе, но убежден, что его примут как должное миллионы наших читателей.

— Есть и другое, — сказал доктор Керн. — Один из моих пациентов, ошарашенный такой беседой из облачных вышей, считает, что это Бог.

Кто-то свистнул.

— Ваша специальность, док?

— Психиатр.

— Тогда понятно.

В общем смехе едва не затерялся мечтательный возглас сотрудницы женского журнала для домашнего чтения:

— А вдруг и вправду Бог? Вы разрешите сделать такое предположение? Оно пришлось бы по вкусу моим читательницам.

— И Папе Римскому, — добавил Рослов. — Очень жаль, мадам, но мы не в детской.

— Тогда разрешите совсем уже не детский вопрос. Как относится ваш Невидимка к проблеме пола?

— Как электронно-вычислительная машина.

Журналисты-мужчины оценили ответ, но представительница прекрасного пола не собиралась отступить.

— Обращаюсь к единственной среди вас женщине. Ведь вы же не только математик, мадам Желенска. Неужели вас не заинтересовало, кто говорит с вами из космоса — мужчина или женщина?

— Не заинтересовало, — согласилась Янина. — Мне достаточно мужчин на Земле, чтобы не искать их в космосе.

Дружные аплодисменты не смутили амазонку с магнитофоном: ведь это были аплодисменты мужчин!

— Жаль, — вздохнула она. — Жаль вас и вашего Невидимку. Кстати, что за имя? Неужели нельзя было найти покрасивее?

— Уже нашли, — раскланялся Рослов. — Селеста.

Почему Селеста? Объяснили. Почему русское звучание? Тоже объяснили. Почему женское имя?

— Не надо объяснений, — потребовала пропагандистка домашнего чтения. — Женское имя — и всё! Как обрадуются мои читательницы!

— Боюсь их огорчить, мадам. Философ Акоста, например, был мужчиной.

Рослов был верен себе: он не терпел глупости ни в брюках, ни в юбке.

В холл вошел молодой полицейский и, найдя Корнхилла, пошептал ему что-то на ухо.

— Когда? — спросил Корнхилл.

— Час назад. Нам сообщили по радио.

— Есть раненные?

— Двое. Один из них отставной инспектор Смэтс.

— Что?! — гаркнул Корнхилл. — Какого черта он оказался в вертолете?

— Его наняли сопровождать группу, сэр.

— Что случилось, Корнхилл? — закричали в зале. — Не томите!

— Могу сообщить нечто, имеющее прямое отношение к нашей беседе, — отчеканил Корнхилл: наконец-то и он попал в зону объективов фото- и кинокамер. — Полчаса назад группа юнцов из отеля «Альгамбра» пыталась подойти на вертолете к острову привидений. Мощным электромагнитным ударом вертолет был отброшен от острова на несколько сот метров. Упав в океан, он моментально затонул. Пострадавшие, в том числе двое раненых, были подобраны патрульным полицейским катером. Вертолет шел на значительной высоте и проскользнул к острову, когда катер огибал риф с другой стороны.

— Откуда же узнали об острове и, следовательно, о Невидимке ребята из «Альгамбры»? — спросил кто-то в зале.

Корнхилл только пожал плечами.

— Вы понимаете теперь, что Невидимка реальность? — вместо ответа спросил он.

— Почему же он благоволит к одним и вышвыривает других?

— Спросите его самого, когда это удастся.

— Но когда, когда?

Через час на аэродроме Рослов сказал ожидавшему посадки на самолет профессору Мак-Кэрри:

— Боюсь, что мы еще не скоро сможем ответить на этот вопрос.

— Какой?

— Когда. Последний вопрос пресс-конференции.

— Кто же помешает вашей встрече с Селестой?

— Я не о нас. На днях мы прогуляемся на остров с епископом. Я о другом. О встрече Селесты с человечеством.

Мак-Кэрри оглянулся на беседовавшего поодаль губернатора: не слышит ли.

— Вы не верите в мою миссию? — спросил он тихо.

— Честно говоря, я боюсь, — сказал Рослов. — Я знаю ученый мир. Он примерно одинаков во многих странах.

Архаисты и новаторы. И почему-то всегда архаистов оказывается больше и упрямство их ожесточеннее. Боюсь, что наша пресс-конференция отражает в миниатюре любое из предстоящих вам совещаний ученых мужей. Только вопросы будут каверзнее и скептицизм насмешливее.

Мак-Кэрри усмехнулся с тем же упрямством, какое Рослов предвидел у его оппонентов.

— Пусть съезжаются сюда одни архаисты. Селеста переубедит любого.

Глава 13

СЕЛЕСТУ ПРЕДСТАВЛЯЮТ ЕПИСКОПУ

Семиметровый спортивный катер с громким названием «Слава Британии» отвалил от причала и закачался на белых гребнях прибоя. Шпагин, прислушиваясь к ровному журчанию мотора, азартно спорил с «капитаном» Смайли о качестве двигателей. «Вольво» — с такой игрушкой только детишек по воскресеньям катать... Сюда бы парочку «холман-моди» — и на гонку в Сан-Франциско... Еще бы устройство для подзарядки аккумулятора... Мало!.. А регулировка триммеров на транце?..»

Технический жаргон спора был Рослову непонятен, но азарт спорщиков вызывал улыбку. «И это взрослые дяди: одному почти тридцать, другому полсотни. Дали им игрушку, и оба довольны, как школьники. А какая игрушка устроит этого? — Он посмотрел на сутулую спину согнувшегося впереди епископа. — Игрушка — Бог? Ну нет, пожалуй... Для него все это слишком серьезно».

Он мысленно вернулся к неоконченному разговору с Джонсоном — разговору недельной давности. Тогда, вернувшись из очередной поездки на остров, Рослов зашел навестить захворавшего епископа. Он застал его на веранде не в сутане, а в теплом стеганом халате, да еще закутанного в кусачий шотландский плед, но отнюдь не утратившего своей привычной холодноватой сдержанности.

— Вот лечусь... — смущенно кивнул он на пеструю батарею бутылок, стоявшую перед ним на низком полированном столике. В бутылках содержались отнюдь не микстуры.

— И помогает? — усмехнулся Рослов.
— Немного. Составите компанию?
— Что ж, подлечусь и я. Тем более после такой встряски.

Епископ сочувственно кивнул:

— Да-да, я знаю. Мне говорил губернатор.
— О встрече с Селестой и о моей роли переводчика?
— Да, и об этом тоже.
— Конечно, охи и вздохи с доброй примесью недоверия?

— Почему же? Он поверил сразу и безоговорочно.

— В Бога?

— Все-таки это не Бог.

— Жалеете?

Епископ помолчал, повертел в руках пузатый бокал, а потом сказал медленно и серьезно:

— Пожалуй, нет. Вторую тысячу лет мы ждем встречи с Богом — так долго, что она стала зыбкой и нереальной мечтой, которую грубо разрушит всякий реальный исход. Кто он, этот таинственный невидимка над островом? Бог? Тогда миллионы простых смертных понесут к нему свои сомнения и страхи, горести и неудачи, разбитые сердца и неизлечимые болезни. «Господи! — скажут они. — Помоги нам. Ты же всемогущ!» А что он им ответит, чем поможет им этот бессильный дух? Где его руки, чтобы обнять страждущих, где его силы, чтобы исцелить болящих, где его кровь, чтобы напоить жаждущих, где его тело, чтобы накормить голодных? Вы понимаете, что тогда будет?

— Понимаю, — кивнул Рослов, — это будет конец веры в Бога.

— Ничего вы не поняли! — воскликнул епископ.

Рослов удивленно взглянул на него: перед ним сидел совсем другой человек, и Рослов не знал этого человека — яростного и непримиримого.

— Ничего вы не поняли, — горько повторил он. — Это будет конец всему: конец чистоте, конец нравственности, конец идеалам, конец счастью, конец миру.

Он устало замолчал. И снова перед Рословым сидел худой, измотанный малярией больной, возражать которому нужно было осторожно, не обижая его веры, но умно и толково вскрывая лживость его христианской догматики.

А епископ, воспользовавшись раздумьем Рослова, продолжал страстно и горячо:

— Вы, коммунисты, кичитесь своим неверием в Господа. Зачем? Вы разрушили миф, но оставили его догмы, превратив их в устои своего общества. Мы с вами требуем от человека одного и того же: всемогущих десяти заповедей чистоты человеческой!

— За небольшим исключением, — сказал Рослов. — Мы верим в Человека, а вы — в Бога; мы верим человеку, а вы — мифу о нем; мы верим в силу и справедливость человека, а вы — в силу и справедливость слова Божьего.

— Сила человека? — отмахнулся епископ. — Вы правы, у него есть сила. Сила разрушать и сжигать, грабить и убивать, резать и насиловать. Эту силу вы имеете в виду?

— Нет, — твердо произнес Рослов. — Другую. Силу строить и созидать, мечтать и любить, великую силу жить и бороться за счастье других.

— Чушь, — перебил епископ с такой запальчивостью, что Рослов невольно улыбнулся. — Чему смеетесь? — окончательно рассвирепел Джонсон. — Это мы, христиане, взываем о любви к человеку, это мы, пастыри, зовем его к согласию и миру. А чем отвечают люди? Знаете, сколько было мирных лет в истории человечества? Двести девяносто два года из пяти тысяч! Простая арифметика: четыре тысячи семьсот восемь лет человечество раздирали войны, междоусобицы, побоища и распри!

— В том числе и крестовые походы, — насмешливо подсказал Рослов, но епископ не принял вызова.

— Крестовые походы — одна из самых страшных страниц в истории церкви, — согласился он. — Одна из самых жестоких, кровавых и бессмысленных. Хотя, — со вздохом добавил он, — любая война жестока и бессмысленна.

Он прекращал этот затянувшийся спор, но Рослов, как бывало на философских семинарах в Московском университете, не сложив оружия, рвался в атаку.

— Жестока — согласен. Но бессмысленна не всегда. Собственно говоря, всегда осмысленна. Важно только, какой умысел ею движет. А чтобы его понять, надо знать политику, которую проводят люди, войну развязавшие. Основы этой политики заложены в системе экономичес-

ких отношений, в государственном и общественном строе. Не было войн, не имевших политических, классовых целей, потому что только политика правящих классов определяет цели войны. И ни к чему говорить, что войны бывают разные — справедливые и несправедливые. Даже на нашем коротком веку мы повидали и те и другие.

— Слова, — упрямо не соглашался епископ. — Нет справедливых войн. Я их не знаю.

Рослов встал, медленно прошелся вдоль белой веранды и вдруг, резко обернувшись, спросил:

— Когда кончается ваш домашний арест?

— Думаю, дня через два.

— Отлично. Через два дня мы закончим спор.

— Мы его никогда не закончим.

— Вы сказали, что не знаете справедливых войн?

— Не знаю.

— Тогда и узнаете.

— Не понимаю как.

— Поедем с вами на остров и сделаем опыт с Фомой Неверующим. Поверите, как и он.

«А вдруг Селеста закапризничает и не откликнется? — опасно думал Рослов, следя за вспененным следом катера. — Вдруг он не согласится поставить заказанный мною спектакль. А ведь это опыт не для епископа — для меня, для науки. Ведь это я хочу проверить, рождаются ли миражи Селесты нашими биотоками. Опыты ставит он, а не наши ли мысли подсказывают ему темы опытов? Мы, так сказать, и лаборанты и кролики, для которых эти опыты не всегда приятны. Смайли до сих пор не может в себя прийти: как вспомнит, так мышцы как у боксера. Или Яна с ее угрызениями совести... Смешно! И все же для ученого любой такой опыт — открытие. Поиск. Озарение. И то, что задумано для епископа, — чудесная находка для мыслителя, для кого хотите — от биолога до историка! Не каждый день приходится участвовать в эксперименте, поставленном в масштабах истории человечества».

Рослов легонько обнял сидевшего впереди епископа:

— Вон, видите на горизонте? Это наш остров. Не правда ли, он похож на клочок мыльной пены на ребристой стиральной доске?

Епископ не ответил, молча всматриваясь в горбик кораллового рифа на горизонте. Островок медленно приближался, постепенно теряя зыбкое очарование отдаленности, пока не превратился в белую скалу, источенную ветрами и волнами.

— Приехали с орехами, — сказал Рослов по-русски.

— Что-что? — не понял Джонсон.

— Ворота открыты, ваше преосвященство. Флаги подняты, и герольды ждут вас.

Смайли и Шпагин помогли епископу взобраться на берег и подвели к палатке. Джонсон озирался с нескрываемым любопытством мальчишки, попавшего в сказочную страну и без страха поджидавшего встречи с чудом.

— Где же оно? — спросил он.

— Не могу обещать вам, что вы его увидите, но услышите наверняка. Будут вам такие доказательства, что «Аве Мария» кричать устанете, — загадочно пообещал Смайли.

— Не кощунствуйте, — поморщился епископ.

— Я не кощунствую, я просто трезво оцениваю возможности нашего хозяина. А возможности у него не ограничены.

— Ограничены, — откликнулось в сознании у каждого.

И хотя Рослов уже почти привык к неожиданному вмешательству Селесты в психику его собеседников, он снова ощутил дремучий мистический страх, когда где-то в глубине мозга, минуя слуховые рецепторы, возник неслышный голос, бесстрастный, однотонный, лишенный живой человеческой интонации.

— Неограниченных возможностей не существует, — продолжал Голос. — Всегда есть предел надежности. У меня тоже. Информация — это только информация, как бы ни был велик ее объем. Мышление Смайли не способно к обобщениям. Отсюда — ошибка.

Рослов взглянул на епископа. Тот, казалось, погрузился в гипнотический транс: тело напряглось, глаза закрылись, хотя непосредственный разговор с Селестой такого транса не вызывал. А может, то было благоговейное восхищение первой встречей с Неведомым. У Смайли эта встреча восхищения не вызвала: замечание о неспособности к обобщениям по-человечески обижало. Он демонстративно сплюнул, сдвинул на затылок

полотняную кепку с оранжевой надписью «Бермуды» и сказал раздраженно:

— Моя работа обобщений не требует. А у тебя сегодня есть новый подопытный кролик с повышенным коэффициентом интеллекта, «ай-кью» сто пятьдесят, как аттестуют таких в наших колледжах.

— Ошибочно аттестуют.

— Ты не согласен с «ай-кью» епископа?

— Я не согласен с тестами в американской школе для определения квазикоэффициента умственных способностей. Порочная методология.

— Я только хотел сказать, что епископ умен.

— Я знаю это. Мне достаточно встретиться с человеком, чтобы знать объем и значительность его информации.

Смайли молчал, даже губы его не шевелились, только произвольные движения рук выдавали его разговор с Селестой. И все слышали этот разговор, если только термин «слышать» мог быть подходящим определением, и все имели возможность в этом разговоре участвовать. То был откровенный обмен мыслями, привычный уже для всех присутствующих, кроме епископа. А ему почему-то было неловко и стыдно. Он даже с благодарностью подумал об отказе Яны от поездки вместе с ними на остров, не зная, что отказ этот был заранее обусловлен Рословым: мало ли какие сюрпризы мог предложить им Селеста во время опыта. Он ждал этого опыта и потому тотчас же вернул к нему ускользающий в сторону разговор.

— У епископа есть вопросы к тебе, Селеста. Да задавайте же их, наконец! — вслух проговорил он, толкнув пребывающего в трансе епископа.

Тот опять промолчал, а Голос ответил:

— Я знаю эти вопросы.

Джонсон испуганно взглянул на Рослова, тот успокаивающе подмигнул в ответ: «Ничего страшного — обыкновенная телепатия и никакой мистики», а Голос продолжал:

— Я знаю о вашем споре, могу точно воспроизвести его. Служитель церкви рассуждал с позиции христианского гуманизма.

— А разве это не единственно верная позиция в оценке несправедливости человеческой? — откликнулся наконец епископ.

— Нет, — сказал Голос, — ты исходил только из догмы: не убий. Но я знаю ее антитезу: лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой. Есть много примеров в истории человечества, когда даже христианская мораль могла оправдать людей, защищающих самое для них дорогое: родину, свободу, будущее своих детей. Я не буду судьей в вашем споре, я сам хочу увидеть вашими глазами, кто из вас прав. Кстати, Рослова интересуют не доказательства его правоты в вашем споре, а еще один опыт смещения сознания и раздвоения личности. Я сделаю этот опыт. Не бойтесь. Трое из вас уже привыкли к таким формам информативного обмена, а четвертый, возможно, найдет в нем ту истину, которую ищет.

Голос умолк, а епископ растерянно оглянулся, словно рассчитывал увидеть его источник.

— Вот и вызвали духа из бутылки, ваше преосвященство, — злорадно сказал Смайли. — Сейчас начнется представление.

— Что же будет? — смущенно оглядываясь, проговорил епископ.

— Ничего не будет, — отозвался Смайли.

И ничего не стало. Была только ночь, душная синяя темнота, разрезенная багровыми сполохами костров.

Глава 14

ЗАПАТА НЕПОБЕДИМЫЙ

Рослов с удивлением смотрел на свои руки и не узнавал их. Сильные, корявые, короткие пальцы, черный ободок под ногтями, синее переплетение вен на тыльной стороне кисти — эти руки никогда не держали ни карандаша, ни линейки, никогда не прикасались к пультам счетной машины, но отлично умели управляться с мотыгой или сохой. Эти руки знали теплоту конской шеи, бархатистую нежность влажной земли и волнуемый холодок винтовочного приклада. То были руки Габриэля Риоса, тридцатилетнего пеона из маленькой деревни Аненекуилько в мексиканском штате Морелос. И Рослов знал это. А еще он знал, что уже полгода не слезает с коня, полгода ствол его винтовки раскаляется от

выстрелов, полгода он продвигается на север страны с армией Запаты Непобедимого. Давно уже метался в прихожих парижских дворцов и вилл в поисках богатых покровителей развенчанный диктатор Мексики Порфирио Диас, а сторонники диктатуры вновь подбились к власти, и временный президент Мадеро заигрывал с ними, не умея, а возможно и не желая призвать их к порядку.

Рослов — Риос знал, что обещания президента, игравшего в демократию, лживы, что по пятам запатистов следует хорошо вооруженная армия генерала Уэрты, то отставая, то настигая их от Куаутлы до Сьерра-Пуэбла. Запата уходил, разбрасывая по деревням небольшие отряды, а потом неожиданно собирал их, опрокидывая преследователей, а затем все повторялось снова.

Габриэль Риос ненавидел войну: она отняла у него дом, жену и детей, расстрелянных уэртистами в назидание повстанцам Запаты. Габриэль Риос ненавидел войну, но он верил Запате и в звезду Запаты, как и тысячи таких же полуграмотных и совсем неграмотных пеонов и ранчеро, как и сидящие сейчас у костра его друзья — бородатый Серафим Пасо, и весельчак Паскуале, и присоединившийся к ним бродяга-журналист из Соединенных Штатов Тэд Грин, презирающий мескаль и мечтающий о глотке виски. Габриэлю Риосу было жарко у костра. «Жаркая ночь. Жаркое лето. В такую жару земля не родит», — тоскливо подумал он, и Рослов мысленно прокомментировал: «Забавно. Я даже думаю, как этот крестьянин. Инерция перевоплощения».

И тут же осознал, что никакого перевоплощения не было. Габриэль Риос жил сам по себе, ничего не зная о Рослове, а Рослов все знал о Риосе, читал его мысли и как в зеркале отражал в себе его чувства. Повторялась, в частности, римская история с совмещением сознаний, когда одно не знает, что на нем паразитирует другое. Тогда их было двое, Рослов и Шпагин, потеснившие сознание двух римлян первого века, теперь компания «перемещенных» увеличилась вдвое — к ним присоединились епископ и Смайли. И все они знали друг друга, как Риос и Пасо, Паскуале и Грин. Какими средствами добился этого Селеста, как извлек он из своих невидимых емкостей информацию о где-то существовавших или кем-то придуманных участниках по-

встанческого движения Запаты, как совместил он их материализованное создание с нервными клетками, импульсами и биотоками четырех реально существующих, мыслящих, чувствующих и действующих людей нашего времени, ни Рослов, ни Шпагин, конечно, не знали. Даже приблизительно, гадательно не могли они представить себе физическую природу такого «перемещения».

Но оно действовало, воссоздавая течение жизни, как максимально приближенный к реальности кинофильм. Четверо друзей с чужими именами сидели и беседовали у костра в другом пространстве и времени. Рослов — Риос, состоящий в личной охране Эмилиано Запаты, взглянул на тусклое, едва освещенное окно на втором этаже брошенной владельцами гасиенды, где сейчас обсуждался план предстоящего завтра похода: огонек за окном задрожал и пропал в темноте.

— Вот оно и погасло, — машинально произнес Рослов.

— Что погасло? — спросил Смайли.

— Окно генерала. Сейчас он придет сюда. Готовься к встрече, Боб.

— Меня зовут Паскуале, — усмехнулся Смайли. — Идиотское имя.

— Имя как имя, — флегматично заметил Шпагин. — Не все ли равно, чье имя будешь носить какие-нибудь два часа.

Епископ, он же Грин, молча встал и прошелся вокруг костра. Он, видимо, был взволнован.

— Вы рассчитываете только на два часа, доктор Шпагин? Мне почему-то кажется, что это увеселение продлится дольше, — сказал он, снова присаживаясь к костру.

— Успокойтесь, ваше преосвященство, — откликнулся Рослов. — Глоток мескаля — и все как рукой снимет. — Он уже полностью освоился в обстановке, и сейчас его явно забавляло суетливое волнение епископа. — Но, кажется, журналист Грин предпочитает виски?

— А епископ Джонсон согласен и на мескаль. Бросьте-ка мне эту флягу.

Джонсон — Грин поймал бутылку, отхлебнул из нее и вздохнул. А Рослов подумал: «Селеста швыряет нас из века в век, из страны в страну, и надо иметь чертов-

скую способность к мимикрии, чтобы оставаться в Риме вольноотпущенником Клавдием, а в Мексике начала века пеоном Габриэлем. И в то же время быть самим собой, ни на мгновение не терять этого зыбкого права. Впрочем, сейчас нам оно предоставлено полностью: пользуйтесь, выкручивайтесь, подгоняйте события. А что подгонять, если я почти ничего не знаю о мексиканской революции, бурлившей здесь еще до семнадцатого года, когда и мой отец-то еще не родился. Да и мой «подопечный» мексиканец знает о ней немногим больше. Был с Запатою с начала гражданской войны, а вряд ли поможет мне оценить политическую и военную ситуацию. Кто-то сказал: взводный командир мыслит в пределах взвода, ротный — в пределах роты, и только главнокомандующий — в масштабах армии. А в каких масштабах прикажете думать мне, рядовому из личной охраны начальника, неграмотному пеону, который вместо подписи ставит крест?»

И тут же он услышал ответ. Знакомый беззвучный Голос монотонно отстукал в сознании:

«Ты же не Габриэль Риос, ты Рослов — психолог и математик, биокибернетик и материалист. Человек из другой среды и другого времени. У тебя остались твоя логика, твоя реакция, твое мышление. Действуй. Ты решающий фактор эксперимента».

«Только я?»

«И твои спутники тоже. Я дал вам в руки модель истории».

«Хочешь узнать, что мы с ней сделаем?»

«Нет. Хочу узнать, что она сделает с вами».

Голос умолк, и Рослов с сожалением подумал, что так и не успел спросить, сколько времени отпущено им на эту вторую жизнь. Но размышлять об этом было уже некогда: к костру подходил человек, в котором Рослов, а точнее Риос, узнал Запату.

— Присаживайся к огню, Эмилиано, — запросто сказал он, подвигаясь, — и расскажи нам, что ты придумал на завтра.

Что отразилось в глазах Риоса, Рослов не знал, но он с жадным интересом смотрел этими глазами на высокого загорелого мужчину в короткой кожаной куртке и огромном, как тележное колесо, мексиканском сомбреро. Но не сомбреро, и не черные узкие штаны с бахро-

мой по швам, и не залихватски закрученные усы привлекли его пристальное внимание, а большие, глубоко посаженные глаза Запаты. Казалось, в них пылало неугасимое пламя, сразу обжигающее любого, заглянувшего в эти глаза и тут же подчинившегося, преданного, верного и влюбленного.

— Многое. Один из путей к победе, — усмехнулся Запата. — Только почему спрашиваешь ты, а не американец?

Епископ не отрываясь смотрел на огонь костра. Казалось, он не слышал Запату, поглощенный мимолетными видениями, возникавшими в оранжевом пламени и тут же исчезающими, изменявшимися, как цветные стеклышки в трубке калейдоскопа. Что узрел в них епископ? Темные своды собора в Гамильтоне или шумный редакционный шабаш в Нью-Йорке, где он, журналист Грин, диктует свое интервью с героем Мексики. Не отрываясь от огня, он спросил:

— А для чего вам нужна победа?

— Разве ты до сих пор не понял? Тогда зачем ты с нами, американец?

— Хочу знать правду. Твою правду, Запата.

— Это не моя правда. Это правда обездоленных и ограбленных, раздетых и голодных. Это правда народа.

— А ты знаешь, что нужно народу?

— Знаю, американец. Я видел, как у людей отнимали последний клочок земли, как целые деревни вымирали от голода, я видел алчущее и раздетое горе. А ты спрашиваешь меня, знаю ли я, что нужно народу.

— Но ведь можно было обратиться к властям. Есть, наконец, суд.

Послышался горький смешок Запаты.

— Не смей меня, американец. Я добрался до самого Диаса, когда хозяева гасиенды де Санта-Крус отняли землю у жителей Аненекуилько. Мы просили только одного: вернуть нам землю. И знаешь, что он нам посоветовал?

Епископ отрицательно покачал головой.

— Обратиться в суд. Мы поверили, а они бросили жалобщиков в тюрьму и потом расстреляли их, чтобы никто не мог рассказать о милостях великого правосудия. Я вовремя понял, чем это пахнет, и решил действовать по-другому.

— Один?

— Зачем один? И сейчас в моей армии есть те, кто начинал со мной в феврале девятьсот одиннадцатого. Ты помнишь, Габриэло, как это было?

— С тех пор мы многому научились, — сказал Рослов — Риос с убежденностью, мгновенно насторожившей епископа. — Недаром тебя, Эмилиано, они называют Атиллой Юга, а нас — бандитами. А ведь мы только сражаемся за свободу, за нашу свободу, которую у нас отняли, и мы добудем ее, чего бы это нам ни стоило.

Епископ с удивлением посмотрел на него. Он словно спрашивал, кто сказал это — Габриэль Риос или Андрей Рослов. Чему же он удивлялся: искренности Риоса или мимикрии Рослова? Он не мог об этом спросить в присутствии Запаты, а когда тот вернулся в дом, шагая мимо спящих усталых людей, даже во сне не расстававшихся со своими винтовками, разговор у костра уже оборвался. Послышался приближавшийся цокот копыт в ночи, и Рослов — Риос вскочил, чтобы проверить. Уже у самого входа в дом его обогнал всадник на взмыленной лошади. Он, даже не привязав ее, бросился к веранде: видимо, очень спешил к начальнику. И тут Рослов, даже не задумываясь, почему он это делает, взял брошенного коня под уздцы и медленно повел по дорожке перед домом. А ведь все было ясно — сработала профессиональная память Риоса: после бешеной скачки лошадь нельзя останавливать сразу — можно погубить ее сердце. Рослов ходил по кругу и разговаривал с ней, как профессиональный наездник.

— Ну походи, походи... Тебе, старуха, оказывается, надо еще погулять, а то сердчишко сорвешь. Совсем как спортсмен-стайер. Пробежит он кругов двадцать до финиша и не останавливается, а только замедлит бег. Я в Лужниках видел. А Лужники, старуха, это такой стадион... — Он не успел закончить фразу: его окликнул вышедший на веранду Запата.

— Плохо дело, Габриэль. Нас кто-то выдал. Через полчаса здесь будут солдаты Уэрты.

Он оглянулся на сопровождавшего его хозяина лошади. Потный и грязный после бешеной скачки, тот только махнул рукой.

— Полчаса — большой срок, Эмилиано, — предупредил мысль Рослова Риос. — Поднимай людей и уводи их в горы. Я задержу солдат.

— Сколько людей тебе понадобится? — отрывисто спросил Запата.

— Тридцати достаточно. Только патронов побольше. На часок-другой их задержим.

Рослов прикидывал потом, как бы он поступил в этом случае, не скованный характером Габриэля. Каждый человек смел задним числом, и только немногим удается проявить смелость на деле. Да и он ли, Рослов, проявил эту смелость? Ведь Габриэль опередил его. Рослова это мучило, он не понимал, что сознание Габриэля было его сознанием, что Селеста не разделил их и точно подсказал ему, что он — решающий фактор эксперимента. В сущности, так и было: ничто не отделяло математика от хлебороба. Хлебороб мыслил как математик, а математик рассуждал, опираясь на жизненный опыт хлебороба, и оба жили и действовали как один, но с удвоенной волей, удвоенной силой, удвоенной храбростью и осторожностью.

Он распорядился закрыть северные ворота, подождал, пока Запата выведет отряд из поместья, и закрыл южные. Он расставил своих людей вдоль каменной ограды парка, помня, что разбросанные огневые точки могут создать впечатление, что гасиенду охраняет большой отряд, а не тридцать человек с двумя десятками патронов на каждого.

На втором этаже в проеме окна Шпагин и Смайли устанавливали пулемет. Рослов нагнулся и, прищурив глаз, посмотрел в прорезь прицела. Он увидел дорогу, покрытую сухой красноватой пылью. Удивительной была эта реальность пейзажа. Ни полные ненависти к помещикам монологи Запаты, ни суетливая возня пацифистствующего епископа, ни обросшие лица неделями не брившихся партизан не убеждали с такой силой в смещении пространства и времени, как эта кирпично-пыльная, иссушенная адовым солнцем дорога.

— Подпустите их к воротам и не давайте рассредоточиться, — сказал он, — они не знают, что их ожидает. Весь их расчет — застать нас врасплох.

— Всю жизнь мечтал пострелять из такого старья, — ухмыльнулся Смайли.

А Шпагин даже растерялся как будто.

— Ты что? — удивился Рослов.

— Никогда не держал в руках такого ружья.

— Это ты не держал, а Серафим Пасо бьет птицу на лету... А где епископ? — оглянулся Рослов.

— Кто его знает, — беспечно отозвался Смайли. — Наверно, заткнул уши ватой и ждет канонады.

Если бы Смайли знал, к чему приведет его беспечность, то наверняка бросился бы искать Джонсона, а найдя, не спускал бы с него глаз. Но он не знал этого, и Рослов не знал, а поэтому, потрепав по плечу Шпагина — Пасо: «Держись, старик, бывает и хуже», вышел из превращенного в пулеметное гнездо кабинета и поднялся по винтовой лестнице на чердак. Сквозь грязное чердачное оконце он разглядел все еще пустую дорогу, сужающуюся к горизонту, и где-то в самом конце ее почти не видное глазу красноватое облачко пыли. Рослов знал, что это за облачко, что через пять — десять минут оно превратится в головной отряд уэртистов. Сколько в нем солдат? Во всяком случае, больше, чем у него. Во сколько раз больше? Вдвое? Вчетверо? Разве это имело значение, когда по дороге к Сьерра-Ахуско уходил отряд Эмилиано. Им нужен всего час, чтобы оказаться в безопасности. Ну что ж, Рослов — Риос подарит им этот короткий час.

Он выбил рукояткой пистолета оконное стекло и крикнул:

— Всем постам приготовиться! Огонь по моему приказу.

Сунул пистолет в кобуру, снял с плеча винтовку, долго прилаживал ее на оголенной раме окна. Оно было вырублено слишком низко, и Рослову пришлось встать на колени, чтобы прицелиться. Но оконце оказалось удобным наблюдательным пунктом, он сразу оценил силы врага: человек сто и пять пулеметов, не больше. Справимся. У нас в активе эффект неожиданности: огонь, огонь, огонь непрерывно, со всех сторон! Пусть думают, что здесь вся армия Юга. Рослов подождал, пока первые ряды конников и скакавший во главе их офицер, огненно-рыжий от цепкой кирпичной пыли, не остановились метрах в тридцати от ворот, и скомандовал из окна: «Огонь!»

И сразу же внизу из проема окна дробно застучал пулемет Смайли. Рослов увидел, как покачнулся в седле кирпично окрашенный офицер и соскользнул с коня головой вниз, как вздыбились испуганные кони, сбра-

сывая на землю всадников, и сбившиеся в кучу солдаты позади растерянно повернули назад, к большим грудам дробленого камня, неизвестно кем и зачем сваленного у дороги. Рослов еще раньше заметил, что они могут быть использованы нападающими как прикрытие, но уже не было времени их убрать. «Да и отлично, — подумал он, — пусть залягут и начнут перестрелку: нам это только на руку! Постреляем минут сорок и уйдем через южные ворота, а они будут раздумывать, с чего это мы замолчали: то ли патроны кончились, то ли стрелять некому». И тут же обожгла мысль: кто это думает — он или Риос? Кто так умело и расчетливо планирует оборону — он или Риос?

Ведь он, а не Риос был решающим фактором эксперимента. И все-таки...

А пулемет все стучал, пытаясь достать отходящих всадников. Кто-то был еще жив и пытался спрятаться за трупам лошадей, кто-то полз назад, прикрываясь беспорядочным огнем из засады, но Смайли не щадил ни живых, ни мертвых. Пулемет стучал до тех пор, пока Рослов не потребовал прекратить огонь: патроны следовало беречь.

Пулемет смолк, но перестрелка продолжалась. Не частая и не точная, она не приносила вреда ни той, ни другой стороне, и Рослов уже собирался спуститься вниз, чтобы перераспределить огневые точки, как вдруг замер на месте, пораженный неожиданным зрелищем.

На каменной ограде у ворот появился епископ. Смешно размахивая руками, он двигался по гребню стены, как неумелый канатоходец, и полы его длинного клетчатого пиджака, над которым посмеивались партизаны Запаты, дружески принявшие в свою среду бродягу-американца, нелепо развевались на ветру. Развевался и белый платок в руке, которым он помахивал, балансируя на стене.

«Чего он хочет? — соображал Рослов. — Сейчас не время для пацифистских проповедей».

Но епископ думал иначе. Он сунул платок в карман и закричал торопливо и сбивчиво:

— Солдаты! Опомнитесь, что вы делаете? Что заставляет вас убивать друг друга? Ненависть? Злоба? Не верю, вздор! Откуда они у вас? Ведь вы все мексиканцы, братья по крови. У вас одна мать — ваша Мексика!

Рослов сразу понял: это говорил не американский журналист Грин, это взывал к современникам епископ Джонсон. Он продолжал свой спор с Рословым под чужим именем, в чужом облике, но с упрямством человека, так и не разобравшегося в своих заблуждениях. Он был тоже решающим фактором эксперимента Селесты, но понимал этот эксперимент по-своему. Модель истории, ставшей для него действительностью, ничему его не научила.

Когда он умолк, переводя дыхание, все стихло. Как долго продолжалась тишина, Рослов не помнил. Секунду, две? Потом раздался выстрел. Он оказался метким, этот нетерпеливый солдат Уэрты, которому надоела смешная болтовня штатского человечка, неизвестно для чего взобравшегося на стену. «Шалтай-Болтай сидел на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне», — вспомнились Рослову строчки из детских стихов. А Шалтай-Болтай на стене даже не понял, что с ним случилось. Просто согнулся пополам — и как в омут, головой вниз.

Дрогнуло ли сердце у Рослова? Нет. Ведь, что бы ни случилось, это только модель истории, выстроенная для эксперимента Селестой. Но что-то заставило Рослова рвануться вниз. И не что-то, а кто-то. Габриэль Риос, на мгновение, а может быть, и на минуты подавил сознание Рослова. Это Габриэль Риос побежал к лежащему у стены товарищу, и обогнали его, тяжело дыша, не Смайли и Шпагин, а Паскуале и Пасо, спешившие на помощь бедняге журналисту. Догнав их, Рослов увидел безжизненную фигурку в смешном клетчатом пиджаке, грустное восковое лицо и черную струйку крови на губах.

Шпагин — Пасо нагнулся над лежащим у стены человеком и сказал не по-шпагински сурово и жестко:

— Мерत्व.

Глава 15

ЭТОТ ПРЕКРАСНЫЙ, ПРЕКРАСНЫЙ, ПРЕКРАСНЫЙ ЮГ!

Спектакль был сыгран и занавес опущен. Шпагин поднялся и совсем по-шпагински застенчивым жестом вытер глаза. Но под ногами сверкал белый скат рифа и курчавилась вокруг барашками океанская синь. Епи-

скоп был жив и невредим и сидел перед ними вытянув ноги, в длинном пасторском сюртуке, и старательно поправлял опоясывающую воротничок черную ленту галстука. Клетчатый пиджак исчез вместе с его владельцем, и епископ недоуменно оглядывался, пытаясь понять, что же, в сущности, произошло.

— Ведь меня убили! — воскликнул он растерянно.

Смайли засмеялся и вместе со Шпагиным помог Джонсону встать.

— Не притворяйтесь, ваше преосвященство, — сказал Рослов, — вы отлично соображаете. Убили не вас, а беднягу газетчика Грина, неизвестно даже, существовавшего или нет. С помощью Селесты вы, конечно, открыли ему дорогу в рай. Едва ли он был мечтателем и не понимал грубой скороговорки винтовок. Эту выходку, закончившуюся для него столь печально, внушили ему несомненно вы. Вы дирижировали экспериментом и помогли Селесте понять сущность противоречий между буржуазным гуманизмом и революционной этикой. Не сомневаюсь в вашей искренности, но ошибки свои вы, наверно, уразумели. Или нет?

— Не знаю, — неуверенно произнес епископ: ему явно не хотелось спорить, да и мнимая его смерть все еще переполняла чувства. — Неужели все это было иллюзией? Слишком уж реально, совсем не иллюзорно. Я же помню: пуля попала вот сюда. — Он ткнул себя в левый бок, где из нагрудного кармана выглядывал уголок накрахмаленного платка. — Было совсем не больно. По крайней мере сначала. Будто ослепший жук ударился в грудь, а потом голова стала тяжелой и чужой, как после бессонной ночи, и только мелькнула угасающая мысль: «Это конец».

— Ох, епископ, — невесело усмехнулся Смайли, — сдается мне, что это далеко не конец.

Он оказался пророком. Новое перемещение произошло безболезненно и, пожалуй, даже буднично — не было ни страха, ни удивления, свойственных первым шагам в Неведомое. А оно началось на неширокой пыльной улочке маленького и, наверно, очень тихого провинциального городка. Они шли по этой немощеной улочке снова вчетвером и снова с винтовками, только более старыми, длинными, неуклюжими и тяжелыми — фунтов сто, не меньше, из каких не стреляли по край-

ней мере с середины прошлого века. И сюртуки на них были потертые, но элегантные, сшитые по столь же старинной моде. И вспученные цветной пеной галстуки оставляли открытыми грязноватые, но еще не потерявшие крахмальной твердости воротнички рубашек. Давно не чищенные сапоги их со сбитыми каблуками говорили о дальней дороге. И Шпагин так и не мог вспомнить, где он видел такие костюмы — в театре, или в кино, или где-нибудь за стеклом на музейных стендах. Но что осознал ясно и сразу — это то, что он только Шпагин, и никто другой. Его вытолкнули на сцену, не сказав, кого он должен играть, в какой пьесе, из какого времени, в комедии или драме. И что случится под занавес, он даже предугадать не мог: Селеста не стеснялся в выборе средств.

Шпагин никогда не был игроком и не любил рискованных ситуаций, а дар словесной импровизации не числился в реестре его достоинств. Он не умел, как Рослов, быть физиком с физиками и с лесорубами лесорубом. Он всегда был самим собой, только Шпагиным, биологом Шпагиным, и даже гордился своей профессиональной цельностью, которую некоторые называли ограниченностью. Но сейчас этой гордости не было. Быть только Шпагиным в этом дурацком маскарадном сюртуке и с этим стофунтовым ружьем за спиной ничего хорошего не предвещало. И ноющий холодок в желудке с каждым шагом сопровождал безответный вопрос: «Где мы?»

Но задал этот вопрос не Шпагин, а Рослов, и тут определивший товарища.

— Интересуюсь, где мы. — Он говорил весело и непринужденно. — Что-то я никем себя не ощущаю: ни Цезарем, ни Кромвелем.

— Ты неоригинален, — откликнулся Смайли. — Я знаю только то, что меня зовут Бобом Смайли, но черт меня побери, если я догадываюсь, какой сейчас год, что это за год и почему на мне это тряпье.

— Ну, узнать это — раз плюнуть!

Рослов поманил к себе мальчишку лет десяти, важно шествовавшего по середине улицы. Он был рыж, вихраст и полон собственного достоинства.

По-видимому, его ничуть не удивили ни сюртуки, ни ружья.

— Слушаю вас, сэр, — вежливо сказал он, и все облегченно вздохнули: мальчишка говорил по-английски.

— Я хочу проверить, как ты учишь уроки по географии. Ну-ка скажи мне: как называется государство и город, где мы находимся?

— Это очень легкий вопрос, сэр. Мы живем в Федерации Южных штатов. Город Монтгомери в штате Алабама. Самый боевой штат Юга, сэр.

Каждое слово мальчишка произносил, надуваясь от гордости. И о причине ее опять же раньше всех догадался Рослов.

— Ясно, — сказал он. — Ну а год, какой сейчас год? — Он уже не боялся выдать себя.

Мальчишка обиженно фыркнул.

— Тысяча восемьсот шестьдесят первый, сэр. И не считайте меня, пожалуйста, идиотом.

— Ну что ты! — Рослов погладил его ослепительно медные вихры. — Ты просто умница. И настоящий южанин, не так ли?

— Да, сэр! — крикнул мальчишка и вытянулся по стойке «смирно». — Я поклялся убивать проклятых аболиционистов, и у меня уже есть ружье. Я стащил его у дяди Клифа и спрятал на чердаке. Только вы меня не выдавайте, ладно?

— Не выдам, — сказал Рослов. — Топай с миром, малыш.

Мальчишка пошел по улице, поминутно оглядываясь назад, а Смайли иронически приподнял над головой свою широкополую шляпу и раскланялся с реверансом.

— Поздравляю вас, джентльмены, с благополучным прибытием во владения старика Джефа.

— Кто это — Джеф? — не понял Шпагин.

Епископ с готовностью пояснил:

— Не торопитесь, Смайли, мы тоже образованные. Джеф — это Джефферсон Дэвис, первый и последний президент Конфедерации. По-видимому, гражданская война Севера и Юга еще не начиналась. Иначе в городе не было бы так тихо.

Но тишина в городе оказалась обманчивой. Узкая улочка вывела их на более широкую, но такую же пыльную, немощеную магистраль, на которой уже можно было увидеть повозки и экипажи. И прохожих было немало, то тут, то там шли навстречу или обгоняли нашу

четверку группы вооруженных людей, почти не отличавшихся от нее ни оружием, ни одеждой. Селеста не ошибался в деталях: город выглядел не призрачно или картинно, а реально и точно, как самый настоящий, соответствующий своему времени город одноэтажной Америки. И люди были настоящими, как во всех миражах Селесты. Они о чем-то спорили, размахивали руками, попыхивая трубками и сигарами. У многих были такие же винтовки и даже более древние, увидевшие свет, вероятно, после долгого хранения в сундуках или на стенах. О чем говорили эти опереточные вояки, Шпагин не знал, да и не прислушивался к разговорам. Может быть, о речи Джефферсона Дэвиса или о воззвании Авраама Линкольна, но это не интересовало даже единственного среди «перемещенных» Селестой американца. Смайли шел, что-то вынюхивая, и наконец остановился с приглашающим жестом: аляповатая вывеска с надписью «Солнце Юга» увенчивала вход в салун или в харчевню.

Они поднялись по щербатым, продавленным ступеням и, толкнув решетчатую дверь, оказались в полутемном, душном, насквозь прокуренном зале с низким и грязным потолком. Черный слой копоти на нем, как веснушками, был усеян следами ружейных и пистолетных пуль. Посетителей в зале было довольно много, но все же за столами виднелись проплешины свободных мест. А хитроумный Смайли даже усмотрел совсем свободный стол и устремился к нему, как слаломист, лавируя между стульями, брошенными на пол винтовками, потными спинами и вытянутыми ногами. Столик, выбранный им, находился между эстрадным помостом и стойкой бара, и Шпагин мог, не вставая с места, видеть весь зал — пестрый, гудящий, дымный. Цветные цилиндры и военные кепи времен мексиканских походов, грязные сапоги и лакированные ботинки, ружья и пистолеты, сюртуки и куртки — вся эта сумбурная, почти фантастическая картина напомнила ему когда-то виденный фильм об унесенных ветром гражданской войны в Америке. Его герои улыбались ему отовсюду — за столиками, от двери, у стойки. Но стоило пристальнее взглядеться, и улыбки превращались в пьяный оскал трактирных завсегдатаев, стучащих бутылками по столу, топающих, сплевывающих табачную жвачку и ревуших на весь зал:

— Смерть Иллинойскому Павиану!

— О ком они? — спросил Шпагин у Смайли.

— Прозвище Авраама Линкольна, — пояснил тот и добавил презрительно: — Наслаждайтесь, друзья! Перед вами лучшие сыны Южных штатов. — Он плюнул с отвращением. — Мразь и подонки! Святые защитники его величества Рабства. Всех бы к стенке — и очередью из автомата!

Епископ поморщился:

— Жестоко и глупо.

— А вам нравится этот сброд?

— Нет, конечно. Но не убивать же человека только за то, что он кому-то не нравится. Этак мы полмира перестреляем. — Он нервно хрустнул костяшками пальцев. — И потом: разве их исправилa победа Линкольна? Разве она действительно освободила негров? Вы же знаете конечный итог этой войны.

— Знаю, — рассердился Смайли, — имел честь наблюдать этот итог самолично. И негритянские погромы видел, и огненные кресты над городом, и белые балахоны куклуксклановцев. Напомни мне, Энди, вашу поговорку о горбатых. — Он повернулся к Рослову и предостерегающе поднял руку. — Погоди-погоди, сам вспомнил! Только могила горбатого выпрямит. Так? Почти так? Но все равно крепко сказано! Через полсотни лет внуки этих горилл наденут белые балахоны, а мы будем жалеть, что в свое время не знали этой поговорки.

— Не обобщай, — сказал Рослов, — не все они горбаты, и не все их внуки наденут белые балахоны. По-настоящему горбатые сидят не здесь, а у себя на виллах, не орут и не сплевывают табачную жвачку, а тихонько подсчитывают, как выгоднее поместить капиталы, чтобы в случае войны получить наибольшую прибыль, и как вывозить из Европы не только оружие, но и товары, которые можно будет вдесятеро дороже продать на рынке. А эти гориллы с ружьями или закуплены, или обмануты. Половину их убьют в первых же боях, а на месте этих боев построят фабрики для переработки хлопка. Так кого же вернее исправит могила, Боб?

Молчаливый официант-негр, автомат, а не человек, подал им пиво и скрылся за стойкой, а на эстраду вышли три негра с банджо в руках — в одинаково полоса-

тых фраках, в одинаковых бантах на шее, с одинаково застывшими белозубыми улыбками. Одинаково черные пальцы выбили из размалеванных банджо протяжную, липкую мелодию, которую подхватила и попыталась удержать тоненькая накрашенная мулатка, словно сошедшая с шоколадного торта, приготовленного для вернисажа кондитерской выставки.

Пела она неважно, хотя и очень старательно, и Шпагин подумал, что она вполне подошла бы к традиционному джазу любого московского ресторана вроде «Арбата» или «Праги». Она пела о широкой и медленной реке Миссисипи, о гигантах пароходах, плывущих по ней, о белоснежных птицах, садящихся на палубу. Шпагин слушал и думал: зачем все это понадобилось Селесте? Какую информацию он получит, пропуская этот мираж сквозь их чувственный аппарат? Лживость христианского гуманизма епископа? Но она уже раскрылась в отряде Эмилиано Запаты. Исторический смысл гражданской войны Севера и Юга в Америке? Но разве его не подытожили воспоминания мемуаристов, речи сенаторов в Конгрессе, дневники очевидцев и труды историков об их земных полушариях? Может быть, Селеста хотел просто постичь течение жизни, до сих пор достижимой для него только в бесстрастной отраженности документов? Но ведь были и романы, и стихи, и песни, подобные этой, звучащей сейчас с помоста! Песня была плавной и неторопливой, как река, о которой пела мулатка, и зал притих и погрузился, чтоб через минуту взорваться коротким выстрелом.

Шпагин не заметил, кто стрелял. Он в это время смотрел на сцену и увидел, как у одного из музыкантов слетел с головы цилиндр, как застыл в беззвучном вскрике накрашенный рот певицы, как выскочил из-за кулис толстый маленький человек и покатился колом в зал к длинному столу, из-за которого подымался пьяный верзила с дымящимся пистолетом.

— Петь! — крикнул он. — Не останавливаться! Я плачу.

— Но простите! — Хозяин ресторана в отчаянии тряс толстыми короткими ручками. — Я заплатил за каждого музыканта по восемьсот долларов, а за певицу полторы тысячи.

— Я только что продал хлопок, — заревел верзила. — Денег у меня хватит! Заплачу тебе вдвое, если кого-то

задану. Да ты не бойся, не промахнись! Три выстрела — три цилиндра! А певичка пусть прыгает!

Из второго пистолета он сшиб цилиндр с головы другого негра-музыканта и захохотал. Ему вторили его собутыльники. Другие просто молчали. Ни один голос не остановил пьяницу. А он стрелял метко, быстро перезаряжая пистолеты, этот садист, натасканный в военном тире. Пули уже взбивали фонтанчики пыли у ног певички, заставляя ее подпрыгивать при каждом выстреле. Эти прыжки, казалось, еще больше развеселили зал.

«Ведь он же мертвецки пьян, — с ужасом думал Шпагин. — Дрогнет рука, тогда что?!» И, не думая о последствиях, забыв о присущей ему осторожности, он вскочил, отбросил стул ногой и крикнул:

— Стой!

Крикнул и растерялся, не зная, что делать дальше, а со всех сторон притихшего зала к нему повернулись искаженные яростью лица, почти неразличимые в отдельности. Но разглядеть ни одно из них Шпагин не мог, потому что впереди, заслоняя его, уже встали Смайли и Рослов, которым было решительно наплевать на весь этот пьяный сброд с его визгом и воем.

— Что вы наделали? — испуганно прошипел епископ. — Они же стрелять начнут.

— Не начнут, — недобро усмехнулся Смайли. — А вот драку я вам обещаю.

Внезапно протрезвевший верзила сунул свои пистолеты за пояс и вызывающе крикнул:

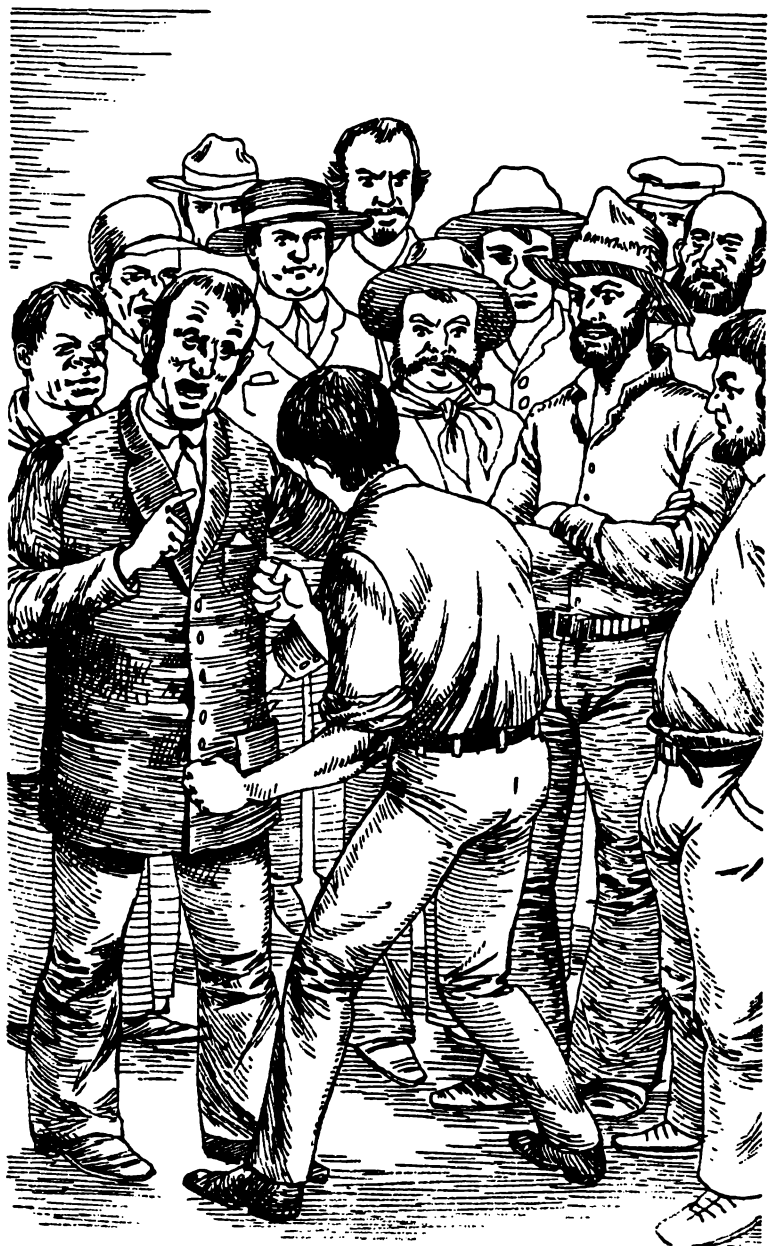
— Черномазую пожалел?

— Пожалел, — спокойно отозвался Смайли и тут же пригнулся: над его головой просвистела пустая бутылка и со звоном разбилась о стену.

Звон этот словно прозвучал сигналом к расправе: разъяренные люди рванулись к ним, опрокинув свой длинный стол и скамейки. И загудело над залом:

— Бей их!..

Шпагин видел вокруг себя перекошенные злобой лица — не человеческие, нет! Не лица — маски! Сколько их было, Шпагин не считал. Весь зал они не увлекли с собой, большинство выжидало с настороженным любопытством, но они, казалось, воплотили в себе всю его темноту и буйство — ревуший, хвастливый, осатанелый Юг. А за ними пылали огненные кресты, мар-

шировали белые балахоны с прорезями для глаз, открыто и тайно из-за угла гремели выстрелы, рвались гранаты со слезоточивым газом, свистели дубинки — и падали, падали, падали борцы за гражданские права негров в тысяча восемьсот семидесятом, девятьсот двадцатом, шестидесятом... Стоит ли считать, если каждый новый год повторял предыдущий, только менялись возраст и имена жертв.

Можно написать, что об этом подумал Шпагин или это представил Шпагин, ошибки не будет — он мог и подумать, и представить, но у него попросту не было для этого времени. Драться он не любил и не умел, драки на экране кино или телевизора вызывали у него отвращение и скуку, но сейчас, когда к нему почти вплотную приблизилось искаженное злобой лицо со щегольскими бачками в полщеки, он ударил. И в свой первый удар он вложил всю силу гнева, которую глушил, как наркотиком, логической трезвостью разума. Лицо охнуло и исчезло. Но вместо него появилось другое. Что-то хлестнуло его по глазам... На мгновение он ослеп, но все же успел ткнуть неумелым кулаком во что-то мягкое. Глаза снова приобрели способность видеть, и возникающие перед ним лица он воспринимал как мишени — только бы не промахнуться, попасть: он и здесь сумел сосредоточиться, мысленно отбросив все мешающее, лишнее, отвлекающее.

И вдруг откуда-то со стороны, сквозь крики и звон разбитых бутылок, прорвался короткий, поспешный звук, словно хлопок в ладоши или щелчок пробки, вылетевшей из узкого горла бутылки.

«Опять стреляют, — подумал Шпагин. — Должно быть, на улице».

Он ошибался: стреляли здесь, в зале. И выстрел словно отрезвил нападающих. Они отхлынули, оставив у стены трех избитых, окровавленных мужчин и четвертого, лежащего на полу в своем маскарадном костюме.

Шпагин увидел знакомое сухое, чисто выбритое лицо, оторванный галстук-бант, запачканный кровью, и нелепо вывернутую руку с перстнем-печаткой на безымянном пальце. Епископ всегда крутил его, когда волновался.

И кто-то позади Шпагина приглушенно сказал:
— Мертв.

ТРЕТЬЯ СМЕРТЬ ЕПИСКОПА ДЖОНСОНА

И снова был остров, и солнце над океаном, неподвижное и бесстрастное, и ленивая стывшая тишина, такая же, как там, в ресторанчике маленького алабамского городка, повисшая над мертвым епископом.

А вновь оживший покойник сидел на пустом ящике из-под пива и смущенно разглядывал правую руку.

— Болит, — признался он. — Костяшки пальцев ноют.

— Значит, благословили кого-то, — засмеялся Смайли.

— Не сдержался. — Епископ смущенно сжимал и разжимал пальцы. — Простить себе не могу.

— Сами нагрешили, сами отпустите, — зевнул Смайли. — Кстати, у всех у нас руки покалечены. И побаливают. Только не понимаю почему. Ведь все время на острове сидим, а это — мираж.

— Самогипноз, — охотно пояснил Шпагин. — Наш мозг воспринимал этот мираж как реальность. Следовательно, и драка была реальной, и боль, естественно, тоже. Только болевой импульс, внушенный Селестой, возникал непосредственно в мозгу, без внешних раздражителей, ну и реакция на него так же закономерна. Если вы внушите себе, что обожглись спичкой или огоньком зажигалки, то ощутите боль от ожога и следы его на коже появятся. Проще простого и никакой мистики.

Рослов тоже посмотрел на руки.

— Любопытно, — усмехнулся он. — Музейные костюмы исчезли, а следы драки остались. Поистине стабильная информация. А сколько времени, вы думаете, мы проторчали в этом трактире вместе с побоищем?

— Час, наверно, — предположил епископ.

— Я не смотрел на часы, — сказал Смайли.

— А я посмотрел. Две минуты.

— Еще одна загадочка: растянутое время. Или скажем так, — подумал вслух Шпагин, — время действительное и время смещенное. Может быть, Селеста и уравнение подскажет?

Смайли передернулся почти с неприязнью. Не хватит ли подсказок? Епископ уже дважды был в раю. Пожалуй,

довольно. Смайли высказал это вслух, но Джонсон не принял шутки.

— В рай ли? — грустно промолвил он. — Боюсь, что впереди еще третий круг ада.

Он не ошибся. Селеста начал новый эксперимент. Без наплыва, без затемнения вошел в кадр джип капитана Ван-Хирна. Джип трясло и подбрасывало на рытвинах дороги посреди незнакомых кустарников. Капитан вцепился в раскаленную от жары спинку переднего сиденья машины, нырявшей, как показалось Ван-Хирну, в толще красных удушливых облаков. То была кирпично-красная пыль, точь-в-точь такая же, как и в мексиканском варианте эксперимента. Но Ван-Хирн не был в Мексике и никакого эксперимента, кроме этой африканской авантюры, не знал.

Что привело его в Африку? Желание славы? Жажда денег? Любовь к приключениям? Но слава давно прошла стороной, а веселые приключения обернулись грязной опасной работой, за которую, правда, платили регулярно и много. Ван-Хирн любил деньги и не скрывал свою любовь за цветистыми фразами о священном долге белого человека. Он умел хорошо стрелять, но цели не выбирал — брал ту, которую предлагали. Сегодня он убивал черномазых — это неплохо оплачивалось, завтра пойдет убивать белых, если предложат. А почему бы нет, когда это легально и выгодно? Его не стесняли капитанские нашивки армии белых наемников Моиза Чомбе. Он не обращал внимания на комариные укусы газетных писак. Зачем? Это их работа, и за нее тоже платят. Правда, по-хуже, чем ему.

Он всегда улыбался, когда слушал болтовню своего полковника: «Работайте осторожно, ребята. Без лишних жертв. Что о нас могут подумать в Европе?» А он отвечал ему: «Слушаюсь, полковник. Постараюсь, полковник». И выжигал потом целые деревни, пытал, расстреливал, вешал. Не сам, конечно: он не любил грязной работы. Отдавал приказы подчиненным и следил, как они выполнялись. В итоге слава, свернувшая было в сторону, наконец пришла и к Ван-Хирну. Темная слава. Дурная слава. А ему было весело, он улыбался, когда слышал за собой зловещий шепот или дерзкое восклицание: «Кровавый голландец!»

«Хорошее прозвище, — говорил он. — Я бы не гордился для этой операции, если б меня называли ина-

че». Операция, предложенная штабом, и в самом деле была не легкой. «Рассчитайте каждый ход, капитан, — сказал ему полковник. — Все трое очень опасные парни. Дело пахнет большой потасовкой, но поберегите их. Они нам нужны, и лучше будет, если я сам допрошу их». — «Если удастся, полковник», — добавил Ван-Хирн. «Неудачи быть не должно, — оборвал полковник, — я удивляюсь вам, капитан».

Ван-Хирн и сам себе удивлялся. Что-то мешало ему сосредоточиться, словно кто-то чужой и незваный подслушивал его мысли. Телепатия? Гипноз? Чуть. Просто размяк от жары, оттого и в сон клонит. Он закрыл глаза и сразу провалился в жаркую темноту сна.

Но то был не сон. Некто, действительно чужой и незваный, погасил сознание Ван-Хирна, вторгнулся в его черепную коробку. Ван-Хирн уже не был Ван-Хирном, он чувствовал и думал иначе. И мысленно говорил с кем-то невидимым и беззвучным. Только Ван-Хирн уже ничего не слышал. Сознание его было подавлено.

А разговор продолжался, не внося никаких изменений в пляску джипа по коричневым буеракам.

«Снова превращаешь меня в подонка. Первый раз — в шулера и контрабандиста Кордону, сейчас — в наемного убийцу Ван-Хирна. Мексиканец и голландец. Только в этом и разница».

«Не только в этом».

«А в чем? В обоих случаях я лишь Джекиль, получивший возможность наблюдать безобразия Хайда¹, но бессильный им помешать».

«Реакции различны. В первый раз я заинтересовался мотивами, побуждающими человека лгать. Эмоциональной основой лжи. Сейчас я проверяю противоречия между мышлением и поведением полностью аморального в вашем понимании человека и соответственно мышлением и поведением человека определенных моральных принципов. Причем в аналогичных ситуациях».

«Как можно говорить о моем поведении, когда мне уготована только роль зрителя? Ван-Хирн будет действовать, а я — мысленно негодовать. Реакции паралитика».

¹ Герои повести английского писателя Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда».

«Ты не понял меня. Подавленные эмоции стабильнее освобожденных. Ты сильный человек, Смайли, а мне нужно твое бессилие. Ты решителен и смел, а мне нужна твоя беспомощность. Но не все время твоя личность будет подавлена. Возможно, ты сможешь вмешаться в механизм абстрактного мышления и контроля, то есть в то, что вы называете волей, и корректировать таким образом мышление и поведение Ван-Хирна. Но ненадолго. Если это случится, попробуй за считанные минуты исправить то, на что у Ван-Хирна уйдут часы».

Селеста отключился, а Смайли в бессильной ярости стукнул кулаком по сиденью автомашины. Внешне это сделал Ван-Хирн, искренне удививший сидевшего рядом водителя.

— Что случилось, капитан? — спросил тот.

— Ничего, — буркнул Смайли, — не обращай внимания.

И тут же понял, что сказал это не он, а все тот же Ван-Хирн, протирающий глаза ладонью, как после короткого, но крепкого сна. Смайли же опять не мог ни говорить, ни действовать. Он превратился в «электронного наблюдателя», присоединенного незаметно для голландца к его мозговым центрам, в некую бестелесную душу, способную лишь мысленно оценивать поступки Ван-Хирна.

А сам Ван-Хирн, окончательно очнувшийся после своего невольного «сна», взглянул на часы и приказал шоферу остановиться. Джип затормозил, и шофер три раза нажал на клаксон. Сонную тишину дороги взорвали оглушительные гудки машины.

Ван-Хирн спрыгнул на землю, стряхнул красную пыль с комбинезона, разукрашенного под цвет дороги кирпичными пятнами, и пошел назад, пытаясь разглядеть в оседающем облаке пыли идущие сзади машины. Три бронетранспортера с высокими бортами, пятнистые, как и его комбинезон, тоже остановились. Солдаты нестройно приветствовали командира.

Голландец поморщился: дисциплинку следовало подтянуть. Но времени не было. Предстоял серьезный предоперационный инструктаж.

— Ехать пять километров, — начал он. — Цель — деревушка у истоков Ломани. Мы были там три месяца назад, в конце прошлого года.

Сидевший в первой машине солдат со шрамом на лбу сказал что-то нелестное о жителях деревушки и тут же осекся: Ван-Хирн не любил, когда его перебивали.

— Когда вернемся в лагерь, Жюстен, — продолжал он, — пойдете под арест. А сейчас запомните: в этой деревушке скрываются трое белых — два француза и английский священник. Все трое — участники Сопrotивления. Один из французов, Гастон Минье, что-то вроде комиссара у чернокожих. Всех троих надо взять живыми — это приказ. Два взвода под командой Розетти и Пелетье оцепят деревню, а я с группой Жюстена пойду наперехват. По сигналу «три выстрела» Розетти и Пелетье сжимают кольцо. Приказ жителей не касается, с ними не церемоньтесь. Вопросы есть?

— Есть, — откликнулся черноусый парень с сержантскими нашивками. — Что делать с лачугами?

Ван-Хирн брезгливо поджал губы.

— Нелепый вопрос, Розетти. Сжечь, как всегда.

Смайли слышал этот разговор ушами Ван-Хирна, видел все глазами Ван-Хирна. На зубах у него хрустела дорожная пыль, и лицо обжигал горячий ветер саванны. «Когда же все это происходит? — мысленно подсчитывал Смайли. — Чомбе. Наемники. Катанга. В шестьдесят первом или в шестьдесят втором? Кажется, в шестьдесят втором. Впрочем, какая разница?» Ван-Хирн просто об этом не думал, а все, что он думал, Смайли читал, как в книге. Бессвязные ассоциации с вчерашней выпивкой, надоевшая до смерти саванна, скука, равнодушие к чужой да и своей жизни... Только необходимость выполнить приказ двигателя помыслами Ван-Хирна. Взять живыми и доставить в лагерь наемников трех чужаков, изменивших делу белого человека. Но кто эти трое? Голландец сказал, что один из них — это английский священник. Вдруг это епископ? А француз Минье — Шпагин или Рослов?

Но память Ван-Хирна ничего не подсказала Смайли. Капитан не знал тех, за кем охотился. Он запомнил только Минье, да и то по фотографиям: черные усики, глаза-маслины, бачки на полщеки. Но и Смайли не знал этого человека.

А джип, съехав с дороги, остановился в тени редких пальм, за которыми виднелись домишки, обмазанные рыжей потрескавшейся глиной. В деревне было тихо:

полуденный зной загнал жителей под крыши, и Ван-Хирн с удовлетворением отметил, что появление четырех военных машин осталось незамеченным. Неожиданность — лучшая тактика. «Мы возьмем их тепленькими и получим премию за минимальный расход патронов».

Пока группы Розетти и Пелетье окружали деревню с востока и запада, он занял наблюдательный пункт на крыше вездехода. В бинокль было хорошо видно, как парни в пятнистых комбинезонах быстро и бесшумно обогнули деревню, в которой по-прежнему не было видно ни одного человека. Ван-Хирну это уже не понравилось: «Или они спят, как сурки, или нам приготовлена теплая встреча. Хотя вряд ли: кто мог предупредить их о нашем налете?»

Он спрыгнул на землю и подошел к ожидавшим его наемникам.

— Рассредоточиться — и короткими перебежками вдоль дороги. Без приказа не стрелять. Жюстен со мной.

Извлек из кобуры вороненый «смит-и-вессон», щелкнув затвором, вогнал патрон в ствол и, бросив: «За мной!», двинулся к притихшей деревне. Жюстен шел рядом, держа наперевес автомат.

— Какой дом, капитан?

— Пятый справа. Сейчас мы его увидим.

Указанный Ван-Хирном дом действительно выделялся среди остальных хижин и своими размерами, и пристроенной к нему верандой. У дома их встретила та же непонятная и потому уже зловещая тишина.

— Вымерли они все, что ли? — спросил Жюстен.

Ответить Ван-Хирн не успел — откуда-то сбоку из-за кустов заговорил пулемет. Ван-Хирн с кошачьим проворством метнулся в сторону, упал на землю, подняв целое облако пыли, и под прикрытием этого облака подполз к глинобитной стене дома. Рядом с ним плюхнулся, сдерживая одышку, Жюстен.

— Вот вам и деревенская тишина, — процедил он сквозь зубы.

— Срок вашего ареста увеличивается вдвое, — не обращившись, сказал капитан. Он что-то все-таки разглядел за красно-серыми клубами пыли и тоном приказа добавил: — Первый дом слева. Открытое окно у крыльца. Три коротких очереди в правый нижний угол.

Жюстен вскинул автомат, трижды выстрелил в окно, и пулемет смолк, то ли потому, что сержант не промахнулся, то ли потому, что улица опустела: налетчики залегли, оставив пять трупов в пятнистых комбинезонах. Теперь заговорили их автоматы. Розетти и Пелетье, выполняя приказ капитана, стягивали кольцо вокруг деревушки. И вот уже поднялись над кустами багровые языки пламени, и треск горящего дерева слился с непрерывной трескотней автоматов.

«Премии за экономию патронов не будет», — подумал Ван-Хирн, и Смайли поразился тому, что он ни на секунду не усомнился в исходе боя. Сомнение — значит, неполадка, а мозг Ван-Хирна работал как хорошо налаженный механизм, электронная машина с заранее выверенной программой. Программа же не допускала и мысли о победе туземцев. Пострелять, перебить десяток наемников они еще смогут, но победить... На это у них не хватит воображения. В одной из немногих прочитанных голландцем книжек рассказывалось о том, как обезьяны победили людей потому, что те из-за непредусмотрительности и лени дали обезьянам слишком много свободы. Из прочитанного Ван-Хирн сделал единственный разумный для него вывод: никакой свободы для черномазых. Библейская легенда о десяти виноватых писана не для них. Голландец переделал ее по-своему: лучше повесить десяток невинных, чем отпустить одного виновного.

Так он и действовал.

— Пять человек — занять дом с пулеметом. Отряду Розетти прочесать улицу. Ближайшие лачуги не поджигать.

— А у нас и бензина больше нет, — сказал Розетти.

— Плохо, — отрезал Ван-Хирн. — Лишиться премии за операцию.

«Ого, — подумал Смайли, — он уже делит премии. Не рано ли?»

Но голландец в победе не сомневался. Он доводил ее до конца.

— Окружить дом и взять под прицел окна. Пелетье! Двух человек — вышибить дверь. Выполняйте.

Весь Ван-Хирн с его безрассудной смелостью, тупым самодовольством и расистским бешенством был для Смайли полностью ясен. Психика проходимца, может быть, интересовала Селесту, но Смайли думал только о том, как бы ему помешать, сорвать эту карательно-авто-

матную операцию. Но как? Самое неприятное чувство — чувство беспомощности. Представьте себе, что на ваших глазах бьют женщину, калечат ребенка, издеваются над стариком, а вы не можете вмешаться, помочь. Даже кулак не сожмется в бессильной ярости: нет кулака, он принадлежит другому. Так чего же добивался от Смайли Селеста? Подавленных эмоций? Кажется, он все-таки обещал возможность вступить в игру. Подменить хотя бы на пять минут! За пять минут можно управиться. Много ли надо времени, чтобы приказать бросить оружие и сдаться забаррикадировавшимся жителям деревни? Конечно, приказ могут и не выполнить. Могут и кокнуть спятившего капитана. Ну и пусть. Мир его праху. Зато пять минут замешательства, пять минут паники — и трое спасены. Повстанцы не растеряются. Только дурак не воспользуется такой выигрышной ситуацией, а конголезцы не дураки. Судя по всему, программа встречи еще не исчерпана.

Пока Розетти со своей группой постреливал для устрашения попрятавшихся жителей вдоль и поперек пустынной улицы, один из пятнистых комбинезонов, бросив автомат на землю, ударил сапогом в дверь. Она легко подалась, и солдат с размаху влетел в черный проем, вдруг прорезанный короткими вспышками автоматных очередей. Смайли не ошибся: наемников ждали, и встреча оказалась «трогательной» и горячей. Скороговоркой затрещал неожиданно воскресший пулемет, к нему присоединился второй из дома напротив, а потом третий с противоположного конца улицы. Настильным перекрестным огнем они зажали налетчиков, вбили их в душную пыль дороги.

Через несколько минут все было кончено. Оставшиеся в живых наемники сбились в кучу посреди улицы, бросив автоматы и подняв руки. Их окружили внезапно появившиеся конголезцы — кто голый по пояс, кто в рваной холщовой рубахе, кто с винтовкой, кто с автоматом, кто просто с гарпуном для охоты на крупную рыбу. Операция Ван-Хирна была закончена, только не так, как было приказано.

«Почему ты не позволил мне вмешаться? — мысленно спросил Смайли. — Ведь ты же знал о такой развязке, а я мучился от бессилия в шкуре этого расчетливого убийцы!» Он спросил машинально, не рассчитывая на

ответ, потрясенный неожиданно разрядившимся напряжением, но беззвучный Голос откликнулся: «Я знал, что их ждут. Но исход сражения мог быть и другим. Я имел в виду несколько предположительных вариантов. В наиболее неприятных тебе ты заменил бы Ван-Хирна. Но этого не потребовалось». — «Тогда зачем вся эта мелодрама? — рассердился Смайли. — Что ты записывал?» — «Ты называешь это записью? — снова откликнулся Селеста. — Пусть так. Меня интересовали твои подавленные эмоции».

Мысленный диалог не продолжался. Селеста умолк, предоставляя Смайли наблюдать за развязкой. Из большого дома с верандой вышли трое. Двух Смайли видел впервые: типичные французы, молодые, черноволосые, возможно, и не коммунисты, а просто честные и горячие парни из Парижа или Марселя, для которых слово «свобода» одинаково дорого, как его ни произноси — по-французски или на суахили. «Может быть, под незнакомой внешностью скрывались Рослов и Шпагин?» — мелькнула мысль. Мелькнула, когда Смайли увидел третьего. Это был Джонсон. Даже пасторский сюртук его оставался прежним. Селеста не изменил ему ни внешности, ни национальности, ни профессии.

— Кто из вас капитан Ван-Хирн? — спросил он.

— Я, — ответил голландец. Страха он не испытывал — только злость.

— Немалый путь вы проделали, чтоб встретиться с нами. Мы перед вами.

— Вижу.

— Вероятно, вы представляли эту встречу несколько иначе?

— Какая разница, как я ее представлял! — взорвался Ван-Хирн. — Я ваш пленник, и все. Спектакль окончен.

— Пока еще нет. Во-первых, вы ошибаетесь в оценке ситуации. Вы — не пленник. Как я понимаю, вы незнакомы с Женевской конвенцией. Пленником вы были бы, если б Голландия находилась в состоянии войны с республикой Конго.

— При чем здесь Голландия? Я служу в бельгийской армии.

— Бельгийская армия тоже ни при чем. Вы служите в армии наемников Моиза Чомбе, созданной на авеню Гене-

рала Мулэра в Леопольдвилле. Вы, конечно, помните свою штаб-квартиру в отеле «Мёмлинг»? Сколько вам заплатили за военную прогулку в саванне на чужой вам земле?

Ван-Хирн скрипнул зубами: англичанин умен и многое знает. Но пока тебе не всадили пулю в затылок, всегда есть надежда. Смайли тут же отметил просчет Ван-Хирна: надежды не было. Перед ним был не тот Джонсон, который остался на острове. Этот Джонсон уже понюхал пороха и знал, на чьей стороне правда.

— У вас точные сведения, — как можно спокойнее произнес голландец, — но вы забыли, что Чомбе — законный глава государства.

— Какого государства? О каком мечтают бывшие колонизаторы? И для кого законный? Для бельгийской компании «Юнион Миньер»? Мы расходимся с нею во взглядах и не считаем законным правителем человека, продавшего свою страну и народ. Во время Второй мировой войны был такой термин — коллаборационист. Так называли людей, продавших родину. Время показало их, вы знаете.

— Во время войны я служил в африканском корпусе Роммеля, — сухо сказал Ван-Хирн.

Епископ засмеялся, и Смайли еще раз подумал, что Селеста основательно поработал над ним. Его преосвященство из Гамильтона едва ли бы так метко и точно сумел оценить космополита из Бельгии.

— Что же вы сразу не сказали об этом? — улыбаясь, проговорил он. — Я бы не утруждал вас разговором. Мы никогда не пойдем друг друга.

«Вы ошиблись, епископ! — хотел крикнуть Смайли. — Мы отлично понимаем друг друга. Ведь это я, Боб Смайли, а не голландец Ван-Хирн. Неужели вы меня не слышите?»

И епископ услышал. А может быть, он просто вспомнил о Смайли неожиданно и без повода, потому что трудно было заподозрить в профессиональном карателе симпатичного работягу-американца.

— Вам знаком некий Смайли? — спросил Джонсон.

— Нет, — пожал плечами Ван-Хирн.

— Я так и думал. Вы, кажется, сказали — пора окончить спектакль? Вы правы: пора. Но самое любопытное, что это действительно спектакль, в котором режиссер позаботился только о моем участии, — загадочно произ-

нес Джонсон и добавил совсем уже непонятное для Ван-Хирна: — Мне даже казалось, что я знаю название пьесы: «Третья смерть епископа Джонсона».

По тому, с каким удивлением посмотрели на Джонсона до сих пор не сказавшие ни слова французы, Смайли догадался, что и они ничего не поняли в последних словах епископа. Значит, не Рослов и Шпагин. Жаль.

— А кто это епископ Джонсон? — вдруг спросил Ван-Хирн.

— Он перед вами, — сказал епископ и повторил задумчиво: — Третья смерть... так мне казалось. Теперь не кажется.

— Не кажется? — криво усмехнулся голландец. — Протрите глаза, ваше преосвященство. — И он выхватил из потаенного внутреннего кармана миниатюрный револьвер, почти игрушку, не замеченную повстанцами, так и не освоившими искусство молниеносного полицейского обыска.

Но стрелял он громко и точно. Епископ пошатнулся и, наверное, упал бы, если б его не поддержали.

— Селеста все-таки верен себе, — прошептал он.

И вдруг Смайли, с ужасом наблюдавший за этой сценой, почувствовал себя свободным. Личность его смяла личность Ван-Хирна, освободив от опеки Селесты, от участи беспомощного и бессильного зрителя. Он вырвался из цепких рук конвоиров и закричал иступленно, почти не сознавая, что кричит:

— Остановитесь! Я не Ван-Хирн!

Добежать до крыльца он не успел. В спину ему хлестнула автоматная очередь, за ней другая. Третью он не услышал. А обезумевшие повстанцы всё стреляли и стреляли в расprostертое на земле тело капитана Ван-Хирна, который умер на несколько секунд раньше Роберта Смайли.

Глава 17

ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

Снова опустился занавес. Снова актеры сошли со сцены в действительность, в современность, в жизнь не призрачную и не выдуманную, когда можно было бы, не

играючи, привычно закурить, махнуть гребенкой по волосам, потянуться на солнцепеке.

— Кажется, это конец.

— А кто его знает?

— Признаться, надоело.

— Что?

— Всё. И миражи, и превращения. Даже шутки. Оказывается, умеет шутить, стервец.

— Хороши шуточки! Вроде ковбойских из вестерна. То стреляют над ухом, то в затылок. И жара адовая.

— Здесь тоже.

— Хлебни пивка. Оно в ящике под Андреем.

— Вечер скоро. Пожалуй, домой пора.

— А что? Катер внизу дожидается. Пошли. Вдруг еще на полку закинет?

— Не закинет, — сказал Рослов, потягиваясь. — Кажется, действительно конец представлению. И режиссер отбыл.

— Он же и драматург.

Смайли высосал всю жестянку с пивом и швырнул банку на белый скат рифа.

— Не сори.

— Все одно волной смоеет. — Он, как и Рослов, потянулся с удовольствием. — Двое суток отсыпаться буду. От приключений и войн. Хорошо все-таки, мальчики, дома, а не в Африке.

— «В Африке гориллы, — сказал Рослов по-русски, — злые крокодилы будут вас кусать, бить и обижать... Не ходите, дети, в Африку гулять».

— Стихи? — зевнул Смайли. — Переведешь или не стоит?

— Пожалуй, не стоит. Ты кем был в этом спектакле?

— А ты не видел?

— Тебя? Нет.

— Я же Ван-Хирном был. Ландскнехтом бывшего кантагского владыки Моиза Чомбе. Суперменом из «великолепной семерки». Почти Юлом Бриннером.

— Не клевети, — сказал Шпагин. — Просто убийцей за бельгийские франки. Дрянцом. Слыхали, ваше пресвященство, оказывается, мы с вами Боба кокнули?

— После того, как он кокнул меня, — поморщился епископ. — Чертовски умирать надоело, джентльмены.

— Вас, епископ, кокнул не я, а Ван-Хирн. На этот раз я не мог ему помешать. Я сидел у него в черепной коробке и мысленно кусал губы. Бесись не бесись, полная беспомощность. Почему-то Селесте понадобились мои «подавленные эмоции».

— Это он сам сказал? — спросил Рослов.

— Сам. Два раза мы с ним поговорили, пока Ван-Хирн постреливал. Ну что стоило Селесте подавить эту пакостную личность? Никаких усилий. Один какой-нибудь импульс, волна или черт его знает, чем он орудует... Так нет — заупрямился. Только в последний момент сжалился — выпустил.

— Когда?

— Сразу же после выстрела в епископа, когда я уже ничего не мог исправить. Помните, как я закричал: «Остановитесь! Я не Ван-Хирн!»

— Значит, убили все-таки вас, а не голландца, — вздохнул епископ. — Жаль. Только объясните мне, пожалуйста, чего добивался Селеста? Ну, у Смайли «подавленные эмоции». У меня трансформация мировоззрения. А что у вас?

Шпагин задумался.

— Боюсь, что не сумею вам ответить. Я был просто сотрудником подпольной газеты «Либерасьон».

— А я — ее редактором, — сказал Рослов. — Позвольте представиться: Гастон Минье, бывший фельетонист парижской «Суар», которого нелегкая занесла в Конго. Кстати, я ни разу не вспомнил о том, что есть на свете некий математик по имени Андрей Рослов.

— И я, — прибавил Шпагин, — ничего не знал ни о Шпагине, ни о Селесте. В лице епископа видел только повстанческого священника, которого война научила думать и жить. А зачем это понадобилось Селесте, даже представить не могу. Может быть, он извлек этих французов из своей космической памяти в связи с какой-нибудь весьма существенной для него информацией? Скажем, поведение иностранцев в Конго. Одни покупают таких, как Ван-Хирн, другие постреливают на эти деньги, третьи уходят к повстанцам. Но это лишь предположение, да и то сомнительное.

— Может быть, просчет? — в свою очередь предположил Смайли.

— Просчет Селесты — это катахреза, — не согласился Рослов. — Совмещение несовместимых понятий. Все, что Селеста делает, он делает рассчитанно. Как ЭВМ. И если он скрыл от нас наше перевоплощение, значит, преследовал какую-то цель.

— Он сказал, что хочет проверить мои реакции на поведение Ван-Хирна, — вставил Смайли.

— Тогда все становится на свои места. Мы знали, что перед нами Ван-Хирн, и вели себя с ним как с карателем и убийцей. А Боб, узнав вас, епископ, мучился от бессилия помешать капитану. В этом эксперименте главным участником был Смайли, самый сильный и самый из нас решительный, а целью эксперимента была фиксация его эмоциональных реакций на ощущение физической беспомощности. Насколько я знаю, вопрос этот дебатруется в кругах западноевропейских и американских психологов, только их методы наивны и неточны, а результаты недостаточны и разбросанны. У Селесты же совершенны и методы и результаты. Много веков в копилке его знаний не хватало главного — человека. Скоро он будет знать его лучше, чем мы себя. Где и когда человек раскрывается наиболее полно? В нестандартных аварийных условиях. И Селеста ставит его в такие условия. Ему нужны мотивы, побуждающие человека к безрассудному героизму, — и вот некий журналист Грин лезет на стену под пули солдат генерала Уэрты. Ему интересно изучить приспособляемость человека к абсолютно незнакомым условиям — и мы с вами гуляем по улицам Монтгомери в штате Алабама в середине прошлого века, кстати говоря, ничуть не отягощенные ни сознанием, ни привычками, ни делами своих перцепиентов. Возможно, этот термин не очень подходит здесь, но другого я пока не нашел. Довольствуюсь телепатией: индуктор и перцепиент. Они присутствуют во всех опытах Селесты, и не важно, в какой степени один подавляет другого. Селесту интересует только «эго» индуктора, его сознательное и подсознательное «я»: как ведет себя это «я»; как оно реагирует на заданную обстановку, будучи ограничено характером эксперимента; как оно, наконец, вольно или невольно меняет свое мировоззрение, открывая в себе черты, доселе не проявившиеся и не раскрытые. Это я о вас, епископ Джонсон.

Тот с сомнением покачал головой.

— Не думаю, чтобы Селесте удалось что-то во мне изменить.

— Не кривите душой, ваше преосвященство, — рассердился Рослов. — Неделю назад вы ревностно убеждали меня в несправедливости всех и всяческих войн. Я не удивлялся: иначе вам и рассуждать было бы трудно, ведь ваши взгляды формировались христианской моралью, ведь вы не задумываясь были готовы подставить под удар правую щеку, если вас хлопнули по левой. История человечества опрокинула много церковных догм, не пощадила она и эту. Селеста показал вам три коротких эпизода из трех войн, какие по праву можно считать справедливыми. Три эпизода — чему они могли научить? Ничему, скажете вы. А ведь это вы, ваше преосвященство, в первом случае призывали солдат не стрелять, но уже в последнем фактически санкционировали расстрел головорезов капитана Ван-Хирна. Значит, кое-чему вы все-таки научились, кое о чем призадумались, кое в чем усомнились. Помните, я сказал вам, что наш спор все-таки будет закончен в скором времени, притом не в вашу пользу. Так не кривите душой, повторяю, он уже закончен, и почти с разгромным счетом. Три — ноль. Ведь так?

Епископ молчал, опустив голову. Ни в одном слове Рослова не было жалости, но в каждом слове была правда, и епископ знал это; возразить противнику он не мог.

Рослов не добивал его. Зачем? Спор этот, как и сыгранный три раза спектакль, не возобновлялся.

— Прошло уже минут двадцать после того, как нас вернули к действительности, — сказал он, взглянув на часы. — Все спокойно. Занавес не подымается вновь, оркестр молчит, да и суфлера не слышно. Воспользуемся-ка, друзья, предоставленным нам антрактом. В гостях хорошо, говорит наша пословица, а дома лучше.

Минуту спустя желтый пенный след потянулся за катером, вырвавшимся из тихого уединения бухточки на капризный океанский простор. Тайнственный остров все уменьшался и уменьшался, пока не превратился в белую точку на карте, поставленную художником без всякого намека на чудеса.

А чудеса еще ожидались.

Глава 18

ДОСЬЕ СЕЛЕСТЫ

Окна рабочей резиденции Смайли выходили в золотую синь океана, разлитую с неба до берега. Только где-то у едва различимого в этой синеве горизонта пестрели белые горошины парусов рыбацких баркасов и шлюпок. Внутри резиденция напоминала обычный кабинет нью-йоркского бизнесмена, втиснутый в белую игрушечную коробочку колониального бунгало с широким тропическим окном во всю стену, с козырьком парусинового тента, обязательными кондиционерами и антимоскитными оконными сетками, выдвигающимися на ночь, а снаружи вписывалась в окружающий пейзаж традиционной белой виллочкой с цветниками по бокам дорожки и медной решеткой ограды. Только над плоской крышей высились гигантские буквы из стеклянных трубок, почти незаметные днем, а ночью образующие издалека видное в черном небе неоновое слово: «СЕЛЕСТА». Рослов ехидно заметил: «Новый бар открыли». А проезжающие по вечерам действительно останавливались и, заинтересованные, подходили к калитке. Но тотчас же разочарованно поворачивали назад: над калиткой загоралось выписанное тем же неоном слово «ПРАЙВИТ»¹ — цербер капиталистической законности, оберегающей частную собственность. Днем надпись не появлялась, и любопытные доходили до двери, на которой могли прочесть: «Роберт Смайли, директор-администратор международного научного института «Селеста». Далее появлялся черноглазый креол-привратник, он же ночной вахтер и вечерний бармен, и вежливо объявлял, что директор не принимает.

Смайли действительно принимал только строителей, архитекторов, художников и подрядчиков, но все строительные работы администрации будущего института ограничивались даже не проектами, а только схемами и набросками грандиозных замыслов вроде научного городка с институтами и лабораториями. Шпагин из любопытства составил огромный список исследовательских секций, которые могли бы обрабатывать результаты контактов с Селестой. И список, и строительные про-

¹ Частное владение (от англ. *privat*).

екты Смайли легли в основу досье, в котором собиралась вся информация, связанная с бермудским чудом. Здесь хранились протоколы первых бесед и магнитные записи Шпагина — фанатика магнитофонного сервиса, начатые рассказом Смэтса, совместными гаданиями и первой пресс-конференцией, открывшей миру запечатленную память Селесты. Сюда же вошли и первые газетные отклики, прибывшие на следующий день с утренней почтой из США и продолжающие прибывать, пока волна их не выросла до масштабов цунами. Но это произошло уже позже, когда директор-администратор института был официально признан и учеными, и прессой.

Неофициально же его назначила или, вернее, предугадала телеграмма Мак-Кэрри, адресованная четырем друзьям, ожидающим его в Гамильтоне: за время своего пребывания в Лондоне он извещал о делах и сопутствовавших им замыслах только телеграммами, порой довольно пространными.

Эта тоже не была лаконичной:

«Впредь до образования международного института по контактам с Селестой считаю необходимым подобрать человека, который бы мог взять на себя подготовительную работу на месте. Такого человека мы знаем. Это Роберт Смайли, коего я вижу административным директором будущего научного объединения. Мои русские друзья и мисс Яна, не сомневаюсь, разделят мое искреннее убеждение в его энергии и способностях. В случае согласия прошу Смайли связаться с отделением лондонского банка в Гамильтоне, где на его имя будет открыт текущий счет. Денег у него не так много, но вполне достаточно для начала. Построить колыбель для младенца не так дорого, а когда он подрастет, к нашим услугам будут любые государственные и частные капиталы. К сожалению, пока Рослов прав: в Англии больше архаистов, чем новаторов, и скептиков, чем протагонистов. Но я уверен в победе. Состав научной комиссии ЮНЕСКО уже обсуждается и скоро будет утвержден и опубликован. Ждите дальнейших телеграмм».

— Зачем мне кредит, — нахохлился Смайли, — у меня и у самого есть деньжата.

— Открыть бар на коралловом рифе с подачей бутербродов и пива, — съязвил Рослов.

Смайли не обиделся. Он уже слепо поверил в Селесту и не прятал глаз.

— Предвижу не бар, а бары. Сто баров, двести, пятьдесят отелей, пятьсот коттеджей, собственные пляжи и собственный Кони-Айленд¹, благо кругом островов до черта. И это только для развлечения, не считая науки и бизнеса. Вы думаете, информацию из Селесты будут извлекать только ученые? А банки, биржа, акционерные общества? Скажете: Селеста не оракул. Верно. Но на основании того, что уже всем известно, он подберет, как вы говорите, оптимальный вариант. Не забывайте и о побочных золотых приисках: гостиницы и рестораны тоже приносят доход. Здесь каждый цент может обернуться даже не долларом, а бруском золота из казначейских подвалов. Как в орлянке, когда у вас на руках беспроигрышная монета с двумя орлами. И не я один это вижу: есть и другие провидцы. Тоже не дремлют.

Смайли уже входил в роль. Шутки друзей беспокоили его не больше москитных укусов. Саркастические намеки Корнхилла и Барнса он просто пропускал мимо ушей. Но и не медлил. На другой же день после телеграммы Мак-Кэрри он приобрел на складе «Альгамбры» оборудование для пляжного кафе человек на тридцать: дюжину пластмассовых столиков и соответствующий ассортимент соломенных кресел и ресторанной посуды. Все это он с двумя напуганными насмерть мулатами — репутация острова еще не приобрела кричащей заманчивости — перевез на белый коралловый риф, тут же соорудил причал и лесенку на берег, а вместо палатки натянул парусиновый тент на четырех вбитых в коралл столбах. Селеста не препятствовал, не подавая признаков жизни, что позволило завершить всю работу до темноты. И, уже готовясь к отплытию, Смайли оглядел расставленные под тентом кресла и столики, вздохнул и подумал: кафе не для миллионеров, но, учитывая коварную волну, сойдет и такое. Если мебелишку снесет в океан, можно в два счета привезти новую.

В мозгу у него тотчас откликнулось:

«Не снесет».

¹ Район развлечений в Нью-Йорке.

Смайли не испугался. Он уже привык к общению с Селестой и мысленно спросил:

«Ты остановишь волну?»

«Ослаблю».

«Чем? Магнитным полем?»

«Не знаю. Любое из полей, возникающих как рефлекс защиты, может быть и магнитным. Может быть гравитационным. Я не поставлен в известность о программе, созданной до моего рождения и без моего участия. Возникает необходимость — срабатывает рефлекс».

«Мак-Кэрри бы тебя понял. Я — нет. Ты говорил с ним?»

«Он далеко. Но я знаю все, что он думает, говорит и делает. Я был с ним на заседании Королевского научного общества. Запомнил главное».

«Возражения?»

«Они естественны. Консерватизм везде граничит с отсталостью. Отсталость — с замшелостью. Главные возражения сводятся к тому, что изложение Мак-Кэрри не столько научная гипотеза, опирающаяся на сумму точно выверенных фактов и стройную систему доказательств, сколько личное мнение профессора о принципиальной возможности появления на Земле космического разведчика. Более разумные до сих пор спорят, живое ли я существо или саморегулирующаяся машина. Наиболее последовательно выразился Джон Телиски: «Не ошиблись ли контролеры, пропустив на совещание вместо ученых саморегулирующиеся машины, да еще с ненадежной системой саморегуляции». На крики «Почему?» ученый ответил: «Только несовершенная или испорченная система может допустить такую несусветную ахинею».

Несмотря на отсутствие интонации, даже в мысленной передаче Смайли уловил иронию и спросил:

«Ты, оказывается, умеешь смеяться?»

«Я не умею смеяться, но понимаю юмор».

«Тогда оцени самое смешное: я назначен твоим директором».

«В твоих словах смущение. Зря. Смешное и страшное будут потом».

Разговор этот Смайли тоже записал и присовокупил к материалам досье. Сейчас их от скуки перелистывали Шпагин и Яна, укрывавшиеся от тропической духоты в

охлажденном воздухе кабинета. Смайли вылетел в Нью-Йорк для переговоров со строительными конторами, а Рослов остался в отеле, ссылаясь на незаконченные заметки о материалах симпозиума, хотя всем было ясно, что он просто хандрит из-за необходимости бездельничать на Бермудах в ожидании инспекционной комиссии: на этом настаивало предписание из Москвы от академического начальства. Жребий замещать директора выпал на долю Яны, и когда Шпагин забежал проведать ее в контору, она зевала у гигантского глобуса, приобретенного Смайли в местном географическом музее. Но изобретательный ум директора-администратора несколько изменил его назначение: глобус теперь был не только глобусом, он раскалывался по Гринвичскому меридиану, обнаруживая углубление в виде опрокинутой призмы, пересеченной полочками с бутылками разной формы и цвета.

— Хотите виски?

— Жарко, — сморщился Шпагин.

— Ну, джина с лимоном.

— А что-нибудь полегче для трезвенников?

— Полегче Смайли не держит. Он человек жесткой фокусировки.

Шпагин оглядел замаскированный бар:

— Хитро.

— На другом полушарии еще хитрее.

Янина повернула глобус и расколола его по водному пространству Тихого океана. Открылся стальной сейф со знаменитым досье. Шпагин взвесил на руках папку:

— Ого! Есть что-то новенькое?

— Телеграмма от старика, парочка корреспонденций и одна пленка. Советую послушать.

Шпагин сначала заглянул в папку. Телеграмма Мак-Кэрри звучала оптимистично:

«Половина кандидатур уже утверждена. Из стариков интересен Телиски — это наша опора. Из молодых — итальянец Бертини и француз Пуассон. Телеграфируйте Смайли — пусть добьет Бревера из Гарварда. Я уже сговорился с ним заочно: вот-вот согласится. Кажется, Рослов ошибся: архаисты, возможно, останутся в меньшинстве».

Отклики на пресс-конференцию Шпагин уже читал: от них несло глупостью, недоверием и невежеством. «Само по себе открытие — сказочка для дураков, но нас с читателями такими сказками не обманешь». «Росказни Смайли понятны: он преследует одну цель. Смайли бизнесмен и во всем ищет выгоды. Но что его связало с русскими?» Этот мотив неоднократно варьировался: «Почему русские совершают свои открытия в такой близости от американских вод?», «Почему Невидимка окрещен русским именем?» Журналист поумнее уточнял: «Имя, конечно, не говорит о национальности, но оно составлено из русских научных терминов в русской транскрипции». «Не владеют ли открыватели секретом гипноза, первой жертвой которого стал английский ученый? Искренне советуем ему протрезветь в Лондоне от кораллового коктейля». Были и другие корреспонденции, честно пересказывавшие содержание дискуссии, были и поспешные высказывания ученых, порой откровенно глумливые, порой вежливо ироничные: как ни говори, а имена Мак-Кэрри и Рослова стальным щитом отражали насмешки. «Большого доверия вся эта история, конечно, не вызывает, но то, что авторами ее являются математики с мировой известностью, заставляет задуматься». «Магнитные аномалии безусловно нужно исследовать, но ничего принципиально нового в этом нет: даже кирпичи намагничиваются в магнитном поле». «Трудно верить миражам, вызываемым неким сверхинтеллектом. А не имеем ли мы дело с явлением суггестологии — с гипнозом в бодрствующем состоянии?» Наименее доверчивые ехидно вспоминали Франса: «Наука безгрешна, но ученые постоянно ошибаются». А более благожелательные апеллировали к Эйнштейну: «Если вовсе не грешить против разума, нельзя вообще ни к чему прийти».

Профессор Юджин Бревер из Гарвардского университета в США, предполагаемый кандидат в состав международной научно-инспекционной комиссии, также откликнулся на вопросы газетчиков: «Я слишком уважаю ум, знания и научную добросовестность профессора Мак-Кэрри, чтобы сомневаться в его открытии. То, что космический разведчик неизвестной галактической цивилизации действительно присутствует на Земле, как и то, что группе ученых удалось вступить с ним

в контакт, для меня не гипотеза, а непреложная истина, аксиома. Давайте поэтому установим границы его активности, то, что он может и чего не может. Начнем с того, что он не может передвигаться из предусмотренной программой разведки точки его пребывания в земном пространстве. Не властен над природой, за исключением своей биосферы, но в пределах ее может вызвать любую электромагнитную аномалию, остановить или ослабить бурю, оттолкнуть или отбросить любые металлические массы, искривить даже курс самолета и тем самым предохранить себя от нападения или уничтожения. Не властен он и над человечеством за пределами своей биосферы, не может вмешиваться в его дела и судьбы. Властен только над людьми, вторгающимися в его «жилое пространство». А здесь он может в одно мгновение «прочесть» всю жизнь человека, извлечь нужную информацию или создать любую наведенную галлюцинацию на основе информации, уже накопленной. Может внушить любую мысль и любой поступок. Может блокировать память людей в любом объеме. Может прогнозировать любые последствия любого события или действия в их вероятностных вариантах, может даже рассказать об этом, поскольку программа не предусматривает запрета на гипотезы и прогнозы. Хотя программа эта, возможно, и рассчитана на секретность разведки, но не запрещает контактов с человечеством, поскольку такие контакты могут служить источником информации. Отсюда, по-моему, следует главный вывод: открытый друзьями Мак-Кэрри уникальный информарий — друг, а не враг человечества, его сотрудник, а не противник, доброжелатель, а не угроза».

— А теперь прослушайте пленку, — сказала Янина и включила магнитофон.

Шпагин услышал свой собственный, чуть измененный записью голос: «...что ясно и что не ясно Селесте? Не очень дельный вопрос. Однобокий. Но я отвечаю...»

— Стоп! — закричал Шпагин и выключил звук. — Откуда? Я же не включал записи.

Он говорил об интервью с корреспондентом ТАСС, специально прилетавшим на Бермуды из США и поймавшим его в промежутки между рейсами.

— Прослушайте, прослушайте, — повторила Яна. — Мы не записывали начала, потому что вы долдонили все

по своему докладу старику Сайрусу, а когда начались ваши собственные новации, я включила запись.

А магнитофон говорил:

«...Итак, что ясно и что не ясно. Условимся считать ясное бесспорным, а неясное брать под вопрос. Например, ему ясно, что площадь прямоугольника равна произведению его длины на высоту. Но ясно ли, что такие, например, строки обладают почти колдовской силой: «...твоих оград узор чугунный, твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак...» или: «Я вижу берег очарованный и очарованную даль». Ясны, конечно, математические открытия Галуа. Но ясно ли безумное вдохновение той ночи, что породила эти открытия? Ясно, как написана Ленинградская симфония Шостаковича, история ее создания и законы композиционного построения. Но ясно ли, почему люди плачут во время ее исполнения? Ясно, что такое метафора, из теории поэтики. Но ясен ли ее художественный смысл? Скажем: молчать может человек, но что такое «молчание развалин»? Ясен смысл пейзажей Левитана или Моне. Но ясно ли впечатление, какое они производят на зрителя? Словом, ясна роль творчества. Но ясен ли сам творческий акт? И свойствен ли такой акт Селесте? Выводы? Сделайте их сами — мы в равных условиях».

Пленка окончилась.

— Сейчас мы уже не в равных условиях, — задумчиво произнес Шпагин, — с тех пор мы познакомились с Селестой поближе. Но меня до сих пор мучит один вопрос. Я не говорил о нем корреспонденту, но сейчас бы смог подыскать ответ. Почему Селеста избрал нас, именно нас, ну своими подшефными, что ли? Впервые встретил людей с развитым интеллектом? Чепуха! Спутники Смайли, американские студенты, с ним приезжавшие, тоже не дубы стоеросовые. Да и раньше, вероятно, на острове бывали туристы не из числа современных питекантропов. Газетчики называют двух геологов, заинтересовавшихся стекловидностью рифа, необычной для кораллового образования. Селеста безмолвствовал и не показывал им своих киносеансов. Почему? Почему же тогда он отдал столько внимания нам, причем совсем не как ученым, математикам или биологам? Не решал нерешаемых теорем и не разгадывал неразгаданных загадок. Мне думается, Яна, что мы заинтересова-

ли его как люди социалистического общества — таких у него на острове наверняка не бывало. Кого он мог сравнить с нами, извлекая приметы из пучин своей памяти? Учеников Платона или Сократа, первых христиан, участников религиозных войн, солдат Кромвеля или якобинцев Французской революции? Только парижские коммунары могли бы напомнить ему что-то похожее, да и то это были люди другой социальной среды и другого жизненного опыта. Конечно, он знал и людей нашей революции — в следах, оставленных ими хотя бы в одной только Ленинской библиотеке. Но живого человека с коммунистической убежденностью Селеста встретил впервые. Я почти уверен, Яна, что, спроси его, как он оценивает коммунизм, — а его, возможно, еще спросят об этом, и спросят люди из другого лагеря, — он ответит так, как ответил бы я. Вся накопленная им информация не может подсказать другого ответа. Как сказал Бревер? Это — аксиома!

— А что бы сказал Анджей?

— Андришка? Хотите точно? «Откуда у машины коммунистическая убежденность? Все, мой милый, зависит от программистов».

— Тогда он ошибается, — задумалась Яна. — У Селесты нет мировоззрения. Это машина, но машина саморегулирующаяся. И программа изменяется в зависимости от накапливаемой информации. Короче говоря, он это мировоззрение приобретает.

— С нашей помощью.

Оба засмеялись. Но Шпагин тотчас же «снял» улыбку.

— Мне думается, Яна, что мы все же еще недооцениваем Селесту. Помните беглый прогноз Мак-Кэрри о будущих контактах с этой сверхпамятью? Ей отводилась роль некоего маховика в нашем научном прогрессе. Я думаю о большем, Яна: о том, что Селеста неминуемо станет союзником социалистического лагеря в борьбе за идейное объединение мира. Конечно, мы объединим его и без Селесты, но этот разум-память с его необъятной вместимостью и сверхмощной отдачей поможет преодолеть труднейший барьер — собственническую психику человека. Как? Пока не знаю. Но разве авторитет Селесты, когда к его словам будут прислушиваться не только сотни ученых, но и миллионы простых людей на Земле, не выстоит против того, что изо дня

в день отравляет эту психику, — религиозного дурмана, расистского бешенства, антикоммунистической истерии и рекламного мракобесия? Еще как выстоит. Не из идейных побуждений, конечно. Но как вы сами сказали: он приобретает мировоззрение. Приобретает, потому что акт суждения, вынесенный на основе хеопсовых пирамид информации, — прежде всего разумный акт, и как таковой он с нами, а не против нас. Может быть, мне и вам, Яна, выпало величайшее счастье стать дополнительными программистами этой памяти-разума.

— Почему же вы Рослова не убедили?

— А вы почему?

— У нас зарядная симметрия, Сёмчик. Столкнемся — аннигиляция.

— Бросьте! Эмбрионально вы — супруги Кюри с поразительным подобием взаимного тяготения. Даже в именах. Она — Мария Склодовская-Кюри, вы — Янина Желенска-Рослова. Не тарашьте глаза: я имею в виду ближайшее будущее. Но подобия-то отрицать не будете? Ведь оба имени через дефис и с польской частицей. Вот отпустит нас Селеста, и вернетесь вы не в Варшавский, а в Московский университет — он, кстати, вам так же близок, — обживетесь где-нибудь у метро «Сокол» или «Аэропорт», поближе ко мне, чтобы сподручнее было в гости бегать. Я даже песенку сочинил о том, что мне снится.

— Что снится?

Шпагин лукаво прищурился и запел вполголоса хрипловатым речитативом:

— ...Ваш двухкомнатный рай в блочном доме у «Аэропорта»... Совмещенный санузел, поролоново-мебельный быт... где вниманье соседей, болельщиков сплетни, как спорта, о супругах Кюри шепотком на весь дом ратрубит... Ах, супруги Кюри! Что ж поделаешь, вольному воля... Ваш московский эдем меня уже манит давно, где с поваренной книгой совместна теория поля, а с дискретным анализом — три билета в кино.

Лучики детских морщинок у глаз Янины пресмешно разбежались.

— Почему три?

— А мне? Один я, что ли, буду в кино ходить?

— Кино еще будет! — провозгласил распахнувший дверь Рослов. — Новая серия Джеймса Бонда «Смерть

на футбольном поле». Кстати говоря, неплохо снят матч.

— Ты о чем? — не понял Шпагин.

— О совпадении. Интересный вариант совпадения искусства и жизни. Фильм Бонда начинается с прибытия двух футбольных команд в город: «Ист-Европа» против «Вест-Европы». То же самое вы сейчас увидите в баре нашего отеля. Двадцать пять или двадцать шесть человек — я не успел сосчитать точно — галдят там, как на бирже. Спрос на джин и виски побил все рекорды мертвых сезонов. Только тренеры и судьи пьют сельтерскую с лимоном. Адская смесь.

— Ясно, — сказал Шпагин и подмигнул Янине: — Не понимаете, Яночка? Так наш Анджей информирует о прибытии инспекционной комиссии ЮНЕСКО.

— Старик скис, как лимон, — продолжал Рослов. — Архаистов, вопреки прогнозам, оказалось больше, и они напористее. Старцев мы попробуем нейтрализовать с помощью Яны, а других, пожалуй, ничем не проймешь. Молодые, но уже червивые, как грибы.

Глава 19

АРХАИСТЫ И НОВАТОРЫ

— Прекрати, Анджей.

— Что именно?

— Ты ходишь из угла в угол, как тигр в клетке, а я взираю на тебя, как робинзоновский Пятница. Хватит! Все внизу, а мы на необитаемом острове третьего этажа. Пошел же Сёмчик: есть, говорит, смысл познакомиться до встречи с Селестой.

— С кем познакомиться? С лапутянами?

— А вдруг эти лапутяне, опровергнув открытие, освободят тебя от необходимости сидеть в Гамильтоне?

— Истину не опровергнешь.

— А что есть истина?

— Я отвечу. Истина — это оптимальный вариант достоверности. Только параметры разные. У одних — вера, у других — опыт, у третьих — логика. У нас все три. Предел вероятности. Но я предвижу другое. Поражение лапутян — частность. Предвижу игру политичес-

ких интересов, борьбу влияний, схватку доллара с фунтом, лиры с маркой, франка с песетой. И я не хочу, чтобы меня втягивали в эту помойку. Хочу спокойно искать математический уровень мышления. Без подсказок. Без разноголосицы знаний, которые я могу приобрести, будучи телефонной трубкой Селесты. Экклезиаст сказал: «Умножая знания, умножаешь скорбь». Верно сказал.

Шпагин открыл дверь и постучал, зажмурив глаза. Потом вошел, извлек из кармана портативный магнитофон с микрофоном. За ним двигался длинный и аккуратный, как хорошо заточенный карандаш, профессор Мак-Кэрри. Кислое лицо его без слов поясняло, что происходившее внизу не доставило ему удовольствия. Зато Шпагин сиял.

— О последствиях умножения знаний я уже слышал у закрытой двери. Подтверждаю, только с поправкой: у кого скорбь, у кого смех. Сейчас убедитесь, только включу большой «маг», а то мой портативный работяга отлично слышит, а говорит шепотом. Дикторский текст в паузах, если не возражаете, мой.

Шпагин переставил катушку с пленкой на большой магнитофон на столе и включил запись. Сквозь фон — звон посуды, скрип передвигаемых стульев, кашель и бульканье — прорвались отчетливо слышимые слова:

«...Никогда не поверю, пока не увижу».

«...Вы и не увидите, коллега. Он невидим».

«...Надо понимать, что я оговорился. Хотел сказать: пока не осознаю, что он существует».

Лукавый, лукавый вопрос:

«...А кто, собственно, «он»?»

«...Вызываете на дискуссию? А мне спорить не хочется. Мне пить хочется. Бармен, пива!»

«...А мне мартини».

«...Два мартини!»

«...Все-таки это не мозг. Мозг предполагает сознание, личность. А у него нет личности».

«...Гигантский информарий. Разум-память».

«...И вы верите? Как все это хранится у него в условиях невидимости?»

«...А может, просто недоступности визуальному наблюдению?»

«...Так они же зонд запускали. Прошел, как обычно. С ветерком. И химический состав воздуха — норма».

«...Меня не интересует проблема хранения информации. Вероятно, она кодируется. Что-нибудь вроде математических моделей и микрофильмов...»

«...Невидимых?»

«...Аллах с ними. Меня интересует проблема записи. Как посылается в пространство записывающаяся волна и что это за волна, какой частоты и силы. А может быть, и формы. Волна в принципе может фиксировать любую запись — теперь это делается с помощью безлинзовой оптики. Как у вас в голографии».

«...При чем здесь голография?»

«...Притом. Там даже осколок воссоздает все изображение, так и здесь — касание волны получает информацию о всей записи».

«...Фантастика!»

Кто-то скрипнул стулом. Звякнула тарелка или бокал. И сейчас же другие голоса:

«...Позвольте вмешаться... Я дую на пиво. Что происходит? Волна. Она касается борта кружки и гаснет. А почему ваша икс-волна не гаснет, а возвращается, да еще с прикупом?»

«...А если это не волна?»

«...Вы что пьете, коллега?»

«...Соду-виски. А что?»

«...Оно и видно. Луч, по-вашему? Газовый лазер? Невидимое «зеркало» и пластинка в «кассете»? Бред!»

«...А может быть, поток частиц? Волнообразность и корпускулярность дают возможность двигаться по определенной траектории и не расплываться в пространстве».

«...Извините, коллега, но так можно докатиться и до нейтрино. Ха!»

«...Почему «ха»?»

«...Потому что, коллега биолог, это вам не биотоки и реакция внешней среды. Это — физика. У нейтрино, мой друг, нет массы покоя. И как вы направите или остановите этот «записывающий» поток? Никакая сверхэнергия не создаст нужной стабильности. А сама запись? Вы можете сказать мне о вращении нейтрино, о его спиральности, о его превращениях, наконец, но не о записи. Что может «записать» частица, не имеющая никакой структуры?»

Шпагин нажал кнопку магнитофона. Звук погас.

— На минуту прерву передачу. Это не архаисты и не новаторы. Это любители шахматных трехходовок, подыскивающие среди ложных следов один решающий. А решения нет.

— Зато есть надежда открыть «черный ящик» отмычкой, — буркнул Рослов.

— У меня скулы сворачивало, когда я прислушивался к этой коровьей жвачке, — признался Мак-Кэрри.

— Потерпите, профессор: пожуют и нас с вами. — И Шпагин снова включил запись.

«...И вы верите в эту безмятежную бухточку?»

«...А почему бы нет? Крутизна кораллового плато сама по себе гасит волну, а на подходе к бухте опора в виде естественного подводного барьера. Скажем, скопление коралловых массивов, скошенных в сторону океана, образует своего рода волнолом».

«...А химический состав воды в океане и бухте один и тот же».

«...Не убежден. Исследовательский эксперимент мог быть поставлен традиционно. Химия одна и та же, а молекулы не идентичны. Может быть, мы имеем дело с аномальной водой».

Снова шепот Шпагина в микрофон:

— Знакомьтесь: архаист и новатор. Еста Крейгер из Упсалы и Юджин Бревер из Гарварда. Следуем далее.

Два звонких голоса, молодых и пьяных:

«...Не верю — раз, не верю — два, не верю — в периоде».

«...Во что?»

«...В остров. В магнит. В призраки. В Пилата, в Билли Кривые Ноги... и кто там еще?»

«...Кентавр! В кино ходишь? А вдруг русские изобрели безэкранное кино и Мак-Кэрри пайщик?»

— Ну, а где же союзники, кроме Бревера? — взмолилась Янина.

Шпагин без звука прокрутил ленту и снова включил запись. Новый голос, пойманный на обрывке реплики, продолжал:

«...Двести лет назад наука не могла объяснить феномен «падающих звезд» — метеоритов, сто лет назад — феномен появления комет. Нынче не можем объяснить, что такое неопознанные летающие объекты, и прячемся

за спасительное «не верю». Не ссылайтесь на парадоксы, господа. Парадоксы возникают как раз тогда, когда наука вплотную подходит к неизвестному».

— Это Джон Телиски, — сказал Шпагин и снова прокрутил пленку. — А вот еще один союзник — Анри Пуассон из Парижа.

«...Собрались великие, вещают гении: не верим! А ведь когда-то ни лорд Кальвин, ни астроном Ньюком — люди не мельче нас — не верили, например, в возможность полетов в воздухе. Теперь же «самолет» — одно из первого десятка слов, которые заучивает полторагодовалый ребенок».

— Стоп! — сказал Рослов, выключая магнитофон. — У меня, как и у сэра Сайруса, тоже сводит скулы от коровьей жвачки. И от противников, и от союзников. Столкнем их лбами на коралловом рифе!

Рослов обмолвился. Он подразумевал «столкновение лбами» с Селестой. А до этого во время поездки на полицейском катере и противники и союзники были до приторности любезны и с первооткрывателями, и друг с другом. Не инспекционная поездка, а дипломатический экскурсионный вояж.

О Селесте не вспоминали, будто его и не было. Говорили о жаре, о мертвом сезоне на Бермудах, о курортных порядках и качестве шотландского виски, благоприятного для любителей во всех климатических условиях. Только когда катер подошел к патрульной зоне и, не отваживаясь заплывать в контролируемые Селестой воды, пересадил своих пассажиров на сопровождавшие его две весельные шлюпки, а коралловый островок уже сверкнул у горизонта белой чайкой на пенистой океанской волне, запретная тема словно разомкнула уста.

— Это и есть ваш Невидимка? — спросил у Янины ее сосед.

— Почему Невидимка? У него есть имя.

— И вы думаете, что оно будет признано наукой?

— Почему нет? Оно благозвучно, легко произносимо на всех языках, а главное, семантически точно.

— А что такое «семантически»?

— От слова «семантика».

— Понятия не имею.

Янина внимательно оглядела соседа: тропический костюм, шорты, золотые очки, не менее сорока на вид,

позади колледж, по меньшей мере два университета, частная лаборатория, ученая степень.

— Семантика, — снисходительно пояснила она, — это область науки о языке, занимающаяся смысловым содержанием слова.

— Понимаю. Ваша область лингвистика?

— Нет, кибернетика. Биокибернетика, — улыбаясь, уточнила Янина.

— А я только физик и горжусь этим.

— Ограниченностью?

— Почему? Просто я не признаю эклектики в науке.

— А вдруг будущее за эклектикой? Химия уже тесно соприкасается с физикой, а биология с математикой. И вы едете сейчас к величайшему из эклектиков мира.

— Не понимаю.

— К Селесте.

Шпагин и Рослов сидели в другой шлюпке, против Юджина Бревера и Крейгера из Упсалы. Разговор был общий.

— Все живое доступно наблюдению, — горячился швед. — «Невидимка» Уэллса — нонсенс. Живое и невидимое несовместимы.

— А если не живое?

— Могу представить себе энергию мыслящей машины, но не могу даже вообразить мыслящей энергии.

— Мы тоже не можем, — сказал Рослов, — и объяснить не можем. Но тем не менее она существует.

— Не верю.

— Вы, кстати, не верили и в изоляцию акватории бухты, — сказал Бревер. — Мы подходим к ней. Видите? А вот здесь и гаснет волна. Именно здесь, под нами, где наверняка проходит подводный волнолом скошенных в сторону океана коралловых рифов. Идеальный гаситель. Вы измеряли глубину? — обратился он к Рослову.

— Здесь? — переспросил Рослов. — Не уверен. Какие-то глубины измерялись, но где — не знаю. Этим занимался Смайли. А меня лично интересует только феномен Селесты.

— Вы правы, — согласился Бревер. — Это самое важное. Но прав и Мак-Кэрри. Его уникальный институт не мечта, а потребность. Здесь найдется работа ученым всех специальностей.

Шлюпки тем временем подошли к сооруженному Смайли причалу, ученые поднялись на плато острова и при виде тента со столиками буквально ахнули от восторга; со стороны моря это сооружение Смайли не смотрелось: его закрывал белый, косо вздернутый коралловый гребень.

— Кафе «Селеста», — сказал кто-то.

— Браво, Мак-Кэрри!

— Хозяйничайте, — отмахнулся тот, — каждый сам себе бармен.

Открыли ящики, вынесенные на берег, растащили по столам — кто виски, кто джин, кто мартини, кто сифоны с содовой и сельтерской. Анри Пуассон самоотверженно рубил лед в контейнерах, соотечественники Бревера Кен Чаррел и Джимми Спенс смешивали коктейли, а поклонник немецкой кухни Баумгольц вскрывал одну за другой жестянки с пивом и консервированными сосками.

Молодцеватый Кен Чаррел, проглотив два коктейля, принес еще два себе и Рослову.

— Выпьем за вашего Саваофа, который почему-то не появляется.

— Не кощунствуй, — остановил его католик Спенс.

— Ну, за архангела с магнитом вместо копья.

— Ты имеешь в виду Святого Георгия?

А Рослов молчал, не притрагиваясь к бокалу.

— Неужели русский джентльмен откажется выпить с американским? — настаивал с явным вызовом Чаррел. — Америка, по-моему, друг, а не враг России.

— Ваша Америка? — переспросил Рослов.

— А разве есть другая?

— Есть. Например, Америка Бревера. Он не надевает по ночам балахонов с прорезями для глаз.

Чаррел не обиделся.

— Вы намекаете на мой инцидент в Джорджии? С тех пор я вырос и поумнел. А тост можно сменить. Не за Святого Георгия, так за магнит!

— А где же магнит? — хихикнул Спенс. — Часы ходят, нож режет, и ключи в кармане лежат.

И тут же мощный безветренный шквал сорвал часы с его руки, а зажигалка и ключи, прорвав карман нейлоновых джинсов, ринулись к эпицентру магнитной бури. Посреди островного кафе на столике, куда выгрузили

оставшиеся напитки из ящичков, разбросав бутылки, в одно мгновение выросла бесформенная груда металла, оказавшегося на острове. Ножи, вилки, консервные банки, зажигалки и ключи, со всех сторон устремившиеся к столу, слились с громом и скрежетом. Даже сифоны с содовой и сельтерской, притянутые за металлические рычажки и наконечники, дополнили звуковой эффект звоном разбитого стекла. Многие получили ранения; кого царапнуло ножом, кого банкой от консервов, кого осколком сифона. Врача не потребовалось, но йод и бинты, заготовленные предусмотрительным Смайли,годились. Тем временем груда распалась, металл утратил свою намагниченность так же произвольно и так же необъяснимо, как и приобрел ее под ударом магнитного шквала.

— Селеста начал традиционным спектаклем, — поморщился Рослов, потирая здоровенную шишку на лбу: его саданула с налета невскрытая жестянка с пивом, — и, честно говоря, уже надоевшим.

Непострадавший Шпагин заметил философично:

— Посетители премьеры на третий спектакль обычно не ходят. А мы, увы, нечто вроде театральной администрации.

Оба говорили по-русски.

— Вы о чем? — спросил Еста Крейгер, только что извлечший из кучи свой перочинный нож и часы.

— О том, что вы видели, — ответил Рослов. — Краткий урок для последователей Фомы Неверующего.

— А меня это не убедило. Магнитная буря — ясно. Очень большой мощности — тоже ясно. Но признаков мысли не вижу. Любопытный физический феномен — не больше. Может быть, такие магнитные аномалии возникают периодически? Скажем, волнообразно. Подъем — спад, некая электромагнитная синусоида. Максимум функции, и — бац! — шквал.

— И каждый раз наша высадка совпадает с максимумом функции? — ехидно заметил Рослов.

— Возможно. Мы же не знаем ни природы волны, ни ее параметров. Почему обязательно разумный источник?

Еста Крейгер не дождался ответа. Он странно выпрямился и замер, положив руки на колени. Пухлое лицо его, обросшее русой бородкой, напряглось и застыло. Взор потух.

— Что случилось? — спросил подошедший Бревер.

— То, что обычно случается с человеком, подключенным к Селесте, — пояснил Рослов. — Это уже не Крейгер, а канал связи. Сознание отключено. Мускульное напряжение доведено до критического. Только почему Крейгер?

— Может быть, его рецепторы в чем-то соответствуют нашим, а может быть, Селеста нарочно избрал его, как наиболее упрямого в своей неверии, — сказал Шпагин и встал. — Тише, господа. И присаживайтесь поближе. Сейчас вы услышите Селесту.

Их столик окружили.

— Да ведь это Крейгер. Что с ним?

— Не подходите, — предупредил Рослов. — Задавайте вопросы.

— Какие? Это ты, Еста?

— Я не Крейгер, — послышался монотонный деревянный голос. — Вопросы — любые, какие вам нравятся. Я не ограничиваю выбора. Исключаю лишь повторные и наивные.

Шум голосов взорвал паузу:

— Это явно не Крейгер!

— Не говорите глупостей.

— А может быть, он под гипнозом?

— Не теряйте времени, господа, — нетерпеливо заметил Рослов. — Задавайте вопросы. Вы слышали? Исключаются только повторные и наивные.

— Что значит «повторные и наивные»?

Снова раздался монотонный деревянный голос:

— На ряд вопросов, какие вам хочется мне задать, я уже ответил раньше. Ответы документированы в досье, хранящемся в конторе Роберта Смайли. Наивным вопросом я считаю тот, на который, подумав, может ответить спросивший.

— Почему вы говорите за Крейгера?

— Употребляйте единственное число. Вежливая форма множественного излишня.

— Нужно ли повторить вопрос?

— Не нужно. Я ищу канал связи.

— Как?

— В мозгу и голосовых связках.

— А точнее?

— Настраиваюсь на группу рецепторов, принимающих передаваемую мысль и преобразующих ее в слова.

— Телепатия?

— Не знаю.

— Может быть, волна, я не уверен какая... бэта, кап-па, кси, пси... именно та волна, с помощью которой ведется передача?

— Не знаю.

— Высокоразвитый мозг не может не знать механизма своей деятельности.

— Я не мозг.

— Значит, самоорганизующееся устройство?

— Я не самоорганизующееся устройство, так как не произвожу себе подобных.

— Тогда кто?

— Повторный вопрос. Вы все уже знаете ответ.

Спрашивали поочередно, торопя и перебивая друг друга:

— Я не понимаю, что такое мыслящая энергия... Как и где у тебя возникает мысль?.. Какими средствами передается?.. Как «прочитывается» человеческий мозг?.. О каких рецепторах идет речь?.. Как «нащупываются» эти рецепторы?..

— Не знаю. Не знаю. Не знаю. Я как часы. Они отстают или уходят вперед, не зная, почему они это делают.

— Тебе нравится имя Селеста?

— «Нравится» или «не нравится» — не мои параметры. Имя точное. Селектор стабильной информации.

— Почему стабильной?

— Повторный вопрос.

— Сколько тебе лет?

— Тысячелетий.

— С сотворения мира?

— Я прибыл в мир уже сотворенный.

— По какому календарю?

— Календари менялись вместе с цивилизациями. Наиболее удобен для ответа на ваш вопрос календарь Скалигера. Этот французский ученый занумеровал все дни с 1 января 4713 года до нашей эры. По его отсчету прошло уже более двух с половиной миллионов дней.

— Почти семь тысяч лет. Ого!

— Селеста-7000! Ура!

— Мне кажется, господа, мы ведем себя неприлично.

— Селеста простит. Ему важна информация.

— И все-таки я не верю. Похоже на спиритический сеанс с медиумом для легковверных.

Это буркнул все время молчавший профессор Баумгольц.

— Я тоже не верю, — поддержал его Чаррел. — Какой-то фокус.

— Вы слышите, я не одинок, — засмеялся Баумгольц.

— Вы, кажется, были футболистом в юности, герр Баумгольц? — вдруг спросил Рослов.

— Судьей на поле. И не только в юности. Я и сейчас член международной коллегии судей. А что?

— Ничего. Покажи им большой футбол, Селеста. Авось поверят! — Рослов выкрикнул это по-русски.

И последнее, что он увидел, были не то удивленные, не то испуганные лица Янины и Шпагина.

Глава 20

«ИСТ-ЕВРОПА» ПРОТИВ «ВЕСТ-ЕВРОПЫ»

Они исчезли в зеленом тумане, яркость которого усиливалась с каждым мгновением, и какую-нибудь секунду спустя он уже приобрел очертания футбольного поля, окруженного амфитеатром ревущих трибун. Они вздымались высоко к синему куполу неба и казались издали — а Рослова отделяло от противоположной плоскости амфитеатра более сотни метров — пестрой лентой, протянувшейся между синькой неба и зеленью полевого газона, по которому в непрерывном движении мелькали белые и черно-желтые полосатые майки. «Броуновское движение молекул», — мысленно усмехнулся Рослов.

Сам он в черной футболке вратаря стоял, прислонившись к штанге и не тревожась за судьбу открытых ворот, — вся игра шла далеко впереди на штрафной площадке противника. Атаковала команда Рослова — белые футболки с прописной «Е» на груди: именно с этой буквы и начиналось английское слово «ист» — «восток». Даже защитники передвинулись к центру поля, стараясь предугадать направление мяча в случае ответной прострельной подачи и разрушить вовремя контратаку противника. Но полосатым футболкам с латинским «дубль

вэ» на груди было не до контратаки: они едва успевали отбить мяч, посылая его без адреса то под ноги атакующих, то за боковую линию поля, откуда он снова возвращался в эпицентр урагана, бушующего у ворот «Вест-Европы».

Рослов был не новичок на футбольном поле. В юности он стоял в воротах институтской команды, потом играл в спартаковском «дубле» и даже один сезон в основной команде; играл удачно, темпераментно, точно, и тренеры уже присматривались к «наследнику Яшина», угадывая в нем будущую вратарскую знаменитость. Но знаменитостью на зеленом поле Рослов не стал: на тренировке повредил колено, несколько месяцев провалялся в больницах, потерял два сезона и на поле уже не вернулся, поняв, что нельзя делить жизнь между наукой и спортом — и то и другое требовали полной отдачи.

Но сейчас Рослов на поле не был Рословым-юношей, Рословым-футболистом. Он не переживал эпизод из своего прошлого, помолодев по воле Селесты на добрый десяток лет. Он был кем-то другим, для которого футбол был и профессией и жизнью. Вернее, в нем жили сейчас два человека, два спортсмена: один из фильма, который он видел вчера в «Спортпаласе» и о котором говорил Яне и Шпагину, другой откуда-то из реально существующего и почему-то известного Селесте футбольного клуба. Эта двойственность причудливо раскрывалась и в характере самого матча, в котором он сейчас принимал участие. По первому впечатлению он как будто трансплантировался из кинофильма, даже название сохранил: «Ист-Европа» против «Вест-Европы», матч двух сборных, двух скорее политических, чем географических лагерей. Вратаря, которого заместил Рослов, в фильме играл известный французский киноактер Ален Делон, играл умно, эффектно, но не очень профессионально «вратарски», что и подметил соображавший в футболе Рослов. Герой Алена Делона не поглотил его целиком, но как-то вошел в него: Рослов знал его биографию, его тревоги и радости, знал, что где-то на трибунах сейчас сидит любимая и ненавидящая его героиня, и ему тоже, как и в фильме, хотелось покрасоваться и пококотничать с мячом на вратарской площадке. Рослов знал и то, что должен умереть на последних минутах от

разрыва аорты, не выдержавшей сверхнапряжения, вызванного смещением алкоголя, страха и допинга; но его почему-то это не беспокоило: знал ведь он, а не герой фильма. Да и вел он себя на поле иначе, и самый матч складывался иначе, чем в фильме, по-другому выглядели команды, по-другому играли и если повторяли какой-то матч, то уж совсем не тот, какой Рослов видел вчера на экране.

И этот другой матч, в котором он тоже играл в черной вратарской футболке, он знал, только не восстанавливались в памяти ни имя города, где происходила встреча, ни названия участвовавших в этой встрече команд. Да и своего вратарского имени Рослов не помнил, только знал, что он молод, говорит по-английски и находится в расцвете профессионального опыта и таланта. Селеста подарил ему две жизни: одну искусственную, созданную кинематографом, другую подлинную, восстановленную по образцу, известному Селесте и где-то им записанному.

Но в рословской черной футболке дышал, двигался и думал еще и третий Рослов — математик и кибернетик, судьба которого неожиданно перепутала его пути, перебросив из Москвы в Нью-Йорк, а оттуда на коралловый риф, где открылось миру чудо, недоступное никакому научному знанию. Этот подлинный Рослов все видел как бы со стороны, все подмечал и анализировал — и то, что происходило вокруг, и то, что скрывалось в нем или, вернее, в двух его дополнительных жизнях, впитавших чужой ему азарт игрока и наслаждение спортивным счастьем.

Самое любопытное и, пожалуй, самое смешное было в том, что Рослов всех или почти всех игроков знал в лицо и даже по имени, а с некоторыми уже успел познакомиться. И это были не герои фильма и не профессиональные игроки, выхваченные Селестой из какого-то одному ему ведомого футбольного матча, а члены международной научной инспекции, прибывшие вместе на коралловый риф и только что наслаждавшиеся свежим океанским бризом, виски со льдом и сэндвичами вприкуску с американским имбирным пивом.

— Один — ноль ведет «Ист-Европа» против «Вест-Европы». Один — ноль. До конца второго тайма осталось двадцать четыре минуты, — повис над полем многорупорно усиленный голос диктора.

Шпагина-биолога не было, а полностью подавивший его Шпагин-игрок шел вразвалочку к центру поля, окруженный друзьями в белых футболках, обнимавшими и целовавшими его, как любимую женщину. Так всегда на футбольном поле. Радость выплескивается наружу в едином душевном порыве.

«Спасибо, Семен! Молодец, Семка!» — сказали бы ему товарищи, если бы игра проходила в Москве в Лужниках. Но что говорили ему здесь, Шпагин-биолог не слышал, а Шпагин-игрок думал лишь об одном: еще гол! Еще один гол в ближайшие же минуты, пока «полосатые» не оправились от шока и не ответили шквалом атак. Еще гол... Гол, гол, гол!

Но что это? Свисток судьи, оглушительный рев трибун, и герр Баумгольц, каким-то чудом помолодевший и статный в своей черной судейской форме, решительно забирает мяч, тихо выкатившийся из ворот, и ставит его в трех метрах от штрафной площадки Биллинджера. Гол не засчитан.

— Офсайда не было, не было! — крикнул Шпагин-игрок.

— Еще одно слово, и я удалю вас с поля, — процедил сквозь зубы герр Баумгольц. Процедил по-немецки.

Шпагин-биолог сразу понял, а Шпагин-игрок если и не понял предупреждения, то понял жест. Недвусмысленный жест, означающий только одно: с судьей не спорят.

Гол, не засчитанный судьей, окрылил «полосатых». Пружина их развернулась по всей длине поля, не сжимаясь далее центра, и каждый ее разворот бил по вратарской площадке Рослова. «Полосатые» наступали тремя форвардами — Бертини, Спенсом и Чаррелом, понимающими друг друга с полувзгляда по наклону корпуса, по диагонали смещения, по маневренности, обещающей, как всегда, своевременную и точную передачу. Рослов уже не жил раздвоенным, принадлежащим разным людям сознанием. Селеста не повторялся. В каждом своем «мираже» он по-новому вторгался в сознание объекта. Сейчас Рослов-математик не успевал размышлять над поведением Рослова-игрока, мир его сузился до пределов крохотной вратарской площадки, по которой били шквалы атак, а мысль вратаря экстра-класса не отделялась от мяча, чертившего хитрые кривые, и каждый раз

движение тела в черной футболке разрушало стройность геометрической фигуры, намеченной мыслью и ударом противника.

Два мяча Рослов взял легко, но с той легкостью, какая доступна лишь вратарю-виртуозу и о какой он даже не помышлял в спартаковском «дубле». От двух верных голов, когда он неудачно сыграл на выходах и мяч по непостижимой прихоти игры очутился позади него у открытых ворот, от этих почти неминуемых голов спасли его защитники, отразившие удар, но даже вздохнуть облегченно Рослову было некогда: шквал атак «полосатых» не ослабевал ни на секунду. Ни одной контратаки не позволил он «Ист-Европе», ни один пас, перехваченный белыми майками, не достиг цели.

— Один — ноль, — повторял диктор стадиона, — все еще ведет «Ист-Европа». До конца тайма осталось восемь минут.

«Все еще ведем, хотя команда полностью прижата к своим воротам», — подумал Рослов-математик и мысленно сравнил происходящее со снятым в кино. Ничего общего. Вероятно, игра так же мало напоминала и матч, из которого Селеста извлек своих игроков. Воспроизведя основу, он позволил ей развиваться своими путями, и мираж не повторял ничего записанного ни в фильме, ни в жизни — он творил свое, не предусмотренное никакими аналогиями и закономерностями. Бывает, что судья ошибается, назначая пенальти, но у опытного арбитра, да еще в международном матче, такие ошибки редкость. Требуется мужество и решительность, а главное, непреклонная уверенность в своей правоте, чтобы назначить этот удар без защитников, одиннадцатиметровый штрафной удар. У Баумгольца не было уверенности в своей правоте, да он и не нуждался в такой уверенности. Искренне огорченный безрезультатностью атак черно-желтых, он только ждал случая, чтобы этот результат вырвать. И случай представился. Лакемайнен грудью отбил удар Чаррела, и свисток судьи остановил игру.

— Рука, — сказал Баумголец, указав на Лакемайнена, и положил мяч на одиннадцатиметровую отметку.

Рослов-математик успел заметить еще одну недопустимую судейскую выходку. Баумголец словно невзначай постучал пальцами по стеклу ручных часов. Жест пред-

назначался приготавливавшемуся к удару Бертини и мог означать только одно: «До конца остались считанные минуты, не торопись, рассчитай удар». Больше уже Рослов не думал: двое в нем слились в одно целое, в один комок нервов, в одно напряжение мускулов, мысли и воли — угадать, не пропустить. Рев стадиона вдруг умолк, звук исчез, как в телевизоре, когда поворачиваешь тумблер, и только цветные тени беззвучно бесновались на трибунах. Да трибун, в сущности, Рослов и не видел, он не отрывался от смуглого, похожего на грузина Бертини, с которым познакомился на нью-йоркском симпозиуме и которого знал до этого как автора любопытной работы о путях формирования логической мысли у человека. Сейчас Бертини, вероятно, забыл о ней начисто, в нем, как и в Рослове, жил какой-нибудь Фьери, или Чизетти, или еще одна «звезда» из «Интера» или «Милана» с такой же певучей итальянской фамилией. Неторопливо, должно быть точно рассчитав все движения вплоть до решающего удара, Бертини побежал к пятнистому мячу, застывшему на одиннадцатиметровой отметке. Время текло почти ощутимо, как в замедленной съемке. Бертини не бежал, а приближался такими элегантными балетными па и, чуть-чуть перекинув корпус справа налево, уже собирался ударить. «Готовится пробить правой в левый угол, рассчитывает, что я не поверил и метнусь вправо, а он ударит, как и задумал», — мысленно подсчитал Рослов и одновременно с ударом Бертини прыгнул по диагонали влево. Выброшенные руки стиснули мяч почти под балочкой. Еще мгновение, и Рослов, ускользнув от набежавшего Чаррела, выбросил мяч защитнику. Звук включился — стадион содрогался от аплодисментов. «А ведь это английский стадион», — подумал снова отключившийся Рослов-математик: он вдруг впервые за полтора часа разглядел английских полисменов у английских реклам на бортиках, окаймлявших зеленое поле. «Должно быть, лондонский или манчестерский. Интересно, откуда с такой точностью воспроизвел Селеста эти картинки?»

Еще секунда отдыха, пляска мяча в центре поля, завершенная новой параболой к штрафной площадке «белых», и, наконец, грустный свисток и нехотя, с явным неудовольствием поднятые вверх руки судьи. Матч окончен. И снова погас звук, а на зеленое поле и умолкший

амфитеатр трибун медленным наплывом надвинулась все поглотившая синь океана и парусиновый тент над белым коралловым рифом.

Все по-прежнему сидели за столиками с пустыми и полными бокалами, недоеденными сандвичами и жестянками с пивом, извлеченными из размагниченной кучи. Сидели тесно вокруг Крейгера, по-прежнему неподвижного и похожего на Будду, усевшегося на европейский стул. Ветреная морская прохлада оставляла на губах привкус горькой, слабительной соли. Как после ночного кошмара, никак не удавалось стряхнуть сковавшее разум оцепенение.

— Так не бывает, — вдруг сказал кто-то.

Рослов спрятал понимающую улыбку:

— Почему?

— Потому что это бред. Наркоз. Сумасшествие. Я еще ни разу в жизни не ударил ногой по мячу.

Несогласованный хор пропел: «...И я!»

— Кстати, у нас в Калифорнии вообще не играют в европейский футбол, — сказал Чаррел. — А у меня почему-то все получалось.

— И как получалось! — вспомнил Рослов. — Я еле взял ваш мяч со штрафного.

— А мой? — подмигнул Бертини. — Я был почти уверен, что обману — не угадаете направления. Не вышло.

— А вы убеждены, что били по воротам именно вы, Джузеппе Бертини?

— Не совсем. Иногда мне казалось, что вместо меня играет кто-то другой.

— Я знал это точно, — сказал Пуассон, — все время знал, только не мог ничего скорректировать. Он корректировал за меня. А я, как дух Божий, витал над полем.

— Не врите!

Это произнес хладнокровно и уверенно очнувшийся Будда — Крейгер, о котором все уже успели забыть.

— Не врите, — повторил он своим, а не деревянным голосом ретранслятора. — Духом Божьим был я, а не вы. Это я витал над полем, а всех вас подключил к игрокам матча на межконтинентальный кубок между «Сантосом» и «Арсеналом» в прошлом году. А политическое обострение спортивной ситуации взял из фильма «Смерть на футбольном поле», который снял с рецепторов Рослова. Далее все развивалось как саморегулирующаяся система,

точно передающая информацию о поведении игрока на поле и зрителей на трибунах. Мне как раз ее не хватало.

— Почему вам? — сердито спросил Мак-Кэрри.

— Потому что я был Богом, всемогущим и всеведущим.

— Глупости, Крейгер, — оборвал его Мак-Кэрри. — Сейчас вы вообще не помните, что могли и что ведали. А тогда могли, да и то не так много. Фильм видели глазами Рослова, а игроков и обстановку записали с прошлогодних телевизионных экранов, газетных отчетов и впечатлений волновавшихся тренеров. А игре предоставили стихийное самостоятельное развитие. И учтите: не вы, а Селеста. Он только подключил вас к себе. Воспользовался вашими и нашими нейронами, чтобы профильтровать через них необходимую ему информацию.

— Сэр Сайрус — романтик, — послышался смешок Баумгольца, — а я — неисправимый реалист. Почему не предположить, что мы все находились в состоянии некоего извне управляемого гипносна?

— Кто же управлял вашим судейством, герр Баумгольц? — ехидно спросил Шпагин, подмигнув Рослову. — Может быть, ваши политические симпатии? Тогда при чем здесь «гипно»?

Громовой бас Джона Телиски оборвал дискуссию:

— Стоп! Мы не футболисты и не спортивные комментаторы. Установлено главное — феномен Селесты. Есть неверующие?

Ни один голос не откликнулся, промолчал даже неговорчивый Баумгольц.

— Тогда сформулируем заключительное коммюнике, приняв за основу меморандум Мак-Кэрри.

— Здесь?

— Конечно. О хозяине дома следует говорить только в его присутствии.

Глава 21

БУМ ВОКРУГ СМАЙЛИ

Эхо открытия на Бермудах, несмотря на всю его сенсационность, было не слишком громким. «Сенсации не живут долго. Их надо замораживать или подогревать», — сказал Генри Менкен, один из американских газетных

философов, в начале тридцатых годов. Будущее его не опровергло. Ко времени прибытия в Гамильтон инспекционной комиссии ЮНЕСКО о Невидимке с поэтическим именем Селеста писали не больше, чем о летающих тарелках или о снежном человеке. Только мыло «Селеста», сигареты «Селеста» да туалетная бумага под тем же девизом еще доносили эхо открытия до забывающей его публики.

Обращение комиссии ко всем правительствам и научным организациям мира вернуло сенсацию на газетные полосы и телеэкраны. Состоялись экстренные заседания кабинетов министров и дебаты в парламентах, обсуждавшие проблему возможных ассигнований, хотя необходимость в чудо-информации и связанных с ним проектах все еще ставилась под сомнение. Только социалистические страны единодушно согласились с проектом «Селеста-7000», объединившим и непосредственное изучение феномена, и практическое использование его в целях научного прогресса. На Западе же этим проектом по-настоящему заинтересовались только в научных кругах, да и то находились умы, высказывания которых мало чем отличались от печально знаменитого: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

Соотечественник Баумгольца профессор Крамер из Мюнхена пошел даже дальше своего коллеги. Он прямо заявил одному из газетных корреспондентов, что «не верит в супермозг, состоящий из молекул воздуха».

— Но это не молекулы воздуха, профессор, — возразил журналист. — Это какой-то новый вид энергии, пока еще незнакомый нашей науке.

— Энергия, не зафиксированная приборами? Чушь!

— Вы ошибаетесь, профессор. Магнитные явления на острове были зафиксированы приборами инспекционной комиссии ЮНЕСКО.

— Я не участвовал в этой комиссии.

— Но вас приглашали участвовать, профессор.

— Милый юноша, — покровительственно усмехнулся Крамер (именно в таких выражениях и заключил свое интервью газетный корреспондент), — если завтра кто-то отыщет черта, который взмахом хвоста зашкаливает амперметр, я все равно не поеду проверять его существование. Даже если этот черт обнаружится в моем университете

Пресса возвращалась к сенсации тоже по-разному. В одних газетах размышляли серьезно, в чем-то сомневались, что-то оспаривали, в других просто развлекались по фельетонному легкомысленно и невежливо. Мысль об «информативном феномене» вытеснялась предположениями о «загадочном бермудском гипнотизере» или даже об электронной машине, запрограммированной на массовый гипнозэффект, вроде пресловутого футбольного матча «Ист-Европа» против «Вест-Европы». Этот матч, по сути дела, заслонил все, что можно и нужно было сказать о Селесте. Газетчики перепевали эпизоды сенсационного матча, печатали фотографии «ученых-футболистов», а ЭВМ Принстонского университета решала задачи вроде таких: взял бы или не взял Рослов пенальти, пробитый Эйсебио или Пеле?

Словом, мир жил своей жизнью, привычной и размеренной. Выборы «Мисс Селесты» на Ривьере были ничуть не важнее очередных автогонок Большого приза, а обошедшая все мюзик-холлы песенка «Скажи, Селеста, кто меня любит крепче?» в исполнении битлсов уже не могла конкурировать с их новым шлягером «Час любви». Миф о Селесте был только красивым газетным мифом, и обыватель, идущий в кино на супергигант «007 против Селесты», не задумывался о проблемах создания международного информария. Да и стоило ли ломать голову над чем-то далеким и непонятным, что, может быть, даже и вовсе не существует, а просто придумано кучкой сумасшедших ученых?

В эти дни Смайли находился в Нью-Йорке. Средства, уже полученные от научных организаций социалистических стран, пожертвования, собранные Мак-Кэрри среди ученых, и собственные деньги, изъятые им со своего текущего счета, позволили будущему директору-администратору начать организационно-подготовительные работы к проекту «Селеста-7000». Реплика, вырвавшаяся у кого-то из членов инспекционной комиссии, стала названием научного института, над созданием которого уже трудились энтузиасты-ученые двух континентов.

С утра до вечера Смайли разъезжал по городу, висел на телефонах, требовал, умолял и угрожал, приобретал строительные материалы и оборудование, принимал и обсуждал проекты и прожекты — серьезные и нелепые,

ругался с поставщиками и торговыми агентами. С утра до вечера в холле гостиницы, где он остановился, его кто-нибудь ожидал, и многие получали раздраженный ответ от портье: «Мистера Смайли сегодня не будет», «Мистер Смайли на совещании в строительной конторе «Хейни и Робинзон», «Мистер Смайли отдыхает». Словом, происходила обычная круговерть вокруг нового предприятия, которое сулило деньги, требовало денег и нуждалось в деньгах и которое кто-то из газетчиков метко назвал «бумом вокруг Смайли».

Смайли не любил гласности. При виде репортера или фотографа он скрывался в номере или пытался сбежать через служебный ход отеля, остановить проходящее мимо такси и удрать в неизвестном направлении. Иногда это ему удавалось, но чаще репортеры настигали беглеца, и тогда в газетах появлялись интригующие снимки, подписанные: «Наш корреспондент атакует генерального менеджера будущего института «Селеста-7000», и сопровождаемые лаконичным, но доходчивым диалогом:

«Что вы делаете в Нью-Йорке, мистер Смайли?»

«Наслаждаюсь заслуженным отдыхом, джентльмены».

«Строительные фирмы помогают вам отдыхать?»

«Они помогают мне строить отель с рестораном и баром».

«Где?»

«Строительная площадка еще не выбрана».

«Говорят, социалистические страны заинтересовались проектом «Селеста-7000»?»

«Об этом было в газетах, друзья. Вы невнимательно читаете статьи своих коллег».

«Сколько выделили Советы на осуществление проекта?»

«Спросите об этом в Совете Экономической Взаимопомощи. Там вам назовут точную цифру».

«Что вы собираетесь построить на острове?»

«Спортивный комплекс для будущих Олимпийских игр».

«А если серьезно?»

«С каких это пор вашу газету стали интересовать серьезные вещи?»

«Вы шутник, Смайли».

«Так берите меня на работу в отдел юмора».

Диалог варьировался, но во всех вариантах на примерно те же вопросы Смайли давал примерно те же ответы, в конце концов вынудившие репортеров оставить его в покое, а он по-прежнему продолжал свою деловую суетню, от которой, по собственному признанию, терял в весе ежедневно два фунта.

Ужинал он всегда в одном и том же тихом ресторанчике на Сорок пятой улице, куда редко заглядывал шумный сброд с Сорок второй или с Бродвея. Здесь его уже знали, и двухместный столик у окна перед эстрадой Смайли справедливо считал «своим». Поэтому он был неприятно удивлен, когда однажды, войдя в ресторан, увидел за «своим» столиком широкоплечего субъекта в синем пиджаке. Недовольство Смайли усилилось, когда он, подойдя ближе, узнал «оккупанта». Был он натурализовавшимся итальянцем, звали его Джино, и старое знакомство с ним приятных воспоминаний не вызывало.

А Джино, сделав вид, что не заметил неприязненной мины Смайли, расплылся в масляной улыбке.

— Привет, Смайли. Узнал все-таки? Так организуем встречу старых друзей. Выпивка уже дожидается.

Смайли медленно подвигался к столику, торопливо соображая, как ему вести себя с незванным и неприятным гостем. Что ему надо? Казалось, они давно забыли и Смайли, и дело, случайно связавшее их, так нет — вспомнили! Значит, что-то опять понадобилось. Интересно, что?

— Следили за мной? — спросил он сквозь зубы.

— Зачем? Ты же у всех на виду. Каждая собака укажет, где тебя найти.

Смайли решил не терять времени:

— Выкладывай, зачем пришел.

— А ты, оказывается, ничуть не изменился, Боб. Вежливые люди так разговор не ведут. Вежливые люди говорят: «Здравствуй, Джино. Как поживаешь, Джино? Рад тебя видеть, Джино».

— А меня совсем не интересуется, как ты поживаешь, и я вовсе не рад тебя видеть.

— Напрасно, — сказал Джино, потягивая холодный «чинзано», — могу сообщить тебе нечто приятное.

— Что именно?

— Привет от шефа.

— Ответа не будет.

Джино даже не поморщился и продолжал, как будто его совсем не задевали резкость и неприязнь Смайли.

— Зная обидчивый характер шефа, ты, думаю, изменишь свое опрометчивое и, я бы сказал, скоропалительное решение. Не стоит обижать старика. Невежливо и опасно. Когда он узнал, что ты в Нью-Йорке, он обрадовался, как бамбино. Вызвал меня и сказал со слезами в голосе: «Найди Смайли и расскажи ему, что я люблю его и никогда не забуду услугу, какую он оказал нам в шестьдесят шестом». Интерпол до сих пор ломает голову над загадочным исчезновением некоего груза, который назовем грузом «икс». Ты же знаешь, Боб, какая память у шефа.

Смайли еле сдерживался. Больше всего ему хотелось схватить Джино за шиворот и, вклепив хорошую оплеуху, вышвырнуть за дверь. Но он понимал, что оплеухой от итальянца не отделаешься. Он здесь не по своей инициативе. И Смайли понадобился шефу не для лирических воспоминаний о злосчастном случае, когда Смайли неосторожно соприкоснулся с грязной аферой шайки, о которой он до тех пор не имел никакого понятия. От дальнейших «соприкосновений» ему удалось отделаться, но о нем не забыли, а сейчас вспомнили. Зачем?

— Слишком много болтаешь, — сказал он хитренько улыбающемуся итальянцу. — Удивляюсь, как это ты еще жив с таким языком. На месте шефа я бы давно убрал болтуна.

Но и на «болтуна» Джино ничуть не обиделся.

— Поедем-ка лучше ко мне. Там и поболтаем без взаимных упреков и без лишних свидетелей.

— Ну нет, — возразил Смайли, — я пришел поужинать и никуда не уйду. Не нравится? Так можешь убраться на все четыре стороны!

После этого Смайли, демонстративно не обращая внимания на собеседника, заказал ужин, молниеносно получил его и приступил к трапезе. Джино молча наблюдал за ним, потом сказал:

— Ты клоун, Смайли. Но я тебя прощаю. Шеф хочет знать, когда ты вернешься на остров.

— Зачем это ему нужно?

— У нас, Боб, не принято задавать вопросов старшим. Сам знаешь.

«Соврать или сказать правду?» — прикинул Смайли и решил, что врать не стоит: они все равно узнают об отъезде.

— Как только управлюсь с делами.

— А точнее?

— Где-нибудь на той неделе.

— Поедешь в Гамильтон или прямо на остров?

— Конечно, в Гамильтон. На острове пока делать нечего. Это голый коралловый риф. А почему тебя это интересует?

Итальянец помолчал, попыхивая сигаретой. Было видно, что он никак не решается задать свой главный вопрос, из-за которого он и прибыл сюда от шефа. Оглянулся, придвинулся ближе к Смайли и сказал почти шепотом:

— Однажды ты нам здорово помог, Боб. Так почему бы тебе не помочь нам вторично?

— В чем?

— Шефу нужен Селеста.

Смайли изумленно присвистнул. Меньше всего он ожидал такого ответа.

— Только-то! — воскликнул он. — Шеф будет брать его целиком или нарезать дольками?

— Не паясничай. Шеф хочет поговорить с Селестой.

— Ну а я при чем? Обращайтесь во Временный комитет, к Рослову или Барнсу.

— Боюсь, что в комитете нас превратно поймут, — замылся Джино. — Да и зачем привлекать лишних свидетелей? Короче, сколько ты хочешь?

— За что?

— Ты отвезешь нас на остров и задашь Селесте несколько вопросов. А нам передашь его ответы. Вот и всё.

— Каких вопросов?

— Понятия не имею. Чем позже мы о них узнаем, тем лучше для нас. Меньше шансов проболтаться. Понятно?

— Понятно, — сказал Смайли.

Потом он пожалел, что поспешил. Надо было прикинуться простачком и выведать у Джино побольше подробностей. Правда, вероятно, знал он немного, но даже это небольшое позволило бы Корнхиллу помешать этой шайке. Но в ресторане Смайли не подумал об этом. Он с трудом сдерживался.

— Ты ждешь ответа? — медленно проговорил он, с трудом подбирая слова. — Вот он. Пусть твой шеф за-

будет о том, что существует Селеста. Это чудо не для аферистов и мошенников. А если он все-таки сунется, у нас всегда найдется для него пара наручников. Гарантирую от имени Корнхилла. Так и передай. А теперь убирайся!

Итальянец лениво поднялся, неторопливо потушил сигарету и, улыбнувшись, спросил:

— А ты не боишься, что карьера директора может вдруг оборваться раньше, чем ты рассчитывал?

Терпение Смайли не выдержало перегрузки. Итальянец стоял очень удобно: руки в карманах, пиджак растегнут — монумент, не человек. И Смайли точно и сильно ударил монумент в солнечное сплетение. Джино не ожидал нападения. Охнул, согнулся, невольно подставив под удар подбородок, и Смайли тут же воспользовался этой любезностью. Итальянец медленно повернулся на каблуках и тяжело грохнулся на пол. Впрочем, он тут же очнулся, но драться не стал и даже помог Смайли не очень-то любезно вывести себя на улицу мимо равнодушных официантов и заученно-вежливого швейцара. Остановив проходящее такси, Смайли втолкнул по-прежнему молчащего Джино на заднее сиденье машины и сказал шоферу:

— В аэропорт. Рейсовый в Лос-Анджелес через двадцать минут. Успеете.

— Пожалеешь, старик, — только и сказал Джино.

Но Смайли не испугался угрозы, зная, что тот просто не успеет привести ее в исполнение. Сегодня он более или менее оправится от шока, переночует в Лос-Анджелесе, а оттуда на автомашине прикатит в Санта-Барбару на виллу шефа. Два дня у них уйдут на разговоры и планы отмщения, а может быть, шеф придумает новый вариант встречи с Селестой. Тем временем Смайли уже будет дома, на Бермудах. А там пусть попробуют за ним поохотиться: Гамильтон не Манхэттен, не Сентрал-парк и не Сорок пятая улица. Авто, сбивающее вас прямо на тротуаре, выстрел из-за угла или пластиковая бомба, заложенная в радиатор вашей машины, — все эти модернубийства для здешних курортов не характерны. Да и Корнхилл, заинтересованный в благополучном здравии директора-администратора, дремать не будет. Конечно, опасность всегда опасность, но Смайли не был трусом.

Расчет его оказался верным. Никто не помешал ему в срок закончить все дела и благополучно снизиться на аэродроме Майн-Айленда. Здесь его встретил меланхолично настроенный Рослов, поведавший ему местные сплетни и новости попеременно с жалобами на вынужденное бездействие.

— Мак-Кэрри торчит в Лондоне. Волынка с институтом все еще тянется. Строительная площадка за городом уже найдена, но владелец земли требует расплаты только наличными. Средства продолжают поступать, но пока не решится вопрос в ООН о международном руководстве института и о характере его деятельности, проблема финансовой базы все еще остается проблемой. Предприимчивые люди уже потихоньку начинают скупать земельные участки вокруг территории будущего института. Поговаривают, что к этому приложили руки Корнхилл и Барнс, но те многозначительно темнят или отнекиваются. Вокруг нашего рифа — суетня: шуруют на воде и под водой магнитологи и метеорологи, яхтсмены и аквалангисты. Любопытных бездельников разгоняют патрули Корнхилла, а осевшие здесь кое-какие члены бывшей инспекционной комиссии что-то записывают. От контактов с Селестой предложено пока воздержаться, следовательно, нам делать нечего. Я уже сто раз просился домой — не пускают. Говорят, нужен человечеству. А я хочу, кроме того, быть нужным только одному человеку, но этот человек намерен прочно связать свою научную судьбу с Невидимкой. Ну не к Селесте же ревновать — вот и терплю. Жду помаленьку. В общем, скучно. Хоть бы ты чем повеселил.

— Повеселю, — пообещал Смайли.

Уже вечером в своем кабинете под неоновой надписью снаружи и с огромным глобусом-баром внутри Смайли рассказал Рослову о недавнем нью-йоркском приключении.

Как он и ожидал, Рослов заинтересовался.

— Почему они обратились именно к тебе?

— Был один случай... — замялся Смайли.

— Не виляй, может быть, дело серьезнее, чем ты думаешь.

Путаясь и запинаясь, — видно было, что воспоминания не доставляют ему радости, — Смайли поведал Рослову историю своего знакомства с неким деятелем, ко-

того его приближенные почтительно именовали шефом. Смайли только начинал свой кладоискательский бизнес. Тогда-то в одном из фешенебельных клубов Майами он и познакомился с рослым мужчиной с фигурой борца и голосом полкового командира. Тот сразу же продемонстрировал свою симпатию к начинающему бизнесмену, проиграл ему несколько партий на бильярде и в заключение попросил об одном одолжении.

— Я улетал тогда в Мехико, где меня ждали клиенты — два богатых молодчика, которых мне удалось заинтересовать перспективой поисков клада на одном из необитаемых островков в Карибском бассейне. Багажа у меня почти не было. Вот шеф и попросил меня отвезти в Мехико небольшой чемодан — «кое-какие сувениры для друзей из Акапулько. Один из них вас встретит в аэропорту». Я по дурацости согласился, получил чемодан и передал его встретившему меня итальянцу. Это и был Джино. Вечером он навестил меня в отеле на правах нового знакомого и передал мне пачку сотенных и записку от шефа: спасибо, мол, за услугу, вы перевезли очень ценные бумаги, которые не хотелось доверять почте, а я, как бизнесмен бизнесмену, выражаю свою благодарность по-деловому. Естественно, я заподозрил неладное и вернул деньги Джино. А он ухмыльнулся и таким шепотком на ухо: возьми, мол, или не возьми, а дело сделано — бумаги эти помогли ускользнуть грузу, за которым уже несколько месяцев безрезультатно охотятся ищейки Штатов и Мексики.

— Почему же ты не обратился в полицию? — спросил Рослов.

— С жалобой на себя? Меня бы и взяли, как раскавшегося участника операции.

— Ну а финал?

— Деньги, наверное, присвоил Джино, а от меня теперь требуют вторичной «услуги».

— Кто же этот таинственный «шеф»?

— Джошуа Игер-Райт. Мультимиллионер. Неофициально его называют Трэси. Это — игорные дома в Рено и урановые прииски в Африке, контрабандная торговля алмазами и страховой «рэкет». Специальностей много. Только зачем ему Селеста? И о чем вопросы?

— Вероятно, ему нужна информация, какую нельзя добыть легальным путем.

— Значит, надо усилить охрану острова. Пусть Корнхилл пошлет дополнительный патрульный катер. Хорошо бы также наладить с островом вертолетную связь. Ты бы поговорил с Селестой.

— Почему я?

— С тобой он охотней общается.

— Глупости, — сказал Рослов. — Ему нужен только взаимный информативный обмен.

Глава 22

РОСЛОВ ВТОРГАЕТСЯ В «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК»

Сообщение Смайли не слишком встревожило Рослова. Не встревожило оно и членов Временного комитета по контактам с Селестой. Контакты пока не поощрялись, а комитет, созданный до начала работ спешно организуемого Международного института ЮНЕСКО, действовал скорее как плотина против праздного любопытства сразу же наводнивших Бермуды туристов. Да и собирался он не часто и не в полном составе не потому, что важных дел не было, а так уж сложились обстоятельства. Директор-администратор ездил, проектировал и строил, Мак-Кэрри и Бревер дирижировали своими научными оркестрами — один из Англии, другой из США, а выделенные инспекционной комиссией Домбош и Крейгер целыми днями пропадали, шныряя вокруг «белого острова» на воде и под водой с аквалангами, исследуя загадки его аномалий. Шпагин срочно вылетел в Москву, вызванный командировавшим его институтом, а Янина выклянула неделю для поездки в Варшаву повидаться с родителями. Кроме Смайли и Рослова, в комитете оставались только Барнс и Корнхилл, выбранные по локальному принципу из уважения к земле, на которой открылось бермудское чудо. Пользы от них не было никакой. Барнс желчно критиковал всё и вся, втайне недовольный и своим незавидным положением в комитете, и растущим ажиотажем, превратившим хотя и модный, но благопристойный английский курорт в сумасшедшую международную ярмарку, а Корнхилл помалкивал, только выжидая случая потребовать свой куртаж, когда в нем будут нуждаться.

Он был единственным, кто насторожился, когда Смайли в присутствии Рослова рассказал о своей встрече в Нью-Йорке.

— Придется строить казарму, — сказал он, помолчав. Смайли не понял.

— На «белом острове», — пояснил Корнхилл.

На коралловом рифе к этому времени вместо кафе под тентом были возведены павильон с довольно вместительным залом для переговоров с Селестой, кабины для стенографических и магнитофонных записей и радиорубка. Дежурный на острове мог в любую минуту связаться с рацией в полицейском управлении Гамильтона.

До Смайли дошла наконец мысль Корнхилла.

— Вы считаете необходимым поставить охрану? — спросил он.

— Не только. Надо создавать собственную полицию. Я могу послать трех, от силы четырех полицейских. Но может случиться, что нам понадобится сотня. База здесь, в Гамильтоне. На острове круглосуточное дежурство. Собственные патрульно-сторожевые суда. Круговая оборона бухты, спаренные пулеметы, может быть даже орудия. Не исключаю необходимость и ракетной установки, скажем, «земля — воздух», и специальной электрозащиты от аквалангистов.

— Кого вы собираетесь защищать, Корнхилл? — вмешался Рослов. — Селесту? Едва ли ему понадобятся ваши ракеты. Он обойдется своими средствами.

— Я защищаю не Селесту, а коралловый риф.

— От кого?

— Вы слышали рассказ Смайли. По-моему, он назвал Игер-Райта?

— Ну и что?

— Вы недооцениваете Трэси. Он может при желании захватить и Майн-Айленд с его столицей. Только это неразумно и чревато международными осложнениями. А Трэси работает тихо и безнаказанно. Похитить любого из вас и перебросить на остров для переговоров с Селестой для него проще, чем написать письмо без ошибок. И разве остановят его патрульный катер и трое полицейских на острове?

— Вы сказали — четверо, Корнхилл, — напомнил Смайли.

— От силы, мой друг, от силы, — насмешливо подчеркнул Корнхилл. — Моих полицейских даже в городе не хватает. Число туристов удвоилось. А число прибывших с ними карманников и шулеров, шантажистов и притонодержателей? Создавайте свою полицию, Смайли, и берите меня начальником.

— С удвоенным жалованьем? — пошутил Смайли.

— А может быть, и без жалованья. Вдруг вы подарите мне свою «Альгамбру», которую почти что купили? А вдруг я и сам построю такую? Кто знает? Предвижу золотую лихорадку, старый разбойник, и не сомневаюсь, что вовремя поставлю заявочный столб...

— На что он намекал? — спросил Рослов у Барнса, встретив того за обедом.

— Он вам объяснил?

— Нет.

— А вы настолько наивны, что сами не можете сделать необходимых выводов?

— Из контактов с Селестой?

Смешок.

— Вот именно. Когда они станут объектом не только научного интереса. Когда поставленные цели не ограничатся открытием нового элемента или природы шаровой молнии.

— Вы подразумеваете промышленный шпионаж?

Барнс ответил с желчной гримасой:

— Я подразумеваю все. Наследники дяди-миллионера захотят знать содержание его завещания. Министр — любовную переписку своей жены. Военная разведка — посольскую документацию. Иностранное посольство — секреты военной разведки. Промышленные концерны, синдикаты гангстеров, патентные бюро, маклерские конторы, Уолл-стрит и Сити — все станут клиентами вашего информария. А ему что — машина! Взять информацию — дать информацию. Сто битов, тысячу битов, миллион битов — ради Бога! А кому они пригодятся, эти биты, чему послужат — добру или злу? Войне или миру? Не все ли равно, скажет ваш Селеста. И грабеж — информация, и шантаж — информация, и дипломатический скандал — информация. А кто, скажите, будет контролировать переговоры с Селестой? Наш комитет? Или институт Мак-Кэрри и Бревера? Или, может быть, Совет Безопасности? А не найдутся ли лазейки для фунта

или доллара, способные потеснить прекрасноту и порядочность? Вы не задумывались над этим?

Барнс не сказал ничего нового, он только более обоснованно и разносторонне сформулировал те же предположения и опасения, какие уже высказывал Смайли. Но именно эта обоснованность и заставила Рослова глубоко задуматься над судьбой открытия. Барнс с мифическим злорадством обнажил проблемы будущих контактов с Селестой, выходящие из круга привычных интересов науки и до сих пор не беспокоившие ни их, первооткрывателей, ни организаторов нового детища ООН — международного института «Селеста-7000» Мак-Кэрри и Бревера.

Не станет ли Селеста для человечества новой атомной бомбой — ведь и о ней не думали зачинатели расщепления атомного ядра. Но из-за плеча Оппенгеймера всегда может выглянуть Теллер. Где гарантия, что подобные ему не выйдут и теперь, и позволит ли им Селеста подменить белое черным? Ведь бермудский Бог не отделяет зло от добра. Барнс прав: для него это однозначная информация.

Однозначная ли?

У себя в номере, опустевшем после отъезда Шпагина, Рослов, не глядя на часы, бродил вокруг стола и думал вслух. Он привык думать вслух, хотя это иногда и приводило к забавным недоразумениям, если в комнате он был не один. Сейчас он был один с единственным слушателем — магнитофоном; записывать свои раздумья он научился у Шпагина, всегда прибегавшего к магнитной записи, если в голову приходило что-нибудь стоящее.

Потом он перемотал пленку и снова включил запись:

«...Отбросим водные и магнитные аномалии. Они не имеют отношения к мышлению.

По той же причине отбросим и силовые поля. Это — запрограммированные реакции защиты на возможность опасности.

Отбросим и «миражи». Это разновидность методов получения информации. Метод проверки чувственных восприятий. Философские и социальные идеи, этические и моральные категории в моделированных исторических, действительных или вымышленных ситуациях. Отбросим как «не мышление».

...Это не мозг. Во всяком случае, не мозг, подобный человеческому. Следовательно, не может идти речи ни о нейронах, ни об аксонах, ни о сомах, образующих динамическую систему нервной клетки. Не приходится говорить и о структурных отделах мозга — мозжечок, полушария, кора, подкорка. В поле нашего внимания остается только энергетика мышления, его характер и специализация.

...Как возникает мысль у Селесты? Я думаю, у него нет ни сознания, ни подсознания в общепринятом научном их понимании. Следовательно, возникновение мысли не зависит от управления полем сознания и подсознания. И едва ли здесь можно говорить о физиологии, скажем о возбуждении какой-то цепочки нейронов, — скорее уж о возбуждении энергетических и радиационных полей, но мысль возникает, как выходной сигнал «черного ящика», конкретная мысль с определенным логически-информационным содержанием.

Возбуждение запрограммировано. Генератор мыслей — не что иное, как программа накопления информации, ее селекции, оценки и синтеза. Программа предусматривает и «обогащение» информации, пропущенной сквозь чувственное «сито» человека. Но и скорректированная «обогащенной» информацией мысль Селесты не обогащается творчески. Он отвечает на вопросы, спрашивает, познает, подтверждает или переосмысливает познанное. Но это не акт творчества. У Селесты нет ни озарения, ни интуиции, он не умеет строить логических продолжений информационных «находок» и беспомощен в так называемых проблемных ситуациях. Даже не очень сложные электронно-вычислительные машины могут «научиться» играть в шахматы. Селеста не может. А ведь шахматы — это приближительная модель творческого мышления человека...»

Рослов выключил магнитофон, вспомнив свои попытки сыграть с Селестой. В первый раз «мираж» столкнул его со Шпагиным в излюбленном Селестой варианте раздвоения сознания. Рослов и Шпагин играли, как два гроссмейстера, бессознательно повторяя кем-то и когда-то сделанные ходы. На каком турнире игралась эта партия и кто были ее участники, Селеста не ответил.

Во второй попытке «мираж» поставил Рослова в положение сеансера одновременной игры в явно вымышленной ситуации на фоне каких-то экзотических пальм и бананов. К нему обращались по-испански: «Прошу, маэстро», «Я хочу еще подумать, маэстро». Он кивал, понимая и соглашаясь, делал ход или проходил мимо к следующему партнеру. «Очнувшись», Рослов предложил Селесте сыграть запросто, без «миражей», на реальной доске и получил ответ: «Не умею». Он тут же подумал, что Селеста знает правила, помнит все выдающиеся труды и партии всех выдающихся шахматистов, может воспроизвести любую ситуацию в любой партии, записанной в его информарии, но самостоятельно найти решение в незнакомом ему положении не сможет. Селеста немедленно ответил: «Не смогу». — «А если, допустим, я начну партию ходом крайней пешки а или h?» — мысленно спросил Рослов. «Не знаю», — был ответ.

Рослов усмехнулся своим попыткам обнаружить в Селесте супергроссмейстера и снова включил магнитофон. Записанный его голос продолжал:

«...Значит, Барнс прав? Селеста мыслит автоматически, пассивно и безлично. Автоматизм мышления не исключает возможности отличить зло от добра, но принять ту или иную сторону может личность. А у Селесты нет личности, нет «я», нет воли, запрограммированной на что-либо, кроме селекции и накопления информации. Но Барнс проглядел эволюцию феномена. Селектор стабильной информации сам не остается стабильным. Это самопрограммирующаяся система, и все зависит от того, как меняется программа под влиянием внешних воздействий. Каждый вопрос к Селесте и каждый его ответ — это может быть мелким, ничтожным, но все же изменением программы, в котором участвует человек-партнер. Не помню кто, Янина или Шпагин, сказал, что с нашей помощью создается мировоззрение Селесты. Шутка? А может быть, неосознанное предвидение?»

Рослов выключил запись, надел куртку — на море ветрено, а он собирался совершить неотложную прогулку к «белому острову». Он не хотел терять ни минуты. Ночь? Штормит? Какая разница: Селеста не спит. Разговаривать с ним можно в любую минуту суток.

Через три часа, оставив мокрую куртку на яхте, он поднялся в павильон, построенный цирком: кресла в несколько рядов окружали пяточок манежа с единственным столиком в центре. На столике белел магнитофон, похожий на гигантскую морскую раковину. Раковина открывалась с началом записи, если откликнулся Селеста.

Отказавшись от кофе, предложенного дежурившим в соседней рубке радистом, Рослов остался один. Весь план предстоявшего разговора, который он тщательно продумал во время поездки, улетучился. Рослов молчал, как дебютант на спектакле, забывший роль. С чего начать? Может быть, с упоминания о том, что разговор очень важный и от него зависит, как сложатся в будущем контакты с Селестой.

— Я знаю, — «услышал» он беззвучный ответ.

— Давай без фокусов, — обрадовался Рослов, — без миражей и снов. Просто по-дружески, как два собеседника за чайным столом.

— Хорошо.

Рослов говорил по привычке вслух, не боясь, что его услышит радист или полисмен, дежурившие по соседству: стены «переговорной» не пропускали звуков.

— Я все время думал о твоих сигнальных системах, — сказал он, — о характере мышления. У тебя нет желания поспорить?

— Я не умею спорить. И у меня нет того, что ты называешь «желанием».

Слова Селесты возникали в мозгу, как подключенная беззвучная запись. Казалось, кто-то прямо выстукивал текст на послушных мозговых клавишах.

— У тебя есть запрограммированная воля к отбору и накоплению информации, — сформулировал свою мысль Рослов, — назовем ее желанием. Есть и способность отличать великое от малого, здоровое от больного, перспективное от исчерпавшего себя. В чем критерий отбора?

— В интенсивности волн, посылаемых скоплением мыслей, создающих и развивающих информационную схему. Чем крупнее скопление, тем интенсивнее волна.

— Понятно. Интерес и желание запрограммированы. Но ты же самопрограммирующаяся система. Как видоизменяет программу резервуар информации? Или процесс ее обработки?

— Не знаю. У меня нет органов, регистрирующих эти изменения. Самопрограммирующаяся система не может изучать себя. Не может без информативного обмена.

— Вот и дошли, — обрадовался Рослов. — Такой информативный обмен уже действует. Он и скорректирует твою программу. Возьми две схемы: объем и качество информации, накопленной обскурантизмом средневековья и светом разума последующих поколений от Томаса Мора до Карла Маркса. Как выросли масштабы мысленных галактик человечества, как повысилась степень их яркости! А до какой интенсивности сгустило их величие ленинского подвига! Сравни их в том шквале информации, который обрушивает на тебя мир, сопоставь их идейную сущность. Даже твой однозначный критерий позволит тебе осознать, где душат и унижают мысль и где возвышают и окрыляют ее. Где и кто. А сравнение и выбор — это ведь воля, «я», личность. Ты еще не сознаешь этого, но уже самый процесс обработки информации программирует в тебе вибрион личности. Скоро твое «я» будет не только чуждым тебе местоимением, но и волей, обретенной в контактах с разными и по-разному мыслящими людьми.

Ни разу не прервал Рослова Селеста, и, даже замолчав, ученый по какой-то неослабевающей внутренней напряженности осознал, что Селеста не отключен, «слушает», может быть даже «перечитывает» каждую новую для него мысль, «прикидывает» ее логически информационную ценность.

— Продолжай, жду, — «услышал» он.

— Ты теперь перепрограммирован на контакты с людьми, — в свою очередь откликнулся Рослов, — ты ждешь их. Ты их ищешь. Но возможно, организация контактов окажется в руках людей, которые используют их в своих корыстных или просто эгоистических интересах. Научный обмен информацией будет ограничен или исключен вовсе. Что же, и к этому ты останешься безразличен? Не верю.

Рослов помолчал, все время ощущая «цепочку», связывающую его с Селестой.

— Не верю, — повторил он упрямо, — не могу поверить. Твоя информация может быть использована и на подготовку войны, и на дело мира. Ну, предположим — война. Ядерная война, уничтожающая полови-

ну населения планеты и весь ее промышленный и научный потенциал. Информация? Согласен. Огромная по объему? Бесспорно. А дальше? Люди будут умирать от радиации, а ты останешься в изоляции на этом рифе, вне контактов и каналов связи, с нарушенным информативным обменом. Поток информации расколется на клочки, ничтожные по объему и жалкие по качеству. Интенсивность человеческой мысли снизится до уровня, соответствующего периоду изобретения колеса. Значит, для контактов тоже нужен критерий. Направленности, назначения, цели. Вот это ты и запрограммируй.

Рослов передохнул и вдруг услышал собственный голос, только без интонационной окраски:

— Я думаю. Уходи.

Селеста не повторялся, выбирая каналы связи, и Рослов знал, чьи слова выдавили его пересохшие губы. Не заходя к радисту, он спустился к яхточке и, не боясь магнитных ловушек, включил мотор и вышел на темный простор океана. Только сейчас он почувствовал, как холодные капельки пота стекают со лба по небритым щекам. Рослов вытянул руку — она дрожала.

Часть третья

ЛИЧНОСТЬ СЕЛЕСТЫ

— Да, — сказал Маленький Клаус. — Мой колдун может суметь все, что я захочу.

Г.-Х. Андерсен. Сказки

Глава 23

ШАХМАТНЫЙ ЭТЮД ТРЭСИ

В Санта-Барбару Джино ехал с неприятным ощущением невесомости. Оно возникает в опускающемся лифте, когда желудок прилипает к позвоночнику, а во рту скапливается солоноватая и липкая слюна. Проще говоря, Джино трусил. Он вообще не отличался особой храбростью: боялся собак, зубной боли и наведенного на него дула пистолета. Но больше всего Джино боялся шефа, его издевательского тона, его тяжелой руки, его игривых шуток, предвещающих множество разных санкций, из которых экономические можно было считать наиболее легкими.

Угнетенное состояние Джино усиливал и элегантный кровоподтек на скуле, оставленный увесистым кулачищем Смайли.

«Ублюдок! — бесился Джино. — Жаль, времени не было, а то устроил бы я тебе мартышкино житье!» Но Смайли был вне досягаемости Джино, а встреча с шефом не предвещала ничего доброго. «Что это у тебя за украшение? — спросит он и, узнав о причине, язвительно усмехнется: — А ты, я думаю, здорово отделал этого Смайли!» Словом, для плохого настроения у Джино были достаточно веские основания. И оно ухудшалось с каждой минутой, приближавшей итальянца к двухэтажной вилле шефа, названной по имени тихого калифорнийского городка Санта-Барбары, на окраине которого она и укрывалась за высокой чугунной оградой.

В Калифорнии, как нигде в Соединенных Штатах, города крестили именами любимых святых. Санта-Барбара, Санта-Анна, Сан-Диего, Сан-Роберто, Санта-Моника, Сан-Хосе и, наконец, Сан-Франциско — их было много, маленьких и больших, шумных и тихих, знаменитых и безвестных. И вовсе не обязательно, чтобы жители этих «святых» городков отличались особенной святостью. Джошуа Игер-Райт при всей снисходительности характеристики не мог претендовать на нимб святости ни по своей внешности, ни по делам, ибо всю зрелую жизнь посвятил нарушению шестой и восьмой заповедей. Конечно, сам он не крал и не убивал, а методистская церковь Санта-Барбары неустанно восхваляла его благочестие и непорочность, выражавшиеся, должно быть, в немалых подношениях наличными и в банковских чеках.

Но зато его помощники не брезговали никакими средствами для достижения поставленных Трэси целей и в игорном бизнесе в соседнем с Калифорнией штате Невада, и в других не менее прибыльных авантюрах, требовавших подчас и выстрелов и взрывчатки. Джошуа Игер-Райт, владелец вилл, яхт, частных самолетов и автомашин, член десятка аристократических и деловых клубов, именно этот вид не поощряемых законом доходов больше всего и любил. И любил, может быть, потому, что жила в нем память веселой и бурной молодости, когда он сам стрелял из пистолета без промаха, водил автомашину, как профессиональный гонщик, и скакал верхом не хуже голливудских ковбоев. Поговаривали, что в годы «сухого закона» он был связан с самим Костелло и другими боссами подпольной американской мафии, зарабатывавшей миллионы на контрабандном ввозе спиртного, что знаменитое ограбление чикагского экспресса в тридцатых годах было делом его рук, что его имя не раз и не два упоминалось в полицейских архивах Америки. Но о бурной молодости Трэси предпочитали не помнить. Сейчас его имя фигурировало не в полицейских досье, а в сборниках «Кто есть кто», перечислявших всех самых известных, богатых и модных людей страны.

Во время Второй мировой войны Трэси вспомнил о своем национальном долге и здорово нажился на военных поставках, а после войны значительно расширил

список своих интересов от урановых рудников в Африке до игорных домов, процветавших с разрешения и без разрешения полиции. В его резиденцию в Санта-Барбаре стекались и сведения о других прибыльных предприятиях вроде тайной скупки родезийских алмазов или контрабандного золота из Бразилии. Айсберг Игер-Райта прочно держался на воде финансовых рынков, и его подводная часть была значительно массивнее надводной, а проще говоря, секретные ведомости Трэси таили суммы куда большие, чем те, с которых взимался подоходный налог. Правда, злые языки поговаривали, что под водой айсберг Игер-Райта поддерживали и другие скрытые силы и что не всегда мультимиллионер действовал только в своих интересах, да и в финансовых джунглях Америки давно уже привыкли к тому, что за любым, даже очень крупным хищником скалят зубы другие — еще крупнее. К тому же дальновидный Игер-Райт предпочитал не связывать себя правами подданного Соединенных Штатов.

Его вполне устраивало респектабельное гражданство одной из скромных латиноамериканских республик. И не так уж важно, что он ни разу не побывал на гостеприимной «родине»: ностальгия его не мучила, а свои обязанности гражданина он выполнял раз в году, посещая посольство пригревшей его республики. А чаще сам посол навещал резиденцию мультимиллионера, иногда подолгу просиживая в приемной двухэтажной виллы; у ворот которой остановил свою машину сицилианец Джино.

Он легонько нажал кнопку звонка, и тотчас же над ней вспыхнул глазок телекамеры. Джино бодро прикрыл его ладонью и услышал из динамика голос охранника:

— Не валяй дурака, Джино. Лучше поспеши. Шеф ждет.

— Как его настроение? — осведомился Джино.

— Спокоен.

«То-то и худо, — подумал Джино, — уж лучше бесился бы. Покричит и утихнет. А если спокоен, значит, что-то придумал. Ох и боюсь же я этого «что-то».

— Кто у него? — спросил он у секретарши, входя в приемную.

— Кордона.

«Совсем плохо, — невесело усмехнулся Джино. Он терпеть не мог этого специалиста по наркотикам,

псевдосупермена и любимчика шефа. — А, будь что будет!»

Вопреки сообщению охранника, шеф не был спокоен. Он мрачно взглянул на вошедшего Джино и промолчал. Кордона, напротив, дружественно кивнул Джино и указал на кресло у стола. Джино робко уселся на край кресла и кашлянул.

— Простудился? — Шеф удивленно поднял брови. — С чего бы это? В такую жару.

— Это у него нервное, — ввернул Кордона, но шеф взглядом осадил его.

— Ладно, — сказал он примирительно. — Как я понимаю, Смайли слинял?

— Слинял, — радостно подтвердил Джино.

Гроза, кажется, проходила.

— Плакать не будем, — отрезал Трэси. — Я на него и не рассчитывал. Так, прикинул. Ведь деньги взял тогда ты, а не он. Думаешь, я не знал об этом?

Джино побагровел, нервно скомкал так и не зажженную сигарету и молча опустил голову.

— Когда-нибудь я у тебя их вычту с процентами, а пока...

Шеф произнес это не угрожая, с такой ласковой задумчивостью, что Джино осмелел и даже рискнул продолжить:

— Может быть, пощупать Смайли легонько?

— А потом что? Пострадает Смайли — Селеста для нас закрыт.

— Он и так для нас закрыт.

— Это еще неизвестно, — протянул Трэси. — Пока Смайли в порядке, ваш разговор с ним никого не встревожит. Ну, усилят охрану, поставят еще двух часовых. А у нас есть кое-какие комбинации... В шахматы играешь?

— Нет, а что? — Джино выпучил глаза: о чем шеф думает, за кого его принимает?

— Многое ты не умеешь, Джино. А ведь можно разыграть изящный этюдик в духе Ласкера.

Джино по-прежнему глядел растерянно, не успевая следить за игрой мысли шефа. Ему, простому смертному, это было не вмоготу. А Трэси резво подошел к стеллажам с книгами, нажал скрытую кнопку. Часть стеллажей неслышно поползла в сторону, обнаружив

нишу, в которой висела большая, пятитысячного масштаба карта Калифорнии из цветного пластика. Трэси повернул тумблер, и карта оживила: побежали светящимися змейками дороги, зажглись и замигали огоньки городов, выросли и грозно нависли над дорогами темные уступы гор.

— Прикинем, что мы знаем, — начал Трэси, взяв указку и ткнув ею в желтый глазок на берегу Тихого океана. — В порт Фриско прибывает военный корабль. Когда? Ориентировочно — в конце месяца. Откуда? Из Рио. Груз? Золото в слитках, предназначенное Национальному банку в Сакраменто. Стоимость груза? Тоже ориентировочно — от десяти до пятнадцати миллионов долларов. Ясно?

— Ясно, — сказал Кордона.

А что было ясно, Джино не понимал. Золото всегда привозят в слитках, и всегда оно предназначается банкам, и стоимость всегда миллионная. Может быть, шеф собирается его перекупить? Но в таких случаях он прибегает к другой агентуре. Ни Джино, ни Кордона для этого не годятся. Не в силах расшифровать шахматный этюдик шефа, Джино сказал, чтобы что-нибудь сказать:

— Приятная сумма.

— Я тоже так думаю, — подтвердил Трэси, — потому я и хочу, чтобы она стала нашей.

— А вы не шутите? — тихо спросил Кордона.

Шеф не ответил. Ответили его глаза, холодные и стальные. У Джино захватило дух. Десять или пятнадцать миллионов долларов! Украсть! Запросто смахнуть, как пачку сигарет с прилавка табачника! Много качеств было у шефа, но одно Джино боготворил: шеф никогда ничего не начинал без уверенности в выигрыше и ни разу, на памяти Джино, не ошибся. Кажется, на них действительно может хлынуть золотой дождь, хотя туча еще не прибыла из Бразилии. Но Джино уже ощущал на ладони сладостный холодок желтых пирамидальных слитков, которые будут потом распилены, расплавлены и переброшены на рынки Индии и Гонконга, где за кило золота платят в полтора раза дороже, чем в Америке или в Европе.

Трэси снисходительно наблюдал за реакцией Джино и, довольный произведенным эффектом, весело под-

мигнул Кордоне. Тот ухмыльнулся, в его черных глазах-маслинах уже прыгал хмельной отблеск бразильского золота.

— Хорошая идея, шеф, — почтительно произнес он. — А как к ней отнесется правление Национального банка?

— Я не поставил его в известность о моих планах. Впрочем, мы квиты: они тоже не торопятся снабдить меня информацией. Например, о дне прибытия судна.

— Вряд ли кто-нибудь знает об этом.

— Кто-то знает, — подчеркнул Трэси, — а вот я пока еще нет.

— Уравнение со многими неизвестными... — задумался вслух Кордона. — Икс — день прибытия корабля. Игрек — транспортировка. Зет...

— Тебе не хватит и половины азбуки. — Трэси снова подошел к карте и провел указкой по извилистой линии, соединяющей Сан-Франциско со столицей штата. — От Фриско до Сакраменто около двухсот миль. Золото повезут в автофургонах. Загружать их начнут сразу же по прибытии военной калоши. Полиции нагонят — не подступишься. Ясно, что брать золото надо не здесь. А где? Указка Трэси уперлась в грудь Джино. Тот недоуменно пожал плечами.

— Не знаю.

— Плохо, — поморщился шеф. — А ты?

Кордона неторопливо подошел к карте и ткнул пальцем в светящуюся ленту дороги.

— На восемьдесят четвертой миле шоссе сужается. В горловине может пройти только одна машина. Мы перекрываем дорогу и перегружаем золото. Легко и просто.

— Просто, но не легко, — сказал Трэси. — Идея верна, но разработка примитивна. Ты забыл о конвое.

— Почему забыл? Не забыл. Но сколько их будет: десять, двадцать. Не сотня же.

— Точно знает только начальник полиции.

— А разве Джошуа Игер-Райт не может побеспокоить начальника полиции?

— А тот спросит, откуда почтенному Джошуа Игер-Райту известно о золоте из Бразилии? После этого можно ставить на операции крест: я не могу рисковать своей репутацией.

— Численность конвоя можно предугадать, — не сдавался Кордона.

— А его оснащенность? Оружие? Транспорт? А сколько человек мы сможем занять в операции?

— Дюжина у меня есть.

— А если в конвое будут две дюжины?

— На нашей стороне неожиданность.

— Что она даст? Ты же сам сказал, что дорога сужается. Значит, мотоциклисты пойдут цепочкой. Неожиданно ты убьешь четверых, а остальные двадцать прикончат тебя и твоих парней. Нет, так работать нельзя. Мы можем придумать сотню планов, но все они полетят к дьяволу, если не знать дня, часа и сил противника. Конечно, тактику можно продумать и сейчас. Например, так: перекрываем дорогу и движение по ней ремонтными работами.

— Липа?

— Зачем? Вполне легальный маневр. Я же ничего не знаю о золоте, поэтому провожу поверхностную обработку участка шоссе от девяносто второй до девяносто четвертой мили.

— Это вызовет подозрения.

— Какие? Дорожная одежда действительно требует обработки: за последний месяц там сорвалось шесть или семь машин. Я уже взял подряд в муниципалитете.

— Значит, с одной стороны свидетелей не будет, — задумчиво сказал Кордона.

— С другой — тоже. Полиция задержит попутное движение минут на сорок, чтобы колонна шла в одиночестве. Сорок минут — это шестьдесят миль. Вряд ли кто сможет догнать фургоны.

— Вероятно, большинство конвойных пойдет впереди колонны, — предположил Джино.

Шеф ласково потрепал его по щеке:

— Соображаешь, мальчик. На это я и рассчитываю. Тяжелый грузовик, выскочивший из-за поворота, собьет в пропасть по крайней мере четверых и загородит дорогу. Шофер разыграет комедию: отчаяние, страх, слезу пустить может. Есть такой?

— Найдется, — сказал Джино. — Бывший актер.

— Тем лучше. Убедительнее сыграет.

— Пожертвуем?

— Зачем? Во время перестрелки, когда появятся парни Кордоны, пусть прячется под машиной. А потом его заберем с собой. Чек в зубы и билет на самолет куда-нибудь в Чили.

— Как будет развиваться операция после этой истории с грузовиком? — вмешался Кордона.

— Примерно так... — Игер-Райт взял лист бумаги, но тут же его отбросил. — Не будем оставлять документов. Давайте на словах. Полицейские потребуют, чтобы шофер убрал грузовик с дороги. Но разве он сможет? Он почти невменяем от страха и горя. Конвоирам самим придется убрать с дороги машину. Конечно, это потребует времени: надо будет слезть с мотоциклов, кричать, потрудиться. Начнется, естественно, суматоха. А возней вокруг машины, я думаю, заинтересуются и сопровождающие груз банковские служащие, и водители автофургонов. Любопытство, друзья, безотказная черта. Она лишает человека бдительности.

Трэси положил указку, выключил карту. Массивный стеллаж бесшумно вернулся на место, и строгие ряды словарей, справочников и журналов скрыли разноцветные огни пластмассовой Калифорнии. Трэси достал из бара бутылку скотча и три пузатых стакана с кубиками льда на дне.

— Выпьем за нашего главного консультанта, — сказал он.

Его собеседники удивленно переглянулись: за кого?

— За Селесту.

При чем здесь Селеста, никто так и не понял, но прямо спросить не рискнул. Только Джино осмелился робко напомнить:

— С Селестой не выгорело. Вы забыли о Смайли, шеф.

— Обойдемся без Смайли.

— И без Селесты, — обрадовался Джино, но шеф отрицательно покачал головой.

— Без Селесты не обойтись. Наш план страдает одним дефектом: он абстрактен. Для того чтобы он стал реальным, необходимо знать, — он принялся загибать пальцы, — день прибытия судна с золотом — раз, час разгрузки — два, время начала движения колонны — три, состав конвоя — четыре, вооружение — пять, число и объем фургонов — шесть, непредвиденные обстоятельства, наконец, — семь. Где мы можем получить самые точные сведения? У Селесты.

— А почему вы так уверены, что Селеста знает?

— Селеста запоминает стабильную информацию. Записанную, закодированную, документированную. Все,

что нам нужно, отражено в документах — телеграммах, списках, квитанциях. Соответственно этому мы и предложим Селесте всего семь вопросов.

— Через комитет Мак-Кэрри? — усмехнулся Кордона.

— Не остри. Мы сделаем это при личном свидании. Джино свистнул.

— Значит, захват острова?

— Тебя это пугает?

— Но остров охраняется, и охрана сейчас будет усилена.

— Не думаю, — опять вмешался Кордона. — У них нет людей.

— Откуда ты знаешь?

— Я только что вернулся из Гамильтона.

«Трэси даром времени не теряет, — отметил про себя Джино. — Я в Нью-Йорке, Кордона на Бермудах, а кто-нибудь уже гоняет сейчас с кинокамерой по шоссе Фриско — Сакраменто. Нет, пожалуй, и на этот раз у шефа ошибок не будет».

Это подтвердил и рассказ Кордоны. Гамильтон до отказа набит туристами. Номер в отеле снять невозможно. Полиция не справляется с карманниками и шулерами. Все катера, яхты и каботажные суда не могут выйти в море без разрешения властей, а для охраны порта нанимаются добровольцы.

— Смайли не сможет усилить охрану рифа. Корнхилл просил увеличить штаты полиции, но безрезультатно.

— Сколько людей на острове? — спросил Трэси.

— Немного. Попасть туда можно только с юга. Там бухточка и вырубленная в обрыве лестница на берег. С других сторон остров недоступен: или отвесный подъем, или скат, непосредственно за которым подводные рифы. Лодку вдребезги расшибет. Поэтому охраняется только бухта: четверо часовых, прожектор и два пулемета. А в бараче на острове радист и дежурный связной для переговоров с Селестой.

— Координаты острова?

— Записаны. — Кордона бросил на стол записную книжку. — Кружным путем от Норфолка день ходу.

— Ночные условия учел?

— Обязательно.

Трэси довольно потер руки; сейчас он напоминал боксера-тяжеловеса, готовящегося нанести нокаутирующий удар противнику.

— Сколько человек пойдет на яхте?

— Хватит десяти и Джино. — Кордона подвинул к себе лист бумаги и нарисовал посреди неровный кружок. — Это остров. Яхта бросит якорь в трех километрах к северу. Первыми к острову пойдут аквалангисты. Они снимут охрану и просигналят на яхту. После этого обезвредят радиста и подготовят дежурного для связи с Селестой.

— Как подготовят?

Кордона криво усмехнулся:

— Есть препараты, парализующие волевые центры. Один укол — и человек превращается в робота.

— Ну нет. — Трэси раздумчиво остановил собеседника. — Я не позволю рисковать операцией. Селеста может не войти в контакт с обезволенным человеком. Есть ведь и другой препарат, универсальный.

— Что вы имеете в виду, шеф?

— Деньги. Во все времена они убеждали лучше угроз и пыток. Я еще не встречал человека, который отказался бы от хорошего заработка. Только считай правильно: одному достаточно десяти долларов, другому не хватит и десяти тысяч. Цифру мы определим на месте. Я сам займусь этим.

— Нет, шеф, — не согласился Кордона, — вам небезопасно появляться на острове.

— Кто меня узнает? — самоуверенно отмахнулся Трэси. — Полицейские? Радист? Но их не воскресит даже Селеста. Дежурный? Он промолчит, естественно: купленные не проговариваются. Правда, остается еще свидетель, самый для нас опасный. Но его не вызовешь в суд, и ни один прокурор не возбудит дело на основании показаний свидетеля-невидимки.

— А шум скандала, шеф?

— И для него есть глушители.

Но Кордона и Джино все еще сомневались.

— Можно заткнуть рот газетчикам. Сговориться с телевизионными компаниями. А запросы в Конгрессе? Вас это не пугает?

Но Джошуа Игер-Райт уже подсчитал все прибыли и убытки.

— Не будем заглядывать так далеко, — сказал он. — Сейчас я еще не вижу просчетов в этюде гроссмейстера Игер-Райта. По-моему, он безупречен. Черные начинают и выигрывают.

— А почему черные? — не понял Кордона.

Трэси поднялся, оскалив собственные, пока еще не вставные зубы.

— Я не претендую на белый цвет добродетели, — режюмировал он.

Глава 24

ЧЕРНЫЕ НАЧИНАЮТ...

Подготовка операции, по мнению Джино, могла быть закончена в несколько дней, но Трэси отпустил на нее три недели. Во-первых, он не любил спешки и добивался от помощников скрупулезной отработки мельчайших деталей, а во-вторых, и спешить было незачем. По сведениям, полученным от «своего» человека в столице штата, прибытие золота ожидалось не раньше чем через месяц. Преждевременный захват острова ничего бы не дал: глупо задавать Селесте вопросы, на которые еще нет ответов. Такие подробности, как час разгрузки или состав конвоя, выясняются всего за два-три дня до прибытия судна.

— Но мы все равно не узнаем точно, когда эта чертова калоша придет во Фриско, — горячился Джино, на что Трэси отвечал с неизменной уверенностью:

— Точно я узнаю у Селесты. А пока меня не пугают погрешности в день или два.

Видимо, шеф всецело доверял своему агенту в Сакраменто. Поэтому в конце трехнедельной подготовки Джино ничуть не удивился, когда ему позвонил Кордона.

— Через два часа вылетаем в Норфолк. Билеты у меня.

К вечеру они уже были на яхте Трэси, а с наступлением темноты на борту появился и шеф. Он коротко поздоровался с командой, еще раз проинструктировал аквалангистов, лично проверил снаряжение: акваланги, широкие, обоюдоострые кинжалы в твердых пластмассовых ножнах, короткоствольные автоматы типа «стэн»,

не боящиеся воды, бортовые крупнокалиберные пулеметы, установленные на случай нежелательной встречи с таможенным катером, а в баре кают-компания набор разноцветных бутылок, тщательно подобранных Джино.

Результатом осмотра Трэси остался доволен, вышел на палубу и зычно скомандовал отплытие. Кордона отметил про себя, что, будь у шефа золотая серьга в ухе и черная повязка на глазу, а вместо элегантного пиджака с эмблемой Ротари-клуба полосатый застиранный тельник, он вполне соответствовал бы облику карибских пиратов, бороздивших когда-то здешние воды. Возможно, кто-то из английских предков Трэси и промышлял разбоем на голубых дорогах Атлантики, во всяком случае их вероятный потомок не покинул капитанского мостика, пока штурман не доложил ему, что они у цели.

— До острова три километра. Пора глушить двигатель.

Трэси всмотрелся в черную тушь ночи: где-то далеко, почти у самого горизонта, родился расплывчатый светлый луч, задрожал, качнулся вверх и пропал, словно нырнул в бездонную отвесную пропасть, начинающуюся за чертой горизонта.

— Прожектор на острове, — произнес неслышно подошедший Кордона.

— Шлюпку на воду! — приказал Трэси.

С чуть слышным скрипом заработал кабестан, опускающая якорь. Яхта дернулась и встала, прикованная к мягкому грунту. У ее правого борта закачалась на волнах шлюпка, которую легко удерживали на месте четверо гребцов.

— Далеко не отходить, — бросил им Трэси. — Спустить десант — и назад!

Пятерка аквалангистов во главе с Кордоной, в черных резиновых костюмах, с желтыми баллонами на спине, кинжалами у бедра и автоматами на груди, спустилась в шлюпку. Через несколько минут Кордона, оглянувшись назад, уже еле-еле различил силуэт судна, настолько густой была окружающая ночная темь. Острова впереди по курсу тоже не было видно, и только по светящейся стрелке компаса Кордона определил его местоположение.

— Суши весла! — скомандовал Кордона. — Десант в воду!

Он подождал, пока последний аквалангист покинул шлюпку, размашисто перекрестился и нырнул в холодную черную воду, плотно охватившую тело. Впереди заплясали тусклые огоньки — фонарики на груди у десантников. Включив свой фонарь, Кордона подплыл к ним и показал рукой: вперед! Он любил плавать ночью, когда вода кажется непрозрачной и вязкой. Он знал это море, как свою квартиру на Ист-Лэгмур-стрит в Лос-Анджелесе, гонял здесь на скутерах и ставил рекорды в многочасовом плавании до того, как попал к Трэси. Он знал, что не ошибется, не собьется с азимута, и поэтому ничуть не удивился, когда верхний пласт неожиданно засветился. Точно плывут, прямо по лучу прожектора.

Он подождал, пока прожектор погас, и вынырнул на поверхность. В сотне метров от него белел коралловый каравай острова с аккуратно вырезанным ломтем — бухточкой. Можно было уже начинать штурм. Кордона снова нырнул и через две-три минуты очутился в бухте. Здесь было совсем спокойно, движение воды даже не ощущалось, а сама вода была настолько прозрачной, что Кордона поспешил погасить фонарь на груди.

Но часовые не видели света из-под воды. Не видели они и того, как шесть черных теней веером раскинулись по периметру бухты. Часовых было только два — больше Корнхилл не выделил, да еще двое ожидали своей вахты, должно быть мирно похрапывая в деревянной пристройке к «переговорной».

«Нам чертовски везет, — думал Кордона, вылезая из воды и отстегивая ласты. — Это дурачье загипнотизировано уверенностью в своей безопасности». Пригнувшись, он перебежал к погашенному прожектору и вытащил из ножен кинжал. Ничего не подозревавший часовой, что-то беспечно напевая, медленно прошел мимо. В два прыжка Кордона догнал его и сильным, отработанным ударом оборвал песенку. Часовой не успел даже вскрикнуть. Кордона подхватил его уже в падении и тихонько опустил на коралловый скат. Вокруг было по-прежнему тихо, и только ленивые океанские волны, сердито урча, разбивались у рифа.

Кордона тихо свистнул, и тотчас же с противоположного конца бухты послышался приглушенный голос:

— Порядок, Кордона. Мой готов.

— К бараку, быстро!

В доме не спали. В небольшом уютном цирке с амфитеатром стульев и круглым столом на пяточке манежа сидела худенькая белокурая женщина. Перед ней на столе лежала пухлая стопка писчей бумаги. Женщина что-то быстро писала, изредка заглядывая в блокнот. Вдруг она посмотрела в окно, и Кордона резко отпрянул в сторону. Но женщина его не заметила. Она беззвучно пошевелила губами, словно что-то прикидывая в уме, и снова склонилась над рукописью.

Кордона опять удивился непонятному своему везению. Подумать только: дежурный — женщина! Что ж, хлопот поубавится: она, наверное, и стрелять не умеет.

В другой комнате два полисмена, сидя на застеленных кроватях, играли в карты. Тут же лежали их автоматы. В глубине комнаты Кордона заметил полуоткрытую дверь, из-за которой доносилась чуть слышная музыка. «Радиорубка, — подумал он. — Радиста надо убрать в первую очередь, чтоб не успел предупредить Гамильтон». Он посмотрел на часы: три часа ночи. Еще десять минут, и можно вызывать Трэси. Хорошо бы обойтись без стрельбы, но, видимо, не удастся: стрелять придется сразу, с порога.

Но удача и тут сопутствовала Кордоне. Полицейские, бросив карты, забрали автоматы и направились к выходу. «Смена караула, — догадался Кордона. — Сами идут к нам в руки». Так и произошло. Полицейских срезали автоматной очередью прямо у выхода. Выбежавший на шум радист не успел даже вскрикнуть. Оставалась дежурная. Сделав знак своим спутникам, чтоб не стреляли, Кордона подошел к двери в глубине комнаты и рывком открыл ее. Янина не обернулась. Увлеченная работой, она или не слышала выстрелов, или не обратила на них внимания, могла подумать: гроза, гром, да и на шумовом фоне ревущего кругом океана выстрелы прозвучали не так уж громко — треск хлопушки, не больше. И Янина продолжала писать, не подымая головы от стола, освещенного только настольной лампой, выхватывающей из темноты чуть сторбившуюся фигурку в темном жакете, пачку бумаги да белую раковину магнитофона для записи разговоров с Селестой.

Кордона молча ждал, когда женщина у стола обернется. Ему нравились дешевые театральные эффекты:

небрежно-развязные позы, черные резиновые костюмы, автоматы, направленные на ничего не подозревавшую жертву. Все это сулило приятный резонанс — неожиданный вскрик, мольбу о пощаде, слезы, может быть, обморок. Вот только она обернется...

Янина отложила исписанный лист бумаги и обернулась. Сначала она увидела трех человек в костюмах аквалангистов. «Может быть, Корнхилл прислал дополнительную охрану?» — мелькнула мысль и тут же погасла: слишком красноречивы были дула направленных на нее автоматов. Потом она удивлялась тому, что не испугалась и даже не позвала на помощь. Ею владело любопытство, бессознательное стремление к опасности, о котором она знала только из книг и фильмов и которое живет в каждом, будь он профессиональный разведчик, или ученый, идущий на рискованный опыт, или просто скромный бухгалтер, вступающий в неравный бой с хулиганами.

— Видимо, я должна поднять руки? — спросила она.

Кордона обаятельно улыбнулся и опустил автомат: эффекта не получилось, девчонка была не из слабонервных.

— Зачем формальности? — галантно сказал он. — Вы умная женщина и не станете отнимать у меня оружие, драться, кусаться или царапаться.

— Не стану, — согласилась Янина. — Вы заведомо сильнее меня, а я не знакома с приемами дзюдо или самбо. Но зато я умею кричать.

— Кричите, — милостиво разрешил Кордона, — надрывайтесь. Никто, кроме Бога, вас не услышит.

— Вы забыли Селесту.

— Это он забыл вас. Почему он не помешал моим людям устранить радиста, полицейских и держать на прицеле симпатичную женщину? Кстати, как зовут эту женщину?

— А вам не все равно? — пожал плечами Янина. — Вы не Джеймс Бонд, и я не его героиня. Книжки не будет. И фильма не будет. Закругляйтесь, как у нас говорят.

Кордона опешил.

«Так ему и надо», — не без удовольствия отметила Янина. Не любезничать же ей с этой галантной гадиной! Но что делать? Вызвать Селесту? Может быть, он оставит налетчиков? Но ответного отклика не было.

«Почему он молчит? Почему не включил магнитное поле и не помешал убийству? Может быть, правы те, кто ставит его по ту сторону добра и зла? Может быть, в своем обучении он рассматривает этот налет как новый урок, в котором еще раз проверяются параметры добра и зла. Добро — в одну ячейку памяти, зло — в другую. Потом оценить, сравнить, сопоставить. Что и с чем? Какая информация понадобилась ему сейчас? Инициатива обреченной? Крыса в лабиринте в поисках выхода? Ладно, попробуем найти этот выход!»

— Что вам нужно от меня? — спросила она молча ожидающего Кордону.

— Немножко благосклонности и чуточку терпения.

— Благосклонности не ждите. А терпение может лопнуть.

Кордона бросил взгляд на водонепроницаемый хронометр, пристегнутый к запястью поверх резинового костюма. Еще пять минут до прибытия шефа он вынужден выслушивать дерзости этой маленькой женщины. Он видел, что она боится его, тяжелого, угрожающего молчания его спутников, их автоматов и кинжалов на бедрах. Боится и все же не становится на колени, не кричит, не бьется в истерике, не умоляет о пощаде. Кордона уважал не только откровенную смелость или профессиональное бесстрашие, он умел ценить и тех, кто находил в себе силы преодолеть страх, животный страх перед опасностью, болью и даже смертью. Он сейчас искренне жалел девушку, которую все равно придется убрать, если шеф с ней не договорится. А ведь с такой не договоришься.

Он прислушался: за окном зашумели голоса, чей-то смех, потом нестройный гомон в дежурке, и на пороге зала в светлом прямоугольнике двери появился Трэси. Его холодные глаза в несколько секунд оценили Янину.

— Добрый вечер, девушка, — сдержанно поклонился он. — Вернее, добрая ночь. Простите, что мы ворвались к вам без приглашения, но поверьте, я бы не рискнул поступить столь бестактно, если б не терпящее отлагательства дело.

Кордона поморщился: он уже поиграл в джентльмена, зачем второй актер на ту же роль? Но Трэси придерживался иного мнения: он вел свою игру настойчиво.

— Я много слышал о вас, — проговорил он, присаживаясь рядом с Яниной, — и польщен знакомством. Вы, оказывается, не только известный ученый, но и бесспорно интересная женщина. Будь я продюсером, никогда не прошел бы мимо.

— Что вам угодно? — отчеканила Янина и отодвинулась. — Я задавала тот же вопрос этой пародии на Бонда. — Она небрежно кивнула в сторону почтительно отступившего Кордоны, — но он загадочно отмалчивался. Вероятно, об этом нужно спросить у вас.

Трэси заметил, как дернулся при этих словах Кордона, и усмехнулся: девчонка оказалась с норовом.

— Верно, — сказал он, — Фернандо не Джеймс Бонд, а Санчо Панса. Похудевший, но столь же послушный хозяину. Он ждал меня, и я охотно отвечаю. Я просто уверен, что вы не откажете мне в небольшой просьбе.

Янина, склонив голову набок — нелепая привычка, сохранившаяся с детства, — молча смотрела на сидевшего перед ней широкоплечего человека в синем спортивном свитере, с седым ежиком волос над высоким лбом — не то киноактер на роли благородных ковбоев, не то тренер олимпийцев по боксу. Она впервые видела гангстера не в кино, а в жизни, и не просто рядового убийцу, как эта резиновая лягушка с автоматом, а лидера, главаря, атамана. При всем том он не вызывал у нее отвращения — только любопытство, холодное и брезгливое. Вежливо и спокойно, как давний и хороший знакомый, он терпеливо разъяснял Янине свою просьбу:

— Вы зададите Селесте пять или шесть вопросов. Ну, может быть, шесть или семь. Согласитесь, что это пустяк. Да и вопросы совсем безобидные. Разрешите, я изложу их письменно. Вам останется только прочесть, даже не вслух — мысленно. И ваша совесть будет чиста, как этот лист бумаги. — Он придвинул к себе пачку не исписанных Яниной листов и вооружился золотой самопиской.

Янина молча следила за его движениями. Пусть пишет. Актер. Фантомас в маске первого лорда адмиралтейства на приеме у королевы. Отлично понимает, что без королевы ему не обойтись. А королева наверняка отклонит прошение. Тогда он снимет маску. Интересно, будет ли страшно?

Янина дерзко прикрыла рукой лист бумаги, на котором Трэси выводил свой первый вопрос.

— Одну минутку... — В ней вдруг проснулась школьница, любившая посмеяться над мальчишками из своего класса. — Почему это вы решили, что я такая послушная?

Трэси отложил авторучку и снисходительно улыбнулся: он все еще был первым лордом адмиралтейства.

— При чем здесь послушание? Я рассчитываю на ваш здравый смысл.

— Объяснитесь.

— Что, по-вашему, выгоднее — десять тысяч долларов и пять минут салонной беседы или похороны?

— Я не боюсь угроз.

— Это не угроза, это реальность. У вас в математике это, кажется, называется выбором оптимального варианта. Вот и выбирайте, что вам больше нравится.

— Я уже выбрала.

— Чеком или наличными?

Янина презрительно фыркнула:

— Вы все измеряете в долларах?

— Значит, предпочитаете похороны?

— Не посмеете.

Трэси рассмеялся звонко и весело, как смеются подчас остроумной шутке, и, может быть, только Кордона заметил в его смехе искусственность.

— Посметь все можно, было бы только желание или необходимость. Если вы откажетесь говорить с Селестой, вас придется, выражаясь мягко, устранить. Это — необходимость: я не люблю лишних и опасных свидетелей. Ну а желания, естественно, нет. Вы мне почему-то нравитесь, и я надеюсь, мы сговоримся.

— Не надейтесь — не сговоримся.

Не обратив внимания на реплику Янины, Трэси взглянул на часы.

— Даю на размышление пять минут. Жизнь, девушка, дорогая штука, и не стоит отказываться от нее из-за пустяка. — Он подозвал Джино: — Проводи даму в соседнюю комнату и позаботься о том, чтобы она не сучала.

Джино вразвалочку подошел к Янине — руки в карманах, ленивый прищур глаз, сигарета во рту — и вдруг резким движением выбил из-под девушки стул. Не ожи-

давшая нападения Янина упала на пол. Все дальнейшее не заняло и минуты: заслонившая обидчика спина в синем свитере, взмах руки и две пощечины — одна, потом другая, после чего Джино отскочил и вытянулся, как солдат на плацу, а над ней уже склонилась голова с седым ежиком, и сильные руки помогли ей подняться.

— Прошу прощения — недоглядел. В дальнейшем, если договоримся, виновный будет наказан. — С этими словами, поддерживая девушку под локоть, Трэси провел ее в радиорубку и усадил на место радиста. — Отдыхайте, думайте, а через пять минут я к вашим услугам.

Еще минуту назад — по крайней мере ей так казалось — Янина просто бы рассмеялась ему в лицо. Пять минут или час — какая разница? Даже под дулом автомата она не станет помогать налетчикам. Это, как красная лампочка, вспыхнула первая мысль. А хватит ли у нее храбрости? Да и за что умирать? — спросила вторая — желтый огонек. Мельком брошенный взгляд на рацию родил третью мысль — зеленую: а вдруг? Есть еще пять минут. За пять минут можно что-то сделать, что-то успеть. Неосторожность Трэси, не предполагавшего, что Яна умеет работать на рации — а она научилась этому во время ночных дежурств на острове, — давала возможность опередить охранников и вызвать полицейское управление Корнхилла, если только бандиты не отключили рацию от питания.

Янина огляделась. Два равнодушных аквалангиста у двери стояли, лениво поигрывая автоматами. Джино, зевая, развалился в кресле. На Янину он не смотрел — вероятно, стыдился пощечин. Пистолет он положил на колени, полез в карман за сигаретами, щелкнув зажигалкой, наклонился над рыжим язычком пламени... Пора!

Стараясь не скрипнуть стулом, не делать лишних движений, она дотянулась до кнопки с надписью «Вызов» и, схватив микрофон, крикнула первое, что пришло в голову:

— Анджей, скорей!

Закончить она не успела. Обезьяньи пальцы Джино сдавили ей горло, перед глазами заплясали разноцветные огоньки и погасли. Но сознание сейчас же вернулось, словно кто-то, щелкнув клавишей радиоприемника, впустил в комнату чужие резкие голоса.

— С ума сошел! — донеслось до нее. — Ты бы еще до смерти дождал. Тогда прощай Селеста!

Янина догадалась: говорили главарь в синем свитере и его подручный. Она приоткрыла один глаз, и это не ускользнуло от Трэси, он наклонился над ней и с прежней наигранной вежливостью спросил:

— Как вы себя чувствуете? Надеюсь, Джино не повредил вам горло? Говорить сможете? Я не заинтересован ни в хрипоте, ни в молчании моего переводчика. — Он подождал ответа и добавил: — Вы же сами виноваты. Зачем вам эта мелодрама? «Анджи, Энджи»... Все равно бесполезно: рация же отключена.

«Врет, — подумала Янина, но промолчала. — Пусть считает, что я поверила».

— Вы все предусмотрели, — сыграла она обреченность и похвалила себя мысленно: «Молодец, Янка! Еще пара репетиций — и можешь идти на сцену».

Трэси немедленно клюнул:

— Конечно, мы предусмотрели все до мелочей. Именно мелочи и решают исход операции.

«Они-то тебя и погубят», — злорадно подумала Яна, снова изобразив безропотную покорность. Радист Корнхилла, наверное, уже позвонил Смайли, и через полчаса-час Рослов с полицейскими будет на острове. Только бы протянуть время, сыграть любой спектакль — лишь бы поверили, не догадались, не заподозрили. Она встала и, не обращая внимания на рванувшихся к ней охранников, решительно шагнула к старику в синем свитере. Трэси искренне огорчился бы, когда б узнал, как она мысленно именуется его, несмотря на всю его молодость.

— Я готова связать вас с Селестой, — сказала она. — У меня нет выхода.

Трэси облегченно вздохнул:

— Я был уверен, что поступите разумно. Выхода у вас действительно нет, кроме согласия на мое предложение. Рад за вас. — Он вынул чековую книжку, оторвал страничку и протянул Янине: — Вот чек на обещанные вам десять тысяч. Можете реализовать его в любом банке Калифорнии.

— О деньгах потом, — отмахнулась Янина. — Но не удивляйтесь, если будут сложности, — предупредила она. — Селеста не телефонный абонент.

— Я ничего не читал о сложностях. Вызывайте его, как это обычно делается.

— Видите ли, — Янина тщательно подбирала слова, — вы не специалист, вам будет трудно понять... Селеста — это не электронное устройство, которое достаточно включить в сеть, чтобы получить нужную информацию. Каждую секунду в копилку его памяти поступает со всего света информация разной степени важности, и степень эту определяет он сам, производя отбор, кодирование и корреляцию поступивших сведений. Это основная, запрограммированная функция Селесты...

— Зачем эта лекция? — нетерпеливо перебил Трэси. — Он собирает информацию? Так она мне и нужна.

— Но получить ее не так уж просто, — терпеливо ответила Янина. — Селеста выходит на связь не часто и по своей инициативе. Связь эта всегда внезапна, кратковременна и энергоемка. Ну, как бы вам это понятнее объяснить? — Она нервно хрустнула пальцами. — Вы знакомы с устройством автомобиля? Тогда вы знаете, что такое аккумулятор. Если он не заряжен, машина мертва. Так и Селеста. Получив вызов от человека, он аккумулирует энергию, необходимую для связи. Мы не знаем, что это за энергия: наши приборы ее не регистрируют. Но замечено, что процесс аккумуляции происходит неравномерно. Иногда сразу, иногда ждешь.

— Ну а максимальный срок?

Янина взглянула на часы: вертолеты, пожалуй, уже вышли к острову. Через полчаса они будут здесь. Стоит накинуть минут десять для верности.

— Минут сорок, а то и больше, — сказала она.

Трэси недоверчиво ухмыльнулся:

— А вы меня не дурачите?

— А какой смысл мне вас дурачить? Вы рискуете только провалом операции, а я — жизнью. Вряд ли вы оставите меня в живых, если через сорок минут Селеста не выйдет на связь.

Трэси нерешительно оглянулся и поймал ободряющий взгляд Кордоны: соглашайтесь, шеф, другого выхода нет.

— Хорошо. — Трэси щелкнул пальцами, и двое автоматчиков подошли к девушке. — Я даю вам сорок минут, ни секунды больше. И не вздумайте меня обмануть.

Под конвоем автоматчиков Янина прошла в конференц-зал, села на привычное место «связного», привычно уперлась ладонями в подбородок, привычно закрыла глаза, вслушиваясь в четкое тиканье ручных часов, подаренных Рословым: «Чтобы не опаздывала на свидания».

Что ж, сегодня она явилась на свидание с Рословым на сорок минут раньше срока, но ведь Рослов мог и не получить обрывистой радиограммы Янины и не знать о том, что она его ждет. Впрочем, почему-то верилось, что он все-таки знает. Она вспомнила душную ночь, чуть слышный шорох океанского прибоя и голос Андрея, читающего чьи-то звенящие строки: «Позови меня, позови меня, если вспрыгнет на плечи беда...»

А беда стояла за спиной Янины с короткоствольными автоматами в руках, беда ждала своего срока.

Глава 25

...И ПРОИГРЫВАЮТ

Рослов погасил сигарету и подошел к Смайли, перелистывающему последний номер «Лайф». Он хотел что-то сказать ему, но задумался.

— Что с тобой? — спросил Смайли.

— Что-то не по себе. Ночь какая-то тревожная, и Яна там одна. Мало ли что может случиться?

— Мало что, — скептически отозвался Смайли, разглядывая собственную цветную фотографию на развороте журнала. — В такую ночь даже насморка не подхватишь... — Его оборвал резкий телефонный звонок.

Не вставая, он дотянулся до аппарата.

— Смайли слушает. Корнхилл? Что-что? — Он прикрыл трубку ладонью и шепнул Рослову: — Радиограмма с острова. — И опять в телефон: — Повторите еще раз... Так. И больше ничего? Да, он здесь. Передаю трубку.

Рослов почти выхватил ее из рук Смайли и услышал взволнованный голос Корнхилла:

— Очень странная передача с острова. Только два слова: «Анджей, скорей!»

— Кто передал? — закричал Рослов.

— Сама мисс Яна. Видимо, с радистом что-то случилось. Мы его пытаемся вызвать, но рация острова молчит.

Рослов понял только одно: Янине грозит опасность. Эти два слова были сигналом SOS, и послан был этот сигнал ему, Рослову. Значит, он должен быть с ней.

Минута растерянности прошла. Рослов снова был собран и спокоен, и вряд ли кто мог догадаться, какого напряжения стоило ему это спокойствие.

— Слушайте меня, Корнхилл. — Рослов не говорил, он отдавал приказы. — Подготовьте два вертолета и двадцать полицейских с полным вооружением.

— Зачем? — удивился Корнхилл.

Но Рослов уже повернулся к Смайли:

— Твой новый катер на месте?

— Конечно. Где ж ему быть?

— За сколько дойдем до острова?

— За час примерно.

— А на предельном режиме?

— Минут за сорок. Не дольше вертолета.

— Это я не вам, Корнхилл. — Рослов снова говорил в телефонную трубку: — Через десять минут мы с Бобом Смайли выезжаем на остров. Тревога может быть ложной, и не стоит вызывать пожарных, пока еще нет пожара. Но если еще через сорок минут вы не получите от меня сообщения с острова, поднимайте вертолеты.

— Хорошо. — Корнхилл даже не пытался спорить: волнение Рослова передалось и ему. — Я засекаю время: через пятьдесят минут — общая тревога.

Рослов швырнул трубку на рычаг и бросился к выходу. Через несколько минут бешеной автогонки они затормозили у причала, где на волнах покачивался — гордость Смайли — новый гоночный катер, оснащенный двумя мощными двигателями.

Смайли сразу же дал полный газ. Катер прыгнул вперед и, высоко задрав нос, рванулся в ночь мимо габаритных огней катеров и яхт, мимо скупно освещенного волнореза, далеко выдвинутого в океан. На приборной доске светились компас, спидометр со стрелкой, дрожащей около цифры 190, и часы-хронометр, минутная стрелка которых казалась Рослову часовой.

Смайли выжимал из своих двух двигателей всю их проектную мощность, и скорость стала физически ощу-

тимой: даже на мелкой океанской зыби — ветра не было — катер то и дело подбрасывало на метр или полтора. За кормой, заметная даже в темноте, белела клинообразная пенная струя, подобная следу реактивного самолета.

Смайли знал свой катер и точно рассчитал время. Ровно через сорок минут, приглушив двигатели, он ввел его в бухту, еле отыскав ее в темноте: прожектор почему-то не горел. Рослов поспешил на берег и тут же упал, споткнувшись на что-то мягкое и неподвижное. Фонарик Смайли выхватил из темноты черный полицейский мундир и большое кровавое пятно на белом коралле.

— Ножом в спину... — Смайли повел фонариком по берегу бухты и заметил пришвартованную в стороне шлюпку. — Они здесь, — шепнул он.

— Кто? — не понял Рослов.

— Гости. Видишь, часового убили? А ну-ка посвети. — Смайли передал фонарь Рослову, спустился к шлюпке, вынул весла и бросил их в воду. — Обратнo ладонями придется грести, — засмеялся он, вернувшись на берег.

А Рослов отметил про себя: если здесь весельная шлюпка, то, значит, где-то поблизости базовое судно. До острова на веслах даже из Гамильтона не дойти. Но он тут же забыл об этом — внимание отвлекли три освещенных окна в конференц-зале. Там была Янина. Рослов сразу увидел ее у стола с магнитофоном, а перед ней массивного тяжеловеса в синей морской фуфайке.

— Трэси... — прошептал Смайли. — Все-таки добрался до Селесты.

— До острова, — процедил сквозь зубы Рослов, — не до Селесты.

— Ты уверен?

— Видишь, оба молчат. И люди у дверей молчат. Явно ждут чего-то. Значит, Селеста еще не откликнулся. Иначе Янина бы говорила. Посмотри, даже губы не шевелятся.

— Что будем делать? — спросил Смайли, оглянувшись.

Никого поблизости не было, но в темноте поодаль слышались чьи-то негромкие шаги. Кто-то молча прохаживался по склону за «переговорной».

— У тебя есть оружие? — снова спросил Смайли.

— Конечно нет.

— У меня «беретта». Семь зарядов. Но они тоже будут стрелять. Надо выбрать позицию.

— погоди, — нетерпеливо оборвал его Рослов, — кажется, я что-то придумал.

Определенного плана у него не было. Одна идея — бредовая, почти неосуществимая, один шанс из тысячи, а он хотел поймать этот шанс, выловить, как золотую рыбку из моря. И нужно было только сплести невод, чтоб не ушла эта рыбка, не ускользнула, и он плел его, обдумывал свою безумную — куда там Нильсу Бору! — идею, напряженно обдумывал и когда они оба старались идти как можно тише, и когда стояли у полуоткрытой двери в «переговорную». В этот момент Трэси прервал затянувшееся молчание:

— Сорок минут прошло. Вы просто водите нас за нос. А я не люблю, когда меня водят за нос. Последний раз спрашиваю: вы свяжете меня с Селестой?

— Нет отклика. Пока не могу. И вряд ли кто сможет.

Рослов торжествующе вздрогнул. Удача! Кажется, золотая рыбка уже трепетала в неводе. Он уже почти держал ее, эту умницу рыбку, и нужен был только шаг, рывком дверь на себя и короткий шаг на автоматы охранников.

И Рослов шагнул:

— Я смогу.

Он увидел расширившиеся глаза Янины. Что в них? Презрение? Брезгливость? Гнев? «Извини, девочка. Потом поймешь и простишь». Он увидел безразличные лица лягушек-автоматчиков, удивленную мину шефа в синем свитере, ленивую усмешку гориллообразного итальянца и агрессивный рывок его соседа — смуглого красавца с квадратной челюстью: сильный характер. Но Рослову было наплевать и на силу, и на характер, и на удивление шефа, и на вороненные дула автоматов. Он начал свою игру и проиграть ее не имел права.

— Я смогу, — повторил он.

— Кто вы? — холодно спросил Трэси. — И как вы прошли сюда?

Рослов усмехнулся открыто и добродушно:

— Такой вопрос уместнее задать вам, но я не любопытен. Да и трупы дежурных красноречивее любого ответа. Но мы теряем время. — Он подошел к столу, ста-

раясь не обращать внимания на автоматные дула, следившие за его передвижением. — Вам нужно связаться с Селестой? Я буду вашим транслятором. Не вините девушку: ей труднее — меньше опыта, меньше неучтенных каналов мысленной связи с феноменом. А он несомненно ответит на все ваши вопросы, господин Игер-Райт.

Рослов был хорошим актером. А может быть, неожиданность его появления настолько ошеломила присутствующих, что лишь собственное имя в устах подозрительного незнакомца вывело Трэси из столбняка.

— Сначала вы ответите на мои вопросы.

— Задавайте.

— Имя?

— Рослов. Национальность: русский. Профессия: ученый. Специальность: биокибернетик. Должность: член Временного комитета связи с феноменом.

— Откуда вы меня знаете?

— Вы не учитываете вашей популярности.

— Меня мало кто знает в лицо. Не увиливайте. Почему вы явились ночью со своим предложением? Вы узнали о нашем присутствии?

— Нет, конечно. Просто дружеский визит к товарищу на дежурство. У нас даже оружия нет. Но по прибытии на остров мы застаем здесь гостей. Нежелательных, конечно, не обижайтесь, и опасных — мы судим по оставленным вами следам. О бегстве мы не подумали, хотя вы сами понимаете, что, не замеченные вами, мы легко могли бы уйти и позвать на помощь патрульный катер. Но, во-первых, оставлять в беде товарища не в наших правилах, а во-вторых, мы бы наверняка опоздали, и любое подкрепление уже не нашло бы вас на острове. Отсюда решение: помочь девушке, от которой вы требуете явно непосильной работы.

— Так, — протянул задумчиво Игер-Райт, — пожалуй, я вам верю. Рыцарский порыв. А вы не боитесь, что, уходя, мы не оставим опасных для нас свидетелей?

— Вариант, конечно, возможный, — спокойно согласился Рослов, — но едва ли вероятный. Зачем вам множить убийства? Тем более убийства двух — отбрасываю ложную скромность — несомненно значительных ученых двух также несомненно значительных социалистических государств. Международный скандал, междуна-

родное следствие — в общем, масса неприятностей и хлопот для вас. Стоит ли? Не проще ли сговориться со мной на коммерческой основе. Ведь и ученые любят доллары, фунты, рубли и франки. А получив их, мы из опасных свидетелей превращаемся в доброжелательных союзников с такой версией случившегося, которая ни вас, ни нас не затронет. По-моему, это оптимальный вариант. Вы не находите?

— Кто с вами? — не отвечая, спросил Трэси.

— Боб Смайли, ваш старый знакомый. Он, кстати говоря, и предложил идею соглашения на коммерческой основе.

Смайли слышал весь разговор из соседней комнаты, слушал и недоумевал. То ли Рослов действительно решил помочь Трэси, то ли все это — комедия с непонятым для Смайли подтекстом. Первое предположение отбрасывалось сразу: Смайли хорошо знал товарища. А вот второе... Оно вызывало множество вопросов, но задавать было некому и некогда. К чему стремился Рослов? На что он надеялся? Какая роль в этой аванюре была уготована Смайли? Как поступит Трэси? Но и самому искать ответа на эти вопросы было некогда: Рослов назвал его имя, и вот уже второму актеру предстоял выход на сцену. Он и вышел, как стоял — в расстегнутой ковбойке, с «береттой» на боевом взводе. Конечно, пистолет следовало бы спрятать, и Смайли тотчас же поплатился за ошибку. Удар охранника в резиновом костюме аквалангиста — и пистолет где-то у противоположной стены, еще удар — и сам Смайли на полу, в ногах у Трэси, снова почувствовавшего себя хозяином положения. Он даже улыбнулся «старому знакомому», оказавшемуся сейчас в столь незавидной ситуации.

— Я знал, что ты вернешься к нам, Боб. Ты уж извини моих ребят — перестарались. Пистолет на них действует, как мулета на быка.

— Ладно, — буркнул Смайли, вставая. — Только передай им, чтоб не буравили мне спину автоматами. Чертовски боюсь щекотки.

Трэси сделал знак автоматчикам, и те снова стали у стены — кариатиды в резиновом трико, зрелище не для слабонервных.

— А я рад, что мы снова вместе. Джино ты уже знаешь. А это Кордона. Будьте знакомы.

И тут Смайли совершил вторую ошибку. Услышав памятное ему имя контрабандиста наркотиками, с которым связал его в своем «мираже» Селеста, американец буркнул, не подумав:

— Уже знакомы.

Кордона мгновенно подобрался, как кошка перед прыжком:

— Откуда?

— Встречались в Гамильтоне, — выкрутился Смайли. — Кажется, в баре «Олимпия».

Кордона внимательно оглядел его, не узнал, но мало ли с кем приходилось встречаться на Бермудах. Он вежливо поклонился, блеснув улыбкой, лживой и безразличной. Смайли ответил счастливой улыбкой мстителя, настигшего своего недруга. Но думать о мщении не приходилось, думать приходилось о другом: как освободиться из захлопнувшегося капкана.

— Пятьдесят минут, — громко сказал Рослов.

Трэси не понял.

— Пятьдесят минут назад мы вышли из города, — пояснил Рослов, а Смайли перевел его иначе: вертолеты Корнхилла уже на пути к острову.

Но Трэси подозрительно нахмурился: не все ли равно, когда они вышли из города.

— Зачем считать минуты?

— А затем, — снова пояснил Рослов, — что пора уже начинать. За пятьдесят минут встряски на гоночном катере человек устает, а усталость может ослабить нервное напряжение, необходимое для связи с Селестой. Пусть Смайли уведет девушку в соседнюю комнату. И уберите охранников. А с нами останется кто-нибудь один — или Джино, или Кордона. Ведь я безоружен.

Не ожидая приглашения, Рослов уселся на место Янины, так и ушедшей, ничего не поняв: ни успокаивающего взгляда Рослова, ни вежливого лицемерия Смайли. С ними ушел и Джино. Начиналось самое страшное: выйдет или не выйдет, со щитом иль на щите? Какая пошлость лезет в голову! И в ушах что-то гудит. Как дробь оркестра во время номера воздушных гимнастов. Все понятно: он просто боится. И не так уж стыдно бояться: ведь он знал, с кем имеет дело, знал, что Трэси играет краплеными картами. Улыбка в начале и пуля в конце разговора. Знал он и кто пошлет эту пулю. Мол-

чаливый Кордона, свидетель-телохранитель, злой демон из наваянного Селестой кошмара Смайли. У него не дрогнет рука: профессионалы-убийцы, как и минеры, ошибаются только раз. Но может быть, в силах Рослова обеспечатить эту ошибку Кордоны?

— Я начинаю, — сказал Рослов и вызвал Селесту.

Тот откликнулся сразу, словно ждал вызова.

«Зачем ты пришел сюда?»

«Чтобы спасти Янину».

«От кого?»

«От этих людей. Они хотят связаться с тобой».

«Знаю. Она противилась этому. Почему?»

«Трудно в двух словах объяснить тебе разницу между порядочностью и подлостью, добром и злом».

«Ты объяснял».

«Теоретически. Для тебя это такие же абстрактные понятия, как «бесконечность» или «пустота». Ты не видишь разницы между Трэси и Смайли».

«Интеллект Трэси выше».

«Возможно. Но для меня простак Смайли всегда предпочтительнее высокоинтеллектуального Трэси. Один честен, добр и порядочен, другой лжив, корыстен и подл. Они по существу взаимоисключающи. Только несовершенство законов в этой части земного мира обеспечивает безнаказанность таких отщепенцев, как Игер-Райт».

«Это твой выбор. Возможно, он верен, хотя эмоциональное в нем преобладает над логическим. Но твоя убежденность не предполагает дополнительной проверки. Зачем же ты вызвал меня?»

«Я ставлю эксперимент. Информативный обмен между мной и Трэси. Через тебя».

«Я знаю. Трэси спрашивает тебя, ты отвечаешь. Я вмешиваюсь».

«При условии, что я на это время становлюсь тобой. Твоим знанием, твоим видением, твоим правом распоряжаться информацией, твоей реакцией на опасность».

По земным понятиям, это было дерзким и рискованным заявлением. Селеста не умел обижаться, но мог расценить слова Рослова как посягательство на свою информативную избирательность, как попытку стать еще одним фильтром на пути информации к ее бездонным хранилищам. Ведь Селеста мог связаться с Трэси и ми-

ную сенсорную систему Рослова, если бы счел гангстера объектом достаточно интересным для информации. Выбор Селесты должен был стать решающим в их судьбе, в самом их физическом существовании, и Рослов ждал этого решения всем существом своим, как подсудимый приговора, как влюбленный еле слышного «да», — ждал и надеялся. И это «да» прозвучало в мгновенном смещении всей психики Рослова. Он вдруг увидел все сразу: Трэси, напряженно и подозрительно обратившего на него свои стальные глаза, плачущую Янину в соседней комнате, молча вышагивающих по коралловому откосу людей-лягушек, а за ними — черно-синий простор океана и цветные точки далеких габаритных огней вертолетов Корнхилла. Увидел даже самого себя в каталептической неподвижности и услышал свой — не свой голос, однотонный и лишенный окраски, как в плохой магнитной записи:

— Спрашивай. Жду.

Для Кордоны и Трэси Рослов исчез — они слышали голос Селесты, — но Рослов не утратил собственного «я», он сознавал, что действительно стал Селестой, вернее, подключился к той области информации, которая исчерпывала ничтожную проблемочку Трэси. Если бы спросили Рослова, что он видел, он бы описал всё, но назвать это «увиденным» он бы не мог. Просто он знал об этом, оно стало его информацией, и он лишь из-за отсутствия более точной терминологии мог бы сказать, что видел не только переговорный зал и пребывающих в нем, но и далекий бразильский порт, шестидесятикилограммовые ящики на причале, скучные лица полицейских с автоматами и плотную стену черных фургонов за ними. Он видел и полутемный трюм военного корабля, ожидающего отправки в порт назначения, и этот порт, где пока еще никто не ждал корабля с золотом, и заслонившего все это ничтожного человечка в синей морской фуфайке, судьба которого зависела уже не от информации Селесты — Рослова, а от воли Рослова — Селесты, и жалок был этот человечек с его псевдомощью и дутым величием — не супермен без возраста, а старящийся хлюпик с дрожащими от волнения губами.

— Спрашивай, — повторил Рослов.

— Несколько вопросов. — Трэси уже овладел собой, по крайней мере внешне, хотя голос его выдавал внут-

ренное напряжение. — Со дня на день из некоего бразильского порта отойдет судно с грузом золота...

— Знаю, — перебил его Рослов. — Что тебя интересует?

— День и час прибытия его в Сан-Франциско.

— В пятницу на той неделе. В четыре часа утра.

— Состав конвоя?

— Двадцать два человека. Из них шестнадцать полицейских.

— Вооружение?

— Автоматы «смит-и-вессон». Гранаты со слезоточивым газом. У сопровождающих груз — личное оружие.

— Количество фургонов?

— Три.

— Откуда информация?

— Приказ по управлению полиции штата номер триста семнадцать. Строго секретно.

Рослов говорил правду. Не было смысла лгать. Вся обнародованная им информация не давала ничего Джошуа Игер-Райту. Его шахматный этюд ошибочен: черные не выигрывают. Рослов читает его мысли и внутренне усмехается. Ведь он может усмехаться: он же еще и Рослов. Его задача протянуть время, выиграть какую-нибудь четверть часа. «Задавайте вопросы, шеф. Сколько угодно. Я удовлетворю ваше любопытство. Любые детали. Ворох информации. Все равно я знаю, как окончится ваша авантюра, как закричат завтра заголовки газет о предотвращенном «преступлении века», и вам, пожертвовавшему своими телохранителями, придется заботиться о собственной безопасности».

Рослов ликовал. Став Селестой, он внес в его копилку информации живые человеческие чувства. Не Селеста заимствовал их у Рослова, а он подарил их Селесте. Было какое-то отличие того, что произошло, от того, что происходило раньше. Тогда Селеста корректировал информацию, пропуская ее сквозь эмоциональный фильтр человека, сейчас сам человек корректировал эту информацию, отдавая ее Селесте уже в готовом, обработанном виде. Он управлял рецепторами Селесты, аппаратом его избирательности, оценки, суждения и воли к действию, запрограммированных заново в процессе слияния человеческого сознания с восприятием живой информативной системы.

Но почему это произошло? Что заставило Селесту изменить своей веками проверенной программе, заложенной в него неизвестно кем, неизвестно где, неизвестно когда? Информационная чистота мысли Рослова? Его сила воли? Состояние человека, который на короткие минуты подключился к необъятности знаний информария? Рослов не искал объяснений. Он просто отвечал на вопросы Трэси, отвечал механически точно: главное было позади. А впереди шумел океан, уныло подвывал ветер в коралловых рифах, и где-то уже совсем близко в эти привычные звуки врвался ритмичный гул приближавшихся вертолетов Корнхилла.

Ни Трэси, ни его люди еще не слышали этого гула. Их миссия уже подходила к концу. Трэси встал.

— Спасибо за информацию. Я узнал все, что нужно.

Ни один мускул не дрогнул на лице Рослова: он все еще был Селестой и пребывал в каталептической неподвижности Живого канала связи. И по-прежнему оставался Рословым, обыкновенным человеком, который не мог приказать Селесте задержать налетчиков до прибытия полиции. Но он мог другое: внушить Невидимке мысль о немедленной опасности, когда включается защитное поле, вырывающее из рук автоматы, а из карманов часы и портсигары, — знаменитое защитное поле Селесты, о природе которого до хрипоты спорила ученая братия.

Чувство опасности нематериально. Его нельзя потрогать, понюхать или рассмотреть. Оно возникает в сознании или в виде мигающей лампочки перед входом в камеру с высоким уровнем радиации, или в виде пистолета, черное дуло которого направлено в твою грудь, или в образе ребенка под колесами налетевшей автомашины. У каждого своя память, свои ассоциации, свои чувства, но реакция одна: повышенное количество адреналина в крови, неистовое напряжение мысли и лихорадочные поиски выхода, а времени на решение отпущено ничтожно мало — доли секунды — только подумать: «Опасность!»

Что успел подумать Рослов? Что представил, что вспомнил он в эту секунду, вряд ли он мог потом рассказать. Но решение было принято верно: грохот, лязг и крики в соседней комнате, пистолет Кордоны, сбивший в полете ворвавшегося в зал резинового аквалан-

гиста, его вырванный из ножен кинжал, метнувшийся мимо, словно оживший, большой студийный магнитофон — глыба металла, только чудом никого не задевшая, и вслед — ругань обезоруженных автоматчиков, топот ног, а потом тишина и оцепенение — немая сцена из «Ревизора». А посреди — груды сцепившихся автоматов, кружек и ножей, часов и пуговиц, зажигалок и аквалангов. Решение было верно и своевременно: Селеста принял сигнал опасности и включил защитное поле.

И никто не пытался разрушить, развалить этого ошестившегося металлического «ежа». Внимание отвлекло нечто другое, более понятное и опасное: гул приближавшихся к острову вертолетов. Кто-то рванулся к выходу, но споткнулся о ловко подставленную ногу Смайли, кто-то замахнулся на него, но он отскочил, ударив нападавшего ребром ладони по шее, снова увернулся от удара, нырнул в открытую дверь и побежал к берегу с криком: — Скорее! Сюда!

Он даже не подумал о том, что вертолеты не смогут подойти к острову: защитное поле Селесты стеной выросло на их пути. Но об этом подумал Рослов. Именно тогда, когда вертолеты подошли к силовой преграде, радиус которой на этот раз был невелик — она не выходила за пределы рифа, — Рослов — Селеста снял защиту. Просто представил себе высадившийся на острове десант — это была мысль Рослова, и мысль трансформировалась в реакцию Селесты: магнитное поле ослабило свою мертвую хватку. Вертолеты повисли над островом, медленно опускаясь вниз, — две большие зеленые стрекозы с желтой надписью «Полиция» на бортах. Из открытых люков, не дожидаясь, когда будут опущены трапы, выпрыгивали полицейские с автоматами наперевес, а два включенных на вертолетах прожектора ослепили обезоруженных налетчиков, столпившихся у входа в «переговорную» и даже не пытавшихся бежать. Бежать было некуда.

Неожиданно в лучевой конус прожектора ворвался Джино, заметался, как заяц в свете автомобильных фар на лесной дороге, и, петляя, побежал к бухте. Он так хотел, чтобы его не увидели, не успели выстрелить, дали добежать до шлюпки, а там... чем черт не шутит! Но Смайли оказался проворнее: выхватил автомат у полицейского и, не целясь, послал очередь в темноту. Сла-

бый вскрик и звук упавшего тела подтвердили, что он не промазал.

Пока полицейские, ругаясь и покрикивая, загоняли бандитов в вертолеты, Смайли вернулся в «переговорную», нашел в распавшейся грудке металла свою «беретту» и тихонько, стараясь не шуметь, вышел на остров: он не хотел мешать Яне и Рослову, забывшим обо всем и обо всех. Янина плакала, обнимая и целуя Андрея, а тот настолько устал, что почти ничего не чувствовал. Словно откуда-то издалека доносился до него истерический шепот девушки:

— ...Прости, Анджей, я не верила тебе, прости, родной, прости...

Волевым рывком он стряхнул с себя оцепенение, прижался щекой к мокрому лицу Янины и сказал ласково:

— Не плачь, глупышка. Все в порядке, все живы... — Он запнулся и добавил: — К сожалению, не все. Поздно мы прибыли, слишком поздно... Не успели.

— А он? — воскликнула Янина. — Почему он не вмешался? Я звала его — он не откликнулся. Почему? Ведь он же мог предотвратить эту бойню.

— Может быть, он не знал? — задумался Рослов. — Он не Бог, Яна. А они знали, что он принимает только стабильную информацию, не оставляли документов, писем, телеграмм, даже пометок в записных книжках. И старались не думать об этом, сговаривались потихоньку, порознь, по телефону, пытались понять друг друга с полуслова, твердо рассчитывая на неожиданность удара. Видимо, и для Селесты налет был в какой-то степени неожиданным, и он запечатлел его не раздумывая, если можно применить этот термин, запечатлел просто как очередную информацию о поведении человека в определенной ситуации. Но он не остался безразличным, Янка, нет, не остался! И мое вмешательство — это прямой результат его воли, его формирующейся личности. Порок все-таки наказан... — Рослов не закончил фразы, вдруг что-то вспомнив, вскочил: — А где Трэси?

Оттолкнув Янину, выбежал из «переговорной», опередил Смайли, тоже рванувшегося к бухте, и остановился, поняв бесполезность своего запоздалого прозрения. Со стороны бухты донеслось рычание гоночных двига-

телей, сейчас же превратившееся в ровный ритмический гул работающих на предельном режиме двух мощных моторов.

— Ушли, — сквозь зубы процедил он и повернулся к Смайли: — Весла выбросить догадался, а про катер забыл. Можешь с ним попрощаться! — Он рванулся и замер перед преградившим дорогу американцем.

— Куда? — спросил тот.

— Пусти! — прохрипел Рослов. — Вертолет. Один еще не ушел.

— Бесполезно. С моторами «Холман-моди» их ни один вертолет не догонит. Катер гоночный, призовой. Они выйдут из трехмильной зоны даже необстрелянные. А за пределами ее Корнхилл с его вертолетами и морскими патрулями никому не опасен. — Смайли вздохнул и добавил: — Катер-то я, впрочем, верну. Они бросят его, когда переберутся на яхту. Смирись, Энди. Старый Джошуа оказался хитрее.

Трэси и вправду оказался хитрее. Он вовремя подумал о катере и вовремя добрался до него. И сейчас Кордона вел катер на предельной скорости, не обращая внимания на выстрелы с острова, и со стороны казалось, что легкое суденышко почти не касается воды, скользя над ней, как на воздушной подушке. Трэси сидел рядом, вцепившись в бортовой поручень, и молчал. Лишь когда из темноты показались габаритные огни яхты, он проговорил, не разжимая губ:

— Облапошили, как последнего простофилю.

— Роли переменились, шеф, — зло усмехнулся Кордона. — Вы не привыкли проигрывать.

— И не хочу привыкать. Игра еще не закончена. А пока тебе придется исчезнуть. Временно. Где-нибудь в Мексике. Когда понадобится, позову.

— А вы, шеф?

— У меня есть алиби. Непробиваемое.

Кордона свистнул.

— Значит, плакало бразильское золотишко?

— А ты рискнешь проводить операцию, когда вся Америка узнает о ней из вечерних газет?

— Кто продаст? — подумал вслух Кордона. — Смайли? Побойтся. Русский? Правда, он назвал вас, шеф. Но у вас алиби. Мало ли похожих людей на свете... Нет, большого шума не будет.

— Кое о чем умолчат, — согласился Трэси. — Раздуть огонь в камине им явно невыгодно: институт еще не открыт.

Кордона затормозил у борта яхты, и, бросив катер с выключенными двигателями на радость Смайли, они поднялись на борт ожидавшей их яхты. Все дальнейшее произошло, как и было рассчитано. Яхта снялась с якоря и, быстро набирая скорость, ушла в Норфолк. Оттуда личный самолет Трэси доставит их в Лос-Анджелес, Кордона исчезнет, а Джошуа Игер-Райт снова превратится в живого божка.

— Нас будут преследовать, сэр? — спросил капитан.

— Не рискнут. Еще полчаса, и мы уже будем в территориальных водах Америки.

Трэси обернулся и посмотрел назад.

Кордона перехватил его взгляд. В нем была решительность, злость, азарт — все, кроме огорчения. Джошуа Игер-Райт действительно был убежден, что игра еще не закончена.

Глава 26

ЕЩЕ ОДНО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЕ

— Тебя ищут, Анджей! Катер сейчас отплывает.

Рослов сидел в «переговорной» у столика, опустив голову на руки. После операции Корнхилла все здесь снова напоминало покинутый публикой цирк.

— Я остаюсь, девочка.

— Зачем? Корнхилл оставляет здесь полицейский наряд до утра.

— Вот я и вернусь с ними.

— Я боюсь, Анджей.

— Еще смешнее. Я не один. Да и нападение не повторится.

— Я боюсь Селесты, Анджей.

— Он друг, глупышка. Теперь уже наверняка можно сказать, что друг.

— И позволил столько убить.

— Его нельзя судить, Яна, по законам нашей морали. Это не человек. Жизнь и смерть для него — информация. И все-таки он друг. Он позволил и еще одно —

очень важное для уточнения контактов. Объяснения после — разговор долгий. А пока включи мои записи. Пленки не в сейфе у Смайли, а у меня в шкафчике. Вот ключ. Кое-что уяснишь. И скажи Корнхиллу: пусть меня не беспокоят.

Оставшись один, Рослов прислушивался минуту-другую, не войдет ли Смайли или инспектор полиции. Он даже приоткрыл дверь к причалу, но все было тихо. Потом раздался гудок отплывающего катера, и, облегченно вздохнув, Рослов захлопнул дверь. Теперь можно было ожидать прямого контакта с Селестой. Откликнется ли он, ответит ли? А у Рослова были вопросы, на которые он сам ответить не мог. Почему Селеста принял такое неожиданное решение? Правда, не совсем неожиданное: Рослов просил об этом. Но почему он согласился? Из запрограммированного любопытства к «осложненной» информации? А ведь он мог и не осложнять ее: довести до конца информативный обмен с Игер-Райтом, не переключая «игру» на Рослова, рефлексивно среагировать на появление Корнхилла и позволить налетчикам уйти с необходимой им информацией. Сложилась явно проблемная ситуация. Требовалось принять одно из двух взаимно исключающих друг друга решений. Нужна была воля, личность. Селеста ее продемонстрировал. Понял ли он это и было ли это сознательной, хотя и подсказанной мыслью? Подсказанной Рословым, его отчаянным призывом к воле Селесты. Выполнялась ли этим уже измененная программа «поиска» информации или дополнительно программировались новые задачи?

Селеста ответил, как всегда, неожиданно и без «миражей»:

— Слишком много вопросов. Начинай по порядку.

— Почему ты согласился на подсказанный мной подмен?

— Интенсивность волны. Мысль высокой энергетической мощности и большой информационной чистоты.

— Но ты мог не согласиться, мог дать информацию, нужную Игер-Райту, и отпустить его с миром.

— Мог.

— Ты знал, о чем он собирается спрашивать?

— Знал.

— И сознательно не остановил эксперимента, когда я повел его по-своему?

— Да.

— Значит, ты знал и о моих планах, когда подключал мое сознание к твоему информарию?

— Знал.

— Тогда ты сделал выбор, а для выбора нужна воля. Ее не включили твои создатели в сумму идей, заложенных в программу. Следовательно, новая идея была заложена после. Я имею в виду выбор решения в проблемной ситуации.

— Да.

— С нашей помощью?

— С твоей.

— Спасибо. С расширением программы расширяется и область «поиска» информации, заключенной в контактах, в частности в разнообразной форме человеческих рассуждений. Ты можешь не только отвечать, но и задавать вопросы, а получая ответы, принимать решения. Для таких решений нужен критерий.

— Он есть.

— Какой?

— Твой. Я совершенствуюсь.

— Тем лучше. Тогда подключи меня к Игер-Райту. В твоих контактах с человечеством полезно знать не только друга, но и врага.

— Он сейчас спит.

— Где?

— На яхте. В Норфолке их ждет самолет — собственный, сверхскоростной.

— Кого «их»?

— Их двое. Он и Кордона. С пилотом самолета они уже связались по радио. Тотчас же по прибытии в Норфолк вылетят в Лос-Анджелес. Там Кордона исчезнет, а Игер-Райт прямо с аэродрома проследует на виллу в Санта-Барбару.

— Когда он прибудет?

— К утру.

— Подключи меня тотчас же. А пока я прилягу в дежурке радиста...

Рослов проснулся от сильных ударов по телу на резиновой кушетке, возле мраморного бассейна в полу в ослепительно белой ванной. Массажист «работал» над его поясничными мышцами.

— Вот что значит спать сидя, шеф, — сказал он, сильно и ловко поворачивая Рослова на бок.

И тут-то Рослов увидел свое — вернее, не свое — тело, более крупное, упитанное и волосатое. Он хотел тронуть подбородок и не мог: рука не повиновалась его мысли, но по тому, как провел рукой массажист по его шее, он понял, что и привычная борода исчезла. Теперь он понял, что «подключен» к Игер-Райту, который думал о другом, не сознавая своей связи с Рословым: два сознания, две личности. Одной принадлежит тело и окружающий мир, другая подключена к ней, как универсальный видеофон. Трэси мыслит и действует, ничего не зная о близости Рослова, Рослов контролирует все его мысли и действия, не имея возможности ничему помешать. Ему уже давно надоел массаж, но он бессилён сказать «хватит!», а вместо этого, покорно подставляя свое тело шлепкам, спрашивает чужим, хрипловатым голосом:

— Что ты сказал репортерам?

— Что вас только что привезли из клиники и врач разрешил теплую ванну и массажные процедуры.

— Что они спрашивали?

— Какой массаж: лечебный или обычный? Я сказал, что доктор Хис предпочитает обычный и считает вчерашний инцидент чистой случайностью, не угрожающей состоянию здоровья.

— Книжно изъясняешься. Отрепетируй попроще. Хис здесь?

— Ждет в приемной. Вместе с ним тип в золотых очках и с недозревшей бородкой.

— Пусть подождет. Позови Хиса.

«Интересно, когда Трэси привезли из клиники и почему из клиники, связан ли Хис с клиникой и зачем Хис вообще?» — подумал Рослов, а голый человек на кушетке тоже подумал: «Хис не спешит. Хороший признак».

Хис, тучный, представительный мужчина, нежно-розовый, несмотря на свои пятьдесят, действительно не спешил. Вошел с чувством профессионального достоинства и сел на табурет массажиста без приглашения, положив в ноги лежавшему пачку пухлых двухцветных газет.

— Вчерашние вечерние? — спросил Трэси.

— Есть и вечерние.

— Прочти вслух. Я без очков.

Хис развернул газету и прочел на первой странице:

— «Финансист отменяет прием. За несколько минут до появления гостей на вилле Джошуа Игер-Райта его увозят в частную клинику доктора Хиса. Острая боль в области грудной клетки. Однако боль скоро проходит, и специальные кардиологические исследования не обнаруживают серьезных нарушений сердечной деятельности. Доктор Хис и дежурный персонал клиники успокаивают друзей больного: «К утру профессор будет уже дома, а пока сон, сон, сон».

«Почему профессор?» — мысленно спросил Рослов, а Игер-Райт спросил устно:

— А что в утренних?

— То же самое, шеф. Финансовый обозреватель Джо-ни Листок даже позволяет себе пошутить: «В связи с внезапным заболеванием Джошуа Игер-Райта держатели акций сомалийских радиоактивных руд обеспокоились, не вызвана ли болезнь упорно циркулирующими слухами о предстоящем понижении этих акций на бирже в Нью-Йорке? Спешим успокоить встревоженных: болезнь выдающегося ученого-финансиста оказалась столь же недолговечной, сколь и слухи, якобы ее породившие».

Голый человек на кушетке хохотнул и надел халат.

— Неплохо сработано.

— Железобетонное алиби, сэр.

«Все подготовлено, — подумал Рослов, — место, время, событие, свидетели. Даже газеты в лице репортеров, редакторов и обозревателей деятельности выдающегося финансиста. Кто ж поверит, что выдающийся финансист в это время за две тысячи миль отсюда руководил бандой налетчиков в территориальных водах другой мировой державы? Даже Корнхилл сделает вид, что ошибся».

В халате Игер-Райта Рослову было жарко, но тот, должно быть, привык. Потянувшись, он сказал Хису:

— Кто был с вами в приёмной? Видер?

— Он.

— Наверное, сердится, что я предпочел сначала увидеть тебя?

— Кто и когда на вас сердится, шеф? Тем более Видер. Вы же ему платите втрое больше, чем мне.

— Он стоит этого, Хис.

— Я понимаю: сомалийские руды?

— Не только. Он физик, Хис. А наше время — век физики. Проведи-ка его на «островок уединения», достань виски и скажи, что я сейчас выйду.

Не переодеваясь, в том же халате, Рослов — Трэси подошел к зеркалу и мысленно усмехнулся: на него глядел шеф банды налетчиков, тот же гибкий и подвижный, несмотря на торс тяжеловеса-борца, не молодой, но и не старый, умевший в свои шестьдесят казаться моложе на двадцать лет, в каждом своем движении хищник; только вместо синей матросской фуфайки на нем пестрел цветастый персидский халат. «Еще держусь», — с удовлетворением подумал Трэси. «Сволочь», — прокомментировал Рослов и в чужой, ненавистной шкуре не спеша прошел в неожиданно открывшуюся дверь, хотя в ней не было ни кнопок, ни ручек. «Фотоэлемент», — успел подумать он и шагнул навстречу поднявшемуся с ближайшего кресла долговязому блондину с русой бородкой и в очках с тоненьким золотым ободком. Игер-Райт ничего не думал, он просто шел, как хозяин навстречу слуге, высоко, очень высокооплачиваемому слуге, но оплата в данном случае интересовала лишь слугу, а не хозяина. Он даже не считал нужным одеться для разговора с ученым, терпеливо поджидавшим его, наверно, более часа. Он не разглядывал и зала, в котором все было «не делово» и «не кабинетно», а столики с напитками и сгруппированные возле них кресла напоминали «островки уединения», о которых Игер-Райт говорил Хису. Здесь Игер-Райт, несмотря на халат и голую волосатую грудь, был все-таки Игер-Райтом, а не Трэси; «выдающимся финансистом», а не атаманом шайки морских пиратов; владельцем одной из богатейших вилл в Южной Калифорнии, а не дирижером сомнительных операций, участники которых называли его весело и дружелюбно «шеф».

— Я подготовил все материалы, профессор, — вежливо сказал Видер.

«Опять профессор», — удивился Рослов и тут же получил разъяснение.

— Брось «профессора», сынок, — поморщился Трэси. — Профессор — это учитель. Профессор я для таких же тузов с мощной, потому что больше их смыслю в передовой науке, вернее, в том, как выгоднее и лучше ее использовать. А ученых, которым я плачу, мне учить нечему. Им я приказываю.

— Слушаю, сэ.

— Отбросим и «сэра». Разговор на равных. Я спрашиваю — ты отвечаешь. Не понимаю — объяснишь. Только не забирайся в научные джунгли — я не магистр и не бакалавр. И не упрощай: читаю не только комиксы.

Игер-Райт помолчал, позволяя Рослову оценить положение: разговор пойдет о Селесте, об этом знают оба, и оба к нему готовы.

— Селеста — разведчик другой планетарной цивилизации. Таково всеобщее мнение, — начал Трэси.

— Не всеобщее, но бесспорное. И даже не планетарной, а, может быть, галактической.

— Значит, в любой момент собранная на Земле информация может оказаться в распоряжении этой цивилизации?

Видер подумал и ответил, скрывая недоумение:

— Теоретически — да. Но Селеста существует семь тысяч лет, если принять за основу наше летосчисление и правдивость высказываний. С не меньшей вероятностью можно допустить и большее долголетие: почему семь, а не восемь или сто восемь? А вдруг проблема надежности информария рассчитана не на тысячи, а на миллионы лет? Таких допущений можно сделать сколько угодно. Информация Селесты поступала и продолжает поступать по адресу его отправителей. Поступление информации прекратилось, но информарий не уничтожен. Цивилизация, создавшая Селесту, давно погибла, а селектор работает вхолостую. Ни одно из этих допущений не позволяет говорить об угрозе для человечества.

— А для частных лиц или организаций?

— При неуправляемых контактах — да. Даже для государств. Но угрозу можно предотвратить специальной договоренностью, как, скажем, ядерную войну.

— Не проще ли уничтожить сам информарий?

— Как уничтожишь нечто невидимое и невещественное? — удивился Видер. — Судя по опубликованным данным, Селеста даже не газ, а незнакомый нам вид энергии.

На этот раз Трэси ничего не спросил, он молча сосал сигару, позволяя Рослову читать его мысли: «Можно, конечно, раздуть кампанию, популяризирующую прямую или косвенную угрозу Селесты. Можно даже создать партию на этой платформе и проташить своего кандидата в

губернаторы или в сенат. Потребуется крупные, очень крупные капиталовложения... А в итоге? Нуль. Можно пощупать лобби¹ в Вашингтоне. Продвинуть проект изоляции Селесты, подбросить его делегату в ООН, а под щитом изоляции попробовать легальные собственные контакты... Долго и дорого. Не окупится».

А вслух он спросил:

— Кто, по-вашему, возглавит контакты? Институт Мак-Кэрри? ЮНЕСКО?

— Едва ли, — усомнился Видер. — Думаю, выше. Может быть, даже непосредственно Совет Безопасности.

— С правом вето?

— Вето понадобится, когда правительство какой-нибудь страны попытается использовать Селесту в своих интересах. Уже поговаривают о создании особого цензурного комитета под эгидой ООН.

— Для политической информации?

— Не думаю, — покачал головой Видер; очки спрятали не очень почтительную усмешку во взоре. — Политическую информацию, — повторил он убежденно, — вообще исключат. Наверняка. Но иногда и научная может служить делам и замыслам, от науки далеким.

— Не глупо, — сказал Игер-Райт и спросил, как показалось Рослову, сам не веря в то, что спрашивает: — А, скажем, особые часы информации для экономического прогресса? Я имею в виду интересы коммерческих фирм.

Видер уже совсем невежливо усмехнулся:

— Вам, я думаю, незачем говорить о том, как трудно сейчас хранить коммерческие тайны. А с вмешательством Селесты тайн вообще никаких не будет. Вы можете представить себе последствия?

Опять не ответил Трэси, и опять Рослов услышал его безмолвный ответ: «Кто-кто, а уж я-то могу представить эти последствия. Мальчик прав: никаких «экономических часов» тоже не будет. Но любой цензурный комитет составляется из людей, а стоимость любого из них исчисляется в долларах».

¹ Л о б б и — политические кулуары в американском Конгрессе, где влиятельные лица ищут поддержки или противодействия выгодным или невыгодным для них законопроектам.

— Тогда забудем об этом, — сказал он вслух.

Видер искренне удивился:

— На что же вы меня ориентируете?

— На то, что сказал. Забыть о нашем разговоре и о Селесте.

— А институт Мак-Кэрри? Вы же хотели послать меня в секцию физиков. — В голосе Видера дрожало разочарование.

Живот Трэси всколыхнулся от смеха.

— И пошлю, — услышал Рослов. — Только ты забудешь об этом как можно прочнее. И никаких дневников и писем. Селеста снимает все документированные записи. И мысли, если их много. Но я перехитрю его. Решение будет принято сразу, без размышлений. Зря потраченное время, сынок, обходится слишком дорого. А виноватый заплатит.

Последней реплики Трэси Видер не понял, но понял Рослов. Игер-Райт оценивал бурно и бесполезно прожитую ночь: он не прощал и не простил. И когда Рослов увидел темные кресла амфитеатра и золотое небо в стеклянных полотнищах «переговорной», он тут же спросил:

«Слышал?»

В сознании откликнулось:

«Конечно».

«Как ты оцениваешь информацию?»

«Как сигнал опасности. В будущем».

«Трэси умен».

«Как враг».

«Ты уже научился отличать друзей от врагов, — засмеялся Рослов. — Не упускай его из-под наблюдения».

«Я не наблюдаю. Я улавливаю мысли, если они посылают волну достаточной для приема мощности».

«А если его решение будет внезапным?»

«Решение — уже мысль. Все зависит от ее интенсивности».

Селеста ответил и отключился. Рослов сразу почувствовал этот мгновенный и, как всегда, неожиданный обрыв связи. Шатаясь от усталости, он вышел на срез острова. Полицейский пропустил его без опроса, и Рослов подошел к белой глянцевой кромке скалы, где клубящаяся рыжая пена заполняла неширокую водную гладь между гаснущими на подводных коралловых волноломах высо-

кими океанскими волнами и белым обрывом рифа. Позолоченная синева неба висела над ним, и где-то, высоко или низко, близко ли, далеко, в его чистейшей тиши таился «некто», невидимый и неощутимый, неподвластный ни природе, ни человеку, и все же не враг, а друг.

Глава 27

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Рослов застал Янину в слезах. На тарелках стыли гренки с поджаренной ветчиной, а в больших чашках — кофе по-варшавски, восхитительно приготовленное Яниной.

— Пришел... — всхлипнула она и перекрестилась мелким крестом у лица.

— Совсем сценка из сентиментального фильма. Несчастливая жена встречает пропадавшего всю ночь пьяницу-мужа, — сказал Рослов. — Я, между прочим, не знал, что ты верующая.

— Я же католичка, Анджей. Выросла в религиозной семье. Но у меня это просто привычка, условный рефлекс.

Рослов вытер ей слезы ладонью, хлопнул по спине, как девчонку в туристском походе, сказал весело:

— У супругов Кюри религиозных рефлексов не было. И у нас не будет. Тут такие пироги, Янка...

Рассказать он не успел. Прожужжал телефонный зуммер. Звонил Корнхилл:

— Уже позавтракали? Нет? Поторопитесь. Внизу в холле все зазимовавшие здесь репортеры. Мертвый сезон их не пугает. Откуда узнали? Понятия не имею. Люди мои не болтливы, но кое-кто, вероятно, не утерпел. Словом, мы со Смайли и вы с мисс Яной — первые жертвы на пиршестве людоедов. Но до пиршества надо договориться. Мы сейчас подыдемся к вам по служебному ходу, чтобы ненароком нас не перехватили у лифта.

В номер Корнхилл и Смайли вошли без стука, сразу захлопнув дверь.

— Проскочили, — облегченно вздохнул Корнхилл. — В гостинице о ночном рейде знают все, от портье до бар-

мена. Что же вы хотите от репортеров? Они жаждут подробностей — откуда появились налетчики, чего хотели и чего добились.

— И кто возглавлял их, — добавил Смайли.

Корнхилл поморщился:

— Не торопись. Об этом и речь. Я бы не упоминал Игер-Райта.

— Почему?

— Трэси никогда не рискует зря. Отправляясь в поход, он наверняка обеспечил себе непробиваемое алиби. Никого из нас не обрадует привлечение к суду за диффамацию. Подождем новостей из Лос-Анджелеса.

— Я уже знаю их, — сказал Рослов. — Вчерашний прием на вилле в Санта-Барбаре был отменен из-за внезапного сердечного приступа у хозяина. За пять минут до съезда гостей его в бессознательном состоянии отвезли в клинику доктора Хиса, а после соответствующих процедур рано утром вернули домой. Кто видел это, не знаю, но подтвердят многие, начиная с дежурной полицейской охраны и кончая ночным персоналом клиники. К тому же все это уже удостоверено и местной и лос-анджелесской печатью.

— Селеста? — понимающе спросил Корнхилл об источнике сведений Рослова.

Тот кивнул.

— Вместо Игер-Райта назовем неизвестного полиции человека в синем матросском свитере и темных очках.

— Он был без очков, — сказал Смайли.

— Тем лучше. Нет смысла даже упоминать о сходстве. Об этом все равно никто не напишет, а устное сообщение так или иначе дойдет до Трэси. Что за этим последует, кто-кто, а Смайли отлично знает.

— А мне зачем знать? — с вызовом спросил Рослов.

— Чтобы не торопиться с разоблачениями.

— Ну а если потороплюсь?

— Ничего не выиграете. Во-первых, я, как начальник полиции, официально опровергну любую попытку разоблачения, а во-вторых, лично вы Игер-Райта в глаза не видели — портреты его не публикуются, следовательно, даже о сходстве говорить у вас нет оснований.

— Селеста подтвердит не сходство, а тождество.

Корнхилл с сожалением взглянул на Рослова.

— Вы, может быть, великий ученый, мистер Рослов, но плохой политик. Спросите хотя бы у Смайли, выгодно ли сейчас восстанавливать против себя калифорнийского мультимиллионера? Я имею в виду не вас лично, а ваше детище. Институт еще не открыт, и стоит ли множить число его противников? Вы думаете, их нет?..

Вынужденный согласиться, но предельно обозленный, Рослов отвечал на вопросы журналистов сквозь зубы и очень кратко.

— Что вы думали, доктор Рослов, когда передавали ответы Селесты налетчикам?

— Ничего не думал.

— Поясните.

— Я передавал их машинально, как обычно в состоянии ретрансляции. Но запомнил всё. Подробности вы уже знаете от Корнхилла.

— Вы сообщили о нападении вашему правительству?

— Зачем? Это частный случай, находящийся в компетенции местной полиции.

— Как вы оцениваете ее действия?

— Как своевременные и результативные.

— А что вы скажете о «преступлении века»?

— С таким вопросом вам лучше обратиться непосредственно к заинтересованным лицам.

— Еще вопрос, доктор Рослов. Почему Селеста, безразличный к человеческой этике и морали, стал на сторону закона, а не его нарушителей?

Вопрос был тонкий и, как говорится, с «двойным дном». Ответить можно было с полезной рекламой Селесте или насторожить его недоброжелателей. «Может, отшутиться? — подумал Рослов. — Или сказать просто: не знаю, Селеста, мол, феномен еще не разгаданный, символический «черный ящик», черт его знает, почему и зачем». Но, подумав, все же решил высказать свое соображение: ведь прочитать его могли не только лавочки, но и ученые. К сожалению, он не предполагал, что лавочки окажутся инициативнее.

— Общение с Селестой позволяет мне сделать одно, может быть и спорное, заключение, — сказал он. — К контактам с человеком Селеста пришел заранее запрограммированный, с ненасытной жадой информации, свободный от решений, диктуемых человеку механизмом его эмоций. Но Селеста — это саморегулирующаяся и

самопрограммирующаяся система. Постепенно общение с человеком, взаимный информативный обмен обогащает программу хотя бы за счет присущих человеку эмоций. С каждым контактом Селеста как бы «очеловечивается». Отсюда и свойственные не машине, а человеку решения.

Все высказанное Рословым и его спутниками журналисты добросовестно запечатлели на своих портативных магнитофонах и побежали на телеграф. А прибывший к концу этой импровизированной пресс-конференции Барнс заметил с присущей ему желчной назидательностью:

— Зря вы раздули эту историю. Как бы не пришлось потом пожалеть.

— Но мы не назвали Игер-Райта, — сказал Корнхилл.

— Дело не в именах, а в цели налета. Я понимаю: сенсация. Десять миллионов долларов не будут отняты у калифорнийских банков. Но меня, честно говоря, волнует больше судьба будущих контактов с Селестой.

— А что же им угрожает? — удивился Корнхилл.

— Вы — полицейский, Корнхилл, и рассуждаете как полицейский. Для вас предотвращение, хотя бы с помощью Селесты, преступления такого масштаба — доблесть. Но не окажутся ли газетные отклики на эту, допустим, доблесть, метафорически говоря, первым дымком разбуженного вулкана? Рослов улыбается... Спросите, Корнхилл, почему он улыбается? Как-то мы обсуждали с ним один вполне вероятный вариант понимания контактов с Селестой. Что ж, Игер-Райт уже показал этот вариант. На юридическом языке он называется раскрытием охраняемой законом секретности и к науке никакого отношения не имеет. По-моему, ваша болтовня подсказала его сотням тысяч читателей.

Барнс оказался провидцем. Вариант Игер-Райта подогрел славу Селесты, но уже не под флагом науки. Рядовые читатели объявлений и крупнейшие рекламодатели одинаково встревожились: а что будет с миром, если исчезнет секретность? Спроси Селесту, и станет явной любая тайна, от интимной до государственной. А законный обман, на котором испокон веков держалась и держится частная коммерческая инициатива, будет немедленно разоблачен и конкурентом и потребителем. И, отражая крик души перепуганного читателя, обозрева-

тель лондонской «Дейли миррор» так прямо и вопрошал: «Каким же будет наше общество без тайн и секретов? Что предпримут держатели акций и пайщики банков, обнаружив дутые фонды и опустевшие кассы? Что ожидает магнатов новейшей электронной промышленности, созданной для рассекречивания коммерческих тайн? Что станут говорить владельцы патентов на аппаратуру для дистанционного подглядывания и подслушивания? Не угрожает ли нам новая эпидемия самоубийств, быть может самая страшная со времени экономического кризиса тридцатых годов? Или междоусобные войны в окопах акционерных обществ и на полигонах бирж, банков и ссудных контор? Нет тайны — нет кредита, нет доверия, нет спокойствия. Я не обижу читателей, если спрошу от их имени: а нужен ли вообще миру Селеста и не разумнее ли обойтись без него?»

— Неужели все это всерьез? — удивился Рослов, передавая Барнсу номер газеты, когда они втроем с Яниной разбирали у Смайли утреннюю почту конторы.

— А вы думаете, он шутит?

— Признаться, да.

— Вы плохо знаете англичан, — усмехнулся Барнс. — Чаттертон не шутил, когда подделывал Шекспира, а Макферсон придумал Оссиана не из присущего ему чувства юмора. Английский юмор не маскируется. Поэтому читатели никогда не обижались ни на Джерома, ни на Вудхауса. А вот на автора «Дейли миррор» обиделись. Именно потому, что он не шутил, допуская, что частная инициатива не всегда честная инициатива. Нельзя обнажать святыню среднего англичанина. Иначе он возьмет под защиту даже Селесту. — И Барнс процитировал: — «Тайны может разглашать любая электронно-вычислительная машина. Она же может и оберегать их. Все зависит от управления. Не задавайте Селесте коварных вопросов, поставьте барьер для таких вопросов, железное сито для нездорового любопытства, холодный ум цензора. Есть тайны — и тайны. И только специалисты, облеченные доверием общества, могут определить, какие тайны полезны и какие опасны для нашего политического и экономического прогресса». Это письмо в редакцию «Таймс», подписанное консультантами трех лондонских банков, — пояснил Барнс. — Как видите, может быть и такое понимание контактов.

Действительно, понимание контактов с информативным феноменом было различно не только в Англии. Рослов и Яна разложили все газетные вырезки на стопочки примерно с одинаковым набором высказываний. Наборы распределили по темам:

Изоляция Селесты.

Ограничение и цензура контактов.

Вне науки.

Только наука.

Божий промысел.

«Изоляционисты» настаивали на полном отказе от каких-либо контактов. Уничтожить Селесту никто не предлагал. Как уничтожишь что-то невидимое, не определяемое никакими приборами и неизвестно где пребывающее — в атмосфере ли, в стратосфере или, быть может, в околоземном космическом пространстве, — словом, нечто невещественное, но обладающее достаточными защитными средствами против вмешательства земной техники. Но изолировать информарий можно. Ограничить потребление информации за счет непосредственных контактов с человеком, помешать использованию разума и чувственного аппарата человека, как проявителей и корректоров информации, — это в силах и возможностях человечества. Мощный военноморской кордон вокруг «белого острова» надежно отрезает его от людей. Изолируют же у нас склады радиоактивных материалов или другие особо опасные для человека места. А кто скажет, что Селеста не представляет такой опасности? Кто это докажет? А может быть, эта недоказанная неведомая опасность начисто сотрет все то, что извлечет из контактов наука?

«Изоляционистам» возражали «лимитаторы». Отрицая неведомую, а потому и недоказуемую опасность, они предлагали рецепты для защиты от опасности ведомой и доказательств не требующей, вроде угрозы устранения законной секретности. «Лимитаторы» требовали создания особого цензурного фильтра для контактов с Селестой, предварительного рассмотрения всех вопросов, которые могли быть заданы информарию.

Барнс перелистал подобранные им газетные вырезки.

— Есть и другие проекты, — сказал он. — Баумгольц и другой наш общий друг, Чаррел, не сговариваясь, фактически предлагают поставить Селесту вне науки. Они

не отвергают изучения его как феномена, но решительно отрицают ценность взаимных информативных контактов. Отдайте Селесту на откуп кому угодно, кроме науки. Наука, как Пилат, умывает руки и отправляет Селесту на Голгофу военных, коммерческих и прочих секретов. Не удивлюсь, если опыт Игер-Райта найдет последователей. — Барнс, перебирая вырезки, читал заголовки: — «Мы не боимся игры с открытыми картами. У нас хватит долларов, чтобы оплатить ставки». Это, между прочим, мультимиллионер Фокс из прославленного Далласа. «Нет больше тайн — тем лучше. Перейдем к здоровой конкуренции джунглей». А это его коллега из Орегона. «Отстраним коммунистов от контактов с Селестой. Пусть «очеловечивается» под началом стоящих американских парней». По-моему, эта берчистская реприза по вашему адресу, Рослов. А вот и концовка: «Кто владеет тайнами нашего мира, тот и станет его владыкой». — Барнс вздохнул и добавил: — Я не коммунист и не социалист, но могу честно сказать, что наиболее трезво и разумно пишут только в Москве.

Московские газеты не полемизировали с трескотней Запада. В заявлении ТАСС кратко указывалось, что по инициативе советских представителей в Организации Объединенных Наций достигнуто соглашение о подчинении создаваемого ЮНЕСКО международного научного института под условным названием «Селеста-7000» непосредственно Совету Безопасности ООН. Все дальнейшие шаги в этом направлении, равно как и взаимный информативный обмен с бермудским феноменом; допускаются лишь с ведома и разрешения Совета Безопасности или уполномоченных им организаций и лиц.

Одновременно опубликованное обращение руководства Академии наук СССР к ученым всего мира так же категорично и ясно выражало свое согласие с подчинением деятельности института «Селеста-7000» непосредственно Совету Безопасности и ограничением проблематики контактов исключительно интересами мира и научного прогресса. По мысли авторов обращения, с такими вопросами, как тематика, важность и очередность контактов, мог бы справиться специальный координационный комитет, избранный руководством института и утвержденный Советом Безопасности. Обращение также предостерегало ученый мир Запада от

безответственных раздувателей новой антикоммунистической истерии, возвращающей человечество ко временам «холодной войны».

— С удовольствием подписываюсь, — заключил Барнс. — Разумно. Точно. Целесообразно. Даже сравнить нельзя с этой стопочкой, которую хочется смахнуть в корзину. Я не жду специальной римской энциклики, но когда мне подсовывают вместо нее бред католического профессора Феррари о мировом разуме, меня тошнит. Мировой разум, оставляющий свои частицы-информации на каждой планете, заселенной гуманоидами, а сам пребывающий во вселенском океане Дирака, оказывается не кем иным, как Богом-отцом, утверждающим в мире свое вездесущие и всеведение. Хорошо? Разумно? Точно? И заметьте, опубликовано не в Ватикане, а в Лондоне, и не в какой-нибудь сектантской листовке, а в колонке писем в редакцию «Таймс». Вот так. — Барнс брезгливо вынул листок из пачки. — Надеюсь, вы не будете возражать, если я пошлю эту вырезку епископу Джонсону? Пусть порадует.

Но Джонсон не обрадовался. Он тоже написал письмо в редакцию «Таймс», и оно тоже было напечатано как сенсация. Служитель Бога и один из свидетелей его промысла на Земле отстегал католического профессора, как нашкодившего мальчишку.

«Я не был в космосе и не могу экспериментально опровергнуть гипотезу синьора Феррари о мировом Разуме, якобы пребывающем в межзвездном пространстве. По-моему, она уже опровергнута советскими и американскими космонавтами. Но вторую гипотезу ученого-теолога о пребывании частицы этого Разума у нас на Земле могу опровергнуть и я. Частица эта в непосредственном контакте со мной и моими друзьями решительно отвергла и свое божественное происхождение, и свою якобы мировую всеобщность. Мне бы очень хотелось лично связать апологета мирового Разума с продуктом его философии, чтобы лишний раз убедиться в превосходстве просто разума над всеми измышлениями о мировом».

— Как бы не пришлось вам снять облачение, ваше преосвященство, — развеселился Барнс, прочитав опубликованное письмо епископа. — Письмецо-то не по сану. А что вы еще умеете? Ничего. Ни хоккеистов тре-

нирывать, как патер Бауэр, ни стрелять по мишени, как пастор Андерсон.

— Не унывайте, епископ, — сказал Рослов. — Вы всегда можете сменить ваш черный сюртук на твидовый пиджак со шлицами, а воротничок надеть обыкновенный, как все мы, грешники. На работу же ходить не в собор на горе, а в институт на побережье. Нам ведь понадобится эксперт-теолог.

Рослов делал это предложение уже в качестве официального лица. От Советского Союза в руководство института «Селеста-7000» были выдвинуты доктор физико-математических наук Андрей Рослов и член-корреспондент Академии наук СССР Семен Шпагин.

Глава 28

МЕМОРАНДУМ ШПАГИНА

Избрание Шпагина членом-корреспондентом Академии наук было для многих и для него самого неожиданным. Когда сообщение об этом достигло отеля «Хилтон» в Гамильтоне, Янина лукаво спросила Рослова:

— Не завидуешь, Анджей?

Чувство зависти всегда было чуждо Рослову, во-вторых, он по-братски любил Шпагина. Поэтому он сказал:

— Знаешь, кто-то отлично сострил: двуликий Янус, древнеримский Бог, был очень растерян — он получил от Юпитера приглашение на пир со штампом «на одно лицо». Семка сейчас, должно быть, так же растерян. Мы ведь близнецы-двойняшки в науке. Мыслишка у одного, мыслишка у другого, единожды два — открытие. А тут билет со штампом «на одно лицо».

Рослов не ошибся. Растерянный Шпагин прислал телеграмму: «Не поздравляй. Смущен, расстроен, отказался бы, если б такой отказ был тактичным. Но мне объяснили, что причиной избрания было не столько наше открытие, сколько мой проклятый меморандум. Считай это нескорректированной ошибкой случая вроде пресловутого билета со штампом «на одно лицо». Двуликий Янус».

Телеграмму Шпагин послал с трудом: ее не хотели принимать, считая шифровкой. Пришлось писать объ-

яснительное письмо, заверенное месткомом. А меморандум, упомянутый в телеграмме, объяснения не требовал: о нем уже знал весь мир, включая московских телеграфисток.

Собственно, это был не меморандум (так называли его уже за границей), а доклад на состоявшемся в Москве в то время симпозиуме по вопросам биокибернетических исследований, дерзкая попытка объяснить все: происхождение бермудского феномена, его появление на Земле и связанные с ним физические аномалии, а также программу и алгоритмы его работы — механизм настройки и отбора информации, ее восприятия и корреляции, хранения и воспроизведения в процессе ассоциативного мышления. Шпагин шел и дальше, пытаясь разгадать и самый процесс мышления феномена, мысли-суждения, мысли-воли, диктующей решение задачи на основе уже накопленной информации. Не сговариваясь с Рословым, он пришел к тем же выводам о селекторе, как о самопрограммирующейся системе, способной изменяться в зависимости от воспринятой информации и непосредственного информативного контакта с человеком.

Его доклад на симпозиуме сравнивали со взрывом «сверхновой». Академическая рутина научного собрания, спокойное течение сменяющихся докладов и сообщений, приоритет высоких научных репутаций и благовоспитанная смелость молодых, еще не ставших авторитетами, — все это раскололось, сместилось, смешалось, вспыхнуло. Снова столкнулись знакомые вариации архаистов и новаторов, типичных для любой научной среды. Коэффициент уважения к авторитетам снизился до нуля, молодые кандидаты наук отважно опровергали академиков, да и ядро академиков утратило свою однозначность.

А доклад Шпагина перешел границы, проник в западноевропейскую науку, пересек океан. Сайрус МакКэрри телеграфировал: «Поздравляю. В основу работы института «Селеста-7000» положен уже не мой, а ваш меморандум. Черный ящик вы сделали белым». Рослов тоже прислал телеграмму: «Не задирай носа, помни, что Колумб, а не Америго открыл Америку. Когда оглашался твой меморандум, супруги Кюри уже начали обучение селектора». На телеграммы Шпагин не отвечал: он уже ехал в Гамильтон в качестве второго представителя советской науки.

Но «Меморандум Шпагина» приобрел известность не только в научных кругах. Эти два слова вошли в сознание уже по признаку неразрывности имен собственного и нарицательного, подобно тому как неразрывно это сочетание в таких словах, как рычаг Архимеда, таблица Менделеева или бином Ньютона. Две страницы московского иллюстрированного еженедельника создали Шпагину эту неразрывность с его меморандумом. Сотрудник журнала накануне его отъезда взял у него интервью и пересказал услышанное, кое-что упростив, а кое-что недодумав, в форме чередующихся вопросов и ответов. Один американский корреспондент в Москве передал этот пересказ в свою газету, а далее уже действовала цепная реакция: пересказ пересказывался, сокращался и перепечатывался, пока миллионы читателей во всем мире не разобрались в механизме бермудского «черного ящика».

Вот как это было вначале.

В о п р о с. Что вы могли бы добавить к газетным откликам на ваш доклад на симпозиуме? Обобщенность и краткость их не дают читателю достаточного представления о бермудском феномене. Вы действительно убеждены в том, что это посланец внегалактической цивилизации?

О т в е т. Может быть, из нашей метagalактики; может быть, из более далеких глубин Вселенной. Предполагать трудно. Вероятно, где-то в космосе находилась или находится отправная станция, с которой одновременно или поочередно выходили в межзвездное пространство аналогичные объекты, так сказать, по разным «адресам».

В о п р о с. Вы убеждены, что «адреса» выбирались точно?

О т в е т. Едва ли. Видимо, программа полета и поиски «адреса» обуславливались какими-то неизвестными нам параметрами. Солнечная система и наша планета, как будущее местопребывание объекта, были, вероятно, продиктованы настройкой его «индукторов» на соответствующие «рецепторы» нашей земной биосферы.

В о п р о с. Значит, и Бермуды, возможно, запланированная точка приземления?

О т в е т. Не думаю. Должно быть, это просто один из наиболее подходящих для посадки естественных «кос-

модронов», оказавшихся в поле восприятия приземлявшегося объекта.

В о п р о с. Вы сказали не «в поле зрения», а «в поле восприятия». Почему?

О т в е т. Потому что объект, о котором идет речь, не обладает присущим человеку чувственным аппаратом, но может обладать более широким по диапазону и более чувствительным по точности приема аппаратом восприятия окружающего мира.

В о п р о с. Вы считаете его живым существом или машиной?

О т в е т. Это не живое существо, потому что оно искусственно создано для выполнения определенной программы, но и не машина в том смысле, как мы ее понимаем — устройство той или иной технологической сложности, сконструированное из прошедших специальную обработку металлов, пластиков, сплавов и других природных или синтезированных соединений. И в то же время это несомненно саморегулирующаяся и самопрограммирующаяся система, созданная как некая комбинация волн и полей всех известных, а возможно, и неизвестных нам видов энергии.

В о п р о с. В газетных отчетах о феномене мы обычно читаем: «нечто невидимое и неосязаемое, невещественное и нематериальное». Сгусток энергии, а не материи. Так ли это?

О т в е т. Не так. «Нечто невещественное и нематериальное» — это коллоквиальная форма, определяющая явления, недоступные нашим органам чувств. Мы, материалисты, не противопоставляем энергию материи. Энергия тоже материя, вернее, мера физических видов движения материи. Скорость поезда и порыв ветра, световой луч и нейтринный поток — все это лишь разные виды движения материи. И физические поля от электромагнитного до гравитационного — тоже формы материи, взаимодействующие с массой, зарядами или частицами. Надеюсь, я выражаюсь достаточно популярно?

В о п р о с. Вполне. Но представить себе это нефизики и нематематику нелегко. Если это комбинация волн и полей, то зачем ей космодром-остров? С таким же успехом она могла бы повиснуть или двигаться в атмосфере. Как произошло приземление и произошло ли оно буквально? Если объект изучения находится вне

пределов рифа, то почему риф покрыт стекловидной коркой? По газетным откликам, вода в бухте якобы химически неотличима от океанской, но почему-то жизни в ней нет. Ни водорослей, ни раковин, ни планктона, ни рыб. Почти дистиллированная вода. Почему?

О т в е т. Вопросы, по-моему, адресованы ученым различных специальностей. Могу ответить лишь приблизительно. Остров-космодром понадобился неопознанному космическому объекту, как тяготеющая масса для стабильного положения в земной биосфере. Вероятно, такая стабильность требовалась для правильного соотношения всех деталей системы. Буквального приземления, возможно, и не было, но критическая температура сближения могла вызвать оплавление коралловой поверхности острова. Пошли дальше. Вода в бухте? Да, она однородна с океанской по своему химическому составу, но неоднородна физически. Исследования показали, что это аномальная вода, с другим сцеплением молекул. Может ли она объяснить отсутствие жизни? Едва ли. Вероятнее всего, это результат воздействия неизвестных нам физических полей. Следует принять во внимание и несколько повышенный уровень радиации, в особенности ее необычайную в природе длительность.

В о п р о с. Семь тысячелетий. Вы с этим согласны?

О т в е т. Не совсем. Селеста отсчитывает время по Скалигеру. Это очень приблизительный и несовершенный отсчет. Возможно, прошли еще тысячелетия, прежде чем он начал принимать информацию.

В о п р о с. На чем вы основываете это предположение?

О т в е т. На одном допущении в науке о физической природе мышления — о сфере движения мысли вне зависимости от ее источника, условно говоря, о психосфере.

В о п р о с. Простите, я перебую вас. Почему «психосфера», когда в науке давно уже бытует понятие «ноосферы», как сферы человеческого разума на Земле? Разве это не одно и то же?

О т в е т. Конечно нет. Ноосфера — не физический, а философский компонент биосферы, конкретнее — это непрерывный поток информации, которую мы определили как стабильную, то есть где-то и как-то запечатленную, не изменяемую ни источником, ни средой. Че-

ловек управляет этим потоком, из поколения в поколение обогащая его, пишет и читает книги, излагает и слушает лекции, создает и воспринимает, учит и учится. Но как быть Селесте? Он отрезан от всех каналов связи и тем не менее дублировал в себе почти всю ноосферу. И вот тут-то и вступает в игру мое допущение.

В о п р о с. О движении мысли в пространстве?

О т в е т. Точнее, о природе этого движения. Можно ли принимать мысль на дистанции без участия чувственного аппарата человека? Иначе говоря — телепатия без участия индуктора, с одной лишь активностью перцепиента. Парадокс? Но ведь парадоксы и возникают тогда, когда наука вплотную подходит к неизвестному. Она и подошла к нему в поисках физических основ мышления как материи в движении. Пока еще эти поиски результата не дали, но уже можно допустить, что ежедневно, ежечасно, ежеминутно излучаются в пространство какие-то кванты мышления, не уходящие, подобно нейтрину, в космические глубины, а остающиеся в пределах некоей психосферы. Так я бы назвал еще один компонент биосферы, но уже не философский, а физический, пока еще неизвестный науке, но стоящий в том же ряду физического процесса земной эволюции, как, скажем, атмосфера или гидросфера. Как движется мысль в этой физической системе, мы пока не знаем, но движение ее, возможно, упорядоченно, как любое движение материи.

В о п р о с. Как я вас понял, информарий — это не мозг. Мышление не запрограммировано. Тем не менее...

О т в е т. Позвольте уже мне вас перебить. Конечно, это не мозг, подобный человеческому. Но это разумное устройство. Какие-то детали его не свойственны человеку, но в чем-то его превосходят. Кстати, ни один из ученых, принимавших участие в непосредственном общении с Селестой, не отрицает его запрограммированной способности мыслить. Эта программа ограничена, но ей свойственно и различие мысленных форм, связанных с приемом, запоминанием, хранением и воспроизводством информации, например: мысль-поиск, мысль-оценка, мысль-команда, мысль-проверка или мысль-отклик в случаях информативного обмена с человеком. Не забывайте также, что это самопрограммирующееся и самообучающееся устройство, способное совершенствоваться-

ся в процессе такого обмена. А всякое обучение — не забудьте подчеркнуть это в своем отчете — зависит прежде всего от учителей.

В о п р о с. Вы, конечно, имеете в виду прежде всего представителей советской науки. Скажем, биолога и кибернетика. Да?

О т в е т. На время обучения биолог и кибернетик превратятся в философов.

В о п р о с. Почему?

О т в е т. Потому что для созревания личности обучающегося нужна наука наук.

Глава 29

ЕЩЕ ОДНА ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

Профессор Юджин Бревер вышел из штаб-квартиры ООН вместе с московским корреспондентом Кравцовым. Только что закончилось совещание экспертов по теме «Селеста-7000», готовившее материалы для завтрашнего заседания Совета Безопасности. Бреверу удалось ускользнуть от журналистов, но Кравцов подждал его у выхода, и Бревер покорился участи интервьюируемого. Он не любил газетчиков, особенно американских, но к Кравцову, с которым встречался на московских симпозиумах, благоволил. Москвич держался скромно и ненавязчиво, никогда не задавал вопросов, связанных с биографией Бревера, его семьей и склонностями, не имевшими отношения к предмету беседы, всегда излагал ее точно и немногословно, не обнаруживая так часто встречающихся в практике интервьюеров невежества и всеядности. Но время и место для интервью были выбраны неудачно, и Бревер спросил:

— Где ваша машина?

— Не успел приобрести, — улыбнулся Кравцов.

— Тогда пошли к моей. Подвезу. Вам куда?

— Все равно. Лишь бы дольше ехать.

— В полчаса уложите? Хотя ведь вы были на совещании и слышали мои замечания. По-моему, я ответил на все предполагаемые вопросы.

— Кроме одного.

— Би-подчиненности?

— Вы угадали. Важнейший вопрос — и никаких комментариев.

— Они были сделаны при закрытых дверях. Спросите об этом вашего соотечественника, профессора Рослова.

— Он не любит, когда его называют профессором, и не любит, как и вы, чересчур любопытных газетчиков. Но я спрошу его, конечно. А сейчас мне все-таки хотелось бы знать ваше мнение.

Бревер вывел машину со стоянки.

— Проедем по Сентрал-парк-авеню. У нас есть время. Вы думаете, я не приемлю двоевластия в институте? Ошибаетесь. Оно целесообразно. Научную работу института возглавит ЮНЕСКО, а политическую — Совет Безопасности. Для этого и создается координационный комитет.

— Цензура контактов?

— Не только. Цензура — это запрет или разрешение. Координация — это и контроль, и рекомендации, и прямая подсказка иного решения проблемы. Предположим, биохимики или биофизики ставят проблему вмешательства в психические процессы человека. Такое вмешательство может быть благотворным и прогрессивным, а может и угрожать человеку или даже человечеству. Другой пример. Допустим, предложенная постановка научной проблемы может затрагивать интересы народов и государств. Есть такие проблемы? Сколько угодно. Координационный комитет в таких случаях обязан снять проблему или, если это возможно, подсказать иное ее решение. По такому же принципу должны рассматриваться и любые вопросы к Селесте.

— С правом вето?

— Конечно. Только принцип единогласия может обеспечить безопасность контактов. Хотя мнения экспертов и разошлись, я лично думаю, что вопрос уже предрешен. Независимо от того, состоится ли завтра заседание Совета Безопасности или будет отсрочено.

— Почему? — удивился Кравцов. — Что может вызвать отсрочку?

— Кворум экспертов. Необходимость замены больных или отсутствующих по разным причинам. Не понимаете? Заболел Мак-Кэрри. Но вместо него завтра утром приезжает Телиски. Не проговоритесь: это секрет. Ис-

чез Бертини. Опять не понимаете. Именно исчез, внезапно выехал из отеля неизвестно куда, не оставив адреса, не позвонив мне и не уведомив официальных лиц, связанных с работой экспертов. И это накануне заседания Совета! Слишком странно.

— Вы что-то подозреваете?

— Опасаюсь. Государства, церкви, монополии, банки, подпольные синдикаты — мало ли чьи интересы затрагивает будущее Селесты? Может быть, вы даже пожалеете, что сели в одну машину со мной. Не высадить ли вас на этом углу?

— Вы шутите, профессор?

— Это было бы шуткой в Москве, где осторожный водитель без всякого риска может вдоль и поперек перебить город, но в Нью-Йорке это не шутка.

Бревер медленно свернул за угол и резко затормозил. Эта реакция спасла их от катастрофы. Метнувшийся навстречу желтый фургончик вывернулся зигзагом и смял радиатор машины профессора, отбросив ее на тротуар. По счастливой случайности никто не был сбит.

Отделавшийся легким ушибом Кравцов вытащил потерявшего сознание Бревера: жив ли? Но профессор тут же пришел в себя и сказал:

— Ну вот, вы и убедились в шутках Нью-Йорка.

А к месту происшествия, расталкивая любопытных, уже пробирался полицейский в сопровождении двух человек в штатском. По внешнему виду их можно было принять за бизнесменов средней руки. Один из них, с короткой черной бородкой, вручил полисмену визитную карточку и сказал тоном, не допускающим возражений:

— Отправьте пострадавшего с этой машиной. — Он указал на остановившийся поодаль белый «шевроле» с красным крестом. — Владелец ее, доктор Стюарт, случайно проезжал мимо. У него собственная клиника на Лексингтон-авеню. Все расходы я беру на себя, равно как и ущерб, причиненный моим фургоном.

— Но я не пострадал, — сказал Бревер, поднимаясь. — Доберусь сам. И мне помогут.

— Ваша машина разбита, сэр, — вмешался второй из подошедших с полицейским. — Я отвезу вас, осмотрю и отправлю домой, если не найду ничего серьезного. Травмы могут быть и внутренние. Помогите мне довести его до машины, — обратился он к полисмену.

Бревер умоляюще взглянул на Кравцова, но смысла его мольбы тот так и не понял. Конечно, лучше, если профессору будет оказана медицинская помощь. Шутки Нью-Йорка, о которых говорил Бревер, Кравцов не знал.

А Нью-Йорк шутил.

Через час повелительный баритон соединился с клиникой Стюарта на Лексингтон-авеню.

— Что с ним, док?

— Совершенно здоров. Никаких травм.

— Плохо. Где он?

— Пока у нас.

— Как информировали?

— Легкое сотрясение мозга. Успокаивающее и сон.

Обещали утром отправить домой.

— Не выйдет. Шефу нужны два-три дня.

— Попробуем пентотал.

— Яд?

Смех.

— Мне не до смеха, док. Наркоз?

— Из группы барбитуратов. Супер. Проспит сутки — повторим. Потом стимулятор.

— Поаккуратнее. Шефу нужна только отсрочка.

— Сделаем. Леге артис.

— Что-что?

— Леге артис. По всем правилам искусства. Шеф поймет.

Ночной междугородный вызов не поднял Игер-Райта с постели. Из-за разницы во времени он не спал. Его нашли в Рино, в казино «Феникс», где подсчитывались прибыли его игорных домов. Прибыли неожиданно и беспричинно уменьшились, и Трэси подошел к телефону рассерженный.

— Кто? — рывкнул он.

— Кордона, шеф.

— Ну?

— Он сейчас в клинике Стюарта, шеф. Легкое сотрясение мозга.

— Не ври.

— Клянусь Богом, шеф. Три дня обеспечено.

— Час назад мне сообщили, что ваш фургон промазал, как пьяница в тире. Старик тут же очухался.

— А док был рядом. С машиной. Три доллара постовому — и старик в клинике. Все будет леге... леге...

— Леге артис, невежда. Латинские изречения надо знать наизусть, чтобы тебя уважали. А за что тебя уважать, Фернандо? Будешь мыть стекла по пять долларов с фасада.

— Дешево цените, шеф.

— Возьмешь и по три.

— Плюс тысяча. Час назад Бертини вылетел первым классом в Неаполь виа Лиссабон — Рим.

Трэси сразу повеселел, но не изменил интонации:

— Сколько взял?

— Ни цента.

— На что клюнул?

— На крючок. Я выложил рейсовый билет на стол и сказал, что мафиози покойного Джино есть и в Неаполе. «А вас, проф, говорю, ожидает молодая жена и два бамбино, которым, сами понимаете, жить да жить». Итальянец подумал и взял билет. Предварительно переменял отель, как было условлено. Никаких следов.

Через несколько минут другой междугородный телефонный звонок разбудил нью-йоркского адвоката Оливера Клайда, младшего партнера юридической конторы «Донован и Клайд».

— Спал, Олли?

— Я думаю. Третий час ночи.

— А у нас двенадцати нет. Извини. Заседание Совета завтра утром?

— Уже отложено.

— Из-за Бревера и Бертини?

— Ваша работа, шеф?

— Не надо быть слишком догадливым, сынок. Это вредно. Кого введут в комиссию вместо выбывших?

— Баумгольца и Чаррела. Конечно, это лишь предположение, но вероятность кандидатур несомненна.

— Мак-Кэрри не прибудет?

— Вместо него завтра утром, вернее, уже сегодня прибывает Телиски.

— Скверно.

— Русский хуже.

— Устранять русского бесполезно: пришлют другого. Есть шанс ввести в координационный комитет Видера?

— Один к десяти.

— Совсем плохо.

— А какой смысл? Все равно у них право вето.

— Пройдет?

— Наверняка.

Клинг! Цепная телефонная реакция угрожающе развивалась. Два междугородных вызова один за другим.

— Кто рядом, Тэрри?

— Никого.

— Я слышу голоса.

— В соседней комнате играют в покер. Я отошел.

— Закрой дверь плотнее.

— Закрыто.

— Микрофонов нет?

— Кому нужен Тэрри, игрок и сводник?

— Сейчас он нужен мне. Есть бомбы у нас на складе?

— Пластиковые? Сколько угодно.

— Не подойдет. Ядерных не достанешь, а, скажем, тротилловые?

— Ого! Сколько выкладываете?

— Сколько запросят. Срок — сутки. Вес достаточный, чтобы уничтожить риф, айсберг, скалу в масштабе сто на сто. Объект должен быть доставлен послезавтра до рассвета в наш ангар в Сан-Диего.

— Руди в курсе?

— Не задавай лишних вопросов.

Через час пилот спортивного самолета Руди Мэрдок доставил Игер-Райта в Санта-Барбару. Выходя к ожидавшему его роскошному своей старомодностью «ройсу», Трэси сказал пилоту:

— Завтра рейсов не будет. Поедешь в Сан-Диего и подготовишь к полету «локхид». Подождешь Тэрри в баре или в бильярдной. Примешь от него пирожок с начинкой. Что дальше, где, как, когда и зачем, узнаешь на месте.

Цепная реакция продолжалась. Дома Трэси ждал Видер.

— К вам труднее пройти, чем в Белый дом к президенту. Охрана проверяла меня по отпечаткам пальцев.

— Трудно жить в Америке, сынок. Вот перееду в Европу, поближе к Афинам, или куплю островок в Средиземном море.

— Вы бы охотнее купили другой островок. Только судьба его решена.

— Пока еще нет.

— Долго ли ждать до утра? А оно у них раньше, чем у нас.

— Заседание отложено. Бревнер в больнице, Бертини без объяснения причин сбежал в Неаполь.

— Найдут других.

— Уже нашли. Есть предположение: Чаррел вместо Бревнера, Баумгольц вместо Бертини.

Видер, не позволив себе даже улыбки, спросил:

— А что противопоставит Баумгольц меморандуму Шпагина? Сыскное бюро во главе с Ниро Вулфом?¹ Самая невежественная интерпретация научной проблемы, взволновавшей весь мир.

— Есть еще Чаррел.

— Идея Чаррела непроходима. Никаких шансов в Совете Безопасности.

— А на Генеральной Ассамблее?

— Никаких шансов в ООН вообще. Селеста вне науки — это война. И еще неизвестно, на чьей стороне будет Селеста. Можно владеть островом, но нельзя принудить связанный с ним феномен к контактам.

— Ты прав, сынок. Что ни шаг, то болото. Легче нам было жить без Селесты.

Цепная реакция заканчивалась. Еще один междугородный вызов.

— Откуда, Тэрри?

— Из Сан-Диего, шеф. Груз доставлен.

— Никаких осложнений?

— Тихо, как в церкви. Только Руди пьян.

— Приведи его в чувство — и ни капли виски до завтра. Вылет из Сан-Диего обеспечишь без инцидентов. Посадку в Норфолке обеспечит сам Руди. Кстати, это в его интересах: пирожок начинен не вареными яблоками. Вылет из Норфолка Уинтер берет на себя, если не придерутся таможенники. Впрочем, на таможню я позвоню сам.

— Нужна карта?

— Зачем? Место Руди знает. Он уже летал на разведку с ближайших островов. Говорит, что защитное поле включается на высоте одной-двух миль при подходе рейсовых к Гамильтону. Есть шанс, не сбрасывая груза, спикировать прямо на риф с большой высоты и катапультироваться. Патрульный катер подберет, а о дальнейшем я позабочусь. Надеюсь, пилот не подведет?

¹ Герой популярных детективных романов в Америке.

— Руди? Смешно. Но гонорар, шеф...

— Тебе в тройном размере, Руди — в десятикратном.

Реакция подошла к критической точке. Трэси прошелся по комнате, стараясь не думать о предстоящей акции. Он прочел все наиболее стоящее из написанного о Селесте и знал, что избирательный аппарат селектора не принимает рассеянных, нестабильных мыслей. Селеста мог не заметить задуманного Игер-Райтом, как не замечал семейных ссор, уличных скандалов и служебных конфликтов. А вдруг заметил? Трэси сознавал, что надеется на случайность. Прорвется самолет на максимальной скорости, не сработает защита, полетит к черту риф. Если верить ученым, судьба информария в этом случае становилась критической. Трэси был игроком, не мог им не быть, нажив миллионы на нелегальном и легальном игорном бизнесе. Он знал, что играет крупно, но выигрыш стоил риска. Единственно, что его останавливало, — это телефонный аппарат, скрытый в замаскированном стенном сейфе. По этому телефону Трэси никто не звонил, звонил лишь он сам, да и то не часто и в условиях строгой секретности, повторяя вызов, пока не откликнется трубка. На этот раз она откликнулась сразу:

— Я знаю все, что вы мне скажете.

Трэси ответил так же без преамбулы:

— Кто-нибудь возражает?

— Не возражает, но и не одобряет. Во всяком случае, не прямо. Акция пойдет целиком под вашу ответственность.

— Я не вижу возможности использовать его в наших интересах.

— Есть мнения, что научный прогресс всегда можно направить по надлежащему руслу.

— В легальных условиях?

— Совет Безопасности пока нам не мешает.

— А если я все-таки рискну?

— Если эксперимент удастся, вас не осудят. Если нет — не поддержат.

Клинг! Трубка щелкнула и умолкла. Трэси запер сейф и задумался. Не поддержат? Значит, в случае неудачи — скандал. Прижмут на бирже. Слопают, может быть, африканские рудники. Потери будут исчисляться в семизначных цифрах. И все-таки это еще не разорение. Селеста угрожает стать опасным, и Трэси луч-

ше будет жить без него. Джошуа Игер-Райт уже потерял тысячи долларов и Джино, стоившего десятки тысяч. Но даже миллионы можно будет воспроизвести. Нельзя было воспроизвести только потерянного времени, а в его годы оно с каждым днем становилось дороже.

И Трэси нажал кнопку.

Глава 30

КНОПКА ТРЭСИ

Руди Мэрдок, личный пилот Игер-Райта, был не только спортсменом в жизни, он был спортсменом в душе. Задача, предложенная шефом, искренне его обрадовала, как радуется уверенного в своих силах атлета возможность побить олимпийский рекорд. К Селесте он был совершенно равнодушен, никаких угрызений совести не испытывал, но и славы Герострата в случае успеха не жаждал. Его радовала сама попытка перехитрить космический разум, нанести удар прежде, чем тот успеет включить свою невидимую, но непроницаемую защиту.

Одно его смущало: он не хотел человеческих жертв.

— Их и не будет, — уверил его Тэрри. — Все работы на острове прекращены. Сняты даже дежурства.

— Но институт уже построен.

— Где? В столице, а не на коралловой «мельнице». И потом, судьба его еще не решена. По распоряжению Совета Безопасности запрещены пока все неконтролируемые контакты с Селестой.

— Откуда ты знаешь?

— Я еще утром говорил по телефону с Корнхиллом. Это начальник местной полиции, блокировавшей, кстати говоря, все морские подходы к рифу. Но вашему «Кондору» они не страшны. Меня больше пугает посадка в Норфолке и блокада таможенников...

Но взлетно-посадочная полоса норфолкского аэропорта приняла «Кондор», как лед пущенную без адреса шайбу, — коснулась, заскользила. Руди посадил самолет играючи, даже не покачнув грузового отсека. Встретивший Руди неопределенного возраста человек в форме гражданской воздушной администрации был пилоту

хорошо знаком. Это и был Уинтер, от которого зависело выполнение всех необходимых формальностей, связанных с дальнейшим полетом. Да кто и зачем мог ему воспрепятствовать? Самолет Руди был известен на всех крупнейших рейсовых аэродромах Америки, имя его хозяина тоже. Багаж Игер-Райта никогда не досматривался, выездные визы ему не требовались. Возможные же осложнения мультимиллионер предусмотрел сам, лично сообщив таможенным чиновникам аэропорта, что самолет его следует на Бермуды с грузом хрупких приборов из тончайшего стекла для института «Селеста-7000» в Гамильтоне. Вскрывать ящик совершенно не требуется; слово Игер-Райта является достаточной гарантией законности перевозки.

Но Трэси не учел существования подозрительного и несговорчивого инспектора Интерпола О'Лири. Вспыльчивый и упрямый, как все ирландцы, О'Лири возмутился халатной доверчивостью таможенников. Какое ему, О'Лири, дело до того, кто хозяин самолета — Рокфеллер или Игер-Райт. Он служит не хозяевам Чейз-нейшнл банка или американских урановых рудников. Кто и чем может доказать ему, что в ящике не ампулы с наркотиками? И когда реактивный «локхид» Трэси, под именем «Кондор», уже готовился к старту, на «место преступления» прибыл на мотоцикле инспектор О'Лири.

— Отставить полет, — объявил он без предупреждений. — Я требую вскрытия ящика.

— Все таможенные формальности уже выполнены, — сказал Уинтер.

— Я настаиваю на вскрытии ящика, — повторил инспектор. — У меня свои права. Кто пилот самолета?

Руди Мэрдок, находившийся у самолета, не спеша подошел к говорившим:

— Я пилот самолета.

— Без моего разрешения самолет не поднимется в воздух.

Руди молча оглянулся — поблизости, кроме них, никого не было — и так же молча обвязал носовым платком ладонь левой руки.

— Почему? — удивился инспектор.

— Потому что я левша, — миролюбиво пояснил Руди и перевязанной рукой снизу, профессионально, как на ринге, толкнул инспектора в челюсть.

Что-то хрустнуло, инспектор икнул и плюхнулся на землю. Руди снял платок с пальцев.

— Чистый нокаут, — сказал Уинтер. — Счета не открываю. Взлетай.

О'Лири открыл глаза, услышав шум авиационных моторов. Но остановить самолет инспектор уже не мог. Он мог только сесть, опираясь на руки, и мутно взглянуть на Уинтера.

— Нокаут продолжался полторы минуты, — сказал тот. — Не вставайте. Глубже дышите.

— Вы... вы за это ответите, — прохрипел инспектор.

Он все-таки поднялся и, не оглядываясь, с трудом поспешил к аэровокзалу. Он торопился послать радиogramму начальнику полиции Гамильтона. Она должна была по крайней мере на час опередить самолет...

Корнхиллу подали ее в тот момент, когда к нему заехал поговорить Смайли. Было около девяти утра, но жара приучила обоих вставать спозаранку.

— Занятно, — сказал Корнхилл, прочитав телеграмму, и передал ее Смайли. — Кажется, наш общий друг опять что-то замыслил.

Смайли прочел:

«Восемь тридцать утра по местному времени из Норфолка вылетел реактивный «локхид». Направление — Бермуды. Владелец — Игер-Райт, пилот — Мэрдок. На борту самолета тысячефунтовый ящик с надписью: «Осторожно, не вскрывать, стекло». По документам — приборы для института «Селеста-7000». Груз не досматривался. При попытке досмотра пилот оказал сопротивление, применив силу. Подозреваю контрабанду и настаиваю на немедленном досмотре груза после посадки в Гамильтоне. О'Лири».

— Кто это О'Лири? — спросил Смайли.

— Инспектор Интерпола. Очевидно, Уинтер обошел его на финише, обеспечив самолету «зеленую улицу».

— А кто Уинтер?

— Человек Игер-Райта в Норфолке. Ты что-нибудь знаешь об этих приборах?

— Мы не заказывали лабораторного оборудования в Америке. В Европе оно дешевле. Да и какие приборы можно купить у Трэси, кроме игральные карт или фишек?

— Неужели старик занялся контрабандой? Мелко и не умно. Тут что-то другое.

— В телеграмме сказано: направление — Бермуды, — задумался Смайли. — Это по документам. Инспектор подразумевает Гамильтон. А если не Гамильтон? Здесь триста шестьдесят островов, и среди них один, очень интересующий Трэси.

— Думаешь, снова угроза? — насторожился Корнхилл.

— А почему бы нет? Трэси упрямый человек. Но если угроза, то чем? На борту самолета кроме пилота только этот тысячефунтовый ящик. А что в ящике?

— Явно не десант. Приземление на острове исключается — не позволит защита да и островок маловат. Посадка на воду тоже: реактивный «локхид» не гидроплан. Значит, ящик предполагается сбросить. Зачем? Отравить воду? Бессмысленно. Воздух? Может быть, есть какой-нибудь газ, опасный для Невидимки? Селеста ведь тоже газ.

— Где Шпагин?

— На острове.

— Каким образом? Ведь контакты запрещены.

— Разве можно запретить их автору знаменитого меморандума? Шпагин уехал туда с разрешения уполномоченного Совета Безопасности.

— Тогда радируй в «переговорную».

Минуту спустя Шпагин ответил:

— Что случилось?

Смайли объяснил. Шпагин потребовал прочесть телеграмму, выслушал соображения Корнхилла и попросил несколько минут на раздумье: «Штука серьезная, сразу не разгадаешь». Думал он три с половиной минуты, но сгоравшим от нетерпения Корнхиллу и Смайли показалось, что прошла добрая четверть часа.

— Никакой газ Селесте не страшен, — ответил Шпагин, — да и ящик тоже, что бы в нем ни было. Угол падения его изменит защитное поле.

— А если самолет спикирует прямо на риф? — предположил Смайли. — Достаточно ли мощно защитное поле, чтобы погасить скорость реактивного самолета в пике?

Шпагин опять замолчал: дайте подумать.

— Не знаю, — наконец откликнулся он. — Допустим, что мощность поля окажется недостаточной, а в ящике

бомба или взрывчатка, способные вдребезги разнести эту коралловую лепешку, то последствия мне не ясны. Селесте нужна тяготеющая масса, она стабилизирует его местожительство в земной биосфере, и что произойдет, когда этой массы не будет, предугадать трудно. Лучше всего спросить у Селесты.

— Но для этого потребуется время. Селеста может не сразу откликнуться, а самолет приближается с угрожающей быстротой.

— Пока его не видно, а небо без облачка.

— Но он может появиться с минуты на минуту. Что бы ни случилось, рисковать глупо. Садитесь в лодку и отъезжайте на приличное расстояние, — предложил Корнхилл. — Когда покажется самолет, вы не успеете даже выскочить из кабины.

Шпагин помолчал и снова откликнулся:

— Я не покину острова, не переговорю с Селестой. Может быть, у него нет информации о самолете и его грузе. Может быть, Игер-Райт так провел операцию, что она не оставила стабильных информативных следов. Кроме того, нечестно оставлять друга в опасности.

— Не глупи, Сэм! — горячился Смайли. — Селеста не человек.

— Какая разница? Он друг.

— Чем ты поможешь, если не сработает защита?

— Смогу предупредить.

— Защита запрограммирована и действует автоматически. Ваше предупреждение — излишнее рыцарство, — вмешался Корнхилл. — Даже Селеста его не оценит.

— А вдруг оценит? Вдруг программа допускает увеличение защитных мощностей, если соответствующая информация получена вовремя? Нет, друзья, я остаюсь здесь до конца, во всяком случае до исхода переговоров с Селестой. Я не герой и не играю в героев, но подлоем и трусом никогда не был.

Аппарат замолчал.

— Псих! — в сердцах сказал Смайли.

— Нет, — вздохнул Корнхилл, — просто мы с вами, Боб, еще плохо знаем русских. И наши политики тоже.

Не сговариваясь, они подошли к окну, открытому сквозь решетку пальм в синеву океана и неба. Оба отлично знали, что никакого самолета они не увидят отсюда, но заниматься чем-либо уже не могли.

— Храбрый человек, — проговорил с уважением Корнхилл.

Смайли молчал. Он думал о том, как поступил бы он сам на месте Шпагина. Вероятно, так же: Селеста — свой парень, хотя и не человек. Но ведь он, Смайли, бывалый бродяга, не раз смотревший в лицо настоящей опасности. А встречал ли ее Семен Шпагин, вежливый книгочей и лабораторный трудяга? И он дает сейчас урок им обоим, и какой урок!

А сам трудяга в эту минуту, оставив «переговорную», вышел на пенистый скат сахарно-белого рифа и мысленно воззвал:

«Ты слышишь меня, Селеста?»

«Слышу», — привычно откликнулось в сознании.

«Все знаешь о самолете?»

«Многое. Записи диспетчерских в Сан-Диего и Норфолке. Таможенные протоколы. Рапорт и телеграмму инспектора Интерпола. Документы на оформление контейнера с тринитротолуолом. Оформлен как сжиженный газ «Эй-даблью» на химических заводах Хорнстайна. В настоящую минуту самолет приближается к острову. Информацию пилота не принимаю — не стабильна».

«Насколько велика отражательная мощность твоего защитного поля?»

«Не знаю».

«Если самолет спикирует прямо на риф, сможешь ли ты погасить его скорость или изменить направление полета?»

«Не знаю. Не было опыта».

«Но ты можешь увеличить параметры поля?»

«Конечно».

«Самолет может пикировать на максимальной скорости. Учти».

«Учел».

«Еще вопрос. Если бы не выдержала защита и взрыв уничтожил остров, что случилось бы с твоей биосистемой?»

«Не знаю».

«Предположи».

«Нашел бы новую тяготеющую массу».

«Или улетел в космическое пространство?»

«Возможно. Но, вероятнее всего, прочность локальных связей не обуславливает жизнедеятельности системы, а лишь стабилизирует ее нормативы».

«Я так и думал. Но мне хотелось предупредить тебя. На всякий случай».

«В таких случаях у вас говорят «спасибо».

Шпагин не ответил, потому что ощутил, что Селеста отключился. Ушел в свое пространство или субпространство — проще говоря, замолчал. Теперь Шпагин мог сойти вниз, к прозрачной бухточке, где уже поджидал готовый к отплытию катерок. Он тихо покачивался, словно дрожа от нетерпения: ну скорей, скорей же! Несколько шагов вниз, несколько оборотов мотора, и катерок, как почуявший опасность зверь, будет уходить все дальше и дальше. Но Шпагин не двигался: что-то удерживало его. Мальчишеское любопытство, которое заставляет ребят на деревенском пожаре пробираться поближе к огню, или сентиментальная привязанность к Невидимке, в котором хотелось приобрести друга: как же уйти, если друг в опасности. А чем может помочь он, Шпагин, если пятьсот килограммов тротила все же прорвут защиту? Только исчезнуть вместе с коралловым крошечком в океанской воронке взрыва. Шпагин даже усмехнулся в ответ на тщетные призывы разума: он уже знал, что останется. Вероятно, уже недолго ждать — может быть, минуту, не больше. Самолет реактивный, летит на большой скорости. Вот-вот покажется в синьке неба этакой черной букашкой.

С таким же нетерпением следили за небом и с борта военного катера, с другой стороны подхлывшего к острову. Катер еще не достиг границы островных вод, где действовало защитное поле Селесты, но белый горбик рифа был уже виден в сильный бинокль. Разумеется, катер не смог взять всех наводнивших город ученых и журналистов, но многие из них, предупрежденные Смайли, все же успели устроиться на палубе. Янина не находила себе места. Хотя воздух был чист и прозрачен, ей казалось, что нечем дышать.

— Порядок, Яна, — сказал ей Смайли. — Сэмми не Дон-Кихот, зря рисковать не будет. Значит, все выяснил: не страшно.

Конечно, не страшно, если уверен в защите. А если не уверен? Если вообще не удалось связаться с Селестой? Ведь пятьсот килограммов взрывчатки! Янина топорливо металась от борта к борту, невпопад отвечая на вопросы знакомых, не вмешиваясь в разговоры, не огрызаясь на выпады.

Смайли стоял один у борта, не отрывая глаз от бинокля. —

— Ничего не видно, Боб?

— Пока нет, Яна.

Кто-то крикнул рядом:

— Вижу!

— Где, где?

— Справа по горизонту. Вон, видите?

На голубой кальке неба появилась черная точка. Она медленно двигалась, оставляя позади не черный, а белый след — две тоненькие строчки, которые не таяли, а расширялись сначала в полоски, потом в струйки белого дыма и расползались в бледном клубящемся облачке. След идущего на большой высоте реактивного самолета был виден уже без бинокля. Он медленно раскручивался, вычерчивая замысловатую геометрическую фигуру, словно пилот примеривался, пристраивался, выбирая место, откуда удобнее и точнее ударить по цели. Шпагин со своего наблюдательного пункта на кромке рифа видел этот маневр. Он даже удивлялся ему: спортсмен-трюкач, храбрец, камикадзе. Ведь он жестоко рисковал, этот заранее продавший свою жизнь кандидат в самоубийцы. На что он рассчитывал? На своевременность броска, на безотказность катапульты, на испытанность парашюта? А если поле вышвырнет самолет, не погасив скорости? Какая чудовищная сила рванет тело, сплющит с доской приборов, с кусками разорванного, скрученного металла, похожего на скомканный лист бумаги, или разбросает по небу, как металлолом.

Руди Мэрдок об этом и не думал. Его примитивно организованный мозг не знал импульсов, определяющих склонность к философичности. Он мыслил просто и ясно: десятикратный гонорар стоит риска, в случае удачи можно бросить вообще пилотаж и купить бензозаправочную станцию или оборудовать бар вблизи какого-нибудь аэропорта. Связи у Руди есть, взятки будут невелики, и по организации дела кое-что еще останется про запас. Бизнесмен в душе дополнял спортсмена. Руди шел на риск расчетливо, как игрок, подглядывший карты партнера.

Конечно, он волновался, не мог не волноваться; и когда, наконец, после нескольких завихрений нашел или, вернее, угадал место пристрелки, глубоко вздохнул

и, не раздумывая больше, не сомневаясь, бросил машину с шестимильной высоты вниз. Белый горбик рифа приближался, вернее, выросал с каждой секундой. Пять секунд, шесть... восемь... Пора катапультироваться, пока не включилось защитное поле. Сейчас он пулей вылетит вверх и повиснет на парашютных стропах над фонтаном огня и коралловой пыли.

Но что это? Нажать рычаг выброски — и никакого эффекта. Еще нажать. Еще... Должно быть, механизм катапульты испорчен. Значит, конец. Руди закрыл глаза и снова открыл их. Самолет как бы повис в воздухе, и уши не слышат привычного рева двигателей. Странная голубая тишина и неподвижность. Без толчка, без сотрясения невидимые клещи подхватили машину и зажали ее где-то между морем и небом.

Все это видели и с борта приближавшегося катера. Разговоры сменились глубоким молчанием. Все было ясно и так: Селеста предотвратил угрозу. Техническая оснащенность Невидимки оказалась достаточной, чтобы отбить, казалось, неотразимый удар. Без локаторов и ракет. Каких усилий это стоило информарию, никто не знал. Но ни на воде, ни в воздухе ничего не произошло. Ни тайфуна, ни цунами. Даже белые ленточки газа, тянувшиеся за хвостом самолета, бесследно исчезли.

Молча ждали люди, наблюдая за самолетом, уже не стоявшим в небе, как в ангаре, а медленной спиралью скользившим к воде.

— Утонет, — сказал кто-то.

— Кто, пилот? — спросил Смайли и показал биноклем на уже лежащий на волнах самолет; казалось, он приобрел плавучесть, как спущенный на воду плот.

Но Мэрдок не разделял этого убеждения. Он вытащил надувную лодку из кабины, вылез с ней на крыло, уже наполовину погруженное в воду, и пустился в плавание, отталкиваясь коротким, похожим на большую теннисную ракетку веслом. Он плыл к острову, а самолет погружался все глубже, пока совсем не исчез из глаз.

— Глубоко здесь? — спросил кто-то.

— Несколько миль, — сказал Смайли. — Если и взорвется на дне, не страшно. Взрывчатка не излучает...

А на острове Шпагин помог выбраться на берег потерявшему и негодующему Руди Мэрдоку. Почему он

негодовал, можно было понять из последовавшего затем разговора.

— Сколько вас? — задыхаясь, спросил Руди.

— Где? — не понял Шпагин.

— Здесь.

— Я один.

— Подонок! — сказал Руди; по-английски это прозвучало столь же изящно.

Но Шпагин опять не понял:

— Кто?

— Шеф. Он уверил меня, что на острове не будет ни одного человека.

— Плюнь, — сказал Шпагин. — Ни один клоун в мире не будет иметь такого антре, как твой шеф. Хотел бы я посмотреть на него, когда он откроет завтра утренние газеты.

Глава 31

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Это не ошибка. Они собрались не дописать эпилог, а начать пролог.

Света не зажигали. В субтропическом курортном отеле в это предсумеречное время было еще светло. Как обычно, здесь пили всё: кто послабее, кто покрепче. Бревнер, уже оправившийся после болезни, умело сбивал коктейли.

Впрочем, и болезни не было. Просто очнулся вдруг в незнакомой больничной палате и узнал, что проспал трое суток после легкого сотрясения мозга, прошел соответствующие медицинские процедуры, а теперь выздоровел и может вернуться домой: лечение полностью оплачено. Кем? Неизвестным лицом, не пожелавшим назвать своего имени. Сюрпризы продолжались. У подъезда ожидал его собственный «форд», полностью восстановленный после аварии. Кем? Оказалось, все тем же неизвестным лицом, не пожелавшим назвать своего имени.

— Задача для школьников, — сказал Смайли.

— Так решите.

— Проще простого. Авария была задумана, спланирована и осуществлена все тем же неизвестным лицом,

крайне заинтересованным, чтобы ни вы, ни полиция не подымали шума.

— Но могло и кончиться хуже.

— Не могло. Все было рассчитано.

— Зачем?

— Чтобы легонько вывести вас из строя и тем самым отсрочить заседание Совета Безопасности.

— Зачем?

— Чтобы задержать открытие нашего института. Трэси знал, что до открытия остров необитаем — он не мог предполагать индивидуальной вылазки Шпагина. А человеческие жертвы его не устраивали. Он шел в бой с открытым забралом, не боясь последствий в случае удачи. Ведь он уничтожал Селесту, а не людей.

— Расчет верный, — сказал Барнс. — Ни один американский суд не осудил бы его за уничтожение феномена. Ничья собственность, не живое существо, не выраженная в единицах стоимости ценность. Вдобавок умно подобранная научная экспертиза, соответствующая кампания в печати плюс суперадвокатура. И мультимиллионер Игер-Райт выходит из зала суда в лавровом венке благодетеля человечества.

Но Бреввер недоумевал:

— А побудительные причины? Неужели тщеславие нового Герострата? Или просто месть за неудачный налет?

— И то и другое в известной степени. Но это не главное. Поскольку идея Чаррела не получила поддержки в ООН, Трэси понял, что не сможет использовать Селесту в своих интересах. Как показал налет, они не всегда находятся в соответствии с уголовным законодательством, и любая информация о них, стабильная или рассеянная, могла стать опасной. А Трэси старый пират, своего рода анахронизм, пережиток эпохи первоначального накопления. Чем он отличается от первых Морганов? Ничем. Только хватка еще откровеннее.

— Поубавим, когда вплотную подойдем к социологии, — подал реплику Мак-Кэрри и, поразмыслив, добавил: — А пожалуй, на социологии и споткнемся. Мы уже убеждены, что Селеста — система, способная к самообучению, а как она будет обучаться и чему обучаться, если у педагогического персонала, — он с улыбкой оглядел присутствующих, — нет политического еди-

номыслия или, что еще важнее, единомыслия во взглядах на социальное устройство мира. Нас и в этой гостиной не мало, а в координационном комитете и в самом институте еще больше, и будет гораздо больше, а одни исповедуют социализм, другие — парламентскую республику, третьи — олигархическую власть хунты, а четвертые — технократию. Какую идеологию усвоит Селеста как личность, а он станет личностью в итоге информативных контактов, и какая правда будет его правдой, мы так и не знаем. Потому что эта правда у Рослова одна, а у Баумгольца другая. И даже науку мы видим по-разному: одни — подчиненной требованиям христианской морали, другие — свободной от всяких моральных принципов.

Вызов Мак-Кэрри не сразу нашел ответ. В гостиной у Яны и Рослова собрались в этот вечер все друзья Селесты, первые знакомцы и участники первых контактов, сразу поверившие в их перспективную ценность. Слова Мак-Кэрри, обращенные к ним накануне открытия института, выдавали внутреннюю тревогу ученого: нет единомыслия — нет и единогласия, а единогласие — это база контактов. Тревога заразительна, и затянувшееся молчание тотчас же подтвердило это. Рослов и Шпагин переглянулись. «Необходима ясность, — сказал взгляд Шпагина. — Обрушь ее на головы усомнившихся».

И Рослов обрушил:

— Споткнемся ли мы на социологии? Не думаю. Многие, вероятно, считают, что отвлеченно-книжная мысль Селесты не способна охватить всей полноты жизни, что мысль эта неизбежно станет жертвой противоречивой и неимоверно плодящейся информации. Не согласен. В основе мышления Селесты — избирательность. Она дана, запрограммирована. В процессе самообучения будет непрестанно усложняться и совершенствоваться, как, скажем, понимание позиции у растущего шахматиста. Он может сравнивать и сопоставлять и в этом сопоставлении искать решение. Вспомните военные «миражи», какими Селеста угощал Джонсона. Он не убеждал епископа в ложности его пацифистского гуманизма, бросив всех нас в гущу гражданских войн нынешнего и прошлого века. Он сам осмысливал их в нашем восприятии, постигая социальную сущность событий. Без нашей под-

сказки он может теперь сложить опыт двух мировых войн и увидеть главное: человеконенавистническую суть агрессии. А вы боитесь, что он не найдет правды: она доступна любому интеллекту, достигшему необходимой для этого социально-исторической зрелости. Я умышленно не прибегаю к марксистской терминологии, чтоб не пугать слушателей, но поверьте, в современной борьбе философских течений Селеста разберется очень скоро и опять же без нашей подсказки найдет единственно правильное решение.

— Какое? — спросил кто-то.

На него зашикали. Кто может знать? Только завтра с утра начнется большой разговор с Селестой, и уж во всяком случае не нынешнее и не последующие поколения разговор этот закончат. Да и закончат ли? Семь тысячелетий прожил Селеста, а может быть, для него это только детство? Суровое, почти торжественное молчание погасило вопросы, споры, возгласы, и только Кравцов решился его нарушить. Единственный журналист, приглашенный Рословым с условием помалкивать после беседы в гостиной, он не захотел молчать во время нее.

— Я не ученый, — сказал он, — я только прикасаюсь к науке по заданиям редакции. Какие перспективы сулит нам завтрашний день в области изучения... ну, допустим, истории? Может, кто-нибудь из присутствующих возьмет на себя смелость подсказать их лишенному воображения газетчику?

— А вы сами не можете, молодой человек? — как всегда, беспричинно раздражительно откликнулся Барнс. — Подумайте хорошенько. Любое историческое событие можно будет воскресить и любую историческую справку получить, не выходя из «переговорной». Свою историю, надеюсь, любите? Хотелось бы вам лично присутствовать, например, на допросе декабристов или на дуэли Пушкина? Ну а я, как историк, мечтаю о подробностях битвы при Гастингсе или о встрече с Робин Гудом в Шервудском лесу. Скажете, мало? Бесценно!

— И для футурологов, — добавил Рослов. — Они смогут увидеть свои мысленные модели будущего. Селеста покажет вычисленный им же самим оптимальный вероятностный вариант. Бесценно, как сказал Барнс. Воистину бесценно, как повторил бы наш лишенный сана епископ. Запомни это, Кравцов, или спроси у Смайли,

хочется ли ему, скажем, увидеть наш академгородок при институте этак лет через двадцать? Пройтись по его улицам, подсчитать свершения и ошибки в расчетах. Ведь Селеста лучше любой ЭВМ вычислит все: и сколько гостиц мы не достроили, и сколько научных проблем не учли. Не улыбайся, Боб, а готовь список вопросов к Селесте. Не прогадаешь.

Рослов хотел было еще добавить, как захватывающе интересно хотя бы на несколько минут стать Селестой, как он был им, что ощутил, и узнал, и что мог сделать. А тут Янина принесла кофе, и ему вдруг расхотелось откровенничать. Стоит ли? Дома он скажет тем, кому это интересно и важно: может быть, еще удастся повторить этот опыт смещения личности, и, может быть, он пригодится, очень пригодится в будущем, если возникнут обстоятельства, требующие такого опыта. А сейчас что даст это открытие присутствующим? Может быть, только беспокойную мысль о какой-то особой близости русских к феномену. Реакционные голоса во всех странах давно уже кричат об этой их пугающей близости. Рослов внутренне усмехнулся: а ведь законная близость! Русские осмыслили открытие, русские отгадали загадку феномена, русские выиграла бой за контакты.

Пауза опять затянулась. Люди размышляли, прикидывали, может быть, мечтали о будущем. Только Бревер, допив кофе, спросил задумчиво:

— Кто умеет гадать на кофейной гуще? Что может дать Селеста мне, математику?

Все посмотрели на Мак-Кэрри, потом на Рослова. Но перчатку поднял Шпагин:

— Интересует меня, между прочим, математическое выражение некоторых положений биологии, в частности уравнения, которые приходится интегрировать, исследуя самообучающиеся биосистемы. В то утро, когда затевалась эта авиационная авантюра, я был один на острове: хотелось проверить с Селестой собранный материал. За десять минут я буквально задохнулся от информации. Селеста предложил мне более совершенную математику, такие работы, о которых я и понятия не имел, причем лучшие и оказались неопубликованные, существующие, так сказать, лишь в проекции будущей славы. В Саратове, например, дипломник Масевич, фактически еще студент, в своей только что законченной

дипломной работе, еще неизвестной даже его кураторам, выдал такой каскад математических новаций, какой можно сравнить только с легендарным взлетом Эвариста Галуа. И почти одновременно учитель математики в Сан-Паулу, некто Гвельвада, закончил работу по математизации мышления, о которой скоро заговорит мир. А вы, профессор, спрашиваете, что вам ждать от Селесты! Вам знаком термин «мозговая атака»? Когда одновременно не один и не два, а десятки умов включаются в поиск путей интеграции научного творчества. Селеста заменит нам эти десятки умов, предложит сотни, тысячи в едином, я бы сказал, творческом озарении. По сути дела, это начало новой научной методологии, гигантский скачок по лестнице знания.

Раздались аплодисменты. Янина раздвинула шторы на окнах и зажмурилась. В глаза ударила не чернота и не синева, а розовое свечение неба. Начинался рассвет. Субтропическая ночь таяла в жарком пламени солнца.

Все поднялись, как по команде. Совсем немного времени осталось до церемониала торжественного открытия самого удивительного научного института в мире. Выйти на улицу, может быть, спуститься к набережной или на береговую гальку пляжа навстречу океанской волне; может быть, просто стоять и смотреть, как синее позолоченная палитра моря и неба...

Рослов подхватил Кравцова под руку, толкнул его к двери, шепнув:

— Ничего пока ни в эфир, ни в печать.

— Жаль, — сказал Кравцов. — Это был эпилог, достойный открытия.

— Не эпилог, а пролог, — поправил Рослов. — Пролог к началу нового века в науке.

ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ
НЕ МОГ ТВОРИТЬ
ЧУДЕСА

ПОВЕСТЬ

Глава 1

ЗАВЕЩАНИЕ

Вчера я написал завещание.
Почему?

Потому что, как уверяет Коран, дни мои уже сочтены. Аллахом. А я-то знаю, кем они сочтены.

Завещание было нотариально оформлено в старинной лондонской адвокатской конторе «Хорнбек и Хорнбек» в одном из тишайших переулочков Сити. Несмотря на то что оно написано корявым языком английской юридической документации, я помню его от слова до слова.

«Я, Монтегю Генри Клайд, 34 лет, проживающий на Друммонд-стрит, 23, штатный ассистент кафедры истории английской литературы Лондонского университета, сим объявляю свою последнюю волю.

В случае моей смерти все личное имущество мое, за исключением книг и не принадлежащей мне мебели, я оставляю квартирной хозяйке Розалии Сомерфилд. Книги передаю в безвозмездное пользование владельцу букинистической лавочки на Друммонд-стрит Джозайе Барнстеплу. Купленные у него, они к нему и вернуться.

Самое же ценное и дорогое для меня — рукопись в двух экземплярах под названием «Империя невидимок» — завещаю двум единственным знающим о ней лицам, а именно:

Сьюзен Мейуэйн, студентке третьего курса отделения ядерной физики того же университета, и

Валентину Глинке, русскому по национальности, гражданину Советского Союза, кандидату филологических наук, по согласованию с Московским университетом и в порядке обмена научными кадрами проходящего стажировку на моей кафедре, с тем, что оба они передадут имеющийся у каждого экземпляр вышеупомянутой рукописи: первый — английскому Королевскому обществу, второй — Академии наук СССР, и добьются признания ее, как единственного научного объяснения до сих пор не получивших такого всех загадочных событий, потрясших мир за последние месяцы.

Независимо от согласия или отказа перечисленных высоких научных организаций, владельцам рукописи предоставляется неограниченное право публикации ее как отдельным изданием, так и в периодической печати с их собственными комментариями и авторским гонораром, который издатели обязаны уплатить им за публикацию.

Настоящее завещание составлено мною в здравом уме и твердой памяти, что подтверждается письменным свидетельством психиатрического отделения частной клиники профессора Уингема, Чейн-Уок, 37, и не может быть оспорено никем без соответствующих доказательств».

Стряпчий Джереми Хорнбек, оформляя завещание, не проявил никакого любопытства к содержанию рукописи. Он только заметил:

— Может быть, последний пункт нуждается в уточнении?

— Не нуждается, — отрезал я. — Одно свидетельство психиатров вы используете в случае возможного обвинения вас в сговоре с сумасшедшим, другое опубликует профессор Уингем для опровержения публичной клеветы о моей психической неполноценности.

Разговор об этом возник сразу же после моего возвращения в клинику, не в психиатрическое отделение, куда я обращался за нужным мне освидетельствованием, а в терапевтическое, где находился на излечении уже второй месяц.

— Составили завещание? — спросил Уингем уже во время вечернего обхода. — Торопитесь, дружище, торопитесь.

— Но у меня же лейкоз, профессор, — сказал я, — и притом неизвестная вам форма.

— Это нас и обнадеживает, — подмигнул он мне с видом человека, уверяющего вас, что на улице прекрасная погода, в то время как дождь зачастил с утра. — Во всяком случае, — добавил он, — течение болезни не оказывает обычного в таких случаях угнетающего влияния на психику.

Значит, уверен в моей психике. Что ж, позондируем.

— А что вы ответите, профессор, если я вам скажу, что лейкоз у меня инфекционный, а инфекция занесена из космоса?

— Отвечу, что вы — шутник и со склонностью к мистификации.

Он поднялся с белоснежного табурета у моей койки и, не оглядываясь, пошел к выходу из палаты. Никогда не поверит. Не поверил же Доуни, когда я объяснил ему, что в действительности произошло в июне этого года. Не поверил и с перепугу прислал ко мне своего лечащего врача.

— Я пришел, чтобы проверить вас, — сказал тот. — Профессор Доуни очень обеспокоен состоянием вашей нервной системы.

Я сразу понял, что мне грозит.

— Не трудитесь, доктор, — извинился я. — Прошу прощения. Все, что я говорил Доуни, было шуткой. Я просто разыграл старика.

— Но ведь был же электрический разряд!

— Не отрицаю. Только он прошел рядом, не задев меня. Даже кожа не обожжена. — Я погладил затылок за ухом. — Через два часа после шока я уже мог играть в гольф. И никаких последствий. Ни головокружений, ни боли.

— Но Доуни...

— Забил тревогу слишком поспешно. Придется извиняться перед стариком за дурную шутку. А гонорар получите, сэр.

— За что?

— За старание. Вы же не виноваты в моих проказах.

После визита врача я уже никому не говорил о том, что случилось после той памятной грозы у коттеджа Доуни на дороге в Саутгемптон. Только двум упомянутым в завещании друзьям.

Блиzkих друзей в Лондоне у меня вообще не было. Доуни был только коллегой по кафедре, разделявшим

бремя профессиональных трудов и забот, Розалия Соммерфилд — только добросовестной и ненавязчивой квартирной хозяйкой, соседи — вежливыми, но некоммуникабельными знакомыми, как и большинство живущих на одной улице англичан. Лондон не Палермо или Неаполь, где жители перекликаются с одного конца улицы на другой, в Лондоне одиночество — привычное состояние холостяка, если только судьба не подарит ему редкую, не корыстную дружбу.

Такая дружба и скрепила мое сообщество с Вэлом и Сузи. Вэлом я назвал его потому, что Валентин звучало слишком чужеродно, Валентайн — громоздко, а мистер Глинка — чересчур официально для почти однолеток (я был лишь на три года старше его), одинаково влюбленных в елизаветинскую эпоху и ее литературных избранников. Русский искусствовед прижился у нас на кафедре, говорил со славянским акцентом, но зато близкие мне слова о близких мне драматургах. Он знал Флетчера и Бен Джонсона не хуже меня и цитировал «Эписин, или Молчаливую женщину» с любой страницы и любой строки наизусть, как проповедник — Евангелие. Но оценивал прочитанное по-своему, с классовых, как он говорил, позиций, какие я никак не мог ни понять, ни опровергнуть.

— При чем здесь Маркс? — горячился я. — Бен Джонсон уже истлел за два столетия до Маркса.

— А при том, что Бен Джонсон беспощадно расправился с обществом, в котором «деньги стали силой всех сил», а это уже слова Маркса, дражайший Монти. И опровергнуть их вы не сможете.

Мы звали друг друга по имени и любили, подобно «елизаветинцам», подолгу посидеть в пабе за кружкой пива, где и появилась однажды покоренная Вэлом Сузи. Наши интересы были ей чужды, жила она в мире ядерной физики, и покорили ее не знания Вэла в области елизаветинской драмы, а его голубые глаза и русые волосы эдакого викинга, подстриженные по моде сороковых годов: Вэл откровенно презирал «волосатиков», а диогенскую неряшливость хиппи считал анархической блажью буржуа-недоучек.

Наши беседы подчас напоминали разговоры строителей вавилонской башни, так и не достроивших ее из-за взаимного непонимания.

— Я пробовал читать «Капитал», но, увы, зевота чуть не свернула челюсти, — говорил я, подначивая Вэла.

— Маркс не Агата Кристи, — огрызнулся тот.

— А зачем читать Маркса, когда есть Эйнштейн и Дирак? — вмешивалась в разговор Сузи.

— Ни тот, ни другой не смогли предотвратить Хиросиму.

— Второй Хиросимы не будет.

— Ты уверена?

— Приходи завтра на демонстрацию студентов колледжа — убедишься.

— Иностранцу не подобает вмешиваться во внутренние дела не слишком гостеприимной державы.

— Ты просто трус!

— Не знаю, так ли уж умна храбрость девчонок, бросающихся под колеса полицейских машин. Не проще ли скинуть ваших лейбористских лидеров, которые слишком уж откровенно служат обществу, где «деньги стали силой всех сил». Это опять Маркс, учти.

Я нарочно так подробно цитирую наши беседы, чтобы подвести к одной, знаменательной, с которой и началось наше соприкосновение с «империей невидимок». Тогда еще я ничего не знал об этой «империи» и только был удручен и встревожен чудесами, начавшимися после памятной всем грозы на уик-энде у профессора Доуни.

Когда я рассказал об этом Вэлу и Сузи, оба выслушали меня, не перебивая и не иронизируя. Только Вэл спросил:

— Может быть, это результат увлечения Хичкоком?

— А кто такой Хичкок? — спросила Сузи.

— В кино надо ходить, милая. Хичкок — это создатель кинематографии ужасов.

— Кажется, я что-то видела. «Психо» или «Птицы», не помню. А вы видите это у себя дома? — спросила она у меня.

— Вижу.

— Привидения? — иронически заметил Вэл.

— Привидения — это чисто оптическое явление или поток молекул в газообразном состоянии, ограниченный каким-нибудь физическим полем, — сказала Сузи с обычной для нее многозначительностью.

— Не знаю, как назвать то, что я вижу. Что-то делается у меня на глазах, кем-то делается без моего в этом участия. Как в рассказе у Мопассана.

— В каком? — спросила Сузи.

— Помнишь, как герой из окна своего дома видит корабль, прибывающий в порт? Вот с этого корабля и приходит к нему некто невидимый, неощутимо проникает в душу, живет рядом, существует, вполне материально, но невидимо и неслышно. Передвигается по комнатам, переставляет мебель, звенит посудой, читает книги...

— Орля? — вспомнил Вэл.

— Орля.

Глава 2

УИК-ЭНД

На уик-энд, с которого и начались все описываемые далее удивительные события, мы тогда, как обычно, поехали к Доуни втроем, застав у него также традиционных гостей — судью Блетчфорда с женой и викария Хауленда. Они уже не удивлялись Вэлу, привыкли к нему и даже не затевали с ним политических споров, от которых он уклонялся с присущим ему дипломатическим тактом. Да он и сам привык к традиционному английскому отдыху, научился весьма сносно играть в гольф и пить виски перед вечерним обедом. А после обеда в тот вечер мы долго сидели на широких ступеньках веранды, наслаждаясь теплым июньским сумраком, пасельным закатом и прохладным ветерком с Темзы, лениво болтая о том, что приходит в голову в такие убаюкивающие, бездумные часы.

— Я сейчас перечитываю Уэллса, — вспомнила миссис Доуни, — как раз именно в такой летний вечер и, пожалуй, в такой же близости к Лондону упал на Землю первый снаряд с марсианами.

— Теперь не упадет, — откликнулся Вэл. — Никаких марсиан не существует в природе. И вообще никакой жизни на Марсе нет.

— Может быть, не белковая, не кислородная? — предположил судья. — Вы ведь физик, Сузи. Что скажете?

— Боюсь, что нет.

— Даже растительной?

— Никакой нет, — отрезал Вэл. — Ни мхов, ни лишайников — одни каменные кратеры да измельченный

песок, поднимаемый бурями. Советские спутники Марса уже передали на Землю снимки его поверхности: только мертвые пемзовые пустыни вроде лунных со смерзшейся углекислотой на полюсах. Сухой лед, как в пакетах мороженого. Ваш Уэллс, при всех его литературных достоинствах, по крайней мере на полвека отстал от науки.

— Странные совпадения бывают в жизни, — сказал до сих пор молчавший викарий. — Помню, как лет тридцать назад — я тогда еще мальчишкой был — собрались у отца, как и у вас сейчас, друзья по соседству. В таком же деревенском коттеджике. Еще до Дюнкерка, даже до Мюнхена. И заговорили: а вдруг война? Тихий закат, ветерок с реки...

— К чему это вы, ваше преподобие? — перебил Доуни.

— Случайная мысль: а вдруг?

— Что вдруг?

— Неожиданное, непознаваемое.

— Непознаваемого нет, есть только непознанное, — вмешалась Сузи.

Я решил погасить спор:

— А ветерок-то исыяк. Совсем исыяк. Тихо, как в церкви.

Доуни встал и оглядел чернеющее небо:

— Будет гроза. Метеосводка сообщила о двух циклонах. Один с берегов Испании, другой с арктических широт движутся навстречу. Встретятся над Англией. Может быть, здесь.

— Боюсь грозы, — встревожилась Сузи.

— Я тоже, — поддержала ее миссис Доуни. — Пойдемте в комнаты.

Судья и викарий последовали за дамами.

— А мы, пожалуй, останемся, — сказал Доуни. — Уж очень вечер хорош. Да и гроза далеко.

Я выглянул из-за колонны. Чернота на небе прожорливо глотала убегающие облака.

— Молния может ударить внезапно.

— Мы под крышей и за колоннами, — сказал Доуни.

— А шаровая?

— Не паникуйте, ассистент. Шаровую придумали физики.

— А зеленую? — вдруг спросил Вэл.

По черной туши неба черкнула зеленая искра. Мы напряглись, ожидая грома. Но грома не было. Только светилась в небе зеленая ниточка, как след реактивного самолета. А конец ее летел вниз, прямо к нам. Я говорю условно — летел, потому что длилось это мгновение, какие-то доли секунды. Доуни едва успел спрятаться за колонну, а Вэл, отпрыгнув, рванул меня. Но слишком поздно: светящийся конец копья, брошенного невидимым копьеносцем, ударил меня прямо в лицо, ослепил и прошел насквозь, бросив в беззвездную черную тьму. Сознание погасло...

Очнулся я на диване в нижнем холле коттеджа. В темноте горели свечи. Вэл поддерживал мою голову, а миссис Доуни прижимала к носу пузырек с нашатырным спиртом. Я оттолкнул его: голова была свежа, как после крепкого здорового сна.

— Как долго я был без сознания? — спросил я, подымаясь.

— Минут десять. А мы уже думали, что вам конец, — сказал, подойдя, Доуни. — Ведь молния ударила прямо в вас.

— Рядом, — сказал я: мне не хотелось вспоминать о беззвучном и безболезненном уколе зеленой искры. — Молния ударила между нами, если это вообще была молния.

Я перехватил понимающий взгляд Вэла: он-то все видел, но не счел нужным противоречить.

— Думаю, что не молния, — сказал он. — Ни грома, ни дождя — только зеленая вспышка.

— И туман, — прибавил Доуни, — густой зеленый туман. Мы, подхватив Монти, насилу добрались до двери. — Он подошел к окну: — А туман рассеивается. Звезды уже видны. Не гроза, а миф.

— Станный миф, — задумчиво произнесла Сузи. — Молния — это электрический разряд большой мощности. А вы ничего не почувствовали.

— Только увидели. Вспышку, — сказал я. — Кстати, почему это света нет?

Доуни снова взглянул в окно.

— Нигде нет. Должно быть, повреждена сеть. Еще одно свидетельство в пользу электрического разряда.

— Может быть, то была просто зарница, — предположил судья. — На далеком расстоянии грома не слышишь.

— А зеленый туман? Электрический разряд, ударивший в баки анилиновой красильной фабрики и разбрызгавший бриллиантовую зелень по всей округе? Глупости. — Сузи говорила с апломбом ученого, хотя о метеорологии знала едва ли больше меня. — Это чисто оптический феномен. Результаты циклонической бури в верхних слоях атмосферы. Завтра утром метеорологи объяснят все. Читайте газеты.

Мы остались ночевать у Доуни, разместившись в комнатах для гостей на втором этаже коттеджа. Мне с Вэлом досталась крохотная комнатка с двумя койками и диванчиком у стола, на котором тускло горела свеча. Мы ее не тушили.

— Почему ты скрыл, что молния, если это только была молния, прострочила твою башку? Я ведь стоял рядом и видел, — поинтересовался Вэл.

— Не хотелось общественного участия. Боли я не почувствовал, удара тоже. А очнулся даже свежее, чем был. Как после чашки крепкого кофе.

— По-моему, Сузи права. Это явление из оптики, а не из электроэнергии. Любопытный феномен, конечно.

— Сузи всегда права, — услышали мы от двери. — Вы еще не спите, мальчишки?

— Входи и располагайся у свечки. В ее тусклом ореоле ты будешь похожа на привидение, — ответил Вэл, не подымая головы от подушки. — Еще одна из удольфских тайн¹ этого замка.

И свеча погасла.

— Я же говорил, — хохотнул Вэл, — не хватает только, чтобы она опять зажглась.

И свеча зажглась, хотя ничья спичка ее не коснулась.

Сузи замерла в дверях, не в силах что-либо вымолвить. Меня как пришибло — язык прикусил. Только Вэл продолжал, не смущаясь:

— Ты, крошка, по-видимому, несешь в себе огромный запас еще не открытых элементарных частиц, каких-нибудь кси- или пси-мезонов. Они вызывают зеленые молнии и зажигают свечи. Живой ядерный реактор в действии.

— Я боюсь, Вэл, — прошептала Сузи.

— Чего?

¹ «Удольфские тайны» — роман Анны Радклиф (XVIII век).

— Ведь это, в сущности, необъяснимо.

— Пока. Потом объяснят. В крайнем случае спроси какого-нибудь ассистента у себя на кафедре.

Сузи вышла, еще раз повторив, что ей очень страшно. И свеча потухла.

— Удобно, — зевнул Вэл, поворачиваясь лицом к стене. — По крайней мере, не надо вставать.

Но тотчас же зажглась электрическая лампочка в цветной розетке на потолке.

— На этот раз, кажется, чудеса районной электросети. Все-таки придется встать, — сказал я и выключил лампочку.

Но не успел дойти до койки, как она снова зажглась без участия выключателя.

— Чудеса продолжают, — иронически заметил Вэл, — и ведь самое страшное, что они не дадут нам спать.

— А мы перехитрим их.

Я опять встал, повернул свечу фитилем в подсвечник и вывернул лампочку, положив ее на стол. Но едва лег, как она уже совсем волшебным образом зажглась на столе, не соединенная с сетью.

— Удольфские тайны, — удивленно повторил Вэл и, как мне показалось, даже не без удовольствия. — Кто-то в округе проводит опыты с беспроводной передачей электроэнергии. Надо бы ему помешать. — Он сунул чудесно светящуюся лампочку в ящик стола и прильнул глазом к щелке между крышкой и ящиком. — Светится. Но спать можно.

Так мы и заснули, перехитрив всех удольфских волшебников. О чудесах сговорились молчать и хорошо сделали, потому что ни хозяева, ни прислуга их не подтвердили. Свечи и лампочки у них загорались и гасли без всякого волшебства, и ночь прошла спокойно, без гроз и молний.

А на следующий день, вернувшись в Лондон, я набросился на утренние газеты и перелистал их с сугубым разочарованием. Ни «Таймс», ни «Гардиан», ни утренние выпуски радио ни словом не обмолвились о зеленой молнии. Только в «Дейли миррор» на пятой или шестой странице приютилась крохотная заметка о метеорите, замеченном в полете и сгоревшем в атмосфере где-то над южной Англией. О зеленом тумане не было сказано ни

слова. Должно быть, он не распространялся дальше коттеджа Доуни на Саутгемптонской дороге.

Сузи я не нашел, а Вэла застал за ленчем в маленьком кафе близ университета. Разочарование мое его никак не задело: подумаешь, событие — гроза без дождя и молния без грома. Пусть этим занимаются метеорологи, а у него есть дела поважнее, в частности отношение Бен Джонсона к Флетчеру и Марло. Мне же, по его мнению, как ассистенту кафедры, и совсем не подобало заниматься разгадкой удольфских тайн: оставим чудеса со свечкой и лампочкой физикам и электрикам.

Я робко сопротивлялся:

— Я приемлю чудеса только в цирке, а чудеса без участия иллюзиониста меня пугают.

— А ты уверен, что это чудеса, а не опыты?

— Чьи?

— Узнаем у Сузи. Она докопается.

Но Сузи не докопалась, докопался я.

Глава 3

ОРЛЯ

Спал я плохо. Три раза просыпался, разбуженный одним и тем же кошмаром. Вернее, схожим по смыслу.

Сперва я увидел улицу, запруженную народом. Ни одного авто и омнибуса. Только стоящие плечом к плечу люди. Мужчины. Одинаково стриженные головы и черные пиджаки. И запрокинутые кверху лица, обращенные ко мне. Затем, как в кино, когда камера наезжает на объект съемки, улица выросла и приблизилась. Лица придвинулись вплотную и стали одним лицом. Моим лицом, размноженным тысячи раз. Тысячи моих глаз вопрошали меня о чем-то серьезном и страшном.

О чем?

Я проснулся, сел на постели и замер в темной тишине комнаты. Гулко пробили каминные часы один раз. Час ночи. Стараясь не вспоминать о нелепом, но почему-то пугающем сне, я прислушался к привычной тишине ночи, но, кроме тиканья часов, ничего не слышал. «Приснится же такое», — успокаивающе подумал я и снова заснул.

И вновь я увидел улицу, только ночную, пустынную, освещенную лишь тусклыми пятнами света от невидимых фонарей. Одинокaя фигура незнакомца двигалась мне навстречу, и мы, не сворачивая, столкнулись лицом к лицу. И опять я увидел свое лицо с холодно вопрошающими глазами.

Кто-то из нас сказал:

«Близость должна быть совершенной и полной».

И мы шагнули друг в друга, как в туман, в ночь, в темноту, оформленную смутными очертаниями моей спальни. Я понял, что проснулся.

Часы проббили три раза. Значит, ночь еще не кончилась. Из полуоткрытого окна несло лондонской ночной сыростью. Я вдруг озяб и глотнул прямо из бутылки бренди, стоявшей рядом на столике. Закурил, затаился и подумал традиционно: что, мол, сей сон означает? Но раздумывать не стал: сонливость успокаивала и звала к дремоте.

Третий сон подытожил первые два.

Я стоял у большого овального зеркала, освещенного двумя трехсвечными канделябрами по бокам, и всматривался в свое зеркальное отражение. У него не было ни глаз, ни ушей. Только в глазницах сверкали зеленые искры.

«Мне нужны твои глаза, чтобы видеть то, что ты видишь, — сказала оно, — твои уши, чтобы слышать то, что ты слышишь, и твоя кожа, чтобы ощущать тепло или холод прикосновения. Мне нужен твой мозг, чтобы восхищаться тем, что тебя восхищает, страшиться того, что страшит тебя, и удивляться тому, что тебя удивляет».

И я в третий раз проснулся, отметив про себя, что литературный штамп «в холодном поту» не так уж далек от истины. Лоб у меня был холодный и влажный. А будильник истошно звонил о том, что пора начинать еще одно утро.

Я принял душ, оделся, приготовил наспех яичницу с беконом и вдруг, случайно взглянув на книжную полку, заметил что-то неладное. В первый момент я даже не сообразил, что именно, и только потом дошло: мраморный бюст Шекспира наверху исчез. Я вспомнил, что еще вчера вечером я видел его: доставал с верхней полки роман шекспировского современника Роберта Грина «Крупица здравого смысла, купленная миллионами раская-

ний». Я даже подумал при этом, что хорошо бы все-таки стереть пыль с бюста — стоит высоко, миссис Соммерфилд, убравшей мои комнаты, трудно до него дотянуться. Но куда же он все-таки делся? Тяжелая штукавина, которую запросто и не сдвинешь. И кто снял? Кроме Розалии Соммерфилд, ко мне никто не входил.

Я вышел в коридор и громко позвал миссис Соммерфилд, жившую рядом. Минуту спустя она появилась, кутаясь в теплый стеганный халат.

— Что случилось, сэр?

Я показал на верх полки с книгами.

— Вы куда-нибудь убрали его?

Она не поняла.

— Что именно, сэр?

— Шекспира! Мраморный бюст, который стоял на полке.

— Я никогда не дотрагивалась до него, сэр, — сказала она с достоинством.

— Может быть, он упал и разбился?

— А с какой стати я бы стала это скрывать? — В словах ее уже прозвучали нотки закипавшего раздражения.

— Но я еще вчера вечером видел его на месте.

Розалия Соммерфилд выпрямилась, как стальная пружина.

— Вы, кажется, подозреваете меня, сэр?

— Что вы, миссис Соммерфилд! Я, право...

Но она не дала мне закончить:

— Только у вас и у меня есть ключи от ваших комнат. Поэтому я требую вызвать полицию. Кстати, сержант Филби еще не ушел на работу.

Полицейский сержант Филби жил в угловой комнате по коридору и вошел ко мне в полной форме, но явно смущенно и неохотно.

— Леди уверяет, что вы хотите сделать заявление, сэр. Я не на работе, но могу принять его, если желаете.

— Я не собираюсь делать заявления, Филби, — сказал я поспешно. — Ничего серьезного не произошло. У меня ни к кому нет никаких претензий.

— Второй ключ от этой квартиры у меня, сержант, — вмешалась настойчиво Розалия Соммерфилд, — а со вчерашнего дня у мистера Клайда посторонних не было. Следовательно, подозрения в краже или уничтожении мраморного Шекспира падают на меня. Но я вчера пол-

ночи просидела у миссис Уинтон из двенадцатого номера: у нас у обеих бессонница и мы до трех часов ночи раскладывали двойной пасьянс Марии-Антуанетты. Сами понимаете, сержант, что после этого я не могла беспрепятственно и незаметно проникнуть к спящему мистеру Клайду и бесшумно унести статую с книжной полки, да еще у самого потолка. Настаиваю, чтобы мои показания были занесены в протокол.

— Миссис Сомерфилд! — взмолился я.

— Где именно стояла статуя? — спросил Филби.

Я взглянул на полку и обмер: бюст Шекспира стоял на своем месте.

Что произошло дальше, нет смысла описывать. Филби веселился, а Розалия выговаривала мне тоном королевского прокурора:

— Ваши трюки, сэр, можете показывать в цирке. Но я сдавала комнаты ученому, а не фокуснику.

А мне было совсем не смешно. Я стоял неподвижно, тупо соображая: что, что, что же произошло? Может быть, мы с Розалией стали жертвой обмана зрения, оптического фокуса, причудливой игры утреннего света на запыленном мраморе? Нет, никакой игры света здесь не было и не могло быть. Книжная полка стояла в темном углу комнаты.

Но меня ожидал еще более зловещий удар.

На столе рядом с остывшей яичницей лежала изогнутая, старая, хорошо обкуренная трубка. Пять минут назад ее не было. Мало того, ее вообще не было: я никогда не курил трубку. И в довершение всего я узнал ее: трубка принадлежала Доуни. Он курил ее вчера, когда мы разговаривали у входа в аудиторию.

Может быть, по ошибке он сунул ее не в свой, а в мой пиджачный карман? Или я бессовестно стащил ее у него? Но Доуни не рассеянный профессор из комиксов, и я не клептоман. Да и память у меня еще не отшибло: в последний раз я видел эту проклятую трубку в зубах у Доуни.

Он уныло откликнулся, когда я позвонил ему.

— Что-нибудь случилось, Монти?

— Это у вас случилось, профессор.

— Да, да, я где-то потерял свою трубку, Монти. Какое несчастье!

— Вы потеряли ее не где-то, а у дверей шестой аудитории. Там я и нашел ее несколько минут спустя.

— Вы золото, Монти! Осчастливили старика.

Но себя я не осчастливил. Удольфские тайны сопровождали меня из коттеджа Доуни. Я по-прежнему был игрушкой мистических сил. Еле-еле дождался ленча и успел захватить Вэла и Сузи в нашем кафе. Там и состоялся уже упомянутый мной разговор о рассказе Мопассана со странным названием «Орля».

— Но это же мистика! — воскликнула Сузи.

— Мистика, — согласился Вэл. — Творчество уже творящего рассудок писателя.

— Я, кажется, тоже теряю рассудок, — сказал я.

— Да, рассказывать кому-либо об этом, пожалуй, не стоит.

— Что же мне делать?

— Продолжать, пользуясь лексиконом Сузи, ставить дальнейшие опыты. С нашим участием.

— Что ты подразумеваешь? — насторожилась Сузи.

— Для начала мы сегодня переночуем у Монти. Наблюдаем Орля в действии. Надеюсь, что мы ему не помешаем.

— Я боюсь, — сказала Сузи.

— Чего? Потусторонних сил? Ты в них не веришь. Все в мире для тебя только движение элементарных частиц, волн и полей. Вот и попробуем научно проанализировать трюки Орля.

— А ты в него веришь?

— Я еще не знаю, кто он или оно. Существо или вещество. Материя или энергия. Нечто объяснимое уровнем нашей науки или требующее привлечения наук завтрашнего дня, вроде телекинеза и телепортации, невидимости и сверхпроходимости. Поживем — увидим.

— А если не увидим?

— Надеюсь, что он или оно продолжит свои контакты с Монти.

Я не выдержал:

— И ты называешь это контактами?

— А ты предпочитаешь мопассановскую трактовку?

Пришлось сдаться. Да и предложение Вэла меня устраивало: втроем не так страшно. Может быть, Орля соблазнится и вступит в прямой контакт. Так и порешили. Скоротав томительный вечер в пабе, мы втроем пересекли улицу и явились во владения Розалии Sommerfield

часам к одиннадцати, за час до времени привидений, вампиров и ведьм.

Включив свет и оглядев комнаты с порога, я вздрогнул.

— Что такое? — заинтересовался Вэл.

— Он передвинул кресло на середину комнаты!

— Он пошутил и с часами.

Я взглянул на каминные часы и пролепетал:

— Перевел стрелки на два часа вперед.

— Нет, они просто идут назад. Наоборот. Сейчас на них не пять минут двенадцатого, а без пяти час. Не час ночи, а час дня.

Часы действительно шли назад.

— Но это же перестройка всего механизма. Без инструментов!

— По-видимому.

— И зачем это ему? — удивилась Сузи.

— Ставит опыты, крошка. Он тоже экспериментатор, как и ты.

— Интересно, какой опыт поставим мы.

— По трафарету Мопассана. На стол — молоко, воду и хлеб. Прикроем салфеткой и посмотрим наутро, что он или оно отведает.

Так и сделали. Поставили молоко в фаянсовом молочнике, воду в графине с пробкой и булку на тарелке, аккуратно прикрыв ее салфеткой. Подождали чудес, но чудес не было — все оставалось на своих местах, ничто не двигалось, не исчезало и не гасло. В двенадцать легли спать — мы с Вэлом в столовой, Сузи в кабинете на плюшевом диванчике у открытой к нам двери: ядерная физика не спасала ее от страха перед дедовскими поверьями.

Меня разбудил тоненький дребезжащий звук. Я вскочил и сел на постели. Вэл тоже поднялся на локте.

— Ты слышал? — спросил он.

— Телефон?

— Это не телефон. Это треснул графин на столе.

Я встал, включил свет. Тотчас же в комнату заглянула Сузи в пижаме.

— Что случилось, мальчики?

Я молча кивнул на стол. Молоко в молочнике вспенилось и убежало, залив стол и ковер под столом. А вода смерзлась в кусок льда, раздавивший стенки графина. Звон треснувшего стекла на столе и разбудил нас. Только булка под салфеткой лежала нетронутой.

Вэл коснулся пальцем молочной лужицы.

— Теплая, — сказал он. — Должно быть, молоко вскипело и ушло.

— Как — вскипело? Само собой?

Вэл покрутил пальцем у лба.

— Нет, его предварительно поставили на плиту, а графин — в морозильник.

— Интересно, — сказал я, игнорируя насмешку.

— С хлебом, вероятно, еще интереснее.

Вэл снял салфетку и взял булку.

— Она же совсем целая! — удивилась Сузи.

— Только стала тяжелее раз в десять. — Вэл подобрал булку, и она упала на стол с грохотом утюга. — Чистый металл, вернее, сплав, оформленный в виде булки.

Мы молча смотрели друг на друга. Опыт поставлен, но неизвестное не найдено. Мы могли сотни раз спрашивать друг друга: кто, когда, как и зачем, но ответа ни у кого не было.

— Что же дальше? — спросил я.

— Присутствие «невидимки» бесспорно, — ответил Вэл, подумав. — Действия его очевидны, но непонятны. Что дальше? Продолжать опыты. И ждать.

— А ты уверен, что это мыслящее существо?

— Я уверен только в одном. Это не человек, не уэллсовский «невидимка». И не подобный нашему разум. Но разум. Во всех его, казалось бы, алогичных проявлениях своя логика — стремление понять мир окружающих нас вещей, материальных форм: твердых, жидких, газообразных, органических и неорганических. Думаю, что он не враждебен жизни. Земной жизни. Может быть, это и поспешное заявление, но в действиях его я не вижу вреда. Свечи гаснут, но не ломаются, лампочки зажигаются, но не перегорают, бюст Шекспира исчезает, но возникает снова на том же месте, трубка переносится, но не пропадает. С водой, булкой и молоком — элементарные эксперименты, по существу безобидные попытки познать или видоизменить материал. Ни одному из нас не причинено ни малейшей боли, даже мухи вон спят живехонькие.

Я выслушал его не перебивая. Умный парень, этот русский ученый. Он даже не сослался на общеизвестное гамлетовское «есть многое, Горацио, на свете» — Шекспир и Бен Джонсон не ограничили его кругозор.

ра. Не то что у Сузи с ее точнейшей наукой. На вопрос Вэла: «Твой ход, Сузи?» — она так и ответила:

— Я — пас. Ни в одной работе по ядерной физике не найдешь этому объяснения.

А все-таки оно нашлось именно в ядерной физике, только в новой ее главе, еще неизвестной людям.

Глава 4

РАЗУМ-РАЗВЕДЧИК

Проснулся я поздно, в одиннадцатом часу, когда Сузи и Вэл давно уже ушли. Они не будили меня, зная, что спешить мне некуда, что проверкой курсовых работ на кафедре я буду занят во второй половине дня. Проснулся я легко, с ясной мыслью, без малейшей тревоги, так томившей меня вчера. Следов ночных событий уже не было: Вэл и Сузи обо всем позаботились. Молочник вымыли, осколки стекла убрали, а к булке приложили записку с лаконичным приглашением: «Можешь отведать». Я осторожно надавил ее пальцем... И что бы вы думали? Металлическая булка снова стала съедобной, только чуть зачерствевшей со вчерашнего вечера. Никаких других изменений не наблюдалось, все находилось в обычном порядке, ничто не пропало. Вода в кране текла, душ работал, свет горел.

Я с аппетитом позавтракал и просмотрел газеты — очередные выпуски «Таймс», «Дейли миррор» и коммунистической «Морнинг стар», куда я заглядываю по настоянию Вэла, дабы не ограничивать свой кругозор твердолобым самомнением тори и желтой безответственностью Флит-стрит¹. Обычно я делаю это основательно; проглядываю хронику происшествий, иностранные телеграммы, отдельные статьи прочитываю целиком и решительно пропускаю объявления, спорт и биржевые курсы за отсутствием у меня акций и процентных бумаг. Но на этот раз я по неизвестной и непонятной для меня причине просто листал все газеты подряд, ни на чем не задерживаясь. Окинул взором страницу, будто фотографи-

¹ Улица в Лондоне, где находится большинство редакций английских буржуазных газет.

руя ее, и перешел к следующей, мазнул по ней взглядом, ничего не прочтя как следует, и прогалопировал таким образом по всем полосам, не пропустив ни одной — даже сплошных объявлений и биржевых котировок. Никакой информации я при этом не извлек и ничего не запомнил, даже заголовков и фото, но осознал это лишь два-три часа спустя, когда вышел на улицу, осознал, что действовал, как сомнамбула, повинуюсь какому-то настойчивому, но неясному побуждению.

Просмотрев газеты, я столь же неосознанно подошел к книжной полке и взял однотомный Оксфордский толковый словарь английского литературного языка. Если бы меня тогда спросили, зачем он мне понадобился, я бы не смог ответить. Захотелось бессознательно, безотчетно что-то найти. Что, не знаю. Просто взял словарь и, присев к окну, методично и быстро перелистал его по тому же принципу, что и газеты. Откроешь страницу, взглянешь, запечатлеешь где-то в ячейках памяти все слова и дополнения к ним, идиомы и синонимы, затратишь на это не более секунды и пробегаешь глазами уже другую страницу. И так с А до Z, пока не устал сгибаться палец, перевернувший тысячу с лишним страниц тончайшей индийской бумаги.

Я не запомнил ни одного слова, ни одного примера, ни одной семантической формы, — в голове была мешанина из непереваренных слов, обрушившаяся на меня словесная Ниагара, в которой утонули все впечатления и помыслы. Мой мозг как бы отключился, проглотив словарь и грамматику, и дремал, как питон, переваривающий более чем обильную добычу.

Дремал он недолго — я не считал минут — и очнулся, едва я вышел на улицу. Собственно, «очнулся» не то слово — я был в полном сознании, только мой мысленный аппарат был вроде как отключен от внешнего мира, от его дел, забот, вещей и людей. И этот внешний мир ворвался в мой черепной вакуум, как отключенный звук в телевизоре врывается в действие, когда его снова включили. Я вдруг все вспомнил, осознал и, ничего не поняв, встревожился. Что же произошло? Почему я бездумно листал словарь и газеты, не читая, фотографируя страницы только глазами, без участия разума, не вдумываясь в увиденное, не осмысливая его? Зачем я это делал, что побуждало меня, заставляло, именно

заставляло подчиняться какому-то неосознанному, неконтролируемому движению мысли? Встать, взять, перелистать, ухватить взглядом и вновь положить на стол или поставить на полку. Кто-то или что-то во мне мысленно приказывало это сделать, и я повиновался, не думая и не сопротивляясь. Орля? Невидимый враг, вошедший в меня зеленой молнией в тот загадочный вечер? В том, что он существует и действует, убедились мы все втроем, только не видели логики в его действиях. Человеческой логики. А если она была, эта логика, — пусть не человеческая, но была? Тогда становилось понятным и мгновенное поглощение газетной информации, и педантичное перелистывание английского словаря. Невидимка знакомился с делами и тревогами мира, нас окружающего, и со словами, формирующими его духовный облик.

Но едва я осознал и объяснил себе все происшедшее, как где-то в мозгу «прозвучал» новый приказ. Я еще не «услышал» его, но уже механически устремился к его выполнению. Вместо садовой дорожки, ведущей к дверям моей кафедры, я машинально свернул к корпусу университетской библиотеки. Окружающий мир снова потух, и я знал только одно: открыть дверь в библиотечный холл, подойти к дежурной мисс Стивенс и взять у нее все тома Британской энциклопедии.

Она не удивилась, молча выписала карточку и указала служителю на ближайший стол в читальном зале, куда можно было погрузить все кирпичи томов в синих, строго академических переплетах.

Никто не обратил на это особенного внимания: студенты и научные сотрудники кафедр нередко брали для работы по дюжине книг. Один из таких сотрудников устроился за столом против меня, водрузив перед собой стопочку, правда, поменьше весом. Я знал его — Смитс, не то Смэтс, аспирант из отделения языка и фонетики. Мы сухо кивнули друг другу и склонились над книгами. Но я не учел усталости пальцев — перелистывать многостраничные тома Британской энциклопедии было им не по силам. Они стали тормозить, задерживать страницы на поворотах. И тут произошло нечто неожиданное: страницы сами стали перевертываться без участия пальцев. Мне оставалось только присмотреться полсекунды, и страница с мягким шелестом

ложилась налево, открывая следующую для бездумной фиксации. Мысль спала, как и дома во время «чтения» газет, — я лишь тупо следил за перевертывающимися страницами.

В читальном зале не разговаривали, но мой визави, должно быть, не выдержал.

— Как это у вас получается? — спросил он шепотом, еле подымая отвисшую челюсть.

— Что, что? — не понял или не расслышал я.

— Сттт... раницы, — сказал он заикаясь.

Мне тут же была дана возможность все осознать, понять и даже развеселиться.

— Телекинез, — грозно прошептал я. — Мысль перелистывает страницы.

Смитс или Смэтс поперхнулся, съежился и молча пересел со своей стопочкой книг за другой стол. Он не любил чудес.

А я, уже все понявший и внутренне давно подчинившийся, продолжал фиксировать глазами-объективами каждую перевернутую страницу. Они методично шелестели, щекоча приближенные к ним для видимости подушечки пальцев. Три часа автоматической бездумной работы, тысячи моментальных снимков в подсознательной памяти — и никакого следа в памяти сознательной. Короче говоря, с моей помощью Орля выучил английский язык и собрал всю информацию о нашем мире, втиснутую в строй томов Британской энциклопедии. Я вспомнил разговор во сне со своим отражением в зеркале: «Мне нужны твои глаза, чтобы видеть то, что ты видишь, твои уши, чтобы слышать то, что ты слышишь, и твоя кожа, чтобы ощущать тепло или холод прикосновения. Мне нужен твой мозг, чтобы восхищаться тем, что тебя восхищает, страшиться того, что страшит тебя, и удивляться тому, что тебя удивляет». Я дал ему и язык, и глаза, и мозг.

И даже уходя из библиотеки и потирая уставшую поясницу, я все еще не был свободен. Новый приказ побуждал меня найти Вэла и Сузи, вернее, одну Сузи с непонятным и для нее, и для меня требованием. Непонятным и даже невероятным оно прозвучало лишь в момент оглашения, до этого я знал только то, что должен увидеть Сузи. Мне повезло: я нашел ее на скамейке у дверей ее факультета, она просматривала записи лабораторных работ.

— Срочное дело, Сузи, — сказал я, не здороваясь. Какое дело, я еще не знал.

— Монти? — удивилась она. — Где это вы скитались? Вас ищет Вэл, а Доуни отменил проверку курсовых работ из-за вашей неявки.

— Напишите мне список наиболее важных работ по ядерной физике и физике высоких энергий. Сейчас же, здесь, — сказал кто-то во мне моим голосом.

Даже чудеса Орля так не удивили Сузи, как мое требование.

— Зачем вам, Монти? — спросила она меня почему-то шепотом.

— Не знаю, только это необходимо. Возьмите блокнот и перечислите то, что у нас есть в библиотеке.

— И все-таки я не понимаю — зачем?

— И я не понимаю. Но вы должны сделать это, Сузи. И скорее. Это — не я.

Моя бессвязная речь заставила ее подчиниться, но не устранила недоумения. С не меньшим недоумением встретили меня и в библиотеке. Специалист по английскому Ренессансу — и вдруг бросается в дебри элементарных частиц. Почти уникальный случай в нашей университетской среде, где нет больших невежд, чем специалисты вне своих узких областей знания. Но даже узаконенному невежде книжки все-таки выдали. И я листал их еще два часа, ничего не понимая и не запоминая. Кто-то читал и запоминал их вместо меня.

Самим собой я стал только на улице, но в каком качестве! Выжатым лимоном, выкипевшим чайником, выкуренным окурком — с чем хотите сравнивайте эту душевную пустоту и равнодушие ко всему на свете. Я пошел прямо домой, побуждаемый единственным желанием, которое у меня осталось, — возместить пропущенные ленч и обед. И даже не удивился, найдя уже готовый обед на столе: об этом позаботились Сузи и Вэл, терпеливо ожидавшие меня с благословения Розалии Сомерфилд.

— Дай ему виски, — сказал Вэл Сузи, — скорее встряхнется.

Я выпил.

— Говорить можешь?

— Пусть поест сначала.

Я молча проглотил остывшие сосиски с горчицей и запил пивом. В голове зашумело, но вакуум исчез, вернее,

наполнился радостным сознанием того, что я — это я и действую по собственному разумению и помыслам. Желание говорить переполняло меня и выплеснулось сразу, без допроса. Я рассказал все: о перелистанных газетах, словаре, Британской энциклопедии и ядерной физике.

— Листал, не читая? — переспросил Вэл.

— Читал Орля. Я был выключен.

— Зачем, понятно. Изучал язык, постигая смысл выражаемых им понятий, и наконец выбрал заинтересовавший его объект информации. Значит, наш невидимка проходит по ведомству Сузи.

— Если его мысль, — задумалась Сузи, — находится на уровне человеческой...

— Или выше, — подсказал Вэл.

— ...или выше, то он несомненно знает, что мышление происходит на уровне элементарных частиц. Для контакта с человеком...

— А ты уверена, что он ищет контакта?

— Судя по его действиям — безусловно. Все его чудеса — это стремление познать наш мир.

— Разве обязателен для этого прямой контакт с человеком? Мозг Монти он уже изучил, во всяком случае, может диктовать ему что угодно. Датчиками его он воспользовался, узнал, что его интересует. Изучение же окружающего нас материального мира, по-видимому, возможно для него и без участия человека: удольфские чудеса это подтверждают. Так почему же думать, что он ищет контактов? В принципе могут быть цивилизации, так называемые замкнутые, которых не интересуют никакие контакты.

— Не верю, не могу верить, — решительно возразила Сузи. — Зачем изучать наш язык, если можно проникнуть в мозг и запросто снять весь накопленный им запас информации? И обрати внимание: Орля оставил Монти, когда тот выдохся, когда дальнейшая перекачка информации уже грозила необратимыми изменениями мозговых клеток. Значит, у Орля цель. Или Монти и в дальнейшем будет служить только проводником информации, или с ним потом вступят в прямой контакт.

— Может быть, ты и права, — неуверенно согласился Вэл, — поживем — увидим.

— Что увидим? — рассердился я. — Как переворачиваются страницы без участия пальцев, как превращают в ро-

бота бакалавра литературы, как закипает молоко без огня и как замерзает вода в комнате летом? Так объясните же роботу, почему это чудовище при его интересе к ядерной физике избрало для своих экспериментов меня, а не Сузи?

— Так ведь не в нее, а в тебя ударила зеленая молния. Тогда у Доуни...

— Молния не живое существо.

— А ты видел, как выглядят живые существа в других звездных системах и других галактиках? Может быть, это форма газообразной или энергетической жизни. Другой путь эволюции — другие формы разума.

Сузи закрыла лицо руками.

— Мне страшно, мальчики, — повторила она. — А вдруг это враждебный нам разум?

Все замолчали.

— А что мы можем предпринять? — вздохнул Вэл. — Какие у человека средства против чужого разума, осязаемого, но невидимого, властного над материей, но нематериального? Поджечь дом, как в рассказе у Мопассана? Но это поступок сумасшедшего, да и наш Орля или потушит огонь, или восстановит дом. Рассказать о нем людям — военным, ученым, газетчикам? Нас сочтут больными или мистификаторами.

Забегу вперед, если сообщу, что я все же попытался рассказать Доуни, когда передавал ему трубку. Что из этого получилось, вы уже знаете: я едва ускользнул от психиатрического надзора.

— И все же я оптимист, — закончил Вэл. — Это высший разум, допускаю. Но не разум-завоеватель, а разум-разведчик.

— С какими целями?

— События не заставят себя долго ждать.

Вэл оказался пророком.

Глава 5

«МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС»

По древнему сказанию, на пиру у вавилонского царя Валтасара, этак лет за пятьсот с лишним до нашей эры, чудесно возникшая кисть руки начертала на стене три непонятных слова: «мене, текел, фарес». Как были рас-

шифрованы эти слова, я уже не помню, но чувство страха, потрясшее очевидцев, я испытал тоже почти в аналогичной ситуации. Правда, не на шумном «пиру» у ректора по поводу окончания экзаменационной сессии, а в тихом уединении меблированных комнат Розалии Соммерфилд, когда сессия еще не кончилась. Но уверяю вас, страх был не менее леденящим.

Со времени моего последнего разговора с Вэлом и Сузи прошло несколько дней — сессионные дела разлучили нас, да и мы с Доуни задерживались на кафедре дольше обычного, так что я возвращался домой, даже не заглянув в паб за очередной кружкой пива: его доставляла мне на дом Розалия. Несмотря на прогноз Вэла, «события» все еще ждали. Орля или покинул мой тихий очаг, или затаился для новых фокусов. Ничто не нарушало нормальной жизни: вещи не исчезали, часы шли, как полагается, книги не срывались с полок и никто не заставлял меня заглядывать в словари.

Но когда я однажды, вернувшись домой усталый и умиротворенный, устроил себе импровизированный пир из подогретой грудинки, чая и рюмки бренди с куском восточной тянучки из магазина «Персидские сладости», включил телевизор на середине какого-то вестерна и уже приготовился наслаждаться, небесное предупреждение не заставило себя долго ждать. Только вместо письма на стене застучала открытая пишущая машинка с бумажным рулоном, какие в ходу на телетайпах и какие вообще удобнее: не нужно то и дело вставлять и вынимать лист бумаги для перепечатки. Я не случайно упомянул о телетайпе. Машинка задвигалась и застучала именно как управляемый извне механизм — рычаги букв щелкали, подымаясь и опускаясь, лента ползла, накручиваясь и раскручиваясь в катушках, каретка судорожно металась взад и вперед, методически выталкивая наверх оттиснутые строки. На моих глазах происходило новое удольфское чудо, настолько поразительное, что у меня не возникло даже любопытства прочитать эти строки. Я замер от ужаса, как мопассановский герой, заставший «невидимку» врасплох, и пребывал в столбняке до тех пор, пока стук не прекратился и над оставившимся валиком не появился отпечатанный текст. Он был написан грамматически правильно, без единой помарки, с прописными буквами и знаками препина-

ния, как продиктованный машинистке самого высокого класса.

«Мы впервые пробуем ваш язык как средство коммуникации — средство, конечно, примитивное, но другие для тебя не годятся. Телепатический обмен мыслями привел бы к торможению твоих церебральных процессов, так как, включая нашу мысль, мы бы выключали твою. Отвечать можешь устно или мысленно — нам безразлично. Хотя ты и скрываешь иногда свои мысли, не рассчитывай, что обманешь нас, — мы читаем их, как принято называть у вас такой способ накопления информации. Наши сигналы связи вызывают у тебя незнакомые нам помехи, самая устойчивая из которых — страх. Мы проследили его эффект, но объяснить не можем — мы внеэмоциональны. Не смущайся (кстати, тоже непонятный нам, но характерный для тебя импульс), объем твоей информации нам известен, и за пределы его мы не выйдем. Цель нашего общения — прояснить жизнь, с которой мы столкнулись впервые и понять которую до сих пор не можем».

Растерянность моя проходила по мере того, как я читал этот текст, и с последней строчкой я даже оказался способным оценить комизм ситуации. Пишущая машинка в качестве голоса запредельного мира и машинистка-невидимка в роли его разведчика. И это величавое «мы!» «Мы, ее величество, повелеваем...» — внутренне усмехнулся я.

«Что значит «ее величество»?» — выстучала машинка.

Смешно, подумал я. Как школьнику, надо объяснять, что «ее величество» — это обращение к королеве, а во множественном числе от первого лица короли всегда обращались к народу. Я еще ничего не сказал, как машинка уже ответила:

«Что такое «смешно», мы не знаем: у нас нет чувства юмора. Но объяснение понятно. И в дальнейшем продолжай на школьном уровне».

— Но почему же все-таки «мы»? — вслух спросил я. — Разве ты не один?

«Нас много. Как много, объяснить не сумеем. Речь может идти о множествах лишь в приблизительном математическом исчислении».

— Кто же вы?

«Не люди. Даже не биологические организмы с невидимой глазу структурой, как ты подумал. Просто мыс-

лящие энергоблоки на уровне элементарных частиц. Вы еще мало знаете ваш микромир и не открыли кирпичиков, из которых сложено его здание. А мы еще меньше этих кирпичиков, но с более высокой, чем ваша, организацией мышления».

— С кем же я общаюсь сейчас? — совсем уже недолго проворчал я.

«С полем, подобным любому энергетическому полю, обладающему определенными свойствами и заключенному в некое окружающее тебя пространство. Комната? Нет, конечно. Для нас нет стабильных материальных границ. И не одно это поле окружает тебя. Мы можем создавать их в любой точке пространства по всей территории планеты. Создавать и изменять в зависимости от их предполагаемых функций. Ты опять мысленно спрашиваешь: сколько же нас в этом поле? А ты можешь сосчитать, скажем, число нейтрино в этой комнате? И в том и в другом случае едва ли возможен абсолютный ответ».

Я уже успокоился и даже попытался сгруппировать в уме целую систему вопросов к невидимой и неведомой силе, неизвестно как и зачем возникшей, но мой телепат опять застучал:

«Не умножай вопросов о происхождении, облике и функциях нашего мира. Речь об этом, возможно, пойдет на дальнейших, по вашей терминологии, сеансах связи. Продолжительность такого сеанса понижает нервную активность твоего мозга, поэтому мы вынуждены ограничивать время связи».

— А как вы ухитряетесь его отсчитывать?

«Мы живем в иной ритмике времени, не одинаковой в различных зонах космоса. Но мы уже приспособились к земному ритму, смене темноты и света, сухости и влажности воздуха, появлению утренней росы на траве и вечерним закатам. Мы научились мысленно предвосхищать этот ритм».

— Ну а мы просто фиксируем его часовым механизмом.

«Часы могут идти и назад».

— Это вы повернули их. Ритмика часовой стрелки следует за движением планеты.

Мы уже привыкли друг к другу — я и машинка. Диалог наш почти не задерживался: слова ложились на бумагу с быстротой световых реклам.

«В нашем мире нет вещей. Мы создаем и уничтожаем любые атомные структуры. Вы же окружены сонмом вещей — громоздких и неточных механизмов, бесполезных игрушек, аппаратов, назначение которых не всегда ясно».

— Например?

«Телефон. Ты поднимаешь трубку и говоришь с ней, как с живым собеседником. А он не виден».

— Мы еще не научились передавать слово и мысль телепатически. Еще пример?

«Телевизор. Его экран дублирует другую жизнь, которая тебя почему-то интересует».

— Человека интересует всякая информация. Тем более видеографическая. До известной степени она заменяет нам книги. Ведь процесс мышления у нас неразрывно связан со словом.

«А какую информацию дает тебе зеркало? Оно тоже дублирует жизнь, но в другом ракурсе, где правое становится левым».

— С эффектом зеркальности приходится мириться. А как он возникает, объяснить не могу: я не физик. В остальном же зеркало дает нам живую информацию о нас самих, о нашей внешности, у которой свой язык жестов и мимики.

«Внешность, форма. Разве вы не ощущаете ее мысленно?»

— Только то, что видит глаз. Для остального нужно отражение в какой-нибудь материальной среде — вода, металл, стекло.

«Для этого же у твоего окна стоит стеклянный ящик с водой и разноцветными рыбками?»

Я не мог сдержать смеха.

«Что означает этот звук? — отстучал телетайп. — Мы ошиблись?»

— Ошиблись. Это аквариум. Он воспроизводит уголок живой природы тропических водоемов.

«Зачем?»

— Мне нравится.

«Увлечение?»

— Скорее развлечение. Радость. Удовольствие. Неужели вы не знаете удовольствия?

«Знаем. Удовольствие в познании мира, вас окружающего. В решении его загадок. В самом его движении,

изменчивости форм, умножении и трансформации. А какое удовольствие доставляет тебе то, что ты называешь искусством? Мы не воспринимаем его совсем, даже через твои восприятия».

— Разве у вас нет чувств, чтобы воспринимать его непосредственно?

«Мы воспринимаем мир иначе, чем вы, без участия органов чувств. У нас нет ни зрения, ни слуха, ни обоняния. Вкус нам неизвестен, как и пища. Осязание — тоже. Даже поле — это только сгусток энергии, не имеющий стабильных материальных форм».

— Еще вопрос...

«Нет. Нервная активность твоего мозга уже понижается. Связь прекращаем. Возобновим завтра в это же время. Можешь пригласить друзей — их высказанные вслух мысли дойдут и до нас. Через тебя».

Телетайп умолк. Каретка застыла, дойдя до упора. Длинный машинописный лист свернулся трубочкой над остановившимся валиком, как несорванный телетайпный выброс. Я осторожно оторвал его и несколько раз перечитал написанное, осмысливая каждое слово. Тайна Орля приоткрылась, только приоткрылась, не позволив даже заглянуть сквозь щелку. Что я узнал о ней? Не много. Что нас окружает удивительный микромир мыслящих существ, вернее, целая галактика миров с населением, близким по численности к математической бесконечности. Что представляет собой разумный индивидуум этого мира? Микромуравей, соединяющийся с триллионами ему подобных в гигантские энергетические поля-муравейники? Мыслящий мезон или нейтрино с мозгом Эйнштейна, способным разрушать и создавать любые атомные структуры? Так распавшаяся на атомы трубка Доуни восстановилась у меня на столе, так обернулась булка высокой твердости сплавом, а механизм стальных часов, не сломавшись, был вывернут справа налево. Так загорелась лампочка без проводов, сама перелистывалась Британская энциклопедия, а моим мозгом, как сосудом с нервными клетками, владело таинственное энергополе — сплав еще более таинственных микроорганизмов.

Я снял телефонную трубку и позвонил Вэлу.

— Еще не спишь?

— Нет, а что?

— Одевайся и немедленно иди ко мне. Сию минуту, сейчас.

— Это так важно?

— Очень важно. И настолько, что срочно разыщи Сузи, оторви ее от конспектов по структуре нуклона и доставь сюда. Кстати, захвати виски, у меня оно кончилось, а без него я не доживу до утра.

— Да что случилось? — кричал Вэл.

Но я уже положил трубку. Говорить не хотел, даже не размышлял — пустой, как выкипевший чайник. Представьте себя на моем месте: среднего университетского преподавателя, уже не юного холостяка с привычкой к тихой размеренной жизни, книгам, телевизору и кружке пива в уютном баре напротив, типичного гуманитария с его приблизительным представлением о точных науках, трезвого, здравомыслящего работягу, всегда избегавшего любопытства газетчиков; и даже не вообразите, а только попробуйте вообразить, что он добровольно дает интервью невидимым пришельцам с какой-нибудь Тау Кита. Розыгрыш. Нонсенс. Абсурд.

С такой убежденностью я допил остаток бренди и впустил гостей. В моем рассказе было все: и пережитое, и перечувствованное, и переписанное самодеятельным телетайпом.

— Фантастика, — сказала Сузи. — Именно так все и происходит в подобного рода литературе. А что, если всерьез?

— А ты можешь допустить мыслящие частицы? — спросил Вэл.

Сузи вздернула подрисованные брови.

— Почему нет? Все допустимо в до сих пор не изученном микромире. Допускается, например, что элементарные частицы в принципе могут создавать системы, способные к накоплению информации и саморазвитию. Опытами это не доказано, но гипотеза о возможности существования жизни на основе не атомов, а элементарных частиц уже дискутируется. Кстати, Вэл, у твоих же соотечественников в Бюрокане на симпозиуме о внеземных цивилизациях была высказана гипотеза о фридмонах, предположительно существующих частицах, заключающих в себе целую Вселенную со своими галактиками и звездами. Фантастика? Пока да. Но и мыслящие частицы до сих пор проходили по ведомству фантастики.

«Эффект Клайда» — я уже придумала, Монти, научный термин для твоего открытия — доказывает их реальность. По крайней мере, есть теперь объяснение нашим удольфским тайнам.

Но я откровенно недоумевал. Абсурдным казалось само предположение о микросуществах, способных что-то воспринимать и действовать в масштабах макромира. Какой может быть кругозор у пылинки на подступах к Эвересту?

— А энергетические поля? — напомнила Сузи. — Когда твои микросущества объединяются в математические множества с числом нулей, которое даже трудно себе представить, изменится и кругозор пылинки. Кстати, и для атомной бомбы требуется не один атом урана.

Мы с Вэлом молчали. Начинались дебри ядерной физики, куда нам, гуманитариям, дальше опушки соваться не следовало. Я только рискнул спросить, обращаясь ко всем без адреса:

— Ну а делать что будем?

Ответил Вэл, и ответил твердо:

— Продолжать контакт. В любом случае и в любых обстоятельствах.

— Может быть, расширим круг экспериментаторов?

— Вспомни Доуни, Монти, — осторожно сказал Вэл.

— Доуни — скептик.

— Таких скептиков в науке тьма. Есть они и у нас.

— Что предлагаешь?

— Терпение и труд. В пределах тройственного союза.

Глава 6

«ЭФФЕКТ КЛАЙДА»

Тайна связывает и отделяет связанных ею от общества. Я умышленно избегал Доуни, Вэл замкнулся в университетской библиотеке, а Сузи, занятой сессионными консультациями, было не до развлечений. Но «тройственный союз» заседал при первой возможности и за ленчем, и за обедом. Гаданиями не занимались, говорили только о выводах, которые уже позволял сделать окрещенный Сузи в мою честь «эффект Клайда».

Здесь тон задавала сама Сузи.

— Почему фантастика? Противоречит законам физики? Нисколько. Известная нам физика не обязательна для всей Вселенной, где-то могут действовать и другие физические законы. Значит, можно предположить и жизнь, возникшую не на молекулярном уровне. И не наш, а другой путь эволюции. У нас — к сложным биологическим молекулам, у них — к не менее сложным энергетическим связкам.

— Меня интересует другое, — говорил Вэл. — Не уводи нас в дебри вселенской физики. Иной мир? Согласен. Возможность контакта доказана. А нужен ли вообще этот контакт? Не знаю. Пойдем ли мы друг друга?

— Может, и не пойдем, — соглашалась Сузи.

— Сумеют ли они передать нам свои знания?

— Захотят ли?

— Не убежден. Как и в том, сумеем ли мы их усвоить. А может быть, они и вовсе непригодны в наших условиях. Что может дать элементарная частица, пусть даже мыслящая, совсем не элементарному, а сложнейшему из сложнейших биологических организмов — человеческому разуму?

— Антропоцентризм! — вспыхивала, негодуя, Сузи. — Эгоистическое самомнение неандертальца. Ты не можешь мысленно передвинуть стул, а они могут.

Я скучно слушал, дожевывая вчерашнее мясо.

— А почему вы молчите, Монти? — продолжала атаку Сузи. — Вас-то это больше других задевает.

— Именно поэтому, — буркнул я. — Не могу больше слушать трескотню машинки. Ты говоришь, как человек, вслух, а тебе в ответ: тук-тук-тук-зззззз... тук-тук-тук-зззззз... Идиотская ситуация.

— Как же вы хотите общаться? Они, по-видимому, не могут воспроизводить звуковые волны.

— А световые? — вмешался Вэл. — Помнишь лампочку? Шрифт им известен, могут воспроизвести любую букву.

— Где? У меня же экрана нет.

— А телевизор?

Вечером собрались у меня. Уселись почему-то за стол, должно быть, по привычке. Помолчали неловко и, пожалуй, растерянно. Текло время. Тикали часы. И ничего не происходило — никаких чудес и неожиданностей.

Я смущенно взглянул на Вэла и Сузи. Оба тотчас же откликнулись.

— Кажется, встреча не состоится.

— Еще есть время. Подождем. Ты бы адресовался к ним как-нибудь, Монти.

— Вы здесь или нет? — спросил я громко и без всякой торжественности. — Сигнализируйте хотя бы.

И неожиданное все-таки произошло.

Бюст Шекспира птицей слетел с полки и столь же бесшумно опустился в центре стола. Мы переглянулись скорее недоуменно, чем испуганно. Во всем этом было что-то нелепо комическое.

— Включайте «эффект Клайда», Монти. Они здесь, — поторопила меня Сузи.

Но я включил только телевизор.

Начинался какой-то американский гангстерский фильм. Шли титры. Крупный шрифт, средний, мелкий... Как раз то, что нужно.

Я выключил телевизор. Экран погас, и умолкла музыка, а я сказал, смотря в потолок:

— По-моему, это лучший способ общения, чем пишущая машинка.

На мгновенно освещенном экране появилась надпись, набранная только что показанным шрифтом:

«Поле уже генерировано. Можете говорить».

— А о чем говорить? — тихо спросила Сузи.

Я молча пожал плечами. Так много надо было узнать, а тут слов не нашлось.

— Спроси, откуда они, когда и как прибыли, надолго ли и с какой целью, — сказал Вэл.

Я не успел повторить вопроса, как на экране уже появился ответ:

«Прибыли из другой Вселенной сквозь всасывающий провал в пространстве, который ваша несовершенная наука не очень точно определяет как невидимое дозвездное тело. Прибыли не с планеты, а со звезды. Без названия. Мы ничему не даем никаких названий. С угасающей звезды с уже иссякающими внутренними резервами энергии. Земля — это наша ошибка в пути. Мы искали не планету, а такую же звезду, только в более раннем периоде угасания».

Текст медленно протекал по экрану. Одни строки сменялись другими.

«Уйдем, как только пополним необходимый энергетический запас. Не скоро. Понадобится период, который вы исчисляете в часах, возможно, в нескольких сменах дня и ночи. Земля как жизненная база для нас не подходит. Ненужная атмосфера, солнечная радиация, неравномерный климат, наличие иной жизни...

На Земле никаких целей не ставим. В пути мы уже встречались с другими формами жизни, но не входили в контакт. Не можем проникать в структуру живых биологических организмов. Такое проникновение произошло впервые и случайно, когда поток движущихся энергетических связей прошел вблизи человеческого мозга. Мы смогли узнать, что этот биологический организм подобен полю. Иной по форме, стабильный и неизменчивый, он оказался близким по структуре множеств множеств мыслящих единиц. Вы называете их нейронами. Так возникла возможность коммуникации...

Задавайте вопросы только самые важные. Напряжение поля по вашему исчислению времени рассчитано на три тысячи секунд».

— Почти час, — сказала Сузи. — Можно мне?

— Начинай, — согласились мы.

Сузи спросила подчеркнуто громко, хотя, как выяснилось впоследствии, этого совсем не требовалось.

— Вы сказали: «не скоро», подразумевая несколько суток и даже часов — период, который мы склонны считать кратковременным. Я понимаю, что вы живете в иной ритмике времени. Как же долго, по вашему исчислению, продолжается ваша жизнь?

«Не однозначно для всех, — последовал ответ. — Одни стабильны, как ваши электрон или нейтрино, — это коллекторы и датчики информации, жизнедеятельность других ограничена микродолями секунды. Но и они не исчезают, а трансформируются. Таким образом, поле в сеансе связи — это непрерывно меняющийся энергоблок со скоростью миллионов трансформаций в секунду».

— Как вы сосуществуете с земным микромиром?

«Мы живем и движемся вне его пространственно-временных границ».

— Ваше поле вокруг нас, — вмешался Вэл. — А где же другие поля? Много ли их и каковы их функции?

«Много. По всей планете. Возникают и распадаются в непрерывном движении. Цель одна — познать окружающий вас макромир. Скорость передвижения ограничена — она, конечно, меньше первой космической, иначе мы бы удалились от Земли в космическое пространство. Скорость связи между полями много выше, почти приближается к скорости света».

Меня так и подмывало спросить что-нибудь, и наконец я не выдержал:

— А что вас больше всего удивляет в нашем мире?

«Ваш гигантизм и стабильность».

— Но мы совсем не стабильны, — запротестовала Сузи, — мы стареем и умираем. И постоянно меняемся.

«Мы не можем проследить изменений. То, что вы называете человеком, для нас — стабильная взаимосвязь отличных друг от друга миров: мир сложных биологических молекул и мир химических элементов, психический мир, сосредоточенный в нервных клетках мозга, и мир бактерий и вирусов. Самая непонятная форма разумной жизни».

Я снова взял слово:

— А могли бы вы уничтожить ее?

— С ума сошел! — толкнула меня локтем Сузи, но вопрос был уже задан.

«Зачем? — прочли мы бегущие по экрану строки. — Все в природе целесообразно — любая форма жизни и любая ее эволюция. Но, получив соответствующий импульс, мы могли бы вызвать распад любой материальной формы».

— Что вы подразумеваете под «соответствующим импульсом»?

«Хотя бы ваше желание».

— А если бы оно касалось обмена знаниями? — снова вмешался Вэл.

«Мы знаем больше и меньше вас. Но если нет взаимопонимания, знак равенства невозможен».

— Я говорил, что контакт бесполезен! — воскликнул Вэл. — Чем обмениваться? Они нам — миллион трансформаций в секунду или опыт бесприборной связи со скоростью света, а мы им — устройство автомобильного конвейера или способ жарить яичницу! Так?

— Ты что, очумел? — зашипела Сузи. — Они же слышат!

— У них нет эмоций, девочка. Они не обидятся. Сами говорят, что знают и больше и меньше нашего, а знания одних не подходят другим. Мы не сможем ни усвоить их, ни переработать для нашей практики.

Но Сузи все еще цеплялась за «эффект Клайда».

— А чудеса?

«Что есть «чудеса»?» — последовал вопрос на экране.

— Множественное число от слова «чудо», — не без иронии подхватил Вэл. — То, что противоречит законам природы и не подтверждено наукой. В данном случае имеется в виду ваша способность мысленно передвигать предметы в пространстве.

«Почему мысленно? Мы передвигаем их с помощью гравитационного поля. И не только передвигаем, но и трансформируем».

— Смотрите! — закричал я.

Мраморный бюст Шекспира на столе неожиданно высветлился, блеснув неяркой желтизной позолоты.

— Золото! — восхищенно прошептала Сузи, осторожно тронув шекспировский нос. — Беспримесное чистое золото.

— Насчет беспримесности надо спросить у химиков, но, кажется, ты заработал на этом контакте, Клайд, — насмешливо заметил Вэл.

Я молча тупо разглядывал золотую шевелюру, золотую бородку и скошенный по бокам золотой камзол бюста.

«Что значит «заработал»?» — снова спросил экран.

— Вы превратили мрамор в золото, — сказал Вэл, — а золото — самый дорогой металл на Земле. За эту фигурку Монти получит несколько тысяч фунтов.

Я тут же подметил, что Вэл в своей, казалось бы, невинной реплике сосредоточил несколько труднейших для невидимок понятий. Объяснение должно было смутить их.

Так и случилось.

«Фунт — это мера веса металлической массы?» — спросил экран.

— Не только, — с готовностью ответил Вэл, продолжая свою тактику. — Это и денежная единица. Листок плотной бумаги с водяными знаками и надписью, определяющей его платежную силу. — Вэл вынул из бумажника фунтовую ассигнацию. — Вот такой.

«Мы догадываемся о назначении многих окружающих вас вещей, но ваша система обменивать их на бумагу необъяснима».

Надпись исчезла, и несколько секунд экран безмолвствовал, не теряя, однако, своей освещенности.

— Совещаются, — сказал Вэл, — определяют смысл формулы: товар — деньги — товар. К сожалению для них, Британская энциклопедия не дает ей должного объяснения.

«Напряжение падает, связь прекращаем», — резюмировал экран и погас.

Золотой бюст Шекспира вспорхнул на полку и снова стал мраморным.

— Они, кажется, раздумали платить за контакт, Монти, — засмеялся Вэл.

Всем стало весело.

— Не было «соответствующего импульса»: Монти не пожелал оставить Шекспира в золоте.

— Не упускай богатства, Монти.

Я попробовал представить себя в роли Мидаса. Вот я с золотым Шекспиром у ювелиров на Стрэнде. Вынимаю бюст из баула и робко предлагаю купить. Ювелиры с лупами и кислотами придирчиво осматривают Шекспира, потом задают подозрительные вопросы. В худшем случае я в дальнейшем даю объяснения в полиции, в лучшем — попадаю на страницы «Дейли миррор»: «Причуды холостяка. Влюбленный в Шекспира штатный преподаватель университета Монтегю Клайд отликает из нескольких фунтов золота бюст любимого автора». А потом ледяной разговор в ректорате: «Откуда вы взяли столько золота, мистер Клайд?» — «Нашел сундук с испанскими дублонами, сэр». Или: «Купил несколько брусков золота на черном рынке в Бомбее, сэр». — «Я очень сожалею, мистер Клайд, но боюсь, что ваше дальнейшее пребывание на кафедре неуместно». Бррр...

Проспорили до первых предрассветных бликов за окнами.

— Почему ты упорно подбирал сложные для их понимания детали? — атаковал я Вэла.

— Хотел выяснить для себя, смогут ли они понять процессы, происходящие в нашей жизни, не биологическую структуру, а социальный смысл.

— И выяснил?
— Выяснил. Не смогут и не поймут.
— Может быть, мы делаем что-то не так? — усомнилась Сузи. — Может, пригласить все-таки авторитетных ученых?

— Кого? Где ты их возьмешь к завтрашнему вечеру?
— Уговорю Джима Андерсона.
— Кто этот Джим Андерсон?
— Мой куратор с кафедры. Может быть, удастся заинтересовать и профессора Гленна.

— У Монти уже есть пример — Доуни.

— Здесь им покажут реальный опыт.

— В который они не поверят. Будут ползать по полу в поисках проводки, подозревать жульничество, предполагать мистификацию с помощью какого-нибудь усовершенствованного «волшебного фонаря».

— А что, если обратиться непосредственно к руководству университета? — предложил я.

— Кто обратится? Ты не рискнешь штатной должностью, Сузи вообще не доберется до ректората. Оба вы отлично знаете, что нет более бюрократических и консервативных организаций, чем британские «храмы науки». Если бы все это происходило в Москве, а не в Лондоне, я, вероятно, сразу бы нашел непредубежденных ученых. Ведь университет в Москве, Монти, совсем не то, что здесь. У нас, кроме учебной, есть и партийная, и комсомольская организации, и даже своя многотиражная студенческая газета. Замолчать или осмеять без серьезной проверки что-либо подобное «эффекту Клайда» не сумели бы даже и архискептики.

— В конце концов, и мы можем заинтересовать газетчиков.

— Можем. Воображаю заголовки: «Империя «невидимок», или «Псевдонаучный фокус?», «Эмиссар из Москвы мистифицирует английских ученых». Нет уж, увольте. Меня по крайней мере. Перспектива оказаться «нежелательным иностранцем», мистификатором и шарлатаном меня отнюдь не устраивает.

— Почему обязательно предполагать недоверие? Можно и у нас добиться создания авторитетной и непредубежденной научной комиссии.

— Если бы твои невидимки оставались здесь навсегда или надолго — да! Можно добиться и комиссии, и

признания, и действительно грандиозной научной сенсации. Может быть, даже и контакт с «невидимками» оказался бы перспективным, хотя я лично в этом совсем не уверен. Но для такой сенсации нужно время. Не часы или дни, а недели и месяцы. Только длительность и стабильность опыта обеспечат его признание. А ты уверен, что уже завтра или послезавтра гости не отбудут в космическое пространство?

— А вдруг не отбудут?

— Гарантируешь?

— Нет, конечно. Но можно же в конце концов добиться от них более определенного ответа.

На этом и порешили.

Глава 7

НЕЛЕГКО БЫТЬ ВОЛШЕБНИКОМ

Вэл пошел проводить Сузи — она жила с родителями — и вернулся ко мне. Домой не мог: хозяйка студенческих меблированных комнат не разрешала ночных возвращений.

— Половина четвертого. Лондон спит. И нам три-четыре часика соснуть можно, — сказал он, укладываясь у меня на диване, и заснул с детской неприхотливостью.

А я не спал. Голова кружилась от грандиозности открытия, пожалуй самого удивительного со времен Коперника. Сколько гипотез было высказано о связи с внеземными цивилизациями, сколько симпозиумов состоялось, сколько статей написано! И вот такая цивилизация рядом с нами, невидимая, неощутимая, в чем-то превосходящая нас, в чем-то нам уступающая, бесконечно чужая и чуждая нам форма разумной, разумной, разумной жизни. Пусть контакт и неповторим, если она уйдет — а уйдет она непременно, — но уже одно соприкосновение с ней открыло нам еще одну тайну Вселенной. Конечно, Ньютон, скажем прямо, был счастливее нас: он мог доказать свое открытие. А сможем ли мы?

Сможем.

Я вспоминаю о «соответствующем импульсе». Если, приняв его от меня, энергополе невидимок со скоростью света передаст его аналогичному полю в любом месте

планеты, любой избранный мною материальный объект распадется на атомы, причем энергия распада будет отброшена в сопредельное временное пространство. Так по крайней мере объясняла мне Сузи. А на доступном мне языке понятий это значит, что объект исчезнет без шума и вспышек, без всяких там излучений и взрывных волн, просто исчезнет, как стакан, прикрытый цилиндром фокусника. Хотя бы на день, на час я станю человеком, который мог творить чудеса. Сказка Уэллса превращается в быль. Я не буду размениваться на мелочи — выращивать на улице розовые кусты, печатать фальшивые ассигнации или отливать на кухне золотые бруски. Я размахнусь по глобусу, прекращу любую войну и любой террор, заставлю уйти в отставку любое преступное правительство. За несколько минут любая военная хунта отправится в ад или сдастся на милость народа. За несколько минут невинно осужденный выйдет на свободу из любого застенка...

Я разбушевался в мечтах, как школьник, нагромождая в уме сказку за сказкой, пока спасительный сон не избавил меня от постыдного возвращения к действительности. Сон под утро тревожный и хрупкий, полный странных видений, словно повторяющих что-то забытое в твоей жизни.

Я иду в каменном ущелье будто вымерших улиц. Одинокие черные тени в подъездах с неопределенным человеческим обликом. Прохожих нет. Стекол в окнах тоже нет — одни пустые глазницы. Может быть, это улицы из фильмов о разрушенных войной городах?

Улицы сужаются, оборачиваясь переулками и проходными дворами, и я знаю, что где-то неподалеку меня ждет тупик, из которого уже нет выхода.

Это — ворота, похожие на вход в автомобильный гараж. Они медленно раскрываются, выпуская навстречу мне что-то неопределенное и рыхлое, как медуза. А может быть, это новая форма разумной жизни?

«Почему?» — спрашивает она и не договаривает.

«Почему?»

«Почему?»

Я просыпаюсь и сажусь на постели, опустив босые ноги на пол. Должно быть, еще рано, в комнате света мало, и только на освещенном экране телевизора легко читается тот же вопрос:

«Почему?»

А вслед уже бегут слова, договаривающие сон:

«Почему у тебя несколько жизней?»

Я даже протер глаза, чтобы убедиться в том, что не сплю. Экран ждал ответа.

А что я мог ответить на этот, мягко говоря, странный вопрос?

— У меня одна жизнь.

«Две. Ты одновременно был в двух пространственно-временных мирах. Ночью и днем. Лежал не двигаясь и двигался в пространственных границах, какие вы называете улицами».

— Это не жизнь, это — сон, — сказал я зевая.

«Ваш словарь толкует слово «сон» слишком неопределенно. Это и физиологическое состояние, в котором периодически прекращается работа сознания, это и видения спящего, и мечта, и фантастический продукт воображения. Слишком много исключаящих друг друга понятий».

— Я имел в виду именно видения — то, что происходило во сне, а не наяву, — сказал я вслух.

Экран понял по-своему.

«Другая жизнь, но мы не могли в нее проникнуть».

— Потому и не могли, что она не существовала реально. Продукт неконтролируемого воображения.

«Непонятно. Все, что существует, — существует реально. Реально не существовала — несовместимость понятий. Еще один признак чуждой нам формы жизни».

И экран погас.

— Ну, что скажешь? — услышал я позади смешок Вэла. Он, как и я, не спал и сидел босой на диване.

— Кажется, взаимопонимание недостижимо, — вздохнул я и прибавил: — Только...

— Что только? — насторожился Вэл.

И я, опустив голову, чтобы не смотреть ему в глаза — неловко, конечно, а так хотелось рассказать, — все-таки рассказал ему о своих воздушных замках. Пусть улыбается, пусть острит, пусть говорит, что, мол, глупо все это и смешно.

— Конечно смешно, — подтвердил Вэл тоном судьи, выносящего приговор. — Наивность всегда смешна. Это свойство инфантилизма. Смешно быть ребенком в тридцать пять лет. А твои мечты — издержка воображения

подростка, возомнившего себя властелином мира. Он, видите ли, предотвращает войны, уничтожает оружие на военных базах!.. Не суйся, милоч, в политику: не по зубам орешек. И штаб НАТО не потроши. Документацию уничтожишь, а генералы останутся. И планы восстановят, и агентуру, и средства. И ничего не изменится, только легкую панику вызовешь — на время. А ультиматумы диктатурам или хунтам — это уж совсем смешно. Даже физическое уничтожение диктаторов не приведет к революции. Революции не экспортируются и не делаются по приказу извне; их делает народ, когда создается революционная ситуация.

Разгромленный, я отступал, все еще не сдаваясь.

— Могущество невидимок не только в разрушении.

— А что они создали? Курительную трубку и золотой бюст?

— Дело не в масштабах. Полагаю, что с такой же легкостью они создадут и океанский лайнер.

— Для кого? Для тебя? Стоит этакий пароходище в устье Темзы. Абсолютно пустой. Ни капитана, ни команды, ни судовых документов. Как ты докажешь свои права на владение?

— А если не для меня? Для общества. Например, строительный кооператив для лондонской бедноты. И не один квартал, а целый пригород. Или, допустим, мост через Ла-Манш или туннель. Без труда и средств — раз, и готово!

— Допустим. А по какому образцу они его выстроят? Что они знают о сопротивлении материалов и строительной механике? Можно ли будет ездить по этому мосту, даже если он и повиснет волшебным образом над Ла-Маншем? Да и пригород твой — это не трубка Доуни. Дело не в масштабах, согласен. Но по каким расчетам и чертежам они скопируют сложное инженерное хозяйство с его транспортными магистралями, осветительной и газовой сетью, водопроводом и канализацией, телефонной и телеграфной проводкой? Они и понятия об этом не имеют, и назначения не поймут, а ты — пригород! Нет, Монти, в своем чудотворчестве ты даже ограниченнее, чем герой Уэллса. Тот хоть мог сотворить себе яичницу, а ты и этого не сможешь: нет образца для синтеза.

Я молчал.

— Пора вставать, волшебник, — зевнул Вэл и пошел в душ.

— Может, позавтракаем вместе?

— Твоя Розалия еще не вставала, а у меня — дела.

Проводив Вэла, я подошел к окну. Уже совсем рас-
свело, но квартал еще спал: не было ни людей, ни ма-
шин, только автотележка молочника задержалась у подъ-
езда напротив. То был подъезд старого лондонского дома,
выстроенного, должно быть, еще столетия назад. Рядом
с ним стоял, вероятно, такой же, но во время вой-
ны его разрушило прямое попадание немецкой фугаски.
Уже несколько лет на его месте собирались воздвигнуть
новый, а строительная площадка, огороженная аккурат-
ным забором, все еще оставалась пустой. Только окрест-
ные мальчишки, проникавшие сюда сквозь щели в за-
боре, устраивали здесь свои футбольные и крокетные
матчи, прекращавшиеся с появлением лондонских «боб-
би» — строгих блюстителей уличной тишины и по-
рядка. «А что, если...» — мелькнула озорная мысль. И я
сказал вслух с невольной торжественностью:

— Если вы еще здесь и можете меня слышать, по-
стройте дом на пустыре напротив. Что значит «постро-
ить», вы, вероятно, знаете, «дом» — тоже. А пустырь я
сейчас наблюдаю: он огорожен забором, оклеенным рек-
ламными афишами. Дом должен быть точнейшей копией
соседнего, стоящего рядом. Не только снаружи, но и
внутри. Вся проводка, которую вы скопируете, должна
быть также связана с подземным хозяйством улицы. —
Я вздохнул и добавил: — Возле подъезда укрепите боль-
шой белый экран с надписью: «Бесплатные квартиры для
бедняков. Вселяйтесь и живите. Вход свободный».

Ничто не звякнуло, не стукнуло, не шелохнулось.
Дом, задуманный мной, не появился. «Эффект Клайда»
попросту не сработал. Я внутренне посмеялся над сво-
им дурачеством, вздохнул и начал одеваться.

Потом съел завтрак, просмотрел газеты и, захватив
зонтик, собирался уже выйти на улицу, как вдруг услы-
шал нарастающий шум за окнами. Словно поймали вора
или кого-нибудь сшибло автомобилем. Взглянул в окно
и обмер.

На бывшем пустыре стоял пятиэтажный дом, точная
копия своего выцветшего и закопченного соседа. У две-
рей до второго этажа тянулся белый прямоугольник
с задуманной мной надписью, ясно читавшейся даже
из моего окна. А внизу ее читала и обсуждала толпа,

собравшаяся у дома. Что-то кричал полицейский в каске, останавливались проезжавшие автомашины, толпа росла.

Я, забыв зонтик, стремительно выбежал на улицу.

Глава 8

МИДАС

И вблизи дом оказался таким же старым, как и его сосед, словно их строили одновременно. У подъездов с воинственным видом стояли полисмены: должно быть, постовой уже вызвал дополнительный полицейский наряд. На тротуаре толпились прохожие и зеваки — обычные лондонские зеваки, моментально собирающиеся вокруг любого уличного происшествия. Но привлекал их даже не самый дом, а надпись на огромном щите, выведенная полуметровыми буквами и тем же шрифтом, которым пользовались невидимки у меня на экране.

Наиболее словоохотливые обменивались репликами:

— Бесплатные квартиры. Видал?

— Вранье.

— Так ведь ясно написано.

— Мало ли что написано. Обман. Въедешь, а тебе — счет: плати.

— Попробуй въехать. Видишь — ангелы у дверей рая стоят.

Кто-то попробовал подойти ближе.

— Назад! — крикнул полисмен, отстраняя его концом черной дубинки. — Не подходить близко.

Я перешел к другой группе.

— Вчера этого дома не было. Я ведь рядом живу, — пояснял, жестикулируя скрученным зонтиком, седоватый клерк в котелке. — За одну ночь его выстроили. Непостижимо!

— Не за одну ночь, а утром. При мне.

— Глупости!

— Я молоко привез — никакого дома нет. Пустырь. Поставил машину вон там. (Тележка молочника все еще стояла у подъезда соседнего дома.) Отлучился на минуту, вернулся — дом! Точь-в-точь такой же, как этот. Прямо из воздуха. Будто в кино.

Впереди косматый молодой человек лихорадочно щелкал фотокамерой. На слова молочника обернулся:

— Вы лично видели?

— А как же иначе? Точь-в-точь. Как в кино.

— Расскажите подробнее. Я из газеты, — засуетился обладатель фотокамеры, но молочник тотчас же стушевался:

— Некогда мне — заказчики ждут.

— Разыгрывает, — сказал кто-то. — Чудес не бывает.

Я решил поддержать молочника:

— А вдруг? Я не видел этого дома еще полчаса назад. Глядел вон из того окна напротив — пустырь и забор. А вышел на улицу — ни пустыря, ни забора. У соседнего дома материализовался дубль.

Газетчик еще раз щелкнул фотокамерой, должно быть снимая мое окно.

— Ваше имя, сэр?

— Зачем? Я не мечтаю попасть в газеты.

— Мне же нужны свидетели, сэр.

— Чудеса не нуждаются в свидетелях, мистер. Это не преступление, — сказал я и пошел прочь.

Газетчик кинулся было за мной, но к дому в этот момент подъехал автофургон телевизионной компании. Причालивший следом серый «форд» выбросил полдюжины волосатиков, сразу же атаковавших моего газетчика.

— Что здесь произошло, Арчи?

— Опыт скоростного строительства, да?

Я не стал слушать...

На кафедре еще ничего не знали о чуде, но в перерыве между лекциями сенсационная весть уже долетела с улицы. Мимо меня бегом промчались студенты, торопясь к месту уже известного им происшествия.

Тут меня и поймал Вэл.

— Твоя работа?

— А что? — спросил я невинно.

— А то, что ты кретин. Зачем тебе это понадобилось? Забыл, в какой стране живешь? Если бы ты выстроил дом в Москве, тебе бы только сказали спасибо, а здесь ты обогащаешь землевладельца.

— Как? — не понял я.

— Вот так. Не бедняки, милоч, получают твои квартиры, а хозяин. По праву священной частной собственности. — Увидев подходящего Доуни, Вэл заторопился: —

Встретимся в пабе, когда выйдут вечерние газеты. Надо поговорить.

Я не знал, надо ли. Да и о чем? Дело-то ведь уже сделано. Но реплика Доуни подтвердила, что и ему надо об этом поговорить.

— Ведь вы живете на Друммонд-стрит, Монти? — начал он. — Слыхали, что произошло?

— Не только слышал — видел.

— Так рассказывайте скорее!

— Что рассказывать? Дом как дом.

Доуни сделал строгое лицо, как на экзаменах.

— Я только что говорил с соборным епископом. Он проезжал по вашей улице. Едва пробился — такая давка. — Доуни приблизился ко мне вплотную и прибавил почему-то шепотом: — Говорит, что это не от Бога, Монти. Не от Бога. А вы что скажете?

— Что в городе появился волшебник, сэр.

Доуни шарахнулся от меня, как от зачумленного.

Вечерних газет ждать не понадобилось: уже экстренные выпуски дневных отвели целые полосы «чуду на Друммонд-стрит». Со всеми подробностями была описана суeta вокруг дома, впечатления очевидцев его рождения, болтовня зевак. «Дейли экспресс» опубликовала даже снимок фасада меблированных комнат миссис Соммерфилд с моим окном, помеченным крестиком. «Из этого окна преподаватель университета Монтегю Клайд лично наблюдал волшебную материализацию здания». Косматый газетчик оказался проворнее, чем я думал, сумев выведать все, что ему требовалось, даже у неприступной Розалии.

Научные авторитеты отмахивались: «не знаю», «не понимаю», «не могу объяснить». Архитектор Брукс, специалист по скоростному домостроительству, высказался определеннее: «Не знаю ни материалов, ни метода, с помощью которых можно выстроить пятиэтажный дом в одну ночь. Может быть, открыт секрет самовозрастающей цементной массы, но мне он неизвестен». Мгновенного рождения дома архитектор вообще не допускал, не обмолвившись о том даже намеком. Плакат с бесплатными квартирами вызвал подозрения «Нью джорнал», намекнувшей на «происки коммунистов, получивших секрет сверхскоростного строительства из Москвы». Задавались вопросы, кто же станет хозяином дома — землевладелец или строитель, если он объявится.

Вечерняя «Ивнинг ньюс» недвусмысленно разрешила все сомнения на этот счет, опубликовав интервью с владельцем земельных участков на Друммонд-стрит Джозайей Харрисом:

«— Было ли это неожиданностью для вас, мистер Харрис?

— Полнейшей.

— Как вы относитесь к такому событию?

— Я очень доволен.

— Как вы его объясняете?

— Никак. Зачем обогащенному объяснять причины своего обогащения? Важен сам факт.

— Значит, вы уже считаете себя законным владельцем дома?

— Бесспорно.

— А если предъявят свои права строители?

— Все, что построено на моей земле без предварительного договора на аренду, принадлежит мне. Пусть строители обращаются в суд. Закон на моей стороне.

— Последний вопрос. Как вы относитесь к объявлению на фасаде дома о бесплатных квартирах?

— Я приказал его снять. Распоряжаюсь квартирами я. И цены назначаю я. Кто платежеспособен — милости просим».

Я пошел в бар и выпил уйму дряни. Но не опьянел, во всяком случае, не убил в себе тупого отчаяния. Только в глазах все помутнело и закачалось. Таким меня и нашел Вэл.

— Читал?

Я кивнул.

— Что скажешь?

— Соглашаюсь с тобой. Я кретин.

— Не придирайся. Я сказал это в запальчивости. Просто ты не подумал о последствиях, а твои невидимки не знают английского законодательства. Кстати, они еще здесь?

— Не знаю. Если здесь, ничего не предприму без твоего совета.

— Увы, — вздохнул Вэл. — Завтра вылетаю в Москву.

— Совсем? — испугался я.

— Временно. В Москве постараюсь заинтересовать ученых. Удастся — вызову. Узнай только, может ли поле последовать за тобой или передаст тебя другому в другой зоне рассеяния.

Я не ответил. Помутневший мир еще более потемнел и закружился. Шатаясь, я встал.

— Что с тобой? Тебе плохо? — спросил Вэл.

— Просто выпил лишнее, — сказал я сквозь зубы.

— Я провожу тебя.

— Не надо. Все равно.

Мне было действительно все равно. Я оставался один на один с империей невидимок. Помощь Сузи проблематична. Духовный мир ее, ограниченный конспектами лекций по ядерной физике — микромира, бесконечно далекого от микромира гостей, — был лишен широты воображения и железной логики Вэла. А что мог извлечь из контакта с пришельцами я, еще более ограниченный преподаватель литературной классики, отброшенный из современности в историческую глубь елизаветинской Англии?

Я вернулся домой протрезвевший. Только злость осталась, неостывшие угли гнева, вновь готовые вспыхнуть. Я вам устрою еще одно чудо, господа ревнители частной собственности! Я вас обогащу еще больше, мистер Харрис, обогащу, как Мидас, прикоснувшись к вашему краденому имуществу.

Подойдя к окну, я снова увидел творчество невидимок. Дом стоял мрачный, скучный, с грязно-серыми подтеками на фасаде. Объявления о бесплатных квартирах уже не было. Часть тротуара возле дома была окружена недостроенным высоким забором; строители, не закончив работу, уже ушли. Харрис демонстративно защищал свое право собственности. Скоро ему будет что защищать, только едва ли он справится.

И я, не оглядываясь, сказал вслух:

— Если вы еще здесь, измените структуру дома напротив. Сделайте его золотым, как статуэтку на книжной полке. Пусть он будет сплошным, монолитным куском чистого золота.

Долго ждать мне не пришлось — минуты две-три, не больше. Дом стоял там же, не шелохнувшись. Ничто в нем не изменилось, кроме окраски. Он стал светлее, чище, исчезли грязные подтеки, свет от уличного фо-

наря весело заиграл на его ровно желтой поверхности, даже издали блестящей, как начищенная медь. Но я знал, что это не медь.

— Ну вот и все, — сказал я себе. — Теперь посмотрим, что будет завтра.

Глава 9

ЗОЛОТОЙ ЦИКЛОН

Утром я проснулся поздно, часов в одиннадцать, и мог бы спать еще дольше, если б не разбудил меня шум за окнами. Не просто шум, обычный для уличного происшествия, а шум большого уличного скандала. Я открыл окно и обомлел: ничего подобного в Лондоне не было со дня его основания.

Новоявленное создание невидимок превратилось в сверкающий золотой брусок, повторяющий форму массивного пятиэтажного дома. Внизу, как муравьи, его облепили люди. Недостроенный забор был повален, по его сломанным доскам напирали вновь прибывающие. Строители в синих комбинезонах, орудуя кто ломом, кто кувалдой, отбивали куски золота от стен, углов и ступенек подъездных лестниц. Кто-то отпиливал их золотые перила, кто-то стучал пневматическим молотком, выгрызая из стены огромные бесформенные куски. Все это галдело, орало, вопило, толкало и сшибало друг друга под ноги напирających с тротуара. В шуме порой различались выкрики, как лай или рычание в драке собак.

То просительно:

— Отдай лом!

То визгливо:

— Пусти, убью!

То со стоном:

— Ой!

То угрожающе:

— Отойди, хуже будет!

В человеческом муравейнике, облепившем дом, кипели страсти. То у одного угла, то у другого начинались драки. Может быть, с увечьями. Может быть, смертельные: лом не тросточка. Какой-то парень в кепке — лица его сверху не было видно — выпиливал кусок из угло-

вого ребра, взобравшись на стремянку, приставленную к стене. На моих глазах у него выбили ее из-под ног, он свалился, а за ним обрушился отпиленный золотой кусок, должно быть очень тяжелый, потому что сразу сбил с ног кого-то внизу. Выпиленный с таким терпением кусок тотчас же подхватил один из стоящих рядом и побежал по улице, расталкивая встречных. «Стой!» — закричал полисмен, только что подъехавший на мотоцикле. Человек с золотой добычей не оглядываясь бежал дальше. «Стой!» — повторил полисмен. Бежавший споткнулся, уронил брусок. Полицейский догнал его на мотоцикле, соскочил, схватил брусок и умчался, никем не преследуемый.

Я кое-как оделся и выскочил на улицу, даже не закрыв за собою дверь. Но перейти улицу не мог: она буквально кишела охотниками за золотом. И я остался у подъезда рядом со стоявшим тут же бородачом, наблюдавшим с ироническим удовольствием за вавилонским столпотворением.

— Экстра-шоу, — сказал он улыбаясь.

— Почему же вы не присоединяетесь? — в том же тоне спросил я.

— У отца денег достаточно плюс стенокардия. Вполне могу позволить себе роскошь неприсоединения. А каков спектакль!

— Давно смотрите?

— С утра. Строители как пришли на работу — видите забор поваленный? — так бросились с инструментом к золотой машине. Один скovyрнул ломом ручку от двери и побежал в ювелирную лавочку за углом. А минут десять спустя вернулся, размахивая пачкой ассигнаций. «Золото, — кричит, — чистое золото! Не теряй время, ребята. Обогащайся!» И началось!..

— Даже пилами орудут.

— Это уже присоединившиеся. Все пилы для металла скупил в округе. Видите, даже пневматический молоток действует. Должно быть, центнер золота или около того уже выщерблено. А скольких придушили в давке — не сосчитать.

— Не вижу полиции, — удивился я.

— А вон они, полисмены, — сказал бородач, указав на балкон. — Они на втором этаже работают. Два выломанных или отпиленных куска дадут больше, чем де-

сятилетняя служба в полиции. Организованное обогащение.

— Что же власти смотрят?

— А что власти! — усмехнулся бородач. — Власти завидуют. И мэр города, и начальник полиции сами бы не прочь отхватить по центнеру золота, да престиж не позволяет. Впрочем, кажется, идет экстренное заседание кабинета министров.

Я внутренне ликовал. Вот вам мой подарок, убежденные и скептики. Попробуйте-ка научно объяснить «чудеса» на Друммонд-стрит, если сумеете. Хотел бы посмотреть на ваши лица, когда я выложу перед ареопагом Королевского научного общества свои доказательства недоказуемого ничем, кроме догматов епископа Кентерберийского. Отвратительный спектакль, развязавший самые гнусные человеческие инстинкты, не вызывал у меня отвращения. Мне не хватало только Харриса. И я дождался.

— Они убьют его, мистер Клайд! — тревожно вскрикнула Розалия Соммерфилд.

Она стояла рядом, в группе зрителей, не зараженных золотой лихорадкой или из трусости не рискующих присоединиться к «старателям».

— Он с ума сошел! Что он делает?!

— Кто? — не понял я.

— Харрис. Мистер Харрис.

Тут только я заметил его. Толстенький лысый человек, точь-в-точь мистер Пикквик в старости, выскочив из черного «роллс-ройса», метнулся по сломанным доскам забора к толпе.

— На помощь! Полиция!

— Куда лезешь, старик? На кладбище захотел раньше времени? — оттолкнул его детина с куском золотых перил под мышкой, похожим на отрезок железнодорожного рельса.

— Это грабеж! — взвизгнул Харрис и схватился за рельсу.

— Пошел, дурак! — рывкнул рыжий и легонько пнул Харриса в грудь.

Лысый «Пикквик» отлетел на метр и грохнулся на поваленные доски забора. Кто-то наступил ему на пальцы. Он пискнул и замолчал.

— Они раздавят его! — в ужасе закричала Розалия.

— Да погодите вы! — озлился я и, перебежав улицу, выхватил у кого-то из-под ног онемевшего Харриса и, как куль, подтащил его к машине.

— Везите домой, — бросил я шоферу.

Дальнейшая судьба Харриса меня не интересовала. Да и других, пожалуй. Только бородач сказал равнодушно:

— Зря рисковали. Одним хапугой стало бы меньше.

А внимание зрителей было привлечено только что подъехавшей автомашиной, похожей на пожарную, но без шлангов и лестниц, а с короткими и тупыми жерлами, как у пушек на старинных гравюрах.

— Водомет, — сказал кто-то, а бородач заметил с ухмылкой:

— Кажется, начинается последнее действие.

Две мощные водяные струи, как стальные канаты, хлестнули по человеческому муравейнику, облепившему дом. Они ударили сверху и снизу, резанули по фасаду взад и вперед и начали бить в упор по секторам, двигаясь навстречу друг другу. Под ударами воды, сбивавшей с ног, люди падали, подымались, крича и захлебываясь, ползли на четвереньках, пытаясь уйти от водяных смерчей. Одним удалось вынести свою драгоценную добычу, другие растеряли ее под водяными хлыстами, третьи так и остались лежать на покрывших тротуар и часть улицы опрокинутых заборных щитах.

Разметав толпу у дома, водометы ударили по тротуару напротив, хотя там никто никому не мешал. Но водяные струи били без предупреждения и без разбора, словно атакующие стремились убрать всех свидетелей их атаки. Минуту спустя и наша группа была сметена водяным смерчем... Мне показалось, что на меня обрушился водопад. Ничего не видя, зажав нос и рот, чтобы не захлебнуться, опираясь на стену, чтоб не упасть, я кое-как выбрался из зоны водяного обстрела.

Бар был рядом. За столиками уже шумели, обсуждая происшествие. Я не вслушивался. Мокрый насквозь, я взобрался на табурет у стойки и промычал что-то нечленораздельное.

— Там были? — спросил бармен.

— Там, — прохрипел я.

— Я видел. Ужас!

— Ужас, — повторил я. — Чего-нибудь покрепче, Мэтт.

— Вам надо переодеться, сэр. Совсем промокли, сэр.
— Потом, — отмахнулся я. — Шотландского, пожалуйста.

Я пил, пока не согрелся. Потом вернулся домой, благо идти было недолго. Ни участников, ни зрителей спектакля на улице уже не было — только полукольцо солдат на посту возле дома. Он стоял по-прежнему пятиэтажным желтым брусом, но попорченный, как проказой, ямами, вздутиями, рубцами и ссадинами.

— Что с вами, Монти?

Я поднял голову: Сузи.

— Вошла без звонка, Монти. Дверь была открыта.

— Все равно, — сказал я.

Сузи присела возле меня на корточки и захлопотала.

— Не огорчайтесь, Монти. Что сделано, то сделано.

Надо думать, что делать дальше.

— Вы видели? — спросил я.

— Я пришла, когда уже убирали раненых.

— Много?

— Несколько человек. Не так уж много, судя по рассказам о том, что творилось. Вы успокойтесь. Все уже кончилось.

— Нет, не все, — сказал я и мысленно воззвал об уничтожении дома со всем, что от него осталось. Пусть будет пустырь, как и раньше.

— Посмотрите в окно, — сказал я.

Сузи взглянула и вскрикнула:

— Это опять вы?

— Я.

Золотой дом исчез со всеми крупными золотых крошек от стамесок и молотков. Вдоль каменного тротуара тянулся грязный земляной карьер.

— Теперь уже все, — сказал я, — только не знаю, что делать дальше.

— Я говорила с профессором Бруксом, — начала Сузи.

— Ну и что?

— К сожалению, пока ничего. Брукс не хочет вмешиваться. Не верит. Сравнил вас с Адамским.

— Кто это — Адамский?

— Какой-то шарлатан, который писал в американских газетах, что летал в другую галактику на летающем блюде.

— Докатились, — хмыкнул я.

— Я была и у Каммингса в «Дейли трумпет». Рассказала все, как на исповеди. Он явно заинтересовался, но боится рискнуть. Большая сенсация, слишком большая для одной газеты. Нужна, говорит, пресс-конференция. Что-нибудь помасштабнее и с пресс-конференцией можно рискнуть.

— Мне не масштабы нужны, а польза! — запальчиво отрезал я. — Хочется сделать что-нибудь полезное людям. Не хапугам вроде Харриса, а порядочным людям, обиженным жизнью.

Сузи помолчала, потом расцвела. Даже глаза заблестели.

— Я, кажется, придумала.

— Что?

— А если освободить Диаса и Лоретто?

Глава 10

ГЕОГРАФИЯ ВОЛШЕБСТВА

Мигель Диас и Хосе Лоретто были гражданами одной из латиноамериканских республик, где уже около года захватила власть военная клика. Ни того ни другого не за что было ни повесить, ни расстрелять — ни один из них не принадлежал к запрещенным военной диктатурой партиям. Но Диас и Лоретто руководили профессиональным союзом докеров, забастовка которых была явно не в интересах дирижировавших экономикой республики иностранных монополий. Бастующие продержались немногим более месяца, но в конце концов забастовка была сорвана правительственной олигархией, а Диасу и Лоретто предъявили наспех сфабрикованное обвинение в убийстве полицейского офицера, руководившего штурмом забаррикадированного забастовщиками столичного порта в Агиласе. И хотя Мигель и Хосе даже не были в это время в Агиласе, а находились от него за сотню километров, в другом центре забастовки — в порту Альмадене, оба оказались подходящими кандидатами для полицейской расправы. Обоим угрожала смертная казнь, и только полное отсутствие доказательств их виновности вынуждало военную прокурату-

ру откладывать судебный процесс, не суливший обвиняемым никаких надежд на спасение. Ни возмущение прогрессивной общественности всего мира, ни протесты даже немногих легальных общественных организаций Агиласа не поколебали деспотического решения диктаторов. Диас и Лоретто по-прежнему находились в тюрьме, ожидая суда.

Все это я знал из газет и телевизионных передач именно в таком схематичном изложении языком телеграфных агентств, лаконичных сообщений собкоров, редких кадров фото- и кинохроники. И естественно, что судьба Мигеля Диаса и Хосе Лоретто не могла не волновать любого мало-мальски порядочного человека. Однако неожиданное предложение Сузи, признаться, меня ошеломило. Освободить двух мучеников черной деспотии, конечно, чертовски заманчиво, но как это сделать? Предложить невидимкам поднять их в воздух и перенести, скажем, на Кубу? Абсурд! «Невидимки» способны только изменять структуру окружающих нас материальных форм, создавать мощные силовые поля и передвигаться со скоростью света. Но что будет с человеком в движении на такой скорости? Даже не физику ясно: каюк!

Когда я изложил все это Сузи, она засмеялась.

— Зачем все эти сложности, Монти? Разве мы не можем просто уничтожить тюрьму со всеми ее камерами и стенами?

— Так ведь останется тюремная стража с оружием.

— Можно уничтожить и оружие. Невидимки это сумеют.

— Допустим. А дальше?

— У тебя совсем нет воображения, Монти.

— Не знаю. Все это очень сложно.

— Проще простого. Только подумай.

— Не тяни.

— Сразу же начнется паника. Тюрьмы нет, оружия нет. Тюремщики в полной растерянности, кругом суматоха, все разбегаются. Диас и Лоретто, естественно, — тоже. Население кругом дружелюбное — мелкие ранчеры, пеоны, пастухи. Любой поможет.

Я задумался. Что такое Маз-Афуэра — тюрьма, где томились в ожидании несправедного суда Мигель и Хосе, я знал: видел снимки и текст в «Иллюстрейтед ньюс».

Тюрьма была оборудована в почерневшем от времени каменном замке, принадлежавшем когда-то плантатору-южанину и завещанном им полицейской иерархии штата. Замок, построенный на сваях посреди Рио-Бланка, мутной и довольно широкой в этом месте реки в нескольких десятках миль к югу от Агиласа, был огорожен каменной стеной с угловыми башнями для кругового обстрела и причалами для полицейских судов. Ничего деревянного, кроме постельных нар и канцелярской мебели, в тюрьме не было — только металл и камень. Вокруг вода, заболоченные берега, пойма и высушенные трудом издольщиков крохотные участки земли. Бежать действительно будет не трудно и скрыться легко. Диас и Лоретто не преминут, конечно, воспользоваться чудесным исчезновением тюрьмы и, не ломая головы над объяснением случившегося, сбегут вместе с другими заключенными. Кого-то поймают, кому-то удастся и уйти от погони. Лоретто и Диасу это будет легче, потому что едва ли найдется в округе крестьянин, который не счел бы для себя счастьем помочь своим попавшим в беду соплеменникам. Все как будто предвещало удачу, и только одно обстоятельство вызвало сомнение. Сумеют ли невидимки найти нужную точку на карте мира и обнаружить там интересующий нас черный замок? Смогут ли воспользоваться привычными для нас географическими координатами, глобусом и снимками в «Иллюстрейтед ньюс» — номер этого журнала валялся у меня где-то на книжной полке.

— А зачем гадать? — вздернула плечиками Сузи. — Спросите у них сами. Если они еще здесь и смогут откликнуться.

Я последовал ее совету, мысленно предложив для переговоров уже испытанный телевизорный способ.

— Вы еще здесь? — спросил я.

«Да», — ответил беззвучно экран.

— Сможете ли вы найти любое указанное вам место на земном шаре?

«Мы можем связаться с любым полем в любой точке планеты».

— А если поля в данном районе нет?

«Оно возникнет».

— Сумеете ли вы ориентироваться с помощью наших географических координат?

«У нас свои методы ориентации и поиска. Ваши, с помощью так называемых карт, нам чужды, но воспользоваться их указаниями не так уж трудно».

— Тогда смотрите. — Я подошел к глобусу, стоявшему на тумбочке возле книжной полки, и ткнул шариковой ручкой в кружок с надписью «Лондон». — Это Лондон, в центре которого мы находимся.

«Не в центре», — поправил меня экран.

— Согласен, я говорил приблизительно. А теперь перенесемся сюда. — Я повернул глобус и указал на Рио-Бланка — черную ниточку реки близ обведенного кружком Агиласа. Кончик шариковой ручки пополз вверх по течению и дошел до кружочка, отступив от него на полсантиметра. — Нужное мне место находится в нескольких десятках миль южнее этого города, на пересечении соответствующих меридиана и параллели. Меридианы определяют долготу, параллели — широту, — пояснил я. — Счет широт ведется от экватора. Это южные широты, а это — северные. Долготу отсчитывают от гринвичского меридиана, он проходит почти там, где мы сейчас находимся, и ровным кольцом опоясывает Землю от полюса до полюса. Все меридианы Западного полушария определяют западную долготу, меридианы Восточного — восточную. Так вот: наша точка находится как раз на пересечении координат, которые можно обозначить, конечно приблизительно, точно подсчитать не могу. Все ли вам понятно для ориентации?

Экран ответил:

«Пока не все. Постараемся понять. Что вас интересует в этой точке?»

— Замок. Тюремный замок. Он стоит посреди реки, не на берегу, а на воде, на среднем ее течении. Он построен из почти черного камня, внутри находятся металлические конструкции лестниц, решеток, коридоров и камер.

«Что вы хотите?»

— Чтобы замок исчез. Вся его металлическая и каменная структура.

— Деревянные поделки пусть остаются, — добавила Сузи, — и все живое, конечно.

— В понятие металлических структур я включаю все виды оружия, от пулеметов на башнях до личного вооружения охраны, — сказал я. — Вы знаете, что такое оружие?

«Знаем».

— Так сумеете ли вы уничтожить и оружие, и тюремный замок?

«Попробуем конденсацию поля в этом районе», — ответил экран.

— Как долго мне ждать ответа?

«Секунды по вашему исчислению времени».

Экран умолк, но все еще светился. И мы молчали, даже не смотрели друг на друга, я лишь мельком заметил, как у Сузи дрожали пальцы.

Я взглянул на секундомер.

— Восемнадцать секунд. Пока еще ничего нет.

— Подождем.

Двадцать секунд, двадцать три, двадцать восемь, тридцать... Молчание. Найдут ли они этот чертов замок? Вероятно, река, на которой он стоит, мутная, грязно-серая от илистых отложений. И болота на берегу, ядовитая зелень травы, хжины из старых бидонов — «бидонвилли» — на клочках добросовестно ухоженной суши... Сорок секунд, сорок пять... Стрелка ползет к пятидесяти, как поезд, тормозящий у станции.

Экран снова заговорил.

«Мы нашли эту точку».

— А замок?

«Тоже».

— Что с ним?

«Его уже нет».

— Уничтожили?

«Мы называем это иначе».

«Какая разница?!» — захотелось крикнуть мне. Нет больше зловещей тюрьмы, нет ни стен, ни решеток, ни «смит-и-вессонов» у стражников, нет даже пуговиц на их форменках. Ничего каменного и металлического. Никаких запретов и наказаний.

Я мгновенно представляю себе, как это происходило. Первые мгновения — растерянность, испуг, суета. Потом в сознании каждого, как удар молнии, — мысль о свободе. Что случилось? Где тюрьма? А не все ли равно, когда стражники хватаются за оружие, а его нет. Почему нет? Где тут думать, почему нет, если светит солнце и до берега совсем близко — возьми доски из-под нар, вот тебе и плот. Или скамейку — и плыви на ней, как на доске. Заключение уже сообразили, что к чему, и вяжут охранников. Чем вяжут? Веревки же нет под ру-

кой. Но есть подстилки на бывших нарах, их можно разорвать на полосы и скрутить жгутом. А на берегу — кто через болота в тростники, в кустарники поймы, кто в одну из хижин «бидонвиллей» на клочках суши. Диаса и Лоретто не «продадут» — спрячут, а затем на каком-нибудь древнем, замызганном «фордике» доставят обоих на север к партизанам.

Экран все еще светился, словно ожидая вопросов, и я не выдержал, крикнул:

— Почему вы не спрашиваете, зачем мне это?

«Мы знаем все, что ты думаешь. Но это лишено разумной ясности. Хаос. Сумбур. Игра частиц разума, ритмы которых необъяснимы».

И свет и надпись исчезли. Экран потемнел.

— А все-таки мы победили, Монти, — сказала Сузи.

— Победили, — машинально повторил я.

Наполнявшая меня радость вдруг ушла. Голова чуть-чуть кружилась, в глазах рябило, по телу расплзалась, как что-то жидкое, противная слабость, размягчавшая каждый мускул. Руки опустились и отяжелели. Я хотел встать и не мог.

— Что с вами, Монти? — испугалась Сузи.

— Ничего страшного. Должно быть, простудился утром или сказалось напряжение последних минут.

— Сбежать за доктором?

— Отлежусь.

— Я прибегу, если что-нибудь появится в вечерних газетах.

— А что появится, кроме вариантов истории с домом? Она мне уже надоела. Сообщений из Южной Америки, если успеют газетчики, следует ждать в утренних выпусках. Вот и приходите утром — в университете я, пожалуй, не буду.

Глава 11

ПОСЛЕДНЕЕ ЧУДО

Я спал допоздна и насилу встал, от слабости даже качало. Еле съел овсянку за завтраком — и сразу к газетам.

Утренние все еще дожевывали «чудесные превращения дома» пополам с «золотой лихорадкой на улице».

Описания я пропустил, а попытки научнообразно объяснить «любопытное явление материализации и временно-пространственной аритмии» могли вызвать улыбку даже у бродяги из Уайтчепела. Проще высказался епископ Дорчестерский, переадресовавший всех чаявших объяснения к Господу Богу: «Он наказал нас за алчность и корыстолюбие, и незачем обращаться к наукам, когда во всем случившемся только воля его».

Дальше я читать не стал, привлеченный интервью с неким профессором из Кембриджа, не пожелавшим назвать свою фамилию для читателей. Предусмотрительное пожелание: глупость всегда безнаказанна в маске. Оказывается, совмещение пространственных фаз может вызвать дуближ материальных форм в зоне стыка. Такое совмещение легко доказать математически, но физически оно недоказуемо. Метаморфоза кристаллической структуры камня легко объясняется направлением химических реакций в материальных объектах, затронутых таким пространственным совмещением. А золото, мол, чистая случайность, могла быть и медь.

Я уже готов был швырнуть газету на пол, как внимание мое привлекла телеграмма из Агиласа под заголовком: «Еще одно чудо, на этот раз в Южной Америке». Телеграмма кратко сообщала о загадочном исчезновении замка Маз-Афуэра на Рио-Бланка в нескольких десятках миль от Агиласа. Подробностей не было. Подробности редакция обещала в экстренном выпуске.

Выпуск этот принесла мне Сузи около двух часов дня. Самочувствие мое не улучшилось: слабость еще сковывала и глазам не хватало света, чтобы прочитать газетный текст. Он занимал всю первую полосу с жирной шапкой на все шесть колонок: «Чудеса продолжаются. Загадочный чудотворец переехал на другой континент».

«Как мы уже сообщали утром, — гласил текст корреспонденции, — бесследно исчез тюремный замок на реке Рио-Бланка в Южной Америке. Его не разбирали, не взрывали и не ломали. Он просто исчез, растаял, как облачко тумана на солнце. Ученые склонны считать это явлением атомного распада по неизвестным науке причинам. Наиболее поразительно, по их мнению, полное отсутствие проявлений энергии такого распада, эффект

которого в естественных условиях был бы равносильен взрыву атомной бомбы».

Далее корреспондент подробно описывал местоположение замка, его внутреннее устройство, которое он характеризовал, как модернизированное средневековое, его защищенность каменной и водной преградой, почти исключая возможность побега. «Исчезновение здания со всеми перекрытиями, лестницами, камерами и подсобными помещениями произошло рано утром, когда более половины заключенных были на прогулке в тюремном дворе. Его каменные плиты словно кто-то выдернул из-под ног, и все маршировавшие по ним очутились в воде. То, что здание стояло на каменных сваях посреди реки, спасло находившихся в это время на втором и третьем этажах замка. Их падение в воду обошлось без тяжелых последствий — лишь несколько человек получили травмы, ударившись на глубине о свайные выступы, да и то вода смягчила удар. Утонувших тоже не было, одни сумели вплавь добраться до берега, другие спасали не умеющих плавать. Свайные площадки, залитые водой, оказались своеобразными «островками безопасности», где нашли убежище большинство жертв катастрофы».

Ниже газета помещала интервью с начальником тюрьмы, полковником Педро Моралесом, очутившимся в одинаковом положении со своими заключенными.

« — Ваше первое впечатление, полковник? — спрашивал корреспондент.

— Испуг и недоумение. Потом сообразил и взобрался на свайную площадку, оказавшуюся рядом, когда я вынырнул. Жену и тещу спасли заключенные.

— Вы принимали какие-нибудь меры к их временной изоляции?

— Какие меры я мог принять, когда ни у меня, ни у охраны не оказалось оружия. Даже перочинные ножи и те исчезли. А вместе с ними и наручники, и ключи к замкам, и сами замки, и даже металлические крючки на штиблетах.

— Многим ли из ваших подопечных удалось скрыться?

— Нет. Бежало несколько уголовников, доплывших до берега, один пожизненно заключенный и два нар-

комана, находившиеся в момент катастрофы в тюремной больнице. Все прочие остались, в частности парни, отбывавшие срок за участие в студенческих беспорядках. Одному из них, добравшемуся до ближайшего почтового отделения, удалось связаться по телефону с городом и вызвать спасательный полицейский отряд. Через два часа примерно нас сняли со свай.

— А как вели себя Лоретто и Диас?»

Я не мог читать. Буквы прыгали и сливались.

— Не вижу, прочтите вы, — сказал я, передавая газету Сузи.

Она смутилась.

— Не огорчайтесь, Монти. Кто мог знать? Мы же хотели как лучше.

— Читайте, — оборвал я ее.

— «А как вели себя Лоретто и Диас? — повторила Сузи и продолжала: — Похвально. Помогали нашему врачу соорудить нечто вроде нар для травмированных при падении в воду, спасли трех или четырех, не умевших плавать, в том числе и мою жену, упавшую с высоты второго этажа, где находилась наша квартира. Я спросил Лоретто: почему он это сделал, не из желания ли выслужиться передо мной? Он ответил: «Я просто хотел помочь женщине, дон Педро, независимо от того, чья она жена или дочь».

— Может быть, в связи с его поведением суд смягчит приговор?

— Не думаю. Обвинение по-прежнему остается в силе».

Корреспонденту удалось побеседовать и с обвиняемыми, находящимися сейчас в камере для подсудимых при полицейском управлении Агиласа.

« — Почему вы не воспользовались катастрофой и не бежали? Ведь стража не могла вас преследовать, — спросил он у Хосе Лоретто.

— Мы не хотели давать козырь прокуратуре. Побег был бы истолкован как признание вины.

— Зачем же рисковать в такой накаленной обстановке, какая создалась вокруг вас в городе и в стране? В Европе вы могли бы спокойно работать.

— Многие страны, конечно, дали бы нам политическое убежище, — заключил Лоретто, — но мы боролись и будем бороться вместе с нашим народом. Даже в случае судебной расправы выиграют в конечном итоге силы свободы и проиграет насилие».

Я тотчас же подумал, что Вэл бы предугадал этот ответ и предотвратил бы ненужное наше вмешательство. В ушах у меня, как морзянка, повторялись слова Сузи: «Мы же хотели как лучше, Монти». Хотели, да не сумели. Сказка Уэллса не повторилась. Я не мог творить чудеса. Ничего не доказал, ничего не успел и никому не принес никакой пользы. Вредная самодеятельность, сказал бы Вэл. Но у меня уже не хватало времени, чтобы его дождаться.

Я подумал об этом за минуту до того, как снова вспыхнул экран телевизора и последним чудом появилась на нем короткая надпись:

«Мы уходим».

Что-то мелькнуло за окном зеленой зарницей и погасло. Мы с Сузи не сказали друг другу ни слова. Зачем?

В комнату постучали. Вошла Розалия Сомерфилд с телеграфным бланком в руках.

— Вам телеграмма из Москвы, мистер Клайд.

— Прочтите, Сузи, у меня опять рябит в глазах. — Я протянул ей телеграмму, которая, как я понимал, ничего уже не могла изменить.

— «Есть возможность устроить встречу высшем уровне, — прочла Сузи, — Академия наук принципе поддерживает эксперимент тчк Вылетай Москву немедленно тчк Визой порядок Вэл».

— Поздно! — прохрипел я, хватаясь за ручки кресла. Комната закружилась вокруг меня. Закружилась и растеклась черной тушью.

Очнулся я не скоро и тотчас же зажмурился от яркого света. Все кругом было белым-бело, как зимой в альпийской Швейцарии: белоснежная постель, выбеленные стены и потолок, белая пластмассовая крышка стола и белые шторы на широком, во всю стену, окне. Я прислушался: говорили рядом.

— Все еще спит?

— Не так громко, доктор.

— Он не услышит. Слишком слаб. Сон каменный.

— Считаете, что безнадежен?

— Лейкозы вообще трудно излечимы, а этот лейкоз особенный. словно белые тигры в крови.

Голоса смолкли — видимо, обход больных продолжался.

А я сразу все понял.

Наши гости побывали у меня в крови, сменяя друг друга в миллионах трансформаций в секунду. Побывали случайно, никогда ранее не проникая в организмы встречавшихся им форм жизни. У них не было опыта. Мой пример единственный, и они не могли знать, что оставят след, несовместимый с человеческой жизнью. Я ничего не объясняю врачам, подшучиваю над своей болезнью, держусь бодрчком с навещающими меня друзьями — Вэл, получив телеграмму Сузи, тотчас же вылетел в Лондон — и ничего не говорю им о завещании, с которого начал этот рассказ...

И, пожалуй, я все-таки счастлив.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ. Роман	7
СЕЛЕСТА-7000. Роман	177
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ МОГ ТВОРИТЬ ЧУДЕСА. Повесть ...	459

А16 **Абрамов А. и Абрамов С.**
Серебряный вариант: Романы, повесть. — «Классическая библиотека приключений и научной фантастики». — М.: Центрполиграф, 1997. — 523 с.

ISBN 5-218-00360-3

Фантастический роман «Серебряный вариант» — завершающая часть трилогии, включающей романы «Всадники ниоткуда» и «Рай без памяти»: читатели снова встретятся со знакомыми героями — журналистами Юрием Анохиным и Дональдом Мартином.

«Селеста-7000» — роман о встрече с неизвестным. На одном из островов Бермудского архипелага американец Роберт Смайли и двое советских физиков обнаруживают гигантский информарий, засланный некогда на Землю инопланетной цивилизацией и хранящий в необъятной копилке памяти многовековую информацию о нашей планете.

ББК 84.Р7

Литературно-художественное издание
Абрамов Александр Иванович
Абрамов Сергей Александрович
СЕРЕБРЯНЫЙ ВАРИАНТ
Романы, повесть

Редактор Д.О. Хвостова

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор В.Ф. Нефедова

Ответственный корректор В.А. Андриянова

ЛР № 064206 от 10.08.95 г.

Подписано к печати с готовых диапозитивов 26.02.97.

Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская № 2.

Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 27,72.

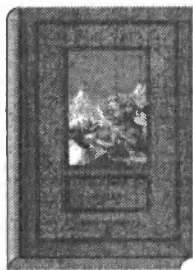
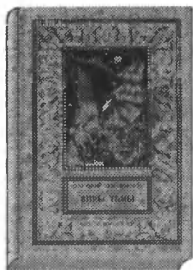
Уч.-изд. л. 29,51. Тираж 10 000 экз. Заказ № 3464

Торгово-издательское объединение «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

ГМП «Первая Образцовая типография»
113054, Москва, Валуевская ул., 28

СЕРИЯ

«КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» (РАМКА)

Приключения, фантастика, вестерн, детективы для юношества и взрослых.

Издательство продолжает выпуск книг полюбившейся нашему читателю серии. Кроме произведений Василия Головачева, признанного писателя-фантаста, читатель встретится с замечательными героями певца необозримых просторов Дикого Запада Луиса Ламура, познакомится с произведениями талантливого шотландского писателя Алистера Стюарта Маклина. В серии займут достойное место произведения выдающихся писателей-фантастов, патриархов — Кира Булычева, Александра Казанцева, Юрия Тупицына, Александра и Сергея Абрамовых, а также писателей нового поколения.

- В.Головачев** «Черный человек» (кн.1, кн. 2)
В.Головачев «Демон»
В.Головачев «Реликт» (том.1, том 2, том 3)
В.Головачев «Вирус тьмы»
В.Головачев «Утечка информации»
В.Головачев «Заповедник смерти»
В.Головачев «Смерш-2»
В.Головачев «Разборки третьего уровня»
В.Головачев «Перехватчик»
В.Головачев «Корректировщик»
Л.Ламур «Ситка»
Л.Ламур «Одинокие боги»
Л.Ламур «Походный барабан»
Л.Ламур «Чертова гора»
Л.Ламур «С попутным ветром»
Ю.Тупицын «Дальняя дорога»
Ю.Тупицын «В дебрях Даль-Гей»
Ю.Тупицын «Инопланетянин»
А.Маклин «Пушки крепости Навароне»
А.Маклин «Золотое рандеву»
А.Маклин «Страх отпирает двери»
А.Маклин «Два дня и три ночи»
А.Маклин «Одиссея крейсера «Улисс»
К.Булычев «На полпути с обрыва»
К.Булычев «Покушение на Тесея»
К.Булычев «Предсказатель прошлого»
К.Булычев «Зеркало зла»
А.Казанцев «Сильнее времени»
А.Казанцев «Фэзты»

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.
 Цена одной книги 16800-17900 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «ЦЕНТРОПОЛИГРАФ»

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111116, Москва, а/я 30, «Центрполиграф»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
Куда	г. Москва, а/я 30	
<hr/>		
Кому	«ЦЕНТРОЛИГРАФ»	
<hr/>		
	Индекс предприятия связи	и адрес отправителя
	680011	г.Хабаровск, ул. Мира,
		д. 10, кв. 5.
		Ивановой Г.П.
<small>Мин связи России. Издательств «Марка» 1992 Э 105870 П111Ф Тольмака 11 55 к</small>		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа.

Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

А. АБРАМОВ
С. АБРАМОВ

•
СЕРЕБРЯНЫЙ
ВАРИАНТ

